ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 12.

ДЕКАБРЬ, 1915.

ПЕТРОГРАДЪ

При этой книгѣ всѣмъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія приложенія: 1. Переводный бланкъ журнала „Вѣстникъ Европы". 2. Переводный бланкъ для подписки на журналъ „Нива" съ приложеніями на 1916 г. Съ заявленіемъ на неполученіе подписного бланка обращаться въ Контору журнала „Нива", Петроградъ, улица Гоголя, 22. 3. Проспекты о подпискѣ на 1916 годъ на журналы „Модный Свѣтъ",—„Женщина",—„Хозяйка",—„Золотая Рыбка",—„20-й Вѣкъ" и „Стрекоза". Лицъ, не получившихъ почему-либо, просятъ увѣдомить въ Контору журнала „Модный Свѣтъ", Петроградъ, 7-я Рождественская, 30, и упомянутые проспекты будутъ высланы имъ безплатно.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1915.

СТРАН.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портреты М. М. Стасюлевича 1866 и 1908 г.г.

I.—ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ".—**К. Арсеньева** . . . . . I—XIV

II.—ПЕРЕДЪ ЛИЦОМЪ СМЕРТИ.—Разсказъ.—*Окончаніе.*—**В. Дмитріевой** 5

III.—ИЗЪ В. ГЮГО.—Стихотвореніе.—**С. Андреевскаго** 53

IV.—ЗЕМНАЯ ПЕЧАЛЬ.—**Бор. Зайцева** 57

V.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**З. Вершининой** 61

VI.—ЛИКИ ВОЙНЫ.—Современная мистерія.—**Н. Минскаго** 62

VII.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Юрія Верховскаго** 71

VIII.—ВЪ ТИШИ.—**Е. Ватманъ** 72

IX.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**З. Вершининой** 78

X.—КЪ РОДНЫМЪ БЕРЕГАМЪ.—**Скитальца (С. Петрова)** 79

XI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Парусъ.—II. Гора Алагалла.—**Ив. Бунина** 97

XII.—ДОМОЙ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ.—**С. Аникина** 99

XIII.—ИЗЪ ЭТЮДОВЪ ПО ПСИХОЛОГІИ ОПТИМИЗМА И ПЕССИМИЗМА.—**Д. Овсянико-Куликовскаго** 127

XIV.—ПЕРВАЯ ДРУЖБА СЪ ПИСАТЕЛЕМЪ.—Страничка изъ воспоминаній.—**Нестора Котляревскаго** 150

XV.—УСПОКОЕНІЕ.—Стихотвореніе.—**Якова Година** 162

XVI.—ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНІЕ СУДЕБЪ РУССКАГО ПРОШЛАГО МЫСЛИТЕЛЯМИ И ПИСАТЕЛЯМИ 30-хъ и 40-хъ ГОДОВЪ.—**Максима Ковалевскаго** . . . 163

XVII.—ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О ВОЙНѢ.—I. Та, которая не знала.—II. Ночное дежурство.—III. Деревенскій пастырь.—IV. Домъ Жанны д'Аркъ.—Пер. съ франц. **М. Славинской** 202

XVIII.—ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЧЕТВЕРТЬ-ФУНТА.—Фредерика Бутэ.—Пер. съ франц. **С. Герты** . 217

XIX.—ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ЛУЧІАНО ЦУККОЛИ.—I. Покойникъ и румяна.—II. По прихоти судьбы.—III. Линія сердца.—Пер. съ итал. **З. Журавской** 244

XX.—ХРОНИКА.—ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ ВОЙНЫ.—**Діонео** 266

XXI.—ВЪ СФЕРѢ ОБЫВАТЕЛЬСКИХЪ ПОНЯТІЙ.—Письмо изъ Рима.—**М. А. Осоргина** . 293

XXII.—СОЦІАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВОЕННАГО ВРЕМЕНИ ВЪ ГЕРМАНІИ.—**М. Лурье** 312

XXIII.—СПОРЪ О ПРИЧИНАХЪ ВОЙНЫ.—**Л. Слонимскаго** 339

XXIV.—НА ТЕМЫ ДНЯ.—Общій характеръ преобразованнаго кабинета.—Съѣздъ „монархистовъ", его полемика съ прогрессивнымъ блокомъ, его общая окраска.—Отсрочка законодательной сессіи.—Новые министры.—**К. Арсеньева** . . . 346

XXV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Министерскія программы во Франціи и въ Англіи.—Британскій оптимизмъ и реальный ходъ событій.—Италія и нейтральныя страны.—Событія въ Персіи и Месопотаміи.—Нѣмецкія мечты о мирѣ.—Рѣчь германскаго канцлера 358

XXVI.—ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Лозунгъ „все для войны" и внутреннія реформы.—Необходимые предѣлы расширенія земскаго и городского избирательнаго права.—Самостоятельность органовъ самоуправленія.—Завершеніе организаціи мѣстнаго самоуправленія сверху и снизу.—Земскій и городской союзы и дѣло помощи бѣженцамъ.—Ф. Ф. Эрисманъ, В. Б. Ломтатидзе, Л. К. Дымша и С. Г. Бередниковъ †.—**В. Кузьмина-Караваева** 373

XXVII.—КЪ СТОПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.—**Максима Ковалевскаго** 389

XXVIII.—ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ НАШИХЪ КООПЕРАТИВНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.—**А. Посникова** 400

XXIX.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ 406

XXX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 417

XXXI.—НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 419

XXXII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" въ 1915 г. 422

XXXIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ 437

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

49 г.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

ДЕКАБРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Петроградъ, Б. Подъяч., 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ. — ДЕКАБРЬ.

СТРАН.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портреты М. М. Стасюлевича 1866 и 1908 г.г.

I. ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ".—**К. Арсеньева** . . . . . I—XIV

II. ПЕРЕДЪ ЛИЦОМЪ СМЕРТИ.—Разсказъ.—Окончаніе.—**В. Дмитріевой**. . 5

III. ИЗЪ В. ГЮГО.—Стихотвореніе.—**С. Андреевскаго** 53

IV. ЗЕМНАЯ ПЕЧАЛЬ.—**Бор. Зайцева** 57

V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**З. Вершининой**. 61

VI. ЛИКИ ВОЙНЫ. — Современная мистерія.—**Н. Минскаго**. 62

VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Юрія Верховскаго** 71

VIII. ВЪ ТИШИ.—**Е. Ватманъ**. 72

IX. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**З. Вершининой** 78

X. КЪ РОДНЫМЪ БЕРЕГАМЪ.—**Скитальца (С. Петрова)** 79

XI. СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Парусъ.—II. Гора Алагалла.—**Ив. Бунина**. . . . 97

XII. ДОМОЙ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ. — **С. Аникина**. 99

XIII. ИЗЪ ЭТЮДОВЪ ПО ПСИХОЛОГІИ ОПТИМИЗМА И ПЕССИМИЗМА. — **Д. Овсянико-Куликовскаго** 127

XIV. ПЕРВАЯ ДРУЖБА СЪ ПИСАТЕЛЕМЪ. — Страничка изъ воспоминаній. — **Нестора Котляревскаго** 150

XV. УСПОКОЕНІЕ.—Стихотвореніе.—**Якова Година** 162

XVI. ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНІЕ СУДЕБЪ РУССКАГО ПРОШЛАГО МЫСЛИТЕЛЯМИ И ПИСАТЕЛЯМИ 30-хъ и 40-хъ ГОДОВЪ. — **Максима Ковалевскаго**. 163

XVII. ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О ВОЙНѢ. — I. Та, которая не знала.—II. Ночное дежурство.—III. Деревенскій пастырь.—IV. Домъ Жанны д'Аркъ. — Пер. съ франц. **М. Славинской**. 202

XVIII. ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЧЕТВЕРТЬ-ФУНТА.—Фредерика Бутэ.—Пер. съ франц. **С. Герты** 217

XIX. ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ЛУЧІАНО ЦУККОЛИ. — I. Покойникъ и румяна.— II. По прихоти судьбы.—III. Линія сердца.—Пер. съ итал. **З. Журавской** . 244

XX. ХРОНИКА.—ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ ВОЙНЫ. — **Діонео** 266

XXI. ВЪ СФЕРѢ ОБЫВАТЕЛЬСКИХЪ ПОНЯТІЙ. — Письмо изъ Рима.—**М. А. Осоргина** 283

XXII. СОЦІАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВОЕННАГО ВРЕМЕНИ ВЪ ГЕРМАНІИ.—**М. Лурье** 312

XXIII. СПОРЪ О ПРИЧИНАХЪ ВОЙНЫ.—**Л. Слонимскаго** 339

XXIV. НА ТЕМЫ ДНЯ.—Общій характеръ преобразованнаго кабинета. — Съѣздъ „монархистовъ", его полемика съ прогрессивнымъ блокомъ, его общая окраска. — Отсрочка законодательной сессіи. — Новые министры.— **К. Арсеньева** 346

XXV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Министерскія программы во Франціи и въ

СТРАН.

Англіи.—Британскій оптимизмъ и реальный ходъ событій.—Италія и нейтральныя страны.—Событія въ Персіи и Месопотаміи.—Нѣмецкія мечты о мирѣ.—Рѣчь германскаго канцлера. 358

XXVI. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Лозунгъ „все для войны" и внутреннія реформы. — Необходимые предѣлы расширенія земскаго и городского избирательнаго права.—Самостоятельность органовъ самоуправленія. — Завершеніе организаціи мѣстнаго самоуправленія сверху и снизу.—Земскій и городской союзы и дѣло помощи бѣженцамъ.—Ф. Ф. Эрисманъ, В. Б. Ломтатидзе, Л. К. Дымша и С. Г. Бередниковъ †.— **В. Кузьмина-Караваева** 373

XXVII. КЪ СТОПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.—**Максима Ковалевскаго** 389

XXVIII. ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ НАШИХЪ КООПЕРАТИВНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.— **А. Посникова** 400

XXIX. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. Саводникъ. Забытыя страницы И. С. Тургенева.—Старина и новизна. Историческій сборникъ о-ва ревнителей русск. истор. просвѣщенія въ память Александра III. Книга XIX.—Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей С. Мельгунова и П. Сидорова. Т. II. Изданіе „Задруги" и К. Ф. Некрасова. **Ч. В—аго.**—Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1913 г. Изданіе управленія главнаго врачебнаго инспектора.—**В. Б—а.** — Августъ Серментъ. „Вай". — **А. Дермана** 406

XXX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 417

XXXI. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 419

XXXII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" въ 1915 г. 422

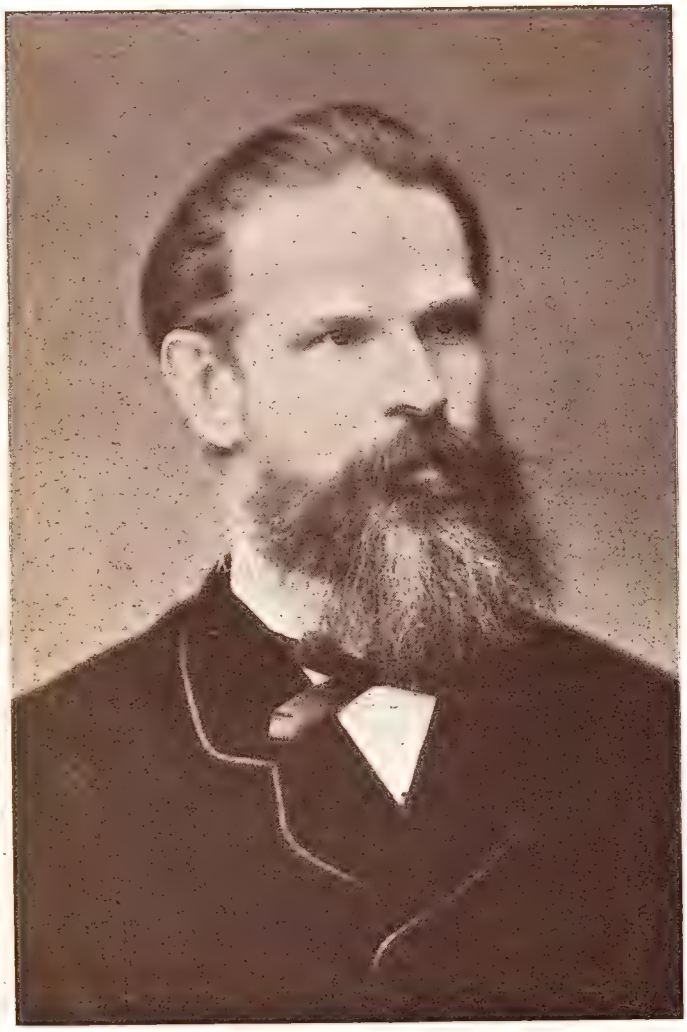
XXXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 432

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

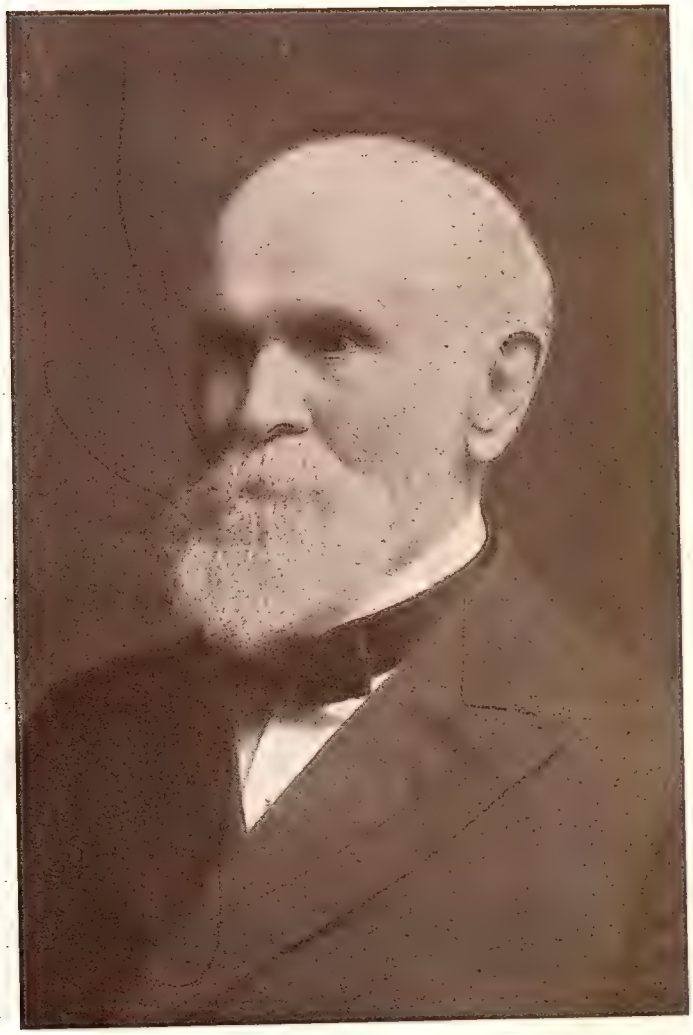
Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село, Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).



М. М. СТАСЮЛЕВИЧЪ
1866 г.



М. М. СТАСЮЛЕВИЧЪ
1908 г.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

(1866—1915).

Съ настоящей книжкой заканчивается пятидесятилѣтіе существованія «Вѣстника Европы». Столь долгій, сравнительно, срокъ жизни былъ данъ до сихъ поръ немногимъ русскимъ періодическимъ изданіямъ. Изъ газетъ—если не считать Московскихъ и С.-Петербургскихъ (Петроградскихъ) Вѣдомостей, застрахованныхъ отъ смерти принадлежностью ихъ казеннымъ учрежденіямъ,—за черту полувѣка переступили (два года тому назадъ) однѣ лишь «Русскія Вѣдомости»; изъ ежемѣсячныхъ журналовъ вступилъ во второе пятидесятилѣтіе—и почти тотчасъ же послѣ того сошелъ со сцены—только «Русскій Вѣстникъ», много разъ, притомъ, переходившій изъ рукъ въ руки, а иногда и съ одного берега на другой. Въ исторіи «Вѣстника Европы» не было ни перерывовъ, ни рѣзкихъ скачковъ. Въ теченіе сорока трехъ лѣтъ во главѣ журнала стоялъ его основатель, М. М. Стасюлевичъ; твердо установившимся при немъ традиціямъ преемники его остались вѣрными. Эта вѣрность не имѣетъ ничего общаго съ неподвижностью; съ измѣненіемъ условій жизни измѣняются и требованія, предъявляемыя ею къ журналу.

Говоря, семь лѣтъ тому назадъ, о прошломъ «Вѣстника Европы» [1]), я напомнилъ обстоятельства, при которыхъ онъ появился на свѣтъ. Въ 1865 г. среди газетъ, начинавшихъ тогда получать серьезное значеніе, не было ни одной, которая служила бы органомъ «лѣвыхъ» направленій. Тогдашніе «правые» располагали «Московскими Вѣдомостями», незадолго передъ

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ 1909 г. № 1, стр. 216.

тѣмъ перешедшими къ Каткову и Леонтьеву, тогдашній «центръ» — «С.-Петербургскими Вѣдомостями», редакторомъ которыхъ былъ В. Ѳ. Коршъ; промежуточныя мнѣнія находили выраженіе въ «Голосѣ» А. А. Краевскаго. Въ средѣ толстыхъ журналовъ всего менѣе благопріятно было положеніе «центра». На правой сторонѣ стоялъ Катковскій «Русскій Вѣстникъ», въ то время еще далекій отъ позднѣйшаго упадка и украшавшійся именами Льва Толстого, Тургенева, Достоевского; на лѣвой сторонѣ блестѣли, хотя и нѣсколько ослабѣвшимъ свѣтомъ, «Современникъ» и «Русское Слово»; по срединѣ зіяло пустое пространство, котораго не могли заполнить обезцвѣченныя «Отечественныя Записки». А между тѣмъ, передъ «центромъ» открывались тогда широкія, важныя задачи. Къ нему примыкали сторонники безостановочнаго движенія по той дорогѣ, на которую вступила Россія въ эпоху «великихъ реформъ». Послѣдняя, по времени, изъ этихъ реформъ (законъ 6-го апрѣля о печати) состоялась именно въ 1865-мъ году; тѣмъ не менѣе легко было предвидѣть, что преобразовательной работѣ, и прежде нѣсколько разъ замедлявшейся или прерывавшейся, грозитъ опасность незаконченности и даже частичнаго разрушенія. Нужно было охранять сдѣланное и настаивать на осуществленіи всего задуманнаго, во всей его полнотѣ и со всѣми логическими изъ него выводами. Исполнять эту задачу журналу было легче, чѣмъ газетамъ, къ которымъ съ особенною подозрительностью относилась правительственная власть. Отсюда потребность въ новомъ журналѣ, который, оставаясь одинаково свободнымъ отъ воздыханій о прошломъ и отъ стремленія покончить съ нимъ сразу, освѣщалъ бы путь, ведущій къ завѣтной цѣли. Такимъ журналомъ и долженъ былъ стать «Вѣстникъ Европы». Выходившій сначала четыре раза въ годъ, по примѣру англійскихъ трехмѣсячниковъ, и отводившій главное мѣсто статьямъ историческаго содержанія, онъ вскорѣ началъ помѣщать обзоры текущихъ событій, останавливаясь въ особенности на судьбахъ мѣстнаго самоуправленія. Къ концу второго года изданіе на столько окрѣпло, что могла возникнуть мысль объ обращеніи его въ ежемѣсячный журналъ обычнаго типа. Съ января 1868-го года «Вѣстникъ Европы» получилъ свою настоящую форму. Въ тоже самое время «Отечественныя Записки», перейдя въ руки Некрасова, какъ бы воскресили «Современникъ», и въ линіи «толстыхъ» журналовъ, протянувшейся слѣва направо, не осталось рѣзкихъ пробѣловъ.

Тяжелое время наступило тогда для Россіи; тяжелымъ было и положеніе прогрессивной печати, независимо отъ степени

ея «лѣвизны». Изданіемъ городового положенія 1870-го года завершился циклъ «великихъ реформъ»; но еще раньше многое изъ пріобрѣтеннаго на этомъ пути было взято подъ сомнѣніе, остановлено въ своемъ развитіи, сведено къ минимуму, урѣзано, извращено. Крестьянскій вопросъ считался разрѣшеннымъ окончательно и всецѣло, болѣе не существующимъ, хотя все ярче и ярче обнаруживались признаки упадка благосостоянія среди народной массы. Область дѣйствія новыхъ судовъ расширялась медленно; судебнымъ уставамъ наносились чувствительные удары. Земскія учрежденія, ограниченныя въ своихъ средствахъ, стѣсненныя въ своихъ функціяхъ, далеко не всегда и не вездѣ справлялись съ своими скромными задачами. Народному образованію со всѣхъ сторонъ грозила опасность: подъ университетскій уставъ велся подкопъ, средней школѣ былъ данъ ходъ назадъ, начальная школа служила не столько предметомъ заботы, сколько объектомъ многосторонняго надзора—дворянскаго, церковнаго, полицейскаго и инспекціоннаго. Печать, которая одна только могла вносить нѣкоторый свѣтъ въ сгущавшуюся тьму, была со всѣхъ сторонъ охвачена административнымъ произволомъ. Плыть противъ теченія становилось все труднѣе и труднѣе. Иногда порывистою, иногда постепенно, но неудержимо поднимающеюся волною вливалось обратно въ жизнь только что признанное выморочнымъ. Отстаивать сдѣланное было иногда столь же опасно, какъ и требовать его продолженія и завершенія. Съ особенною ясностью это показала многолѣтняя борьба «Вѣстника Европы» съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, не разъ ставившая журналъ на край гибели. Предвидя громадный вредъ, который должно принести насажденіе на русской почвѣ толстовскаго псевдоклассицизма, «Вѣстникъ Европы» неутомимо возставалъ противъ проекта гимназическаго устава и съ неослабѣвающей энергіей раскрывалъ результаты реформы, когда она совершилась. Успѣшнѣе, до поры до времени, была его защита университетскаго устава 1863-го года; испорченный на практикѣ, онъ формально, нѣкоторое время, сохранялъ свою силу. Бывали моменты, когда споръ между журналомъ и всемогущимъ министромъ принималъ характеръ настоящаго единоборства. Графъ Д. А. Толстой, перенося на русскую почву пріемы, изобрѣтенные воинствующимъ бонапартизмомъ, засыпалъ «Вѣстникъ Европы» длиннѣйшими «сообщеніями»; журналъ, выждавъ обязательный для него мѣсячный срокъ, противопоставлялъ опроверженію новые, нелегко опровержимые доводы и факты. Кульминаціоннаго пункта этотъ своеобразный, единственный въ своемъ

родѣ споръ достигъ въ 1879 г., когда книжка журнала, арестованная по настоянію гр. Толстого, была выпущена въ свѣтъ по постановленію комитета министровъ. Такія побѣды были рѣдки, журналу приходилось идти на неизбѣжныя уступки; но нравственное торжество оставалось на сторонѣ «Вѣстника Европы», и безъ преувеличенія можно сказать, что полемика, длившаяся цѣлыхъ десять лѣтъ, немало способствовала зарожденію и укрѣпленію ненависти къ зловредному толстовскому режиму. Выдающуюся роль въ защитѣ истинныхъ интересовъ школы игралъ самъ М. М. Стасюлевичъ, по университетскому вопросу горячо поддерживаемый В. И. Герье, по гимназическому, да и по всѣмъ другимъ — Л. А. Полонскимъ. И русское общество не оставалось равнодушнымъ къ усиліямъ журнала охранить интересы учащихся поколѣній. Наибольшаго распространенія «Вѣстникъ Европы» достигъ именно въ самый разгаръ спора о средней школѣ. Въ одномъ, однако, надо отдать справедливость гр. Д. А. Толстому: вѣря въ себя и въ свою силу, онъ надѣялся справиться съ упрямымъ журналомъ «своими средствами» и не призывалъ противъ него административныхъ каръ, навлечь которыя на «Вѣстникъ Европы» ему, безъ сомнѣнія, было бы нетрудно. Менѣе терпимой оказалась, какъ и слѣдовало ожидать, высшая полицейская власть; она не хотѣла допустить, чтобы въ ея собственныхъ дѣйствіяхъ могла быть усмотрѣна и указана одна изъ причинъ неудовольствія, быстро разраставшагося въ широкихъ кругахъ общества. Когда въ статьѣ о политическомъ процессѣ 1871-го года была высказана мысль, что «участіе молодыхъ людей въ тайномъ обществѣ было вызвано стѣснительными со стороны правительства мѣрами», это было признано «возбужденіемъ недовѣрія къ правительству, обнаруживающимъ вредное направленіе журнала»—и «Вѣстникъ Европы» получилъ первое предостереженіе. Два года спустя, однимъ изъ поводовъ ко второму предостереженію послужила высказанная (въ статьѣ А. Н. Пыпина) мысль о томъ, что «осужденное въ 1849 г. преступное общество (т. е. петрашевцы) возникло будто бы вслѣдствіе мѣръ самого правительства». Не ограничиваясь, такимъ образомъ, самозащитой, А. Е. Тимашевъ и гр. П. А. Шуваловъ простирали свою охрану на давно сошедшихъ въ могилу своихъ предшественниковъ... Другой мотивъ второго предостереженія заключался въ томъ, что въ статьѣ: «Передѣлка судебныхъ уставовъ» (В. И. Лихачева) «подрывалось довѣріе къ правительству». Министерство юстиціи, именно въ то время систематически портившее судебные уставы,

находило, очевидно, что для достиженія намѣченной цѣли необходимо почтительное молчаніе печати. Лѣтомъ 1873-го года участь «Вѣстника Европы» казалась предрѣшенной; М. М. Стасюлевичъ ожидалъ съ минуты на минуту пріостановки журнала, за которою почти неминуемо должно было послѣдовать его прекращеніе. Гроза, однако, не разразилась; слишкомъ неудобнымъ, по всей вѣроятности, было признано прямолинейное проведеніе принципа, отожествляющаго критику правительственныхъ мѣръ съ порицаніемъ—или даже отрицаніемъ—власти.

Послѣ короткаго и слабаго просвѣта, который принесла съ собою «диктатура сердца», Россія вновь очутилась на перепутьѣ. Вопросъ: впередъ или назадъ?—былъ поставленъ на очередь съ особой силой. Для тѣхъ, кто стоялъ за первое рѣшеніе, больше чѣмъ когда-либо стало ясно, что пагубная неустойчивость преобразованій обусловливается отсутствіемъ общаго для нихъ фундамента, зыбкостью почвы, на которой производились политическіе эксперименты. «Параллельно съ потребностью въ реформахъ,—говорилъ «Вѣстникъ Европы» мѣсяцъ спустя послѣ катастрофы 1-го марта,—растетъ потребность въ гарантіяхъ, въ гарантіяхъ для лицъ и для учрежденій. Гарантія—это увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, необходимая въ общественной жизни не меньше, чѣмъ въ частной; это—залогъ правильнаго, безповоротнаго развитія, это—ручательство въ томъ, что обществу не придется, какъ Сизифу, постоянно повторять одну и ту же работу, и какъ Танталу — никогда не пользоваться ея плодами». Годъ спустя, перечисляя главныя desiderata русскаго либерализма, «Вѣстникъ Европы» рѣшительно высказывался за «сочинительство», т. е. за созданіе «новыхъ формъ для новаго содержанія, новыхъ средствъ для новыхъ задачъ». Сочинить надлежало, очевидно, способъ перехода отъ абсолютизма къ народному представительству — именно *народному*, т. е. обнимающему собою всѣ элементы населенія. Работа сочинительства «должна была быть предпринята не только *для народа*, но и *съ участіемъ народа*. Отсюда ея *самобытность*—но самобытность не мистическая, а реальная, самобытность не въ смыслѣ разъ навсегда даннаго символа вѣры, а въ смыслѣ особенностей, выработанныхъ исторіей, постоянно измѣняющихся, поддающихся дѣйствію самыхъ различныхъ причинъ и въ свою очередь обусловливающихъ собою самыя различныя послѣдствія». Въ то время, когда писались эти слова, только что закончился фазисъ земскихъ ходатайствъ, направленныхъ къ избранію уполномоченныхъ отъ всѣхъ земствъ имперіи для обсужденія всѣхъ важ-

нѣйшихъ вопросовъ внутренняго управленія. Поддерживая этотъ способъ перехода къ новому порядку, какъ самый простой и легкоосуществимый, «Вѣстникъ Европы» настаивалъ на томъ, чтобы къ избранію уполномоченныхъ были призваны не губернскія земскія собранія обычнаго состава, слишкомъ одноцвѣтныя, слишкомъ далекія отъ народной массы, а такія, образованныя ad hoc коллегіи, которыя «представляли бы собою, въ правильной пропорціи, всѣ составные элементы земства».

Съ лѣта 1882-го года, т. е. со времени вступленія гр. Д. А. Толстого въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, вопросъ объ измѣненіи государственнаго строя надолго исчезаетъ изъ обихода русской жизни. Одинаково запретный для земства и для прогрессивныхъ органовъ легальной печати, онъ сохраняетъ, конечно, свою остроту или, лучше сказать, обостряется тѣмъ больше, чѣмъ меньше становится доступнымъ для гласнаго обсужденія; но на открытой сценѣ предметомъ борьбы являются другія темы. Углубляясь и разростаясь, реакція выходитъ далеко за предѣлы, достигнутые ею въ семидесятыхъ годахъ. По всей линіи дается ходъ назадъ; рѣчь идетъ уже не о частичныхъ урѣзкахъ новизны, а о полномъ возвратѣ къ прошлому. Прежде всего измѣнилось къ худшему положеніе печати. Гр. Толстой, испытавшій на себѣ, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, неудобства открытой борьбы съ сколько-нибудь свободнымъ словомъ, поспѣшилъ наложить на него новыя, тяжелыя путы. «Временныя» правила 1882-го года—дѣйствовавшія почти четверть вѣка—грозили непокорнымъ возстановленіемъ предварительной цензуры. Въ 1884 г. изданъ новый университетскій уставъ и положено основаніе преобразованной церковно-приходской школѣ, прямымъ назначеніемъ которой было пониженіе уровня народнаго образованія. Одинъ за другимъ нанесены были удары несмѣняемости судей, судебной гласности, компетенціи суда присяжныхъ. Введеніе земскихъ начальниковъ знаменовало собою не только возвратъ къ смѣшенію властей судебной и административной, но и низведеніе крестьянства на степень безправной массы. Земское и городское самоуправленіе было взято подъ административный присмотръ. Помѣстному дворянству было возвращено внѣшне господствующее положеніе въ мѣстной жизни, совершенно не соотвѣтствующее нравственнымъ и умственнымъ его силамъ. Для того, чтобы поднять его матеріальное благосостояніе, былъ предпринятъ рядъ мѣръ, шедшихъ въ разрѣзъ съ общегосударственными интересами и все же не достигавшихъ своей ближайшей цѣли. Зачатки вѣротерпимости, положенные

въ основу закона 3-го мая 1883-го года, были заглушены торжествомъ побѣдоносцевскаго режима; искусственное насажденіе или огражденіе православія тяжело отзывалось не только на старообрядцахъ и сектантахъ, но и на католикахъ, лютеранахъ, даже на магометанахъ и язычникахъ. Быстрые успѣхи не только въ правительственныхъ, но и въ общественныхъ сферахъ дѣлалъ узкій націонализмъ, обострявшій старые «роковые» вопросы и присоединявшій къ нимъ новые, (напр., финляндскій). На путяхъ къ образованію создавались небывалыя до тѣхъ поръ преграды; закрывались высшіе женскіе курсы, принимались мѣры противъ допущенія «кухаркиныхъ дѣтей» въ среднюю школу. Увеличивались государственные доходы, но падало народное благосостояніе; неурожаи начала девятидесятыхъ годовъ раскрыли поистинѣ ужасающую картину обѣднѣнія великорусской деревни. Одряхлѣвшій государственный строй видимо клонился къ упадку; чѣмъ больше принималось мѣръ для его укрѣпленія, тѣмъ больше расшатывались его основы. Подойти къ вопросу съ этой стороны легальная пресса не могла; въ своемъ непосредственномъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью она должна была ограничиваться защитой пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ короткіе годы движенія, и критикою «преобразованій на оборотъ», пытавшихся оживить неспособное къ жизни. Въ предостереженіи, данномъ «Вѣстнику Европы» въ декабрѣ 1889-го года, журналу было поставлено въ вину, что онъ «въ цѣломъ рядѣ статей относится не иначе, какъ съ осужденіемъ, къ важнѣйшимъ мѣропріятіямъ правительства». Это указаніе было совершенно вѣрно—и «не иначе, какъ съ осужденіемъ», «Вѣстникъ Европы» продолжалъ относиться къ правительственнымъ мѣрамъ и въ послѣдніе годы царствованія Александра III-го. Такой же характеръ имѣлъ и общій обзоръ царствованія, данный журналомъ вслѣдъ за кончиной императора. Въ концѣ этого обзора было повторено сказанное вслѣдъ за катастрофой 1-го марта о необходимости «преобразовательной работы, совершенной съ участіемъ общества». Какъ и за четырнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, эти слова выражали собою широко распространенное настроеніе, нашедшее откликъ въ земскихъ сферахъ. Исключительно благопріятный моментъ былъ, къ несчастію, упущенъ; послѣ короткаго колебанія, правительство продолжало идти все дальше и дальше по пути реакціи. Этимъ опредѣлялся и образъ дѣйствій «Вѣстника Европы». Ему въ то время ставилась въ вину вѣрность его «все той же позиціи»; но его могло только укрѣпить въ ней все предпринимавшееся въ пользу дворянства, противъ земства, противъ печати, противъ «упорствующихъ»

уніатовъ, противъ окраинъ, особенно противъ Финляндіи. Новое предостереженіе, данное «Вѣстнику Европы» въ началѣ 1899-го года, было мотивировано «вреднымъ направленіемъ, проявлявшимся неоднократно въ статьяхъ этого журнала, касавшихся правительственныхъ мѣропріятій въ Финляндіи».

Не принадлежа ни къ одному изъ крайнихъ направленій, служа представителемъ «центра», «Вѣстникъ Европы» могъ считаться, среди ежемѣсячныхъ журналовъ, типичнымъ органомъ русскихъ «либераловъ»; но русскій либерализмъ всегда имѣлъ мало общаго съ либерализмомъ западно - европейскимъ, буржуазнымъ, отъ котораго съ теченіемъ времени отдалялся все больше и больше. Особенно замѣтнымъ это расхожденіе стало въ восьмидесятыхъ годахъ, когда быстро усложнявшаяся жизнь обострила одни экономическіе вопросы, вновь выдвинула на очередь другіе. Во многомъ расходясь съ народничествомъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, «Вѣстникъ Европы» шелъ съ нимъ рука объ руку въ защитѣ общиннаго землевладѣнія. Когда, въ 1893 г., былъ поставленъ на очередь вопросъ объ ограниченіи передѣловъ, нашъ журналъ возражалъ противъ предоставленія административнымъ должностнымъ лицамъ такой власти, которая должна принадлежать только хозяину земли— міру. Охраняя особенности крестьянскаго земельнаго права, онъ высказывался за гражданскую равноправность крестьянъ, за привлеченіе всѣхъ сословій къ уплатѣ мірскихъ сборовъ, за все, направленное къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, за свободу труда наемныхъ сельскихъ рабочихъ. Постоянную поддержку находили въ немъ всѣ мѣры, имѣвшія цѣлью охрану труда фабричныхъ рабочихъ, всѣ финансовыя реформы, клонившіяся къ болѣе справедливому распредѣленію податного бремени: расширеніе сферы дѣйствій налога на наслѣдства, введеніе налога на доходы съ капиталовъ, квартирный налогъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ онъ стоялъ, какъ стоитъ и теперь, за прогрессивный подоходный налогъ. Онъ всегда возставалъ противъ софизмовъ, съ помощью которыхъ опровергалось право государства на вмѣшательство въ дѣла кредитныхъ учрежденій и желѣзнодорожныхъ обществъ. Борьба всегда велась «Вѣстникомъ Европы» по направленію вправо; расходясь съ лѣвыми въ выборѣ средствъ дѣйствія, онъ былъ во многомъ близокъ къ нимъ по цѣлямъ и не считалъ возможнымъ вступать въ полемику съ тѣми, кто обреченъ на вынужденное молчаніе.

Когда началось освободительное движеніе, «Вѣстникъ Европы» сталъ на сторону перехода къ истинно конституціонному

строю, т. е. на сторону большинства ноябрьскаго земскаго съѣзда, высказавшагося противъ «законосовѣщательныхъ» учрежденій и за призывъ народнаго представительства къ участію въ законодательной власти. Придавая особую важность скорѣйшему осуществленію новаго порядка, журналъ сначала считалъ возможнымъ построить его, на первое время, на земскомъ фундаментѣ, раздвинутомъ и укрѣпленномъ привлеченіемъ къ нему народной массы; но когда запоздалость рѣшенія сдѣлала неизбѣжной большую его прямолинейность, онъ призналъ необходимость всеобщей подачи голосовъ. Изъ всѣхъ партійныхъ программъ, появившихся на свѣтъ въ памятные октябрьскіе дни 1905-го года, наиболѣе близкой къ стремленіямъ «Вѣстника Европы» была программа конституціонно-демократической партіи, съ политическими требованіями соединявшая цѣлый рядъ соціальныхъ. Сдѣлаться однимъ изъ органовъ этой партіи «Вѣстникъ Европы» не могъ, главнымъ образомъ, потому, что не доводилъ такъ далеко, какъ она, понятіе о партійной дисциплинѣ. Вмѣстѣ съ желаніемъ формулировать точнѣе нѣкоторые пункты программы— въ особенности тѣ, которые относились къ земельному вопросу,— это побудило редакцію журнала усвоить себѣ программу образовавшейся, въ началѣ 1906-го года, партіи демократическихъ реформъ. Этой программѣ онъ остался вѣренъ и тогда, когда перестала существовать партія, какъ организованное цѣлое; этой программѣ онъ остается вѣрнымъ и теперь. Солидарный, во всемъ существенномъ и главномъ, съ тѣми фракціями Госуд. Думы, которыя, рѣзко отдѣляясь отъ октябристовъ, образуютъ такъ называемую отвѣтственную оппозицію, «Вѣстникъ Европы», служитъ, по мѣрѣ силъ, дѣлу глубокаго обновленія русской жизни.

Если рѣдка, у насъ въ Россіи, долговѣчность журнала, то еще рѣже долговѣчность редактора. Сорокъ три года непрерывной, напряженной редакторской работы, выпавшіе на долю М. М. Стасюлевича—явленіе совершенно исключительное въ исторіи русской литературы. Создавъ «Вѣстникъ Европы» при условіяхъ, мало благопріятныхъ для роста періодической прессы, онъ провелъ его невредимымъ и вѣрнымъ своему знамени черезъ долгіе періоды соннаго застоя и бодрствующей реакціи, лишь изрѣдка чередовавшіеся съ чѣмъ-то похожимъ на блѣдный разсвѣтъ. Ему приходилось постоянно стоять на стражѣ, про-

водить журналъ между мелями безсодержательности и подводными камнями «опасныхъ вопросовъ». Нелегка, конечно, была задача его преемниковъ, но они—по крайней мѣрѣ до наступленія военнаго времени—не знали тягостныхъ «дней обожданія», рѣшавшихъ, при прежнемъ порядкѣ, участь каждой книжки; они были избавлены отъ переговоровъ съ цензурными властями, ставившихъ на выборъ «добровольныя» урѣзки—или неизбѣжное крушеніе. Эти переговоры М. М. всегда велъ самъ, съ большимъ дипломатическимъ искусствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большою твердостью; въ критическія минуты онъ смѣло шелъ навстрѣчу явной опасности. Онъ никогда не стѣснялъ свободу своихъ ближайшихъ сотрудниковъ; спѣвшись съ ними въ общемъ, онъ предоставлялъ каждому изъ нихъ идти своей дорогой. Журналъ былъ ему дорогъ, какъ любимое дитя; но еще выше, чѣмъ существованіе журнала, онъ цѣнилъ его независимость и послѣдовательность въ проведеніи однажды усвоенныхъ взглядовъ. Въ послѣдніе годы онъ писалъ для журнала сравнительно мало, но съ прежнимъ вниманіемъ слѣдилъ за каждой новой его страницей. И онъ умѣлъ стать и оставаться до конца средоточіемъ литературнаго кружка, служившаго опорой для него самого и для всѣхъ раздѣлявшихъ съ нимъ заботу о журналѣ.

Первыми по времени членами этого кружка были коллеги М. М. Стасюлевича по петербургскому университету, одновременно съ нимъ оставившіе свои каѳедры по поводу студенческихъ волненій 1861-го года: К. Д. Кавелинъ, В. Д. Спасовичъ, Б. И. Утинъ и А. Н. Пыпинъ (послѣдній, въ началѣ 1866-го года, былъ еще однимъ изъ редакторовъ «Современника», и потому примкнулъ къ «Вѣстнику Европы» лишь нѣсколько позднѣе). Б. И. Утинъ, слабый здоровьемъ, заваленный работой какъ членъ окружнаго суда, затѣмъ судебной палаты, писалъ въ «Вѣстникѣ Европы« сравнительно мало и недолго; онъ скончался въ 1872 г. Большую роль въ новомъ дѣлѣ сыграли остальные товарищи М. М. Стасюлевича, поддерживавшіе журналъ своимъ сочувствіемъ, слѣдившіе за каждымъ его шагомъ, радовавшіеся его радостями и скорбѣвшіе его скорбями. К. Д. Кавелинъ отдалъ «Вѣстнику Европы» капитальные свои труды: «Задачи психологіи», «Задачи этики», «Крестьянскій вопросъ». Въ дружескія бесѣды ближайшихъ сотрудниковъ журнала онъ вносилъ богатый запасъ разнообразныхъ наблюденій, горячій интересъ къ народной жизни, неумолимое осужденіе всего идущаго въ разрѣзъ съ народнымъ благомъ. Не допуская никакихъ компромиссовъ, никогда не скрывая своего мнѣнія о лицахъ и дѣлахъ, онъ слу-

жилъ совѣтникомъ для сомнѣвающихся, поддерживалъ колеблющихся, ободрялъ теряющихъ вѣру въ себя и въ будущее. Истинный другъ крестьянства, онъ зналъ настроеніе деревни и точно приносилъ съ собою ея запахъ въ отдаленный отъ нея и часто забывающій о ней городъ. Спасовичъ, глубоко преданный Польшѣ и въ то же время неисчислимыми нитями связанный съ русскимъ обществомъ, былъ живымъ напоминаніемъ о безконечномъ разнообразіи элементовъ, изъ которыхъ слагается Россія, живымъ протестомъ противъ національной обособленности и исключительности. Не было такой стороны жизни, которая бы его не интересовала, которую онъ не стремился бы узнать поближе. Это отражалось и въ статьяхъ, которыя онъ помѣщалъ въ «Вѣстникѣ Европы»; онъ выступалъ то какъ свидѣтель событій, вызвавшихъ уходъ *пяти* изъ петербургскаго университета, то какъ публицистъ, освѣщавшій русско-польскія отношенія, то какъ критикъ, то какъ историкъ литературы—русской, польской и западно-европейской,—то какъ юристъ, одинаково знакомый съ различными отраслями права, переходившій отъ разбора гражданскаго кодекса Черногоріи къ анализу новѣйшихъ взглядовъ на преступность и преступника. Еще большее мѣсто въ исторіи журнала занимаетъ А. Н. Пыпинъ, какъ потому, что онъ раздѣлялъ редакторскій трудъ съ М. М. Стасюлевичемъ и замѣнялъ его во время его отсутствія или болѣзни, такъ и потому, что въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій—до избранія его въ академики—вся дѣятельность его сосредоточивалась въ «Вѣстникѣ Европы». Кромѣ множества статей, замѣтокъ, рецензій, онъ провелъ черезъ него всѣ свои главные труды, начиная съ «Общественнаго движенія при Александрѣ I» до «Исторіи русской литературы». А въ числѣ этихъ трудовъ были такіе, какъ біографія Бѣлинскаго, въ первый разъ ознакомившая широкую публику съ письмами великаго критика, заключающими въ себѣ, быть можетъ, еще болѣе цѣннаго и важнаго, чѣмъ все напечатанное имъ при жизни. Цѣлую массу свѣта пролилъ Пыпинъ на исторію русской мысли при Александрѣ I и Николаѣ I. Съ какими затрудненіями это было сопряжено—судить о томъ можно по мотивамъ упомянутаго уже выше предостереженія, постигшаго «Вѣстникъ Европы» въ 1873 г.: оно было вызвано, между прочимъ, тѣмъ, что Пыпинъ поднялъ край завѣсы, за которой долго скрывалось истинное значеніе «преступнаго» общества петрашевцевъ. Соединяя въ себѣ всѣ лучшія свойства ученаго—глубокую преданность наукѣ, безконечное трудолюбіе, равнодушіе къ внѣшнимъ благамъ жизни,

спокойное отношеніе къ ея невзгодамъ,—Пыпинъ былъ далекъ отъ политическаго индифферентизма. Отличный знатокъ славянства, онъ былъ чуждъ славянофильства; выше всего ставя интересы народной массы, онъ возставалъ противъ крайностей народничества. Въ его спокойствіи и сдержанности чувствовалась сила, на которую всегда можно положиться. Его смерть (въ 1904 г.) была невознаградимой утратой для журнала.

Изъ числа позднѣйшихъ сотрудниковъ «Вѣстника Европы»,— само собою разумѣется, что я говорю только объ умершихъ,— двое оставили особенно глубокій слѣдъ въ его исторіи. Л. А. Полонскій въ теченіе двѣнадцати лѣтъ (1868—80) несъ на себѣ главную тяжесть журнальной работы. Онъ велъ и внутреннее, и иностранное обозрѣнія, писалъ историческія и критическія статьи, а подъ конецъ своего участія въ журналѣ съ большимъ успѣхомъ выступилъ и какъ беллетристъ. Его разсказы: «Надо жить» и «Сумасшедшій музыкантъ», интересно задуманные, блестяще исполненные, откликались на злобу дня съ такихъ сторонъ, съ которыхъ нельзя было бы подойти къ ней въ публицистической статьѣ (въ первомъ изъ названныхъ разсказовъ изображенъ, напримѣръ, обыскъ въ студенческой квартирѣ). Обозрѣнія Л. А. Полонскаго, всегда написанныя съ полнымъ знаніемъ дѣла, давали такую серьезную критику правительственныхъ мѣропріятій, которая невольно привлекала къ себѣ общее вниманіе и затрудняла обычные способы борьбы съ свободнымъ словомъ. Съ еще большей силой талантъ Полонскаго проявился тогда, когда онъ, разставшись съ «Вѣстникомъ Европы», основалъ свою собственную газету, «Страну»; но она не выдержала, новыхъ цензурныхъ условій, установившихся при гр. Д. А. Толстомъ, и Полонскій не могъ дать всего того, чего въ правѣ была ожидать отъ него русская политическая литература.

Съ 1888-го года до самой своей смерти (1900) значительную часть своего труда отдавалъ «Вѣстнику Европы» Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ. Порвавъ связь съ своими случайными союзниками, все больше и больше углублявшимися въ дебри обскурантизма, Вл. С. вызвалъ ихъ на бой въ первой же статьѣ, помѣщенной имъ на страницахъ нашего журнала («Россія и Европа»). Еще большее впечатлѣніе произвела серія его статей: «Очерки изъ исторіи русскаго сознанія». Въ предостереженіи, данномъ «Вѣстнику Европы» въ декабрѣ 1889-го года, этимъ статьямъ было вмѣнено въ вину, что онѣ «раздражительною критикою, направленною противъ русской церкви и государства въ историческомъ ихъ развитіи, внушаютъ ложныя о нихъ представле-

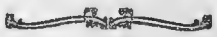
нія и колеблютъ уваженіе къ основамъ ихъ и вообще къ принципу русской національности». Эта оффиціальная оцѣнка не остановила Соловьева; его статья: «Идолы и идеалы» нанесла еще болѣе сильные удары «зоологическому патріотизму, освобождающему націю отъ служенія высшему идеалу и дѣлающему изъ самой націи предметъ идолослуженія». Корни, пущенные этимъ «зоологическимъ патріотизмомъ» на русской почвѣ, такъ глубоки, что ихъ не могла вырвать даже мощная рука Соловьева; но для борьбы съ фанатиками нетерпимости и человѣконенавистничества, прикрывающимися знаменемъ націонализма—борьбы, особенно необходимой именно въ наше время,—статьи Соловьева представляютъ до сихъ поръ богатѣйшій арсеналъ, ничѣмъ незамѣнимый.

На страницахъ «Вѣстника Европы» съ самаго начала стали появляться имена нашихъ выдающихся романистовъ и поэтовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были не только сотрудниками журнала, но и близкими его друзьями. Своимъ онъ могъ считать Тургенева, оставившаго въ 1868 г. «Русскій Вѣстникъ» и до самой своей смерти отдававшаго почти всѣ свои произведенія «Вѣстнику Европы». Здѣсь напечатаны воспоминанія Тургенева о Бѣлинскомъ, два большіе его романа:—«Вешнія воды» и «Новь», послѣдніе эпизоды «Записокъ охотника», «Стихотворенія въ прозѣ», «Клара Миличъ». Въ «Вѣстникѣ Европы» Тургеневъ помѣстилъ свой извѣстный отвѣтъ «Иногородному обывателю» (Б. Маркевичу); въ «Вѣстникѣ Европы» онъ поминалъ дорогихъ ему покойниковъ и выражалъ свой восторгъ по поводу остатковъ древняго искусства, раскрытыхъ Пергамскими раскопками. Редакціи «Вѣстника Европы» было особенно дорого его сочувствіе, основанное на сходствѣ убѣжденій. Во время пріѣздовъ своихъ въ Петербургъ онъ былъ постояннымъ гостемъ М. М. Стасюлевича, съ которымъ его связывала личная дружба. М. М. Стасюлевичъ былъ первымъ русскимъ, поклонившимся праху Тургенева въ Парижѣ, и сопровождалъ его гробъ отъ русской границы до Петербурга. Вѣрнымъ другомъ «Вѣстника Европы» былъ и Гончаровъ, помѣстившій въ немъ послѣдній изъ трехъ большихъ своихъ романовъ, превосходный критическій этюдъ: «Милліонъ терзаній», свои воспоминанія и свой предсмертный завѣтъ: «Нарушеніе воли». Въ «Вѣстникѣ Европы» появлялись, съ половины восьмидесятыхъ годовъ, почти всѣ стихотворенія Жемчужникова», какъ сатирическія, исполненныя негодованія противъ тѣхъ золъ русской жизни, которыя старался раскрыть нашъ журналъ, такъ и интимныя, продиктованныя тихими настроеніями

«цвѣтущей старости». Въ «Вѣстникѣ Европы» писала, въ эпоху расцвѣта своего таланта, Н. Д. Заіончковская (Крестовскій-псевдонимъ); ему же она отдала свое послѣднее произведеніе: «Жить, какъ люди живутъ». «Вѣстнику Европы» дано было счастье открыть свои страницы для Салтыкова, въ послѣдніе, самые тяжелые годы его жизни. Да, иначе какъ счастливымъ нельзя назвать журналъ, помѣстившій у себя «Пошехонскую старину»—лебединую пѣснь великаго сатирика.

Не легки были условія, при которыхъ вступилъ въ жизнь «Вѣстникъ Европы»; не легки и тѣ, при которыхъ онъ переходитъ за черту полувѣка. Многое измѣнилось въ немъ самомъ и вокругъ него, но не достигнуты еще тѣ цѣли, къ которымъ онъ всегда стремился. Еще не время, слѣдовательно, разставаться съ старыми девизими; нужно только присоединять къ нимъ новые, диктуемые безостановочнымъ ходомъ жизни. На смѣну старымъ работникамъ, сходящимъ или готовящимся сойти со сцены, придутъ другіе, но не прервется—такова моя вѣра—преемственность работы, ищущей пути къ лучшему будущему.

К. Арсеньевъ.



ПЕРЕДЪ ЛИЦОМЪ СМЕРТИ.

Разсказъ.

(Окончаніе) [1]).

X.

Хотя послѣ поѣздки на перевалъ Иванъ Михайловичъ былъ почти увѣренъ, что жена ему измѣняетъ, однако убѣдиться въ этомъ окончательно у него не хватало силъ. Когда въ таинственные сумеречные часы онъ слышалъ гдѣ-нибудь въ паркѣ или на верандѣ тихій смѣхъ жены, переплетавшійся съ ласковымъ баритономъ Макаревича, на него нападалъ ужасъ, отъ котораго останавливалось дыханіе и кровь бурно приливала къ головѣ, застилая глаза багровымъ туманомъ. Думалось, что вотъ онъ услышитъ или увидитъ что-нибудь такое, отъ чего потеряетъ надъ собою власть и совершитъ непоправимое... Онъ замедлялъ шаги, чтобы успокоиться, громко кашлялъ, предупреждая о своемъ приближеніи... или просто поворачивался и уходилъ незамѣченный. Собственный домъ сдѣлался для него чужимъ и враждебнымъ, точно въ каждомъ углу таилась и подстерегала его невидимая бѣда. И Иванъ Михайловичъ всячески старался отвратить эту бѣду отъ себя и особенно отъ дѣтей. Избѣгалъ рѣшительныхъ объясненій, которыхъ раньше такъ искалъ и добивался, и большую часть дня проводилъ внѣ дома, уходя съ дѣтьми или на берегъ моря, или на прогулки по окрестностямъ. Такимъ образомъ онъ могъ подъ благовиднымъ предлогомъ и самъ удаляться отъ волнующихъ его встрѣчъ съ женой и Геор-

---

[1]) См. „Вѣстн. Евр." ноябрь 1915 г.

гіемъ Александровичемъ и ребятишекъ держать вдали отъ тягостныхъ впечатлѣній, неизбѣжныхъ при семейномъ разладѣ.

А бѣда все-таки надвигалась, неумолимая, неотвратимая, какъ смерть... Дарья Львовна, опьяненная медовымъ мѣсяцемъ своей грѣшной любви, забыла всякую осторожность и въ присутствіи Георгія Александровича часто выдавала себя взглядами, улыбками, интонаціей голоса, такъ что самъ Макаревичъ это чувствовалъ и сталъ рѣже посѣщать дачу Соломониди. Зато въ паркѣ, на берегу моря или въ экскурсіяхъ они были постоянно вмѣстѣ, но такая интимная близость никого особенно не поражала. Здѣсь, подъ этимъ жгучимъ солнцемъ, въ этомъ зеленомъ уголкѣ, насыщенномъ ароматомъ розъ и возбуждающими испареніями моря, даже воздухъ, казалось, былъ пропитанъ любовнымъ томленіемъ; поэтому влюбленныя парочки встрѣчались на каждомъ шагу, и всѣ смотрѣли на нихъ, какъ на самое обычное явленіе.

День 15 іюля былъ нестерпимо зноенъ и душенъ; въ раскаленномъ до-бѣла небѣ чуялось что-то зловѣщее, должно быть, собиралась гроза. Витя и Алеша за обѣдомъ раскапризничались, Дарья Львовна на нихъ накричала, Иванъ Михайловичъ вступился, оба были раздражены до крайней степени. Раскраснѣвшаяся, растрепанная, Дарья Львовна непріятно-крикливымъ голосомъ, котораго Тихомоловъ раньше у нея не замѣчалъ, говорила, что такая жизнь становится невыносима, дѣти страшно разбалованы, мѣшаютъ ей какъ слѣдуетъ отдохнуть и поправиться, и, конечно, виноватъ въ этомъ Иванъ Михайловичъ. Давно бы нужно нанять хорошую бонну и поручить ей воспитаніе дѣтей, но вотъ почему-то онъ всегда былъ противъ этого, а между тѣмъ у всѣхъ, рѣшительно у всѣхъ есть бонны, и всѣ мужья заботятся о своихъ женахъ,—только онъ не хочетъ ничего сдѣлать для спокойствія своей жены. Иванъ Михайловичъ съ угрюмымъ удивленіемъ, точно въ первый разъ видѣлъ, смотрѣлъ на ея вспотѣвшее, раздраженное лицо,—злыя слова готовы были сорваться съ его губъ. Но онъ сдержался и, приказавъ Сашѣ увести дѣтей, холодно сказалъ:

— Если я тебѣ сталъ такъ противенъ, ты хоть бы при дѣтяхъ немного сдерживала себя.

— Ахъ, я такъ и знала!—язвительно воскликнула Дарья Львовна.—Это твоя обычная манера переводить разговоръ съ одного на другое, когда нечего сказать. Я говорю: надо нанять бонну,—кажется, ясно,—при чемъ же тутъ сейчасъ: «я тебѣ противенъ»—и разныя жалкія слова?

— По-твоему, это только жалкія слова, и больше ничего?

— Ну, конечно, и все это для того, чтобы меня мучить. Я не понимаю, что съ тобой сдѣлалось... какъ ты пріѣхалъ, я не знаю ни одной спокойной минуты. То какія-то подозрѣнія, грубыя сцены, то жалкія слова, то придирки... это не жизнь, а мученіе.

— Стало быть, мнѣ не слѣдовало пріѣзжать, такъ что ли?

— Ну вотъ, опять, опять... Господи, какая я несчастная... какой невыносимый характеръ! Каждое слово, каждый поступокъ непремѣнно перетолкуетъ по-своему, придерется, и я же выхожу виновата... Третьяго дня... вѣдь это ужасъ! Всѣ дамы здѣсь ѣздятъ верхомъ и, конечно, въ черкескѣ удобнѣе, и принято и вполнѣ прилично, а онъ вдругъ публично устраиваетъ сцену, и такъ неделикатно, такъ возмутительно... Не понимаю, какъ я могла вынести подобное оскорбленіе.

— Такъ что-жъ, Дора, вѣдь это легко поправить,—съ холодѣющимъ сердцемъ сказалъ Иванъ Михайловичъ.—Если я сдѣлался для тебя невыносимъ, и каждое мое слово кажется тебѣ оскорбительнымъ, давай разойдемся.

Дарья Львовна поспѣшно достала изъ сумочки платокъ и приложила къ глазамъ.

— Вотъ всегда такъ, всегда такъ...—всхлипывая, заговорила она.—Ничего сказать нельзя, сейчасъ упреки, драмы, надо расходиться... Что же мнѣ дѣлать, Боже мой, что мнѣ дѣлать...

Въ прежнія времена, когда Дарья Львовна прибѣгала къ слезамъ, Иванъ Михайловичъ на колѣняхъ просилъ у нея прощенія, и маленькія семейныя размолвки кончались поцѣлуями и объятіями. Теперь видъ плачущей жены уже не вызвалъ въ Тихомоловѣ чувства своей виновности и страстной нѣжности къ обиженной. Онъ не вѣрилъ въ ея слезы, онѣ казались ему притворными, и вся она въ своихъ батистахъ и кружевахъ, едва прикрывавшихъ какъ будто выставленное на показъ тѣло, была ему жалка и противна. Онъ всталъ и молча ушелъ съ веранды. А черезъ часъ, сидя съ учителемъ подъ мимозой, видѣлъ, какъ она, уже завитая, напудренная, въ голубомъ фантастическомъ нарядѣ, съ томною улыбкой на губахъ, пошла въ паркъ. И думалъ:—«Къ нему отправилась... Стало быть, на два фронта,—и супцу и борщичку. Тамъ молодой любовникъ, здѣсь глупый мужъ; тамъ поцѣлуи, а здѣсь деньги, уваженіе, почетъ. Какая холодная разсчетливость и мѣщанская практичность! Неужели это моя жена, моя Дорочка, Витина и Алешина мать? Нѣтъ, это какая-то другая, не она»...

XI.

Солнце зашло въ багровомъ туманѣ, стало еще душнѣе. Дарья Львовна съ помѣщицей ушли въ Приморскую гостиницу на концертъ какого-то заѣзжаго тенора, звали Ивана Михайловича, но онъ отказался. Уложилъ дѣтей и, когда они заснули, вышелъ на веранду. Глухая тоска, точно червь, точила душу. Далеко въ горахъ непрерывно вздрагивала зарница; изъ парка доносилась музыка,—играли pas d'Espagne, и нѣжно, немного грустно звучалъ однообразный мотивъ чужеземнаго танца. Что-то давнишнее всплывало въ головѣ, далекая юность, которая ушла и никогда не вернется, тогдашнія чувства и переживанія, такія же душныя лѣтнія ночи,—и она, Дорочка, еще дѣвочкой-подросткомъ, съ ясными, чистыми глазами, радостно и изумленно смотрѣвшими на міръ Божій. Вспомнилась вся любовь съ нею: первыя робкія свиданія въ весеннемъ саду, напоенномъ запахомъ серебристаго лоха, записочки, которыми обмѣнивались въ гимназической церкви, головокружительный поцѣлуй въ Пасхальную ночь, потомъ объясненіе и женитьба противъ воли отца, не желавшаго, чтобы сынъ до окончанія курса въ университетѣ женился на бѣдной мѣщаночкѣ-гимназисткѣ. Первые годы бѣдствовали, жилось трудно, но зато какъ было чисто, свѣжо, благоуханно... А вотъ теперь все наладилось, послѣ смерти отца остались хорошія средства, по службѣ онъ двигается впередъ, черезъ годъ, черезъ два его ждетъ крупное повышеніе, кажется, только бы жить, да радоваться,—и вдругъ въ самую сердцевину жизни, въ святое святыхъ, вкралось что-то темное, отвратительное и, точно раковая опухоль, грызетъ и разрушаетъ его семейное счастье.

— Ахъ, Дора, Дора!—прошепталъ Иванъ Михайловичъ, сжимая голову обѣими руками.

Все также грустно и нѣжно звучала музыка, вспыхивали зарницы, и загадоченъ былъ ихъ молчаливый блескъ надъ горами. Совсѣмъ близко, должно быть, на шоссе прозвенѣлъ молодой беззаботный смѣхъ... а когда онъ умолкъ, въ наступившей тишинѣ чудились чьи-то тяжелые шаги. Можетъ быть, это шелъ незримый великанъ, готовый раздавить подъ своей желѣзною пятою маленькую жизнь Ивана Михайловича... Кто знаетъ?

Тоска становилась невыносимой. Иванъ Михайловичъ почувствовалъ, что больше не можетъ оставаться въ одиночествѣ. Заглянулъ къ дѣтямъ,—они крѣпко спали; онъ перекрестилъ

ихъ и позвалъ Сашу. Она не откликалась. Спустился въ садъ и нашелъ ее въ лавровишневыхъ кустахъ; взявшись за руки, стояли съ Аристидомъ и о чемъ-то любовно перешептывались. Неожиданное появленіе Ивана Михайловича ихъ вспугнуло; Аристидъ съ дѣловымъ видомъ загремѣлъ лейкой, а Саша, выслушавъ приказаніе идти къ дѣтямъ, какъ одурѣлая, пошла на веранду. По дорогѣ къ учителю Иванъ Михайловичъ набрелъ на другую парочку: прислонившись къ мимозѣ, вся закутанная въ бѣлое, сидѣла на скамьѣ гречанка, а передъ нею студентъ вполголоса напѣвалъ изъ «Демона»:

Къ тебѣ я бу-уду прилетать,
Гостить я буду до денницы...

Любовь, любовь... всюду ея колдовскія чары, ея сладостное томленіе,—и въ алмазномъ сверканіи летающихъ жучковъ, и въ звукахъ музыки, и въ опьяняющихъ ароматахъ цвѣтовъ, жадно раскрывшихъ свои лепестки навстрѣчу поцѣлуямъ вечерняго бриза. И никто не слышитъ мѣрно и тяжко приближающихся шаговъ великана.

Учитель лежалъ на тапчанѣ въ потемкахъ съ обвязанной головой. Былъ мрачно настроенъ, потому что цѣлый день не было газетъ и нездоровилось.

— Отвратительный день,—сказалъ онъ, сухой и горячей рукой пожимая руку Тихомолова.—Не знаю отчего, отъ духоты что ли, но такая тяжесть въ груди, кажется, вотъ-вотъ задохнешься. Или ужъ подыхать пора!

— Нѣтъ, я думаю, ночью гроза будетъ. Ужасно тоскливое состояніе.

— Ага, и у васъ тоже? — какъ будто обрадовался учитель. — Ну, тогда это, дѣйствительно, передъ грозой... хотя вонъ наша молодежь, повидимому, никакой тоски не испытываетъ. Слышите?

И онъ иронически кивнулъ головой въ ту сторону, откуда слышалось:

И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать...

Они помолчали, думая каждый о своемъ: учитель о близкой смерти, Иванъ Михайловичъ—о женѣ, которая въ эту минуту, подъ сладкое пѣніе тенора, тоже, можетъ быть, томится любовнымъ влеченіемъ... не къ нему, къ другому. И какъ ни привычна была эта мысль, отъ нея бросило его въ жаръ, онъ вскочилъ и быстро заходилъ взадъ и впередъ.

— Да...—какъ бы отвѣчая самому себѣ, началъ опять учитель.—Страшная это штука—недѣланіе,—помнитѐ у Толстого? Если бы довести это до конца, — можно съ ума сойти. Когда живешь обычной жизнью, суетишься туда-сюда,—тамъ служба, тамъ знакомства, сплетни, газеты, то-се, еще можно переносить жизнь. Но вотъ случится отойти отъ всего этого, задуматься, заглянуть въ самого себя,—и станетъ страшно. До чего мелокъ человѣкъ, какъ ничтожны всѣ его дѣла, стремленія, страсти,—и зачѣмъ? Придетъ смерть—и, будь вы Наполеонъ или дворникъ, геній или идіотъ, все равно, отъ васъ останется одна клякса, больше ничего.

— Вы боитесь смерти? — спросилъ Иванъ Михайловичъ, останавливаясь.

— Какъ вамъ сказать? Конечно, боюсь... все живое родится со страхомъ смерти. Но отчего страхъ? Я объ этомъ часто думалъ. Вѣдь не страданія пугаютъ,—развѣ мало страданій мы переносимъ, когда живемъ? Нѣтъ, тутъ что-то другое... Во-первыхъ—страхъ небытія. Какъ это такъ: будетъ свѣтить то же солнышко, произойдутъ величайшія событія, явятся новые геніи, можетъ быть, человѣчество откроетъ, наконецъ, тайну безсмертія, а я ничего этого не узнаю и не увижу никогда. Это само собой, а кромѣ того просто жаль вотъ этого кусочка земли, который я занимаю,—этихъ ясныхъ звѣздъ, неба, моря, моихъ книгъ, вещей, людей, которыхъ я люблю, моихъ мыслей и ощущеній, всего того, что есмь «я»—и больше никто. И страшно, что это «я» исчезнетъ безъ слѣда и навѣки. Развѣ не такъ?

— Да... пожалуй. Ну, а другое?

— Другое—это страхъ неизвѣстности. Что тамъ?—«А если сонъ видѣнья посѣтятъ»?—помните?

— Да, да... неизвѣстность, вотъ это—да!—нервно произнесъ Иванъ Михайловичъ.—Это самое страшное,—что будетъ завтра. По-моему, нѣтъ ничего страшнѣе завтрашняго дня.

— А знаете, когда я не испытывалъ страха смерти и вообще никакого страха?—тихо спросилъ учитель.

— Разскажите...

— Это было, когда умерла моя жена. И вотъ, когда ее опустили въ могилу и стали забрасывать землей, я думалъ, что уже страшнѣе этого ничего и никогда не будетъ. И хотѣлъ поскорѣе умереть.

— А теперь?

— А теперь, вотъ видите, лѣчусь, хлопочу о прибавкѣ

вѣса, измѣряю температуру, и, если она подымается на одну десятую, мучаюсь и волнуюсь.

Снова замолчали, и вдругъ Ивану Михайловичу захотѣлось разсказать учителю всю свою семейную драму. Но застучали по ступенькамъ быстрые шаги, разсѣяли тишину, грубо оборвали интимность настроенія. Вбѣжалъ студентъ, бросился на стулъ и возопилъ:

Привѣтъ тебѣ, послѣдній день,
Съ восторгомъ я тебя встрѣчаю!..

— Что такое случилось?—спросилъ учитель...

— Она завтра уѣзжаетъ...—мрачно отвѣчалъ студентъ.

— Только-то? Ничего, до свадьбы заживетъ. Хотите грушъ? Купилъ сегодня, чудесныя. Возьмите и заѣшьте горечь разлуки.

— Да, вамъ хорошо говорить...—съ упрекомъ пробормоталъ студентъ, однако грушу взялъ и вкусно зачмокалъ губами.—Если бы вы знали, какая она прелесть... глаза-то у нея, какъ сливы!—молитвенно докончилъ онъ и съ полнымъ ртомъ запѣлъ:—«Отъ юности моея мнози борютъ мя страсти...»

Иванъ Михайловичъ незамѣтно вышелъ.

XII.

По дорогѣ къ калиткѣ онъ столкнулся съ Чернымъ Домино. Всѣ эти дни ея не было видно; говорили, что она куда-то уѣзжала. Иванъ Михайловичъ на ходу приподнялъ шляпу и пробормоталъ: «извините»; она отвѣтила ему небрежнымъ: «не безпокойтесь!»—и оба разошлись. Выйдя на шоссе, Тихомоловъ немного подумалъ и отправился къ Приморской гостиницѣ.

Былъ, должно быть, антрактъ передъ вторымъ отдѣленіемъ, потому что огромная, висящая надъ самымъ моремъ, веранда гостиницы вся бѣлѣла нарядами женщинъ, слышались оживленные голоса, смѣхъ, стеклянный звонъ посуды, хлопаніе пробокъ. Изъ душной залы публика высыпала подышать воздухомъ, освѣжиться нарзаномъ или замороженнымъ шампанскимъ, подѣлиться впечатлѣніями. Пѣніе тенора, томящая грозовая духота ночи, ласковое дыханіе моря, надъ которымъ висѣлъ тонкій серпъ молодого мѣсяца,—все это волновало сердца, разнѣживало души, объединяло всѣхъ въ общемъ стремленіи къ наслажденію. Вкрадчиво звучали голоса мужчинъ, кокетливо и томно взвизгивали женщины, кто-то, очевидно, подражая тенору, тихонько напѣ-

валъ: «Люблю ли тебя, я не знаю, но кажется мнѣ, что люблю»... И среди этой празднично настроенной толпы, въ атмосферѣ, насыщенной страстными вожделѣніями, вдругъ странно и зловѣще прозвучали слова, сказанныя чьимъ-то хриповатымъ баскомъ:

— А я сейчасъ изъ округа, тамъ телеграмма получена: Австрія объявила Сербіи войну...

Но эти слова тутъ же затерялись въ общемъ шумѣ, заглушенныя чоканьемъ бокаловъ, безпечнымъ смѣхомъ, шарканьемъ ногъ, и опять подражатель тенора, манерничая, повторилъ:

Люблю ли тебя, я не знаю,
Но кажется мнѣ, что люблю...

Иванъ Михайловичъ нашелъ свободный столикъ въ самомъ отдаленномъ углу веранды, спросилъ себѣ нарзану и сталъ вглядываться въ женщинъ, ища среди нихъ Дарью Львовну.

Ея не было здѣсь, такъ же, какъ и помѣщицы; кругомъ мелькали незнакомыя лица, слышались чужіе голоса.—«Вѣроятно, не выходили изъ залы»,—съ облегченіемъ подумалъ Тихомоловъ и жадно выпилъ холодную, пріятно колющую жидкость. Смутная надежда, что всѣ его ревнивыя подозрѣнія—только болѣзненный кошмаръ,—немного утишила сердечную тоску. Онъ повеселѣлъ и съ интересомъ принялся наблюдать публику. Его вниманіе привлекъ жирный, лысоватый человѣкъ, который, волнуясь и пришлепывая толстыми губами, говорилъ хмурому, полусѣдому военному:

— Но вѣдь главное, главное здѣсь то, готовы ли мы къ войнѣ! Вѣдь, согласитесь, это будетъ безуміе, если мы съ голыми руками бросимся защищать эту несчастную Сербію...

А въ отвѣтъ на это военный хмурился еще больше и, спокойно покручивая сѣрые усы, говорилъ:

— Готовы или не готовы, прикажутъ—пойдемъ и защитимъ.

Зазвенѣлъ звонокъ, приглашающій публику въ концертный залъ. Веранда скоро опустѣла. Остались только офиціанты, убиравшіе посуду, да Иванъ Михайловичъ въ своемъ углу. Хотя онъ и купилъ билетъ, но ему не хотѣлось идти въ духоту, и, допивая нарзанъ, онъ раздумывалъ, что ему дѣлать: возвратиться ли домой или подождать жену. И вдругъ, весь холодѣя, онъ услышалъ гдѣ-то совсѣмъ близко ея голосъ.

— Охъ, Жоржикъ, ужасно не хочется идти въ этотъ курятникъ! Здѣсь такъ чудно и потомъ... мы здѣсь съ тобой одни, а тамъ тысяча глазъ смотритъ...

— Такъ останемся?..

— Нѣтъ, надо... Если бы еще были одни, а то эта несносная толстуха привязалась. Пойдутъ разговоры, пересуды... непріятно!

«Жоржикъ»... «ты»... все это было какъ во снѣ, и на мгновеніе Тихомолову показалось, что онъ бредитъ. Но они уже всходили по широкой, спускавшейся къ морю лѣстницѣ наверхъ; Дарья Львовна въ своемъ фантастическомъ голубомъ хитонѣ, утомленно улыбаясь, опиралась на руку Георгія Александровича; тотъ, весь съ ногъ до головы въ бѣломъ, чистенькій, хорошенькій, какъ новый двугривенный, благодарно засматривалъ ей въ глаза. Иванъ Михайловичъ рванулся-было къ нимъ, но, встрѣтивъ предупредительный взглядъ официанта, ожидавшаго разсчета, остановился; въ то же время другой официантъ отворилъ дверь, изъ которой донеслись заглушенные аккорды рояля, и Дарья Львовна съ своимъ кавалеромъ исчезла въ залѣ, не замѣтивъ мужа.

Когда Иванъ Михайловичъ только подозрѣвалъ свою жену въ измѣнѣ, ему казалось, что если онъ убѣдится въ этомъ окончательно, то сейчасъ же и рѣшитъ, что ему надо дѣлать. Но теперь, когда фактъ предсталъ передъ нимъ во всей обнаженности, онъ, какъ это часто бываетъ, совершенно растерялся и не зналъ, что предпринять. Было такое чувство, какое, вѣроятно, бываетъ у людей, пережившихъ землетрясеніе. Все рухнуло: нѣтъ дома, гдѣ еще вчера жилось такъ уютно, нѣтъ семьи, ничего нѣтъ и некуда идти.

Однако, уходить все-таки было нужно; официанты уже начали поглядывать на него съ худо скрытымъ изумленіемъ. Пришелъ человѣкъ, концерта не слушаетъ, ничего не заказываетъ, а сидитъ. Иванъ Михайловичъ расплатился и, самъ не зная, зачѣмъ, пошелъ въ паркъ.—«Что же дѣлать?.. Что дѣлать?»—думалъ онъ, стараясь разобраться въ хаосѣ мыслей, крутившихся въ головѣ.—«Убить?.. Кого? Его или ее? Нѣтъ, это не рѣшеніе вопроса... Простить, забыть тоже не могу. Главное, зачѣмъ лгала, обманывала. Еще сегодня утромъ цѣловала, а сама думала о Жоржикѣ... Никому не обидно: утромъ Ваня, вечеркомъ Жоржикъ. Какая гадость!..»

Въ паркѣ еще играла музыка, на площадкѣ танцовали. Нѣсколько длинноногихъ гимназистовъ въ смѣшныхъ, поддернутыхъ сзади курточкахъ неуклюже расшаркивались передъ своими дамами, которыя преувеличенно жеманничали, изображая изъ себя сильфидъ. Особенно старалась одна очень полная особа:

она извивалась всѣмъ своимъ студенистымъ тѣломъ, закатывала глаза, млѣла и такъ повисала на своемъ кавалерѣ, что у того подкашивались ноги и на лицѣ появлялось выраженіе тупой покорности, какъ у загнанной клячи. Ивану Михайловичу стало противно. «Все одинъ чортъ!»—со злобой подумалъ онъ.— «И всѣмъ нужно другъ отъ друга только одно»... Но жеманный танецъ внезапно прекратился; загремѣли дикіе, отрывистые звуки лезгинки, и на площадку вылетѣли два стройные туземца въ черкескахъ и папахахъ. Публика восторженно захлопала въ ладоши... Иванъ Михайловичъ отошелъ и углубился въ тьму и гущу глухой части парка.

Узкая дорожка вывела его на скалу, крутымъ уступомъ падавшую въ море. Здѣсь, какъ разсказывали, десять лѣтъ тому назадъ былъ разстрѣлянъ мѣстный абрекъ, красавецъ и головорѣзъ, Антоній Эрквани, и туземцы не любили этого мѣста, увѣряя, что призракъ Антонія появляется иногда на скалѣ въ той же красной черкескѣ и въ той же черной папахѣ, какія носилъ при жизни абрекъ. Но пріѣзжая молодежь не боялась страшныхъ сказокъ и облюбовала этотъ уголокъ, потому что отсюда открывался широкій видъ на море, а въ жаркіе дни было всегда тѣнисто и прохладно.

Молодой мѣсяцъ уже заходилъ, бросая черезъ море прямую золотистую нить, и въ призрачномъ свѣтѣ его Тихомоловъ увидѣлъ на скамейкѣ одинокую темную фигуру. Хотѣлъ было уйти, но, приглядѣвшись, узналъ Черное Домино и остался. Горько-насмѣшливая мысль мелькнула: вотъ супруга тамъ съ другомъ дома, а супругъ въ свою очередь утѣшается интрижкой съ одинокой дамой. Ну что-жъ, и отлично, вполнѣ по-современному,— какое-то сплошное танго... «И все одинъ чортъ!»

— Вы позволите, мадамъ?—съ грубоватой развязностью спросилъ онъ, подходя къ скамейкѣ.

Черное Домино подвинулось и такъ же небрежно, какъ давеча, проронила: «Пожалуйста»... Иванъ Михайловичъ сѣлъ; на него повѣяло нѣжнымъ запахомъ духовъ. Почему-то вспомнились слова жены: «сверху капотъ, а подъ капотомъ ничего», и захотѣлось сказать и сдѣлать что-нибудь еще болѣе грубое, дерзкое, что дѣлаютъ съ женщинами, въ обществѣ которыхъ не принято стѣсняться.

— А представьте, какая со мной исторія случилась?— еще развязнѣе заговорилъ онъ, смѣясь и придвигаясь поближе. Мнѣ измѣнила моя жена!

— А вы развѣ никогда не измѣняли своей женѣ?—про-

тяжно и съ легкимъ малороссійскимъ акцентомъ спросила женщина.

Этотъ акцентъ и эта манера растягивать слова заставили Ивана Михайловича вздрогнуть. И, порывисто наклонившись къ своей сосѣдкѣ, онъ уже не дерзко, а скорѣй испуганно воскликнулъ:

— Послушайте, да это... О, Господи! Да неужели это вы, Нина... Нина Васильевна?.

— Да, я Нина Васильевна,—спокойно и немножко иронически сказала Черное Домино.

Тихомоловъ поникъ головой. Ярко, точно вчера случилось, нарисовались въ памяти подробности маленькаго дорожнаго приключенія, давно забытаго. Осеннія поля, никнущія подъ холоднымъ дождемъ, утопающій въ грязи уѣздный городишко, куда онъ былъ командированъ по дѣламъ службы, жарко натопленныя комнаты въ домѣ казначея, игра въ преферансъ, выпивка,—и среди всего этого хорошенькая казначейская дочка съ огромными тоскующими глазами... Даже страстные ноктюрны Шопена, которые она играла на разстроенномъ пьянино, звучали въ ушахъ. Кто знаетъ, отчего это произошло,—ноктюрны ли эти вскружили голову или тоскующіе дѣвичьи глаза, а можетъ быть, жара въ комнатахъ, провинціальная скука, лишняя рюмка вина, или все вмѣстѣ, но въ первый же вечеръ, встрѣтивъ Ниночку въ темномъ корридорѣ, онъ обнялъ ее и поцѣловалъ. А ночью она къ нему пришла и ходила все время, пока онъ жилъ въ городишкѣ. Плакала, жаловалась, что ея молодость погибаетъ въ этомъ пьяномъ и грязномъ захолустьи, просила ее спасти. Онъ цѣловалъ плачущую Ниночку, упивался ея юною прелестью, обѣщалъ писать, что-то сдѣлать... потомъ уѣхалъ и, конечно, сейчасъ же забылъ. Въ то время Дарья Львовна донашивала второго ребенка; стало быть, это было ровно столько лѣтъ назадъ,—сколько лѣтъ теперь Алешѣ.

XIII.

— Да... послѣ долгаго молчанія произнесъ, наконецъ, Иванъ Михайловичъ. Вотъ это, можно сказать, судьба... возмездіе. Какою мѣрою мѣрите, отмѣрится и вамъ,—такъ кажется?.

Нина Васильевна молчала и смотрѣла на море. Порвалась серебряная нить, соединявшая его съ мѣсяцемъ: мѣсяцъ сталъ большой, тусклый, похожій на половинку огромнаго апель-

сина. Онъ медленно опускался все ниже, ниже; вотъ уже только оранжевая тучка мутно мерцаетъ на границѣ неба и моря,— вотъ потухла совсѣмъ. И тогда въ бездонности мрака стало видно, какъ надъ моремъ подымалась сумрачная туча съ зубчатыми краями и какъ въ ея черныхъ нѣдрахъ мелькали таинственные, голубые отблески. А дальше, выше, изъ безконечности въ безконечность, струила свои серебряныя волны рѣка Млечнаго Пути.

— Нина Васильевна... не дождавшись отъ нея отвѣта, продолжалъ Иванъ Михайловичъ.—Простите ли вы меня?.

— За что?—тихо сказала Нина Васильевна.—Вы дали мнѣ тогда много хорошаго... я была счастлива.

— Серьезно? Или вы шутите? Нѣтъ, скажите серьезно, неужели вы были счастливы?

— Конечно. Вы вспомните, что такое была тогда моя жизнь? Раздражительный отецъ, мелкіе люди, съ утра до вечера картежная игра и водка, безпросвѣтная пошлость, безпросвѣтное одиночество. И вдругъ появляется новый человѣкъ,—молодой, интересный, образованный... и даритъ бѣдной захолустной дѣвочкѣ нѣсколько такихъ безумныхъ часовъ забвенія, которыхъ забыть нельзя.

— Ну вотъ, теперь я вижу, что вы шутите...

— Да нѣтъ же, нѣтъ, это совсѣмъ не шутка,—ну вотъ вамъ моя рука.

Иванъ Михайловичъ взялъ ея руку, пахнущую тѣми же нѣжными духами, и, медленно цѣлуя ее, приговаривалъ съ каждымъ поцѣлуемъ: «простите... простите»...

— Я уже простила... давно.

— Но вѣдь я поступилъ отвратительно—подло. Пришелъ какъ тать, обокралъ и спрятался. Неужели это можно простить?

— Да, сначала мнѣ было очень тяжело. Я все ждала... и плакала. Мечтала встрѣтить васъ когда-нибудь—и отомстить...

— А потомъ?

— Потомъ... вскорѣ умеръ отецъ, и было уже не до того. Поступила въ сельскія учительницы, тамъ познакомилась съ моимъ будущимъ мужемъ и вышла за него. Онъ былъ помѣщикъ, попечитель нашей школы.

— И вы были съ нимъ счастливы?

— Да. Онъ былъ хорошій человѣкъ.

— Почему вы говорите «былъ»? развѣ онъ...

— Да... печально сказала Нина Васильевна.—Въ прошломъ году онъ умеръ отъ воспаленія легкихъ.

Иванъ Михайловичъ опять сталъ цѣловать ея руку.

— Бѣдная, бѣдная... Такъ это вы по немъ носите трауръ? А здѣсь на этотъ счетъ уже создались легенды. Но какъ это я могъ васъ не узнать?

— Забыли!—съ грустной усмѣшкой проговорила Нина Васильевна.—Что такое была для васъ я? Такъ себѣ, мимолетное развлеченіе отъ скуки. А вотъ я сейчасъ же васъ узнала. Вы такой же, только стали суровѣе, и глаза не блестятъ, какъ прежде. Отчего?

— Я вамъ уже сказалъ... угрюмо отвѣчалъ Тихомоловъ.

Умолкли оба. Туча поднялась еще выше, пожирая звѣзды; точно какое-то невѣдомое чудовище ползло по небу, изрѣдка открывало огненныя очи и грозно ревѣло.

— Да, это очень тяжело, — снова начала Нина Васильевна.—Но вѣдь это, можетъ быть, тоже мимолетное увлеченіе, которое скоро пройдетъ.

— Мнѣ отъ этого не легче.

— Я понимаю... Вы, какъ видно, до безумія любите свою жену.

— Не знаю... Любилъ,—да. Теперь не знаю. Кажется, скорѣе ненавижу, чѣмъ люблю...

— Ну, знаете, любовь и ненависть—родныя сестры. Конечно, любите. А если любите, то... забудьте и простите.

— Этого не могу. По крайней мѣрѣ, теперь... Если бы она мнѣ сказала прямо, честно,—это другое дѣло. Но вѣдь она лжетъ, обманываетъ... обнимается съ тѣмъ, а потомъ приходитъ обниматься ко мнѣ...

— Ну, а вы-то... Разсказывали ей о томъ, что́ у васъ было со мной?

Иванъ Михайловичъ смутился и ничего не отвѣтилъ. Нина Васильевна засмѣялась.

— Ну, вотъ видите, вы тоже ее обманули. Почему? Это такъ понятно. Я для васъ была только маленькій капризъ, а жена—это что-то большое, серьезное, какъ говорится, «навѣкъ». Ну, и стоило ли изъ-за какого-то пустяка, изъ-за любовной шалости съ глупенькой уѣздной барышней, ломать жизнь, семью, прочное счастье. Вамъ все это было дорого, вы боялись потерять любовь жены, радости семейнаго очага... и ради этого обманули. Развѣ не такъ?

— Ниночка... простите, ошибся... Нина Васильевна. Да, вотъ она, Немезида... Вы бьете меня по самому больному мѣсту. И если вы хотѣли мнѣ отомстить, торжествуйте, вы уже отомщены. Я вдвойнѣ униженъ передъ вами: и какъ обма-

Областной фонд
Ивановской обл. библиотеки
22566

нутый мужъ, и какъ безчестный соблазнитель. Вы правы... я ничего не сказалъ женѣ о нашей съ вами встрѣчѣ. И... да, пожалуй, изъ боязни разстроить семейный миръ. Но было тутъ и еще нѣчто особое, свое мужское, чего вамъ, женщинамъ, не понять.

— О, это старая сказка, которую мы слышимъ уже тысячи лѣтъ! Намъ съ дѣтства внушаютъ, что есть двѣ морали—женская и мужская, и что все, позволенное мужчинѣ, не позволено для женщины. Но я не думала, чтобы такой умный и вполнѣ современный человѣкъ («Опять иронія»... пробормоталъ Иванъ Михайловичъ) вѣрилъ въ бабушкины сказки. А по-настоящему, мнѣ кажется, хорошее для всѣхъ хорошо и дурное тоже дурно для всѣхъ. Поэтому вы должны простить свою жену. Ну, измѣнила, ну, увлеклась... никто отъ этого не застрахованъ. И все-таки, я увѣрена, она васъ любитъ, дорожитъ вашей любовью и изъ любви обманываетъ. Это надо понять—и простить.

— Нѣтъ, Ниночка, нѣтъ, это не то... Вы ее не знаете. Это не любовь, это холодная разсчетливость мелкой натуры. Не меня она боится потерять и —страшно сказать,—даже не дѣтей, а обезпеченное положеніе, имя, уваженіе общества. Если бы тотъ былъ богаче меня, то она бы ушла къ нему, но онъ еще молодой, мало извѣстный адвокатъ и едва-ли съ большихъ будущимъ. Я только теперь это понялъ... и меня крушитъ не столько то, что я обманутъ, сколько то, что я обманулся. Мнѣ теперь приходитъ въ голову, что она и раньше мнѣ измѣняла съ другими... но я слишкомъ любилъ и вѣрилъ. Когда умираетъ вѣра, умираетъ и любовь... вотъ это самое ужасное!

Ярко блеснула молнія; громъ прорычалъ ужъ надъ самыми ихъ головами. Иванъ Михайловичъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на небо. Кругомъ все было черно, какъ въ могилѣ, душная тишина окутывала паркъ, но море начинало волноваться и безпокойно шумѣло. Далеко во мракѣ сверкали два глаза—зеленый и красный: это шелъ съ юга круговой пароходъ.

— Сейчасъ разразится гроза,—сказалъ Иванъ Михайловичъ.—Вы не боитесь?

— О, нѣтъ, очень люблю. Но, должно быть, уже очень поздно,—пароходъ приходитъ сюда во второмъ часу.

— Такъ пойдемте, я васъ провожу, а потомъ опять вернусь въ паркъ.

— Въ паркъ?—удивленно переспросила Нина Васильевна.

— А куда же мнѣ идти?—угрюмо проговорилъ Иванъ Михайловичъ.—Домой сейчасъ не могу... Да и гдѣ теперь мой домъ? Нѣтъ у меня ни дома, ни жены, ничего...

И, наклонившись впередъ, обхвативъ голову обѣими руками, онъ вдругъ зарыдалъ тяжелыми, безслезными рыданіями взрослаго человѣка, давно разучившагося плакать.

Потрясенная, взволнованная, Нина Васильевна старалась его успокоить, ласково гладила по волосамъ и говорила:

— Ну что это, зачѣмъ, не надо... И потомъ какъ это вы можете говорить, что у васъ нѣтъ никого и ничего. А дѣти? Эти очаровательные мальчишки, на которыхъ я всегда исподтишка любовалась. Нѣтъ, нѣтъ, вы не должны такъ отчаяваться. Все это пройдетъ, все впереди... вамъ есть для кого жить, вы не одинъ на свѣтѣ...

— Ниночка, вы милая, хорошая и еще не знаю, какъ назвать!—шепталъ Иванъ Михайловичъ, прижимая ея руки къ своему пылающему лицу.—Да, вы мнѣ жестоко отомстили... Вы меня спасли отъ ужаса; если бы не вы, я былъ бы убійцей, самоубійцей, не знаю что... Вотъ это мужское и женское, о чемъ я говорилъ, а вовсе не бабушкины сказки. Вотъ вы меня простили, а я бы не простилъ. И этимъ вы меня спасли... Какой-то добрый ангелъ послалъ васъ ко мнѣ въ это безумное время...

— А вѣдь я хотѣла-было уѣхать, когда васъ увидала...

— Нѣтъ, Ниночка, нѣтъ, не уѣзжайте, дайте мнѣ немного придти въ себя. И давайте просидимъ здѣсь всю ночь. Смотрите, гроза прошла мимо.

Туча, безсильно ворча и вздрагивая блѣдными молніями, уползала на сѣверъ. Опять безмятежно сіяли звѣзды и неслась въ безконечность серебряная рѣка Млечнаго Пути. И все слышнѣе былъ могучій голосъ моря.

XIV.

Въ седьмомъ часу утра безмятежно спавшая Дарья Львовна внезапно отчего-то проснулась. Что такое ее разбудило, она и сама не знала, но, открывъ глаза, съ удивленіемъ увидѣла, что постель мужа пуста и совершенно не смята. Въ ту же минуту дверь изъ сосѣдней комнаты, гдѣ спали ребятишки, безшумно отворилась, и въ спальню вошелъ Иванъ Михайловичъ. Весь онъ былъ какой-то сѣрый, глаза ввалились и блестѣли, какъ въ лихорадкѣ, около губъ прорѣзались двѣ новыя морщины,—за одну ночь онъ постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ. Дарья Львовна испугалась и задрожала.

— Что такое, Ваня .. что ты?—заикаясь отъ страха, спросила она.

Не сводя съ нея неподвижныхъ глазъ, Иванъ Михайловичъ приблизился.

— Ну-съ, Дарья Львовна... началъ онъ съ хриплымъ смѣхомъ.—Могу васъ порадовать. Помните, вы совѣтовали мнѣ для развлеченія завести интрижку съ Чернымъ Домино? Ну, вотъ, желаніе ваше исполнено: я провелъ съ нею всю ночь... и готовъ провести всю жизнь.

Дарья Львовна съ облегченіемъ перевела дыханіе и, сдѣлавъ брезгливую гримасу, сказала:

— Очень пріятно... Но вы могли бы объ этомъ мнѣ и не говорить. Я вовсе не желаю слышать о вашихъ грязныхъ похожденіяхъ съ какими-то неприличными дамами... и, признаюсь, отъ васъ я этого никакъ не ожидала.

У Ивана Михайловича задрожали губы; онъ закусилъ ихъ и, видимо сдерживаясь, продолжалъ:

— Т.-е. чего не ожидали,—похожденій или откровенности? По-вашему, стало быть, гораздо лучше, чтобы все было шито-крыто, да? Шали, да не попадайся... такъ что ли?

— Ужъ не знаю...—начиная опять тревожиться, вымолвила Дарья Львовна.—Все это такъ странно... Ты меня совершенно не уважаешь, позволяя себѣ какіе-то грязные намеки... Я вѣдь не какая-нибудь Черное Домино...

Она уже всхлипнула, собираясь заплакать... и вдругъ увидѣла надъ собою страшное сѣрое лицо съ сверкающими глазами, и горячіе пальцы яростно впились въ ея обнаженное плечо.

— Не притворяйся...—прошипѣлъ Иванъ Михайловичъ.—Я знаю все...

Объятая ужасомъ, Дарья Львовна силилась вырваться изъ рукъ мужа и безсвязно бормотала:

— Ты съ ума сошелъ, Ваня... клянусь тебѣ, ничего не было... Да пусти же!

Но онъ самъ брезгливо отшвырнулъ ее отъ себя и, съ крупными каплями пота на лбу, задыхаясь, сѣлъ на стулъ около кровати.

— Тварь... подлая лгунья!.. Ужъ молчала бы, если нѣтъ настолько честности, чтобы признаться. Блудлива, какъ кошка, труслива, какъ заяцъ. Уличныя женщины честнѣе тебя,—онѣ продаются открыто...

— Какъ вы смѣете!..—вскрикнула Дарья Львовна.

— Тише, не будите весь домъ своими притворными истериками. Наконецъ, пожалѣйте хоть дѣтей. Теперь ужъ нечего разыгрывать изъ себя оскорбленную добродѣтель... я все знаю,

слышите? Вы съ своимъ Жоржикомъ до такой степени обнаглѣли, что даже въ публичныхъ мѣстахъ не стѣснятесь афишировать свою связь. Мужъ—дуракъ, ничего не видитъ, стало быть, и церемониться нечего...

— Ваня, Ваня, но вѣдь это была шутка... Мы съ нимъ пили на брудершафтъ. Больше ничего не было, клянусь тебѣ Богомъ, ничего!

Иванъ Михайловичъ схватился за голову.

— Боже мой, опять ложь!.. И это моя жена, моя Дорочка, которую я такъ любилъ... Ужасъ, ужасъ! Можетъ быть, всю жизнь такъ, можетъ, не одинъ Жоржикъ, а тысячи ихъ было...

Дарья Львовна поняла, что все погибло, больше прятаться некуда, и въ безуміи отчаянія бросилась передъ мужемъ на колѣни, ловя его руки.

— Милый, голубчикъ, Ваня, прости меня... Нѣтъ, нѣтъ, больше никого не было, только въ первый и послѣдній разъ... Ну, прости же, ты добрый, ты благородный, ты все понимаешь... Ваня!

Вся въ слезахъ, полуобнаженная, съ распущенными золотистыми волосами, она извивалась передъ нимъ, пытаясь поймать и поцѣловать его руку.

— Уйди...—сказалъ Иванъ Михайловичъ, отворачиваясь отъ жены, красота которой возбуждала въ немъ жгучее чувство тоски и жалости, что безвозвратно искалѣчена его жизнь и никогда больше не вернется пережитое счастье.—Ради Бога, уйди... разлюбила—и не надо... Жоржика любишь, къ нему и иди...

Дарья Львовна почувствовала, что онъ слабѣетъ, и, ободренная, прильнула къ нему всѣмъ тѣломъ.

— Не уйду!.. Отъ тебя никуда не уйду... я тебя люблю... А *то*... я не знаю, какъ это случилось... Безуміе какое-то... Я гадкая, я скрывала отъ тебя, я боялась, что ты меня убьешь. Прости же... милый, драгоцѣнный... а того прогони... я теперь сама его ненавижу...

Но Иванъ Михайловичъ съ силой оттолкнулъ ее отъ себя и всталъ.

— Ну, довольно... Перестань играть комедію. Теперь кончено: не вѣрю и не повѣрю. Никого ты не любишь, бездушная, хорошенькая кукла... И все ложь, ложь, одна сплошная ложь. Тебѣ не я нуженъ, а богатый содержатель. Не безпокойся, ты будешь обезпечена... Разойдемся, и устраивай тогда свою жизнь, какъ хочешь. Дѣти, конечно, будутъ у меня...

Сидя на полу, Дарья Львовна посмотрѣла на него снизу злыми глазами.

— Ахъ, вотъ какъ? Ну ужъ, это—нѣтъ! Я вовсе не желаю, чтобы мои дѣти попали въ руки какой-нибудь развратной бабѣ, въ родѣ вашего Чернаго Домино. Наслаждайтесь съ нею одни, а дѣтей я не дамъ.

— Дарья Львовна, давайте говорить серьезно,—устало сказалъ Тихомоловъ.—Намъ вѣдь многое надо выяснить. Дѣло о разводѣ я начну немедленно по возвращеніи. Вину, конечно, возьму на себя. А пока я здѣсь, прошу васъ не встрѣчаться съ Макаревичемъ. Сейчасъ я иду къ нему...

— Это еще зачѣмъ? Это зачѣмъ?—перебила его жена, вскакивая съ пола и поспѣшно начиная одѣваться.

— Успокойтесь, — усмѣхнулся Иванъ Михайловичъ.— Драться я съ нимъ не буду, вашъ Жоржикъ останется цѣлъ и невредимъ. Но нужно же намъ условиться, какъ держать себя, пока не кончится дѣло о разводѣ. Вѣдь вы, надѣюсь, повѣнчаетесь съ нимъ послѣ всей этой процедуры.

Разрывая на себѣ тонкую ткань капота, Дарья Львовна упала на постель и залилась уже настоящими слезами.

— О, я несчастная!.. Всю жизнь, всю молодость отдать этому эгоисту,—и вотъ, ступай на улицу... Сухарь, безсердечный человѣкъ, ходячая скука, ненавижу тебя и всегда ненавидѣла, вотъ тебѣ, вотъ, иди теперь къ своему Черному Домино, цѣлуй у нея розовые чулки, она тебѣ еще не такіе рога наставитъ... ха-ха-ха...

— Мѣщанка...—стиснувъ зубы, проговорилъ Тихомоловъ и торопливо вышелъ.

XV.

Несмотря на ранній часъ, учитель уже лежалъ подъ мимозой и, здороваясь съ Иваномъ Михайловичемъ, сказалъ:

— Всю ночь не спалъ, тоска, духота и разговоръ вчерашній взволновалъ... Жену вспомнилъ, всплакнулъ немножко. А грозы такъ и не было.

— Да, мимо прошла. Я тоже не спалъ, до утра на берегу просидѣлъ. Море сильно волнуется.

— Ну, стало быть, опять газетъ не будетъ. Надо уѣзжать отсюда; здѣсь точно въ Аркадіи живешь; тамъ, можетъ быть, уже пальба, кровь льется, а мы ничего не знаемъ.

Подошелъ студентъ—заспанный, нечесаный, всѣмъ своимъ видомъ выражающій глубокую скорбь.

— Война объявлена,—мрачно объявилъ онъ.—Вчера слышалъ на пароходѣ.

— Австріи съ Сербіей?—воскликнулъ учитель.—Ну, теперь пойдетъ... Дѣдка за рѣпку, бабка за дѣдку и такъ далѣе.

— И отлично, что война,—еще мрачнѣе сказалъ студентъ.—Въ добровольцы пойду. Надоѣло все!

— Это съ чего? Да, вѣдь, я забылъ: небожительница уѣхала. То-то вы, милостивый государь, и храпѣли такъ, что вся дача содрогалась.

— Это Петька храпѣлъ, а не я,—обиженно возразилъ студентъ—и вдругъ такъ рявкнулъ «Изъ чрева адова избавилъ мя еси», что всѣ вздрогнули, а помѣщица чуть не выронила изъ рукъ кастрюльку съ кипящимъ какао, которую она несла учителю.

— Ну, началась обѣдня...—простонала она, ставя кастрюльку на столикъ.—Ахъ, здравствуйте, Иванъ Михайловичъ. Ну, я вамъ скажу, ваша супруга вчера на концертѣ фуроръ произвела. Всѣ спрашивали,—что это за интересная блондинка такая. А мужчины просто глазами пожирали...

Иванъ Михайловичъ криво усмѣхнулся и всталъ.

— Куда же это вы? Напейтесь съ нами кофе.

— Нѣтъ, спасибо, купаться пойду, а до купанія ничего не пью.

Но купаться не пошелъ, а прямо направился къ пансіону, гдѣ жилъ Георгій Александровичъ. И по дорогѣ думалъ:—«Ахъ, скорѣй бы, скорѣй!»—хотя и самъ хорошенько не зналъ, что такое именно должно случиться «скорѣй».

Элегантная горничная, въ плоеномъ чепчикѣ на взбитыхъ волосахъ, по широкому прохладному корридору провела его къ комнатѣ Макаревича и постучалась.. Знакомый мягкій баритонъ отвѣтилъ: «войдите!» Горничная удалилась. Иванъ Михайловичъ вошелъ.

Въ комнатѣ сильно пахло лимоннымъ запахомъ магноліи, огромный бутонъ которой распускался въ стеклянной вазѣ на столѣ. Тутъ же лежала книжка Келлермана «Ингеборгъ», развернутая на половинѣ. «Можетъ быть, вмѣстѣ читали»... мелькнуло у Ивана Михайловича. Макаревичъ возился за ширмами, должно быть, одѣвался; слышался плескъ воды и шелестъ.

— Это я!—громко сказалъ Тихомоловъ.

Что-то упало и разбилось. Немного погодя вышелъ Георгій Александровичъ. Онъ былъ причесанъ, тщательно подбритъ на щекахъ, одѣтъ въ полосатую рубашку съ широкимъ поясомъ и привѣтливо улыбался, но въ красивыхъ глазахъ его такъ же,

какъ давеча у Дарьи Львовны, трепетали пугливые огоньки, и какая-то приниженность чувствовалась въ походкѣ и фигурѣ.

— А, вотъ это кто!—съ притворной радостью въ вздрагивающемъ голосѣ началъ онъ и протянулъ руку.

— Господинъ Макаревичъ, я знаю все,—не принимая его руки, проговорилъ Иванъ Михайловичъ.

Румяныя щеки молодого человѣка побѣлѣли, онъ неловко опустилъ руку и тоскливо оглянулся по сторонамъ, какъ бы ища, куда спрятаться отъ этого большого человѣка съ тяжелымъ взглядомъ, въ которомъ таились ненависть и угроза. Потомъ сѣлъ и, нюхая магнолію, пробормоталъ: — Что вы хотите сказать... я, право, не совсѣмъ понимаю...

— Нѣтъ, вы отлично понимаете,—закипая, продолжалъ Тихомоловъ.—Но я не буду входить въ подробности. Могу вамъ только сообщить, что Дарья Львовна получитъ разводъ... и ей уже это извѣстно.

— Разводъ?.. Такъ что же вы хотите?..

— Я-то ничего не хочу!—съ отрывистымъ смѣшкомъ сказалъ Иванъ Михайловичъ.—А вотъ интересно мнѣ знать, какъ вы хотите поступить.

Макаревичъ вскочилъ, опять сѣлъ и уткнулся въ магнолію.

— Странно!.. Если вы намекаете, что я долженъ жениться... то вѣдь у меня могутъ быть другія обязательства, болѣе серьезныя...

— То-есть?

— Напримѣръ, если человѣкъ уже давно обрученъ съ дѣвушкой, которая его любитъ беззавѣтно...

— Ха-ха... вотъ какъ? Ну, а почему же вы не вспомнили объ этихъ обязательствахъ прежде, чѣмъ втереться въ чужую семью, воспользоваться легкомысліемъ женщины, отнять мать у дѣтей, жену у мужа, который, можетъ быть, тоже любилъ ее беззавѣтно? Развѣ вы не знали, какъ это называется и чѣмъ расплачиваются за это господа, подобные вамъ?

— Но это насиліе...—трясущимися губами вымолвилъ Георгій Александровичъ.—Предупреждаю, что я въ принципѣ не признаю дуэлей... и притомъ не вижу, въ чемъ моя вина... Вѣдь мы живемъ не въ десятомъ, а въ двадцатомъ вѣкѣ... Дарья Львовна не ребенокъ... и все было по обоюдному согласію...

Съ жаднымъ любопытствомъ, точно видѣлъ въ первый разъ, разсматривалъ Иванъ Михайловичъ своего врага, его нѣжную кожу, розовый порѣзъ отъ бритвы на пухлой щекѣ, золотистые завитки волосъ на усахъ и бородѣ, и въ немъ все силь-

нѣе и сильнѣе разгоралась ненависть къ этому ничтожному человѣчку, который укралъ у него радость жизни. Онъ боролся, не давалъ ей воли... но при послѣднихъ словахъ Георгія Александровича она огненнымъ потокомъ хлынула ему въ голову, окровавила глаза и вздернула на дыбы давно уже укрощеннаго древняго звѣря.

— Негодяй!..—вскрикнулъ Иванъ Михайловичъ и бросился на молодого человѣка.

Со звономъ полетѣла на полъ ваза, загремѣли стулья, послышался трескъ раздираемаго полотна.—«Помогите!»—хотѣлъ-было закричать Георгій Александровичъ, но въ ту же минуту страшные скрюченные пальцы больно сдавили ему горло, дыханіе остановилось, онъ потерялъ сознаніе.

И вдругъ, точно во снѣ, Иванъ Михайловичъ услышалъ гдѣ-то близко беззаботный дѣтскій смѣхъ и какъ будто Алешинъ голосъ: «Папа!».. Онъ опомнился, выпустилъ изъ рукъ полузадушеннаго, хрипящаго, въ разорванной рубахѣ Макаревича и, пошатываясь, какъ пьяный, ушелъ.

Окончательно очнулся въ паркѣ, на скалѣ Антонія Эрквани, рядомъ съ Ниной Васильевной, которая съ упрекомъ говорила ему:

— Ну зачѣмъ, ну зачѣмъ вы это сдѣлали? Вѣдь это ужасно, вѣдь вы могли его убить, подумайте, какой бы это былъ ужасъ!

— Все равно, все равно...—твердилъ Иванъ Михайловичъ, обѣими руками держась за голову и раскачиваясь, какъ въ припадкѣ зубной боли.

— Неправда, не все равно,—строго прервала его Нина Васильевна.—Ну убили бы и пошли на каторгу, и мучились бы всю жизнь... Развѣ вы этого хотѣли?

— Не знаю... кажется, хотѣлъ... т.-е. убить,—Иванъ Михайловичъ посмотрѣлъ на нее воспаленными глазами, въ которыхъ по временамъ еще вспыхивало что-то дикое, звѣриное.—Если бы вы видѣли эту вылощенную физіономію, этого самодовольнаго франта, упоеннаго своими побѣдами... о-о-о!..

Онъ скрипнулъ зубами и опять сталъ раскачиваться во всѣ стороны.

— Какъ вы ее любите!—тихо сказала Нина Васильевна, подавляя вздохъ.

— Люблю? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Жалкое, лживое созданіе! Я бы еще могъ понять и простить, если бы у нихъ была настоящая любовь или страсть, отъ которой люди теряютъ голову.

Но вѣдь этого нѣтъ. Вѣдь это какая-то гадость, щекотаніе нервовъ, развратная игра... Провели пріятно время—и потомъ она преспокойно возвращается къ супружескому очагу, онъ—къ невѣстѣ. Отвратительно, мерзко, гнусно... и бѣдныя, несчастныя дѣти, у которыхъ такая мать...

— Но они были бы еще несчастнѣе, если бы отецъ ихъ сдѣлался убійцей...—еще тише продолжала Нина Васильевна.— Не оправдывайтесь, вы тоже виноваты передъ ними и, пожалуй, даже еще больше, чѣмъ ваша жена. Вы сильнѣй, вы старше и опытнѣе... и вотъ я васъ прошу,—ради дѣтей, ради ихъ будущаго не повторяйте того, что́ было сегодня.

— Не знаю... не могу обѣщать. Если бы вы знали... я, должно быть, схожу съ ума. Какъ только вспомню, что встрѣчусь... опять увижу эти безстыжіе глаза, эти сладострастныя губы... не могу и не могу... вся кровь бросается въ голову, хочется ревѣть, кусаться, я не знаю что...

Онъ остановился,—ему послышалось, что она плачетъ. Взглянулъ и увидѣлъ покраснѣвшія вѣки, полные слезъ глаза. Что-то оттаяло въ душѣ, потеплѣло, раздвинулся душный мракъ, въ которомъ онъ задыхался.

— Что это, Ниночка? Вы плачете? Неужели это обо мнѣ, который такъ больно васъ обидѣлъ? Неужели не только простили, но еще и любите меня немножко?

Нина Васильевна отвернулась и молчала.

— Милая, не стоитъ... Вы такая прекрасная, а я—дряблое ничтожество, конченый человѣкъ... И если бы вы знали, какъ я ненавижу себя, какъ я гадокъ самому себѣ...

XVI.

Къ ночи, наконецъ, разразилась гроза. Отъ непрерывныхъ молній горѣло небо и горѣлъ воздухъ; горы грохотали, гудѣлъ лѣсъ; огненныя стрѣлы, бороздя тьму, сыпались въ бушующее море. Подъ страшнымъ, оглушающимъ ливнемъ гнулись и трещали деревья, падали листья, содрогались дома. На многихъ дачахъ до утра не ложились и не тушили лампъ.

Иванъ Михайловичъ не слышалъ грозы. Измученный пережитыми волненіями, онъ какъ свалился въ постель, такъ и заснулъ мертвымъ сномъ. Изрѣдка, когда ревъ ливня, сливаясь съ ревомъ грома, заставлялъ дребезжать стекла оконъ, на мгновеніе просыпался, непонимающими глазами смотрѣлъ на

голубыя зарева молній, скользящія по комнатѣ, на испуганныхъ дѣтей, которыхъ кто-то уговаривалъ не плакать, и снова уходилъ въ небытіе.

Проснулся поздно и съ такимъ чувствомъ, какъ-будто въ то время, когда онъ спалъ, произошло что-то очень важное. Можетъ быть, ночная гроза оставила такое впечатлѣніе или былъ какой-нибудь, теперь уже позабытый, сонъ, но чувствовалось, что сегодня будетъ не то, что̀ вчера. А утро привѣтствовало его радостью и свѣтомъ. Вся комната была наполнена золотисто-зелеными трепетаніями; въ отворенную дверь съ веранды лился освѣжающій запахъ мокрой земли и мокрой листвы. И мощный гулъ, похожій на эхо далекой бури, стоялъ въ безвѣтріи воздуха, насыщеннаго солнечными лучами. Иванъ Михайловичъ сначала не зналъ, что̀ это такое, но прислушался и понялъ: гудѣло море, взволнованное ночной грозой.

Дѣтей уже не было, а Дарья Львовна, притихшая, причесанная гладко и просто, какъ любилъ Иванъ Михайловичъ, сидѣла на верандѣ у чайнаго стола. Не подходя и не цѣлуя ея руки, что̀ было у нихъ обыкновеніемъ по утрамъ, Тихомоловъ спросилъ:

— А гдѣ же дѣти?

— Они уже ушли гулять съ Сашей,—отвѣтила Дарья Львовна и, видя, что мужъ спускается съ веранды, прибавила съ испугомъ:—А что же чаю?

— Спасибо, я не хочу,—сказалъ Тихомоловъ, не оглядываясь.

Дарья Львовна проводила его глазами; отчаяніе, злость исказили ея прекрасное лицо и, уткнувшись головой въ край стола, она зарыдала.

Иванъ Михайловичъ очень удивился, не найдя учителя ни на верандѣ, ни подъ мимозой на его любимомъ топчанѣ. Заглянулъ въ комнаты,—и тамъ никого не было, только гулъ моря здѣсь былъ еще слышнѣе, точно по пустымъ комнатамъ носилась невидимая буря. И съ грознымъ голосомъ ея странно сливалось жалобное жужжаніе шмеля, который безпомощно бился подъ опрокинутымъ стаканомъ, куда, должно быть, заключилъ его Петя для своей коллекціи. Иванъ Михайловичъ выпустилъ бѣднягу; ошеломленный неожиданной свободой, шмель долго еще крутился на одномъ мѣстѣ, потомъ расправилъ помятыя крылышки, взлетѣлъ и съ радостнымъ гудѣніемъ шлепнулся въ мокрую траву.

Все населеніе дачи съ самимъ хозяиномъ во главѣ оказа-

лось на улицѣ у калитки, и Тихомоловъ удивился еще больше, увидѣвъ въ центрѣ длинную сутуловатую фигуру учителя. Онъ держалъ въ рукахъ газету и, жестикулируя, громко о чемъ-то говорилъ; хозяинъ, благообразный грекъ съ ласковыми, хитрыми глазами, сочувственно ему поддакивалъ.

— Здравствуйте,—сказалъ Иванъ Михайловичъ.—А я васъ сейчасъ искалъ, думалъ, вы по обыкновенію подъ мимозой лежите.

Учитель обратилъ къ нему возбужденное лицо, на которомъ сегодня особенно ярко вырѣзывались пятна чахоточнаго румянца.

— Подъ мимозой? Нѣтъ ужъ, теперь некогда лежать, всѣмъ вставать надо!

— Почему?

— Батенька, да развѣ же вы не знаете? Вѣдь всеобщая мобилизація объявлена! На-те, читайте!

Иванъ Михайловичъ машинально взялъ газету, прочелъ, и странное спокойствіе овладѣло его душой. — «Ну, вотъ оно и рѣшеніе вопроса»,—подумалъ онъ съ такимъ чувствомъ, какъ будто съ плечъ его свалилось тягостное бремя. И, возвращая газету учителю, произнесъ:

— Да, это большая новость. Мнѣ надо сегодня же уѣзжать.

— Какъ, развѣ васъ тоже это касается?—спросилъ учитель.

— И очень даже: я вѣдь состою въ запасѣ.

На него посмотрѣли,—одни съ любопытствомъ, другіе съ сочувствіемъ, а хозяинъ сложилъ руки на своемъ кругленькомъ животикѣ и вздохнулъ.

— Ну, если война, намъ всѣмъ придется отсюда уѣхать. Турція однимъ глазомъ спитъ, а другимъ на Кавказъ смотритъ. Какъ Россія туда (онъ ткнулъ пальцемъ въ пространство), такъ Турція сюда... Пропали наши дачи, наши сады, наши труды...

— Почему пропали? Это мы еще посмотримъ, — сверкая глазами, возразилъ учитель.—Когда насъ не трогаютъ, мы смирные, а попробуйте-ка тронуть,—извините, въ обиду не дадимся. Иванъ Михайловичъ, вы чего смѣетесь? Не вѣрите?

— Нѣтъ, я вспомнилъ вашъ недавній споръ съ Ольгой Ивановной. Вы тогда немножко не то говорили.

— Очень можетъ быть! Тогда война еще далеко была, а вотъ, когда она на носу, тутъ уже разсуждать нечего, надо обороняться.

Соломониди опять вздохнулъ, въ его миндалевидныхъ глазахъ появилось выраженіе тоски,—должно быть, онъ думалъ о своихъ дачахъ и садахъ.

Подошелъ Петя, запыхавшійся, красный, и безъ обычныхъ своихъ принадлежностей—сачка и банокъ съ эѳиромъ.

— Что тамъ въ городѣ дѣлается! — оживленно сообщилъ онъ. — Идутъ, ѣдутъ, вся площадь запасниками запружена. И нашего булочника забрали, прощайтесь теперь съ вѣнскимъ печеньемъ, дамскимъ утреннимъ развлеченьемъ. Карасинъ говоритъ, и его заберутъ.

— Мой Аристидъ тоже уйдетъ...—печально сказалъ Соломониди.

— Однако, надо и мнѣ въ городъ,— перебилъ его Иванъ Михайловичъ.—Дѣло, очевидно, серьезное, пожалуй, еще билета на пароходъ не достанешь.

— А вы хотите нынче ѣхать?—спросилъ Петя.—Ну, не уѣдете, пароходы не пристанутъ. Тамъ такая огромная зыбь,—фелюги спустить невозможно.

— Все-таки пойду. Кстати, я вамъ, Петя, непріятность сдѣлалъ, шмеля изъ-подъ стакана выпустилъ. Вы ужъ не сердитесь.

— Шмеля? Чортъ съ нимъ! Какіе тутъ шмели, когда война...

Иванъ Михайловичъ засталъ жену въ той же позѣ, какъ оставилъ, склонившуюся надъ столомъ, передъ потухшимъ самоваромъ. Она уже не плакала и напряженно думала о чемъ-то; глаза ея припухли и были красны, но въ золотисто-зеленой тѣни веранды она казалась такой же красивой, какъ всегда. У Тихомолова тоскливо сжалось сердце отъ мысли, что эта красота никогда больше не будетъ ему принадлежать, и въ мозгу, какъ молнія, пронеслись всѣ сладкія и радостныя минуты, пережитыя съ женой. Но усиліемъ воли онъ поборолъ въ себѣ тоскливую боль грядущей разлуки и сказалъ серьезно и твердо:

— Ну вотъ, все складывается для насъ съ вами самымъ лучшимъ образомъ. Объявлена мобилизація, и я долженъ немедленно ѣхать домой, чтобы явиться къ своему воинскому начальнику. Если возможно, постараюсь уѣхать сегодня же, а ты... а вы съ дѣтьми можете пока остаться здѣсь.

— Я не останусь, я тоже уѣду!..—быстро проговорила Дарья Львовна.

— Какъ хотите. Но съ разводомъ, конечно, придется подождать до окончанія войны, если она будетъ. А, можетъ быть,

и никакого развода не нужно будетъ... убьютъ меня на войнѣ, и тогда дѣло упростится.

Глаза Дарьи Львовны наполнились слезами, она протянула къ нему руки.

— Ваня, Ваня, какъ это жестоко... Неужели ты не можешь простить, забыть... не для меня, а хоть бы для дѣтей...

— Нѣтъ, Дора, нѣтъ...—остановилъ ее Иванъ Михайловичъ.—Оставьте, не надо объ этомъ... по крайней мѣрѣ, не теперь, только не теперь...

И съ тѣмъ же чувствомъ необычайнаго спокойствія и душевной легкости онъ отправился въ городъ.

XVII.

Море бушевало весь день, пароходы проходили мимо, и съ берега было видно, какъ они качались, зарываясь носомъ въ пѣнистыя волны. И весь день по шоссе мчались автомобили и фаэтоны, неторопливою рысцой трусили обывательскіе «дели-жаны», группами или въ одиночку шли запыленные пѣшеходы. Спѣшили въ городъ на призывъ; штукатуры, плотники, сторожа бросали работу; пріѣзжіе раньше срока прерывали свои каникулы, и, хотя никто еще не зналъ,—будетъ ли война, съ кѣмъ и когда, но у всѣхъ одинаково, начиная съ блестящаго гвардейскаго офицера и кончая простымъ рабочимъ, были озабоченныя и торжественныя лица, какія бываютъ у людей въ моменты великихъ, страшныхъ или радостныхъ событій.

А когда пришелъ ласковый серебряный вечеръ и молодой мѣсяцъ голубыми алмазами усѣялъ затихающее море,—странное, жуткое молчаніе распростерлось надъ городомъ. Въ паркѣ не было музыки, площадка для танцевъ была пуста, исчезла куда-то нарядная, беззаботная толпа, наполнявшая рестораны и кофейни. Лишь кое-гдѣ слышался смѣхъ беззаботной, неунывающей молодежи, да въ тихомъ сумракѣ аллей бродили парочки, для которыхъ ихъ собственная любовь была все-таки важнѣе всего на свѣтѣ.

Нина Васильевна и Тихомоловъ опять сидѣли на скалѣ Эрквани; море, какъ усталый звѣрь, съ глухимъ ворчаніемъ ворочалось внизу, обвѣвая ихъ лица своимъ теплымъ, влажнымъ дыханіемъ.

— Я радъ, страшно радъ, что все такъ случилось!—говорилъ Иванъ Михайловичъ.—Еще вчера моя жизнь представля-

лась мнѣ какимъ-то страшно запутаннымъ клубкомъ, въ которомъ нельзя было разобрать ни начала, ни конца... и вотъ одна ночь, всего только одна ночь, а какъ все ясно и какъ удивительно просто рѣшилось.

— И вы теперь спокойны, совсѣмъ спокойны?

— Да, я спокоенъ. Мнѣ кажется, что хуже того, что̀ было, уже не будетъ, а потомъ эта мобилизація, можетъ быть, война... Знаете, Ниночка, у меня теперь такое чувство, будто пришелъ кто-то,—случай или рокъ, не знаю, все равно,—и все за меня устроилъ, все сдѣлалъ, и не надо мнѣ ни о чемъ заботиться, и отъ всего я свободенъ, за все прощенъ...

—Если такъ, я тоже буду спокойна. А вчера мнѣ было страшно, я не спала всю ночь. Не отъ грозы, а отъ ожиданія какого-то ужаса... Мнѣ все чудились крики, стоны, выстрѣлы... я боялась за васъ, вы были въ такомъ ужасномъ состояніи...

— Теперь кончилось, все кончилось, и я такъ крѣпко спалъ въ эту ночь, какъ будто душа моя знала, что вы тутъ, близко и охраняете меня отъ темныхъ духовъ безумія и злобы.

—Да, Ниночка, я начинаю вѣрить въ чудеса. И первое, самое главное чудо,—это вы и моя встрѣча съ вами.

— Ну, какое же это чудо!—возразила Нина Васильевна, съ безпокойствомъ прислушиваясь къ возбужденному тону его рѣчи.— Никакого чуда нѣтъ, все самое обыкновенное.

— А, нѣтъ, Ниночка, именно необыкновенное! Ну кто бы могъ подумать, что таинственное Черное Домино, къ которому я подошелъ тогда ночью, это и есть вы,—живой призракъ, живое напоминаніе о самомъ постыдномъ поступкѣ моей жизни. Развѣ это не чудесно? Преступленіе, наказаніе и прощеніе— все вмѣстѣ и въ такую минуту, когда, можетъ быть, готовилось новое преступленіе... А потомъ эта мобилизація,—какъ хорошо и какъ просто. Только бы поскорѣй уѣхать, поскорѣй оборвать послѣднюю ниточку, которая еще связываетъ меня съ прежнимъ... Охъ, кажется, не дождусь!

— Ну, вотъ видите, вы говорите, что спокойны, а сами волнуетесь.

— Да нѣтъ же, Нина, я радъ и я счастливъ, что чувствую себя совсѣмъ новымъ человѣкомъ. Поэтому мнѣ и хочется какъ можно скорѣй начать новую жизнь, и чтобы ничего, рѣшительно ничего не оставалось отъ стараго... Вамъ не понятно? Ну какъ бы это объяснить. Мнѣ кажется, что подобное должна испытывать змѣя передъ тѣмъ, какъ сбросить старую шкурку. Новая уже отросла, чувствуется, какъ она легка и пріятна, но и старая еще

тутъ, тянется, шуршитъ, мѣшаетъ, скорѣй бы ее сбросить, освободиться, а нѣтъ, нельзя, рвется вмѣстѣ съ живымъ мясомъ, надо погодить. Вы поняли, Ниночка?

— Поняла, но не согласна. Змѣя скинула шкурку и пошла, а вамъ нельзя такъ. Дѣти-то вѣдь останутся. Развѣ можно уйти отъ нихъ совсѣмъ? Это ужъ не тоненькая ниточка, а цѣлая желѣзная цѣпь...

— Да, дѣти... Конечно, я ихъ очень люблю. И во всемъ, что́ случилось, это самое больное... Семейный разладъ прежде всего отражается на дѣтяхъ. Но теперь и для нихъ все складывается очень удобно и хорошо. Они пока останутся при матери, отецъ уходитъ на войну. Видите, какъ и этотъ вопросъ рѣшается просто, безъ всякой ломки и надрыва. А тамъ, можетъ быть, на помощь придетъ великая примирительница—смерть...

— Вы все о смерти... а если она не придетъ? И война не будетъ длиться вѣчно, вы вернетесь,—что́ тогда?

— Не знаю... во всякомъ случаѣ не прежнее, а что-то другое. Зачѣмъ загадывать? Смотрите, какую широкую, свѣтлую дорогу проложилъ мѣсяцъ черезъ море. И чѣмъ дальше, тѣмъ все свѣтлѣе, выше, выше... Кажется, она ведетъ прямо на небо. Мнѣ хотѣлось бы взять васъ за руку и пойти вмѣстѣ по этой дорогѣ... куда бы она ни привела,—къ жизни или смерти, къ счастью или несчастью,—все равно. А вы бы пошли?

— Пошла бы...

— Ну такъ давайте руку и пойдемъ. Только помните, Ниночка, что бы ни случилось,—вмѣстѣ и навсегда...

Они взялись за руки и долго смотрѣли на зыбкій, сверкающій мостъ, перекинутый черезъ море отъ земли къ небесамъ. Сумрачно и смутно было вокругъ нихъ на скалѣ; внизу стонали и вздыхали волны; изъ гущи парка несся невнятный шепотъ; чья-то легкая тѣнь беззвучно мелькнула и пропала въ зеленомъ сіяніи луны. А тамъ впереди, въ безмолвіи серебристыхъ далей, таилось невѣдомое будущее, и было страшно и радостно итти туда вмѣстѣ по зыбкому мосту Мечты, которая всегда обманываетъ, и Надежды, которая часто не сбывается...

Также молчаливо, рука съ рукой, они возвращались на дачу. Улицы были необычно пусты; всѣ отдыхали послѣ безпокойнаго дня; трактиры и винныя лавки по распоряженію начальника округа были закрыты, и около нихъ не толпились, какъ всегда, запоздавшіе веселые гуляки. Торговали однѣ кофейни; изъ отворенныхъ настежь дверей слышалось сухое щелканье билліардныхъ шаровъ; на троттуарѣ подъ навѣсомъ сидѣли за столи-

ками пестрыя группы и, прихлебывая изъ крохотныхъ чашечекъ густой турецкій кофе, или сосредоточенно играли въ кости и шашки, или о чемъ-то шумно спорили. Иванъ Михайловичъ остановился.

— Зайдемте выпить кофе?—предложилъ онъ, тихонько пожимая руку Нины Васильевны.

Она радостно улыбнулась и кивнула головой. Въ такомъ настроеніи была, что если бы онъ позвалъ ее выпить чашечку яду, она также радостно согласилась бы и пошла. Развѣ не сказано было: вмѣстѣ и навсегда...

Разыскали свободный столикъ подальше отъ окна, чтобы быть въ тѣни, и молодой красавецъ-турокъ съ мечтательными глазами подалъ имъ кофе и два бокала съ холодной водой. Потомъ отошелъ, прислонился къ косяку двери и сталъ напряженно вслушиваться въ оживленный разговоръ, который вели между собой два упитанныхъ и выхоленныхъ путейца, старичекъ въ золотомъ пенсне и еще одинъ, въ которомъ Иванъ Михайловичъ узналъ того жирнаго господина, который во время концерта говорилъ, что Россія не готова къ войнѣ. И теперь, волнуясь и шлепая губами, онъ плачущимъ голосомъ убѣждалъ старичка, какъ будто бы отъ него это зависѣло, во что бы то ни стало воздержаться отъ войны, угрожающей Россіи страшной катастрофой. Язвительно усмѣхаясь выцвѣтшими губами, старичекъ возражалъ:

— Ну, хорошо, ну, будемъ воздерживаться, а если на насъ нападутъ?

— Никто не нападетъ, кто же можетъ напасть?

— А Германія?

— Ни за что, никогда! Ужъ Германія-то никогда не нападетъ, ей это невыгодно. А если бы напала, то лучше уступить, чѣмъ воевать съ ней. Лучше потерять немножко, чѣмъ все.

— Какой вы уступчивый!—хихикнулъ язвительный старичекъ.—Да позвольте, у васъ нѣтъ ли денегъ въ Германіи, что вы такъ безпокоитесь насчетъ войны?

Толстякъ весь налился кровью и тоненькимъ бабьимъ голоскомъ плаксиво запричиталъ:

— Деньги—деньги... Тутъ не только деньги, тутъ все ставится на карту... Насъ вытѣснятъ изъ Европы, загонятъ въ Азію, мы потеряемъ все. Развѣ возможно справиться съ Германіей? У нихъ все, у насъ ничего... Они отберутъ у насъ Финляндію, Польшу, Остзейскій край, въ союзѣ съ Турціей отнимутъ Кавказъ...

Сидѣвшіе по сосѣдству турки перестали цѣдить сквозь зубы кофе и подняли головы отъ чашекъ и обернулись въ ихъ сторону. Смуглыя лица ихъ, носившія слѣды безчисленныхъ морскихъ непогодъ, оставались безстрастными, но въ глубинѣ темныхъ глазъ, какъ зарницы передъ грозой, вспыхнули безпокойные огни—и снова погасли.

Въ это время путейцы докончили свой кофе и подозвали молодого турка, стоявшаго у двери.

— Ну, Гассанъ, получай за свой кофе, въ послѣдній разъ у тебя пили. Завтра уѣзжаемъ.

— На война?—скаля бѣлые зубы, спросилъ Гассанъ.

— Да ужъ видно на война, ничего не подѣлаешь. А что, небось, Турція ваша тоже шевелится. А?

— Нэ знаимъ. Пачемъ мы знаемъ!—пожалъ плечами Гассанъ.

— Ой, врешь! А у самого въ глазахъ-то такъ чертенята и забѣгали. Знаемъ мы, какъ вы не знаете. Стоитъ намъ отвернуться, вы сейчасъ въ спину ятаганомъ,—а? Скажешь—нѣтъ?

Турокъ пересталъ улыбаться; лицо стало строгое, немножко печальное.

— Бѣдный человѣкъ война не надо, кушать надо. Есть кушать,—хорошо есть, нѣтъ кушать,—бѣдный человѣкъ совсѣмъ плохо, помирать надо. А зачѣмъ война,—мы нэзнаимъ и ты нэзнаишь, никто нэзнаитъ. Богъ знаитъ, онъ молчитъ...

— Вотъ единственныя умныя слова, которыя я здѣсь услышалъ...—шепнулъ Нинѣ Васильевнѣ Тихомоловъ.—Этотъ турецкій мальчикъ съ глазами мудреца въ тысячу разъ умнѣе тѣхъ дипломированныхъ господъ, которые судятъ и рядятъ о томъ, чего сами не знаютъ. Да, никто ничего не знаетъ, зачѣмъ жизнь и смерть, зачѣмъ война, въ чемъ счастье и несчастье, что̀ такое мы сами. Мы суетимся, дѣлаемъ карьеру, наживаемъ деньги, устраиваемъ себѣ уютные уголки и думаемъ, что благополучіе нашего маленькаго, самодовольнаго Я зависитъ отъ насъ самихъ. Но вотъ приходитъ невѣдомое «завтра» и, какъ карточный домикъ, разметываетъ зданіе нашей жизни, вноситъ въ нее ужасъ, позоръ, преступленіе, величіе превращаетъ въ ничтожество, призрачную радость въ жестокую боль. Зачѣмъ? Это знаетъ одинъ Богъ, но онъ всегда молчитъ...

— Иванъ Михайловичъ, если все кончено, можетъ быть, лучше объ этомъ не говорить?—остановила его Нина Васильевна, съ огорченіемъ замѣчая, какъ снова начинаютъ дергаться у него губы и нездоровымъ огнемъ загораются глаза.

Ея опечаленное лицо и испуганный взглядъ заставили его встряхнуться; подавляя въ себѣ то темное, что̀ по временамъ еще рычало и показывало когти, онъ сказалъ:

— Нѣтъ, Ниночка, ничего, скорѣе пройдетъ. Вы только помните одно: вмѣстѣ и навсегда...

XVIII.

Тихомоловымъ не пришлось уѣхать ни на другой день, ни на третій. Послѣ бури правильность рейсовъ нѣсколько нарушилась; пароходы приходили перегруженные, билеты выдавались въ ограниченномъ количествѣ, и только немногимъ счастливцамъ удавалось получить мѣста, да и то гдѣ-нибудь на палубѣ. Уѣхать сухимъ путемъ тоже не было никакой возможности: всѣ автомобили, извозчичьи и частные экипажи, дрогали и ломовыя подводы были взяты подъ запасниковъ, спѣшившихъ на призывъ. Поэтому въ первые дни мобилизаціи во всемъ городѣ ни за какія деньги нельзя было достать ни одного извозчика. Необычная тишина на улицахъ послѣ недавняго шумнаго оживленія, опустѣвшій паркъ, исчезновеніе знакомыхъ, примелькавшихся лицъ, неизвѣстно откуда исходящіе, пугающіе слухи въ родѣ того, что скоро прекратится пароходное движеніе и никому нельзя будетъ уѣхать,—все это разстраивало привычное теченіе жизни, взвинчивало нервы и создавало тревожное настроеніе, котораго не могла разсѣять сіяющая красота южной природы. Все было прежнее,—такъ же знойно пылало солнце, въ садахъ цвѣли бѣлоснѣжныя юкки и лиловыя лагерстреміи, затихшее море посылало къ небу свои сверкающія улыбки, огнистые закаты зажигали по горамъ и лѣсамъ праздничные факелы, и ночи, нѣжныя, страстныя, таинственныя ночи такъ же сѣяли надъ городомъ волшебные лунные сны, безъ словъ разсказывали древнія, какъ міръ, но никогда не надоѣдающія сказки. Все было прежнее и въ то же время все какъ-то странно измѣнилось, никого не радовало и не восхищало,—точно на веселомъ пиру вдругъ появился мрачный вѣстникъ ужаса и смерти. И блестящая курортная публика, охваченная смутнымъ страхомъ за свою жизнь и достояніе, превратилась въ дикое стадо. Осаждала пароходныя агентства, почту, казначейство, ломилась въ кассы, требуя билетовъ, толпилась на пристаняхъ въ ожиданіи парохода, сидя на узлахъ и чемоданахъ. На сѣверъ и съ сѣвера летѣли телеграммы; вездѣ была давка, толкотня; элегантныя, благовоспитанныя дамы съ

изступленными лицами, въ распустившихся прическахъ, лѣзли напроломъ, распихивали всѣхъ локтями, обмѣнивались другъ съ другомъ яростными взглядами; мужчины не узнавали вчерашнихъ знакомыхъ, ссорились между собою изъ-за мѣста въ фелюгѣ, сыпали дерзостями направо и налѣво... У каждаго было только одно желаніе,—скорѣе, какъ можно скорѣе уѣхать, а тамъ... что будетъ тамъ, объ этомъ пока никто не думалъ.

На Ильинъ день, въ золотѣ и сверканіи полуденнаго солнца, среди дремотной тишины, напоенной запахомъ мимозъ, осыпанныхъ розовымъ пухомъ, какъ громовый ударъ, пронеслась вѣсть: Германія объявила Россіи войну. Въ это время Иванъ Михайловичъ возвращался изъ агентства послѣ неудачной попытки достать билетъ на ночной пароходъ. Оттуда зашелъ на почту, отправилъ срочную телеграмму о невозможности выѣхать немедленно, и уже на улицѣ чуть не былъ сбитъ съ ногъ газетчикомъ, который, сломя голову, весь въ поту, летѣлъ куда-то съ неистовымъ крикомъ:

— Война съ Германіей!.. Взятіе Калиша!.. Очень интересно!..

Иванъ Михайловичъ остановилъ его и купилъ телеграмму, напечатанную на бурой оберточной бумагѣ. Газетчикъ на-лету подхватилъ пятакъ и помчался дальше; глядя ему вслѣдъ, пожилой рабочій сказалъ съ усмѣшкой:

— Вотъ, кому горе, а кому и счастье... Небось, сколько онъ теперь заработаетъ. А я вчера сынишку въ Рязань проводилъ, запасный онъ у меня, въ плотникахъ здѣсь работали... ну-ка, прочитайте, господинъ, что̀ тамъ про войну-то пишутъ!

Тихомоловъ прочелъ. Хотя и давно ждалось, но сердце почему-то вздрогнуло и захолодало.—«А въ самомъ дѣлѣ, готовы ли мы, справимся ли мы?» подумалось ему, и до боли стало жаль Россію, огромную, неустроенную, непорядливую, но милую, какъ родная мать, Россію. Забылось и простилось все, что̀ было въ ней темнаго, грубаго, стихійно-жестокаго; остались только великая жалость, великая любовь и сознаніе своей кровной связи съ ней передъ лицомъ грознаго врага.

Можетъ быть, то же самое почувствовалъ и рязанскій плотникъ. Выслушавъ телеграмму, онъ снялъ клѣтчатую фуражку и перекрестился.

— Та-акъ... стало быть, сила большая супротъ насъ подымается. Жалко сынишку-то, малый больно хорошъ, да что жъ подѣлаешь, надо Рассею оборонять. Спасибо, господинъ, за прочтеніе.

На дачѣ уже все знали,—должно быть, шустрый Петя успѣлъ сообщить новость,—и учитель еще издали крикнулъ Ивану Михайловичу:

— Каковъ нѣмецъ-то, а? Что я вамъ говорилъ? Это у нихъ нарочно съ Сербіей подстроено, развѣ имъ Сербія нужна? Провокація, форменная провокація, я всегда это говорилъ, помните?

Иванъ Михайловичъ не помнилъ, но, чтобы не огорчать учителя, сдѣлалъ видъ, что дѣйствительно что-то подобное слышалъ.

— А мы тоже на военномъ положеніи,—продолжалъ учитель.—Укладываемся. Вотъ Ольгу Ивановну кто-то напугалъ, что не нынче—завтра турки придутъ, рѣзать будутъ, ну и рѣшили бѣжать.

На верандѣ у нихъ былъ страшный безпорядокъ, валялись бумажки, обрывки веревокъ, пузырьки, дохлые скорпіоны, жуки. Изъ комнаты помѣщицы доносились отголоски шумнаго спора: говорили всѣ разомъ. Ольга Ивановна въ чемъ-то убѣждала сыновей; они возражали, потомъ студентъ гикнулъ, свистнулъ и, подражая казачьей манерѣ, запѣлъ:

Поѣхалъ казакъ на чужбину далече
На вѣрномъ конѣ воронымъ...

Разстроенная, все заплаканная, помѣщица вышла на веранду и въ полномъ изнеможеніи опустилась на стулъ.

— Ну что я съ ними подѣлаю!—сказала она и всхлипнула.—На войну собираются... Коленька говоритъ: университетъ брошу, въ юнкера поступлю, а Петя въ добровольцы хочетъ...

— Ага! И хорошее дѣло. А вамъ что же, не нравится?

— Батюшка, да куда жъ имъ воевать, вѣдь дѣти малыя...

— Ага! А кто говорилъ: своими руками благословлю, за Россію жизни не пожалѣю? Стало быть, теперь играй назадъ?

Ольга Ивановна осѣла, а Петя изъ-за двери сказалъ неестественнымъ басомъ:

— Вотъ у насъ всегда такъ: кричатъ—«патріотизмъ—патріотизмъ», а въ конскую мобилизацію что дѣлаютъ: хорошихъ лошадей попрячутъ, а одровъ выставятъ...

— Петька, молчи!—крикнула помѣщица и топнула ногой.

— Вотъ еще, съ какой стати мнѣ молчать! А что касается войны, вы, мамаша, какъ женщина, ничего въ этомъ не понимаете. Разъ отечество въ опасности, всякій порядочный гражданинъ, способный носить оружіе, обязанъ его защищать.

Ольга Ивановна поникла головой. А студентъ заливался:

Казакъ и просилъ и молилъ, умирая,
Насыпать курганъ въ головахъ,
И пусть на курганѣ калинка родная
Красуется въ яркихъ цвѣтахъ...

22-го іюля, наконецъ, удалось уѣхать. Когда извозчикъ,—уже не Карасинъ, а другой,—привезъ Тихомоловыхъ на пристань, пароходъ подходилъ, и на берегу жгли фальшфейеры, озарявшіе краснымъ, бѣлымъ и зеленымъ свѣтомъ волнующуюся толпу. Картина была фантастическая, странная и немного жуткая. Штатскіе и военные, дамы и простыя бабы, русскіе и туземцы съ чемоданами, узлами, мѣшками,—все смѣшалось, все спуталось въ одномъ общемъ стремленіи не опоздать и поскорѣе попасть на пароходъ. Это было похоже на бѣгство; казалось, всѣмъ угрожала здѣсь какая-то страшная опасность, и люди готовы были грызть, рвать и топтать другъ друга, только бы первому сѣсть въ фелюгу. Говоръ, смѣхъ, ругательства, плачъ, плескъ прибоя, гортанные возгласы турокъ сливались въ одинъ нестройный, безсвязный и тревожный гулъ. Выли и причитали жены запасныхъ; кое-гдѣ взвивалась, какъ ракета, солдатская пѣсня или вдругъ въ эту сумятицу звуковъ пронзительно и гнусаво врѣзывался голосъ газетчика:

— Интересныя вечернія телеграммы!.. Бомбардировка Либавы!.. Сраженіе въ Бельгіи и Франціи!.. Англія наканунѣ войны съ Германіей!..

Эти слова дѣйствовали на толпу, какъ ударъ электрическаго тока, она содрогалась, устремлялась къ газетчику, вырывала у него телеграммы, и бурые, розовые, желтые листочки разлетались во всѣ стороны, переходили изъ рукъ въ руки, прочитывались, обсуждались.

Глядя на взволнованныя, недоумѣвающія или испуганныя лица, прислушиваясь къ пѣснямъ идущихъ на войну и воплямъ ихъ женъ и матерей, Тихомоловъ вспомнилъ свою сказочку о карликѣ и великанѣ. Какъ недавно это было и въ то же время какъ давно... Еще вчера такіе беззаботные, теперь всѣ эти люди куда-то бѣгутъ безъ оглядки, точно за ними по пятамъ гонится сама смерть. Да, вотъ они, шаги великана, которые чудились ему въ благоуханной тишинѣ звѣздныхъ ночей, въ безмолвныхъ трепетаніяхъ голубыхъ зарницъ... Они приблизились, и подъ желѣзною стопою рухнуло бѣдное маленькое счастье маленькихъ людей.

Онъ украдкой взглянулъ на притихшую жену, на красные, распухшіе глаза Саши, которая ревѣла, не переставая, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Аристида угнали въ Новороссійскъ. Почувствовалъ за нихъ, какъ должно быть имъ больно и тяжело, захотѣлось сказать что-нибудь ласковое, ободряющее... и не сказалъ. Пусть страдаютъ молча, про себя; настоящее страданіе легче переносится, когда его не бередятъ. Заботливо наклонился къ ребятишкамъ, которые теребили его съ двухъ сторонъ и приставали съ разспросами,— зачѣмъ разноцвѣтные огни, почему пароходъ къ берегу не подходитъ и отчего не зажженъ маякъ.

— Оттого, что мѣсяцъ свѣтитъ, да? При мѣсяцѣ пароходъ и такъ все видитъ, правда, папа, вѣдь, да?—спрашивалъ Алеша.

— И вовсе не оттого, что мѣсяцъ, а оттого, что война,— съ важностью возражалъ Витя.—Петя сказалъ, какъ война началась, такъ и маякъ потушили.

Петя былъ авторитетъ и ужъ если онъ это сказалъ, значитъ, правда. Но по своей привычкѣ анализировать всякое непонятное явленіе Алеша все-таки сначала подумалъ, потомъ сказалъ серьезно:

— Да вѣдь война далеко, какъ же она оттуда будетъ видѣть нашъ пароходъ?..

Появился запыхавшійся, весь потный носильщикъ и, вытирая фартукомъ лицо, сказалъ:

— Барынъ, иди скорѣй, на фелюга садысь, сычасъ народъ, какъ баранъ, будетъ, ныльзя сѣсть будетъ...

Пароходъ уже приблизился и хрипло, съ натугой заревѣлъ. Толпа ринулась къ трапу. Носильщикъ подхватилъ ребятишекъ на руки и исчезъ среди невообразимой сумятицы, криковъ, визговъ и воя. Тихомоловъ толкнулъ вслѣдъ за нимъ растерянную Сашу, потомъ жену и самъ спустился въ фелюгу. Сверху на нихъ летѣли какія-то корзины, подушки, чайники, черезъ головы перепрыгивали люди и когда, наконецъ, переполненная фелюга, покачиваясь, отчалила отъ пристани, съ берега раскатилось протяжное «ура» вперемѣшку съ пѣніемъ гимна.

Запасники сняли шапки и крестились на удаляющуюся церковь, ярко освѣщенную луной, одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Ну, слава Богу, уѣхать-то уѣхали, а вотъ приведетъ ли Господь вернуться благополучно...

Никто не отвѣтилъ, всѣ жадно смотрѣли на поющій и кричащій берегъ, гдѣ у каждаго осталось что-нибудь свое, завѣтное, какая-нибудь памятка, которую съ кровью и болью приходилось отрывать отъ сердца.

На пароходѣ были такая же давка, тѣснота, безпорядокъ, коекъ не было, даже въ каютъ-компаніи пассажиры лежали въ повалку на полу. Тихомоловъ кое-какъ устроилъ своихъ на палубѣ и ушелъ на корму въ послѣдній разъ взглянуть на городъ. Съ Ниной Васильевной у нихъ было условлено, что она не придетъ провожать на пристань, а будетъ сидѣть на скалѣ Эрквани и въ моментъ отхода парохода сдѣлаетъ ему привѣтственный знакъ зажженымъ фонарикомъ. Иванъ Михайловичъ досталъ бинокль и напряженно всматривался въ темную линію парка, посеребренную луннымъ свѣтомъ. Вотъ, кажется, и скала; отсюда она похожа на исполинскую мохнатую папаху, брошенную въ море. Иванъ Михайловичъ тщетно искалъ на ея верхушкѣ крохотнаго огонька... его не было. Вдругъ знакомый вкрадчивый голосъ гдѣ-то совсѣмъ близко произнесъ:

— Да, мнѣ тоже придется надѣвать мундиръ и, признаюсь, это совершенно спутываетъ всѣ мои планы...

Тихомоловъ быстро обернулся и увидѣлъ Макаревича. Розовая свѣжесть его немножко потускнѣла; онъ какъ будто выцвѣлъ, полинялъ, и шея у него была обмотана чѣмъ-то бѣлымъ. Нѣсколько мгновеній они смотрѣли другъ на друга глазами, полными ненависти и ужаса; Макаревичъ первый опустилъ свои, попробовалъ улыбнуться,—улыбка вышла жалкая и смѣшная, и потихоньку замѣшался въ толпѣ. Иванъ Михайловичъ съ хрипомъ передохнулъ и подумалъ: «Не надо, не надо такъ!..» хотя ноги и руки у него дрожали, сердце то бѣшено колотилось, то совсѣмъ замирало, и что-то мутное, красное, точно зарево пожара, стояло въ глазахъ. Но что̀ было самое страшное,—это сознаніе, что Макаревичъ всегда будетъ ему ненавистенъ, что онъ такъ же, какъ и тогда, способенъ опять вцѣпиться ему въ горло, и что это не прошло, не можетъ пройти и не пройдетъ никогда...

Загрохотала якорная цѣпь, пароходъ далъ третій гудокъ и медленно сталъ отходить. Иванъ Михайловичъ поспѣшно обернулся къ берегу.—«Ниночка, родная, гдѣ ты, мой свѣтлый, тихій огонекъ»... Показалось, сверкнуло что-то,—искорка или звѣздочка падучая... а можетъ быть, это только показалось? Пароходъ сдѣлалъ плавный поворотъ и прибавилъ ходу. Городъ, весь въ блескѣ и серебрѣ, съ своей ажурной церковью, озаренною луной, съ черными стѣнами кипарисовъ, съ причудливыми узорами огоньковъ, уплывалъ все дальше... какъ воздушная греза, какъ бѣлый сонъ.

XIX.

Этотъ бѣлый сонъ вспомнился Ивану Михайловичу мѣсяцъ спустя на стоянкѣ въ полуразрушенномъ мѣстечкѣ на австрійской границѣ.

Только мѣсяцъ, а между тѣмъ такая громадная волна событій пронеслась надъ міромъ, такіе сдвиги и перевороты произошли въ психикѣ и отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ, что Ивану Михайловичу казалось, будто все бывшее до этого было по крайней мѣрѣ сто лѣтъ тому назадъ.

За это время ему пришлось пережить много необыкновеннаго—и тяжелаго и захватывающаго,—и когда, въ недолгія минуты отдыха, онъ мысленно переносился въ прошлое, ему представлялось, что тотъ, прежній Тихомоловъ, былъ какой-то другой человѣкъ, совсѣмъ непохожій на этого теперешняго, огрубѣвшаго, обвѣтреннаго, заросшаго колючей щетиной прапорщика Энскаго полка.

Тотъ былъ извѣстное въ своемъ городѣ «лицо», видный общественный дѣятель, котораго нельзя было смѣшать ни съ кѣмъ другимъ; этотъ—единая малая пылинка въ вихрѣ такихъ же малыхъ, подхваченныхъ міровою бурей пылинокъ, безсильныхъ и безвольныхъ каждая въ отдѣльности, но страшныхъ въ массѣ, своей стремительностью, сметающей всѣ преграды съ предначертаннаго ей пути. Тотъ велъ комфортабельную, размѣренную жизнь человѣка, увѣреннаго въ своей безопасности, интересовался литературой, ходилъ въ театры и концерты, любилъ, ревновалъ, дѣлалъ карьеру; этотъ жилъ въ мірѣ непрерывныхъ случайностей и опасностей, сегодня здѣсь, завтра тамъ, въ вѣчной тревогѣ и безпокойствѣ за свое существованіе, какъ первобытный дикарь, и, вставая утромъ, никогда не зналъ, будетъ ли къ вечеру живъ.

И вотъ этотъ новый Иванъ Михайловичъ, давно небритый и немытый, въ заношенной рубахѣ, въ сѣрой шинели, накинутой на плечи, сидитъ на крылечкѣ покинутой хаты съ выбитыми стеклами и съ удивленіемъ, какъ старую, полузабытую сказку, вспоминаетъ то, что̀ было когда-то давно... Смутно, неясно мелькаютъ въ памяти картины послѣднихъ дней передъ отъѣздомъ на войну... убитое, заплаканное лицо жены, блестящіе глаза Вити, устремленные съ восхищеніемъ на «папочку-офицера», сосредоточенная рожица Алеши, который, наморщивъ ло-

бикъ, надувъ губы, все старался и никакъ не могъ понять, что такое война. Съ Дарьей Львовной они простились такъ, какъ будто между ними ничего не произошло, но—странное дѣло!—теперь, думая о ней, онъ не испытывалъ ни любви, ни ревности, ни горечи обиды, и, когда старался хотя бы представить себѣ всѣ эти волновавшія его въ то время чувства, выходило одно пустое мѣсто,—больше ничего. Зато при воспоминаніи о дѣтяхъ сердце наполнялось грустной нѣжностью, и такъ хотѣлось почувствовать около себя ихъ теплыя тѣльца съ знакомымъ дѣтскимъ запахомъ, съ шаловливыми брыканьями и возней, что въ горлѣ что-то начинало подозрительно сжиматься и щипать. Милые маленькіе звѣрюшки, какъ-то они тамъ живутъ! Онъ досталъ изъ кармана записную книжку и вынулъ оттуда исписанную каракулями бумажку; это было ихъ первое и послѣднее письмо, полученное двѣ недѣли тому назадъ. Витя спрашивалъ, страшно ли на войнѣ и видалъ ли онъ нѣмцевъ; Алеша печатными буквами извѣщалъ, что очень любитъ папу и цѣлуетъ его милліонъ сто тысячъ разъ (въ цифрахъ это было выражено безчисленнымъ множествомъ нулей).—Тутъ же вмѣстѣ съ этими наивными дѣтскими изліяніями хранилось коротенькое, сдержанное, но полное затаенной любви и печали письмо Нины Васильевны... И, когда онъ перечитывалъ его, бѣлое видѣніе всплыло передъ нимъ.—Тонко и нѣжно пахли розовыя мимозы, черныя стрѣлы кипарисовъ съ серебряными остріями вонзались въ голубую безконечность, торжественно и грозно пѣло море, и очарованный мѣсяцъ осыпалъ его взволнованную грудь дождемъ топазовъ, янтарей и изумрудовъ... Боже, да было ли это когда-нибудь? Не приснилось ли и въ самомъ дѣлѣ во снѣ? Развѣ могутъ быть гдѣ-то въ этомъ мірѣ цвѣты, женщины, музыка, любовь...

Иванъ Михайловичъ спряталъ письмо; видѣніе исчезло. Уныло догоралъ пасмурный августовскій вечеръ; гдѣ-то бухало непрерывно и равномѣрно, точно по землѣ колотили исполинскими цѣпами,—бухъ-бухъ-б-бухъ!.. бах-бухъ-б-бахъ,—и земля подъ этими ударами вздрагивала тихонько и стонала. За 15 верстъ отсюда шелъ бой; говорили, что австрійцы тѣснятъ нашихъ къ границѣ; съ минуты на минуту ждали распоряженія выступать на выручку. Кто знаетъ, можетъ быть, завтра уже смерть... Но никто не думалъ объ этомъ, и кругомъ текла обычная походная жизнь съ ея будничными мелочами, суетней, заботами о ѣдѣ и ночлегѣ. За угломъ хаты, гдѣ сидѣлъ Иванъ Михайловичъ, солдаты его роты ухитрились развести «грудокъ»

и что-то варили: оттуда на Ивана Михайловича наносило дымкомъ и горячимъ запахомъ свиного сала; слышались сдержанные голоса, смѣхъ и постукиваніе деревянной ложки о край котелка.

— Ишь, опять зачихала чортова бабушка!—густымъ басомъ ругался одинъ изъ солдатъ по адресу канонады.—Съ самаго утра чихаетъ, проклятая, и вѣдь не подавится, засади ей въ глотку!

— А ты говори: будьте здоровы—ваше высоко-ко-ко..., веселымъ теноркомъ возразилъ другой, въ которомъ по голосу Иванъ Михайловичъ узналъ запѣвалу роты, Илью Мушкина.— Ты знаешь, какъ хохлы говорятъ, когда дама чихнетъ: будь здорова, якъ корова, щедровита, якъ земля, плодовита, якъ свыня.

— Чтобъ она сдохла, эта чихалка нѣмецкая. Сколько народу перегадитъ... А нашихъ-то что-й-то и не слыхать совсѣмъ: все эта одна далдонитъ, — чхи да чхи, — чистая прорва!

— Они простудились, по мокрой погодѣ босикомъ гуляли, насморкомъ захворали. А ты почемъ знаешь, что наши молчатъ? Нешто отседа разберешь, кто палитъ: ихнія или наши.

— Ну вотъ еще, какже не разобрать? Наша орудія серьезная, правильная орудія, ее сейчасъ услышишь, какъ загудетъ...

Замолчали, вѣроятно, прислушивались,—чьи орудія берутъ верхъ, ихнія или наши. Можетъ быть, ихъ тоже томило смутное безпокойство о томъ, что̀ происходило сейчасъ тамъ, на позиціяхъ, гдѣ шла непрерывная молотьба. Но живой и веселый Мушкинъ не могъ долго молчать; тоненькимъ, сиповатымъ голоскомъ онъ запѣлъ длинную пѣсню, въ которой разсказывалось, какъ нѣкто собрался жениться и никакъ не могъ выбрать себѣ подходящую жену.

Я женился бъ на еврейкѣ,
Да какая чортъ-жена,—
У ней денегъ ни копѣйки,
А прислуга ей нужна.

Я женился бы на нянѣ,
Да какая въ эфтимъ честь:
Вѣдь у каждой подъ подушкой
Отъ солдата письмо есть...

Каждый куплетъ, одинъ забористѣе другого, сопровождался заглушеннымъ хохотомъ, фырканьемъ, возней: пѣвца, должно

быть, останавливали, дергали, давясь смѣхомъ, восклицали:— «Ахъ, чортъ!.. Да будя тебѣ, ротный на крыльцѣ сидитъ, услышитъ»... Мушкинъ не унимался.

— Эхъ, братцы!—воскликнулъ онъ, докончивъ куплеты.— А какую я надысь у одной полечки пѣсенку перенялъ, жалко, всѣ слова не заучилъ, а хороша. Ноги такъ сами подъ нее и ходятъ...

И, перевирая польскія слова, онъ запѣлъ на мотивъ краковяка:

Халупечка низка,
Ойцецъ матку тиска,
Оттакъ и мы зажіемо,
Якъ съ тобою оженемо...

А цѣпы все молотили безъ передышки: бухъ-бухъ, бухъ-бухъ... и сколько человѣческихъ душъ отдѣлилось тамъ отъ тѣла подъ желѣзными ударами этихъ цѣповъ... Вдругъ грохнуло гдѣ-то совсѣмъ близко, точно земля не выдержала молотьбы, раскололась пополамъ и охнула:—«аxx-а-ха-ха-а»... И еще, и еще...

— Стой, ребята! Это наши!.. Загудѣла, милая!

— Слава тебѣ, Господи! Заговорили и мы. Ну, ребята, ѣшьте скорѣй, да ты что же, чортъ дикій, сало-то безъ череду тащишь? Допрежь кашу хлебай, а сало посля, когда постучу...

— Охъ, братцы, и до чего жъ скусна каша...—мечтательно и нараспѣвъ сказалъ Мушкинъ и почему-то вздохнулъ. Можетъ, вспомнилъ деревню, покосъ, костры на лугу и вотъ такую же полевую кашу съ дымкомъ, съ пригаромъ, съ хрустящими кусочками свиного сала. А можетъ, и у него тоже мелькнула мысль о близкой смерти, которая стучитъ тамъ своими тяжелыми цѣпами, выбиваетъ души изъ тѣла, сѣетъ страшный посѣвъ, поливаетъ его горячей кровью. Кто знаетъ? Русскій солдатъ не любитъ высказывать своихъ завѣтныхъ чувствъ, особенно въ тяжелыя минуты жизни, и чѣмъ больнѣе скребутъ на сердцѣ кошки, тѣмъ острѣе на языкѣ словцо.

Дѣловито застучали ложками и чавкали такъ вкусно, что Ивану Михайловичу стало завидно. И привычное, пріобрѣтенное въ теченіе походной жизни чувство дѣловитой готовности и бодраго спокойствія сообщилось ему отъ этихъ жующихъ и постукивающихъ ложками людей. Захотѣлось спать.

Однако, выспаться не пришлось. Совсѣмъ уже въ сумеркахъ получилось извѣстіе, что полку сосѣдней дивизіи угро-

жаетъ опасность быть окруженнымъ, и Ивану Михайловичу было приказано немедленно занять съ своей ротой лѣсокъ въ двухъ верстахъ отъ деревушки, отвлечь на себя вниманіе засѣвшихъ въ окопахъ австрійцевъ и попытаться выбить ихъ оттуда.

«Ну, вотъ она и смерть»... подумалъ Иванъ Михайловичъ, но отъ этой мысли было совсѣмъ не страшно, напротивъ, любопытно, и слегка, точно отъ рюмки вина, кружилась голова, крѣпче билось сердце, какъ бывало въ далекіе дни юности, когда ходили съ покойнымъ отцомъ на тягу, и въ прозрачной весенней тишинѣ вдругъ слышалось знакомое хорканье вальдшнепа—«Хорр... Хорр... Хорр...»

Это же самое чувство охотника на тягѣ не покидало Ивана Михайловича и въ лѣсу, гдѣ залегли его солдаты и завязали частую перестрѣлку съ невидимымъ непріятелемъ. Ночь была тихая, сырая, небо затянуто бѣлесыми волокнистыми облаками, въ которыхъ путался и никакъ не могъ выпутаться мутный мѣсяцъ.— «Чисто въ простоквашѣ завязъ!»—пошутилъ кто-то изъ солдатъ, но его одернули, и онъ замолчалъ.—Изрѣдка начиналъ моросить дождичекъ, и тогда отъ земли подымался острый грибной запахъ, такой мирный и странный среди непрерывной ружейной трескотни. Думалось почему-то, что все простое, обыкновенное,—грибы, цвѣты, трава, облака, звѣзды,— все это теперь уже никому не нужно, а нужно и важно только одно—поскорѣй уничтожить этихъ зловредныхъ невидимокъ, которыя, зарывшись тамъ подъ землей, въ свою очередь, хотятъ уничтожить ихъ и съ отвратительной настойчивостью, не переставая, сыплютъ въ нихъ пулями. Это желаніе уничтоженія и гибели таинственнаго врага дотого сильно проникало все существо, что зубы начинали скрипѣть сами собой и руки невольно сжимались въ кулаки. Должно быть, и солдаты испытывали то же самое: то у того, то у другого срывалось съ губъ крѣпкое ругательство по адресу австріяка, а какой-то нетерпѣливецъ громко и сердито заявилъ:

— Эхъ, поразмяться бы хорошенько, да начистить имъ бока, а то сиди тутъ, какъ крыса въ норѣ, да жди, когда тебя чортова свинчатка поцѣлуетъ...

И нѣкоторыхъ она уже поцѣловала горячимъ поцѣлуемъ; кое-гдѣ по кустамъ слышались стоны и вздохи, можетъ быть, были и убитые, но некому и некогда было о нихъ думать.

А свинцовый дождь все сыпался и сыпался изъ мутныхъ нѣдръ бѣлесой ночи, чмокалъ по деревьямъ, насмѣшливо шуршалъ въ листвѣ—«шамъ-шамъ-шамъ»... «Точно старухи шам-

кають!»—съ отвращеніемъ прислушиваясь, думалъ Иванъ Михайловичъ, и ему вспомнились Андреевскія старухи изъ «Жизни Человѣка», ихъ дьявольскій танецъ вокругъ мертвеца, противный мышиный пискъ, зловѣщее хихиканье: — «Ты помнишь? Ты помнишь?..» Веселое, немножко хмельное охотничье настроеніе мало-по-малу смѣнилось тоскливымъ безпокойствомъ; ненужнымъ и совершенно безцѣльнымъ стало казаться это сидѣнье въ лѣсу, стрѣльба въ потемкахъ, ожиданіе, когда тебя прихлопнетъ неизвѣстно откуда прилетѣвшая, неизвѣстно кѣмъ пущенная дурацкая пуля. — «Ну и перестрѣляютъ всѣхъ, ну, и что же изъ этого, зачѣмъ?» — спросилъ себя Иванъ Михайловичъ и вдругъ остановился, потерявъ нить своихъ мыслей.

Въ привычные, уже надоѣвшіе перекаты ружейнаго огня влились какіе-то новые звуки. Далекіе и неясные вначалѣ, они катились, какъ разрозненные ручейки, но чѣмъ ближе, тѣмъ становились смѣлѣе, громче, сплетались, свивались и превратились, наконецъ, въ ревущій потокъ, который заглушилъ на мгновеніе назойливую щелкотню перестрѣлки.

«А-а-а, га-а-а, у-а-а-а!..»

Иванъ Михайловичъ еще не успѣлъ сообразить, что̀ надо дѣлать, какъ лѣсная тьма вокругъ него ожила, зашевелилась, изъ-за каждаго куста начали выскакивать смутныя тѣни и съ говоромъ собирались въ кучки.

— Шумятъ!.. Это наши, ей-Богу, наши!.. Австріяка гонютъ. Ребята, айда!..

— Урр-а-а!..—закричалъ кто-то, черезъ кусты ломясь на опушку. И, подхвативъ этотъ крикъ, всѣ бросились за нимъ.

— Стой! Стой!—пытался остановить бѣгущихъ Иванъ Михайловичъ, на ходу выхватывая изъ ноженъ шашку. — Стойте, говорятъ вамъ!.. Куда, что вы дѣлаете, такіе-сякіе!..

Его одинокій голосъ затерялся въ топотѣ ногъ, трескѣ сучьевъ, грохотѣ выстрѣловъ, ревѣ здоровенныхъ мужицкихъ глотокъ. Солдаты не выдержали тоски вынужденнаго безмолвія и, воспламененные, возбужденные адской музыкой атаки, неслись впередъ на «ура».

Съ чувствомъ стыда за свое безсиліе и неумѣлость, съ сознаніемъ, что дѣлается что-то ненужное, совершается какая-то, можетъ быть, страшная ошибка, Иванъ Михайловичъ, ругаясь, безтолково размахивая шашкой, побѣжалъ вслѣдъ за солдатами. Спотыкался, перепрыгивалъ черезъ какія-то канавы, увязалъ сапогами въ рыхлой, размякшей отъ дождя землѣ, и оттого еще больше сердился на себя и на всѣхъ.

Но, когда передъ нимъ открылось тускло серебрящееся подъ невидимой луной поле съ дрожащимъ заревомъ пожара на горизонтѣ, съ дымками и вспышками рвущихся шрапнелей, съ бѣгущими и кричащими людьми, онъ снова почувствовалъ себя малой пылинкой въ вихрѣ мірового урагана, почувствовалъ свою связь съ тѣмъ огромнымъ, что̀ совершалось сейчасъ на этомъ полѣ, и душа его загорѣлась восторгомъ великой любви и жажды самопожертвованія, какъ въ тотъ день, когда онъ читалъ рязанскому плотнику телеграмму объ объявленіи войны.

Онъ закричалъ «ура»,—но не услышалъ своего крика, какъ не слышалъ предостерегающаго посвистыванія пуль, которыя здѣсь уже не шамкали по-старушечьи, а съ веселой злостью выдѣлывали «фі-у, фі-у», не слышалъ даже глухого взрыва, осыпавшаго его комьями мокрой земли и, внезапно наткнувшись, какъ ему показалось, на какое-то невидимое препятствіе, подпрыгнулъ и растянулся во весь ростъ.

Паденіе его ошеломило, и, еще не понимая, въ чемъ дѣло, Иванъ Михайловичъ хотѣлъ поскорѣе вскочить на ноги, чтобы опять бѣжать и кричать, кричать и бѣжать. Рванулся-было впередъ, ловя воздухъ руками, и вдругъ увидѣлъ надъ собою волокнистыя пряди облаковъ, быстро бѣгущій между ними мѣсяцъ и крохотную звѣздочку, которая, точно боясь отстать, гналась за нимъ.

«Что это, я раненъ?» — съ удивленіемъ подумалъ Иванъ Михайловичъ, не ощущая ни боли, ни страха.—«Но какъ же тамъ безъ меня»...

Въ ту же минуту небо, облака, мѣсяцъ закачались и вмѣстѣ съ нимъ полетѣли въ черную яму.

Когда онъ увидѣлъ ихъ снова, его поразила прежде всего разлитая кругомъ странная тишина. Пришла въ голову мысль,— не оглохъ ли онъ? И съ нѣкоторымъ усиліемъ, стараясь выговаривать какъ можно громче и тверже, Иванъ Михайловичъ произнесъ свое имя. Услышалъ и обрадовался, повторилъ еще... нѣтъ, не оглохъ. Но отчего же такъ тихо? Началъ припоминать. Бѣжали, кричали... потомъ что-то попало ему подъ ноги, онъ упалъ. Неужели раненъ? Но почему же нигдѣ нѣтъ никакой боли?

Иванъ Михайловичъ попробовалъ пошевелиться, и вдругъ всего его осыпало мелкой дрожью въ то время, какъ лобъ покрылся горячимъ потомъ. Онъ не чувствовалъ лѣвой половины своего тѣла... Еще болѣе страшная мелькнула мысль: «Оторвало!..» Объятый ужасомъ, перевалился на лѣвую сторону и

здоровой правой рукою сталъ ощупываться. Все было цѣло, но лѣвая рука и нога не ощущали его прикосновеній и висѣли, какъ тряпки. Все-таки съ великимъ трудомъ онъ приподнялся на правомъ локтѣ и оглядѣлся. Оттого ли, что у него еще было немного помрачено сознаніе и въ головѣ стоялъ тонкій звенящій шумъ, но все показалось ему другимъ, все какъ-то странно перемѣстилось. Вотъ, напримѣръ, лѣсъ, гдѣ они сидѣли,—куда онъ дѣвался? Тихомоловъ искалъ его глазами и не находилъ. Небо тоже было другое: волокнистыя облака растаяли, вмѣсто нихъ по всему небу растянулась сѣрая прозрачная дымка, и сквозь нее мѣсяцъ казался большимъ, расплывшимся и желтымъ. А главное, эта могильная тишина... точно здѣсь никогда и не было грохота пальбы, криковъ, шума драки.

— «А можетъ быть, я лежу тутъ уже давно»,—сообразилъ Иванъ Михайловичъ.—«Можетъ быть, меня забыли или подумали, что я мертвый»... Онъ приподнялъ правой рукой лѣвую, на которой у него былъ браслетъ съ часами, и поднесъ ее къ глазамъ. Часы стояли на четверти двѣнадцатаго.

Отъ всей этой возни съ часами и съ омертвѣвшей половиной своего тѣла, которая ему только мѣшала, Иванъ Михайловичъ страшно усталъ и захотѣлъ пить. Пришлось подниматься и разыскивать висѣвшую на ремнѣ черезъ плечо фляжку съ чаемъ. Она оказалась цѣла; съ жадностью, однимъ духомъ, онъ вытянулъ половину.

Чай освѣжилъ и ободрилъ его, въ головѣ прояснилось, и онъ увидѣлъ и услышалъ то, чего раньше не замѣчалъ. Между небомъ и землей дрожалъ протяжный, стонущій звукъ, похожій на весеннее пѣніе жабъ въ далекомъ болотѣ, а по полямъ, тамъ и сямъ, бродили какіе-то таинственные огоньки. Они то приникали къ землѣ, то взлетали надъ нею, ярко вспыхивали, тускнѣли и ползали, какъ большіе Ивановы свѣтляки. Иванъ Михайловичъ задрожалъ; вспомнились разсказы, что австрійцы и нѣмцы добиваютъ раненыхъ. Нужно было бѣжать, спасаться, но куда и какъ это сдѣлать съ парализованной ногой? Отъ досады и жалости къ себѣ онъ застоналъ и самъ испугался своего стона,—такъ онъ былъ похожъ на эти жалобные, дрожащіе звуки, тянувшіеся отъ земли къ небу. А огоньки подползали все ближе и ближе... и не то почудилось, не то на самомъ дѣлѣ такъ было, но вмѣстѣ съ ними въ воздухѣ плыли отзвуки чужой, непонятной рѣчи.

Стуча зубами, весь сотрясаясь отъ леденящаго озноба, Иванъ Михайловичъ собрался съ силами и потащилъ мертвую

половину своего тѣла подальше отъ предательскихъ огоньковъ. Смутно помнилось, что, когда бѣжалъ давеча, дорогу ему постоянно преграждали глубокія канавы. Вотъ бы залѣзть въ такую канаву, лечь на дно и притаиться... Впереди померещилось что-то темное,—какъ будто холмикъ въ родѣ тѣхъ, которые насыпаютъ передъ собой солдаты, дѣлая перебѣжку подъ непріятельскимъ огнемъ. Изнемогая отъ усталости, Тихомоловъ направился къ нему, подползъ—и отшатнулся. Это былъ не холмикъ, а трупъ... Бѣлое лицо его было освѣщено желтымъ свѣтомъ мѣсяца, и Иванъ Михайловичъ узналъ своего соперника, своего врага, Макаревича.

Это было похоже на бредъ, на какой-то чудовищный кошмаръ, и въ первое мгновеніе Иванъ Михайловичъ такъ и подумалъ. Крѣпко зажмурился и долго оставался въ такомъ положеніи, тяжело переводя свистящее дыханіе, слушая тяжелые удары своего сердца. Но открылъ глаза и опять увидѣлъ то же лицо, такое знакомое, такое ненавистное, съ этими толстыми губами, на которыхъ теперь пузырилась бѣлая пѣна, съ кудрявою бородкой и длинными рѣсницами сомкнутыхъ глазъ. Да, теперь уже нечего было сомнѣваться, что это онъ, тотъ самый, который отнялъ у него любовь жены, испортилъ жизнь его дѣтей, внесъ грязь и мерзость въ его домъ.

Старая ненависть зажглась въ сердцѣ Ивана Михайловича, потушила разумъ и весельемъ безумія наполнила душу. Онъ забылъ, что самъ уже полутрупъ, что завтра, можетъ быть, уже не увидитъ солнца, и помнилъ только одно: вотъ передъ нимъ его врагъ, оскорбитель его чести,—неподвижный, мертвый, навсегда, навсегда... И, если бы могъ, онъ сталъ бы плясать надъ его трупомъ, и, тихо смѣясь, онъ шепталъ безсмысленныя слова:

— Умеръ-мумеръ-нумеръ-еръ... Ха-ха! Да, умеръ.

А если живъ? Тогда надо прикончить... Нельзя, невозможно, чтобы этотъ человѣкъ остался жить, а онъ, Иванъ Михайловичъ, умретъ. Какія-то безобразныя, сумасшедшія картины промчались въ мозгу... Нѣтъ: или умрутъ оба, или этотъ одинъ. А обоимъ нѣтъ мѣста на землѣ.

Осторожно, точно боясь разбудить спящаго, Иванъ Михайловичъ дотронулся до руки Макаревича. Рука была влажна и тепла. Наклонился надъ нимъ близко-близко и на своей щекѣ уловилъ легкое дуновеніе. Живъ.

— Ну и къ чорту!—громко и сердито сказалъ онъ, нащупалъ кобуру и вытянулъ револьверъ.—«А если узнаютъ?..»

точно дунулъ кто-то въ ухо.—Вздоръ!—также сердито отвѣтилъ онъ.—Кто узнаетъ? Кто увидитъ? Никто!

Но, должно быть, *Кто-то* увидѣлъ. Удушливая тьма окутала его, а когда разсѣялась, Иванъ Михайловичъ снова услышалъ тонкій, дрожащій стонъ, казалось, исходящій изъ самой земли.

«Кто это стонетъ?»—тупо подумалъ онъ.—«Я или *тотъ*? Ничего не понимаю... темнота какая-то. И что̂ такое я хотѣлъ сдѣлать? Не помню, не знаю»...

А тотъ все стоналъ, и въ жалкіе, тягучіе звуки вплеталось какое-то невнятное, но каждый разъ одно и то же слово: «И-и-ть! И-и-ить!.. ить!»..

— «Что такое «ить»?—повторилъ про себя Иванъ Михайловичъ.—«Что ему надо? Ить... бить... пить... Да, пить. Чай пить... У меня есть чай»...

Онъ хотѣлъ поднять руку, но какая-то привѣшенная къ ней тяжесть мѣшала это сдѣлать. Долго не могъ понять, въ чемъ дѣло, наконецъ, разсмотрѣлъ, что это былъ револьверъ, и вспомнилъ все.

— И-и-ить... и-ить!..—продолжалъ стонать тотъ, и что-то животное, щенячье было въ этомъ нудномъ, однообразномъ стонѣ.

«Пить... А я хотѣлъ убить... Зачѣмъ, за что? Моя жена любила его, онъ любилъ мою жену. А потомъ? Потомъ смерть... Отъ земли взятъ и въ землю возвратишься. Все тлѣнъ, прахъ, ничтожество... пылинки. Зачѣмъ же убить»?

И радость, что *этого* не случилось, тихимъ свѣтомъ разлилась во всемъ его существѣ. Безпокоило только одно, что надо было еще что-то сдѣлать.— «Да... пить»,—сказалъ Иванъ Михайловичъ, ловя ухомъ стоны, которые становились все тише и тише, иногда замирали совсѣмъ.—«Господи, какъ я могъ забыть... Надо скорѣй, скорѣй, онъ умираетъ»... Съ трудомъ отшвырнулъ отъ себя револьверъ, который все еще былъ зажатъ въ рукѣ, и дрожащими пальцами сталъ отвинчивать пробку фляжки.—«Погоди»,—весь переполненный пламенной жалостью къ этому маленькому, умирающему человѣку, шепталъ онъ.—«Ну, погоди же, вотъ сейчасъ, сейчасъ»...

Пробка отскочила. Иванъ Михайловичъ приложилъ фляжку къ губамъ Макаревича. И въ то время, какъ тотъ, хрипя и булькая, ловилъ пересохшимъ ртомъ холодный чай, странный красный свѣтъ задрожалъ на его лицѣ. Иванъ Михайловичъ поднялъ голову и увидѣлъ качающійся огонь, который двигался

прямо на нихъ. Пальцы его сами собою разжались, фляжка выпала, зазвенѣла. — Австрійцы... смерть!.. цѣпенѣя, пробормоталъ онъ. И передъ тѣмъ огромнымъ, неизбѣжнымъ, что́ приближалось къ нимъ вмѣстѣ съ краснымъ огнемъ, послѣднимъ сознательнымъ желаніемъ его было—прикрыть Макаревича своимъ тѣломъ, принять на себя смертельные удары подкрадывающагося врага.

Съ этой мыслью оборвалась тонкая нить, которая еще связывала его съ жизнью. Не стало никого и ничего, ни враговъ ни друзей, ни радости ни страданія. Былъ великій покой.

Но это еще не была смерть...

— Да ну, выпейте же, выпейте скорѣе, охъ, какой вы! Ну? Выпили? Теперь хорошо. Видите меня или нѣтъ?

Иванъ Михайловичъ молчалъ и строго смотрѣлъ на круглое бѣлое лицо, склонившееся надъ нимъ. Обыкновенное женское лицо, но странно было его видѣть и странно слышать женскій голосъ въ этомъ мѣстѣ, гдѣ шамкаютъ и свищутъ пули, гдѣ по ночнымъ полямъ бродятъ красные огоньки и отъ земли къ небу тянутся дрожащіе стоны.

— Ну вотъ, теперь я вижу, что видите. Выпейте еще. Не хотите? Ну, не надо. Теперь спите, вамъ надо много-много спать!

— Зачѣмъ вы здѣсь?—спросилъ Иванъ Михайловичъ.

Круглое лицо задрожало отъ тихаго смѣха.

— Вотъ это мило! А гдѣ же мнѣ быть? Кто сталъ бы тогда за вами ухаживать, дѣлать перевязки, давать лѣкарства?

Иванъ Михайловичъ перевелъ глаза вверхъ и вмѣсто бѣлесаго неба съ желтымъ мѣсяцемъ увидѣлъ солнечнаго зайчика, прыгающаго по низкому, выбѣленному мѣломъ потолку.

— А австрійцы...—прошепталъ онъ, вспоминая.

— Что вы, какіе австрійцы! Вы у своихъ. Наши санитары привезли васъ сюда и вотъ, слава Богу, вамъ теперь лучше.

У своихъ... Боже мой, а тотъ? Иванъ Михайловичъ забезпокоился, стараясь вспомнить имя, и никакъ не могъ этого сдѣлать,—забылъ.

— Милая... скажите... скажите... ради Бога... Тамъ былъ... Не помню, не могу... Да ну скажите же, гдѣ это...

Сестра отошла и слышно было, какъ она говорила озабоченно:

— Докторъ, пожалуйста... Тамъ этотъ контуженный пришелъ въ себя, кажется, бредитъ, что-то проситъ, я не понимаю...

Подошелъ докторъ; Тихомоловъ и къ нему обратилъ свои воспаленные, спрашивающіе глаза.

— Какъ же это, какъ это...—твердилъ онъ, напряженно ловя ускользающую мысль о томъ, что̀ для него было теперь самое дорогое на свѣтѣ, съ чѣмъ навсегда связала его примирительница-смерть, которую онъ видѣлъ такъ близко.

Докторъ привыкъ, что многіе раненые, придя въ сознаніе, прежде всего спрашиваютъ, чѣмъ кончилось дѣло, въ которомъ они участвовали, и, внимательно вслушавшись въ безсвязные вопросы Ивана Михайловича, весело сказалъ:

— Ничего, ничего, голубчикъ, все отлично! Они отступили по всей линіи, мы ихъ преслѣдуемъ, въ ночной атакѣ взято два пулемета и много плѣнныхъ.

— Два пулемета... плѣнные... Да, это было хорошо, но не то, не то...—И, поймавъ, наконецъ, нужныя слова, больной сказалъ:

— Это было тамъ, въ полѣ... Онъ просилъ пить... О, какъ онъ мучился...

— Докторъ,—прошептала сестра.—Должно быть, онъ говоритъ про того маленькаго офицера съ раздробленной ногой, ихъ нашли вмѣстѣ.

— Ахъ, это прапорщикъ полка той дивизіи! Макаревичъ, да? Вы про него?

— Да, да, да... Живъ?

— Живъ, живъ, все отлично. Это вашъ пріятель? Отлично, вмѣстѣ васъ и въ госпиталь отправимъ...

— Слава Богу, слава Богу...—проговорилъ Иванъ Михайловичъ, и слезы горячимъ потокомъ залили его почернѣвшее отъ страданій лицо.

И никто не могъ понять, о чемъ плачетъ такими дѣтскими, радостными слезами этотъ большой, суровый человѣкъ.

В. І. Дмитріева.

ИЗЪ В. ГЮГО.

(La légende des siècles).

Спящій Воозъ.

Воозъ почилъ отъ дѣлъ, усталостью томимый,
Закончивъ на гумнѣ обычные труды.
Постель свою постлалъ на нивѣ онъ любимой,
Гдѣ высились надъ нимъ стоговъ его ряды.

Ростила много ржи земля его долины,
Пшеничнаго зерна онъ много собиралъ.
И въ мельницѣ его вода была безъ тины,
И въ кузницѣ его свѣтло огонь пылалъ.

И волосъ въ бородѣ Вооза серебрился,
Какъ нѣжныя струи весенняго ручья.
Со жницей бѣдною онъ кротко обходился,
И съ поля набиралъ колосьевъ для нея.

Онъ мужъ былъ праведный, хозяинъ бережливый,
Но съ ближними всегда избытокъ онъ дѣлилъ.
Ни разу онъ не шелъ стезею нечестивой,
И сердце чистое предъ Господомъ носилъ.

И жены робкія румянились нѣжнѣе,
Глядѣли ласковѣй, Вооза повстрѣчавъ;
И былъ для нихъ затѣмъ онъ юношей милѣе,
Что юноша красивъ, а старецъ величавъ.

Кто старости достигъ, дружится тотъ съ вѣками,
Бросая суету короткихъ дней и лѣтъ;
Въ глазахъ у юношей мы видимъ только пламя,
Зато у старика въ очахъ мы видимъ свѣтъ.

* *
*

И такъ Воозъ почилъ, глубокимъ сномъ объятый.
Жнецы усталые, вблизи отъ старика,
Темнѣли кучами на нивѣ полусжатой...
И было то давно, въ старинные вѣка!

Въ то время судьями Израиль управлялся,
Гигантовъ на землѣ не сгладились слѣды;
И робкій человѣкъ въ палаткахъ укрывался,
И міръ, гдѣ былъ потопъ, не высохъ отъ воды.

И видѣлъ сонъ Воозъ, какъ будто дубъ чудесный
Родилъ изъ чрева онъ,—и самъ понять не могъ,
Какъ дубъ легко достигъ до области небесной,
И сѣлъ у корня царь, а въ небѣ умеръ Богъ...

«Какъ можетъ это быть?».. шепталъ Воозъ, робѣя,
Какой же отъ меня возникнуть можетъ родъ?
Жены лишился я, и сына не имѣю...
Мнѣ восемьдесятъ лѣтъ... Могу ли дать я плодъ?

«Давно покинула супружеское ложе
Покойная жена... Остался я одинъ;
Она полу-жива—она съ тобою, Боже;
И я полу-мертвецъ, подъ саваномъ сѣдинъ

«Чтобъ я имѣлъ дѣтей! Неслыханное дѣло!
Когда бъ я молодъ былъ, я вѣрилъ бы тому.
Мы въ юности всегда встаемъ поутру смѣло.
Побѣдой дышитъ день, смѣняя ночи тьму.

«Но въ старости нельзя владѣть намъ прежней силой,
И сохнетъ человѣкъ, какъ дерево зимой.
Склоняюсь я челомъ усталымъ надъ могилой,
Какъ въ жаждѣ кроткій волъ надъ чистою водой».

Такъ думалось ему... А сладостныя грезы
Носились передъ нимъ, ласкаемыя сномъ.
Не чуетъ старый кедръ у корня юной розы,—
Не чуялъ и Воозъ, что Руѳь была при немъ...

* * *

Когда Воозъ уснулъ, то Руѳь полунагая,
Раскинувшись, легла въ ногахъ у старика;
Она туда пришла, сама не прозрѣвая,
Къ чему ее вела Всевышняго рука....

Воозъ лежалъ во снѣ. Не слышалъ онъ, усталый,
Что Руѳь была вблизи, въ тѣни его стоговъ.
И вѣялъ духъ ночной надъ сонною Галгалой
И несся ароматъ изъ дремлющихъ цвѣтовъ.

И ангелы сошли витать надъ ложемъ брачнымъ.
Окутывала ихъ таинственная мгла,
Но вдругъ, по временамъ, мелькалъ надъ полемъ злачнымъ
Какъ будто тихій свѣтъ лазурнаго крыла...

Старикъ Воозъ и Руѳь, подъ сѣнью ночи, спали.
Простерли небеса надъ ними пологъ свой.
Бубенчики въ стадахъ, чуть слышные, дрожали.
Цари пустыни—львы брели на водопой.

Все стихло... И покой неслыханный пролился
На дремлющихъ людей и на пустынный домъ.
Глубокій небосклонъ свѣтилами покрылся.
И мѣсяцъ молодой на западѣ взошелъ.

И Руѳь подумала, полна истомы нѣжной,
Открывъ туманный взоръ, полуодѣтый сномъ:
«Какой великій Жнецъ, богатый и небрежный,
Забылъ тотъ чудный серпъ на полѣ голубомъ?!..»

С. Андреевскій.

1877 г.

ЗЕМНАЯ ПЕЧАЛЬ.

Господній рабъ и Бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ
миръ.

А. Пушкинъ.

Недалеко отъ усадьбы, за рѣчкой, на возвышенномъ мѣстѣ, есть курганъ. Онъ невысокъ; его запахиваютъ, и ржаной колосъ шуршитъ по его склонамъ. Тотъ, кто въ давнія времена выбралъ это мѣсто, поступилъ правильно: мѣсто хорошее. Отсюда видны горизонты всѣхъ странъ свѣта, и вольно ходятъ здѣсь вѣтры сѣвера, юга, востока и запада. Это древнѣйшій пунктъ нашей земли.

Если спускаться отъ него внизъ, къ рѣчкѣ, то пересѣчешь овражекъ—крутой и довольно глубокій. Тамъ течетъ небольшой ручей ключевой воды; весь оврагъ заросъ орѣшникомъ, осинникомъ, жимолостью; кое-гдѣ, на кручѣ, обнаженъ рыжеватый известнякъ. Дѣти ходятъ сюда лѣтомъ за грибами, а осенью—по орѣхи. Нѣкогда тутъ былъ непроходимый лѣсъ, и у ручья стоялъ скитъ. Ничего не осталось отъ этого скита; вѣрно, лишь ручей все такой же.

Пройдя далѣе лугомъ, можно вновь подняться къ яблочному саду—и вы передъ домомъ—небольшимъ помѣщичьимъ домомъ, одноэтажнымъ, съ террасой. Онъ ничѣмъ не замѣчателенъ; и рядомъ съ той стариной, отъ которой мы шли, очень молодъ. Передъ нимъ цвѣтникъ, лужайка, съ боковъ онъ обрамленъ старыми липами, тополями и кленами. Ниже лужайки три маленькихъ пруда.

Если вспомнить, кому принадлежало это помѣстье, придется отойти вѣка на полтора.

Имѣніемъ, сельцомъ при немъ и нѣсколькими усадьбами въ сосѣдствѣ владѣли князья съ фамиліей громкой. Нынѣ осталась

одна фамилія, а богатства разбрелись. И ничто не указываетъ, что двѣ деревни, въ пяти верстахъ одна отъ другой, были—одно. А тѣхъ князей дальній потомокъ, съ той же громкой фамиліей, служитъ околоточнымъ въ губернской полиціи.

Усадьбу, куда мы вышли, еще при крѣпостномъ правѣ получилъ помѣщикъ Метаксъ. Надо думать, былъ онъ человѣкъ странный и съ причудами. Разумѣется, игралъ въ карты. Большой свой каменный домъ, что стоялъ рядомъ съ теперешнимъ, въ паркѣ, онъ проигралъ сосѣду Балахнину. Тотъ не могъ свезти домъ въ цѣльномъ видѣ. Но онъ ему принадлежалъ. Балахнинъ прислалъ каменщиковъ и десятки подводъ. Домъ разобрали, сложили и увезли. Теперь мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, сильно затѣнено липами. По остаткамъ фундамента разрослась бузина, тянутся двѣ-три рябинки съ кораллами своихъ ягодъ, да живутъ ужи.

Метаксъ прожилъ здѣсь довольно долго. Травилъ лисицъ и зайцевъ по окрестнымъ полямъ, пилъ водочку и предавался грѣхамъ рода человѣческаго. Навѣрно, курилъ трубки; чтобы убить время, меланхолически прохаживался взадъ и впередъ по комнатамъ, напѣвая нѣчто бравурное. Умываясь по утрамъ, мурлыкалъ марши.

Въ трехъ верстахъ обиталъ въ имѣніи его пріятель, тоже помѣщикъ, компаньонъ по охотамъ и собутыльникъ. Этотъ кончилъ дни свои довольно странно. Разъ, сильно выпивъ, надѣлъ парадную форму гродненскаго гусара, осѣдлалъ коня, сѣлъ и, неизвѣстно зачѣмъ, въ полной аммуниціи въѣхалъ въ свой прудъ—довольно глубокій.

Метаксъ же проживался медленно. Такъ какъ онъ читалъ Вольтера, былъ безбожникомъ и вольнодумцемъ, то за нѣкую провинность и вовсе запретили ему выѣзжать. Онъ засѣлъ и понемногу нищалъ.

О бѣдности, до которой онъ дошелъ, разсказываютъ слѣдующее.

Пріѣхалъ къ нему разъ священникъ, изъ сосѣдняго села, по дѣлу. Священникъ этотъ былъ не прочь выпить.

— Батюшка, — спросилъ Метаксъ:—не угодно ли вамъ мадерцы?

— Это можно,—отвѣтилъ батюшка.

Хозяинъ всталъ, долго искалъ по шкафамъ, но потомъ съ серьезностью замѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, мадеры нѣтъ!

Черезъ нѣкоторое время спросилъ:

— Можетъ быть, краснаго?

— И краснаго возможно.

Но, осмотрѣвъ свои склады, хозяинъ сказалъ меланхолически:

— Какъ жаль! И краснаго нѣтъ.

Когда батюшка собрался уѣзжать, Метаксъ сказалъ:

— А чепуха всѣ эти мадеры, красныя... Выпьемъ лучше матушки-водченки!

Батюшка согласился. Наведя справки, хозяинъ задумчиво подошелъ къ окну, поглядѣлъ и скромно замѣтилъ:

— За водкой можно бы послать на деревню. Отецъ Симеонъ, нѣтъ ли у васъ двугривеннаго?

Преданіе не упоминаетъ, какъ умеръ этотъ человѣкъ, не дѣлавшій на своемъ вѣку ни добраго, ни злого. Былъ ли онъ одинокъ въ смертный часъ, или умиралъ на рукахъ какой-нибудь старѣющей Аксюши—мы не знаемъ, какъ неизвѣстно и то, для чего тянулъ онъ канитель своей жизни, и почему, вмѣстѣ съ другомъ, гродненскимъ гусаромъ, не заѣхалъ однажды въ прудъ.

Время героическихъ помѣщиковъ прошло. Отошли барскія забавы, новый вѣкъ наступалъ. Усадьба перешла къ разночинцу, того больше: къ актеру.

Актеръ Борисоглѣбскій тоже нѣкогда былъ богатъ. Онъ любилъ свое искусство, содержалъ въ разныхъ городахъ Россіи театры, кочевалъ, прогоралъ въ Калугѣ, дѣлалъ сборы въ Ярославлѣ, искалъ славы, увлекался женщинами и актерскими дарованіями. Несомнѣнно, онъ бросался на шею Андреевымъ-Бурлакамъ, обнималъ Гламъ-Мещерскихъ, называя ихъ голубой, мамой. Конечно, пилъ.

Въ имѣніи онъ отдыхалъ лѣтомъ. О немъ помнятъ, что онъ былъ добрый малый, хотя и страдалъ несвареніемъ желудка. Онъ женатъ не былъ. Съ нимъ пріѣзжали обычно двѣ-три актрисы, которыхъ мужики считали его временными женами. Актрисы, будто-бы, тоже пили. Иногда онѣ доходили до предѣла веселья, въ другіе дни ссорились и рыдали. Въ минуту унынія Борисоглѣбскій нагой разгуливалъ по парку.

И онъ канулъ куда-то. Отъ его сценической славы осталось немного: на чердакѣ засохшій лавровый вѣнокъ, весь въ пыли. Нѣкоторые утверждаютъ, что кухарка нынѣшнихъ владѣльцевъ, въ минуты нехватки, кладетъ листики съ него въ разсольникъ. Уцѣлѣла еще коричневая папка, по которой золотомъ напечатано: «Дорогому Александру Николаевичу Борисоглѣбскому любящіе товарищи». Въ эту папку теперь вкладываютъ разграфленную вѣдомость о томъ, когда какой коровѣ телиться.

Нынѣ усадьба населена. Въ ней есть старые, средніе, молодые и крошечные люди. Старые знаютъ, что ужъ никуда отсюда не уйти; средніе свыкаются съ монотонной, уединенной жизнью; молодые рвутся въ столицу; крошечные блаженствуютъ среди садовъ, грибовъ, лошадей. Но судьба всѣхъ, живущихъ здѣсь, въ конечномъ счетѣ еще неясна. Ихъ лѣтопись не написана.

Смутнымъ августовскимъ вечеромъ, въ сумеркахъ, при желтѣющемъ жнивьѣ и свѣтлозеленыхъ зеленяхъ, глядя на вѣчный, таинственный круговоротъ вселенной, проходя въ поляхъ по давно знакомой межѣ, человѣкъ можетъ вспомнить далекаго скиѳа, упокоившагося въ курганѣ; мысленно взглянуть на русскихъ монаховъ, гнѣздившихся въ лощинкѣ; съ улыбкой—и насмѣшливой, и сочувственной, окинуть взоромъ толпу чудаковъ, именуемыхъ русскими помѣщиками, что̀ жили здѣсь, въ окрестныхъ селахъ, да и сейчасъ еще не перевелись и мечтаютъ разводить колоссальные фруктовые сады, засѣвать японскую траву по-у-зды,—и сказочно богатѣть. Легкій вѣтеръ времени, тоже какъ бы съ улыбкою, играетъ всѣмъ этимъ, завѣвая былое легендой.

Философъ же давно свыкся съ мыслью о разлукѣ съ земнымъ. Давно привыкъ видѣть пустынную и свѣтлую вѣчность. Все же безмѣрно жаль земного! Жаль неповторимыхъ чертъ, милыхъ сердцу, жаль своей жизни и того, что̀ въ ней любилъ.

Возвратясь въ свою комнату, взглянувъ на дорогіе портреты, дорогія книги, тоже съ усмѣшкой подумаешь, что, быть можетъ, черезъ тридцать лѣтъ твоимъ Пушкинымъ будутъ подтапливать плиту, а страницы Данте и Соловьева уйдутъ на крученіе цыгарокъ. Тогда лѣтописецъ скажетъ слово и о твоей жизни. Какое это будетъ слово?—Кто знаетъ!

Бор. Зайцевъ.

* *
*

Старый домъ на Волховѣ съ бѣлыми колоннами
На крутомъ, высокомъ темномъ берегу,—
Я твоими чарами сладко околдована
Образъ твой любовно въ сердцѣ берегу.

Призраки въ аллеѣ, шорохъ за колоннами,
Старые портреты въ залѣ на стѣнахъ,
Ветхіе альбомы съ блѣдными мадоннами,
Отблескъ солнца лѣтняго въ темныхъ зеркалахъ...

Я тебѣ чужая, старый домъ съ колоннами,
Но меня нежданной лаской ты согрѣлъ,
И, твоими сказками нѣжно зачарована,
У тебя скрываюсь отъ ненужныхъ дѣлъ.

На твоемъ балконѣ съ бѣлыми колоннами,
Позабывъ о нынѣшнемъ, о тревожномъ днѣ,
Вздохами твоими сонно заколдована,
Тѣнями прошедшаго грежу въ полуснѣ...

З. Вершинина.

ЛИКИ ВОЙНЫ.

(Современная мистерія).

Писательскій кабинетъ. Гравюры, книги, бумаги.

Поэтъ сидитъ за письменнымъ столомъ. Знакомая поэта, *Молодая Дѣвушка* то расхаживаетъ по комнатѣ, то садится. Говоритъ возбужденно.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣвушка. У меня и костюмъ сестры уже заказанъ. Одна прелесть. И съ директриссой лазарета полажено. Явиться—и прямо за работу. И вдругъ этотъ отрядъ. Залотошили, закружили мнѣ голову. Сильнѣе всѣхъ была Ипатьева. И успѣхъ же! (*Становится въ позу оратора*). «Чѣмъ мы, женщины, лучше, или чѣмъ мы хуже нашихъ отцовъ и братьевъ»...—И жениховъ,—шепнула мнѣ на ухо Лушина, пересмѣшница противная. Но слушайте.—«Развѣ мы менѣе мужчинъ любимъ нашу родную землю? Менѣе будемъ болѣть сердцемъ, если родина будетъ унижена. Или руки наши недостаточно сильны, чтобы держать оружіе?» (И при этомъ Ипатьева протянула свои руки—большія, бѣлыя, въ самомъ дѣлѣ, убѣдительныя руки).—«Ужъ покажи все»—зудила на ухо Лушина. Ну ее! Слушайте. «Почему же они получаютъ раны и умираютъ отъ нихъ, а мы, женщины, должны только смотрѣть на чужія раны и перевязывать ихъ? Только облегчать чужія страданія, а не самимъ страдать? Только ходить за тѣми, кто вернулся изъ битвы, а не ходить вмѣстѣ съ ними на битву?» Развѣ все это не вѣрно?

Поэтъ. Кажется, вѣрно.

Дѣвушка. Все вѣрно. И апплодировали же! Лушина хохочетъ и кричитъ: Сильнѣе! Докажемъ силу женскихъ рукъ!—Потомъ говорила другая, фамиліи не знаю. Тонкая, блѣдная, въ очкахъ. Голосъ бѣлый, а слова красныя, текутъ медленно и густо. «Двѣ-три тысячи женщинъ, убитыхъ на войнѣ за общее

дѣло, погребенныхъ на общемъ кладбищѣ, покончили бы вѣрнѣе съ вопросомъ о женскихъ правахъ, чѣмъ тысячи митинговъ, протестовъ и процессій». И затѣмъ еще! «Только тѣ права завоеваны неотъемлемо, которыя написаны—она сказала: начертаны—кровью». И многое въ этомъ родѣ. Приводила въ примѣръ англичанокъ. Скажите, вѣдь правда?

Поэтъ. Кажется, правда.

Дѣвушка. Подите же! Потомъ, когда пошли по рукамъ подписные листы,—«списокъ женщинъ, желающихъ поступить въ женскій военный отрядъ»—и очередь дошла до меня, я уже взяла карандашъ и хотѣла написать имя и адресъ—и вдругъ остановилась и передала листъ сосѣдкѣ. Почему-то не могла подписать. Кто-то далеко, далеко въ душѣ отрицательно качнулъ головой.

Поэтъ. Отрицательный демонъ Сократа...

Дѣвушка. Вотъ вы говорите: демонъ. Можетъ быть, я просто струсила. Тогда же я рѣшила спросить васъ, посовѣтоваться. Куда поступить—въ сестры или въ отрядъ? Залѣчивать раны войны или самой наносить и получать раны? Скажите.

Поэтъ. Если вы можете наносить раны, что жъ, ступайте въ женскій отрядъ.

Дѣвушка. Могу ли я,—вотъ этого я не знаю. Это вы должны мнѣ открыть. Вы—поэтъ. Вы видите все тайное. Въ сердцахъ и въ судьбѣ.

Поэтъ. Когда-то, можетъ быть, видѣлъ. Война затмила душу.

Дѣвушка. Развѣ въ войнѣ нѣтъ поэзіи?

Поэтъ. Конечно, есть. Иначе не существовало бы Иліады. Представить себѣ только пушечный снарядъ въ то мгновеніе, когда онъ вылетаетъ изъ жерла, раскаленный, окрыленный, побѣдитель времени и пространства, почти свободный отъ цѣпей тяготѣнія, почти безплотный, почти чистый порывъ, неудержимый, не знающій препятствій, изъ всѣхъ созданныхъ человѣкомъ предметовъ самый могущественный. И каждый солдатъ, бросающійся въ атаку, такой же одухотворенный снарядъ, такая же воплощенная воля дойти, дорваться, достигнуть во что бы то ни стало. Развѣ это не поэзія?

Дѣвушка. Да еще какая!

Поэтъ. Таковъ первый ликъ войны. И когда смотришь на него, то хочется вѣрить, что ничего нѣтъ прекраснѣе, грознѣе, упоительнѣе войны, и рядомъ съ нею такимъ смущенно-дряблымъ кажется ликъ мира, и такимъ уродливо-сѣрымъ мирный

трудъ, плетущійся за плугомъ, сгорбленный подъ ношей кирпичей, согнутый надъ письменнымъ столомъ, медленно мажущій кистью по холсту, или сонно вертящій станокъ среди пыльнаго грохота фабричной тюрьмы. Но есть другой ликъ войны.

Дѣвушка. Какой же другой?

Поэтъ. Вотъ снарядъ, окончивъ свой огненный полетъ, достигъ цѣли, и скрытая въ немъ воля проявилась дѣйствіемъ. И что же? Пламенный великолѣпный порывъ разрѣшился новой грудой мусора или новой кучей искалѣченныхъ тѣлъ. Самое могущественное оказалось самымъ слѣпымъ. Плугъ, перо, кисть, станокъ—зрячи, и оттого они творятъ разнообразное. Различными колосьями шумятъ нивы, о разномъ поютъ стихи поэмы, несходными чертами запечатлѣны дома и храмы, и даже одинъ фабричный станокъ повторяетъ не то, что́ другой. Но снарядъ войны, что бы ни встрѣтилъ на пути,—хижину, храмъ, созданіе искусства,—все онъ превращаетъ въ ту же груду мусора, ибо мусоръ и прахъ вездѣ одинаковы, и трупъ равенъ трупу. Развалины и смерть въ городахъ и въ сердцахъ. И когда смотришь на второй ликъ войны, то кажется, что ничего нѣтъ уродливѣе, однообразнѣе, скучнѣе, чѣмъ война. (Долгая пауза).

Дѣвушка. Но вѣдь есть еще и третье. То, что́ послѣ войны. То, ради чего воевали. Радость побѣдителя. Достигнутыя цѣли.

Поэтъ. Да, конечно. Кое-кто, гарцуя, прослѣдуетъ на конѣ черезъ тріумфальную арку. Изъ оконъ и съ балконовъ будетъ сыпаться дождь цвѣтовъ, увѣковѣченный на кинематографной лентѣ. За длиннымъ столомъ будутъ сидѣть дипломаты и ковать цѣпи на слабѣйшихъ, то-есть на лучшихъ. Вороны, дипломаты и кинематографы—вотъ кому война на радость пришлась. Но что́ тутъ дѣлать сердцу поэта? Въ этомъ сердцѣ слишкомъ долго отражалась мечта о человѣчествѣ, и теперь, кромѣ руинъ этой мечты, оно ничего не отражаетъ. Иногда мнѣ кажется, что изъ милліоновъ раненыхъ въ эту войну смертельнѣе всѣхъ ранена она—мечта міра, изъ милліоновъ изгнанныхъ и безпріютныхъ всѣхъ бездомнѣе осталась она, изъ милліоновъ убитыхъ всѣхъ безвоскреснѣе умерла она. Она и вмѣстѣ съ нею я. (*Дѣвушка подходитъ къ Поэту и кладетъ ему руку на лобъ*). Помните: «Внимая ужасамъ войны». Вы вотъ вошли, когда я передѣлывалъ эти стихи въ примѣненіи къ себѣ. (*Беретъ со стола листокъ бумаги и читаетъ*):

Внимая ужасамъ войны,
Мнѣ жаль не павшаго средь боя,
Мнѣ жаль не друга, не жены,

Мнѣ жаль не матери героя.
Быть можетъ, темную вуаль
Жена носить до гроба будетъ,
И друга другъ не позабудетъ,
И будетъ матери печаль
Сильна, какъ смерть... Не ихъ мнѣ жаль.
Ихъ грусть съ годами просвѣтлѣетъ.
На днѣ ихъ слезъ отравы нѣтъ,
И вновь цвѣтами мирныхъ лѣтъ
Долина смерти заалѣетъ.
Но я жалѣю жалостью безбрежной
Мою мечту, убитую войной.
Ей не расцвѣсть съ грядущею весной,
А безъ нея душа угаснетъ неизбѣжно.
Мою мечту о томъ...

Вы пришли, когда я писалъ.

Дѣвушка. Ухожу. Продолжайте писать. Моя мечта скромнѣе. Моя мечта—быть со всѣми, дѣлать, что̀ всѣ, чувствовать, какъ всѣ: Въ одеждѣ ли сестры, въ мундирѣ ли солдата. Для поступающихъ въ женскій отрядъ уже и форма придумана. Очень эффектная. Ну, посмотримъ. Пусть рѣшитъ мгновеніе. До свиданія. Еще приду съ вами попрощаться. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Поэтъ нѣкоторое время пишетъ. Потомъ откидывается на спинку стула и закрываетъ глаза.

Стѣны комнаты раздвигаются. Поле сраженія, усѣянное трупами и ранеными—нашими и непріятельскими. На пригоркѣ каменное Распятіе. У подножія прикурнули три Женщины—спятъ или отдыхаютъ.

Поэтъ бросается на колѣни передъ Распятіемъ, воздѣвъ руки и касаясь ногъ Спасителя.

Поэтъ. Къ Тебѣ прихожу я, Агнецъ міра, не съ молитвою, не съ исповѣдью, а съ вопросомъ, въ которомъ, какъ сокъ многихъ ядовитыхъ травъ въ маломъ сосудѣ, скрыта горечь несчетныхъ думъ.

Вотъ уже годъ, отъ солнца до солнца, какъ я ежедневно отравляю свое сердце вѣстями смерти и разрушенія.

И я вопрошаю:

— Учитель, учившій любить—только—любить, не ошибся ли Ты?

Взгляни на поле сраженія. Всѣ эти воины, убивавшіе и убитые, все это—люди маленькой жизни, малыхъ дѣлъ и малыхъ чувствъ.

Раньше чѣмъ идти на войну, они прятались каждый въ скорлупку своего дома, своего благополучія, своихъ вожделѣній.

Боялись малѣйшей боли, считали несчастіемъ простуду, кутались, трепетали.

Равнодушно смотрѣли на чужія муки, наитягчайшія. Готовы были вопіять до хрипоты, защищая себя, свое мѣсто, своихъ, до волоска, до ниточки.

И вотъ теперь они идутъ навстрѣчу смерти такъ же безстрашно, какъ Ты шелъ на крестную казнь.

Всѣ—герои, мученики, страстотерпцы.

Что́ же произошло? Какая сила закалила ихъ души? Какой богъ вынулъ изъ ихъ груди сердце дряблое и вложилъ сердце желѣзное?

Ненависть, сила ненависти совершила это чудо.

Вотъ онъ, человѣкъ малыхъ дѣлъ и малыхъ чувствъ, выскочилъ изъ окопа, бѣжитъ среди роя жалящихъ пуль, изъ которыхъ каждая грозитъ ему увѣчьемъ или смертью.

Но онъ не боится увѣчья, ибо надѣется изувѣчить ненавистнаго. Не боится смерти, ибо сладка ему надежда убить ненавистнаго.

Тамъ, вдали, онъ оставилъ жену и дѣтей, но онъ не задумывается надъ ихъ участью, ибо надѣется, что осиротѣютъ и овдовѣютъ ненавистные.

Учитель, учившій любить—только—любить, не ошибся ли Ты?

Ты сказалъ: «Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю: любите враговъ вашихъ».

И вотъ прежде, въ дни мира, когда они въ твоихъ храмахъ слышали завѣтъ любви—только—любви, любовь дремала въ ихъ сердцахъ, какъ нищенка на паперти храма.

Но ударилъ набатъ ненависти, и разслабленная любовь встала на ноги и пошла.

Вотъ двое—богатый и бѣдный. Они жили въ одномъ домѣ, но были дальше другъ отъ друга, чѣмъ если бы ихъ раздѣляли моря и горы. Вѣка могли бы пройти, и они ни разу не вспомнили бы, что они—сыны одного народа, дѣти одной страны.

Развѣ они не любили свой народъ? Но любовь эта была бездѣйственна, какъ повисшій парусъ.

Но дохнула буря ненависти, и парусъ наполнился силою.

Теперь, объединенные общею ненавистью, они дѣлятъ радость и горе, и если одинъ будетъ раненъ въ бою, другой взвалитъ его къ себѣ на плечи и, какъ брата, вынесетъ изъ огня.

Общая ненависть сдѣлала ихъ любящими.

Учитель, не ошибся ли Ты?

Не въ нашей волѣ, не въ нашихъ намѣреніяхъ, но въ нашей природѣ?

Не судилъ ли Ты о людяхъ по Себѣ, о природѣ человѣческой по своей природѣ бого-человѣческой, о рожденныхъ и живущихъ во грѣхѣ по Себѣ—безгрѣшномъ?

Ибо воля природы сильнѣе, чѣмъ воля живущаго въ природѣ человѣка.

Ты могъ шагать по водѣ, и стопа Твоя легкая, какъ духъ, не раздирала лица волны, а наша земная стопа тонетъ и тянетъ насъ къ землѣ. А кто изъ насъ не хотѣлъ бы быть легкимъ?

Ты могъ послѣ трехъ дней могильнаго сна покинуть гробницу и вознестись въ небо, между тѣмъ какъ нашъ прахъ тлѣетъ въ землѣ медленно и смрадно—добыча червей. А кто изъ насъ не хотѣлъ бы вознестись въ эѳиръ изъ духоты гроба?

Ты могъ принести себя въ жертву за міръ, любя—только—любя. Но, быть можетъ, мы, люди, состоящіе изъ духа и плоти, въ состояніи достигнуть вершины подвига, лишь увлекаемые двумя силами, двумя чувствами, двумя крылами—любовью и ненавистью, любовью къ ближнему и ненавистью къ врагу?

Быть можетъ, намъ, смертно-рожденнымъ, для того чтобы быть нѣжными, нужно быть безпощадными. Для того, чтобы лить слезы, нужно проливать кровь.

Но если Ты ошибся, то не былъ ли Твой завѣтъ соблазномъ и преткновеніемъ?

Усыпленіемъ кроткихъ, между тѣмъ какъ жестокіе ковали на нихъ цѣпи?

Но если Ты ошибся, то не горе ли всѣмъ увѣровавшимъ въ Твой завѣтъ?

И не горе ли мнѣ, ибо я—одинъ изъ увѣровавшихъ?

Широко открыты были мои глаза на грѣхъ жизни, на зло людей, на безсмысленность судьбы. Давно я выкинулъ изъ души всѣ слова теплыя и покорныя, возлюбилъ только слова холодныя и мятежныя.

Но на днѣ глубочайшихъ паденій и послѣдней усталости одного свѣта я не гасилъ, одной мечтѣ оставался вѣренъ.

Вѣрилъ, что послѣдній предѣлъ, куда стремятся волны, борясь и враждуя, это—любовь, любовь всѣхъ ко всѣмъ, любовь—только любовь.

На этой вѣрѣ я построилъ обитель души своей.

Вотъ почему всѣ раны этой войны на мнѣ, всѣ смерти этой войны во мнѣ. Отвѣтствуй! Отвѣтствуй! Отвѣтствуй!

Въ это время Распятый отдѣляется отъ креста и, не глядя на Поэта, наклоняется къ спящимъ Женщинамъ и касается ихъ рукою. Потомъ снова застываетъ въ каменной неподвижности на древѣ жертвы. Женщины, какъ бы почуявъ во снѣ божественное прикосновеніе, просыпаются. На нихъ повязки и одежда сестеръ милосердія. Одна изъ нихъ странно похожа на знакомую Поэта.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Первая женщина. Вотъ мы свалились отъ усталости. Скорѣе! Скорѣе! Слышите: стонутъ, зовутъ.

Вторая женщина (къ Третьей, которая похожа на знакомую Поэта). Мы будемъ отыскивать и приносить сюда на сухое мѣсто, а ты оставайся здѣсь и готовь перевязки.

Третья женщина. У меня все готово.

Черезъ нѣкоторое время первыя двѣ Женщины приносятъ раненаго и кладутъ его на землю. Третья Женщина перевязываетъ его рану. Первыя двѣ удаляются и вскорѣ приносятъ другого раненаго и кладутъ его рядомъ съ первымъ. Третья наклоняется и приступаетъ къ перевязкѣ. Первыя двѣ опять удаляются.

Поэтъ. Остановись! Это врагъ! Это раненый врагъ! Теперь онъ безсиленъ. Онъ въ твоей власти. «Ненавидь врага своего». Убей его! Но ты не слышишь. Ты продолжаешь перевязывать руку, которая убивала твоихъ ближнихъ.

Третья женщина. Говори потише. Его пугаетъ громкій голосъ.

Поэтъ (тихо). Кто ты? Кто ты? Ты покинула домъ, родныхъ, и пошла навстрѣчу лишеніямъ, страданіямъ, усталости?

Третья женщина. Онъ успокаивается.

Поэтъ. Но прежде, въ дни мира, ты жила, какъ всѣ, въ кругу малыхъ дѣлъ и малыхъ чувствъ. Что́ же переродило тебя? Что́ толкнуло на подвигъ, на жертву? Жалость? Къ кому? Только жалость, а не жалость и ненависть вмѣстѣ? Ты не нуждаешься въ ненависти для того, чтобы любить?

Третья женщина смотритъ на Поэта удивленнымъ взоромъ чистыхъ глазъ.

Поэтъ. Отвѣчай, отвѣчай. Грядущіе вѣка прислушиваются къ твоему отвѣту. Судьба міра зависитъ отъ твоего отвѣта. Твой отвѣтъ важнѣе для человѣчества, чѣмъ исходъ этой войны. Твоимъ отвѣтомъ будетъ оправдана или осуждена мечта поколѣній. Природа всей земли отразится въ твоемъ отвѣтѣ.

Скажи, о Женщина! Быть можетъ, ты расточаешь свои заботы врагу изъ разсчета? Не по влеченію души, а по внушенію

разсудка. Не говоришь ли ты себѣ: «Вотъ я позабочусь о раненомъ врагѣ, для того чтобы и врагъ заботился о моемъ раненомъ братѣ».

Если такъ, то услышь. Разсчетъ твой невѣренъ! Врагъ не щадитъ ни больныхъ, ни раненыхъ. Онъ пытаетъ и мучаетъ твоихъ братьевъ, попавшихъ къ нему въ плѣнъ. Одному онъ вырѣзываетъ языкъ, другому выкалываетъ глаза, третьему обрѣзываетъ уши. Отомсти же муки своихъ братьевъ на врагѣ твоемъ, на томъ, кто передъ тобой. Будь послушна закону природы, нашей человѣческой природы. Почему же на лицѣ твоемъ кротость и въ глазахъ твоихъ свѣтъ? Неужели?.. Неужели?..

Третья женщина (къ Поэту). Помоги мнѣ. Одной мнѣ трудно. Подними его голову. (Поэтъ исполняетъ ея просьбу). Вотъ такъ. Онъ засыпаетъ. Онъ спасенъ.

Первыя двѣ Женщины приносятъ еще одного раненаго и, оставляя его на попеченіи Третьей Женщины, удаляются. Поэтъ снова падаетъ на колѣни передъ Распятіемъ, касаясь руками ногъ Спасителя.

Поэтъ. Ты правъ! Ты правъ! Ты правъ! Ты увидѣлъ въ насъ свѣтъ, котораго мы еще не видимъ. Ты прозрѣлъ въ насъ боговъ, которые сами себя не знаютъ. Малѣйшій, слабѣйшій изъ насъ, если поставить его въ условія свѣта, превзойдетъ своей добротой ангела. Ты побѣдилъ еще разъ! Въ послѣдній разъ! Прости! Прости мнѣ мои сомнѣнія, мои жалобы, мои муки!

Трижды бьетъ себя въ грудь и просыпается въ своемъ кабинетѣ, услышавъ три легкихъ удара въ дверь.

Поэтъ. Войдите!

Входитъ знакомая Поэта—Молодая дѣвушка въ одеждѣ сестры милосердія.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дѣвушка. Ну что? Нравится? Идетъ ко мнѣ бѣлое? Когда я отъ васъ пришла домой, меня ждала портниха съ костюмомъ, и какъ только я надѣла его и посмотрѣла на себя въ зеркало, я поняла, что ни въ какіе военные отряды не пойду, что быть мнѣ сестрой, что только къ этому призванію я годна и только о немъ всегда мечтала. Одобряете? Почему вы такъ на меня смотрите?

Поэтъ. Если благословеніе поэта для васъ что-нибудь значитъ, то благословляю васъ.

Дѣвушка. Мнѣ только грустно, что я должна покинуть васъ

послѣ того, что вы мнѣ недавно сказали. Что ваша мечта ранена и вы вмѣстѣ съ ней...

Поэтъ. Теперь я выздоровѣлъ. И благодаря вамъ. Я—первый больной, котораго вы спасли.

Дѣвушка. Я?

Поэтъ. Вы, милосердная сестра. Вы, женщина, одна изъ тѣхъ, кого Онъ коснулся своей рукой.

Н. Минскій.

* * *

Богатъ душою неимущій,
Кому мечта благотворитъ;
Счастливъ, кому на сонъ грядущій
Старуха сказки говоритъ.

Иль пѣсню голосомъ привычнымъ
Спокойнымъ, древнимъ заведётъ:
Душа надъ тёмнымъ и обычнымъ
Свершаетъ радостный полётъ.

И первозданный рай былого
Живётъ вокругъ тебя сейчасъ;
И тамъ, въ грядущемъ—то же слово,
Какъ вѣчности безсмертный гласъ.

Внемли, дремли, дыши спокойно,
Ненарушимо отдыхай.
И, ясный, отойдёшь достойно
Ты въ чистый сонъ и въ лучшій край.

Юрій Верховскій.

ВЪ ТИШИ.

I.

Окраина городка, гдѣ вдоль улицъ видны уже желтѣющія поля и перелѣски. Маленькая, тихая квартирка. Въ раскрытыя окна прямо съ улицы любопытно заглядываютъ побѣги малинника и дикой крапивы, красныя герани въ окнахъ стыдливо прячутся за кисейными занавѣсками, и сквозь кружевной ажуръ такъ притягиваетъ взоръ напоенная солнцемъ синева.

Тишина. Только кое-гдѣ за покривившимся оконцемъ глухо стучитъ швейная машинка иль слышится тихій, журчащій говоръ—не то сама съ собой бормочетъ старая бабка, не то двѣ подружки шушукаются. И высоко въ синевѣ плавно паритъ бумажный змѣй...

Въ домикѣ съ геранями, за столомъ у окна, двѣ склоненныя надъ чѣмъ-то фигуры. Слышится дѣвичій голосъ:

— Ну, Андрюша, ну, надо же кончить... Только части предложенія остались. Ну, вотъ пиши: «Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ»... Гдѣ тутъ подлежащее?

Стриженая круглая Андрюшина голова почти совсѣмъ лежитъ на столѣ; перепачканныя чернилами руки комкаютъ край грязной тетради. Съ трудомъ отрывается отъ окна.

— Под-ле-жа-щее,—тянетъ онъ нараспѣвъ:—подле... Подлѣ, вчу-жѣ, въя-вѣ, вско-рѣ... Ой, нѣтъ, не то... Постой, Лида... Какъ это? Под-ле-жа-щее, под-ле-жа-щее...

Андрюша напрягаетъ всѣ силы и старается думать, но ничего не выходитъ. Мысли давно уже тамъ, за раскрытымъ окномъ, гдѣ въ глубокой солнечной синевѣ плавно купается, сверкая бѣлыми дранками, знакомый раскрашенный змѣй.

Лидочка сурово хмуритъ брови и строго смотритъ Андрюшѣ въ лицо. Въ глазахъ его сплошная мечта и истома... Передъ Лидочкой почему-то вспыхиваетъ вдругъ вчерашняя базарная площадь. Смутный гулъ, рѣзкіе выкрики торговокъ, безконечные

ряды телѣгъ, мычаніе коровъ, скрипъ колесъ, запахъ дегтя, ржаного хлѣба, арбузовъ и дынь... Лидочка стоитъ передъ толстой торговкой въ ярко-аломъ платьѣ съ разводами и сжимаетъ въ рукахъ огромный арбузъ. Хорошъ арбузъ. Но не такъ-то скоро уйдешь съ нимъ отъ торговки: она только начинаетъ еще входить въ шумливый азартъ базарнаго дня и пока лишь звонко и голосисто переругивается съ сосѣдними мужиками и бабами.— Покупатели не уйдутъ, а надо, чтобъ настроеніе было соотвѣтствующее. Иначе и базаръ не въ базаръ—все одно, какъ и не выѣзжала изъ деревни.

Лидочка начинаетъ приходить въ отчаяніе. Кругомъ все больше волнуется пестрая толпа: торговки въ яркихъ деревенскихъ ситцахъ; дамы подъ зонтиками, съ кухарками и безчисленными кульками; дамы безъ кухарокъ съ корзинкой на рукѣ; отставной чиновникъ съ кочаномъ капусты; гимназисты съ плетушками черники и арбузомъ подмышкой...

Мимо, скрипя, проѣзжаетъ возъ съ сѣномъ и круто осаживаетъ, зацѣпивъ за телѣгу торговки. Звонкая, голосистая ругань, какъ игла, прорѣзаетъ воздухъ. Кругомъ хохотъ. Лидочка растерянно стоитъ съ своимъ арбузомъ. Вдругъ знакомый голосъ за спиной. Оглядывается—и вспыхиваетъ до корней волосъ: Вася Петровскій помогаетъ рыжему, плотному мужику оттащить его возъ съ сѣномъ и, шагнувъ черезъ колесо, протягиваетъ ей загорѣлую, испачканную руку...

Андрюша, вдругъ потянувшись какъ во снѣ, звонко чмокаетъ губами.

— Ахъ, Господи!.. Андрей, да ты ничего не написалъ,— провалишься вѣдь... Ну, повтори, что я продиктовала.

Андрюшины губы давно уже застыли въ мечтательной, полусознательной улыбкѣ. Онъ съ величайшимъ усиліемъ шевелитъ ими и медленно, будто на каждомъ словѣ просыпаясь отъ глубокаго сна, бормочетъ:

— Еще... въ поляхъ... бѣлѣетъ... змѣй...

Лидочка такъ же медленно и мечтательно, качая въ тактъ ногой, повторяетъ за нимъ:

— Еще... въ... поляхъ... бѣлѣетъ... змѣй...

II.

Два окна выходятъ на дворъ. Дворъ зеленый, заросшій мягкой и сочной травой. Подъ заборами бродятъ куры, въ ко-

рытцѣ плещутся утята. Сѣрая утка лежитъ возлѣ, пощипывая траву.

Бабушка Степанида Ивановна давно уже сидитъ у окна на крашеной табуреткѣ и смотритъ на дворъ.

— Нѣту сна, совсѣмъ нѣту, да хоть на-поди! Какъ разошлись отъ обѣда, прилегла себѣ, а сонъ-отъ-онъ нейдетъ. Плохо въ старости. Вотъ сидишь такъ-то, сидишь, и дню конца-краю нѣтъ. А тамъ ночь опять... Ляжешь—и только косточки всѣ ноютъ, всю-то ноченьку покою нѣтъ. И забота всякая... Нехорошо нынче пало Лидочкѣ на картахъ, нехорошо. Ни исполненія желаній, ни удачи... и даже въ родѣ какъ ударъ надъ головой... Неужели Андрюшенька-то на экзаменѣ провалится... Охъ, хлопота... И съ дѣтьми хлопота и съ хозяйствомъ... А гдѣ-жъ ей все, матери, да матери... Вонъ Буренки нынче опять нѣтъ и нѣтъ. Выйти поглядѣть развѣ...

Встаетъ бабушка Степанида Ивановна съ табуретки и таково легко встаетъ, словно бы молодая. Идетъ за ворота. А Буренка-то сразу ей навстрѣчу, да не одна, а съ бычкомъ молоденькимъ. А откуда бычокъ? Нѣту у насъ бычка... Ну, только подходитъ это она и хочетъ бычка отогнать, а онъ какъ головой закрутитъ, да и давай ее бодать въ плечо. Бабушка Степанида только собралась крикнуть и видитъ: бычокъ-то совсѣмъ не бычокъ, а Вася Петровскій, смѣется и говоритъ ей въ самое ухо:—Бабушка, проснитесь вы, опять упадете... Бабушка!

Бабушка вскидываетъ голову и раскрываетъ глаза.

Надъ ней, нагнувшись, стоятъ Вася Петровскій и Лидочка, и Вася, смѣясь, тихонько трясетъ ее за плечо.

— Опять упадешь!..—бормочетъ она, поправляя платокъ,—когда это было-то... Ужъ не запомню, когда и сна-то рѣшилась... Грѣховодники!..

Вася съ Лидочкой улыбаются и уже съ порога ласково бросаютъ:

— Вы бы легли, бабушка... Вечеромъ придемъ играть въ дурачки.

III.

Черезъ дворъ, за баней—огородъ. По межамъ, у заборовъ высокій бурьянъ и кусты—смородина да шиповникъ. На узенькихъ грядкахъ—ласковая зелень моркови, ползучія плети огурцовъ, горохъ, капуста... Одно плохо: слишкомъ буйно растутъ тутъ, на черной и рыхлой землѣ, незваныя сорныя травы.

Елена Михайловна который день на огородѣ—съ утра, пока не знойно, и вотъ теперь, послѣ обѣда, когда все длиннѣй и длиннѣй ползутъ вечернія тѣни. Правда, разомлѣвшая подъ солнцемъ земля по-прежнему дышитъ зноемъ: сидя на краю прополотой грядки, чувствуется, какъ разгоряченное тѣло, тихонько вибрируя, сквозь всѣ одежды, каждой клѣткой своей впиваетъ это знойное дыханіе матери-земли. Но вѣтерокъ уже наноситъ порой откуда-то свѣжія, прохладныя струйки.

Елена Михайловна осторожно, травка за травкой, вырываетъ сорную заросль, оставляя позади расчищенный лѣсокъ стройныхъ, перистыхъ метелокъ моркови. Узорчатыя тѣни сплетаются подъ корнями и четко бороздятъ обнаженную землю. И такъ радуетъ взглядъ этотъ четкій ажуръ по черному бархату земли.

Хорошо ростить травы... Тѣ, къ кому незамѣтно подкралась усталость, пусть на мигъ опустятъ свой взглядъ и тихо нагнутся туда, къ зеленому царству, которое мнетъ ихъ нога. Оно сразу обвѣетъ ласковой прохладой, нѣжно зашелеститъ о чемъ-то въ лицо. Все, что захочешь, уловишь въ этомъ шелестѣ: полузабытый юный голосъ, плескъ весла въ лунную ночь, тихую пѣснь на вечерней зарѣ, первый лепетъ своего ребенка,—даже рыданія и слезы—все, все сплетено въ этой тихой мелодіи травъ, сотканныхъ изъ воздуха и солнца...

И потому—усталые, на склонѣ лѣтъ, почти всѣ мы приходимъ къ цвѣтамъ, травамъ и... дѣтямъ.

Вѣдь лепетъ ихъ—какъ шелестъ травъ...

Хорошо ростить травы...

— Мама!..

Елена Михайловна вздрогнула и подняла глаза. Надъ досками забора торчала круглая Андрюшина голова.

— А, ты... Ну, что случилось?

— Да тутъ забѣжитъ, мама, Витька Скворцовъ,—скажи, что я у Коркиныхъ... змѣя пускаемъ... Онъ знаетъ...

— А заниматься кончили? Постой, Андрюша! Лида дома?..

Стриженая голова уже исчезла за заборомъ, но Андрюшинъ голосъ звонко прокричалъ со двора:

— Они ушли въ городской садъ... съ Васей Петровскимъ!

И голыя икры уже мелькали по пустынной, заросшей травой улицѣ.

Елена Михайловна тихо вздохнула и поднялась съ земли.

Нѣтъ, рано захотѣлось отдыхать. Кругомъ подымается вотъ эта молодая поросль и не хочетъ знать ни усталости, ни покоя. Что-жъ, надо идти ей навстрѣчу...

IV.

Сумерки. Самоваръ на столѣ снова и снова заводитъ тонкую, монотонную пѣсню. Догораютъ послѣднія искры углей.

Чай отпили, а Елена Михайловна все еще, задумавшись, сидитъ за самоваромъ. Безотчетно къ чему-то прислушивается, хотя думаетъ свое.

На другомъ концѣ стола, сгрудивъ стаканы и смахнувъ рукавомъ крошки, Андрюша съ гостемъ Витей Скворцовымъ сражаются въ шашки.

Андрюша, какъ всегда, въ азартѣ. Подъ нимъ ходуномъ ходитъ расшатанный стулъ, онъ то вскрикиваетъ въ восторгѣ, срывая шашку противника, то жалостно охаетъ и крутитъ головой. И все время безъ умолку болтаетъ.

Витя мраченъ, серьезенъ и словно приросъ къ стулу. Не подымаетъ глазъ отъ шашекъ и молча, методически ходитъ и бьетъ.

У окна на своей табуреткѣ снова дремлетъ бабушка. Въ рукахъ чулокъ. Слабо шевельнутся порой стальныя спицы—разъ, другой—и опять неподвижны костлявые пальцы. Голова клонится на бокъ.

Лидочку поджидаетъ. Въ дурачки сыграть обѣщала... Сегодня не грѣхъ: за чаемъ нарочно спросила, чтобъ не ошибиться, какой сегодня день-то?—Вторникъ. Вторникъ день скоромный, не грѣхъ...

Сумерки сгущаются. Елена Михайловна, отрываясь отъ своихъ думъ, раза два уже окликала дѣтей:

— Оставьте, темно...

Но тамъ съ минуты на минуту страсти разгораются—гдѣ-жъ тутъ бросить?

Мимо окна вдругъ словно скользнули какія-то тѣни.

Елена Михайловна насторожилась.

— Такъ и есть: шорохъ въ сѣняхъ.

Тихо вздохнула, встала и медленно пошла къ двери.

Въ темнотѣ сѣней тихій говоръ и смѣхъ. Слегка пріоткрыта наружная дверь, и за ней, въ пустынномъ, сумеречномъ небѣ одиноко горитъ вечерняя звѣзда.

У дверей еще разъ торопливый шопотъ—и тишина. Только чувствуется, какъ въ густой тѣни приникли и сдержанно дышатъ.

— Лида,—вы?

Въ блѣдномъ полусвѣтѣ, падающемъ снаружи, отдѣлившись отъ стѣны, шагнула навстрѣчу знакомая фигура мальчика съ накинутой на плечо гимназической шинелью.

Молодой голосъ, стараясь быть развязнымъ, громко произнесъ:

— Мы, Елена Михайловна... Здравствуйте!

Сзади смутно и неподвижно бѣлѣла дѣвичья фигура.

— Ахъ, дѣти... Опять разговоры въ сѣняхъ... Идите же въ комнаты... Чай давно остылъ... и бабушка тамъ ждетъ.

— Да мы... Да я, Елена Михайловна... я только на минутку: проводилъ изъ сада.

— Зачѣмъ же на минутку—проходите... проходите же, Вася!.. Лида!

Слегка смущенные, двинулись въ комнаты.

Въ темнотѣ Вася тихонько сунулъ въ карманъ маленькій бѣлый бантикъ.

...Отъ топота ногъ на своей табуреткѣ встрепенулась бабушка и обронила съ колѣнъ черный клубокъ.

Андрюша съ пѣшкой въ рукѣ юркнулъ за нимъ подъ столъ.

Степанида Ивановна слегка дрожащими руками потянулась на комодъ за картами.

— Сейчасъ будутъ играть въ дурачки.

Е. Ватманъ.

* * *

Я знаю, есть слова крылатыя,
Но ихъ сказать мнѣ не дано.
Душа, предчувствіемъ объятая,
Молчитъ давно, давно...

Я знаю, есть слова безкрылыя,
Но ихъ сказать я не хочу,
И я, безсильная, унылая,
Молчу, всегда молчу.

З. Вершинина.

КЪ РОДНЫМЪ БЕРЕГАМЪ.

I.

Тринадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я не былъ въ родной деревнѣ, да и тогда-то былъ не по своей волѣ, а проживалъ «въ мѣстѣ приписки» на положеніи ссыльнаго. Связи съ деревней, гдѣ протекло мое дѣтство въ крестьянской семьѣ, у меня давно уже нѣтъ никакой, кромѣ самыхъ нѣжныхъ воспоминаній объ этомъ дѣтствѣ, которое по яркости впечатлѣній представляется мнѣ теперь самымъ свѣтлымъ и красочнымъ, какое только можетъ быть дѣтство у человѣка: я всю жизнь благословляю крестьянское начало моей жизни въ обстановкѣ земледѣльческаго труда, среди сказочно-красивой природы, между «людей земли», такихъ чистыхъ, сильныхъ, кроткихъ и цѣльныхъ, какими они тогда были, да какими въ общемъ остаются и теперь. Моя душа до сихъ поръ питается соками тѣхъ глубокихъ впечатлѣній, которыя плодороднымъ слоемъ заложены въ ней съ дѣтства поэзіей крестьянскаго труда. До сихъ поръ горятъ въ ней румяныя лѣтнія зори, зеленѣютъ нѣжнымъ изумрудомъ весенніе луга, сверкаютъ прозрачныя озера, заросшія пловучими цвѣтами, и не тускнѣютъ въ душѣ ихъ вѣчно-свѣжія, неблекнущія краски, не вянутъ вѣчно-живые цвѣты. Эта внутренняя связь корней порваться не могла, когда жизнь давно уже порвала всѣ мои внѣшнія связи съ деревней. Зналъ я все-таки, что деревня не оттолкнулась отъ меня, что она, далекая, разлученная со мной, продолжаетъ считать меня своимъ, потому что живы еще многочисленные дядья и тетки, двоюродные и троюродные братья и сестры, съ которыми прошло мое дѣтство и отрочество, и помнятъ меня товарищи дѣтскихъ игръ, и всѣ въ деревнѣ, кто не моложе меня—помнятъ моего отца и мать мою, давно ушедшихъ въ могилу. А главное—когда, тринадцать лѣтъ назадъ, уже пожившимъ тридцатилѣтнимъ человѣкомъ, я

встрѣтился съ ними и прожилъ годъ—кровная связь съ этими родными людьми какъ бы ожила и воскресла. Правда, эта встрѣча была еще до японской войны и до революціи, и многіе мои отвѣты на вопросы людей деревни казались имъ тогда наполовину странными, наполовину — просто неинтересными, а жизнь опять оторвала меня отъ нихъ, какъ бы на минуту къ нимъ прильнувшаго, и опять закрутила въ вихрѣ потрясаемой русской жизни.

Черезъ деревню за эти годы прошли война и революція, успокоеніе, «отруба»... И всякій разъ когда у жизни нашей отрубали новое живое мѣсто и когда, наконецъ, пришла эта новая, чудовищная, всемірная война, похожая на конецъ міра, съ пришествіемъ антихриста и страшнымъ судомъ, всякій разъ послѣ каждаго удара содрогалось и мое сердце вопросомъ: а какъ «они»?.. что у нихъ?.. что дѣлается? что чувствуютъ и думаютъ теперь «они»?

И доходили до меня ихъ далекіе вздохи и чуть слышные голоса, передаваемые изъ устъ въ уста черезъ «десятыя руки»; доносилось до моего слуха: «Пріѣхалъ бы теперь!» «Мы только сейчасъ поняли, что онъ прежде говорилъ, а «тогда» не понимали!» «Отчего не ѣдетъ?»

Тихимъ шопотомъ доплывалъ до моего сердца этотъ глубокій голосъ земли, но путы и цѣпи жизни долгіе годы держали меня, и, тоскуя, не являлся я на этотъ далекій и невнятный зовъ.

И вдругъ сорвался.

Сорвался и поѣхалъ теперь, въ самомъ концѣ августа великаго года ужасной войны.

Я ѣхалъ на пароходѣ по Волгѣ въ эту маленькую приволжскую деревушку, куда даже дороги хорошенько не зналъ: кажется, нужно слѣзть съ парохода у горы «Батракъ», переѣхать черезъ Волгу на паромѣ, а тамъ нѣсколько верстъ идти лѣсомъ, черезъ «дуброву» и отыскать ее, эту родную деревушку, позади нѣсколькихъ «рукавовъ» Волги, за «Прораномъ», гдѣ росли когда-то замѣчательные, исполинскіе осокори, царившіе надъ столѣтнимъ заповѣднымъ лѣсомъ.

Но пароходъ у Батрацкой горы не останавливался, а бѣжалъ до уѣзднаго города, что маячилъ на горизонтѣ своими бѣлыми церквами и старинною, знакомою мнѣ съ дѣтства башнею, похожей на сахарную голову.

Рѣшилъ доѣхать до города, а оттуда сухимъ путемъ вернуться къ перевозу.

И, когда пароходъ проходилъ мимо Батрацкой горы, я искалъ глазами на другой, на песчаной сторонѣ признаковъ перевоза, гдѣ бывало, въ дѣтствѣ, ѣзжалъ я въ городъ съ покойнымъ дѣдомъ моимъ на тяжелыхъ, пахучихъ возахъ зернового хлѣба—продавать. Но такъ и не попались мнѣ на глаза эти маленькіе мостки деревенскаго перевоза.

Часа въ два дня пароходъ присталъ къ пустынному, плоскому, заросшему ивнякомъ, большому острову, за которымъ верстахъ въ трехъ виднѣлся городъ.

Когда-то городъ стоялъ на берегу Волги, но она давно отошла сюда, за островъ, оставивши вмѣсто себя маленькую, мелкую Воложку. Противоположный берегъ тоже представлялъ изъ себя длинный песчаный островъ, за которымъ шла вторая Волга, а за ней опять островъ и за нимъ новый широкій рукавъ Волги—Проранъ, тамъ-то и надо было искать мнѣ мою потерянную родину.

Волга давно здѣсь покинула старое русло и, какъ символъ всей русской жизни — блуждая въ поискахъ новыхъ путей—разбилась на нѣсколько теченій. Затерялась тутъ и моя родная деревня. На берегу я случайно узналъ, что мнѣ не надо возвращаться къ «Батраку», что паромъ ходитъ отсюда черезъ Проранъ спеціально къ «нашей» деревнѣ, и что отчаливаетъ онъ въ шесть часовъ.

Чтобы убить время до шести, я отправился въ городъ. Городъ этотъ, небольшой, но живой, торговый и живописный, тоже остался въ моей памяти, какъ воспоминаніе дѣтства, словно видѣлъ я его когда-то во снѣ. Картины древнихъ бревенчатыхъ городовъ Рериха напоминали мнѣ его, и вспоминался онъ мнѣ, какъ туманное, причудливое сплетеніе прозрачныхъ сонныхъ грезъ. Помнится мнѣ первый мой пріѣздъ въ этотъ городъ съ отцомъ, когда мнѣ, кажется, было всего лѣтъ шесть: мы ѣхали съ нимъ въ телѣгѣ, на дѣдовой чалой лошади. Шелъ бурный лѣтній ливень, стучавшій по зеленымъ желѣзнымъ кровлямъ большихъ домовъ, и вода, пѣнясь, била изъ водосточныхъ трубъ, сдѣланныхъ на подобіе разинутой пасти дракона... Этотъ драконъ, изрыгающій пѣнистую воду, навсегда остался въ моей памяти. Потомъ помню узенькій, кривой спускъ къ мосту черезъ рѣчку Крымзу, разсѣкающую городъ на двѣ части. Спускъ, у котораго мы жили, шелъ отъ базара съ лавками и высокой-высокой осьмиугольной конусообразной башней, и заставленъ онъ былъ двухъэтажными, «рублеными» бревенчатыми домами, точь-въ-точь какъ у Рериха. Деревянный длинный мостъ черезъ Крымзу лежалъ

тоже на высокихъ бревенчатыхъ срубахъ, и на немъ по ночамъ грабили прохожихъ.

Помню снѣжную и морозную-морозную зиму: весь городъ былъ какъ въ серебрѣ... Помню, какъ однажды въ эту зиму погруженный въ сугробы городокъ былъ взволнованъ необычайнымъ событіемъ: на Крымзѣ, въ проруби, утопился монахъ; помню, какъ везли его мимо насъ на дровняхъ, за которыми слѣдовала большая толпа любопытныхъ; помню и монаха: онъ и мертвый, на дровняхъ, былъ почему-то красенъ, какъ вышедшій изъ бани, молодой, дородный, красивый, съ черной окладистой бородой. Помню говоръ толпы о монахѣ-самоубійцѣ: его одежду нашли на краю проруби съ прощальной запиской въ стихахъ:

Не ищите меня нигдѣ:
Тѣло мое въ водѣ,
Одёжа на краю,
А душа въ раю...

Почему-то на всю жизнь застряли въ моей памяти и эти прощальные стихи несчастнаго монаха.

Помню еще, какъ мать моя зашла со мной въ боковую часовню старой башни и подвела къ деревянной статуѣ человѣка въ длинной одеждѣ и терновомъ вѣнцѣ, съ каплями крови на лбу и на рукахъ. Я страшно испугался этой безмолвной окровавленной фигуры и поднялъ громкій крикъ... Подлѣ башни, около спуска къ мосту, въ маленькомъ кирпичномъ домикѣ со свѣтелкой мы жили долго. Одержимый страстью къ чтенію, я каждый день кралъ у отца по пятаку изъ дневной выручки и тратилъ ихъ на покупку книгъ и картинъ, которыя пряталъ на чердакѣ. Знала объ этомъ только моя мать. Когда, наконецъ, мы уѣзжали изъ города, я, чтобы не обнаружилось мое воровство, тайкомъ вытащилъ книги на задворки, за башню и тамъ ихъ бросилъ—нѣсколько большихъ связокъ... Помню, какъ болѣло мое сердце о любимыхъ книгахъ, но страхъ наказанія превозмогъ...

И вотъ теперь, уже въ концѣ жизни, я опять пришелъ къ старой башнѣ: она стояла на прежнемъ мѣстѣ и была все такая же, какъ и много лѣтъ назадъ, похожая на сахарную голову, только не показалась ужъ такой большой, какъ тогда, когда я былъ маленькимъ. Мнѣ захотѣлось взглянуть опять на человѣка въ терновомъ вѣнцѣ: но его уже не было въ часовнѣ; тамъ только продавали образа. Около башни, какъ и прежде, былъ «толчекъ», и на немъ въ качествѣ покупателей расхаживали теперь солдаты.

Зашелъ я и на площадь, которая была прежде пустынной и грязной, и на ней, бывало, останавливались мужики съ возами хлѣба и сѣна, а теперь на ея мѣстѣ оказался городской садъ съ клумбами красивыхъ цвѣтовъ. На Большой улицѣ возвышалось нѣсколько громадныхъ новыхъ домовъ современной вычурной архитектуры; городъ сталъ лучше, богаче, наряднѣе, и только «за Крымзой» все оставалось почти по-прежнему. Городъ, къ которому тяготѣла моя родная деревня, измѣнился къ лучшему, жизнь за десятки лѣтъ моего отсутствія здѣсь все-таки сильно шагнула впередъ. Что-то сталось теперь съ деревней? Измѣнилась ли она какъ-нибудь, или застыла въ прежней своей патріархальности?

Побродивъ по городу, я вернулся около шести опять на пристань.

На паромѣ-баржѣ стояло нѣсколько возовъ съ выпряженными лошадьми, съ мужиками и бабами около нихъ, а подлѣ баржи разводилъ пары крохотный буксирный пароходикъ, который долженъ былъ вести ее черезъ Волгу.

Я заплатилъ десять копѣекъ за билетъ и вошелъ на баржу.

Пароходикъ какъ-будто только этого и ждалъ: тонкимъ, пронзительнымъ свистомъ просвистѣлъ третій свистокъ, залопоталъ красными лопастями колесъ, задымилъ и, попыхивая, потянулъ за собой нашу барку на толстомъ канатѣ, которая, медленно поворачиваясь, отдѣлилась отъ берега.

Мы поплыли.

Былъ теплый и тихій августовскій вечеръ. Волга сверкала, какъ зеркало, и въ ней отражался зеленый, поросшій ивами островъ, отъ котораго мы отплывали, съ пароходными пристанями, лавчонками и людьми на берегу, отражался противоположный песчаный, плоскій и острый, какъ коса, островъ, который мы огибали, отражалась наша плоская и широкая барка-паромъ съ поднятыми оглоблями возовъ, съ бабами въ цвѣтныхъ платкахъ на возахъ и свѣтлобородыми фигурами степенныхъ мужиковъ.

Мужики собрались кучкой около одного воза; на возу сидѣлъ пожилой, но еще на видъ не старый мужикъ въ ватномъ пиджакѣ и картузѣ, худой, съ желтой, клочковатой бороденкой и очками на носу, которыя онъ только-что вынулъ изъ футляра и съ важностью на очень серьезномъ, умномъ лицѣ надѣлъ, развертывая газету и собираясь ее читать.

Эти-то приготовленія, повидимому, уже знакомыя всѣмъ, и заставили мужиковъ обступить грамотея въ ожиданіи чтенія.

Распрямивъ у себя на колѣняхъ газету, чтецъ началъ читать ее тѣмъ внятнымъ и размѣреннымъ голосомъ, какимъ обыкновенно мужики читаютъ священное писаніе. По прочтеніи нѣсколькихъ фразъ, онъ обязательно останавливался и, смотря на слушателей поверхъ очковъ, объяснялъ прочитанное, на что тотчасъ же получалъ отъ нихъ соотвѣтствующія реплики, послѣ чего, найдя строку, опять продолжалъ чтеніе прежнимъ размѣреннымъ и строгимъ голосомъ. Мало-по-малу объясненія чтеца и реплики слушателей становились все длиннѣе и оживленнѣе, увлекая собравшихся болѣе, чѣмъ самое чтеніе.

Я сначала стоялъ въ отдаленіи, повернувшись къ нимъ спиной, и смотрѣлъ на Волгу.

Когда же я подошелъ къ нимъ ближе и сталъ слушать чтеніе и общій разговоръ, они всѣ уже настолько были увлечены бесѣдой, что никто изъ нихъ не взглянулъ на меня.

Газета, которую они читали, была, повидимому, крайне-праваго направленія: въ ней преобладали извѣстія о молебствіяхъ духовенства, о трехдневномъ постѣ и постановленіяхъ святѣйшаго синода, передовая статья «возмущалась» «кадетами», желающими уничтоженія черты еврейской осѣдлости, ругала евреевъ и «еврейское засилье».

На этомъ мѣстѣ чтецъ остановился. Онъ заложилъ пальцемъ прочитанную строку и обвелъ собраніе вдумчивымъ взглядомъ поверхъ очковъ.

— Стало-быть—одни хотятъ дать свободу евреямъ, а другіе не соглашаются на это!..—созерцающимъ тономъ пояснилъ онъ газетную статью, потомъ добавилъ:—много, видно, ихъ, евреевъ-то, коли такъ ихъ боятся!..

— И гдѣ ихъ только дѣлаютъ?—съироническимъ удивленіемъ и явной насмѣшкой въ голосѣ возразилъ молодой черно-бородый мужикъ, стоявшій позади всѣхъ, въ безсознательно-картинной позѣ облокотясь на телѣгу. Грянулъ внезапный здоровый мужицкій смѣхъ. Серьезную мину сохраняли только виновникъ этого смѣха, повидимому природный юмористъ, и еще чтецъ газеты, котораго общій смѣхъ даже какъ бы задѣлъ за живое.

— Здѣсь обсуждается серьезный вопросъ—тономъ предсѣдателя замѣтилъ онъ легкомысленному юмористу—а насмѣшка тутъ ни къ чему и вредитъ правильному ходу мысли!..

— Такъ-то оно такъ!—возразилъ одинъ изъ толпы, мужикъ съ длинной, мѣдно-красной бородой,—но почему оно такъ выходитъ: люди говорили сурьезно, одинъ сказалъ одно, другой—

это, но вдругъ явился человѣкъ—съ насмѣшкой и все этой насмѣшкой покрылъ?..

Мужики нѣкоторое время вдумчиво и—по-моему—умно говорили о стихійной силѣ насмѣшки вообще, пока не выступилъ опять предсѣдатель.

— У насъ на Руси всегда такъ: является какой-нибудь человѣкъ съ чѣмъ-нибудь новымъ, проповѣдуетъ свое, ему бы надо помочь или хоть выслушать его сурьезно, а надъ нимъ только насмѣхаются!.. Вотъ хоть бы моего отца взять: вы всѣ помните дѣдушку Сачка! изобрѣтатель онъ былъ: весь вѣкъ свой строилъ, разорился на этомъ, а такъ и померъ—не докончилъ, не достигъ своего—не пошло! и всѣ только смѣялись надъ нимъ: дѣдушка Сачокъ да дѣдушка Сачокъ!.. А вѣдь, все-таки, перелетѣлъ же онъ на лубочныхъ-то крыльяхъ черезъ Проранъ! Помните?

— Перелетѣлъ! Какъ же! помнимъ!—дружно отозвались слушатели.

— А, вѣдь, объ аэропланахъ-то тогда и слухомъ не слыхано было? Стало-быть, могло что-нибудь и выдти у него!.. Обращался онъ тогда въ городскую думу: поддержите: средствъ не имѣю, а строить охота! не обратили вниманія!.. я тогда еще юнъ былъ, холостой еще, помогалъ ему и видѣлъ, въ чемъ дѣло, отчего у него не выходило: усовершенствовать надо было! такъ и померъ—не достигъ! Осталось моделей этихъ полонъ сарай! однихъ колесъ сколько я продалъ—отъ двухъ аршинъ въ діаметрѣ и до самыхъ маленькихъ, а въ сараѣ ничего и не убавилось—стоитъ и сейчасъ его фабрика: колеса, колесики, ремни, рычаги! Устроенъ эдакъ стоякъ, а у него лапы, и одна лапа другую въ ходъ пускаетъ: тронешь одну — и все завертится — получается общій винтъ!

Сынъ изобрѣтателя воодушевился разсказомъ, спрыгнулъ съ воза, на которомъ сидѣлъ и картинными тѣлодвиженіями изображалъ устройство отцовскихъ «моделей».

— Какъ же,—вмѣшался опять умолкнувшій было насмѣшникъ:—одинъ разъ при мнѣ онъ гостямъ свою машину показывалъ; повелъ всѣхъ въ сарай, а старуха-то передъ этимъ пироговъ напекла, да и разложила на эти самыя «лапы-то» простынуть. Онъ какъ «ее» пустилъ, а «она» и начала горячіе пироги выбрасывать!..

Опять раскатился общій хохотъ.

— Ну, говорятъ, дѣдушка Сачекъ, чего тебѣ еще нужно? Видишь, машина-то твоя прямо готовыми пирогами кидается!..

А онъ все ей былъ недоволенъ, все, бывало, говорилъ съ прибаутками про нее: «мотовило-готовило по прозванью «фиръ»— у ней много дыръ!»

— Га-га-га!..—реготала публика. Выступленія юмориста имѣли несомнѣнный успѣхъ, что не на шутку сердило сына «дѣдушки Сачка». Выждавъ, когда общій смѣхъ стихнулъ, онъ продолжалъ съ прежней серьезностью.

— Вотъ я и говорю: я знаю, отъ чего у него не пошло, чего не хватаетъ, я бы могъ взяться и довести до дѣла то, что строилъ мой отецъ—но у меня хозяйство, мельница, сами знаете, нѣтъ времени и нѣтъ спокойствія мыслей для такого дѣла, помощи нѣтъ ни откуда, правительство наше этимъ не интересуется—вотъ и пошло все прахомъ, а вѣдь и у германцевъ-то тоже не сразу все изобрѣли и не одинъ кто-нибудь, а многіе: одинъ началъ—не вышло, другой продолжалъ, третій усовершенствовалъ—глядь оно и вы-ыш-ло!

Послѣднее слово мельникъ сказалъ желчно, посмотрѣлъ на всѣхъ и продолжалъ:...

....— А ну, читай, что тамъ еще написано!

Мельникъ поправилъ очки, снова развернулъ газету и нѣкоторое время искалъ то мѣсто, на которомъ онъ остановился. Потомъ прежнимъ размѣреннымъ и строгимъ голосомъ, по временамъ озирая поверхъ очковъ своихъ внимательныхъ слушателей, продолжалъ чтеніе.

Солнце закатывалось. Надъ зеркально-неподвижной водой ложились отъ лѣсистыхъ береговъ длинныя тѣни.

Спустившись внизъ, мы теперь обогнули островъ и повернули противъ теченія, вступая въ Проранъ, такой же широкій, какъ Волга, съ дикими, заросшими ивнякомъ и хворостомъ глинистыми берегами. Дальній берегъ, къ которому мы плыли, былъ крутой и обрывистый, съ густымъ лѣсомъ по самому краю обрыва.

Помню, мѣсто это называлось «Беркутиное». Прежде по берегу Прорана стояли трехсотлѣтіе, сказочно-исполинскіе осокори, первобытный лѣсъ, въ могучихъ вѣтвяхъ котораго вили гнѣзда беркуты—степные орлы. Дико и прекрасно было тогда здѣсь. Проранъ былъ на мѣстѣ острова, а осокори въ тѣ времена стояли тамъ, гдѣ теперь на цѣлую версту въ ширину разливался быстрый Проранъ. Съ каждымъ половодьемъ онъ размывалъ и разрушалъ этотъ берегъ, унося въ волнахъ своихъ вмѣстѣ съ корнями и глыбами земли лѣсныхъ исполиновъ. И вотъ теперь нѣтъ ихъ, и развернувшійся могучій Проранъ подо-

шелъ версты на двѣ ближе къ деревнѣ. На берегу разросся новый, молодой и кудрявый, лѣсокъ—молодые осокори, за которыми должна быть теперь «Шиповая поляна» съ «Ситцевымъ» озеромъ...

Ахъ, это Ситцевое озеро—сказка моего дѣтства: вода въ немъ немножко розовая и прозрачная, какъ ситце: мы, бывало, купаясь въ немъ, опустимся на дно съ открытыми глазами и ясно видимъ другъ друга на днѣ озера на золотомъ красноватомъ пескѣ... Милое Ситцевое озеро, цѣло ли или изсякло, изсохло ты среди истребленнаго, порубленнаго и потоптаннаго лѣса, заповѣднаго, исчезнувшаго лѣса, который такъ полонъ былъ волшебныхъ папоротниковъ и ароматныхъ ландышей? Не испарилось ли ты вмѣстѣ съ памятью о давно-прошедшемъ? Часто, бывало, встрѣчали мы на этомъ озерѣ купающуюся сосѣдскую дѣвушку Груню: вотъ красавица была! Кажется мнѣ теперь, что съ дѣтства и за всю жизнь не встрѣчалъ уже я такой красоты: смуглая она была, цыганскаго типа, съ орлиными глазами и черными, закрученными вокругъ головы волосами, которые перевивала во время купанья водяными бѣлыми кувшинками... Лоснилось подъ солнцемъ ея упругое, смуглое тѣло и звенѣлъ серебряный смѣхъ... Сильная, съ высокой грудью, какъ русалка, плескалась она въ прозрачной водѣ и все любила нырять: «ребятишки!—крикнетъ намъ бывало,—хотите ракушку достану?» Нырнетъ на самое глубокое мѣсто и долго нѣтъ ея, потомъ выскочитъ надъ водой всею грудью и со смѣхомъ кинетъ намъ на берегъ диковинную цвѣтную ракушку!..

Скоро тогда выдали ее замужъ куда-то на хуторъ, на мельницу, въ зажиточный домъ, и больше не видѣли мы ее въ нашей деревнѣ.

Жива ли она теперь?..

Эка, что вспомнилось! Да вѣдь съ тѣхъ поръ минуло чуть ли не сорокъ лѣтъ!.. Если жива, такъ стара она теперь, я думаю, какъ смертный грѣхъ!..

Охваченный воспоминаніями о грустно-нѣжныхъ, милыхъ дняхъ далекаго дѣтства, я неотрывно смотрѣлъ на этотъ крутой берегъ, покрытый высокимъ лѣсомъ, къ которому мы приближались.

А мельникъ уже кончилъ чтеніе и разглагольствовалъ передъ мужиками.

— Читалъ я когда-то въ книгахъ — важно звучалъ его мѣрный, поучающій голосъ—что Польша—это было въ прежнія времена самостоятельное государство... И русскіе поляки, и

нѣмецкіе, и австрійскіе—всѣ были—одно. И знаю я, сколько я встрѣчалъ этихъ поляковъ—все это хорошій, дѣльный, трудовой народъ...

Но вотъ нашлись такія государства, что напали всѣ на эту самую Польшу и подѣлили ее, разорвали на части...

Совсѣмъ уже стемнѣло. Пароходикъ бережно взялъ нашу барку-паромъ «подъ ручку» и осторожно подводилъ ее къ высокому глинистому берегу, къ мосткамъ на сваяхъ. Всѣ лошади на паромѣ были впряжены въ телѣги. Паромъ встрѣтили, прикрутили къ мосткамъ, и одна за другой стали спускаться на родной берегъ деревенскія подводы.

Съ маленькимъ ручнымъ чемоданчикомъ въ рукѣ я сошелъ на берегъ и вслѣдъ за другими сталъ подниматься на кручу подъ навѣсъ кудрявыхъ деревьевъ.

За стволами ихъ сквозило въ задумчивыхъ сумеркахъ обширное поле: я узналъ въ немъ знакомую мнѣ съ дѣтства «Шиповую поляну». Мужикъ съ мѣдно-красной, словно вылитой изъ металла, бородой, обгоняя меня въ пустой телѣгѣ, попридержалъ лошадь.

— Погостить собрались?—спросилъ онъ меня.

— Да,—отвѣчалъ я,—давно не былъ.

— Да вы не Гаврилы ли Петровича сынъ будете?

— Да.

— То-то же похожъ по обличью-то! Садитесь, подвезу, а то темно!

Я сѣлъ въ телѣгу рядомъ съ мужикомъ.

— А я Земсковъ!—продолжалъ онъ, дергая возжами:—помните, може, Земскова? Вмѣстѣ мы съ вами на улицѣ играли, когда ребятишками были!...

— Фамилію помню, по лицу теперь гдѣ же узнать?

— Конешно, и я васъ только по отцу узналъ: больно похожъ! Онъ тогда въ этихъ же годахъ былъ... Вамъ теперь сколько годовъ-то будетъ?

— Да ужъ всѣ сорокъ пять!

— Ну, а я, значитъ, маненько помоложе васъ буду! Какже!—радостно вспоминалъ мужикъ:—вмѣстѣ играли!..

Онъ подхлестнулъ лошадь и, улыбаясь своимъ мыслямъ, продолжалъ:—Папашу-то вашего я хорошо помню: занятный былъ человѣкъ!.. Любили его всѣ; почитай, полдеревни все его друзья-пріятели были!..

Мужикъ долго вспоминалъ съ похвалой о моемъ отцѣ и съ довольствіемъ о нашихъ дѣтскихъ играхъ... Въ сущности, я его

не помнилъ и не могъ вспомнить, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ пріятно было его отношеніе: первый встрѣчный мужикъ оказался однимъ изъ забытыхъ друзей моего дѣтства.

До деревни было всего версты двѣ-три: огоньки ея уже мелькали въ темной мглѣ августовской ночи, густо окутавшей землю. Крестьянская лошаденка скоро перебирала ногами, торопясь домой, на отдыхъ, и телѣга подпрыгивая иногда на ухабахъ, быстро катилась по укатанной дорогѣ. Внезапно по сторонамъ выросли неясныя очертанія бревенчатыхъ избъ съ тусклыми огоньками въ окнахъ.

— Давно не были у своихъ-то?—спросилъ меня мой возница.

— Да ужъ лѣтъ тринадцать!

— Давненько!.. У кого же остановитесь?

— Дядя тутъ у меня... Алексѣй...

— Знаю, какъ же!.. Это младшій... А что же не къ Яфиму? Чай, къ старшему бы надо!..

— Старшему-то почетъ,—поспѣшно объяснилъ я,—а съ младшимъ мы вмѣстѣ росли!...

— Ну, это такъ!.. А вотъ моя изба!..—ткнулъ онъ рукой въ сторону.

— Я, пожалуй, слѣзу здѣсь?—предложилъ я.

— Нѣтъ, зачѣмъ? Довезу до мѣста, недалеко!

Дѣйствительно, мы уже проѣхали всю небольшую деревушку, кое-гдѣ свѣтившуюся мутными огоньками, и въ концѣ ея своротили къ новой избѣ, въ которой тоже горѣлъ огонь.

— Тпрру!..—громко остановилъ лошадь Земсковъ:—пріѣхали!.. Чай, и не ждетъ Алексѣй-то?

— Можетъ, зайдемъ вмѣстѣ?—предложилъ я ему.

— Нѣтъ, мнѣ пора.

— Ну, спасибо за услугу, до свиданья!..

— Не на чемъ...

Мужикъ поворотилъ лошадь и моментально растворился въ густой тьмѣ вмѣстѣ съ телѣгой и лошадью.

Я осмотрѣлся.

Да, знакомое, родное мѣсто, на вѣкъ запечатлѣнное въ моей душѣ; та же улица съ ложбинкой и бугромъ, съ поворотомъ къ околицѣ, только избы почти всѣ новыя и прибавилось ихъ нѣсколько, которыхъ не было прежде...

У дяди Алексѣя, моего сверстника-однолѣтка, съ которымъ мы вмѣстѣ росли въ старой избѣ дѣда Матвѣя, стояла на ея мѣстѣ новая изба, поменьше прежней, но чистенькая, веселая, недавно выстроенная, съ тесовой крышей.

Я вошелъ въ калитку во дворъ, потомъ черезъ крыльцо и сѣнцы—въ избу, освѣщенную висячей лампой: это была черная половина, съ русской печью—кухня, откуда въ капитальной бревенчатой стѣнѣ была дверь въ переднюю половину: я вошелъ туда.

Алексѣй сидѣлъ у стола и, наклонясь, разговаривалъ съ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ шести. При моемъ появленіи мой дядя поднялъ голову.

Тринадцать лѣтъ тому назадъ это былъ румяный мужикъ съ небольшой русой бородкой. Теперь борода стала окладистой, съ нѣсколькими сѣдинками въ ней, а похудѣвшее лицо около глазъ покрылось мелкими морщинками. На немъ была старая кумачевая рубаха и высокіе сапоги.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я получилъ отъ него письмо, въ которомъ, между прочимъ, была лаконическая фраза: «восемнадцатаго похоронилъ»; я не сразу понялъ ее и только потомъ разобралъ, что онъ похоронилъ своего ребенка, по счету «восемнадцатаго»: теперь, повидимому, подросталъ девятнадцатый, да у печки-голландки стояла взрослая дѣвушка-дочь, должно быть единственная, выжившая изъ числа «восемнадцати».

Деревянная, выкрашенная охрой, мебель плотничной работы, диванъ и нѣсколько стульевъ украшали комнату; на стѣнахъ висѣло нѣсколько фотографій, въ числѣ которыхъ была и моя карточка прежнихъ лѣтъ.

— Не ждали гостя?—спросилъ я дядю.

— Гдѣ тебя дождаться!—улыбаясь, возразилъ другъ дѣтства,—думали, ужъ не пріѣдешь никогда!..

Мы расцѣловались.

Я поздоровался съ дѣвушкой, которую помнилъ шестилѣтнимъ ребенкомъ, такой же, какъ стоявшій теперь у стола мальчуганъ; онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ снизу на меня.

Мальчишка былъ пресерьезный маленькій мужичекъ. Я обнялъ его и спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

Онъ потянулся къ моему уху и, какъ бы сообщая мнѣ тайну, прошепталъ:

— Васянькой!..

— Анка, ставь самоваръ!—приказалъ отецъ дочери.

Аннушка, улыбаясь, вышла въ кухню.

— Ты—какъ—проѣздомъ, али нарочно?—спросилъ Алексѣй.

— Нарочно! Вздумалъ и пріѣхалъ на денекъ повидаться!

— Давно бы надо! Слыхали мы, что на войну ты поѣхалъ!

— Да, ѣздилъ.

— Видалъ ее, войну-то?..

Я началъ разсказывать о томъ, что видѣлъ на войнѣ, когда былъ санитаромъ.

Во время разсказа въ окнѣ изъ темноты мелькнуло чье-то мужичье бородатое лицо. Заскорузлая рука постучала въ окошко.

— Можно?—спросилъ глухой голосъ.

— Можно! Иди въ избу!—отвѣтилъ Алексѣй.

Вошелъ приземистый, широкоплечій мужикъ съ свѣтло-рыжей «золотой» бородой, а съ нимъ еще другой, однорукій, тоже бородатый, съ просѣдью: это были сосѣди, еще въ дѣтствѣ составлявшіе намъ съ дядей компанію въ счастливыхъ дѣтскихъ играхъ; всѣ четверо мы тогда были неразлучны въ нашихъ скитаніяхъ по лѣснымъ озерамъ, по чужимъ огородамъ за огурцами и арбузами; помню, вмѣстѣ не разъ отправлялись съ лошадьми въ «ночное»... Счастливое и красивое было дѣтство у насъ! Теперь намъ всѣмъ было за-сорокъ, сѣдые волосы лѣзли у каждаго, и многое было всѣми пережито; всѣ они изживали жизнь, оставаясь вѣчными сосѣдями, крѣпко вросшими въ землю, какъ деревья въ лѣсу, и только я, давно оторванный отъ родныхъ вѣтвей, своимъ внезапнымъ и мимолетнымъ появленіемъ всколыхнулъ, должно быть, воспоминанія о прошломъ, которое все еще маячило намъ всѣмъ изъ далекихъ дѣтскихъ дней.

II.

Я ночевалъ въ глинобитной амбарушкѣ безъ оконъ, куда не проникало ни свѣта, ни звуковъ: поэтому, усталый съ дороги, спалъ долго и проснулся поздно.

Когда одѣлся и вышелъ на свѣтъ—солнце уже было высоко. Дядя поднялся еще на разсвѣтѣ—я слышалъ это сквозь сонъ—и успѣлъ съѣздить куда-то на лошади по своему хозяйству. Теперь онъ сидѣлъ въ избѣ и ожидалъ меня къ чаю и завтраку. Самоваръ кипѣлъ на столѣ. Аннушка истопила печь и уже напекла къ чаю отличнѣйшихъ сдобныхъ ватрушекъ. Я умылся на дворѣ около бочки и вошелъ къ дядѣ въ переднюю избу.

— Лютъ ты спать-то, по-прежнему! — сказалъ онъ мнѣ добродушно.

— А что?

— Да ужъ по нашему-то полдня прошло!.. Я давно на бахчу съѣздилъ за арбузами, завтракать пора!..

— Да и я проголодался!..

— Спавши-то!.. Ну, ладно, пробуй ватрушки, хороши ли. Анка пекла: матери-то нѣтъ у насъ—въ городъ къ доктору поѣхала...

— А что съ ней?

— Да такъ, бабьи болѣзни, страшнаго-то ничего: завтра, поди, воротится, а все безъ нея не то: она у меня работница: двухъ коровъ держимъ, сметану и молоко жена въ городъ возитъ: торговкой стала!

Дядя улыбнулся въ бороду и продолжалъ:

— А я садъ вишневый развелъ; вишню тоже лѣтомъ въ городъ сбываемъ, теперь вотъ арбузы: зарабатываемъ на всемъ-то рублей триста въ годъ, оно мужику-то и выходитъ большое подспорье: земли у меня полторы десятины только, посѣвъ маленькій, снимать землю—дорого, помощниковъ нѣтъ, да у меня что-то и спина болѣть стала, а садоводство я полюбилъ: ты бы весной къ намъ пріѣхалъ, когда садъ зацвѣтаетъ: я въ цвѣту-то его лучше люблю, чѣмъ когда ягоды поспѣютъ!..

— Покажи мнѣ твой садъ!..

— А вотъ послѣ чаю пойдемъ!..

— Посмотримъ садъ и гумно и все твое хозяйство, а потомъ знаешь—что?

— Знаю!..—ухмыльнулся дядя:—небось въ займище хочешь, на Шиповую поляну да на Ситцевое озеро посмотрѣть?

— Вѣрно!—сознался я:—очень хочется всѣ эти мѣста посмотрѣть!.. Помнишь, какъ мы съ тобой по Шиповой-то вперегонки верхомъ скакали?

— Какъ не помнить? Еще ты на канаву наѣхалъ и съ жеребца черезъ голову полетѣлъ.

— Да! Я тогда здорово ногу расшибъ, всталъ и хромаю, жеребецъ хвостъ и гриву по вѣтру распустилъ, на горизонтѣ носится, чуть видно его, я злюсь, а ты-то надо мной какъ сумасшедшій хохочешь! Счастливое было время!

Дядя ухмыльнулся.

— Есть о чемъ вспомнить!—иронически сказалъ онъ:—нечево грѣха таить, дѣло прошлое—горяченекъ ты былъ.

— Да ужъ каюсь!..

— И въ усъ не дулъ, что я тебѣ дядя...

— А я тебя старше на полгода...

— Ну вотъ, опять старые счеты!..

Послѣ чаю дядя повелъ меня на гумно, показывать хозяйство.

Едва мы вышли изъ калитки на улицу, какъ столкнулись съ учительницей—женщиной лѣтъ тридцати пяти, въ сѣромъ платьѣ, съ открытой головой... Въ рукѣ у нея была какая-то бумага.

— Алексѣй Матвѣичъ, подпишите на минутку—сказала она:—тороплюсь отослать!

Учительница пожала руку ему и мнѣ, назвавъ свою фамилію.

— Это можно,—отвѣчалъ дядя,—сейчасъ!

Мы всѣ вошли въ избу, и дядя, развернувъ бумагу, нацарапалъ свою фамилію противъ печатнаго слова «предсѣдатель». Учительница, дѣйствительно, должно быть, торопилась, потому что тотчасъ же убѣжала.

— Это чего же ты предсѣдатель?—спросилъ я, когда мы снова вышли изъ избы.

— Училищнаго совѣта!.. Прежде у насъ всегда попъ былъ предсѣдатель, а на этотъ разъ рѣшили мужика выбрать! Очень осердился попъ на мужиковъ за это, а ничего не подѣлаешь: не тотъ теперь духъ-отъ пошелъ въ мужикахъ!

— А давно вы школу-то выстроили?

— Лѣтъ шесть только! Вонъ она, видишь?

Всего за два дома отъ избы дяди стояла школа—большое, бревенчатое зданіе съ желѣзной зеленой кровлей и квадратными саженными окнами.

— Теперь ужъ мы не тѣ!—шагая со мной черезъ улицу, многозначительно говорилъ предсѣдатель училищнаго совѣта.

Гумно было—черезъ дорогу: тутъ оказалось все: и огородъ и «токъ» для молотьбы, и уже сложенные въ ометы снопы, а за ометами садъ; садъ былъ довольно большой и весь вишневый.

Мы ходили между деревьевъ, и дядя съ любовью показывалъ мнѣ свое созданіе—вишневый садъ.

— Только это не все мое: половина, вонъ та, что за плетнемъ—Яфима.

Яфимъ старше его лѣтъ на двадцать и теперь, вѣроятно, уже совсѣмъ старикъ; такъ и оставшійся неграмотнымъ и темнымъ—Яфимъ являлся какъ бы однимъ изъ послѣднихъ могиканъ старой деревни.

— Какъ живетъ Яфимъ? Хорошо?—спросилъ я.

— Онъ зажиточно живетъ, куда лучше меня: у него, вѣдь,

четыре сына женатыхъ, да два зятя! Хорошо ему! Вотъ ужо сходимъ къ нимъ—тамъ, чай, всѣ соберутся—увидишь!.. Только два-то сына у него на войнѣ, одинъ изъ нихъ ужъ теперь въ германскомъ плѣну, третій у купца въ прикащикахъ, остался при немъ только самый младшій, зятьевъ тоже только-что забрали по второму разряду и выходитъ—бабы однѣ остались у старика на шеѣ!..

— Да, это тяжело!

— Да, вѣдь, у всѣхъ такъ! По всей деревнѣ хоть шаромъ покати: всѣ коренные-то работники на войнѣ, и когда она только кончится? Бывало, по праздникамъ у насъ въ хороводы собирались, а теперь и хороводовъ нѣтъ; некому собираться: сурьезное время пришло!

— Ну, а какъ у васъ вообще къ войнѣ этой мужики относятся? Я вотъ, когда ѣхалъ сюда на паромѣ, нарочно прислушивался, что говорятъ...

Я разсказалъ дядѣ о мельникѣ, читавшемъ газету съ собственными примѣчаніями...

...Мы дошли до конца сада и вышли въ знакомое мнѣ поле: сколько разъ, бывало, еще дѣтьми, отправлялись мы съ дядей по этой дорогѣ на участокъ—на покосъ, на жнитво, на молотьбу, всегда неразлучные, всегда вдвоемъ: старшіе такъ насъ и посылали двоихъ всюду, даже если бы достаточно было послать одного. Порознь у насъ ничего не выходило, а вотъ жизнь разлучила же и отправила каждаго по своей дорогѣ!.. За пригоркомъ, изстари называвшимся почему-то Жадаевой горой, въ нѣсколькихъ верстахъ—я зналъ—лежало большое озеро, обросшее по краямъ высокимъ тростникомъ. Въ старые годы—я помню—каждое лѣто прилетали и жили тамъ лебеди, и никто ихъ не трогалъ. Покойный дѣдъ Матвѣй иногда бралъ насъ съ дядей на это озеро удить карасей, мы отправлялись туда—на зарѣ и при свѣтѣ ея видѣли, какъ по широкому зеркальному лону плавали огромныя, гордыя птицы. Теперь ужъ навѣрное онѣ не прилетаютъ сюда.

Если выйти на «зады» дядиной избы, то оказывается, что деревня стоитъ на горѣ, а внизу, въ ложбинѣ, течетъ «Постепокъ», крохотная рѣчка, заросшая по берегамъ осокой и плавучими лопухами. За рѣчкой берегъ немножко поднимается, и на немъ сразу же начинается молодой дубовый лѣсокъ: это и есть «займище».

Когда Волга разливается весной, то затопляетъ все пространство отъ города до нашей деревни: лѣсъ исчезаетъ подъ

водой и получается водная равнина верстъ въ пятнадцать шириной. Волга подходитъ вплоть къ заднему плетню дядиной избы и разстилается до горизонта, какъ море.

Когда старый вѣковой лѣсъ еще не былъ порубленъ—столѣтніе дубы стояли по поясъ въ водѣ, и для деревенской молодежи не было весной лучшаго удовольствія, какъ разъѣзжать на лодкахъ въ затопленномъ лѣсу.

Мы вышли на «зады»—и мнѣ съ удивительной яркостью вспомнилось именно такое весеннее—воскресное утро, зеркальное море воды за дѣдушкиной старой избой, затопленный могучій зеленый лѣсъ, ликующее солнце и пѣсня удалого парня, который, разъѣзжая въ долбленой черной «бударкѣ» съ однимъ весломъ, вытаскивалъ поставленныя съ вечера сѣти и пѣлъ ядренымъ, разряжающимся отъ звучности голосомъ размашистую волжскую пѣсенку:

Плать-я... бѣ-ла...
Са-пы-жами...
Шаль перь-сицкую
Саки-стями...

Это воспоминаніе на минуту какъ бы вспыхнуло въ моей памяти и погасло.

На-яву теперь была передъ моими глазами осенняя картина: голая ложбина съ лежащимъ въ осокѣ соннымъ «Постепкомъ» и низкорослый, желтѣющій лѣсъ съ чуть-видною за нимъ Шиповою поляной.

Мы спустились въ ложбину и перешли черезъ грязный мостишко, на которомъ, помнится, дѣдъ Матвѣй, обладавшій непомѣрною силой, вытащилъ на себѣ, какъ овцу, собственную лошадь, завязшую здѣсь съ возомъ, а потомъ «самъ» вывезъ возъ вмѣсто лошади...

Углубившись въ лѣсъ, отъ котораго на меня такъ и пахнуло неистребимыми воспоминаніями, мы скоро вышли на Шиповую поляну.

Она была все такая же широкая, гладкая, зеленая, только не возвышались уже на горизонтѣ исполины-осокори, которыхъ все еще искали мои глаза: вмѣсто нихъ вдали широкимъ своимъ чешуйчатымъ хребтомъ стальнымъ блескомъ блестѣлъ подъ солнцемъ Проранъ.

Мы шли черезъ поляну, и дядя долго объяснялъ мнѣ, что она теперь уже не вся ихняя, что вотъ за этой гранью половина ея отошла къ появившимся откуда-то переселенцамъ-хохламъ и что хохлы эти, впрочемъ, хорошій, работящій народъ.

Говорилъ объ отрубахъ и о своемъ многосемейномъ «сильномъ» братѣ Яфимѣ, взявшемъ отрубъ «въ степи», и о томъ, что онъ, «однолошадный» Алексѣй, отруба не взялъ.

Вдругъ дядя остановился, и неожиданная улыбка раздвинула его красивую, окладистую бороду.

— Вотъ она, канава-то! Помнишь ее?

Да, дѣйствительно, она была все еще цѣла на Шиповой полянѣ, та широкая канава, черезъ которую я въ отчаянной скачкѣ махнулъ на прекрасномъ дѣдушкиномъ жеребцѣ и не удержался—смѣшно полетѣлъ черезъ голову горячаго коня... Это было лѣтъ тридцать пять тому назадъ, когда я былъ десятилѣтнимъ сорванцомъ...

— Горяченекъ ты былъ!—опять укорилъ меня дядя.

Мы прошли черезъ всю поляну и попали опять въ лѣсъ,—молодой дубнякъ, а когда-то здѣсь былъ вѣковой, заповѣдный лѣсище, и въ чащѣ его покоилось Ситцевое озеро, и наклонялись надъ прозрачной водой, отражаясь въ ней, широкія вѣтви могучихъ вязовъ и дубовъ...

Сквозь вѣтви сверкнула вода, и неожиданно очутились мы на берегу большого свѣтлаго озера, окаймленнаго высокимъ камышомъ: серебристое, оно было прозрачно до дна и отливало розовымъ свѣтомъ: это было оно, Ситцевое озеро, все такое же, какъ и прежде, хоть и оголенное отъ дремучей чащи лѣсовъ; я узналъ его и убѣдился, что оно, да и все кругомъ—дѣйствительно, не только казалось мнѣ, но и на самомъ дѣлѣ и теперь было прекрасно, какъ радостный весенній сонъ...

Я долго стоялъ, очарованный, пока не раздался подлѣ меня насмѣшливо-ласковый голосъ дяди:

— О чемъ ты плачешь-то?

Скиталецъ (С. Петровъ).

Стихотворенія.

I.

ПАРУСЪ.

Звѣздами вышитъ парусъ мой,
Высокій, бѣлый и тугой,
Ликъ Богоматери межъ нихъ
Сіяетъ, благостенъ и тихъ.

И что́ мнѣ въ томъ, что берега
Уже уходятъ отъ меня?
Душа полна, душа строга—
И тонко свѣтятся рога
Младой луны въ закатѣ дня.

II.

ГОРА АЛАГАЛЛА.

Въ лѣсахъ кричитъ павлинъ, шумятъ и плещутъ ливни.
Въ болотистыхъ низахъ, въ долинахъ рѣкъ—потопъ.
Слоны залѣзли въ грязь,—стоятъ, поднявши бивни,
Сырые хоботы закинувши на лобъ.

На тучахъ зелень пальмъ—безжизненный металла,
И, тяжко заслонивъ графитный горизонтъ,
Глядитъ изъ-за лѣсовъ нагая Алагалла,
Какъ сизый мостодонтъ.

Ив. Бунинъ.

ДОМОЙ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ.

I.

Густо-синяя съ блескомъ эмаль Средиземнаго моря стала блекнуть, зеленѣть, мутиться. Туманные гористые берега становились рельефнѣе, чище, голубѣй. И замѣтно было, какъ мы все глубже и глубже входимъ въ полосу узкаго, безконечно длиннаго залива, въ концѣ котораго ждутъ насъ Салоники.

Слѣва маячилъ угрюмый массивъ Олимпа, дерзко обезглавленный веселыми купами серебряныхъ облаковъ. Справа—три пальца лѣсистой корявой ладони. Пальцы далеко протянулись на югъ, къ сплошной синевѣ моря, словно погнались за кѣмъ, хотѣли схватить, но могучая сила парализовала ихъ, и они застыли, остались недвижны.

Самый дальній—Аѳонъ. Онъ длиннѣе другихъ пальцевъ и стыдливѣй. Весь бирюзовый, полурастаявшій въ морѣ, одѣлся тончайшимъ голубымъ тюлемъ и манитъ къ себѣ, приковываетъ. Таинственный, невѣдомый, и вмѣстѣ съ тѣмъ родной-родной. Дорогъ и близокъ былъ онъ съ самыхъ пеленокъ.

«Гора Аѳонъ, гора святая»... Сколько пылкихъ юношескихъ мечтаній неслось и несется сюда изъ далекихъ равнинъ сѣвера, старческихъ вздоховъ, предсмертныхъ стоновъ. Сколько чудеснаго, сказочнаго связано съ этимъ именемъ. Хотѣлось бы сняться съ высокой, чуть дышащей отъ легкой качки, палубы морского богатыря и полетѣть туда, къ этому почти прозрачному голубому полуострову, дохнуть его смолами, его мрачнымъ святымъ уютомъ, его обаятельной неразгаданностью.

Пассажиры на палубѣ. Раздѣлились по двумъ бортамъ: интеллигенція по лѣвому борту, простонародье—направо. И непонятно, какая сила произвела такое дѣленіе. Налѣво бинокли, морскія карты, справочники, звонкія восклицанія женскихъ голосовъ, радостное гудѣніе мужскихъ. Смѣются, вспоминаютъ ле-

генды, декламируютъ классиковъ. И шепчутся, и розовѣя горятъ дѣвичьи щеки, искрятся кокетливые взоры. Кто-то кричитъ звучнымъ молодымъ баритономъ:

— Вотъ оно, жилище боговъ! Мнѣ однажды изъ-за этого чорта Олимпа единицу вкатили!

Другіе звонкіе голоса покрываютъ это признаніе еще болѣе живымъ хохотомъ.

Спиной къ Олимпу, лицомъ къ Аѳону сѣрые латаные пиджаки, угрюмо задумчивые взгляды, молчаніе вперемежку со вздохами. Унылый, ровный безъ повышеній и паузъ густой гудущій голосъ кормового матроса Устиныча разсказываетъ объ аѳонскихъ чудесахъ:

— И ни одна даже аль пташка женскаго полу не могитъ она жить тамъ. Соловей поетъ, соловьиху не услышишь. Равно и галки, грачи—все единственно. Ворона увидишь, къ примѣру, а ворону ни въ жисть. Долетитъ, куда ей положено, и назадъ принуждена вертать, а не то падаетъ замертво, ровно ударитъ чѣмъ. Также и рогатой скотины: женскій полъ не водится...

— Господи!—не выдержала маленькая, больше другихъ вздыхавшая молодая бабенка,—гдѣ же они молоко-то берутъ?

— Быковъ доятъ!—острить молодой ткачъ, работавшій гдѣ-то подъ Барселоной и везущій домой, какъ большую драгоцѣнность, «настоящую, тальянску, гармонью».

Но надъ словами ткача никто не смѣется. Молчатъ. Устинычъ укоризненно продолжаетъ:

— А что жъ, ежели чудесное! Отъ чудеснаго все можетъ статься... Запасный солдатъ Трохвимъ Притула, возвращавшійся домой «на моблизацію» изъ самаго Буэносъ-Айреса и успѣвшій по дорогѣ пропить пять консульскихъ пособій, плачетъ и крестится.

Крестятся и другіе. И не поймешь, не отгадаешь: такъ ли молчатъ эти сѣрые бывалые люди, слушая Устиныча, или, какъ и я, вспоминаютъ о свѣтлыхъ годахъ своей юношеской жизни, когда искренно вѣрилось, что Аѳонъ—это рай, а въ раю «не женятся, не посягаютъ, но яко ангели на небесехъ пребываютъ».

Олимпъ и Аѳонъ, два символа. Два знамени двухъ великихъ религій. Одинъ зоветъ къ празднику тѣла, физической красотѣ, силѣ, плодородію, безпечному веселью, къ празднику любви и ласки...

Другой отрицаетъ тѣло, проповѣдуетъ истощеніе, болѣзнь, постъ, безчадіе, съ омерзѣніемъ отвращается отъ физической любви, отъ веселья, пѣсни, игры... зоветъ къ веселію смерти.

И оба стоятъ рядомъ, на обоихъ цвѣтутъ однѣ и тѣ же оранжевыя рощи, однимъ дыханіемъ дышитъ весна, однимъ маревомъ вѣетъ лѣто, къ обоимъ вразъ ластится теплая южная осень, полная тутъ и тамъ гроздьевъ сизаго винограда, маслинъ, сахарныхъ арбузовъ и пахучихъ, нѣжныхъ, тающихъ во рту золотистыхъ дынь.

И оба не отрицаютъ войны, благословляютъ побѣду, плетутъ вѣнки героямъ. Оба знамени воодушевляютъ людей къ воинскимъ подвигамъ...

Велика загадка, имя которой—человѣкъ.

II.

Къ Салоникамъ подошли мы передъ вечеромъ. Я бы не сказалъ, что вблизи здѣсь красиво. Издали—да. Тогда хоть рисуй иллюстрацію къ «Тысячѣ и одной ночи». Десятки тонкихъ, блѣдныхъ минаретовъ, а рядомъ громадныя кубическія постройки съ куполовидными верхами. Все это изъ бѣлаго, чуть розоватаго камня, или только кажущагося издали розоватымъ, не знаю. Вокругъ мечетей, а можетъ быть, это и не мечети, но цѣлые магометанскіе монастыри и дворцы,—вокругъ нихъ глухіе бѣлокаменные кремли и фіолетовые, мертвенные, безъ вздоховъ и тревоги, кипарисы. Удивительное дерево—этотъ кипарисъ. Только послѣ того, какъ пришлось мнѣ много разъ видѣть его тамъ, на югѣ, при полномъ ростѣ, смогъ я ощутить истинный характеръ этого дерева и понялъ, почему его садятъ надъ могилами, на кладбищахъ. Не тую, не ель, а именно кипарисъ. Это дерево создано для того, чтобы быть монументомъ, выражать безконечную покорность и какую-то свою, чисто-восточную стойкость къ превратностямъ судьбы.

Нашъ ладанъ напоминаетъ кипарисъ. Въ томъ, какъ пахнетъ дымъ ладана, и какъ сторожатъ нѣмые богатыри, кипарисы сѣдую старину здѣшнихъ мѣстъ, прячется одно и то же настроеніе: настроеніе печали, грусти, покорности и все же... все же тревоги.

Тѣсной грудой приткнулся городъ къ пологому скату голой горы. Безъ улицъ и площадей сползаетъ онъ къ морю, и ужъ у моря разстилается въ широкое полотнище грязи, пыли, трамвайнаго лязга, крикливыхъ магазиновъ, нагло блестящихъ неестественными огнями кинематографовъ, праздныхъ зѣвакъ, карманныхъ воровъ... словомъ, всего того, что называютъ уличнымъ движеніемъ крупнаго торговаго центра.

Пароходъ нашъ, видимо, пришелъ сюда первый разъ. Это было морское чудовище Добровольнаго флота изъ ново-построенныхъ, съ обычными рейсами отъ Одессы до Владивостока и обратно. Война закинула его сначала въ Геную, а оттуда съ толпой русскихъ бѣженцевъ въ Солунь.

Команда не знала расположенія порта, и потому мы ненужно долго толклись въ срединѣ залива, пока не подъѣхалъ на лодкѣ агентъ другой,—не Добровольнаго флота,—пароходной русской компаніи и не разсказалъ намъ, какъ и гдѣ надо причалить.

Потомъ на катерѣ подъѣхали греческіе чиновники провѣрять пароходные документы, а потомъ уже мы пристали къ берегу.

Пока все это происходило, наступилъ, и наступилъ дружно по-южному, темный теплый вечеръ. Верхъ города сразу померкъ, пропалъ, и запылалъ красными огнями низъ.

Я положилъ-было пробыть въ Салоникахъ не меньше двухъ дней, потому что, кто знаетъ, когда подшутитъ надо мной судьба во второй разъ и закинетъ въ эти страны. Хотѣлось полазить по верхнему городу, по его, очевидно, узкимъ, изломаннымъ улицамъ, подсмотрѣть чужую таинственную жизнь, или не жизнь, можетъ быть, а умираніе... По виду здѣсь такъ много признаковъ этого умиранія. Пустая, разсчитанная на сотни большихъ кораблей, гавань, чертовски удобная гавань! Куда лучше, чѣмъ въ Генуѣ, или въ Одессѣ. Неподалеку дома съ заколоченными окнами, сараи съ растворенными пастями и безлюдные, навѣрное пустые и заброшенные, покинутые амбары и магазины. Чье это все? Австрійское, германское? Почему никому больше не нужно? Неужели война и здѣсь наложила свою разорительную лапу?

Мою догадку объ умираніи города подтвердилъ знакомый сербъ-журналистъ, который ѣхалъ на нашемъ пароходѣ домой изъ Франціи.

— Ээ!—сказалъ онъ, какъ бы отмахиваясь отъ моего вопроса,—здѣсь тоже кроется одна изъ причинъ теперешней войны. Салоники—милліонное предпріятіе. И пока они обслуживали турецкія области, вложенные сюда милліоны оправдывались, а какъ только бывшій Балканскій Союзъ подѣлилъ эти области межъ собой,—Солунь пала. Торговля убавилась чуть ли не втрое... и винятъ въ этомъ насъ же, сербовъ. Болгары говорятъ, что—будь Солунь болгарскимъ городомъ, онъ бы не только не палъ, а еще больше выросъ.

— Но почему же васъ именно винятъ? Вѣдь городъ греческій?

— Греческій. Но развѣ грековъ привыкли винить въ чемъ-нибудь? Греки всегда въ сторонѣ. Греція никогда ни въ чемъ не отвѣтственна. Таковъ ужъ взглядъ на нее.

И сербъ мой махнулъ безнадежно рукой, словно Греція была и въ самомъ дѣлѣ не больше мальчишки изъ приготовительнаго класса.

— Однако-жъ,—не унимался я,—Греція ваша союзница.

— Союзница,—согласился онъ уныло и добавилъ: — A propos. Будете имѣть здѣсь денежныя дѣла,—покрѣпче держите въ рукѣ кошелекъ!

Изъ бесѣды съ тѣмъ же сербомъ выяснилась для меня и прямая причина паденія торговаго значенія Салоникъ. Причина эта, какъ и все на Балканахъ, политическая. Раздѣленныя между «союзниками», турецкія области принуждены были послѣ войны тяготѣть къ тѣмъ торговымъ центрамъ, которые въ этихъ странахъ со времени ссвобожденія ихъ отъ турокъ наладились. Такъ, ново-болгарскія земли должны были повернуться лицомъ къ Софіи, ново-сербскія—къ Бѣлграду.

Кромѣ того, послѣдняя междоусобная балканская война до того раздражила и разгнѣвила народы, что болгаринъ, напримѣръ, предпочиталъ гнать свой товаръ черезъ какое угодно мѣсто, абы бо не черезъ Грецію.

— Легче черезъ Сѣверный полюсъ, чѣмъ черезъ Солунь, пока она греческая!

Греки тоже, въ свою очередь, такъ облагаютъ товары пошлиной, что вынести это обложеніе рѣшительно не подъ силу. И еще придираются, задерживаютъ, строятъ мелочныя козни и каверзы.

Послѣ, когда мы проѣзжали окрестностями Салоникъ, я, грѣшнымъ дѣломъ, открылъ еще одну причину, уже собственнымъ разумѣніемъ: окрестности эти, благодаря только-что бывшимъ двумъ войнамъ, представляютъ изъ себя пустыню, похожую на земли послѣ великаго потопа. А пустыня, при всемъ своемъ желаніи «тяготѣть» къ торговому центру, немного можетъ сдѣлать въ смыслѣ поднятія этого центра до верховъ благополучія.

III.

Ночевали на пароходѣ. Послѣдняя ночь. Публика, перезнакомившаяся за недѣлю безостановочнаго пути и десятидневнаго ожиданія парохода въ Генуѣ, была особенно возбуждена

и радостна. За ужиномъ болтали безъ умолку, пѣли, кто былъ склоненъ къ выпивкѣ, «пробовалъ» крѣпость греческихъ винъ.

Кого-кого только не было въ нашей пестрой компаніи «русскихъ бѣженцевъ», вся Россія представлена: поляки, латыши, евреи, армяне, грузины, колонисты-нѣмцы, малороссы... всѣ ѣхали изъ чужбины домой, торопились, какъ торопятся люди на пожаръ, на большое семейное несчастье. Вся мужская молодежь, конечно, съ намѣреніемъ стать «подъ красную шапку», а женщины просто домой. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, быть внѣ дома, когда въ домѣ бѣда.

Причинъ для радостнаго возбужденія на этотъ разъ было особенно много. Во-первыхъ, кончился морской путь. И хорошо кончился, безъ качки и болѣзней, безъ страшныхъ турецкихъ и нѣмецкихъ минъ, которыми насъ стращали, безъ подводныхъ лодокъ. Во-вторыхъ, за цѣлыхъ семь дней узнали новости, цѣлый снопъ новостей, и всѣ новости съ войны были для Россіи счастливы. И въ-третьихъ, что грѣха таить, самая существенная радость пріѣхала къ намъ на пароходъ въ лицѣ русскаго консула и раздавала нуждающимся денежныя пособія.

И Притула, и ткачъ изъ Барселоны, и поляки-рабочіе, которыхъ бережно охраняли отъ лихого глаза цѣлыхъ пять ксендзовъ, расхаживали еще до ужина фертами. За ужиномъ пошелъ у нихъ форменный кутежъ, и смѣшившій всѣхъ трепаный, худой, какъ осиновая жердь, еврей изъ Америки съ особой выразительной страстностью пѣлъ:

Чарочка моя, серебряная!
Кому чару пити,
Тому здраву быти!..

И Господь его вѣдаетъ, какъ умудрился этотъ еврейчикъ, тоже ѣдущій домой защищать родину, коверкающій русскую рѣчь на всѣ лады и безъ всякихъ ладовъ, вывезти изъ Америки въ Солунь старинную русскую заздравицу, которую пѣвали наши прадѣды во время богатырскихъ пировъ.

Съ вечера же стали записывать желающихъ выѣхать съ утреннимъ поѣздомъ. И съ этой записью планы мои относительно подробнаго осмотра Солуни разбились въ дребезги. Помѣшало благоразуміе, этотъ всегдашній спутникъ неудачъ и неуспѣховъ.

На этотъ разъ благоразуміе пришло ко мнѣ въ лицѣ все того же знакомаго серба.

— Вы что, уже спать собрались?—спросилъ онъ уди-

вленно,—а тамъ на носу записываются въ очередь, ѣхать съ утреннимъ поѣздомъ въ Нишъ.

— Я рѣшилъ побродить пару деньковъ по городу.

— Хм... смѣло.

— Почему? Развѣ есть еще опасности?

— Видите... какъ вамъ сказать? благоразумнѣе уѣхать. Я полагаю, что черезъ Болгарію надо проскочить возможно скорѣе... Кромѣ того, здѣсь по дорогѣ два моста... вы ихъ увидите. Если они еще не взорваны болгарами—ваше счастье!

— Вы шутите? Неужели болгары начнутъ войну противъ васъ?

— Да, готовятся.

— Но вѣдь эта война и противъ Россіи?

— Конечно. На Россію они не посмотрятъ.

Дѣло это происходило осенью 1914 года, еще въ началѣ общеевропейской войны, когда, правда, поведеніе Болгаріи вызывало подозрѣнія, но мысль о враждебныхъ отношеніяхъ ея къ Россіи все же казалась чудовищной. Особенно невѣроятной показалась она мнѣ, такъ какъ среди болгаръ у меня были друзья, и я намѣтилъ даже по пути заѣхать къ нимъ въ Софію на пару деньковъ, повидаться. Я видѣлъ и зналъ, что болгары, въ сущности, русскіе люди.

— Не можетъ быть этого!—сказалъ я сербу,—да, наконецъ, что вамъ дѣлить? голую Македонію? Отдайте вы ее болгарамъ, сами получите добрый кусокъ Австріи. Еще лучшій кусокъ, по крайней мѣрѣ, культурный!

— Ха! Дѣло вовсе не въ этомъ.

И угрюмый сербъ, котораго я не видѣлъ до того смѣющимся, улыбнулся сквозь густые, черные, какъ сажа, усы.

— Ежели мы отдадимъ Македонію хоть сейчасъ,—Болгарія все равно кинется на насъ.

— Слушайте! Но почему?

— Вамъ, русскимъ, трудно понять это. Вы мало живете политикой, не сталкиваетесь ежедневно съ сосѣднимъ, чужимъ народомъ. Вы, благодаря простору, всегда дома. Пожили бы, какъ мы: шагнешь впередъ,—передъ носомъ Австрія. Рукой махнешь—Болгарія. Головой качнешь—въ Грецію попадешь... У насъ чутье есть на это. Болгарія будетъ воевать!—И добавилъ послѣ долгой паузы:

— На германскія деньги. Вѣдь Россія не можетъ дать теперь ничего.

Мы долго еще протолковали на эту тему, и я, запасшись

рядомъ практическихъ совѣтовъ относительно сербскихъ порядковъ и обычаевъ, пошелъ записываться на утренній поѣздъ.

— «Проведу-ка я эту пару лишнихъ дней въ Софіи,— думалось мнѣ при этомъ,—авось мои болгарскіе друзья наговорятъ еще большихъ страховъ и ужасовъ про Сербію».

IV.

Партія къ первому поѣзду составилась человѣкъ въ двѣсти. Я не знаю, что бы мы стали дѣлать безъ помощи нашего консульства. Оно распорядилось относительно извозчиковъ для багажа, а это при отправкѣ вразъ двухсотъ человѣкъ—одолженіе не малое. Сами рѣшили идти пѣшкомъ, такъ какъ отъ пристани до вокзала было въ сущности близко.

Извозчики были всѣ греки. Ну и извозчики! Лошаденки какъ мыши и къ тому же драныя, замореныя, еле двигаютъ ногами. Вмѣсто телѣгъ дроги, на которыхъ еще большіе чемоданы можно было поставить, а мелочь—никакъ. Все же уложились, пудовъ по семи на подводу,—больше грекъ не бралъ: тяжело.

Часть публики пошла напрямки, а часть должна была идти за подводами, присмотрѣть. Я попалъ въ доглядатаи. Мнѣ же пришлось поэтому платить за подводу: грекъ не хотѣлъ двигаться съ мѣста, не получивъ свои два съ половиной франка авансомъ. Къ несчастью, со мной не было греческой мелочи, а ни итальянской, ни сербской грекъ не бралъ. Моталъ головой, бормоталъ что-то, и въ этомъ бормотаньѣ я отчетливо улавливалъ русское «нэтъ» и французское «д'аржанъ».

Нечего дѣлать, пришлось вынуть завѣтные десять греческихъ франковъ, которые береглись, по совѣту серба, на билетъ, и отдать.

— На!—проговорилъ я съ достоинствомъ,—сдачи!

Грекъ схватилъ монету, и мгновенно,—не успѣлъ я замѣтить, какъ,—она исчезла въ его рваныхъ штанахъ съ ширинкой до полу.

— Сдачи?—повторилъ я настойчиво.

Грекъ смотрѣлъ на меня снизу вверхъ большими, черными. будто выточенными изъ антрацита, глазами и молчалъ.

— Сдачи! Пети монэ!—крикнулъ я во всю силу легкихъ,

Грекъ все такъ же стоялъ и такъ же смотрѣлъ. Насъ окружила толпа такихъ же рваныхъ, не латаныхъ грековъ, съ такими же блестящими черными глазами, какъ у моего грека, и съ такими же не вѣсть зачѣмъ подметающими землю ширинками въ общемъ узкихъ штановъ. Они равнодушно и молча курили свои трубки съ невыносимо крѣпкимъ табакомъ, выжидая, чѣмъ все это кончится.

Я началъ теряться. «Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ»,—думалось при видѣ того поразительнаго невиннѣйшаго спокойствія, съ которымъ греки выжидали конца всей исторіи. Но память, особенно почему-то острая при возбужденіи, неутомимо подсказывала и всѣ предупрежденія знакомаго серба, и разсказы корабельныхъ матросовъ о томъ, какъ ни одно русское судно не обходится въ Греціи безъ скандала, какъ въ Пиреѣ то и дѣло происходятъ драки матросовъ съ греками, и какъ греки такой продувной народъ, что безъ драки съ ними нельзя...

Не знаю, что̀ было бы, если бъ грекъ выдержалъ свою роль до конца. Но онъ этого не сдѣлалъ. Замѣтилъ ли мою растерянность, или по другимъ соображеніямъ—не знаю—онъ сталъ пятиться, пятиться и вдругъ юркнулъ за спину другого грека. Еще моментъ, и я потерялъ бы его, а вмѣстѣ съ нимъ и возможность достать желѣзнодорожный билетъ. Съ кого спросить? Всѣ греки въ толпѣ одинаковы!

Растерянность моя мигомъ прошла. Преодолѣвъ брезгливость, я схватилъ бѣглеца за фалду коротенькой безрукавки. Грекъ упалъ на землю, застылъ.

— Сдачи, чортъ!—крикнулъ я, выпрямляясь.

Грекъ поползъ, извиваясь, въ толпу ширинокъ. Я наступилъ ногой ему на ширинку. Грекъ пересталъ ползти, но сталъ вырываться, какъ ужъ изъ-подъ палки.

— Сдачи!

Признавъ себя побѣжденнымъ, грекъ опять-таки поразительно быстрымъ и ловкимъ движеніемъ вытащилъ изъ глубины ширинки кошелекъ, раскрылъ его и протянулъ мнѣ. Въ кошелькѣ была мѣдная мелочь, и я отказался до него дотронуться. Тогда онъ открылъ другую половину съ серебромъ и самъ уже отсчиталъ семь съ половиной франковъ.

Я взялъ деньги, и мы мирно поѣхали на вокзалъ.

Вокзалъ маленькій, грязный, тѣсный. Насъ продержали въ немъ часа два, визируя зачѣмъ-то паспорта. Наконецъ, запаслись билетами, и билетами только до сербской границы, часа на два

пути. Усѣлись въ вагоны, а вагоны хуже старыхъ французскихъ: ни сѣсть, ни лечь, ни повернуться... Въ довершеніе всѣхъ неудобствъ, кто-то пустилъ слухъ, что провизіей надо запастись на двое сутокъ. До самаго Ниша не будетъ буфетовъ, и не достанешь ни хлѣба, ни воды.

И безъ того отягченные багажемъ пассажиры бросились запасаться всѣмъ, чѣмъ только можно было запастись около станціи. Накупили хлѣба, арбузовъ, винограда, вина и воды.

Наконецъ, поѣздъ загромыхалъ по стыкамъ, и Салоники сразу пропали. Мы въѣхали въ долину какой-то мутной, искрасна желтой рѣки съ плоскими пустыми берегами; такъ и пошли вдоль нея.

Мѣстность была дотого безотрадна, пуста и уныла, что страннымъ казалось сосѣдство съ ней Средиземнаго моря, сѣдыхъ оливковыхъ рощъ, кипарисовъ и пальмъ.

Ближе къ рѣкѣ еще зеленѣло, а дальше сѣро-желтое, сожженное солнцемъ и вѣтрами поле до самаго горизонта, до самыхъ далекихъ серебристо - туманныхъ горъ, верстъ на пятьдесятъ, а можетъ быть, и на сто. Ни пахоты, ни даже жнивья—ничего. Нѣтъ и деревень. Мѣстами лишь глазъ замѣчаетъ былую, сравненную теперь съ землей, глинобитную постройку и обросшій сорными травами слѣдъ былой дороги, оросительной канавы, или какого-то другого сооруженія.

Изъ живыхъ существъ попадаются только фигуры турокъ ли, или похожихъ на турокъ людей въ красныхъ лохмотьяхъ, верхомъ на маленькихъ осликахъ. Осликъ крошечный, съ козу, а человѣкъ несоразмѣрно большой, длинный, прямой. Ѣдетъ, и кажется—ноги волочатся по землѣ.

Замѣтишь иной разъ пастуха. Стоитъ недвижно, какъ столбъ среди поля, не шелохнется. По тому только и догадаешься, что пастухъ это, а не межевой знакъ,—опирается на палку, и вокругъ стадо овецъ, дружно движущихъ упрямыми головами.

Такова Македонія, изъ-за которой такъ много пролито крови, и прольется, можетъ быть, еще больше того.

Около станцій, или скорѣе не станцій, а мизерныхъ, одинокихъ средь пустыннаго поля, полустаночковъ видна кое-какая культура. Очевидно, здѣсь живетъ европеецъ: густо-зеленый апельсиновый садикъ съ поливомъ, буйно растущій молодой виноградникъ, цвѣтничекъ въ палисадникѣ, бобы по жердямъ, тополи... Все это показываетъ, что культура здѣсь возможна и, вѣроятно, выгодна.

V.

Верстахъ въ пятидесяти отъ Салоникъ проходитъ сербская граница. Здѣсь ждалъ насъ особый поѣздъ, предупредительно приготовленный сербской администраціей. Поѣздъ чистый, просторный, удобный.

Вмѣсто старшаго кондуктора ѣхалъ съ нами самъ главный инспекторъ желѣзныхъ дорогъ Сербіи. На изысканномъ французскомъ языкѣ онъ предупредилъ «дорогихъ гостей» не запасаться билетами. Достаточно показать русскій паспортъ. И, разумѣется, всякій можетъ занять мѣсто по собственному выбору, гдѣ кому удобнѣе.

До сей поры большинство пассажировъ отлично мирилось съ удобствами третьяго класса, нерѣдко—четвертаго. Теперь же со стремительнымъ крикомъ ринулись всѣ къ вагонамъ перваго класса. Привычные первоклассные пассажиры не успѣли ахнуть, какъ бархатные диваны были захвачены ткачами, польскими рабочими, американскими евреями.

Только самые безпечные и нерасторопные, въ родѣ Притулы и еврейчика, пѣвшаго «Чарочка моя, серебряная», очутились съ нами во второмъ классѣ.

Одинъ столичный адвокатъ, ѣхавшій съ женой и груднымъ ребенкомъ, оказался въ затруднительномъ положеніи. Женщина сидѣла на узлахъ на перронѣ, плакала полнымъ голосомъ и ни за что не хотѣла идти въ третій классъ, ребенокъ ревѣлъ, самъ адвокатъ бѣгалъ по вагонамъ, умолялъ уступить ему мѣсто:

— Господа! въ третьемъ классѣ просторно. Умоляю васъ... Тамъ такіе прекрасные вагоны, удобные, чистые!

— А не поіхать ли вамъ, панычу, въ тимъ третьимъ классѣ?—отзывались на его уговоры парни,—колы тамъ хорошо!

Адвокатъ пускалъ въ ходъ все свое профессіональное краснорѣчіе, а ему только улыбались. Подмигивали другъ другу. Наконецъ, терпѣніе адвоката лопнуло. Онъ выругался:

— Нахалы!

— Что ви сказали? ну? Что ви сказали?—вспылилъ вдругъ сухой еврейчикъ, пѣвшій «Чарочку».

Адвокатъ смутился, но повторилъ:

— Нахалы!

— Два раза сказали!—нежданно смѣшливо отвѣтилъ еврей, и гулъ дружнаго хохота покрылъ слова.

Адвокатъ растерялся, побагровѣлъ и не нашелъ ничего лучшаго, какъ повторить снова:

— Нахалы!

— Три раза сказали!—тѣмъ же тономъ отвѣтилъ еврей, и новая лавина грохочущихъ голосовъ потрясла вагонъ.

Но въ концѣ концовъ устроился и адвокатъ съ семьей. Изъ отдѣльнаго купэ въ нашемъ вагонѣ высунулась голова стараго еврея, настолько обросшая волосами и бородой, что можно было принять ее скорѣе за голову бѣлаго пуделя, чѣмъ за человѣческую.

— Эй-эй! пане! пане!—закивала голова въ сторону адвоката,—пане! нехай—ну ваша барыня идетъ сюда! ну? А мы пойдемъ въ третій классъ! Ну?

Изъ купэ одинъ за однимъ вышли шесть пожилыхъ евреевъ съ охлопьемъ подъ мышками и подъ предводительствомъ сѣдого, волосатаго направились къ выходу.

— Намъ все равно! Мы можемъ ѣхать и въ какомъ другомъ классѣ! ну? Адвокатъ устроилъ успокоившуюся жену съ ребенкомъ въ купэ, самъ усталый, но довольный, вышелъ къ намъ въ общій вагонъ.

— Уфъ! измучился, измотался!—сказалъ онъ, отдыхая.

Но отдыхъ адвоката былъ коротокъ. Въ вагонѣ запахло вдругъ гарью. Всѣ стали принюхиваться, недоумѣвая,—откуда. А поѣздъ тронулся и вскорѣ развилъ полный ходъ. Запахъ гари разростался.

Въ запертомъ купэ послышалась сначала возня, потомъ острый крикъ испуганнаго женскаго голоса. Прибѣжалъ чиновный сербъ, взъерошенный, взволнованный, ворвался въ купэ, что-то звякнуло, и снова закричала женщина, но уже воющимъ голосомъ.

Сербъ вышелъ изъ купэ, осмотрѣлъ вагонъ безпокойнымъ огневымъ взглядомъ, и, убѣдившись, что все на мѣстѣ и въ порядкѣ, такъ же скоро вышелъ.

Вслѣдъ за сербомъ вышла и жена адвоката, плачущая, убитая, безпомощная. Упала на диванъ, зарыдала:

— Что онъ со мной сдѣлалъ!.. Что сдѣлалъ...

Только тутъ мы догадались наконецъ всполошиться. Адвокатъ и наши женщины бросились къ плачущей утѣшать, уговаривать.

— Что онъ сдѣлалъ! — не унималась та, мѣшая рыданія съ истеричными криками, — онъ и ребенка чуть не выкинулъ въ окно! Все... фамильное серебро... спиртовку... молоко... Чѣмъ я буду кормить малютку!

Оказалось, она разожгла въ купэ спиртовку, чтобъ вскипятить ребенку молоко. Поѣздъ рванулъ, спиртъ выплеснулся, облилъ багажъ, и все загорѣлось. Мы всѣ еще принюхивались и прислушивались, а чиновный сербъ съ поразительной находчивостью не только сразу догадался, въ чемъ дѣло, но опредѣлилъ также, гдѣ именно произошло несчастье.

Возможно, что если бы не онъ — мы нѣкоторое время ѣхали бы въ пылающемъ поѣздѣ, а потомъ, вѣроятно, утучнили бы своими костями и безъ того богатыя человѣческимъ тукомъ македонскія поля.

Благодаря сербу, все кончилось благополучно. А какой-нибудь полудикій македонецъ найдетъ фамильное серебро стараго барскаго рода, и изъ несчастья барыни родится счастье для него, полуголоднаго оборванца.

Развеселая компанія нашихъ сосѣдей, не стѣсняясь присутствіемъ адвоката, заранѣе поздравляла невѣдомаго македонца съ находкой и не безъ зависти разсуждала о томъ, какъ македонецъ лихо подвыпьетъ.

VI.

Проѣхали черезъ тѣ два моста, о которыхъ тревожно говорилъ знакомый сербъ въ Салоникахъ. Мосты дѣйствительно были не изъ пріятныхъ. Въ этомъ мѣстѣ дорога уже извивалась по горнымъ ущельямъ. Мосты были перекинуты черезъ бурливую горную рѣчку и проносились высоко-высоко надъ ея шершистымъ, каменистымъ русломъ. Когда-то они построены были прочно: изъ громадныхъ, спаянныхъ цементомъ, гранитныхъ глыбъ и стали. Но ихъ взрывали, можетъ быть, не пять и не шесть разъ, а больше. Въ гранитѣ замѣтны были слѣды закопченыхъ трещинъ, желѣзныя скрѣпы во многихъ мѣстахъ были вывернуты изъ гнѣздъ, закручены, поломаны, кругомъ валялись обломки и обглодки массивнаго сооруженія, котораго въ мирномъ краѣ хватило бы на тысячи лѣтъ.

Къ нашему счастью, проѣхать по обоимъ мостамъ было еще можно, и мы проѣхали. При этомъ поѣздъ двигался по нимъ, какъ слѣпой въ незнакомомъ мѣстѣ, ощупью. И особенно жутко было въ срединѣ, надъ самой пучиной. Тамъ по развалинамъ мостовыхъ быковъ дерзко прилажены были кое-какіе жалкіе горбыли, и на горбыляхъ положены рельсы. Они безпощадно гнулись подъ тяжестью вагоновъ, трещали, готовясь каждую секунду рухнуть и потащить насъ за собой.

И все же мы проѣхали. Но когда по другой конецъ оставленнаго поѣздомъ моста я встрѣтился глазами съ сербскимъ мужикомъ въ домотканномъ короткомъ полукафтанѣ, въ лаптяхъ и съ ружьемъ на плечѣ, то въ большихъ и внимательныхъ карихъ глазахъ ясно прочиталъ удивленіе, которое, казалось, говорило:

— Вотъ-то счастливчики! Проѣхали и ногъ не замочили!

И дѣйствительно, на другой же день въ Нишѣ до насъ дошелъ слухъ, что сербскіе вооруженные мужики не доглядѣли: одинъ изъ мостовъ еще разъ взорванъ. Взорванъ, вѣроятно, бунтовавшими неизвѣстно противъ кого албанцами.

До самаго Ускюба мы ѣхали все тѣмъ же безлюдьемъ, все той же пустыней. Только не степь окружала насъ, а невысокія, полуголыя, страшно обрывистыя и скалистыя горы. На горахъ даже пастуховъ не было видно. И странно, несмотря на полное безлюдье, не видно было по горамъ и дикаго, нетронутаго строевого лѣса. Повсюду кустарникъ, низкія, словно опустошенныя кѣмъ, заросли.

Ускюбъ подвернулся, какъ оазисъ въ пустынѣ. Поѣздъ шелъ по глубокому ущелью, къ вечеру совсѣмъ темному. Вдругъ по горамъ, направо и налѣво замелькали бѣленькія мазаныя хатки. Одна надъ другой, другая надъ третьей, отъ дороги до самаго гребня горы. Побѣжали въ гору терасками. Всѣ освѣщены заходящимъ солнцемъ, всѣ розовѣютъ, загораются полымемъ оконца, блекнутъ и снова искрятся. Каждая хатка съ терраской, съ балкономъ. На балконахъ люди въ красномъ, больше женщины. Наше появленіе внесло въ ихъ среду движеніе. Онѣ перевѣшиваются черезъ балконы, смотрятъ пристально и жадно въ нашу сторону, словно стараются разгадать среди насъ близкихъ людей, говорятъ что-то непонятнымъ для насъ крикливымъ говоромъ. Машутъ руками, привѣтствуютъ насъ. Можетъ быть, онѣ имѣютъ въ виду и не насъ вовсе, а свою мечту, но мы охотно принимаемъ все на свой счетъ и тоже машемъ имъ, кричимъ, кому что придетъ въ голову.

Совсѣмъ близко отъ моего окна бѣжитъ турчанка въ красномъ. Бѣжитъ она въ гору, легко перегибается вправо и влѣво упругимъ стройнымъ тѣломъ, смѣло и плавно поддаетъ бѣгу локтями, широко и вольно взмахиваетъ шальварами... какъ птица летитъ. У насъ женщины такъ не бѣгаютъ. Завернула за уголъ, пропала. Остался на сердцѣ слѣдъ чего-то раньше времени оборвавшагося, словно не удалось дослушать до конца сказку, дочитать упоительную романическую исторію.

За поѣздомъ бѣжали мальчишки. Кричали, падали, снова бѣжали, отставали и награждали другъ друга тумаками. Мальчишки, какъ вездѣ, во всемъ мірѣ: непослушные, дерзкіе, каверзные.

Я видѣлъ, какъ и здѣсь нашлепываютъ ихъ ладонями по извѣстному мѣсту, и какъ кричатъ они отъ обиды злымъ голосомъ, кусаются. Мальчишки всегда кусаются, когда злы.

Эти мальчишки принесли на станцію удивительные кувшины изъ красной пористой глины. Сдѣланы кувшины въ видѣ греческой амфоры и такъ художественно, съ такими изящными украшеніями, что наши дамы вмигъ раскупили ихъ, чтобъ повезти домой на память о Македоніи. Благо, дешево продавались,—по двадцати копѣекъ за кувшинъ. Должно быть, искусство дѣлать ихъ привилось здѣсь съ поры Александра Македонскаго, и привили его сами древніе греки. Я тоже купилъ на память кувшинъ. Въ немъ была холодная ключевая вода замѣчательнаго вкуса, и украшенъ онъ розой.

VII.

На слѣдующій день утромъ мы проснулись въ подлинной Сербіи. Сербія—это безконечное кукурузное поле съ часто разбросанными зелеными островками посерединѣ. Островки—сливные и вишневые садики. Среди садиковъ низкія бѣленыя хаты съ соломенными крышами до того похожими на наши полтавскія, что забываешь даже, гдѣ ѣдешь: по нашей Малороссіи или по Сербіи. Около хатъ на завалинкахъ тѣ же сивоусые неповоротливые старики въ такихъ же длинныхъ бѣлыхъ сорочкахъ и бабы въ пестрыхъ клѣтчатыхъ плахтахъ, съ головными платками, повязанными такъ же, какъ повязываютъ наши хохлушки. Тотъ же говоръ, та же мелодія рѣчи, повадка, походка, то же добродушіе.

На одной изъ станцій поѣздъ стоялъ долго. Мы бѣгали на ярмарку, которая собралась неподалеку. Потолкались здѣсь, купили арбузовъ, винограда «по два гроши за око»,—на наши деньги что-то около восьми копѣекъ за три фунта,—нашли корчму и выпили пива. Пиво было настолько хорошо и дешево, что слава о немъ моментально разнеслась по всему поѣзду. Мужчины гурьбой двинулись къ корчмѣ и, должно быть, добрую половину запаса выпили. При разсчетѣ мальчишка-подручный вздумалъ было взять съ нѣкоторыхъ дороже цѣны, назначенной старикомъ хозяиномъ. Надо же было видѣть, какъ раз-

сердился старикъ на своего подручнаго: кричитъ, топаетъ ногой, тянется къ чупринѣ.

И чѣмъ ближе подвигались мы къ Нишу, тѣмъ гуще было населеніе, тѣмъ культурнѣе мѣстность. Вмѣстѣ съ тѣмъ все чаще и чаще стали встрѣчаться раненые. Они запруживали станціи, лежали вповалку на землѣ вдоль линіи, кое-какъ перевязанные, съ запекшеюся кровью на одеждѣ. Нѣкоторыхъ уводили подъ руки бабы, тутъ же перевязавъ ихъ своими цвѣтными платками. Подъ Нишемъ поѣздъ нашъ наполнился ими такъ, что некуда было ступить... И, что особенно насъ угнетало, не видно было слѣдовъ правильной медицинской помощи. Ближе къ мѣсту боя, видимо, были еще перевязочные пункты, а тутъ по желѣзной дорогѣ и дальше въ глубинѣ страны лѣчили бабы, перевязывали бабы, ухаживали онѣ же. Чѣмъ и какъ, Господь имъ свидѣтель.

Въ Нишѣ на станціи мы встрѣтили первый отрядъ сестеръ милосердія, только-что пріѣхавшій сюда изъ Россіи. Здѣсь были врачи и студенты. Они, какъ оказывается, пріѣхали сюда не прямымъ путемъ, черезъ Болгарію, а поднялись по Дунаю вверхъ, до той узкой полосы, гдѣ смыкаются сербская и румынская границы. Болгарское правительство не пропустило этого отряда черезъ свою территорію подъ предлогомъ «строгаго нейтралитета».

Неужели правъ былъ сербъ въ Салоникахъ?

Нишъ—это типичный уѣздный городокъ, мѣсто которому въ любой нашей южной губерніи. Тѣ же грязныя широкія улицы съ низкими мазаными домиками; тѣ же магазины, въ которыхъ продаются кондитерскіе товары вмѣстѣ со свинымъ саломъ и дегтемъ; тѣ же неповоротливые, медлительные погонщики, то-же праздное, отнюдь не злое, любопытство встрѣчныхъ прохожихъ. И если чего недостаетъ для полноты нашей родной картины, такъ это еврейскихъ селедочницъ и юркихъ еврейскихъ мальчишекъ съ ваксой и газетами.

И сербскій говоръ, если вникать въ слова, главнымъ образомъ въ корни словъ,—тотъ же нашъ говоръ съ подмѣсью французскихъ словъ и корней. Поговоришь съ однимъ сербомъ, съ другимъ, съ третьимъ уже бесѣдуешь по-пріятельски.

Первый «визитъ» мой въ небольшой, сдружившейся компаніи бѣженцевъ былъ въ королевскій дворецъ, гдѣ ютилось русское посольство. Называется онъ «конакъ Александра». Нашли мы этотъ конакъ очень легко. Кого ни спросишь, съ охотой покажутъ улицу, проводятъ до угла.

Въ пору своихъ скитаній по бѣлу-свѣту я видѣлъ не мало дворцовъ, но такого еще не видывалъ. Зданіе, правда, обширное,

каменное, но примѣнять къ нему слово дворецъ не подходитъ. Досчатый, едва-ли когда крашенный полъ готовъ былъ въ любую минуту рухнуть. Доски гнулись подъ ногами, говорили и пѣли, рычали свирѣпо ступени лѣстницъ. Стѣны выглядѣли дотого темно и неопредѣленно, что приходилось невольно сторониться ихъ.

Убого, бѣдно, заброшено и, какъ-то, черезчуръ уже нище... Нище не только для «дворца», не только для «посольской резиденціи», но просто для обыкновеннаго обывательскаго дома.

Управившись съ дѣлами въ «конакѣ», наша компанія отправилась въ ресторанъ, въ лучшій ресторанъ Ниша, съ громкимъ названіемъ «Русскій Царь». Этотъ «Царь», по обстановкѣ бѣдненькій провинціальный ресторанчикъ, былъ полонъ народомъ. Обѣдали. Мы съ трудомъ нашли мѣста и тоже стали заказывать ѣду. Къ немалому нашему удивленію, здѣсь не говорили ни по-русски, ни по-французски, а только по-сербски и по-нѣмецки. Казалось бы, что́ можетъ быть въ этомъ обиднаго? Мы не шовинисты, не «ура-патріоты». Не все-ли равно намъ, на какомъ языкѣ объясняется трактирщикъ въ Нишѣ? Лишь бы кормилъ хорошо.

Однако жъ, среди всей нашей компаніи не было ни одного, кто бы не почувствовалъ себя оскорбленнымъ такимъ обстоятельствомъ. Почему? Никто не разбирался въ этомъ, да и въ голову не приходило. Потому, можетъ быть, что слишкомъ ужъ наголодались за границей по русской жизни, русскому говору, русскимъ обычаямъ... А Сербія уже пахла Россіей. Нечего дѣлать. Пошумѣли, понегодовали, принялись за обѣдъ.

Послѣ обѣда опять стычка съ хозяиномъ «Русскаго Царя». Объявилъ, что беретъ только золотомъ, или сербскими кредитками, а у насъ были греческія. Послѣ долгихъ разговоровъ согласился взять по восемь франковъ греческія десятифранковыя бумажки. Взялъ, но, видимо, не обрадовался. Узнала объ этомъ мѣстная публика и подняла настоящій скандалъ. Особенно разгорячился молодой черногорецъ, какой-то банковскій служащій.

Весь огневый, яростный, какъ леопардъ, онъ наскочилъ на хозяина съ кулаками. Что-то говорилъ много и горячо, потомъ вырвалъ кредитки у того изъ рукъ и, шагая легко, точно по воздуху, подбѣжалъ къ нашему столу:

— Вотъ ваши деньги! Платить не надо! Я сосчитаюсь съ этимъ негодяемъ!

Говорилъ на чистомъ русскомъ языкѣ, чеканя слова. Но тутъ запротестовали мы, пожелали непремѣнно заплатить.

— Нѣтъ! Вы наши гости!

Долго и настойчиво препирались съ черногорцемъ и поддерживающими его сербами, наговорили другъ другу гору любезностей и похвалъ, въ концѣ концовъ нашли компромиссъ и тутъ: черногорецъ расплатился за насъ съ хозяиномъ «Русскаго Царя», а мы отдали ему наши греческія кредитки. При этомъ онъ, какъ банковскій служащій, при помощи сложныхъ вычисленій доказалъ намъ, что греческія деньги дороже сербскихъ, такъ какъ Греція страна невоюющая, и потому снабдилъ насъ сдачей.

Въ этомъ вопросѣ мы уже не рѣшились спорить съ нашимъ новымъ другомъ, чтобъ не подрывать авторитета банковскаго дѣльца.

Послѣ этого случая, естественно, мы пріобрѣли кучу сербскихъ друзей. Стали угощать насъ достопримѣчательностями, познакомили съ «войниками», которые были въ большой модѣ и въ фаворѣ у публики. Войники любезно показали свои «турски пушки» (турецкія ружья), въ обильи доставшіяся сербамъ во время послѣдней турецкой войны и направленныя теперь въ сторону Австріи. Показали ручныя гранаты, которыми увѣшаны были ихъ широкіе пояса, разсказывали о «доблестныхъ австріякахъ», которымъ позавидуетъ любой заяцъ изъ канавы: такъ они храбры и такъ лихо улепетываютъ отъ выстрѣла.

Подводили насъ и къ портрету «національнаго героя», маленькаго виновника большой войны. «Герой» этотъ, судя по портрету, остролицый худосочный юнецъ съ боязливымъ взоромъ и впалою грудью. Ему бы не въ кронпринца стрѣлять, а, по малой мѣрѣ, досиживать второй годъ въ четвертомъ классѣ гимназіи. Но мы такъ добродушно были настроены, что даже загадывали другъ другу загадку:

— Отгадайте: изъ-за чего началась война?

Иной, наиболѣе склонный къ «матеріалистическому пониманію», начиналъ объяснять:

— Въ виду того, во-первыхъ, что капиталистическое развитіе въ европейскихъ странахъ достигло того апогея...

— Да вовсе нѣтъ!

— Изъ-за чего же?

— Изъ-за Принципа.

— Ну да! И я говорю... но только изъ-за какого принципа?..

— Того самаго, который стрѣлялъ во Францъ-Фердинанда...
— А чортъ! Я думалъ: серьезно!

VIII.

Передъ вечеромъ распростились мы съ гостепріимнымъ Нишемъ, а ночью со всей, на-половину родной, печальной Сербіей.

Впереди ждала насъ Болгарія, тоже родная и близкая, но ожиданіе это лежало на сердцѣ камнемъ. Въ поѣздѣ изъ вагона въ вагонъ ходили слухи одинъ мрачнѣе другого. То говорили, что болгарская граница уже закрыта для насъ, и намъ придется вернуться назадъ, то—придется намъ застрять не въ Сербіи, а въ самой Болгаріи...

Не знаю, кто и съ какой цѣлью сѣялъ такіе слухи, но въ концѣ концовъ и отъ нихъ родилось не одно только худое: ѣдешь въ самомъ дѣлѣ, ждешь впереди наихудшаго, а пріѣхалъ—не такъ ужъ плохо, какъ ожидалось. Напримѣръ, на первой же болгарской станціи, Царибродъ, мы пріятно изумлены были встрѣчавшими нашъ поѣздъ русскими жандармами. Прямо такъ-таки жандармы наши—и все. Тѣ самые, съ которыми, по пословицѣ, хочется цѣловаться, когда возвращаешься домой изъ-за границы послѣ долгихъ скитаній.

Сытыя, бритыя, самодовольныя лица, крупныя, знающія себѣ цѣну, фигуры съ особой, не молодцеватой, а чисто-жандармской, выправкой. Тѣ же голубые мундиры на нихъ съ красной отдѣлкой, шпоры, сабли... Словомъ, «отдѣльный корпусъ» безъ всякихъ прикрасъ.

Не знаю только, заготовлена ли вся эта аммуниція по русскому образцу или прислана сюда изъ нашихъ «цейгхаузовъ». Увѣряли меня, что послѣднее вѣрнѣе, что не только болгарскіе жандармы, но вообще вся болгарская армія одѣта въ русскіе мундиры.

Правда, эти бравые молодцы «въ родныхъ мундирахъ» встрѣтили насъ нѣсколько сухо, холодно даже, но вѣдь они—жандармы... должность такая.

Объявили намъ два сюрприза: первый—нѣтъ для насъ свободныхъ вагоновъ, и когда будутъ, неизвѣстно; второй—рядомъ со станціей достраиваются досчатые бараки для карантина, такъ какъ, по самымъ вѣрнымъ въ мірѣ свѣдѣніямъ, т.-е. нѣмецкимъ, въ Сербіи положено быть чумѣ.

Оба эти сюрприза мы приняли за личное оскорбленіе и на крошечной, запруженной нами и нашимъ багажемъ станціи, подняли крикъ, стали сыпать всевозможными угрозами, обѣщаніемъ пожаловаться, довести, донесть т. д., что практикуется въ нашемъ отечествѣ.

Ничего не помогало.

Тогда мы прибѣгли къ способу, оказавшемуся болѣе дѣйствительнымъ. Стали хвалить Сербію, сербскіе порядки, гостепріимство, предупредительность и любезность сербовъ, наконецъ, культурность...

И, видимо, этимъ убили двухъ зайцевъ. Проводившій насъ сюда чиновный сербъ сейчасъ же предложилъ въ наше распоряженіе весь составъ поѣзда. Мы могли ѣхать въ сербскихъ вагонахъ хоть до самой румынской границы. Родился ли стыдъ у болгаръ, или отпала главная причина, вслѣдствіе которой насъ задерживали, но обновлять досчатые бараки пришлось не намъ. Послѣ часовой стоянки и поверхностнаго таможеннаго осмотра насъ отправили въ тѣхъ же вагонахъ въ Софію.

Мечта моя—повидаться въ Софіи съ друзьями растаяла, какъ паровозный паръ въ чистомъ полѣ. Въ Софію пріѣхали мы на разсвѣтѣ, и были завезены на какой-то далекій запасный путь, за непроходимымъ барьеромъ товарныхъ и скотскихъ вагоновъ, гдѣ и покинуты. Ночь была адски холодная, на ближней горѣ надъ городомъ бѣлѣлъ снѣгъ, крыши вагоновъ одѣлись сѣдымъ налетомъ заморозка, вода въ уборныхъ застыла.

Пассажиры кутались въ одѣяла и пледы, женщины, стуча зубами, жались въ кучи, дѣти плакали. Кое-кто изъ мужчинъ пытался пробраться до буфета, чтобъ раздобыть чаю, или хотя бы горячей воды, но тѣ же, похожіе на русскихъ, жандармы сторожили насъ, не выпускали ивъ кѣмъ-то очерченнаго вокругъ насъ проклятаго кольца.

Если не удавалось завести сношеній съ буфетомъ на станціи, то, разумѣется, о сношеніяхъ съ городомъ по телефону ли, или по телеграфу, не приходилось думать совсѣмъ.

Такъ простояли мы часовъ до восьми утра. За это время одному изъ насъ, должно быть самому вліятельному, удалось какъ-то вызвать изъ русскаго посольства чиновника.

Чиновникъ, видимо, только-что вскочилъ съ постели и спѣшно прискакалъ на извозчикѣ. Это былъ совсѣмъ молодой, худощавый, рыжеватый человѣкъ безъ формы, по виду ничѣмъ не отличавшійся отъ любого изъ насъ. Но его появленіе сразу заставило болгарскихъ начальниковъ вспомнить о нашемъ поѣздѣ.

Заволновались и насторожились жандармы, плотнѣе сомкнулись вокругъ поѣзда, словно бы чиновникъ замыслилъ что-либо недоброе. Откуда-то взялся болгарскій желѣзнодорожникъ изъ крупныхъ, въ форменной, тоже по русскому образцу, фуражкѣ. Этотъ вдругъ накинулся на насъ и сталъ упрекать въ безпечности:

— Какъ! Вы все еще не заняли вашихъ мѣстъ? Для васъ давно приготовленъ поѣздъ на Рущукъ! Онъ долженъ черезъ минуту отойти!

— Помилуйте! Какъ мы могли? У насъ и билетовъ нѣтъ...

— Вотъ какъ? билетовъ нѣтъ? Придется уплатить по «два лева» штрафу за то, что не запаслись билетами!

— Но, вѣдь, ваши жандармы!...

— Хорошо, хорошо! Я распоряжусь: вамъ сдѣлаютъ любезность. Уплатите штрафъ въ вагонахъ! Садитесь—поѣздъ отходитъ!

Онъ усиленно кричалъ, жестикулировалъ, обращался ко всѣмъ направо и налѣво, только не хотѣлъ замѣтить посольскаго чиновника, который шагалъ за нимъ неотступно и что-то говорилъ. Похоже было, будто два закадычныхъ пріятеля, разссорившіеся вчера за картами въ клубѣ, теперь сошлись и не знаютъ, какъ помириться. Если бы мы не знали, что во всемъ этомъ кроется политика, за которую, можетъ быть, придется отвѣчать и нашимъ головамъ, мы бы смѣялись.

Наконецъ, русскій чиновникъ тоже повысилъ голосъ. Потребовалъ, чтобъ поѣздъ на Рущукъ былъ задержанъ на десять минутъ: онъ купитъ всѣмъ намъ билеты.

Болгаринъ еще горячѣе замахалъ короткими руками, завертѣлъ жилистой черномазой головой:

— Ни за что! Поѣздъ отойдетъ по расписанію!

И дѣйствительно, едва мы успѣли перенести свой багажъ изъ сербскихъ вагоновъ въ болгарскіе, поѣздъ загромыхалъ, монументальные жандармы приложили руки къ козырькамъ, и проплыли мимо каменныя, готовыя на всякую дерзость физіономіи.

— Турки!—кричали мы имъ изъ оконъ,—турки вы! Хуже турокъ!

IX.

На первой же остановкѣ послѣ Софіи намъ пришлось начинать съ того, чѣмъ кончили тамъ, т. е. ругать жандармовъ турками. Были ли люди эти нарочно для насъ разставлены въ такомъ большомъ количествѣ по станціямъ, или ихъ всегда тамъ

много,—не знаю. Только на каждой остановкѣ они окружали поѣздъ и строго, какъ добросовѣстныя собаки, слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ. Мы оставались безъ чаю, безъ хлѣба, безо всего. Не было возможности покинуть площадку вагона. Нельзя было даже сбѣгать къ колодцу умыться.

— Турки! турки! турки!—кричали мы на жандармовъ и радовались, какъ малыя дѣти, когда замѣчали на суровыхъ лицахъ проблески смущенья.

Смущались только старые. Молодые, напротивъ, кидали въ нашу сторону свои замѣчанія, повидимому, тоже обидныя. Но мы такъ раздражены были насиліемъ и голодомъ, что возмущались больше видомъ этихъ господъ, чѣмъ ихъ замѣчаніями.

Поѣздъ шелъ балканскими горами по узкимъ, темнымъ ущельямъ, въ виду вывѣтренныхъ, осыпающихся гранитныхъ глыбъ и голыхъ, или мохнатыхъ отъ моха и зарослей утесовъ, подъ темными сводами сложенныхъ правильными косыми грудами каменныхъ наслоеній и буковыхъ рощъ... Вокругъ цвѣла, засыпая, блѣдными и яркими красками осень. Любоваться бы, а мы голодны, злы, раздражены, ищемъ, на комъ намъ сорвать свое зло.

Трудно сказать, чѣмъ бы все кончилось, если бъ судьба не пожалѣла насъ. Пришло на помощь болгарское простонародье. Сначала вагонные проводники стали приносить украдкой кипятокъ, воду, какія-то лепешки. Потомъ, когда крупный желѣзнодорожникъ съ кокардой исчезъ куда-то, занялись этимъ и кондуктора.

И, наконецъ, около полудня, въ серединѣ Болгаріи, куда, видимо, вліянія изъ Софіи доходятъ не съ такой спѣшностью, народъ не слушалъ жандармовъ, прорывался къ нашимъ вагонамъ со снѣдью, газетами и даже національнымъ напиткомъ бузой. Отношенія наши съ населеніемъ налаживались тѣмъ лучше, чѣмъ дальше отъѣзжали мы отъ столицы. Въ Плевнѣ, напримѣръ, намъ удалось почти-что пообѣдать. Цѣпь жандармовъ только косо поглядывала, когда мы шумной, голодной толпой навалили на скромные запасы станціоннаго буфета и все уничтожили.

Можетъ быть, впрочемъ, болгарскимъ жандармамъ и то невмоготу стало обижать насъ въ Плевнѣ. Вѣдь городъ стоитъ на грудѣ русскихъ костей, окрестности его политы русской кровью, и тогда эта кровь возопіяла бы къ небу, прося отмщенія.

Острое и вмѣстѣ съ тѣмъ жуткое любопытство родитъ въ

груди это историческое мѣсто, этотъ «Плевенъ», какъ зовутъ его болгары. Читая описаніе знаменитой осады Мухтара-паши, «лихихъ» атакъ бѣлаго генерала, я представлялъ себѣ мѣстность совсѣмъ не такою, какова она въ самомъ дѣлѣ. Моему воображенію рисовалась высокая, обрывистая гора, неприступная, недосягаемая. На верхушкѣ горы крѣпость-твердыня. Въ дѣйствительности, передъ взоромъ бѣжало просторное голое поле, увалистое, волнистое, какъ тысячи самыхъ обыкновенныхъ русскихъ полей. Въ срединѣ поля широкая ложбина, по ней, изгибаясь, поблескиваетъ маленькая рѣчка. Въ одномъ мѣстѣ берегъ рѣчки, какъ бываетъ опять-таки въ тысячѣ случаевъ, круто вздымается, образуя яръ. Надъ этимъ-то яромъ и стоитъ памятникъ, это мѣсто, очевидно, и есть центръ знаменитыхъ боевъ, «пупъ» болгарской свободы...

На сытый желудокъ веселѣе было наблюдать бѣгущую мимо болгарскую жизнь. А жизнь эта, по виду, сытѣе и богаче сербской. Среди такого же, какъ и тамъ, обилія кукурузныхъ полей мелькаютъ деревни съ желѣзными крышами, кирпичными домиками, обширными, хозяйственными дворами. Много шоссейныхъ дорогъ. И при каждой, почти, станціи навалены груды сахарной свекловицы, которую сотни рабочихъ, по большей части женщинъ, грузятъ въ вагоны, а мѣстами, гдѣ дымитъ по близости высокая труба,—выгружаютъ.

Демократическая часть нашего поѣзда, теперь ужъ безъ всякихъ споровъ признавшая всѣ преимущества третьяго класса передъ первымъ и вторымъ, вела шумную агитацію изъ оконъ вагоновъ. Завидятъ группу болгаръ и болгарокъ, кричатъ:

— Гей, братики! братушки!

Тѣ оставляютъ работу, опираются на лопаты и скребки, смотрятъ на поѣздъ съ лѣнивымъ любопытствомъ, ждутъ, что будетъ дальше.

— Братики! гей, братики! Оглохли что-ли?

— Эгей!—откликается наконецъ кто-нибудь посмѣлѣе, а можетъ быть, и попонятливѣй.

— Повѣсьте вашего царя Фердинанда на голой осинѣ!

Дѣвки, очевидно, ничего не понимаютъ, смѣются. Мужики стоятъ, какъ каменные, молчатъ.

Въ поѣздѣ дружный продолжительный хохотъ.

Вообще имя Фердинанда треплется среди пассажировъ поѣзда безпрестанно. Тѣ немногіе болгары, которые ѣхали вмѣстѣ съ нами, а также низшій кондукторскій составъ поѣзда очень охотно ругали его и ставили виновникомъ всѣхъ бѣдъ и напа-

стей, особенно послѣдней неудачной войны, слѣды которой чувствовались остро. Изъ четырехъ кондукторовъ поѣзда трое состояли подъ судомъ. Обвинялись вмѣстѣ съ полными составами своихъ полковъ въ томъ, что побросали передъ сербами ружья и ушли въ плѣнъ безъ выстрѣла. Они увѣряли, что такихъ подсудимыхъ, какъ они, въ Болгаріи не одинъ десятокъ тысячъ человѣкъ. Всѣхъ осудить не посмѣютъ.

И правда, какъ оказалось потомъ,—не посмѣли.

X.

Въ Рущукѣ высадились мы на крутой, мрачный берегъ Дуная. Была сырая, холодная ночь. Еле мерцали красно-сизые огоньки вдоль путей. Чувствовалась близость большой воды и новая неизвѣстность.

Какъ ни горько было болгарское гостепріимство, но жаль стало покидать насиженныя мѣста въ вагонахъ. Публика сошла, выгрузили багажъ, и вдругъ опять сравнялись въ общей сиротливости всѣ: и третій, и первый классъ.

Бѣгали растерянно взадъ и впередъ, искали, кого бы спросить, кто бы разъяснилъ, указалъ... Не было никого. Опять одни мрачныя фигуры болгарскихъ жандармовъ въ русской формѣ.

Но добрый геній рѣшилъ, видимо, не покидать насъ до поры до времени. Опять пріѣхалъ на извозчикѣ чиновникъ изъ русскаго консульства, а можетъ быть, и самъ консулъ. И все стало извѣстно.

Тутъ же, на Дунаѣ, у пристани стоялъ русскій пароходъ съ баржами. Кто пожелаетъ ѣхать въ Россію съ пароходомъ, могутъ это сдѣлать: женщины размѣстятся въ классныхъ помѣщеніяхъ, мужчины въ трюмѣ баржи. Кто пожелаетъ ѣхать черезъ Румынію на Бухарестъ, тѣмъ придется переправиться на перевозѣ черезъ Дунай на лѣвый, румынскій, берегъ и тамъ уже сѣсть въ поѣздъ.

И публика, дружно ѣхавшая отъ самой Генуи, раздѣлилась.

Впрочемъ, къ пароходику спустилось насъ добрыхъ три четверти поѣзда. Пароходикъ назывался «Сербія». Онъ только-что побывалъ у своей тезки, дѣйствительной Сербіи, отвезъ туда значительный запасъ хлѣба, военныхъ припасовъ, аммуниціи. Уже за разгруженнымъ, за нимъ гнались австрійскіе мониторы, хотѣли захватить въ плѣнъ, но онъ, несмотря на малый размѣръ, обладалъ настолько сильнымъ ходомъ, что успѣлъ благополучно

уйти. И увелъ также обѣ желѣзныхъ баржи, въ которыхъ пригонялъ грузъ.

Въ этихъ баржахъ мы устроили себѣ каюты при помощи брезентовъ, одѣялъ, пледовъ, чемодановъ и подушекъ. Въ общемъ вышло недурно, и первую ночь послѣ того, что̀ было съ нами въ Софіи, мы спали, какъ князья въ походѣ.

На утро проснулись подъ плескъ волнъ, и открылъ передъ нами свою широту золотистый, мутный, глубокій Дунай. Въ общемъ Дунай не такъ широкъ, какъ рисовался раньше въ моемъ воображеніи. Не шире средняго плеса Волги, зато глубокъ настолько, что ужъ въ среднемъ теченіи попадались намъ морскіе пароходы.

Береговая полоса его зелена и однообразна. Повсюду частый, словно подстриженный машинкой, лѣсокъ, подмытыя половодьемъ корневища, рыхлыя желтыя осыпи, оползни, полянки, заросшія лопухомъ, тростникъ и осока.

Бѣжали мы, впрочемъ, не всегда въ подлинныхъ берегахъ старо-славянской рѣки. Чаще всего скользили мимо тѣ тысячи островов и лядинъ, которыми богатъ Дунай и которые нарочно прятали отъ моего жаднаго къ впечатлѣніямъ глаза жилой берегъ съ его думами, былями, пѣснями и вообще той неизвѣданной жизнью, которую не испыталъ, но знаешь и по сказкамъ, и по книгамъ, и по разсказамъ, и которою хочется пожить.

Изрѣдка рѣка развертывала передъ взоромъ и синевато-дымчатыя горныя дали, окрапленныя бѣлыми мушками хатъ, располосованныя сѣдымъ, покойно дремлющимъ полотнищемъ садовъ и виноградниковъ. Спѣшишь тогда къ правому борту, вынимаешь изъ чехла трубку, вглядываешься во всякую точку, во всякій движущійся предметъ, ждешь увидать собственнымъ глазомъ то чудесное, что̀ приковало къ себѣ русское сердце еще со временъ Святослава Игоревича.

Но ничего чудеснаго, ничего необыкновеннаго. Въ садахъ, давшихъ въ этомъ году обильный урожай, движутся лѣнивыя тѣни мужиковъ и бабъ. Къ отяжелѣвшимъ подъ ношей, золотавымъ отъ дыханія осени деревьямъ приставлены лѣстницы, точь въ точь такія же, какія приставляютъ у насъ въ Поволожьи. Мѣстами замѣтны правильно сложенные золотисто-соломистые яруса яблокъ, грушъ, арбузовъ и дынь. Дальше въ гору лѣзутъ поля полуубранной пшеницы. Все такъ же, какъ у насъ. Даже погода стоитъ, какъ въ половинѣ нашего теплаго сентября, бабьимъ лѣтомъ: солнечно, тихо, прозрачно, свѣжо и грустно-грустно...

Среди виноградниковъ виднѣлись запряженныя въ двуколки подводы съ чанами и кадками. Медленно и вяло подходили къ нимъ долговязые черные мужики, сыпали изъ корзинъ сочные гроздья и тутъ же мяли ихъ. Такъ же обыкновенны казались и деревянныя одинокія хатки, бѣленыя и темныя, подъ соломенными крышами. Вокругъ нихъ на безлюдьи бродили, какъ и у насъ же въ рабочую пору, праздныя собаки, грязныя свиньи, старухи съ малыми ребятами.

Ничего необыкновеннаго, ничего чудеснаго. Скорѣе необыкновеннымъ и чудеснымъ явленіемъ здѣсь были мы сами, толпа русскихъ бѣженцевъ, ѣхавшихъ не обычнымъ путемъ черезъ Александрово-Варшаву, а какимъ-то кружнымъ, которому Богъ вѣсть когда наступитъ конецъ!

Бѣжитъ наша «Сербія» сутки, бѣжитъ другія, натужно расплескиваетъ желтую воду острая грудка, тяжело дышитъ корпусъ, а впереди все Дунай и Дунай. Безпрерывно, кажется, безъ конца-краю, убѣгаютъ взадъ плоскія земли Румыніи. Вправо выныриваютъ и снова прячутся горы Дорогобужи, которую не дальше, какъ въ прошломъ году нелюдимые румыны безъ капли крови, за здорово живешь, отняли у зарвавшихся болгаръ. Кто знаетъ, можетъ быть, болгары за то и злы на Россію, что ихъ румыны обидѣли. Такова ужъ участь всякой няньки: ребята передерутся,— виновата няня. А ужъ мы ли не нянчились съ балканскими народцами? И нянькой были, и крестнымъ отцомъ, и повивальной бабкой... всѣмъ, чѣмъ угодно. Только были ли мы хоть разъ имъ матерью? Въ этомъ-то, вѣроятно, и трагизмъ нашего разрыва съ Болгаріей, нелады съ Греціей, а можетъ быть, и Румыніей. Пожалуй, ни къ одному изъ этихъ народцевъ мы не сумѣли, не осилили встать въ родительскія отношенія, несмотря на всѣ наши жертвы, всѣ наши историческія права. Возьмемъ хотя бы сторону культурнаго вліянія. Въ Сербіи, напримѣръ, господствуетъ французскій языкъ. Это видно при поверхностномъ знакомствѣ. Въ ресторанѣ вамъ подаютъ не курицу, а «пулицу». Читаете въ газетѣ: «сербски то войники» пошли не въ наступленіе, а въ «офансиву» и т. д. Въ вагонахъ надписи на двухъ языкахъ: французскомъ и сербскомъ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ— то же. Въ Болгаріи такая же картина, хотя по внѣшности на болгарахъ больше замѣтно русскаго лоска, но, кто поручится, что лоскъ этотъ не казенный только, т.-е. купленный въ свое время на наши казенныя деньги, какъ и въ Черногоріи?

А сколько крови! Сколько безсмертныхъ подвиговъ! Куда ни посмотри—мѣста историческія. Рущукъ, Туртукай, Силистрія...

Подъ каждымъ была славная переправа, вокругъ каждаго кровавый бой, громогласное ура. Почти каждое поколѣніе нашего народа ходило сюда умирать. Румянцевъ-Задунайскій, Суворовъ-Рымникскій, Дибичъ, Скобелевъ, — вѣдь это имена цѣлаго столѣтія.

И кто знаетъ, что́ еще будетъ впереди? Вонъ плывутъ мимо насъ мирные пока города. Видны всевозможныхъ стилей дома: и европейскіе съ колоннадами, башнями, венеціанскими окнами, и турецкіе изъ самана и сбитой глины, и русскіе деревянные съ коньками, тесовыми крышами и финтифлюшками по карнизамъ. Видны и православныя церкви въ городахъ: бѣлыя, зеленыя, розовыя, точь въ точь, какъ у насъ въ уѣздныхъ городахъ. Слышится и задумчивый благовѣстъ колоколовъ по-нашему, по-православному. Можетъ быть, дьяконы въ этихъ церквахъ поминаютъ имена русскихъ воиновъ, «на полѣ брани убіенныхъ», какъ единственная благодарность за наши жертвы, за русскую кровь, русскія муки. А вмѣстѣ съ тѣмъ подъ Браиловымъ Дунай похожъ на морской военный портъ. Повсюду странныя, ненужныя для рѣчного плаванія сооруженія: вышки, башни, звенья понтонныхъ мостовъ, канонерскія лодки, миноносцы съ наведенными на проходящіе пароходы пушками, угрюмаго вида броненосцы.

Все это, видимо, приведено въ готовность, ждетъ приказа къ смертоносному наступленію. Противъ кого? Едва-ли извѣстно это самимъ румынамъ. Можетъ быть, противъ австрійцевъ, противъ болгаръ, или сербовъ, но можетъ статься, что и противъ насъ... Во всякомъ случаѣ, противъ слабѣйшаго, противъ «лежачаго», котораго здѣсь «бьютъ», и бьютъ довольно охотно, о чемъ свидѣтельствуетъ все та же Дорогобужа.

Ну да Богъ судья этимъ румынамъ. Они насъ тоже не пускали на берегъ съ парохода, какъ болгары на свои станціи. Боялись. Чего? Чумы, или сочувствія? Кто ихъ разберетъ.

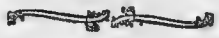
Послѣдній румынскій городъ—Галацъ. За Галацемъ—Россія. Тѣ изъ нашихъ, которые любили выпить и опохмѣлиться, справляли на «Сербіи» тризну по былой «монополькѣ». Заговлялись.

Румынскія вина не уступали по крѣпости итальянскимъ и греческимъ. Изъ какого-то пароходнаго «низка» выползали темныя четверти, ставились на столъ, свѣтлѣли на столѣ, и на палубѣ пароходика лилась нестройная интеллигентская пѣсня: «Вихри враждебные вѣютъ надъ нами». А на кормѣ одной изъ баржъ тоже пили, но пѣснь не пѣли, а рычали только руга-

тельства и ползали взадъ и впередъ по полу въ поискахъ за потеряннымъ разумомъ.

На третій день нашего плаванія «Сербія» подвезла насъ къ русскому городку Рени. Здѣсь русскіе жандармы, по виду такіе же, какъ и въ Болгаріи, но болѣе настойчивые и лощеные, пригласили меня въ особое помѣщеніе, поинтересовались моимъ багажемъ, поговорили о моихъ патріотическихъ чувствахъ, посочувствовали мнѣ и объявили, что, «къ крайнему своему сожалѣнію», должны меня арестовать.

С. Аникинъ.



ИЗЪ ЭТЮДОВЪ ПО ПСИХОЛОГІИ ОПТИМИЗМА И ПЕССИМИЗМА [1]).

Жанъ-Жакъ Руссо.

I.

Вмѣсто предисловія.

Оптимизмъ есть выраженіе положительной оцѣнки природы и культуры, судебъ человѣческихъ и самой жизни.

Пессимизмъ есть выраженіе ихъ отрицательной оцѣнки.

Между ними нѣтъ пропасти, и весьма нерѣдко они, относясь къ различнымъ объектамъ, совмѣщаются въ одной и той же душѣ человѣческой. Они могутъ чередоваться, смѣняя другъ друга въ индивидуальной исторіи личности, какъ это наблюдается и въ исторической жизни человѣчества. Существуютъ также, часто едва замѣтныя, промежуточныя ступени, ведущія отъ одного къ другому. Легко переходятъ они въ скрытое, потенціальное состояніе: иной завзятый пессимистъ оказывается, въ сущности, тайнымъ, безсознательнымъ оптимистомъ, — и наоборотъ.

Своеобразную и любопытнѣйшую картину совмѣщенія положительныхъ и отрицательныхъ оцѣнокъ представляетъ намъ «властитель думъ» людей XVIII-го вѣка, предтеча великой революціи, многострадальный и жизнерадостный Жанъ-Жакъ Руссо.

Въ отношеніи къ природѣ, міру и Божеству онъ былъ послѣдовательнымъ и неисправимымъ оптимистомъ. Но, когда рѣчь

---

[1]) Въ статьѣ „Цѣнность жизни“ („Вѣстн. Евр.“, май с. г.) я старался установить понятія *субъективной* и *объективной цѣнности жизни* и *„общественной стоимости человѣка“*. Въ предлагаемыхъ „этюдахъ“ мнѣ придется орудовать ими; они имѣютъ ближайшее отношеніе къ психологіи оптимистическихъ и пессимистическихъ настроеній, чувствъ и идей.

шла о дѣлахъ человѣческихъ, о цивилизаціи, о государствѣ,— онъ превращался въ упорнаго, хотя и не всегда послѣдовательнаго, пессимиста. «Все хорошо, что́ выходитъ изъ рукъ Творца, все искажается въ рукахъ человѣка» («Эмиль», книга I). «Непріятіе» человѣческой культуры не было у Руссо абсолютнымъ: онъ готовъ былъ вѣрить, что зло, созданное человѣчествомъ, поправимо: путемъ разумнаго воспитанія и переустройства соціальныхъ порядковъ, люди могутъ возродиться къ лучшей жизни. Цивилизація, источникъ всѣхъ золъ и бѣдъ,—дѣло рукъ человѣческихъ и подлежитъ преобразованію въ духѣ равенства, братства и справедливости. Апостолъ великой утопіи XVIII-го вѣка, Руссо былъ несомнѣнный *оптимистъ въ идеологіи*, какъ былъ онъ оптимистомъ въ отношеніи къ природѣ и Божеству.

Но этотъ двойной оптимизмъ причудливо совмѣщался въ его душѣ съ наклонностью къ *психологическому пессимизму*.

Натура неуравновѣшенная, плохо приспособленная къ условіямъ жизни, Руссо принадлежалъ къ числу тѣхъ несчастливцевъ и неудачниковъ, которые сами, вольно и невольно, портятъ свои отношенія къ людямъ и загромождаютъ свой жизненный путь ненужными недоразумѣніями и искусственными препятствіями. Оттуда—возникновеніе, въ самый разгаръ его успѣховъ и славы, мрачныхъ и скорбныхъ настроеній, постоянныя жалобы на козни враговъ, на измѣну друзей, болѣзненная подозрительность, доходившая порою до бредовыхъ идей. Все это, разумѣется, создавало благопріятную для тяжелаго самочувствія почву. И мы не ошибемся, если отнесемъ Руссо къ числу *пессимистовъ по чувству*, несмотря на глубоко-заложенную въ его душѣ непосредственную радость бытья, которая до конца его жизни сіяла подъ налетомъ безотрадныхъ и мрачныхъ настроеній.

Изучая натуру Руссо, мнѣ кажется, слѣдуетъ исходить именно отсюда, отъ этой врожденной радости существованія.

II.

«Вѣчно-дѣтское».

> Mon cher philosophe, ne cesserez-vous jamais d'être enfant?
> „Nouvelle Héloïse", p. VI, lettre VIII.

Инстинктивная и наивная радость бытья, которая свойственна дѣтямъ, сохранялась въ душѣ Руссо вмѣстѣ съ другими чертами дѣтской психики. Руссо былъ «вѣчный ребенокъ». Эта

особенность его натуры бросалась въ глаза и была отмѣчена неоднократно.

Онъ не умѣлъ жить и приспособляться къ средѣ именно въ томъ смыслѣ, какъ не умѣютъ дѣти. И вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно имъ, онъ обладалъ яркимъ и властнымъ чувствомъ жизни.

Онъ былъ *эмоціоналенъ*, какъ ребенокъ, и плохо управлялъ своими влеченіями. Задерживающая воля всю жизнь оставалась у него въ недоразвитомъ—инфантильномъ—состояніи. Оттуда—опрометчивые поступки, «сгоряча», капризы поведенія и странныя аберраціи нравственнаго сознанія. Признаки дѣтской психики вырисовываются въ итогѣ мастерского самоанализа, который онъ далъ намъ въ «Исповѣди». Въ одномъ мѣстѣ (часть I, кн. III) онъ отмѣчаетъ въ себѣ *живость*, или *стремительность*, *чувствъ* и *затрудненность*, или *медлительность*, мысли (vivacité de sentir, lenteur de penser). Онъ говоритъ здѣсь: «Двѣ вещи соединяются во мнѣ, при чемъ я не могу понять—какимъ это образомъ: очень пылкій темпераментъ, живыя, бурныя страсти и—медлительныя, запоздалыя, затрудненныя мысли, которыя всегда появляются заднимъ числомъ... Чувство быстрѣе молніи наполняетъ мою душу; но, вмѣсто того, чтобы озарить меня, оно меня жжетъ и ослѣпляетъ. Я чувствую все и не вижу ничего»....—Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ на слѣдующій контрастъ, также напоминающій черты дѣтской психики: подъ вліяніемъ страсти или эмоціи онъ смѣлъ, дерзокъ, ничего и никого не боится, идетъ напроломъ; напротивъ, въ спокойномъ состояніи онъ пассивенъ, вялъ, робокъ. Стоитъ прочитать тѣ строки, гдѣ онъ характеризуетъ себя въ этомъ состояніи душевнаго равновѣсія: «...я—воплощенная вялость и даже робость; все меня пугаетъ, все мнѣ досаждаетъ; меня пугаетъ муха, которая летитъ; если нужно сказать слово, сдѣлать жестъ, это приводитъ въ испугъ мою лѣнь; опасеніе и стыдъ овладѣваютъ мною до такой степени, что я готовъ провалиться сквозь землю. Если нужно дѣйствовать, я не знаю, что дѣлать; если приходится говорить, я не знаю, что́ сказать»... (часть I, кн. I).

Быть можетъ, здѣсь краски слишкомъ сгущены, чѣмъ иногда, вольно или невольно, грѣшилъ Руссо въ своихъ воспоминаніяхъ и признаніяхъ. Но суть дѣла, повидимому, указана правильно: Руссо, дѣйствительно, былъ, что называется, «недотрога» и «бука», и на воздѣйствія или впечатлѣнія, которыя раздражаютъ, мѣшаютъ, надоѣдаютъ, онъ реагировалъ какъ-разъ такъ, какъ реагируетъ на нихъ дитя, когда его, напримѣръ, принуждаютъ къ

чему-нибудь, нарушаютъ его игру, читаютъ ему нотаціи,—вообще, когда его «трогаютъ».

Руссо былъ по-дѣтски застѣнчивъ и самолюбивъ. Въ обществѣ онъ терялся и не умѣлъ сразу взять надлежащій тонъ. Ему трудно было приноравливаться къ людямъ, къ обиходу свѣтскихъ отношеній. Дисциплина заведеннаго порядка жизни претила ему, примѣрно, такъ, какъ дисциплина школы претитъ ребенку.

Другая дѣтская черта, свойственная Руссо, это—*специфическая мечтательность*, или, точнѣе, *фантазированіе*. Конечно, сама по себѣ, эта черта не есть непремѣнно признакъ дѣтской психики. Мечтаютъ и фантазируютъ и взрослые, вѣроятно, не меньше дѣтей. Но для взрослыхъ это—забава, развлеченіе, игра; у дѣтей это—своего рода дѣло, серьезное занятіе. Для психологіи дѣтей понятія «игра», «игрушка», «играть» далеко не точны: они правильны только съ точки зрѣнія взрослыхъ, различающихъ «дѣло» и «забаву», дѣйствительность и мечту, реальное и воображаемое. Въ сознаніи ребенка эти различенія либо не существуютъ, либо представляются ему въ крайне смутномъ видѣ. Вспомнимъ, съ какой серьезностью дѣти играютъ въ свои игры, и какъ непріятно имъ, какъ оскорбительно несерьезное или ироническое отношеніе къ игрѣ со стороны старшихъ, а равно и разоблаченіе связанныхъ съ нею иллюзій и фикцій. Для взрослаго всякая мечта и «игра» тѣмъ занятнѣе, чѣмъ дальше отстоятъ онѣ отъ жизни, чѣмъ больше въ нихъ выдумки. Для дѣтей—наоборотъ: фантазія и игра прямо переносятся въ дѣйствительность, сливаются съ нею. Сказка интересна ребенку не какъ иносказаніе, а какъ быль.

Вотъ именно къ этому специфически-дѣтскому фантазированію и приближалась та мечтательность, которой съ такимъ усердіемъ предавался Руссо не только въ юности, но и въ зрѣломъ возрастѣ—до конца жизни. Вспоминая о своихъ юныхъ грезахъ, онъ говоритъ: «Эта любовь къ предметамъ воображаемымъ и та легкость, съ какою я занимался ими, привели къ тому, что я почувствовалъ отвращеніе ко всему, что меня окружало, и породили во мнѣ пристрастіе къ уединенію»... («Исповѣдь», ч. I, кн. I). И онъ склоненъ думать, что нелюдимость, или мизантропія, развилась въ немъ именно на этой почвѣ: это была только оболочка, подъ которою «скрывалось сердце пылкое, любвеобильное, слишкомъ нѣжное, которое, за неимѣніемъ подходящихъ объектовъ въ дѣйствительности, принуждено было питаться фикціями»... (тамъ же). Власть этихъ «фикцій» съ годами

все росла, и свою автобіографію—исповѣдь Руссо писалъ подъ ихъ диктовку: прошлое и настоящее окрашивались прошлыми и настоящими грезами. Въ этомъ смыслѣ правы тѣ, которые утверждаютъ, что «Confessions»—не настоящая біографія, а біографическій романъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ «романъ», по праву, долженъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ достовѣрныхъ «человѣческихъ документовъ», ибо фантазіи, грезы и иллюзіи были неотъемлемою принадлежностью души Руссо, подлиннымъ фактомъ его внутренней жизни, и безъ нихъ его «Исповѣдь» не была бы тѣмъ, чѣмъ она является: зеркаломъ его души, отразившимъ ея исключительное—«не-общее»—выраженіе.

Въ ряду его фантазій особливо характерною представляется та, которая относится къ идеалу «праздной жизни», о чемъ онъ говоритъ въ XII-ой книгѣ «Исповѣди»: «Праздность (oisiveté), которую я люблю, это—не праздность лѣнтяя, который сидитъ сложа руки и не только ничего не дѣлаетъ, но и ни о чемъ не думаетъ. Моя праздность,—это праздность ребенка... Я люблю заниматься пустяками (à m'occuper à faire des riens), начинать сто дѣлъ и ни оканчивать ни одного, слоняться, какъ мнѣ вздумается (comme la tête me chante), ежеминутно мѣнять проекты, слѣдить за мухой во всѣхъ ея движеніяхъ; вдругъ мнѣ приходитъ въ голову опрокинуть скалу, чтобъ посмотрѣть, что такое находится подъ нею; то я примусь съ жаромъ за трудъ, разсчитанный на десять лѣтъ, и безъ сожалѣнія брошу его черезъ десять минутъ; наконецъ я люблю проводить цѣлый день безъ порядка и послѣдовательности и во всемъ подчиняться только капризу минуты».

Спрашивается: не былъ ли этотъ курьезный идеалъ «праздной жизни», въ свою очередь, только «капризомъ минуты»? Можемъ ли мы допустить, что Руссо въ самомъ дѣлѣ такой идеалъ лелѣялъ, и что въ его натурѣ были задатки, предрасполагавшіе его къ столь ребяческому провожденію времени? Такіе задатки у него, несомнѣнно, были, и идеалъ «дѣятельной праздности» нельзя считать выдумкой или иллюзіей. Это было однимъ изъ самыхъ яркихъ проявленій инфантильныхъ сторонъ натуры Руссо. Въ разныя эпохи его жизни, въ томъ числѣ и въ старости, онъ бывалъ довольно близокъ къ осуществленію подобной программы праздности, насколько позволяли обстоятельства. Сюда, между прочимъ, относится его излюбленное занятіе—ботанизированіе, о которомъ онъ подробно говоритъ въ «Исповѣди» и въ «Мечтаніяхъ» («Rêveries d'un promeneur solitaire»). Въ особенности любопытно

то мѣсто въ VII-ой главѣ «Мечтаній», гдѣ онъ распространяется о преимуществахъ занятій ботаникою передъ изученіемъ минералогіи и зоологіи.

Для изученія минераловъ—говоритъ онъ—надо быть химикомъ и физикомъ, нужны трудные и дорого стоющіе опыты... А потомъ—всѣ эти печи, уголь, дымъ, копоть... Нѣтъ, это не подходитъ! Зоологія невозможна безъ анатоміи; приходится возиться съ падалью, рѣзать, копаться во внутренностяхъ... Отвратительное зрѣлище! Кровь, вонь, скелеты, зловредные газы... «Нѣтъ!»—восклицаетъ онъ—«клянусь, Жанъ-Жакъ не здѣсь будетъ искать своихъ забавъ!» (Ce n'est pas là, sur ma parole, que Jean-Jacques ira chercher ses amusements!). Онъ отдаетъ предпочтеніе царству растеній и пишетъ восторженныя страницы, гдѣ доказываетъ, что ботаника можетъ дать высшее эстетическое наслажденіе, если только человѣкъ будетъ заниматься ею безкорыстно и безцѣльно,—не для науки, не для фармаціи, а для души.—«Ботаника»—говоритъ онъ—«это—предметъ занятій празднаго и лѣниваго отшельника... Онъ прогуливается, непринужденно бродитъ, переходя отъ одного предмета къ другому; съ интересомъ и любопытствомъ осматриваетъ онъ каждый цвѣтокъ... Въ этомъ праздномъ дѣлѣ есть обаяніе, которое чувствуется только при полномъ покоѣ страстей, но котораго достаточно, чтобы сдѣлать жизнь счастливой и пріятной».

Прогуливаясь и гербаризируя, онъ предавался сладостному раздумью, баюкающимъ грезамъ, которыя доставляли ему высокое наслажденіе. Это уже не была забава, это было, какъ фантазированіе дѣтей, дѣло души.

Можно было бы привести еще рядъ чертъ, на этотъ разъ изъ категоріи ребяческихъ шалостей, капризовъ и затѣй, показывающихъ, что у Руссо до конца жизни сохранялись свойства дѣтской психики. Я ограничусь упоминаніемъ объ одномъ комическомъ эпизодѣ, разсказанномъ въ XII-ой главѣ «Исповѣди».

Въ 1762 году, устроившись, послѣ бѣгства изъ Франціи, въ Мотье-Траверсъ, онъ рѣшилъ замѣнить европейскій костюмъ азіятскимъ. Такая блажь приходила ему въ голову и раньше, въ Монморанси, и онъ мотивировалъ ее ссылкою на свое болѣзненное состояніе, будто бы требовавшее непремѣнно долгополой и просторной одежды, въ родѣ халата. Но только теперь, въ Мотье-Траверсъ, ему удалось привести въ исполненіе эту затѣю. И онъ облачился въ армянскій костюмъ. «Я надѣлъ (разсказываетъ онъ) куртку, кафтанъ, мѣховую шапку; въ такомъ видѣ я отправился въ церковь, и мнѣ казалось, что не будетъ ничего

зазорнаго, если въ этомъ же костюмѣ я буду посѣщать и лорда маршала [1]). Его превосходительство, увидя меня въ такомъ одѣяніи, вмѣсто привѣтствія, сказалъ мнѣ: *Саламалеки*, послѣ чего вопросъ былъ исчерпанъ, и я другого платья ужъ не носилъ».

Руссо было тогда 50 лѣтъ отъ роду.

III.

Субъективная цѣнность жизни Руссо.

Благодаря живучести и стойкости дѣтской психики въ натурѣ Руссо, непосредственная радость бытья нерушимо сохранялась у него до конца дней—*въ видѣ высокой субъективной цѣнности жизни*; эту цѣнность онъ продолжалъ наживать вопреки всѣмъ неблагопріятнымъ для нея вліяніямъ переходныхъ возрастовъ, тяжелыхъ душевныхъ настроеній, житейской незадачливости. Съ 1750 года къ субъективной цѣнности жизни присоединялась и *объективная*, которая, съ дальнѣйшимъ развитіемъ его литературной дѣятельности, поднималась все выше и выше и, въ сравнительно-короткое время, достигла крайняго предѣла,—историческаго значенія и міровой славы великаго писателя.

Въ чувствѣ и сознаніи Руссо эти двѣ цѣнности его жизни плохо ладили между собою. Одна какъ-будто мѣшала другой. Въ «Исповѣди» онъ утверждаетъ, что, съ 1749—1750 г.г., его жизнь круто повернула съ пути счастья, радости и душевнаго покоя на путь всяческихъ бѣдствій, тревогъ и печалей. На этой антитезѣ и построена вся «Исповѣдь». И въ этомъ есть большая доля правды. Читая автобіографію Руссо, мы не можемъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что передъ нами большой ребенокъ, который вдругъ оказался геніальнымъ и очутился въ неудобномъ для него положеніи великаго писателя, учителя и мудреца. Онъ выбитъ изъ колеи, не знаетъ, какъ держаться, какой тонъ взять, сбивается съ такта.

Это былъ родъ душевной катастрофы,—и въ результатѣ, дѣйствительно, воспослѣдовали разныя невзгоды, внѣшнія и внутреннія.

И тѣмъ не менѣе Руссо продолжаетъ сохранять цѣпкую привязанность къ жизни. Въ омраченной и возбужденной душѣ горитъ неугасимая радость существованія.

По-прежнему онъ умѣетъ *цѣнить жизнь въ ея психологи-*

---

[1]) Жоржъ Кейтъ, губернаторъ Невшательскаго кантона, принадлежавшаго тогда Пруссіи.

ческомъ существѣ, и въ этомъ отношеніи являетъ полную противоположность прирожденнымъ меланхоликамъ и пессимистамъ. «Исповѣдь» и «Мечтанія» рисуютъ намъ человѣка, который, если можно такъ выразиться, «смакуетъ» самый процессъ жизни, независимо отъ того, доволенъ ли онъ своей судьбой или не доволенъ, чувствуетъ ли себя счастливымъ или несчастнымъ.

Въ этомъ смыслѣ очень показательны мысли, изложенныя въ V главѣ «Мечтаній». Радости и наслажденія — рѣдки и скоротечны,—и не на этихъ счастливыхъ мгновеніяхъ хотѣлъ бы онъ обосновать свое счастье; онъ мечтаетъ «о душевномъ состояніи простомъ и затяжномъ (état simple et permanent), въ которомъ нѣтъ ничего остраго (rien de vif), но котораго прелесть (charme) увеличивается вмѣстѣ съ его продолжительностью и, наконецъ, приводитъ къ высшему блаженству». Далѣе слѣдуетъ разсужденіе на ту тему, что на свѣтѣ все движется, «все течетъ», все измѣняется,—и, вмѣстѣ съ этими измѣненіями вещей, по необходимости, проходятъ и смѣняются и наши душевныя состоянія. Мы живемъ то прошлымъ, сожалѣя о немъ, то будущимъ, предвкушая его,—наши чувства либо запаздываютъ, либо забѣгаютъ впередъ; мы не умѣемъ сосредоточиваться на томъ, что дано въ настоящемъ,—«нѣтъ ничего прочнаго, къ чему могло бы привязаться сердце». При такихъ условіяхъ истинное счастье невозможно... Но иногда человѣкъ все-таки способенъ преодолѣть эти условія и достичь такого состоянія духа, при которомъ нѣтъ надобности вспоминать о прошломъ и заглядывать въ будущее. Тогда осуществляется радостная возможность жить настоящимъ. Время какъ бы останавливается,—настоящее длится непрерывно... «Въ душѣ нѣтъ ни чувства лишенія, ни чувства обладанія (jouissance), ни наслажденія, ни страданія, ни желанія, ни опасенія; *остается одно только чувство—существованія* (de notre existence)... *Пока такое состояніе длится, человѣкъ, его испытывающій, можетъ назвать себя счастливымъ*»... Руссо знаетъ это по опыту. Онъ не разъ переживалъ такія блаженныя состоянія,—въ особенности въ то несчастливое время, которое онъ провелъ, скрываясь отъ гоненій, на островѣ Saint-Pierre, когда, лежа въ лодкѣ, или сидя на берегу, онъ предавался «одинокимъ мечтамъ».

И вотъ какъ опредѣляетъ онъ сущность этого блаженнаго состоянія духа: *Человѣкъ не занятъ «ничѣмъ внѣшнимъ въ отношеніи къ себѣ, кромѣ себя самого и своего собственнаго существованія,—и пока длится это состояніе, человѣкъ довлѣетъ себѣ самому* (se suffit à soi-même), *какъ Богъ*».

Если бы намъ доказали, что Руссо былъ мистикъ по натурѣ и призванію, мы сразу поняли бы это блаженство отрѣшенія отъ міра, «довлѣнія самому себѣ». Но доказать, что Руссо былъ мистикъ, нельзя безъ натяжекъ и произвольнаго расширенія понятія психологическаго мистицизма. Руссо былъ мечтатель и созерцатель, но отсюда до мистики еще далеко. Блаженство одиночества, о которомъ говоритъ онъ, свидѣтельствуетъ, прежде всего, объ одномъ: о томъ, что у этого парадоксальнаго человѣка былъ огромный запасъ радости существованія, что его субъективная цѣнность жизни была выше нормы и отличалась необыкновенною прочностью. Ее не могли сокрушить никакія превратности судьбы, никакія бѣдствія, ни дѣйствительныя, ни даже воображаемыя, которыя, для такихъ натуръ, какъ Руссо, часто бываютъ сильнѣе и пагубнѣе дѣйствительныхъ. Стоило ему только отрѣшиться отъ треволненій и дрязгъ жизни, сосредоточиться въ себѣ, задуматься, — и вотъ онъ уже беззаботенъ, счастливъ и блаженъ. Онъ преисполненъ радужнымъ чувствомъ жизни и умиленно говоритъ о природѣ, о Богѣ, о человѣчествѣ. Передъ нами уже не угрюмый мизантропъ, не маніакъ, одержимый бредомъ преслѣдованія, не мученикъ и неудачникъ, а счастливѣйшій изъ смертныхъ, съ душой, умиротворенной и преисполненной любви и благоволенія, съ блаженной улыбкой на устахъ, убаюканный тѣми «легкими и сладкими мыслями, которыя, не волнуя глубину души, только слегка касаются ея поверхности» (quand de légères et douces idées, sans agiter le fond de l'âme, ne font, pour ainsi dire, qu'en effleurer la surface).

И, предаваясь сладкимъ грезамъ, онъ плелъ радужное кружево иллюзій, рисовавшихъ ему картины счастливой, безмятежной и добродѣтельной жизни...

Одну изъ такихъ иллюзій онъ воспроизвелъ въ концѣ первой книги «Исповѣди». Ему вдругъ показалось, что настоящимъ его призваніемъ, соотвѣтствующимъ будто бы его характеру и вкусамъ, была скромная доля хорошаго ремесленника, напримѣръ гравера. Это ремесло, поясняетъ онъ, довольно прибыльно и можетъ дать средства, достаточныя для безбѣднаго существованія. Избравъ эту карьеру, онъ «прожилъ бы, на лонѣ своей религіи, отечества и семьи, жизнь мирную и пріятную»... — «Я былъ бы», — продолжаетъ онъ фантазировать, — «хорошимъ христіаниномъ, хорошимъ гражданиномъ, хорошимъ отцомъ семейства, хорошимъ другомъ, хорошимъ работникомъ, хорошимъ человѣкомъ вообще (en toute chose). Я любилъ бы свое дѣло и положеніе... И, проживъ

жизнь безвѣстную и простую, но ровную и пріятную, я бы мирно скончался среди близкихъ людей»...

Въ другомъ мѣстѣ той же (I-ой) книги, вспоминая, какъ въ 1732 году ему представился случай устроиться въ Фрибургѣ, женившись на нѣкоей дѣвицѣ Мэрсэрэ (Mercerot), и какъ онъ упустилъ этотъ случай, онъ говоритъ: «Я поселился бы во Фрибургѣ, городкѣ некрасивомъ, но населенномъ добрыми людьми; я лишился бы, безъ сомнѣнія, великихъ наслажденій, но зато прожилъ бы тихо и мирно до послѣдняго часа»...

Конечно, не для подобной жизни былъ созданъ этотъ исключительный человѣкъ, даже если отнять отъ него геніальный умъ и великое дарованіе. Но самый фактъ, что такая идиллія рисовалась ему, чрезвычайно любопытенъ и свидѣтельствуетъ, прежде всего, объ одномъ: о несокрушимомъ психологическомъ оптимизмѣ,— о томъ, что у этого неуравновѣшеннаго человѣка, не умѣвшаго жить, уживаться и приспособляться, былъ избытокъ подлинной привязанности къ жизни. Ибо наличность этой привязанности всего яснѣе обнаруживается именно способностью человѣка чувствовать себя, или (что̀ все равно), воображать себя счастливымъ въ скромной роли обывателя, живущаго повседневнымъ трудомъ и повседневными интересами профессіи, семьи, среды. Кто не способенъ къ этому, у того субъективная цѣнность жизни либо очень понижена, либо совсѣмъ отсутствуетъ,—его приходится назвать «психологическимъ пессимистомъ».

У Руссо субъективная цѣнность жизни, повидимому, не понижалась даже въ томъ переходномъ возрастѣ, когда юноша переживаетъ сложный кризисъ—половой зрѣлости, формированія личности и приспособленія къ средѣ, сопровождаемый рѣзкою перемѣною настроенія, пониженіемъ душевнаго тона и припадками безотчетной грусти. Этотъ кризисъ онъ пережилъ по-своему, едва замѣтивъ его,—легко, беззаботно и безпечально. Великолѣпныя страницы «Исповѣди», посвященныя этому періоду, представляютъ для психолога исключительный интересъ. Обратимся къ нимъ.

IV.

«Маленькій» и его «maman».

Ему было 16 лѣтъ, когда онъ впервые увидѣлъ госпожу Варансъ, и эта встрѣча—21 марта 1728 года—навсегда осталась въ его памяти—какъ самое счастливое и трогательное со-

бытіе въ его жизни. Отбившійся отъ семьи бездомный мальчикъ, почти сирота, былъ пригрѣтъ материнской лаской прелестной женщины, нѣсколько эксцентричной, но умной и доброй. Она была лѣтъ на двѣнадцать старше его и сразу же отнеслась къ нему, какъ къ «маленькому», какъ названному сыну. И бѣдняга почувствовалъ, что обрѣлъ пристанище, что здѣсь—его домъ. Но его жизнь въ этомъ домѣ наладилась не сразу. Благодѣтельница рѣшила послать его въ Туринъ, убѣжище для обращенныхъ въ католицизмъ, откуда онъ скоро бѣжалъ и, послѣ разныхъ перипетій, черезъ два года самовольно вернулся «домой», т.-е. къ г-жѣ Варансъ. Съ перерывами онъ прожилъ у нея около 10 лѣтъ въ качествѣ не то слуги, не то секретаря, не то просто пріемыша и, наконецъ — любовника. И, по его увѣренію, это было счастливѣйшее время въ его жизни, которое онъ изображаетъ въ чертахъ совершенно-идиллическихъ. Весьма возможно, что въ дѣйствительности идиллія была далеко не столь безоблачною, какъ онъ рисуетъ, но несомнѣнно одно: онъ чувствовалъ себя въ домѣ г-жи Варансъ—какъ въ родной семьѣ и наслаждался беззаботнымъ, дѣтскимъ счастьемъ. Вспоминая подъ старость это время, онъ писалъ: «Съ перваго же дня между нами установились отношенія чарующей фамильярности (la familiarité la plus douce), которыя и вошли въ привычку. Мое имя было «маленькій», ея имя—«maman», даже тогда, когда съ годами почти стушевалась разница возраста между нею и мною. Я нахожу, что эти два имени чудесно передаютъ сущность тона и манеръ, установившихся у насъ, въ особенности же—нашихъ сердечныхъ отношеній. Она была для меня самой нѣжною матерью, которая всегда имѣла въ виду не свое удовольствіе, а мое благо. И если въ мою привязанность къ ней входило, какъ элементъ, и влеченіе къ женщинѣ, то это послѣднее отнюдь не нарушало сущности первой, а только дѣлало ее болѣе изысканною, опьяняло меня чарующимъ сознаніемъ, что у меня есть молодая и хорошенькая maman, ласкать которую было такъ восхитительно; я говорю «ласкать»—въ буквальномъ смыслѣ, потому что ей и въ голову не приходило скупиться на поцѣлуи и нѣжности, а въ мое сердце не проникало желаніе—злоупотреблять ими»... («Исповѣдь», кн. III).—«Маленькій» обожалъ свою «maman», а кромѣ того, конечно, и былъ влюбленъ въ нее—тою застѣнчивою влюбленностью, какою нерѣдко воспламеняются мальчики къ старшимъ кузинамъ, къ молодой тетушкѣ, къ хорошенькой учительницѣ.—«Возлѣ нея»—читаемъ дальше—«я не испытывалъ ни восторговъ, ни желаній (ni transports, ni

désirs); я оставался въ состояніи восхитительнаго спокойствія и наслаждался, не зная самъ—отчего. Такъ я прожилъ бы всю жизнь и даже вѣчность, ни на минуту не испытавъ недовольства»...

Подъ конецъ «чистота» этихъ отношеній нарушилась: Руссо сталъ любовникомъ г-жи Варансъ. Ему было тогда лѣтъ 27 или 28, но и тутъ черты дѣтской психологіи продолжали проявляться съ прежнею яркостью. Онъ—все еще «маленькій»... Возмужавъ физически, онъ очень мало возмужалъ психически, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ вся исторія «идилліи».

Приспособленіе къ средѣ, мысли о будущемъ, пріисканіе занятій, выборъ карьеры, все это переживалось какъ-то легко и просто, «играючи», въ блаженной беззаботности. Самъ онъ размышлялъ на эти темы случайно и лѣниво,—подумаетъ и забудетъ. За него думала и хлопотала все та же «maman». Читалъ Руссо въ эти годы довольно много, но безъ системы и лишь изрѣдка—съ опредѣленною цѣлью. Всего больше увлекался онъ музыкой, изучалъ ее, давалъ уроки, но все это дѣлалось какъ-то безпорядочно, по-ребячески, а иногда переходило въ баловство и школьничество.

Въ эти же годы у Руссо обнаружилась страсть подражать свѣтскимъ молодымъ людямъ, усвоившимъ искусство держать себя въ обществѣ, вести бесѣду, занимать дамъ. Научиться этому искусству такъ и не удалось ему.

Подражаніе болѣе умѣлымъ сверстникамъ и взрослымъ можно разсматривать какъ одинъ изъ начальныхъ способовъ приспособленія къ средѣ. Черезъ эту ступень проходятъ многіе, прежде чѣмъ найдутъ другіе, болѣе надежные, пути, ведущіе къ той же цѣли. У Руссо попытки подражанія, какъ онъ ихъ описываетъ, были очень ужъ ребяческими и сбивались скорѣе на игру или шалость. Онъ скоро бросилъ это, но другихъ путей не нашелъ,—и все тѣмъ же взрослымъ ребенкомъ очутился въ 1741 году въ Парижѣ, безъ средствъ, безъ дѣла, лишь съ неопредѣленными надеждами на невѣдомое будущее, да еще съ неосновательною мечтою о карьерѣ музыканта-композитора.

Злая характеристика парижскаго общества въ XIV-мъ письмѣ II-ой части «Новой Элоизы», безъ сомнѣнія, отразила чувства и мысли самого Руссо. Въ нихъ много правды, но не мало и наивности взрослаго ребенка, не умѣющаго приспособиться къ «искусственной» жизни съ ея требованіями, съ ея соціальными перегородками и неизбѣжными условностями.

V.

«Соціальная непригодность» Руссо.

Кто не встрѣчалъ людей, у которыхъ слабо развита способность приспособляться къ общественной средѣ? Фактъ не подлежитъ сомнѣнію, но его причины не всегда ясны. Въ особенности неясны они въ тѣхъ случаяхъ, когда недостаточность соціальной приспособляемости совмѣщается съ очевидною тягою къ обществу: человѣкъ вовсе не обнаруживаетъ признаковъ нелюдимости,—онъ любитъ людей, его такъ и тянетъ къ нимъ, но какая-то внутренняя заминка мѣшаетъ ему чувствовать себя въ ихъ кругу легко и свободно. Кромѣ такой заминки или рядомъ съ нею, встрѣчается и другое: неумѣніе завязывать общественныя отношенія и сливаться со средой такъ, чтобы въ чувствѣ и сознаніи человѣка его индивидуальное «я», когда это нужно, моментально и автоматически замѣнялось коллективнымъ «мы».

Къ категоріи «соціально-непригодныхъ» принадлежалъ и Руссо.

Въ числѣ признаковъ, которыми характеризуются такія натуры, мы нерѣдко находимъ непосѣдливость, вкусъ къ перемѣнѣ мѣстожительства, къ странствованіямъ. Повидимому, большинство *бродягъ* принадлежитъ именно къ разряду «соціально-непригодныхъ»,—и они встрѣчаются во всѣхъ слояхъ общества. Руссо говоритъ, что уже въ ранней молодости (1728—1731 г.г.) стала обнаруживаться у него «манія кочеванія» (manie ambulante, «Исповѣдь», ч. I, кн. II). Въ другомъ мѣстѣ онъ упоминаетъ о своей страсти къ путешествіямъ (fureur des voyages), которая немного уменьшилась подъ вліяніемъ болѣзни (между 1732 и 1736 г.г.); но взамѣнъ того на него напала тогда меланхолія: «ставъ болѣе осѣдлымъ, я сдѣлался жертвою—не скуки, а меланхоліи... я плакалъ и вздыхалъ по ничтожнѣйшему поводу...» («plus sédentaire, je fus pris non de l'ennui, mais de la melancholie... je pleurais et soupirais à propos de rien...», «Исповѣдь», ч. I, кн. V). Здѣсь приходится вспомнить Гоголя, вѣчнаго странника, «лѣчившагося» путешествіями, человѣка, къ общественной жизни совершенно непригоднаго.

Но сходясь въ качествѣ «странниковъ», Руссо и Гоголь рѣзко отличались другъ отъ друга психологіей «соціальной непригодности». Гоголь былъ честолюбивъ и обладалъ живымъ и требовательнымъ, но вѣчно неудовлетвореннымъ, чувствомъ обще-

ственной стоимости. У «гражданина Женевы» Руссо это чувство было слабо развито и съ годами почти атрофировалось. Онъ не былъ честолюбивъ и не стремился создать себѣ положеніе въ обществѣ, пріобрѣсти «вѣсъ», не былъ падокъ на отличія и почести. Этой его скромности и непритязательности, какъ гражданина, какъ члена общества, нисколько не противорѣчитъ его высокое мнѣніе о себѣ и болѣзненное самолюбіе. Ибо послѣднія черты вытекали изъ другого источника: онѣ не были «соціальны въ тѣсномъ смыслѣ», онѣ связывались у него съ повышеннымъ самочувствіемъ генія и съ анормальнымъ реагированіемъ на впечатлѣнія. Руссо былъ «недотрога» и испытывалъ психическую боль отъ всякаго неосторожнаго прикосновенія къ его душѣ. Онъ ревниво оберегалъ свой внутренній міръ, свою независимость и не любилъ, чтобы его безпокоили чѣмъ бы то ни было, въ томъ числѣ и почестями.

Натура созерцательная и пассивная, онъ тяготился общественными связями и обязательствами. Онъ упорно избѣгалъ ихъ. Робость, подозрительность и боязнь за свою независимость заставляли его пугливо сторониться отъ партій. И онъ чувствовалъ себя безъ вины виноватымъ передъ всѣми партіями уже тѣмъ, что не принадлежалъ ни къ одной изъ нихъ. Когда печатался «Эмиль» (1762), Руссо очень волновался, опасаясь козней со стороны іезуитовъ. Книга прошла благополучно. «Но—говоритъ онъ,—у меня все-таки оставалось нѣкоторое безпокойство... Сперва я боялся іезуитовъ, потомъ сталъ бояться янсенистовъ и философовъ. Врагъ всякой партійности, я никогда не ожидалъ ничего хорошаго отъ людей партійныхъ» («ennemi de tout ce qui s'appelle partie, faction, cabale, je n'ai jamais rien attendu de bon des gens qui en sont». «Исповѣдь», ч. II, кн. XI).

Не трудно видѣть, что если бы ему и удалось устроить себѣ осѣдлую и счастливую жизнь обывателя, напр., въ Женевѣ или во Фрибургѣ, то это благоденствіе не могло быть прочнымъ и продолжительнымъ. Пришлось бы, волей-неволей, участвовать въ общественной жизни, а это непріятно и безпокойно. Вездѣ есть кружки, партіи, направленія, Руссо не могъ бы пристать ни къ какой партіи,—и, въ результатѣ, всѣ онѣ вмѣстѣ обрушились бы на него. Печальный опытъ этого рода и пришлось ему пережить въ Швейцаріи въ 1763—1766 годахъ. Въ этомъ эпизодѣ конфликтъ идей съ одной стороны и закулисныя интриги недоброжелателей Руссо (въ особенности Вольтера)—съ другой—только обострили натянутыя общественныя отношенія, которыя и безъ того, раньше или позже, закон-

чились бы разладомъ и вольнымъ или невольнымъ удаленіемъ Руссо изъ родной ему среды. Въ сущности вся жизнь Руссо была сплошнымъ разладомъ съ общественной средой. Такъ было въ Парижѣ въ 1750-хъ годахъ и потомъ тамъ же въ 1770-хъ— до самой смерти Руссо (1778).

VI.

Оптимизмъ и пессимизмъ въ воззрѣніяхъ Руссо.

Первоисточникомъ *психологическаго оптимизма* Руссо была инфантильность его натуры. Въ ней же приходится видѣть главную причину его *соціальной непригодности*. Эта послѣдняя создала почву для его *психологическаго пессимизма*, который можно назвать *наживнымъ*, такъ какъ онъ возникъ у Руссо уже въ зрѣломъ возрастѣ, послѣ неудачнаго опыта приспособленія къ средѣ.

Обращаясь къ воззрѣніямъ Руссо, къ его «ученію», мы сразу замѣчаемъ, что ихъ оптимистическіе и пессимистическіе элементы неразрывно связаны со всей душой мыслителя и въ особенности съ его чувствомъ. И поэтому ихъ объясненія нужно искать, прежде всего, въ психологіи Руссо.

Передъ нами мыслитель, у котораго разсужденія и выводы— какъ бы переводъ на языкъ мысли съ языка чувства. И надо отдать ему справедливость: «переводчикъ» онъ былъ превосходный! Въ его идеяхъ, въ самой постановкѣ вопросовъ, въ способѣ ихъ разработки, наконецъ въ паѳосѣ изложенія явственно отразилась «логика» его чувства съ ея корнями въ «вѣчно-дѣтскомъ» его души и со всѣми внушеніями отрадныхъ и безотрадныхъ эмоцій. Сочиненія Руссо, это—экранъ, на которомъ волшебный фонарь его генія воспроизвелъ и радость и горе, и свѣтъ и мракъ его души.

Въ основу міровоззрѣнія и идеологіи легли чувства стихійной радости бытія, восторга передъ красотою и совершенствомъ природы, умиленія передъ мудростью и благостью Творца. Прекрасенъ Божій міръ, жизнь—великое благо, человѣкъ, по природѣ своей, призванъ къ безмятежному счастью, къ осуществленію на землѣ идеаловъ любви, добра и правды. Хорошо жить въ Божьемъ мірѣ!

Но—увы!—въ мірѣ человѣческомъ такъ много зла... Сколько бѣдъ, страданій, преступленій! Если взглянуть на жизнь съ

этой стороны, она представится ужасною. Страшно и мучительно жить въ мірѣ человѣческомъ!

Зло не можетъ исходить отъ Бога. Оно не можетъ имѣть мѣста и въ природѣ, которая создана Творцомъ и представляетъ собою идеалъ гармоніи, красоты и совершенства. Зло цѣликомъ создано людьми.—«Человѣкъ! Не ищи виновника зла; этотъ виновникъ—ты самъ» («Эмиль», кн. IV).—Человѣку дана свободная воля. Онъ нечестиво и безумно злоупотребляетъ ею,—вся исторія человѣчества и вся цивилизація, имъ созданная, краснорѣчиво говорятъ объ этомъ.

Въ человѣкѣ заключено два начала: одно—первичное, природное, другое—вторичное, искусственное. Къ первому возводятся всѣ хорошія стороны людей и все добро человѣческое; второму приписываются всѣ дурныя стороны смертныхъ и все зло человѣческое. Корень «искусственнаго», противорѣчащаго природѣ, скрывается въ *самой соціальности* человѣка. Ибо, по мнѣнію Руссо, человѣкъ, по природѣ своей, животное вовсе не соціальное. Въ «Эмилѣ», напримѣръ, онъ говоритъ: «Изо всѣхъ животныхъ человѣкъ это—то, которое всего меньше можетъ жить стадами. Люди, сгруженные какъ овцы, погибли бы въ короткое время. Дыханіе человѣка смертоносно для ему подобныхъ: это столь же справедливо въ прямомъ смыслѣ, какъ и въ переносномъ» («Эмиль», кн. I).

Единственная натуральная группа у человѣка, это—семья. Но и она сохраняется только до тѣхъ поръ, пока не подрастутъ дѣти. Какъ только они перестанутъ нуждаться въ поддержкѣ родителей,—естественныя узы распадаются. Если же взрослыя дѣти, уже не нуждающіяся въ поддержкѣ, все-таки остаются въ семьѣ, то это уже дѣло добровольнаго соглашенія. Здѣсь «натуральное» отпадаетъ, и на его мѣсто вступаетъ «искусственное» («Contrat social», I). Всѣ остальныя группы, какія создало человѣчество, какъ родъ, государство, нація и т. д., никогда и не были «натуральными»; онѣ возникли «искусственно», подъ давленіемъ нужды, въ силу печальной необходимости, когда размножившимся людямъ стало слишкомъ трудно бороться съ природой, и они уже не могли поддерживать свое существованіе каждый отдѣльно; тогда и пришлось имъ поневолѣ соединиться въ группы и такимъ образомъ создать «систему силъ» (Contrat social, VI). Отъ этой-то «системы» и произошли всѣ бѣдствія... Сдѣлавшись существомъ соціальнымъ, человѣкъ сталъ злымъ, а прогрессъ разума исказилъ человѣческую породу... («О происхожденіи неравенства между людьми», гл. I).—Дикій человѣкъ, въ

своемъ «естественномъ состояніи», живя изолированно, былъ по-своему счастливъ и «натурально» добръ и жалостливъ. Состраданіе (жалость)—чувство естественное; оно—отнюдь не соціальнаго происхожденія,—и общественность не содѣйствовала его дальнѣйшему развитію. Страстей у первобытнаго, несоціальнаго человѣка было мало, и они не отличались большой силой,—ихъ легко обуздывала все та же прирожденная сострадательность дикаря. Люди въ естественномъ состояніи были скорѣе свирѣпы, чѣмъ злы (plus farouches que méchants); они стремились больше къ тому, чтобы защитить себя отъ зла, чѣмъ причинить зло другому; очень опасныхъ столкновеній у нихъ не было... «Между ними не было общенія,—стало быть, они не знали ни тщеславія, ни предпочтенія, ни уваженія, ни презрѣнія; ни малѣйшаго понятія не имѣли они о моемъ и твоемъ, и имъ была чужда идея правового возмездія; насиліе они разсматривали, какъ зло, которое легко исправить, а не какъ нарушеніе права, подлежащее наказанію; даже о мести не думали они, развѣ лишь машинально и импульсивно, какъ собака кусаетъ камень, которымъ ударили ее; ихъ ссоры рѣдко приводили къ кровавой расправѣ»... («О происхожденіи неравенства», ч. I). Далѣе Руссо останавливается на вопросѣ о половой страсти, которая у человѣка «въ естественномъ состояніи» была не менѣе сильна и опасна, чѣмъ у соціальнаго и цивилизованнаго. Но и тутъ оказывается, что преимущество опять-таки на сторонѣ перваго: онъ подверженъ власти только физической стороны любви: «когда потребность удовлетворена, желаніе угасаетъ».—«Воображеніе, которое у насъ такъ пагубно, ничего не говоритъ сердцу дикихъ»... Въ концѣ концовъ выходитъ, что «даже любовь, какъ и всѣ прочія страсти, только въ соціальной средѣ пріобрѣла ту бурную пылкость, которая дѣлаетъ ее столь гибельною для людей»... (тамъ же).—Въ заключеніе Руссо рисуетъ такую картину: первобытные люди блуждаютъ въ лѣсахъ одиночками, у нихъ нѣтъ ни дара слова, ни орудій, ни жилищъ; между собою нѣтъ у нихъ никакихъ связей; не знаютъ они ни войны, ни стремленія вредить другъ другу; страстей у нихъ мало; не знаютъ они ни воспитанія, ни прогресса, ибо нѣтъ сношеній и преемственности; каждое новое поколѣніе живетъ такъ, какъ жили прежнія. «Родъ людской былъ уже старый, а человѣкъ все оставался ребенкомъ» (тамъ же).

Идеализацію «первобытнаго человѣчества», заключенную въ этой характеристикѣ, нельзя назвать чрезмѣрною, но картина все-таки вышла совершенно-фантастическою.

Какъ пришелъ онъ къ этому парадоксу и какъ въ него увѣровалъ?

Подымая этотъ вопросъ, я намѣренно устраняю его историческую и историко-литературную постановку. Достаточно извѣстно, что въ XVIII-мъ вѣкѣ умы были предрасположены къ отрицанію «искусственной цивилизаціи», и идеалъ «простой» жизни на лонѣ природы рисовался многимъ и былъ въ модѣ. Мотивы на эту тему разрабатывались и въ стихахъ, и въ прозѣ. Но вѣдь въ духѣ времени было и многое другое. И меня интересуетъ вопросъ, почему именно эта, а не другая идея пришлась такъ по душѣ Руссо, и почему онъ далъ ей столь крайнее, парадоксальное выраженіе.

Надо имѣть въ виду и то, что Руссо, подобно Л. Н. Толстому, былъ мыслитель, который чуть ли не по каждому вопросу оставался «при особомъ мнѣніи» и всего менѣе склоненъ былъ плыть по теченію и повторять модные взгляды. И въ данномъ случаѣ мы видимъ у него нѣчто глубоко оригинальное, нѣчто совсѣмъ свое: онъ не только отрицаетъ «ложную» или «искусственную» цивилизацію, но и ополчается противъ соціальной жизни человѣчества вообще, утверждая, что все зло отъ нея-то и происходитъ.

Эта своеобразная точка зрѣнія объясняется только психологически—тѣми чертами инфантильной «антисоціальности», которыя были присущи натурѣ Руссо, и внушеніями его личнаго жизненнаго опыта.

Нѣкій внутренній голосъ внушалъ ему, что въ одиночествѣ, при минимумѣ соціальныхъ связей, человѣку живется лучше, что приспособленіе къ средѣ—дѣло трудное, мучительное, оскорбительное, и что истинное счастье вовсе не зависитъ отъ успѣха въ свѣтѣ, отъ пріобрѣтенія общественнаго положенія, власти, славы и т. д. Опытъ жизни подсказывалъ ему, что человѣкъ, становясь членомъ общества, по необходимости портится, опошливается, черствѣетъ, ожесточается подъ деморализующимъ вліяніемъ страстей, чуждыхъ человѣческой природѣ и развивающихся только въ соціальной средѣ, каковы тщеславіе, зависть, честолюбіе, жажда власти, наживы и т. д.

И онъ приходилъ къ парадоксальному выводу, что общественность не свойственна природѣ человѣка и возникла искусственнымъ образомъ. Уничтожить ее и вернуться къ первобытному состоянію нельзя, но можно и должно стремиться къ тому, чтобы такъ или иначе дать людямъ возможность въ извѣстной мѣрѣ приблизиться къ природѣ.

И въ результатѣ мы получаемъ картину особаго рода *пессимизма*, которому приличествуетъ названіе «*соціальнаго*». Онъ способенъ, какъ мы видимъ у Руссо, совмѣщаться и уживаться съ психологическимъ оптимизмомъ, основаннымъ на прирожденномъ чувствѣ жизни и на высокой субъективной ея оцѣнкѣ.

Но вопросъ о соціальномъ пессимизмѣ Руссо осложняется другимъ: вопросомъ о тѣхъ психическихъ анормальностяхъ, которыя обнаружились у него во вторую половину жизни и замѣтно стали усиливаться подъ старость.

VII.

Психопатическіе уклоны.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Руссо отъ рожденія былъ натурою неуравновѣшенною. Его чрезмѣрная и слишкомъ длительная инфантильность, сама по себѣ, представляется уклономъ отъ нормы. Можно указать еще на случаи временнаго помраченія нравственнаго сознанія и на аномаліи въ области полового чувства.

Но, сколько могу судить, все это не даетъ намъ права говорить объ опредѣленномъ психозѣ. Отъ неуравновѣшенности и разныхъ анормальностей до душевной болѣзни въ собственномъ смыслѣ еще не такъ близко. Другое дѣло—та *манія преслѣдованія*, которая овладѣла неуравновѣшенной душой Руссо уже въ зрѣломъ возрастѣ и, все усиливаясь, не покидала его до конца жизни. Здѣсь позволительно подозрѣвать психозъ, или, точнѣе, симптомъ поворота неуравновѣшенной психики въ сторону опредѣленныхъ психопатологическихъ проявленій.

Этотъ поворотъ выразился въ томъ, что Руссо сталъ обнаруживать черты, которыхъ раньше не было,—излишнюю подозрительность, обидчивость, строптивость. Онъ самъ портилъ лучшія отношенія, ссорился съ друзьями, всюду подозрѣвалъ интриги, козни, жаловался, что посторонніе люди вмѣшиваются въ его личную жизнь и т. д. Дѣло доходило до явно-бредовыхъ идей о какомъ-то всеобщемъ заговорѣ противъ него.

Я позволю себѣ предположить, что у Руссо произошла рѣзкая перемѣна самочувствія, и онъ пережилъ нѣчто въ родѣ психическаго шока.

Представимъ себѣ душевное состояніе этого большого ребенка, не приспособленнаго къ жизни, этого застѣнчиваго и

крайне-чувствительнаго недотроги въ тѣ первые годы его головокружительной славы, когда онъ вдругъ сталъ центромъ общественнаго вниманія, и когда его личность, его интимная жизнь, его поступки и причуды сдѣлались предметомъ любопытства, сплетенъ и пересудъ.

Оттуда—рѣзкая перемѣна самочувствія и родъ психическаго головокруженія. И неудивительно, что Руссо, крайне эмоціональный по натурѣ, былъ выбитъ изъ колеи, сталъ еще болѣе неуравновѣшеннымъ. На новыя впечатлѣнія, на осложнившіяся отношенія, на всѣ, дѣйствительныя и мнимыя, покушенія—вторгнуться въ его личную жизнь и нарушить его покой и независимость онъ теперь реагировалъ съ удвоенною силою чувства, доходившаго до степени аффекта.

Извѣстные факты интимной жизни Руссо въ эти годы (1750-ые), какъ-то связь съ Терезой Левассэръ, платоническій романъ съ г-жей Удето, сложная, запутанная интрига, въ которой главными участниками были Граммъ, Дидро и г-жа d'Epinay, и т. д., довели душевную смуту Руссо до крайняго предѣла. Тутъ уже явственно обозначилась у него манія преслѣдованія, и его душой овладѣли мрачныя и мизантропическія настроенія. Онъ сталъ нелюдимомъ. Высылка изъ Франціи и потомъ гоненія, которымъ онъ подвергся на родинѣ, въ Швейцаріи, довершили дѣло,—и Руссо очутился въ положеніи отщепенца, отлученнаго отъ общества, и скитальца, преслѣдуемаго явными и тайными врагами. А въ это самое время имя его было славно во всемъ образованномъ мірѣ, и повсюду онъ имѣлъ многочисленныхъ поклонниковъ. Его книгами зачитывались, его любили, какъ подобаетъ любить великихъ друзей человѣчества, его обожали,—и въ этомъ ореолѣ всеобщаго признанія, въ этомъ сіяніи славы онъ доживалъ свой вѣкъ одинокимъ отшельникомъ, оклеветаннымъ и гонимымъ. На склонѣ дней своихъ онъ писалъ: «Итакъ, вотъ я—одинъ на землѣ, нѣтъ у меня ни брата, ни близкаго, ни друга, ни общества, кромѣ меня самого. Самый общительный (sociable) и самый любящій изъ людей отверженъ обществомъ, по единодушному соглашенію... Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ нахожусь я въ этомъ странномъ положеніи,—оно мнѣ кажется сномъ... Изъятый, не знаю—какимъ образомъ, изъ порядка вещей, я увидѣлъ себя низвергнутымъ въ непостижимый хаосъ, гдѣ я ничего не различаю; и чѣмъ больше думаю я о своемъ нынѣшнемъ положеніи, тѣмъ меньше могу понять, гдѣ это я нахожусь... О! могъ ли я предвидѣть, что мнѣ предстояло прослыть чудовищемъ, отравителемъ, убійцей... Что прохожіе будутъ

плевать на меня, что цѣлое поколѣніе станетъ такъ единодушно забавляться тѣмъ, чтобы хоронить меня заживо?... («Мечтанія», I).

Этотъ вопль души, конечно, далеко не соотвѣтствовалъ фактической правдѣ вещей, но въ немъ отразился тотъ кошмаръ, который мерещился больному воображенію Руссо.

Изъ этого мрака, казалось, нѣтъ выхода.

И вдругъ—выходъ нашелся.

Неусыпная жизнетворная радость бытія, присущая душѣ Руссо, запротестовала и, какъ бы въ силу реакціи, загорѣлась ярче, чѣмъ когда-либо. И нѣкій внутренній голосъ сказалъ ему: Довольно! Перестань возмущаться, скорбѣть и жаловаться! Примирись со своею участью,—живи одинъ, углубись въ себя—и ты обрѣтешь радость и покой!

И вотъ онъ пишетъ свою послѣднюю книгу—«Мечтанія»,—гдѣ и воспроизводитъ этотъ процессъ возрожденія, этотъ обрѣтенный покой души, эту радость самодовлѣющаго существованія—внѣ общества, безъ друзей, безъ пристанища. Одинъ! Онъ счастливъ, онъ спокоенъ... Онъ прощаетъ врагамъ, онъ исполненъ любви къ человѣчеству и по-прежнему славославитъ Творца и природу...

VIII.

Заключеніе.

Когда человѣкъ выходитъ изъ дѣтскаго возраста,—его дѣтская психика не исчезаетъ, а только переходитъ въ скрытое состояніе; она усыплена. Но, при нѣкоторыхъ условіяхъ, она можетъ очнуться, и тогда у человѣка, въ любомъ возрастѣ, просвѣчиваютъ черты дѣтской души. Встрѣчаются и такія натуры, у которыхъ извѣстныя стороны этой души остаются на всю жизнь въ свободномъ и живомъ состояніи, не атрофированныя послѣдующими психическими наслоеніями, не замороженныя холодомъ жизни. Такія натуры чрезвычайно привлекательны. И, повидимому, онѣ не составляютъ большой рѣдкости. Чаще всего ихъ можно встрѣтить среди мистиковъ (Францискъ Ассизскій, Вл. С. Соловьевъ), среди геніальныхъ поэтовъ (Пушкинъ, Л. Н. Толстой),—вѣроятно, найдутся онѣ и среди ученыхъ и философовъ. «Вѣчно-дѣтское» въ своихъ лучшихъ сторонахъ и въ умѣренномъ выраженіи не причиняетъ никакого вреда психологіи другихъ возрастовъ и легко уживается съ нею. Здѣсь нельзя не

вспомнить покойнаго Н. Ѳ. Анненскаго, у котораго черты дѣтской психики проявлялись въ гармоническомъ сочетаніи съ натурою серьезнаго, глубокоубѣжденнаго и выдающагося общественнаго дѣятеля и придавали ей исключительную обаятельность.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ сохраненіе дѣтскихъ чертъ нельзя считать явленіемъ анормальнымъ.

Оно становится таковымъ лишь тогда, когда инфантильность оказывается чрезмѣрною, тормозитъ упражненіе психическихъ функцій, свойственныхъ зрѣлому возрасту, мѣшаетъ человѣку приспособляться къ средѣ, оріентироваться въ ней, дѣйствовать и т. д. Такъ это было у Жанъ-Жака Руссо.

Это, несомнѣнно, уклонъ отъ нормы.

Но есть и другой уклонъ,—въ противоположную сторону, къ сожалѣнію, встрѣчающійся слишкомъ часто. Общія условія жизни во всемъ цивилизованномъ мірѣ и настоятельныя требованія матеріальной и духовной культуры далеко не благопріятствуютъ нормальному развитію дѣтской психики и сохраненію ея лучшихъ чертъ въ дальнѣйшей жизни человѣка.

Современный человѣкъ слишкомъ скоро выходитъ изъ дѣтства. И зачастую онъ теряетъ добрую долю дѣтской радости бытія, прежде чѣмъ наживетъ субъективную цѣнность жизни. Преждевременной атрофіи дѣтскихъ чертъ отчасти содѣйствуетъ современная школа съ ея повышенными требованіями, обиліемъ предметовъ преподаванія и страдою экзаменовъ. Пройдя весь «стажъ», отъ низшей школы до высшей, человѣкъ вступаетъ въ жизнь, можетъ быть, достаточно вооруженный всякими знаніями, необходимыми для «карьеры», но нерѣдко, къ сожалѣнію, безъ той «*изюминки*» «вѣчно-дѣтскаго», сохраненіе которой было бы лучшей подготовкой къ страдѣ жизни.

Но нельзя сваливать всю вину на школу. Она только исполняетъ задачи, возлагаемыя на нее самою жизнью. А жизнь, между прочимъ, требуетъ, чтобы питомцы школы, за долгіе годы ученія, успѣли утратить какъ можно больше лучшихъ дѣтскихъ чертъ,—непосредственность, свѣжесть, любопытство, довѣрчивость и радость бытія. Приходится, пожалуй, еще благодарить школу за то, что она не слишкомъ усердно исполняетъ это требованіе и, въ данномъ случаѣ, оказывается далеко не на высотѣ своей задачи! И было бы несправедливо утверждать, что именно школа является разсадникомъ психологическаго пессимизма. Этотъ ядъ фабрикуется въ самой жизни — вмѣстѣ съ его противоядіями.

«Лабораторію» этого «производства» нужно искать въ изви-

линахъ души человѣческой, гдѣ пессимизмъ и оптимизмъ такъ причудливо совмѣщаются и чередуются. Отправную точку для нашихъ посильныхъ наблюденій въ этой области мы нашли въ психологіи Руссо.

Намъ прійдется обращаться къ ней и впредь.

Д. Овсянико-Куликовскій.

ПЕРВАЯ ДРУЖБА СЪ ПИСАТЕЛЕМЪ.

(Страничка изъ воспоминаній).

Мы привыкли окружать особымъ поэтическимъ ореоломъ впервые, на зарѣ нашей жизни вспыхнувшія въ насъ чувства любви и дружбы.

И дружба и любовь въ первомъ своемъ обнаруженіи имѣютъ особую прелесть, особый весенній цвѣтъ и весенній запахъ... И какъ бы судьба ни обошлась съ этими лепестками зеленѣющей жизни, мы хранимъ о нихъ благоуханное воспоминаніе.

Но не только живые люди способны пробудить въ насъ такія ароматныя чувства. И новая мысль, и неизвѣданное движеніе сердца, и красота во всѣхъ ея видахъ могутъ стать нашей первой любовью и первой дружбой,—когда писатель дастъ намъ почувствовать въ художественныхъ образахъ ихъ силу и обаяніе. Съ такимъ писателемъ заключаемъ мы первый сердечный союзъ.

Пусть въ рукахъ нашихъ побывало много книгъ до встрѣчи съ такимъ писателемъ, пусть затѣмъ другіе пришли ему на смѣну,—но мы не въ силахъ забыть того впечатлѣнія, которое нѣкогда мы вынесли изъ простой, сердечной бесѣды съ художникомъ, который пришелъ къ намъ тогда, когда мы его ждали, сказалъ намъ то, что̀ мы хотѣли услышать, который разгадалъ нашу душу и не заставилъ насъ теряться въ догадкахъ объ его душѣ...

Времена, къ которымъ относятся мои воспоминанія, были мирныя въ своемъ внѣшнемъ теченіи...

Мы, родившіеся въ шестидесятыхъ годахъ, вступая юношами въ жизнь въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ, никакъ не могли себѣ представить, что мы живые свидѣтели продолженія все

той же «эпохи реформъ», о которой наши отцы говорили намъ съ такой любовью и съ такимъ подъемомъ духа. Положимъ, крѣпостного строя мы вокругъ себя не видали; мы читали отчеты о новомъ судопроизводствѣ, могли полюбоваться на зданіе городской думы, могли при случаѣ кое-что узнать изъ жизни деревни, если имѣли среди земцевъ знакомыхъ; мы знали также, что намъ придется отбывать воинскую повинность...

Но окружающая насъ жизнь не горячила насъ и не волновала. Мы были дѣтьми, когда бушевала война на Балканахъ, и въ томъ общественномъ движеніи, которое она вызвала, мы, конечно, не могли разобраться; для насъ, дѣтей, оно не существовало. Пугали насъ въ ранніе годы разсказы о подпольной борьбѣ террористовъ, и цѣлый рядъ террористическихъ актовъ запечатлѣлся въ нашей памяти, но лишь какъ занимательныя, необычныя событія.

Когда 17—18 лѣтъ осенью 1881 года мы поступили въ университетъ, рядъ этихъ тревожныхъ воспоминаній пополнился днемъ 1-го марта.

Многимъ памятна та общественная тишина, какая наступила послѣ этого дня на долгіе годы. Подъ покровомъ этой тишины протекала наша юность, наша, — т.-е. моя и нѣкоторыхъ изъ моихъ сверстниковъ.

Нельзя сказать, что мы представляли собой особенно типичные образцы тогдашняго студенчества. Было, конечно, много молодыхъ людей, которые на насъ похожи не были, думали и чувствовали иначе, людей съ гораздо большимъ общественнымъ темпераментомъ, чѣмъ мы. Но переживаемая историческая минута безспорно на насъ свою печать наложила и право давать показанія должно быть за нами оставлено.

Политическихъ и общественныхъ интересовъ въ нашей средѣ почти не было, т.-е. мы, конечно, желали лучшаго, негодовали и возмущались при случаѣ, поругивали правительство и бывали очень довольны, если таковой нашъ протестъ отливалъ блестками остроумія. Вся наша жизнь была заполнена наукой и искусствомъ. Ученые въ 17-ть лѣтъ и великіе—какъ намъ казалось—цѣнители красоты, мы были преисполнены гордости и самоуваженія. Убить цѣлый годъ жизни на рѣшеніе какого-нибудь научнаго вопроса, иногда очень мелкаго—непровѣривъ, насколько этотъ вопросъ дѣйствительно близокъ нашему духу—было намъ ни по чемъ. За такую малопроизводительную трату умственной энергіи мы вознаграждали себя разными эстетическими наслажденіями, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ было, конечно,

чтеніе художественныхъ памятниковъ словеснаго творчества. Это наслажденіе мы разрѣшали себѣ нѣсколько по иному рецепту, чѣмъ тотъ, который въ ходу теперь. Мы любили старую литературу, классическую, русскую и преимущественно иностранную.

Углубляясь все болѣе и болѣе въ старину, далекую или близкую, и наталкиваясь постоянно на большія сокровища искусства, мы думали,—какъ, все-таки, блѣдно, какъ неинтересно, узко и мелко все, что̀ пишется въ наши дни! И довольные такимъ самостоятельнымъ, «критическимъ», какъ намъ казалось, и безапелляціоннымъ судомъ надъ современниками, а болѣе всего довольные самими собою—мы часто вздыхали о прошломъ и жалѣли, что не родились двумя-тремя десятилѣтіями раньше. Таково было отношеніе одного очень интимнаго кружка къ современной ему литературѣ.

Впрочемъ, литературный урожай начала восьмидесятыхъ годовъ былъ, дѣйствительно, не обиленъ.

Старики сходили со сцены, а молодыя силы пробивались очень робко наружу. Съ почтеніемъ, приличествующимъ прежней славѣ, склонялись мы передъ уходящими и съ недовѣрчивой пытливостью присматривались къ тѣмъ, кто шелъ имъ на смѣну.

Толстой въ тѣ годы (1881—1885) старался увѣрить себя въ томъ, что онъ хоть и большой художникъ, но дурной человѣкъ и въ тиши работалъ надъ религіозно-нравственнымъ самовоспитаніемъ; съ раздраженіемъ на самого себя, на науку и на искусство, закрылъ онъ книгу художественныхъ прорицаній и принялся составлять азбуку обиходной морали. Нашъ любимецъ—ну, если не властитель нашихъ думъ, то исповѣдникъ нашихъ сердецъ—Тургеневъ,—кончалъ свои дни вдали отъ насъ; онъ писалъ для себя, для себя одного, желая передъ смертью наединѣ побыть съ своей музой. Для нея онъ написалъ пѣснь торжествующей любви и стихотворенія въ прозѣ—эти затихающіе, умирающіе фразы и аккорды виртуозно сыгранной элегіи... Гончаровъ, тотъ оставался среди насъ, но онъ молчалъ и, кажется, сердился... и молчалъ онъ уже давно, не довѣряя своему вдохновенію, и, кто знаетъ, можетъ быть, онъ былъ правъ въ такомъ недовѣріи. Имя его будило въ насъ воспоминанія ранней юности, но это имя теперь звучало глухо и терялось въ шумѣ дня, и если мы повторяли это имя, то потому, что и въ семьѣ и въ школѣ мы привыкли къ его звуковому составу. Сказать Тургеневъ, Толстой и не помянуть Гончарова было невозможно... Большой шумъ стоялъ тогда вокругъ имени Достоевскаго. Въ 1881 году онъ умеръ, завѣщавъ все свое духовное наслѣдство Алешѣ Ка-

рамазову... Этого наслѣдника великаго имени мы, молодые люди, встрѣтили, конечно, радостно, уже потому одному, что онъ былъ молодъ и могъ стать нашимъ товарищемъ. А намъ очень хотѣлось встрѣтиться со сверстникомъ: ужъ очень постарѣли всѣ тѣ молодые люди, съ которыми насъ знакомили писатели старшаго поколѣнія. Самому молодому изъ нихъ—Левину было уже за тридцать... Но съ Алешей дружба какъ-то не клеилась. Мнѣ лично казалось, что это скучнѣйшій изъ смертныхъ, который всегда, во всѣхъ дѣлахъ приходилъ съ опозданіемъ. Вообще, что мы, незрѣлые юноши могли понять тогда во всей семейной хроникѣ Карамазовыхъ? Чтобы ее написать, надо было прожить долгую жизнь, полную искушеній, испытаній, духовныхъ поисковъ и подвиговъ, и было бы обидно, если бы результатъ этой работы мятущагося духа сталъ ясенъ и понятенъ первому, кто бралъ книгу въ руки. Книга уходила своими вершинами въ небо, а корнями въ самые тайники человѣческаго сердца, и юный читатель не могъ послѣдовать за художникомъ ни въ его полетѣ, ни въ его погруженіи въ кладези мудрости и сердцевѣдѣнія. Поверхность жизни намъ была понятнѣе и ближе, чѣмъ тайны, которыя ее облегали. И если бы мы были, дѣйствительно, очень заинтересованы всѣмъ тѣмъ, что на этой поверхности творилось, то, конечно, Салтыковъ-Щедринъ могъ бы стать нашимъ любимымъ писателемъ. Но общественнаго темперамента въ насъ почти совсѣмъ не было, разгадывать Щедринскую сатиру намъ казалось дѣломъ очень скучнымъ; писатель по всему своему міропониманію былъ намъ чуждъ и даже «Пошехонскую старину», эту художественную хронику дореформенной русской жизни, мы встрѣтили равнодушно.—Какъ всѣ молодые люди, мы не знали цѣны воспоминаніямъ; не вспоминать, а загадывать и отгадывать хотѣли мы, и въ дореформенномъ строѣ насъ интересовали совсѣмъ иныя стороны жизни, чѣмъ та безпросвѣтная и мучительная, которая открывалась въ этомъ надгробномъ памятникѣ, поставленномъ на могилѣ цѣлой исторической эпохи. Не интересовала насъ также и литература народническая, въ тѣ годы въ полномъ своемъ цвѣту—литература уже не воспоминаній, а чаяній и ожиданій, стоящая какъ будто въ преддверіи новой исторической эры, впрочемъ и до сего дня не наступившей.

Старики-писатели были намъ тогда гораздо дороже тѣмъ, что они писали задолго до насъ, чѣмъ словами, которыя они говорили въ нашемъ присутствіи. Къ началу 80-тыхъ годовъ одни изъ этихъ старыхъ дубовъ стали желтѣть, другіе подсыхали и теряли листву, а нѣкоторые на нашихъ глазахъ повалились.

Упадали, подсохли и старились и тѣ пахучія липы, вѣтвистыя березы и густые клены, которые были такимъ украшеніемъ садовъ русской «поэзіи», русской стихотворной рѣчи. Алексѣя Толстого и Некрасова мы въ живыхъ не застали... Майковъ и Полонскій послѣднихъ лѣтъ лишь изрѣдка напоминали намъ о тѣхъ временахъ, когда они были рыцарями «чистаго» искусства и когда эта чистота оправдывалась не только желаніемъ создать нѣчто возносящееся надъ мгновеніемъ, но оправдывалась и поэтической силою, съ какой это желаніе было осуществляемо. Одни лишь «Вечерніе огни» Фета были настоящимъ свѣтильникомъ, ярко горѣвшимъ на горѣ. Но, насколько я помню, эти алмазы и жемчуга русской лирики у большинства изъ насъ въ особо высокой цѣнѣ не стояли. Нужно было многое пережить и продумать, чтобы умѣть не только наслаждаться свѣтомъ этихъ огней, но умѣть и грѣться на нихъ. А для молодыхъ людей въ свѣтовыхъ лучахъ поэзіи тепло бываетъ дороже свѣта... и блескъ интимной и глубокомысленной лирики Фета казался намъ холоднымъ, и напоминалъ намъ драгоцѣнное ожерелье на груди гордой красавицы, которая любитъ, чтобы ею любовались, но сама давно разучилась и любоваться и любить.

Такому ожерелью мы иногда готовы были предпочесть простыя бусы, лишь бы только онѣ были нанизаны и надѣты съ желаніемъ намъ понравиться.

Какъ всѣмъ молодымъ людямъ, намъ, дѣйствительно, хотѣлось, чтобы къ намъ были неравнодушны. Я не хочу сказать про стариковъ, что они относились къ молодежи невнимательно. Но, пусть мы почитали ихъ какъ художниковъ,—какъ люди они всетаки стояли далеко отъ насъ. Они не могли относиться къ намъ такъ, какъ въ годы своей юности они относились къ своимъ сверстникамъ, съ которыми жили общей жизнью. Ихъ положеніе какъ маститыхъ писателей обязывало ихъ къ извѣстнаго рода сдержанности, и ихъ увитыя лавровымъ вѣнкомъ головы должны были сохранять извѣстное спокойствіе и нѣсколько принужденную величавость... Да и видали мы этихъ старыхъ писателей очень рѣдко. Звѣзды первой величины почти не показывались; приходилось довольствоваться менѣе яркими.

Иногда на какой-нибудь вечеръ или спектакль привозили такую литературную икону, ее привѣтствовали аплодисментами, она читала или декламировала почти всегда намъ хорошо извѣстное; затѣмъ мы шли въ «артистическую», смотрѣли издали, какъ угодникъ обмѣнивался неслышными любезностями

съ устроителями вечера, всего чаще съ почтенными устроительницами, которыя въ перегонки угощали его разною снѣдью и напоминали своей суетней тѣхъ сердобольныхъ дамъ, на рукахъ которыхъ вдругъ неожиданно остался покинутый ребенокъ; затѣмъ писателя увозили, мы провожали его до подъѣзда и когда, наконецъ, этотъ большой или малый комъ шерсти, фланели, мѣха и иныхъ покрововъ—выкатывался на улицу и садился въ карету, мы чувствовали себя какъ-то легко и свободно и начинали щеголять своимъ остроуміемъ передъ знакомыми дѣвицами... Такіе мы были озорники и неблагодарные...

Миръ имъ, этимъ старикамъ, и очень знаменитымъ и менѣе знаменитымъ, и спасибо имъ за тѣ часы наслажденія и поученія, которые мы провели за ихъ книгами. Но товарищами намъ они не были. Хотѣлось живого общенія съ писателемъ, который жилъ бы одной жизнью съ нами, родился бы подъ тѣмъ же созвѣздіемъ, что́ и мы, болѣлъ бы нашей печалью и веселился нашей радостью.

О нѣкоторыхъ изъ такихъ молодыхъ художниковъ тогда уже говорили и въ обществѣ, и въ критикѣ. Больше всего было толковъ о Гаршинѣ. Мы слышали, что старики намѣчали его себѣ въ наслѣдники. Страдальческій образъ Гаршина остался навсегда въ нашей памяти. Но писатель, который умѣлъ очень туго затягивать драматическіе узлы жизни, самъ былъ не въ силахъ научить насъ, какъ эти узлы должно развязывать. Мы, ревностные читатели Тургенева, Толстого и Достоевскаго,—на которыхъ воспитался и талантъ Гаршина—мы пріучены были къ тому, что всякая, даже самая страшная людская трагедія разрѣшалась на нашихъ глазахъ болѣе или менѣе мирно, либо въ сферѣ нравственныхъ истинъ, либо въ области религіознаго чувства. У Гаршина мы такого разрѣшенія не встрѣчали. Если что въ современной литературѣ напоминало намъ объ античной судьбѣ, предоставляющей себѣ единой право разрѣшать всѣ трагическія задачи и загадки жизни—такъ это были разсказы Гаршина, разсказы съ виду столь простые въ своемъ ужасѣ. Мы не догадывались, что отсутствіе примиряющей развязки въ этихъ разсказахъ было обусловлено не столько особенностью таланта писателя, сколько особенностью переживаемаго нами момента, который въ своемъ историческомъ смыслѣ очень напоминалъ крѣпко затянувшійся узелъ. Кому и какъ его распутать—кто могъ тогда отвѣтить?..

Нервность, граничащая съ душевной болѣзнью, и истерія въ разныхъ формахъ отъ громкаго крика до подавленнаго стона

давали себя ясно чувствовать въ словахъ Гаршина даже и тѣмъ изъ насъ, которые не знали, что писатель былъ душевно-больной человѣкъ... Повѣсти Гаршина вызывали въ насъ нервную дрожь, насъ тянуло къ нимъ какъ къ какому-то мучительно-сладостному яду, но, когда мы кончали чтеніе, мы, усталые, возвращались къ тому же настроенію, въ какомъ мы это чтеніе начинали; все равно, какъ если бы человѣкъ, отъ котораго мы ждали совѣта или поддержки, или во всякомъ случаѣ сильнаго слова—на нашихъ глазахъ разрыдался...

Много говорилось въ тѣ годы и о Надсонѣ. Онъ мало-помалу становился любимцемъ молодежи, болѣе или менѣе радикально настроенной.

Мы знали, что поэтъ боленъ неизлѣчимой болѣзнью и что дни его сочтены. Этотъ увядающій цвѣтокъ русской лирики былъ жалостливо нѣженъ. Минорный, матовый тонъ пѣсенъ Надсона просился въ душу, мягчилъ ее, подготовлялъ къ страданію, училъ любить это страданіе; иногда этотъ мягкій голосъ, который звучалъ какъ бы издалека, призывалъ насъ на подвигъ, благородный, туманный подвигъ, обѣщалъ побѣду, а всего чаще тихо плакалъ и утѣшалъ насъ... Случалось, что рыдающіе аккорды обрывались, и тогда слышался какъ будто походный маршъ... но какъ-то незамѣтно, путемъ неуловимыхъ модуляцій, мажорный мотивъ переходилъ въ похоронный.

Можно было любить поэта, понять его страданія, желать ему власти надъ сердцами, и все-таки чувствовать, что онъ самъ находится во власти какой-то суровой силы, которая не позволяетъ полюбить жизнь свободно и искренне, какъ хочется любить въ юные годы.

Было еще одно имя, которое мы знали, но которое въ печати не разыскивали. Приходилось изрѣдка почитывать повѣсти, разсказы и анекдоты Чехова. Большой мастеръ, какимъ онъ сталъ впослѣдствіи, онъ въ началѣ 80-хъ годовъ былъ очень скромной величиной. Чтобы по первымъ его произведеніямъ разгадать, во что эта сила развернется, надо было обладать большимъ артистическимъ чутьемъ. Мы имъ не обладали, и Чеховъ былъ для насъ лишь забавный разсказчикъ. Никакихъ болѣе или менѣе серьезныхъ темъ онъ тогда не касался; его за это сильно поругивала критика, которая не могла не отмѣтить его таланта. Нашъ кружокъ его не бранилъ; наоборотъ, мы относились къ нему благодушно, какъ относишься къ человѣку, который умѣетъ развеселить скучающую компанію. Когда мы замѣтили, что онъ самъ скучаетъ, несмотря на свое остроуміе

и юморъ, мы этому удивились и, когда на сценѣ былъ сыгранъ «Лѣшій», мы съ недоумѣніемъ спросили: что съ Чеховымъ? откуда эта неврастенія? Мы не поняли, что писатель переживалъ ту же драму, что̀ и мы, и что въ немъ, какъ въ чуткомъ человѣкѣ, болѣзнь вѣка обнаружилась въ сильныхъ пароксизмахъ, тогда какъ въ насъ она давала себя чувствовать лишь неяснымъ недомоганіемъ.

Но никому изъ насъ не пришла бы тогда въ голову мысль избрать Чехова въ собесѣдники по тревожившимъ насъ вопросамъ. Меланхолія, уснащенная шуткой, или шутка, разорванная пополамъ грустнымъ напѣвомъ—казались намъ лишь весьма забавными экспериментами изъ области человѣческой психологіи. Мы потомъ поняли, какъ можно подбирать осколки жизни—этого драгоцѣннаго сосуда, когда онъ разбился, чтобы доискаться, чѣмъ онъ былъ наполненъ; какъ можно было вдругъ нахмуриться среди раскатистаго смѣха, или отпугивать шуткой навязчивую грустную мысль.

Нѣжная печаль, стремящаяся утѣшить ближняго, скорбь, граничащая съ трагическимъ ужасомъ, и меланхолія, ищущая защиты въ ироніи, были достаточно сильно выражены въ творчествѣ Гаршина, Чехова и Надсона, этихъ нашихъ товарищей по школѣ жизни.

Но все-таки изъ встрѣчи съ ними, по крайней мѣрѣ, я не выносилъ того чувства, въ которомъ всего больше нуждался и которое я опредѣлилъ бы двумя словами—«жить хочется!» Положимъ, въ моемъ возрастѣ тогда и такъ «жить хотѣлось», но подъ этимъ возгласомъ я разумѣю нѣчто большее, чѣмъ простое ощущеніе радости бытія. Хотѣлось и подвига въ жизни, съ сознаніемъ, что ты нуженъ кому-то и для чего-то, не мелкаго, а значительнаго подвига; хотѣлось избавиться отъ того душевнаго покоя, которымъ такъ недавно дорожилъ и въ которомъ видѣлъ высшую мудрость и желанную мораль; хотѣлось и страданія, которое стало бы источникомъ истинной бодрости, а не того подбадриванія самого себя, которое изнуряетъ человѣка больше, чѣмъ смиренный отказъ или тупая печаль. Хотѣлось, наконецъ, ну, если не уразумѣть, то почувствовать смыслъ жизни, не вычитывая его изъ старыхъ книгъ, не подтверждая его ссылками на прошлое, а ловя его, такъ сказать, на-лету, въ быстрой смѣнѣ повседневныхъ событій.

Это было очень туманное, но мучительное чувство. Такой

«духовной жаждой» томимы бываютъ молодые люди наканунѣ какого-нибудь рѣшительнаго умственнаго или нравственнаго перелома, хотя не всегда этотъ переломъ за такимъ томленіемъ наступаетъ.

Когда мнѣ попали въ руки первыя повѣсти Короленка, я никакъ не могъ заставить себя думать объ ихъ литературной цѣнности. Мнѣ не хотѣлось никакимъ размышленіемъ ослаблять перваго впечатлѣнія. Это была съ моей стороны большая жертва, такъ какъ я былъ придирчивымъ критиканомъ и думалъ, что спорить и возражать во что бы то ни стало всегда почетнѣе, чѣмъ соглашаться. Но «разбирать», какъ говорится, Короленку я не чувствовалъ никакой охоты, и я самъ отъ себя утаилъ мою симпатію.

Писателя я не видалъ ни разу, ни вблизи, ни издали; личность его мнѣ пока ничего не говорила; существовало лишь имя, которымъ было подписано нѣсколько повѣстей.

Эти повѣсти имѣли въ сущности мало шансовъ мнѣ понравиться... Уже знакомый съ лучшими памятниками всемірной словесности, эстетъ по преимуществу, безъ всякаго нервнаго интереса къ общественнымъ явленіямъ, любитель художественныхъ обобщеній и романтическихъ символовъ—чѣмъ могъ я увлечься въ этихъ этнографическихъ этюдахъ, съ очень рѣзкимъ мѣстнымъ колоритомъ, съ цѣлой галлереей портретовъ, списанныхъ съ лицъ, иногда совершенно некультурныхъ, и совсѣмъ не красивыхъ? Лица, о которыхъ художникъ разсказывалъ, были для меня незнакомцами; манера его письма не могла заставить меня забыть манеру письма другихъ художниковъ... Но я продолжалъ таить мои симпатіи къ нему, таить ихъ про себя, и онѣ стали для меня мало-по-малу какой-то душевной потребностью. Если бы въ тѣ годы меня спросили—каковы мотивы этой странной симпатіи?—я, конечно, не могъ бы пояснить ихъ.

Только спустя много лѣтъ, мнѣ стала понятна исторія этой моей первой дружбы съ писателемъ. Возстановляя въ памяти тѣ сѣрые, беззвучные годы; вспоминая о тѣхъ многихъ, и молодыхъ и зрѣлыхъ людяхъ, которые по какимъ бы то ни было причинамъ погружались въ тихую, безстрастную работу ума или воображенія, работу, которая всецѣло ими завладѣвала и спасала ихъ отъ сознанія быть безсильнымъ свидѣтелемъ медленнаго общественнаго замиранія; вспоминая объ этихъ людяхъ, которымъ надлежало же такъ или иначе вступить въ общую работу, полюбить такъ или иначе ту жизнь, отъ которой нельзя было навсегда оградиться; припоминая наконецъ тѣ призывы, какими эта запу-

ганная жизнь нѣтъ, нѣтъ, да звала себѣ людей на помощь—думаешь: а какъ во-время для многихъ раздалось слово Короленка! Зови ихъ на служеніе жизни какой-нибудь мудрецъ, который, какъ Толстой, предлагалъ имъ разрушить до основанія всю храмину ихъ жизни и начать строить ее заново—пойти за такимъ мудрецомъ могли лишь избранные. Зови ихъ за собой пророкъ, исполненный ясновидѣнія и мистическаго паѳоса, какъ Достоевскій,—у нихъ могло не найтись тѣхъ исключительныхъ даровъ духа, которые нужны, чтобы въ людяхъ видѣть Бога и сознать себя Богоносцемъ. Призывай ихъ на работу аскетъ и фанатикъ политической идеи, онъ рисковалъ остаться неуслышаннымъ, такъ какъ не для всѣхъ уготованъ сей путь, требующій особаго воспитанія и приноравленія, а также и исключительнаго темперамента.

Нельзя людей, идущихъ проселочными дорогами и сторонящихся отъ дороги торной и общей, нельзя ихъ оживить жалостливой пѣсней, хотя бы и самой сердечной—пѣснью печали, пѣснью мечты о грядущемъ счастіи, пѣснью утѣшающей ласки... Эти люди могутъ не откликнуться на такую нѣжную мелодію. Нельзя думать также, что если этихъ людей ударить по нервамъ, то такого удара будетъ достаточно, чтобы вернуть имъ силу воли и силу любви; наконецъ, врядъ ли иронія и смѣхъ придадутъ имъ ту бодрость духа, въ которой они нуждаются.

Нужно совсѣмъ особое сочетаніе мыслей и настроеній, чтобы въ годы общественной неврастеніи и упадка духа пробудить въ такихъ людяхъ желаніе полюбить невзрачную жизнь и вторгнуться въ нее своей силой. Въ разсказахъ Короленка это сочетаніе было налицо, и ему они были обязаны своимъ необычайнымъ успѣхомъ въ самыхъ широкихъ и разнообразныхъ кругахъ молодежи, да и не одной молодежи...

Разсказы всѣ—печальные, а вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ они необычайно бодрые... Грусть и скорбь поняты не какъ конечное отношеніе къ жизни, а какъ искушеніе духа, который долженъ быть закаленъ въ этой встрѣчѣ съ людскимъ страданіемъ, чтобы въ дальнѣйшей своей борьбѣ съ жизнью считать страданіе не врагомъ, а союзникомъ. Какъ Яковъ нѣкогда боролся съ Богомъ, прежде чѣмъ начать служить Ему, такъ и человѣку надлежитъ принять вызовъ жизни на единоборство, прежде чѣмъ насладиться ея дружбой, ея дарами, хотя бы самыми ничтожными.

Жизнь, жизнь, прежде всего! Отказа отъ нея не должно

быть. Ее надо сохранить, или купить цѣной какихъ угодно лишеній... Въ лохмотьяхъ нищаго, въ халатѣ каторжника, въ рубищѣ бродяги надо сѣсть за трапезу жизни, хотя бы она не могла намъ предложить ничего, кромѣ крохъ и объѣдковъ. Но къ чему этотъ постъ передъ праздникомъ, который для весьма многихъ, вѣроятно, никогда не наступитъ? Или, быть можетъ, истинный праздникъ насъ ждетъ тамъ, гдѣ всѣ земные голоса смолкнутъ? и мы, какъ Макаръ, лишь духовными очами увидимъ царство правды?.. Зачѣмъ быть дерзкимъ и отрицать Бога, или быть также дерзкимъ и говорить отъ лица Бога о томъ, кто Онъ, зачѣмъ Онъ насъ послалъ въ міръ и какъ насъ встрѣтитъ, когда мы вернемся на родину? Можно людямъ лишь намекнуть о Немъ и въ дни земныхъ праздниковъ во имя Божіе заставить ихъ сердца биться возвышенно и торжественно. Можетъ случиться, что въ отвѣтъ на пѣснь о Христовомъ Воскресеніи человѣкъ беззлобно и безсознательно отвѣтитъ выстрѣломъ по ближнему—но простимъ ему: есть болѣе тяжкіе грѣхи, злобные и сознательные, и все же надъ людьми, ихъ совершающими, гудитъ благовѣстъ, и старый звонарь, какъ міровая совѣсть, не сходитъ съ своей колокольни и звонитъ во славу Торжествующаго Бога. И славитъ этотъ колоколъ не одного лишь Бога, а и людей, славитъ за то, что они—погрязшіе въ невѣдѣніи, во грѣхахъ, въ преступленіяхъ, сохранили въ своемъ сердцѣ зерно Божьей правды, любовь къ истинѣ, зерно добра, которое не дало должныхъ всходовъ лишь потому, что люди или судьба имъ взойти помѣшали. Какой урокъ справедливости и нѣжности могутъ дать намъ подчасъ нищіе и убогіе, въ «дурное общество» которыхъ судьба насъ закинетъ. Иной разъ разбойникъ и бродяга могутъ обнаружить нравственную силу, противящуюся злу и неправдѣ, силу сознательную и стойкую передъ соблазномъ. Человѣкъ съ затуманеннымъ разсудкомъ, гонимый и оскорбляемый, пылаетъ любовью къ правдѣ и стремится, въ предѣлахъ своей ничтожной, скованной силы, торопить ея торжество... Всѣ эти униженные и придавленные — сильны и крѣпки духомъ, пожалуй, крѣпче всѣхъ, кто считаетъ себя выше ихъ... И въ подземельѣ горитъ лучъ свѣта, и въ людяхъ, душа которыхъ кажется намъ подземельемъ, живъ Богъ любви и справедливости. Какое довѣріе къ человѣку! Какая любовь къ жизни, любовь незатуманенная благонамѣренной ложью или поэтической грезой, а свободно выросшая на самой каменистой, съ виду безплодной жизненной почвѣ! Стóитъ жить и есть за что бороться. Да, именно бороться!

Ни одного крикливаго призыва къ борьбѣ, ни одного раздра-

женнаго возгласа протеста противъ соціальнаго порядка, противъ утѣснителей или вообще виновныхъ не разрѣшилъ себѣ художникъ, а между тѣмъ каждая его страница обличала неправду жизни и весь онъ, при всей своей мягкости, миролюбіи, и вѣрѣ въ человѣка, былъ олицетвореніемъ возмущеннаго сердца.

Небо туманное и сѣрое, но солнце чувствуется за тучами. Дуетъ стойкій вѣтеръ, не рѣзкій и не холодный, гонитъ облака и рветъ ихъ на части; до ясной погоды, быть можетъ, далеко, но зато и не наступило безвѣтріе; нѣтъ той унылой тишины, при которой тучи стоятъ недвижно и низко надъ землею. Колышутся верхушки деревьевъ, по глади пруда бѣжитъ зыбь, во всемъ и всюду чувствуется дыханіе жизни и несмѣнное движеніе. Движеніе куда? зачѣмъ? къ чему? Развѣ мучишь себя этими вопросами, когда въ самый ранній утренній часъ выходишь бодрый на широкую дорогу жизни? Жить хочется, любить и страдать хочется... и только...

А много лѣтъ спустя, когда жить не такъ ужъ хочется— отъ этихъ неясныхъ думъ и чувствъ на зарѣ—остается ароматъ воспоминанія.

Несторъ Котляревскій.

УСПОКОЕНІЕ.

Не знаю: слабость это или счастье.
Но, охладѣвъ къ былому мятежу,
Люблю тепло въ осеннее ненастье
И очагомъ домашнимъ дорожу.

Минувшихъ бурь случайное вліянье
Разсѣяно, какъ облако звѣздой,
И нѣтъ милѣй любимаго сіянья
Веселыхъ глазъ подруги молодой.

Она проста, скромна, трудолюбива,
Она добра и ласкова ко мнѣ.
И въ маломъ домѣ его сердце живо,
Ея любовь—въ трудѣ и тишинѣ.

Коля дрова и ведра подымая,
Дыша отрадой жизни трудовой—
Въ осенній день нашелъ я прелесть мая
Въ ея любви и ясности живой.

Яковъ Годинъ.

ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНІЕ СУДЕБЪ РУССКАГО ПРОШЛАГО МЫСЛИТЕЛЯМИ И ПИСАТЕЛЯМИ 30-ХЪ И 40-ХЪ ГОДОВЪ.

На чемъ, если не на пониманіи законовъ природы и общественности, отразилось вліяніе тѣхъ хотя бы далеко не систематическихъ чтеній нѣмецкихъ философовъ и мистиковъ, какому предавались люди 30-хъ и 40-хъ годовъ? Я вынесъ то впечатлѣніе, что центральнымъ вопросомъ для нихъ было выясненіе судебъ Россіи и заодно съ нею славянства во всемірной исторіи, на которую нѣмецкіе философы смотрѣли какъ на раскрытіе мірового духа. Вопросъ, естественно, ставился самъ собою всѣмъ нашимъ прошлымъ и, прежде всего, тѣмъ переломомъ, какой произвела въ немъ петровская реформа. Онъ могъ волновать читателей Шеллинга и Гегеля еще по той причинѣ, что нѣмецкая философія, особенно въ томъ направленіи, какое дано было ей Гегелемъ, какъ бы заканчивала проявленіе мірового духа германскимъ міромъ и совершенно не принимала въ разсчетъ факты славянской и русской жизни. И вотъ мы видимъ, что рядъ выдающихся людей разныхъ лагерей и направленій ставитъ себѣ все одинъ и тотъ же вопросъ: каково наше мѣсто въ исторіи? Призваны ли мы идти только въ хвостѣ у Европы, только довольствоваться воспріятіемъ выработанной ею культуры, или мы сами призваны занять опредѣленное мѣсто въ міровой исторіи, двинуть далѣе человѣчество и въ какомъ именно направленіи? Это вопросъ, который, прежде чѣмъ раздѣлить западниковъ и славянофиловъ, сказался очень остро въ отношеніяхъ большинства русскихъ православныхъ людей и тѣхъ немногихъ изъ ихъ среды, которые чувствовали влеченіе къ католицизму. На одной сторонѣ оказались братья Кирѣевскіе, Одоевскій, Шевыревъ и Краевскій, на другой—Чаадаевъ и Пе-

черинъ. Бросимъ бѣглый взглядъ на эти два различныхъ теченія русской философствующей мысли въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Мы найдемъ въ нихъ одновременно отраженіе нѣмецкихъ философскихъ и религіозно-мистическихъ идей, съ одной стороны, и, съ другой,—зародышъ того разномыслія, которое скажется въ противоположеніи «славянофильства» и «западничества».

Профессоръ Венгеровъ въ своей «Эпохѣ Бѣлинскаго» обособляетъ рѣзко три теченія въ русской литературно-общественной мысли: теченіе, представленное оффиціальнымъ народничествомъ, программу котораго министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ опредѣлилъ тремя принципами: «самодержавіе, православіе и народность», то теченіе, которое извѣстно подъ названіемъ славянофильства, и, наконецъ, то, которое извѣстно подъ названіемъ западничества. «Славянофилы», пишетъ Венгеровъ, «выдѣлились въ 40-хъ годахъ и выставили на своемъ знамени ту же формулу, во имя которой дѣйствовала партія оффиціальной народности: самодержавіе, православіе и народность; но въ пониманіи этой формулы славянофилы настолько разошлись не только съ Булгаринымъ, Гречемъ, но и съ Шевыревымъ и Погодинымъ, что смѣшивать обѣ партіи прямо оскорбительно для идеально высокаго настроенія, изъ котораго вытекло славянофильство»[1]). Въ настоящую минуту мы выдвигаемъ не нравственный критерій для обособленія отдѣльныхъ группъ. Насъ интересуетъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ люди, ставшіе родоначальниками славянофильства, отлично отъ столповъ партіи оффиціальной народности, понимали русское прошлое, настоящее и будущее. И на этотъ вопросъ мы должны отвѣтить, что никакихъ существенныхъ различій мы отмѣтить не можемъ. Если эти различія появились впослѣдствіи, то они чужды были начинателямъ. Между точками зрѣнія Шевырева и Одоевскаго, Краевскаго и И. Кирѣевскаго на указанный вопросъ провести существенныхъ различій мудрено. Предоставимъ судить объ этомъ самому читателю. Шевыревъ былъ въ числѣ первыхъ, озабоченныхъ мыслью опредѣлить то положеніе, какое Россія призвана занять въ міровой исторіи. Ему предшествовалъ въ этомъ отношеніи развѣ Титовъ, который еще въ 1836 году въ упомянутомъ уже письмѣ къ Одоевскому противополагаетъ Европу и Востокъ, признаетъ одряхленіе Запада и не прочь думать, что Россія призвана спасти Европу отъ этого одряхленія. Въ формѣ письма онъ, разумѣется, не въ состояніи дать своей мысли детальное

---

[1]) „Эпоха Бѣлинскаго", стр. 27 и 28.

развитіе. Но она высказана уже съ большой опредѣленностью и яркостью. «Ты, можетъ быть, не повѣришь»,—пишетъ онъ Одоевскому,—«когда скажу, что, взглянувъ на Италію и Германію, я сталъ болѣе туркомъ и азіатцемъ, нежели когда-нибудь. Скажу болѣе, только теперь я сталъ практически понимать мысль, любимую нами съ дѣтства, мысль, что Россія должна служить звеномъ Востока съ Западомъ... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Востокъ былъ еще Востокомъ, онъ имѣлъ передъ Европой три важныхъ преимущества: силу религіозныхъ убѣжденій, патріархальную простоту гражданскаго устройства и плодъ той и другой—кефъ (кейфъ), слово, которое у насъ непереводимо и соединяетъ въ себѣ все, что беззаботность и самодовольство имѣютъ плѣнительнаго. Овосточиться значило для Россіи вернуться къ самобытности. Реформы Петра Великаго имѣли свой историческій смыслъ, но пора намъ возвращаться постепенно къ самимъ себѣ и къ Востоку». «Западъ также», по мнѣнію Титова, «сознаетъ необходимость выйти на новый путь, но ему мѣшаютъ сдѣлать это тяжелые кандалы, которыми для него служатъ католицизмъ и феодальность. Отъ католицизма произошло протестантство—недоносокъ, полурелигія, отъ феодализма—представительный строй». Титовъ относится къ обоимъ отрицательно; онъ не вѣритъ, въ частности, въ реформу католицизма. Европейскія понятія, по его утвержденію, не полны, холодны, шатки. Европейское общественное устройство основано на взаимномъ недовѣріи гражданъ между собою и правительствомъ... Россія счастлива тѣмъ, что у нея нѣтъ ни протестантизма, ни феодальности... Наша церковь построена просто, патріархально; она не имѣетъ на душѣ своей такихъ грѣховъ, какъ римская, отношенія наши къ правительству суть отношенія семейныя, дѣтей къ главѣ семейства; между ними не нужно письменныхъ договоровъ, и власть не принуждена ни бороться, ни торговаться съ партіями и цехами. Слѣдственно, дай Богъ, чтобы это такъ и осталось. Россіи безполезны радикальныя реформы, которыя Европа ищетъ въ потѣ лица. Для частныхъ улучшеній дорога не закрыта, но главной ихъ цѣлью должно быть водвореніе простоты въ гражданскомъ и кейфа въ духовномъ отношеніи. Кейфъ предполагаетъ глубокія основныя убѣжденія. Задача, намъ предстоящая, стало быть, сводится къ тремъ условіямъ: воскресить религіозную вѣру, упростить гражданскія отношенія и научить людей хотѣть быть самодовольными» [1]).

И все это пишетъ Титовъ человѣку, близко стоявшему къ

---

[1]) Сакулинъ, стр. 336—338.

движенію декабристовъ и, вѣроятно, раздѣлявшему одно время ихъ заданія. Пишетъ онъ это на разстояніи не многимъ болѣе десяти лѣтъ со времени декабрьскаго переворота и, какъ мы вскорѣ увидимъ, не только не вызываетъ протеста въ своемъ корреспондентѣ, но встрѣчается съ нимъ во многихъ основныхъ посылкахъ. Недалеко отъ Титова стоитъ и Шевыревъ.

Въ своемъ «Взглядѣ русскаго на современное образованіе Европы» («Москвитянинъ», 1841 годъ), Шевыревъ, дѣлая исключенія для Англіи и Италіи, объявляетъ двѣ важнѣйшія страны континента—Францію и Германію—состоящими подъ гнетомъ двухъ переломныхъ болѣзней: революціи и реформаціи. «Болѣзнь,—прибавляетъ онъ,—одна и та же, только въ двухъ разныхъ видахъ. Во Франціи царитъ», по мнѣнію Шевырева, «развратъ личной свободы, который всему государству угрожаетъ совершенной дезорганизаціей. Ея религія, искусство, наука и литература находятся въ совершенномъ упадкѣ, и даже развитіе ея промышленности стѣсняется годъ отъ году болѣе своеволіемъ низшихъ классовъ народа. Что касается до Германіи, то ей недостаетъ религіознаго единства. Реформація расколола ее на двѣ части; до сихъ поръ въ ней идетъ ожесточенная борьба между протестантизмомъ и католицизмомъ и нѣтъ надежды на ихъ примиреніе. Эта коллизія порождаетъ будто бы безсиліе искусства, изящной литературы и философіи. Старая европейская цивилизація погибаетъ, но у нея есть наслѣдники, и Шевыревъ приводитъ слова французскаго писателя Филарета Шаля: «развѣ нѣтъ странъ свѣжихъ, юныхъ, которыя примутъ и уже пріемлютъ наше наслѣдство, какъ нѣкогда отцы наши приняли наслѣдіе Рима». Шаль указываетъ, въ частности, на Соединенные Штаты Америки и на Россію. Смыслъ современной исторіи, по мнѣнію Шевырева, содержится въ словахъ: «Западъ и Россія». «Онѣ стоятъ другъ передъ другомъ лицомъ къ лицу; увлечетъ ли онъ насъ въ своемъ всемірномъ стремленіи, усвоитъ ли себѣ, пойдемъ ли мы въ придачу къ его образованію, составимъ ли какое-то дополненіе къ его исторіи, или устоимъ мы въ своей самобытности, образуемъ міръ особый, по началамъ своимъ, а не тѣмъ же европейскимъ..., вынесемъ изъ Европы шестую часть міра,.. зерно будущаго развитія человѣчества. Россія можетъ сдѣлаться орудіемъ Провидѣнія. Мы сильны тѣмъ, что сохранили въ себѣ три коренныя чувства, въ которыхъ сѣмя и залогъ нашему будущему развитію; именно: древнее чувство религіозное, чувство государственнаго единства (подъ которымъ Шевыревъ разумѣетъ гармонію политическаго быта и нравствен-

ную связь между царемъ и народомъ) и, наконецъ, сознаніе нашей народности. Провидѣніе», разсуждаетъ Шевыревъ, «посылаетъ въ лицѣ иныхъ народовъ силу хранящую и соблюдающую, да будетъ же такою силою Россія въ отношеніи къ Западу, да сохранитъ она на благо всему человѣчеству сокровища его великаго протекшаго и да отринемъ благородно все то, что служитъ къ разрушенію, а не къ созиданію; да найдетъ она въ себѣ и въ своей жизни источникъ своенародный, въ который все чужое, но человѣчески прекрасное сольется съ русскимъ духомъ, духомъ обширнымъ, вселенскимъ, христіанскимъ, духомъ всеобъемлющій терпимости и всемірнаго общенія [1]).

Поворотъ къ Европѣ начался у насъ съ Петра Великаго; немудрено поэтому, если вопросъ о томъ, чѣмъ быть Россіи— простымъ продолженіемъ Запада или нѣтъ, проводится русскими писателями въ связи съ петровскими реформами.

Въ томъ же 1841 году въ «Москвитянинѣ» его редакторъ Погодинъ въ этюдѣ, озаглавленномъ «Петръ Великій», признавая историческую необходимость за преобразованіями Петра, вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что съ кончиной Александра I завершился европейскій періодъ русской исторіи и начался періодъ національный, которому на высшей ступени его развитія быть можетъ принадлежитъ слава сдѣлаться періодомъ въ общей исторіи человѣчества. Это произойдетъ вслѣдствіе сліянія началъ образованности западной и восточной. Оба эти образованія, отдѣльно взятыя, односторонни и неполны. Они должны соединиться между собой, пополняться одно другимъ и произвести новое полное образованіе западно-восточное, европейски-русское. Погодинъ и видитъ значеніе Петра въ томъ, что онъ положилъ начало соединенію этихъ двухъ культуръ и сдѣлался тѣмъ самымъ начинателемъ новой исторіи человѣчества. «Моему отечеству», пишетъ Погодинъ, «суждено явить міру плоды этого вожделѣннаго вселенскаго просвѣщенія и освятить западную пытливость восточной вѣрой» [2]).

Не расходится съ пониманіемъ взаимоотношенія Запада и Россіи, какъ оно выражено Шевыревымъ и Погодинымъ, и то, что Иванъ Кирѣевскій пишетъ на ту же тему въ 1839 году (полное собраніе сочиненій И. Кирѣевскаго, томъ I, стр. 142, 144 и 162). «Старая европейская образованность», говоритъ онъ, «какъ основанная на личной самобытности, разумѣется,

---

[1]) Всѣ цитаты сдѣланы на основаніи книги Сакулина, стр. 357, 363, 364.

[2]) Цитаты заимствованы у Сакулина, стр. 355.

оказывается уже неудовлетворительной для высшихъ требованій просвѣщенія и нуждается въ новомъ началѣ. Это начало хранитъ въ себѣ племя, доселѣ не имѣвшее всемірно-историческаго значенія. Въ наши дни всѣ вопросы міровой исторіи», продолжаетъ онъ, «сливаются въ одинъ существенный, живой, великій вопросъ объ отношеніи Запада къ тому незамѣченному до сихъ поръ началу жизни, мышленія и образованности, которое лежитъ въ основаніи міра православно-славянскаго». Кирѣевскій ни мало не отворачивается отъ западной науки: «она должна служить», по его мнѣнію, «питаніемъ для новой жизни. Любовь къ образованности европейской, равно какъ любовь къ нашей, совпадаетъ въ послѣдней точкѣ своего развитія въ одну любовь, въ одно стремленіе къ живому, полному всечеловѣчному и истинно-христіанскому просвѣщенію».

Всего опредѣленнѣе общее всѣмъ только-что упомянутымъ писателямъ выступаетъ въ разсужденіяхъ человѣка, котораго нельзя никакъ считать представителемъ ни оффиціальной народности, ни славянофильства; я разумѣю Краевскаго. Его статья «Мысли о Россіи» появилась раньше статей Шевырева, Погодина или Кирѣевскаго; она напечатана въ литературныхъ прибавленіяхъ къ «Русскому Инваліду» за 1837 годъ. «Никогда», пишетъ онъ, «не говорили и не писали такъ много и такъ основательно о народности и руссизмѣ, о необходимости отвыкнуть отъ привычки къ подражанію и стряхнуть иго чужеземныхъ, не свойственныхъ намъ обычаевъ и идей, какъ въ настоящее время». Констатировавъ этотъ фактъ, Краевскій считаетъ нужнымъ самъ высказаться по вопросу: «должны ли мы быть европейцами въ настоящемъ смыслѣ этого слова, чтобы быть народомъ истинно-образованнымъ; можемъ ли мы быть ими и въ какомъ отношеніи наша народность находится къ тому особенному характеру Запада, который называютъ европеизмомъ». Краевскій, приведя мнѣнія поклонниковъ европеизма, въ частности взгляды Чаадаева, соглашается, что мы не европейцы. Противъ этого спорить невозможно. Все это правда, но правда утѣшительная. «Неисповѣдимыми путями Благое Провидѣніе», пишетъ Краевскій, «вело русскій народъ къ возвышеннымъ цѣлямъ, вдалекѣ отъ тѣхъ бурь и треволненій, которыя облили кровью всю Европу и создали ея нынѣшнюю физіономію. Россія шла все время своимъ путемъ, русскій народъ обнаруживалъ неизмѣнно преданность вѣрѣ православной, власти, кротость и смиреніе. «Наконецъ явился Великій Петръ, взоромъ генія проникъ онъ въ душу своего народа, постигъ всестороннія даро-

ванія русскаго человѣка и, узнавъ Европу, не могъ снести, чтобы этотъ народъ, отъ самой природы одаренный великими способностями и, слѣдовательно, предназначенный къ высокому поприщу, оставался еще долгое время вдали отъ европейскаго образованія и не занялъ приличное ему мѣсто въ семействѣ народовъ Западной Европы. Совершая свое великое дѣло реформы, преобразователь не коснулся ни одного изъ коренныхъ основаній русской жизни. Россія осталась при своей неповрежденной религіи, удержала въ полной мѣрѣ формы своего прежняго, освященнаго вѣками, быта общественнаго, сохранила свой языкъ и нравы». По этому случаю Краевскій говоритъ, «объ удобовоспріемлемости русскаго народа, соединенной съ совершенной безподражательностью. Мы знаемъ чужое», «а живемъ по-своему». Краевскій отрицаетъ самую возможность въ одно или два столѣтія усвоить себѣ то, что развилось въ продолженіе десятковъ вѣковъ. «Мы рождены отъ другого, нежели европейскіе народы, племени, воспитаны подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ, проводили жизнь уединенно, не имѣвшую ничего общаго съ Европой; не можемъ сдѣлаться европейцами; если же не можемъ, то и не должны стараться быть европейцами, ибо долгъ имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ есть возможность его исполненія; мы не европейцы, но мы и не азіатцы, мы русскіе, обитатели шестой части свѣта, называемой Россіей. Могущество силъ, удѣленныхъ намъ Провидѣніемъ, такъ огромно, что его бы хватило не только на собственное наше усовершенствованіе, но и на то, чтобы внести въ человѣчество цѣлый міръ новыхъ идей, созданныхъ изъ ея собственныхъ элементовъ... Нужно отбросить всякое стремленіе къ подражательности. Разумѣется, прибавляетъ Краевскій, «на землѣ одна истина, одно добро, одна красота, но каждый народъ идетъ своимъ путемъ къ той высотѣ, на которой предстоятъ намъ эти свѣтозарныя идеи. Высшій законъ человѣчества въ томъ и состоитъ, чтобы всякій народъ развивалъ ту идею, для которой способенъ по своему характеру, условливаемому мѣстностью и исторіей его, и чтобы приносилъ плоды изолированной своей дѣятельности въ общую сокровищницу человѣческаго образованія». Краевскій доказываетъ далѣе, что Европа находится въ упадкѣ. «За послѣднія 25-ть лѣтъ», пишетъ онъ, въ Европѣ не явилось ни одной великой, плодотворной идеи; даже недавняя попытка соединить философію съ христіанствомъ похожа болѣе на замысловатую игру ума, нежели на дѣло, а между тѣмъ это соединеніе единственно спасительное для науки. Сама Европа»,

продолжаетъ Краевскій, «глубоко чувствуетъ свое безсиліе; лучшіе умы ея ожидаютъ такого же огромнаго переворота во всемъ образованномъ мірѣ, какой совершился при одряхленіи древняго міра. Нѣкоторые вспоминаютъ слова Вольтера, утверждавшаго, что свѣтъ исходитъ отъ Сѣвера».

Каково же въ виду этого паденія Европы и ея культуры должно быть положеніе Россіи? Краевскій отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующими словами: «мужая постепенно, переполняясь жизнью странной, своеродной, собственными ея стихіями созданной, Россія непремѣнно, такъ сказать, по органической связи всѣхъ живыхъ существъ, должна будетъ дѣлиться этой жизнью съ Западомъ, который нечувствительно самъ будетъ принимать чуждые ему доселѣ элементы и, скажемъ прямо, обновляться ими. Вотъ то высокое назначеніе, къ которому предопредѣлило Россію Провидѣніе. Замедляя въ ней такъ называемое образованіе, удерживая ее вдали отъ вѣчно движущейся Европы и сохраняя въ ней, какъ въ нѣкогда избранномъ народѣ израильскомъ, сѣмена живой вѣры и дѣвственность юношескаго сердца, дабы вышла она наконецъ изъ своей неизвѣстности для обновленія и наученія языковъ» [1]).

Соредакторъ Краевскаго по изданію Литературныхъ прибавленій къ «Русскому Инвалиду», Одоевскій, проповѣдываетъ тѣ же мысли. И онъ смотритъ съ грустью на упадокъ Европы. «Меркантильныя заботы царятъ повсюду, вытѣсняя искусство, убивая поэзію; наше ухо загрубѣло отъ стука паровой машины; на пальцахъ мозоли отъ ассигнацій, акцій и прочей подобной бумаги; говорить нынѣ о наслажденіяхъ искусства то же, что разсказывать о запахѣ лишенному обонянія. Уничтоженіе чувства изящнаго имѣетъ свои причины. Сначала мы убили въ себѣ чувство религіозное, потомъ философы, въ родѣ Бентама, доказали намъ, что все безполезное вредно; мы назвали эту пользу именами—промышленность, обогащеніе, дѣло; желудочные интересы взяли верхъ надъ всѣми остальными; это зло чувствуется на Западѣ, но сильнѣе всего во Франціи и въ Англіи. Франція болѣе другихъ распространила стремленіе къ демократической нивеллировкѣ. Революція выдвинула кровожаднаго Робеспьера и Наполеона». Франція находится въ безпрестанномъ нервическомъ припадкѣ. Въ вѣкъ Шатобріана и Бальзака, Виктора Гюго и Жоржъ-Зандъ, Одоевскій рѣшается утверждать, что духовная жизнь Франціи характеризуется совершеннымъ отсутствіемъ поэзіи и разладомъ

---

[1]) Цитаты заимствованы у Сакулина, стр. 596 до 601.

религіи съ наукой. «Растлѣвающій духъ меркантилизма проникъ во Францію. Французы разрушаютъ старинное зданіе, чтобы обратить его въ фабрику. Нынѣшняя Франція», говоритъ Одоевскій, «дряхлѣетъ и клонится къ упадку. Въ англичанахъ—коммерческое отвращеніе ко всему поэтическому въ жизни. Англійскій фабрикантъ заставляетъ ребенка работать двадцать часовъ въ сутки для своей наживы. Англію убилъ Адамъ Смитъ своимъ раздѣленіемъ работы» [1]). Въ особой статьѣ, озаглавленой «Англоманія», тотъ же Одоевскій протестуетъ противъ пристрастія къ англійскому складу жизни и англійской литературѣ, англійской философіи и англійской исторіи въ русскомъ обществѣ. Его возмущаетъ не только то, что англійскій философъ не знаетъ и не хочетъ знать, чего онъ не могъ изучать (?); но и то, что, какъ показываетъ Бентамъ, онъ не въ состояніи связать своихъ мыслей (?). Одоевскій возмущается также тѣмъ, что философъ Пале, написавшій книгу о бытіи Бога, сомнѣвается въ ней въ существованіи души. Но всего болѣе онъ возстаетъ противъ «чудовищныхъ, безсмысленныхъ», какъ онъ выражается, теорій Мальтуса. Успѣхи своей промышленности англичане, по его мнѣнію, купили цѣною человѣческаго достоинства. Ни у одного англійскаго ученаго не оказалось такой творческой мысли, какъ у Гете или Окена. «Что донынѣ спасало Англію отъ конечнаго разрушенія», пишетъ Одоевскій, «это поэзія, которая въ лицѣ Байрона была вѣчно упрекомъ англійской бухгалтеріи. Спасали Англію ея высшіе классы, счастливою судьбою отдаленные отъ тины народной».

Неудовлетворяютъ Одоевскаго и американцы. «Достигнувъ величайшаго общественнаго и частнаго богатства, они до сихъ поръ не знаютъ другого наслажденія, кромѣ денегъ». Сакулинъ такимъ образомъ резюмируетъ взгляды Одоевскаго на важнѣйшія государства Запада: Франція—политическій вулканъ, Англія—сплошная торговая контора, Америка—страна рабства и меркантилизма. Самый основной грѣхъ Запада—матеріализмъ. Тяжелая участь ожидаетъ его, если онъ не пойметъ своего критическаго положенія и не обновитъ себя общеніемъ съ другимъ свѣжимъ народомъ, подъ которымъ Одоевскій разумѣетъ Россію. «Россія сильна своимъ политическимъ и соціальнымъ строемъ, особенностями своей народной психологіи и общимъ направленіемъ духовной жизни. Одоевскій» пишетъ Сакулинъ, «убѣжденный сторон-

---

[1]) Эти мысли Одоевскій развиваетъ въ „Психологическихъ замѣткахъ“ Цитаты сдѣланы Сакулинымъ, стр. 575—577.

никъ монархизма; западный демократизмъ не прельщаетъ его. Обладая одинаково физической и нравственной силой, русское правительство не боится» утверждаетъ Одоевскій, «выборнаго» начала. Оно предоставляетъ мѣстному населенію выбирать себѣ чиновниковъ (очевидно право дворянскихъ собраній), выбирать изъ своей среды не одного только предводителя дворянства, но и нѣкоторыхъ судей и администраторовъ». Одоевскій хвалитъ правительство Николая Павловича за то, что тѣмъ самымъ оно сохраняетъ свой престижъ въ народѣ. Ропотъ населенія обрушивается только на избранныхъ чиновниковъ; «завѣса же таинтвенной правительственной власти не снимается, правительство остается на недосягаемой высотѣ, какъ прибѣжище угнетенныхъ, что-то священное, дѣйствующее, какъ высшая сила».

Бывшій пріятель декабристовъ недалекъ отъ тѣхъ мыслей, которыя заставляли Николая Павловича говорить о жандармахъ, какъ о призванныхъ утирать слезы народныя.

«И соціальный вопросъ въ Россіи», полагаетъ Одоевскій, «не имѣетъ такой остроты, что на Западѣ». Само крѣпостное право не возмущаетъ его. Въ одной замѣткѣ, относящейся къ 1840 году, Одоевскій разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Званіе помѣщика есть служба государственная; право, предоставленное имъ, право огромное и благодѣтельное». Къ числу фантастическихъ мыслей Одоевскаго нельзя не отнести и его предложенія подвергать всякаго, имѣющаго по наслѣдству притязанія на власть помѣщика, предварительному испытанію въ ученомъ и нравственномъ отношеніи [1]).

Одоевскій, какъ мы сказали, ставилъ высоко нравственныя качества русскаго народа. Онъ особенно цѣнитъ нашу способность къ усвоенію чужого, обезвреживая въ то же время то, что́ въ этомъ чужомъ заключаетъ въ себѣ ядовитыя начала. Подтвержденіе этому онъ видитъ въ томъ, что, усваивая воззрѣнія французскихъ философовъ XVIII вѣка: Вольтера, Дидро, Жанъ-Жака Руссо, мы въ то же время оцѣнили по достоинству ихъ заблужденія, осмѣяли ихъ систематическую филантропію, ихъ ребяческій политическій планъ. Екатерина Великая сумѣла примѣнить многія мысли, исходившія изъ Франціи, отбросивъ то, что́ было въ нихъ опаснаго. Въ великой лабораторіи Великой Екатерины переплавлена была эта европейская руда. Мнѣнія, повидимому столь противныя духу русскому, въ другихъ странахъ имѣвшія разрушительное дѣйствіе, могли превратиться въ учрежденія русскія, вполнѣ соотвѣт-

1] Сакулинъ, стр. 534—539.

ствующія началамъ религіознымъ и монархическимъ, донынѣ цвѣтущія полной жизнью и разлившія благо на всѣ состоянія государства. Въ Россіи многое худо, но все вмѣстѣ хорошо; пишетъ Одоевскій; «въ Европѣ многое хорошо, а все вмѣстѣ дурно».

«Въ жизни народа прививка и пересадка имѣютъ то же благотворное вліяніе, что и въ жизни растенія. Древнее просвѣщеніе Востока возвысилось въ Греціи, изъ Греціи перешло къ новымъ народамъ, освѣживъ и развивъ ихъ силу. Мы приняли въ себя европейское просвѣщеніе, переработали его сообразно своему духу; обрусѣвшая Европа должна, какъ новая стихія, оживить старую одряхлѣвшую Европу. Есть вѣрные признаки невольнаго стремленія Запада къ Сѣверо-Востоку. Онъ ищетъ приближенія къ нашей цѣли; кромѣ Шеллинга, такое стремленіе замѣтно у Бадера; онъ прямо выговорилъ эту мысль, пишетъ Одоевскій. Европейцы опасаются матеріальнаго завоеванія Россіей, но не о такомъ завоеваніи мечтаетъ Одоевскій. «Будетъ», пишетъ онъ, «русское завоеваніе Европы, но духовное, ибо одинъ русскій умъ можетъ соединить хаосъ европейской учености, можетъ отрясти прахъ всѣхъ возможныхъ авторитетовъ, которые донынѣ держитъ европейскую ученость въ пеленкахъ— но для этого нужно превзойти всѣхъ авторитетовъ [1]).

Одоевскій собирался напечатать свое разсужденіе въ «Введеніи къ Русскому Сборнику», задуманному имъ въ 1836 году; но этотъ сборникъ не былъ разрѣшенъ цензурой.

Полагаю, что изъ сопоставленія взглядовъ, высказанныхъ, во второй половинѣ 30-хъ годовъ, только-что перечисленными мною писателями, легко вывести то заключеніе, которое въ письмѣ къ графу Сиркуру сжато передаетъ противникъ только-что изложенныхъ идей—Чаадаевъ.

Въ шутливомъ тонѣ Чаадаевъ говоритъ Сиркуру: «Не далекъ тотъ день, когда мы займемъ мѣсто въ ряду народовъ-цивилизаторовъ. Вы, которые видѣли насъ собственными глазами, вы, конечно, знаете, какіе у насъ на то имѣются титулы. Если бы вы тѣмъ не менѣе случайно недоумѣвали на этотъ счетъ, вамъ бы пришлось только набрать справки у той молодой русской школы, чести нашего отечества, которой вы могли оцѣнить широкій полетъ и великое значеніе. Ручаюсь вамъ, что она поставила въ ваше распоряженіе обширный каталогъ. Вы видите, что я становлюсь «славянофиломъ», какъ сказала бы

---

[1]) Сакулинъ нашелъ всѣ эти неизданныя разсужденія среди бумагъ кн. Одоевскаго, смотри стр. 584—595.

госпожа Сюркуръ. Что дѣлать, какъ избѣжать этой всеобщей заразы, которая дѣйствуетъ съ тѣмъ большею силой, что представляетъ совершенно новое патологическое явленіе въ нашемъ климатѣ». Чаадаевъ говоритъ затѣмъ объ успѣхѣ, какой имѣетъ своимъ курсомъ по исторіи русской литературы молодой профессоръ, имъ не названный, но въ которомъ немудрено отгадать Шевырева. «Вы не можете себѣ представить, сколько неожиданныхъ и восхищающихъ насъ выводовъ дѣлаетъ онъ изъ небольшого числа литературныхъ источниковъ, разсѣянныхъ по необозримымъ степямъ нашего прошлаго, сколько онъ открываетъ въ немъ сокрытыхъ силъ. Противополагая этому благородному прошлому ничтожное прошлое католической Европы, онъ стыдитъ ее съ жаромъ и строгостью невѣроятною. И не думайте, что это новое ученіе встрѣчаетъ у насъ только слабыя симпатіи, наоборотъ, это шумный успѣхъ. Удивительное дѣло, послѣдователи и противники одинаково привѣтствуютъ его. Послѣдніе, быть можетъ, больше первыхъ... Не буду пораженъ тѣмъ, если профессоръ докажетъ съ очевидностью превосходство нашей цивилизаціи надъ вашей, положеніе, къ которому сводится вся его программа». Чаадаевъ шутя предлагаетъ перевести этотъ курсъ при его появленіи въ печати на французскій языкъ. «Онъ, пожалуй, произведетъ большое впечатлѣніе въ вашихъ широтахъ и обратитъ доброе число людей на правый путь въ этой старой Европѣ, утомленной безплодной рутиной и которая, я въ томъ увѣренъ, не знаетъ, что у нея подъ рукой имѣется цѣлый невѣдомый ей міръ, богатый тѣми элементами прогресса, которые ей недостаютъ, и заключающій въ себѣ рѣшеніе всѣхъ задачъ, ее занимающихъ и которыхъ рѣшить сама она не можетъ».

Въ томъ же шутливомъ тонѣ Чаадаевъ продолжаетъ: «Что въ сущности представляетъ европейское общество? Хаотическое сочетаніе множества противорѣчивыхъ элементовъ, амальгаму всѣхъ культуръ міра, продуктъ насилія, завоеванія и узурпаціи; мы же наоборотъ, мы прямой логическій результатъ одного верховнаго принципа, принципа религіознаго, принципа любви. Единственный элементъ, чуждый христіанству, который вошелъ въ постройку нашего соціальнаго зданія, это элементъ славянскій. Вы знаете, въ какой мѣрѣ онъ эластиченъ и гибокъ. Въ виду этого всѣ вожаки происходящаго у насъ литературнаго движенія, каково бы ни было ихъ разномысліе по другимъ вопросамъ, сходятся въ томъ, что истинный народъ Божій въ новое время никто другой, какъ мы. Такая точка зрѣнія не лишена нѣкотораго сходства съ той, которой придерживался израильскій на-

родъ; но вы не откажете ей въ исключительной глубинѣ, разъ вы примете во вниманіе ту великолѣпную роль, какую играла церковь, и толпу нашихъ коронованныхъ предковъ, возведенныхъ ею въ ликъ святыхъ. Одинъ изъ нашихъ наиболѣе выдающихся умовъ и котораго вы легко узнаете по самому характеру его утвержденія, недавно доказалъ съ могучей своей логикой, что христіанство стало возможнымъ на первыхъ порахъ только въ нашей землѣ, что оно въ ней одной расцвѣтетъ вполнѣ, такъ какъ мы были единственнымъ народомъ, достаточно хорошо организованнымъ, чтобы принять его во всей его чистотѣ... Правда, представляется нѣкоторая трудность согласить эту точку зрѣнія съ тѣмъ принципомъ вселенности христіанства (Чаадаевъ употребляетъ терминъ космичность), какую съ такимъ упорствомъ проводятъ въ другой сферѣ христіанскаго міра; но это капитальное различіе между двумя доктринами и обезпечиваетъ наше превосходство надъ вами. Вмѣсто того, чтобы быть обреченными на вѣчную неподвижность, вмѣсто того, чтобы окаменѣть въ догмѣ, подобно вамъ, наши вѣрованія допускаютъ самыя счастливыя и самыя разнообразныя примѣненія христіанскаго принципа и, въ частности, сочетаніе его съ національнымъ преимуществомъ, которому вы имѣете полное основаніе завидовать. Нашъ дорогой профессоръ сказалъ намъ также на-дняхъ съ высоты своей каѳедры съ глубочайшимъ убѣжденіемъ и громогласно, что мы избранный сосудъ, предназначенный принять и сохранить евангельскую догму во всей ея чистотѣ, дабы передать ее въ положенное время націямъ, менѣе счастливо организованнымъ, чѣмъ мы. Этотъ ходъ въ распространеніи евангельской доктрины—интересное открытіе туземной интиллегенціи,—не замедлитъ, вѣроятно, быть признаннымъ всѣми христіанскими толками; но, пока это послѣдуетъ, вамъ необходимо привыкнуть къ тому, что въ одинъ прекрасный день вы узнаете и слѣдующую новинку: «въ то самое время, когда вы были повергнуты въ тьму средневѣковья, мы гигантскими шагами двигались во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ прогресса, мы владѣли всѣми благами современной цивилизаціи и большинствомъ тѣхъ учрежденій, которыя даже теперь у васъ не выходятъ изъ состоянія утопіи. Нужно ли говорить вамъ, каково было то несчастное событіе, которое остановило насъ въ нашемъ славномъ шествіи въ теченіе ряда вѣковъ. Вы слышали упоминаніе о немъ тысячи разъ въ теченіе вашего пребыванія въ Москвѣ; но я не могу оставить васъ въ неизвѣстности насчетъ моего личнаго мнѣнія на этотъ счетъ. Да, вторженіе идей Запада, идей, отвергаемыхъ всѣмъ нашимъ историческимъ про-

шлымъ, всѣми нашими національными инстинктами, парализовало наши силы, извратило наши прекрасныя тенденціи, исказило нашу добродѣтель, однимъ словомъ, низвело насъ на вашъ уровень или близко къ тому. Необходимо поэтому вернуться вспять, разыскать снова это прошлое, которое вы такъ злостно у насъ похитили, возсоздать его какъ можно лучше и засѣсть въ немъ такъ, чтобы больше не выходить. Такова творческая задача, которая занимаетъ нынѣ наши лучшіе умы... Если мы увидимъ васъ черезъ нѣсколько лѣтъ здѣсь, вамъ откроется возможность восхищаться плодами нашего понятнаго движенія» [1]).

Если Чаадаевъ въ 1845 году такъ осмѣивалъ то новое теченіе, которое, независимо отъ партій, приводило русскихъ людей къ невѣроятному бахвальству и къ совершенному извращенію всего историческаго процесса, то онъ, быть можетъ, недооцѣнивалъ той роли, какую въ утрировкѣ здравыхъ въ концѣ концовъ мыслей о самобытности нашей культуры, нашего историческаго процесса, играла его странная попытка низвести это прошлое къ нулю. Попытка эта нашла выраженіе себѣ въ его «Письмахъ по философіи исторіи», редактированныхъ въ годы отъ 29-го по 31, появившихся въ печати не ранѣе 1838 года и вызвавшихъ подъемъ противъ него не только россійскаго начальства, но и въ гораздо большей степени, какъ онъ это сознаетъ, всего русскаго общества. Содержаніе этихъ писемъ слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы намъ нужно было передавать ихъ здѣсь, хотя бы въ сжатомъ видѣ. Ограничимся только самымъ необходимымъ. Въ первомъ письмѣ мы, между прочимъ, читаемъ: «Одна изъ изумительныхъ сторонъ нашей своеобразной цивилизаціи заключается въ томъ, что мы еще только открываемъ истины, давно уже ставшія избитыми въ другихъ мѣстахъ и даже среди народовъ, во многомъ отставшихъ отъ насъ. Это происходитъ отъ того, что мы никогда не шли бокъ о бокъ съ другими народами. Мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣческаго рода, мы не принадлежимъ ни къ Западу, ни къ Востоку, и у насъ нѣтъ традицій ни того, ни другого. Стоя какъ бы внѣ времени, мы не были затронуты всемірнымъ воспитаніемъ человѣческаго рода. Эта дивная связь человѣческихъ идей на протяженіи вѣковъ, эта исторія человѣческаго духа, вознесшая его до той высоты, на которой онъ стоитъ теперь во всемъ остальномъ мірѣ, не оказала на насъ

---

[1]) Статьи и письма Чаадаева подъ редакціей Гершензона, т. I, стр. 253—257. Переводъ сдѣланъ мною.

никакого вліянія. То, что въ другихъ странахъ уже давно составляетъ самую основу общежитія, для насъ только теорія и умозрѣніе» [1]).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Чаадаевъ объявляетъ, что у насъ не было періода бурной дѣятельности, кипучей игры духовныхъ силъ народа. Вся русская исторія сводится имъ къ слѣдующему: сначала—дикое варварство, потомъ—грубое невѣжество, затѣмъ—свирѣпое и унизительное чужеземное владычество, духъ котораго позднѣе унаслѣдовала наша національная власть. «Такова», пишетъ Чаадаевъ, «печальная исторія нашей юности... Окиньте взглядомъ всѣ прожитые нами вѣка, все занимаемое нами пространство, вы не найдете ни одного привлекательнаго воспоминанія, ни одного почтеннаго памятника, который властно говорилъ бы замъ о прошломъ, который возсоздавалъ бы его передъ вами живо и картинно» [2]).

«Да и наше настоящее», полагаетъ Чаадаевъ, «не представляетъ собою ничего привлекательнаго; мы живемъ однимъ настоящимъ, въ самыхъ тѣсныхъ его предѣлахъ, безъ прошедшаго и будущаго, среди мертваго застоя и если мы иногда волнуемся, то отнюдь не въ надеждѣ или въ разсчетѣ на какое-нибудь общее благо, а изъ дѣтскаго легкомыслія, съ какимъ ребенокъ силится встать и протягиваетъ руки къ погремушкѣ, которую показываетъ ему няня». Если вѣрить Чаадаеву, то и «въ нашемъ повседневномъ обиходѣ нѣтъ элементарныхъ идей, которыми мы могли бы руководствоваться въ жизни! Хотите ли знать, что это за идеи, это идеи дѣла, справедливости, права, порядка» [3]). «Нѣтъ у насъ нравственныхъ понятій, нѣтъ у насъ общихъ идей. Въ нашихъ головахъ», пишетъ онъ, «нѣтъ рѣшительно ничего общаго, все въ нихъ индивидуально и все шатко и неполно. Мнѣ кажется даже, что въ нашемъ взглядѣ есть какая-то странная неопредѣленность, что-то холодное и неувѣренное, напоминающее отчасти тѣхъ народовъ, которые стоятъ на низшихъ ступеняхъ соціальной жизни. Нѣтъ у насъ общихъ идей, не имѣется и науки».

«Одинокіе въ мірѣ, мы ничего не дали міру, мы не внесли ни одной идеи въ массу идей человѣческихъ, ничѣмъ не содѣйствовали прогрессу человѣческаго разума и все, что намъ

---

[1]) Смотри томъ I, французскій текстъ, стр. 77, томъ II, русскій текстъ, стр. 104 и 111.

[2]) Ibid., стр. 78 I-го тома и 111 2-го тома.

[3]) Ibid., стр. 80 французскаго текста и 114 русскаго.

досталось отъ этого прогресса, мы исказили» [1]). Такимъ образомъ, если вѣрить Чаадаеву, мы представляемъ собою въ прошломъ и въ настоящемъ, совершенное ничтожество, и все это потому, что Провидѣніе отвернулось отъ насъ. Отвернулось же оно отъ насъ потому, что мы не католики, какими были въ свое время всѣ народы Запада, безъ различія латинскаго и тевтонскаго міра. «Однако, скажете вы, развѣ мы не христіане, и развѣ немыслима иная цивилизація, кромѣ европейской; безъ сомнѣнія, мы христіане, но не христіане ли и абиссинцы». Западный прогрессъ созданъ католичествомъ, которое Чаадаевъ отожествляетъ съ христіанствомъ. «Разверните», пишетъ онъ, «вполнѣ картину эволюціи новаго общества (т.-е. новыхъ народовъ), и вы увидите, какъ христіанство претворяетъ всѣ интересы людей въ свои собственные, замѣняя всюду матеріальную потребность—потребностью нравственной и возбуждая всюду тѣ великіе споры, какихъ до него не знало ни одно время, ни одно общество... Главный и, можно сказать, единственный интересъ новыхъ народовъ всегда заключался въ идеѣ. Религіозныя гоненія, мученичество за вѣру, проповѣдь христіанства, ереси и соборы,—вотъ событія, наполняющія первые вѣка. Все движеніе этой эпохи, не исключая и нашествія варваровъ, связано съ этими первыми младенческими усиліями новаго мышленія. Слѣдующая затѣмъ эпоха занята образованіемъ іерархіи, централизаціей духовной власти и непрерывнымъ распространеніемъ христіанства среди сѣверныхъ народовъ. Далѣе слѣдуетъ высочайшій подъемъ религіознаго чувства и упроченія религіозной власти. Философское и литературное развитіе ума и улучшеніе нравовъ подъ державой религіи довершаютъ эту исторію новыхъ народовъ, которую съ такимъ же правомъ можно назвать священной, какъ и исторію древняго избраннаго народа (израильскаго). Наконецъ, новый религіозный поворотъ, новый размахъ, сообщенный религіей человѣческому духу, опредѣлилъ и теперешній укладъ общества» [2]).

Вотъ къ чему сводится вся исторія новыхъ народовъ, думаетъ Чаадаевъ, для котораго прогрессъ вызванъ исключительно развитіемъ западнаго христіанства. Оно создало всю культуру европейскихъ народовъ, которые шли впередъ рука объ руку... «Вспомните, что въ теченіе пятнадцати столѣтій у нихъ былъ одинъ языкъ для обращенія къ Богу, одна духовная власть и одно убѣжденіе». Всѣ даже политическія революціи были на Западѣ

---

[1]) Стр. 85 французскаго текста и 117 русскаго.

[2]) Русскій текстъ, стр. 122.

въ сущности духовными революціями. Люди искали истину и попутно нашли свободу и благосостояніе. Этимъ объясняется характеръ современнаго общества и его цивилизаціи; иначе, прибавляетъ Чаадаевъ, его совершенно нельзя было понять. Въ христіанскомъ мірѣ все способствуетъ установленію совершеннаго строя на землѣ, новаго строя государства Божьяго... Но неужели вы думаете, что такой порядокъ вещей, который является конечнымъ предназначеніемъ у человѣчества, можетъ быть осуществленъ абиссинскимъ христіанствомъ? Неужели вы думаете, что небо сведутъ на землю эти нелѣпыя уклоненія отъ божескихъ и человѣческихъ истинъ? [1]).

Въ такомъ сопоставленіи только-что сдѣланныя нами выдержки весьма рѣзко и опредѣленно передаютъ основную мысль автора. Прогрессъ—особенность народовъ католическаго міра. У православныхъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ нѣтъ ничего, что бы они могли вспомнить съ удовлетвореніемъ или чѣмъ бы они могли подѣлиться съ народами католической Европы. Православная Россія живетъ одними матеріальными интересами. Въ прошломъ ничего, кромѣ дикости, въ настоящемъ—хаотическое броженіе въ мірѣ «духовномъ, подобное тѣмъ переворотамъ исторіи земли, которые предшествовали», пишетъ Чаадаевъ, «современному состоянію нашей планеты. Мы до сихъ поръ находимся въ этой стадіи... Мы растемъ, но не созрѣваемъ, движемся впередъ, но по кривой линіи, т.-е. по такой, которая не ведетъ къ цѣли; мы подобны тѣмъ дѣтямъ, которыхъ не пріучили мыслить самостоятельно; въ періодъ зрѣлости у нихъ не оказывается ничего своего; все ихъ знаніе—въ ихъ внѣшнемъ бытѣ, вся ихъ душа—внѣ ихъ. Именно таковы мы» [2]).

Мудрено ли, если русское общество, даже въ большей степени, чѣмъ правительство, отнеслось къ такому отрицанію всего нашего прошлаго и настоящаго съ величайшимъ раздраженіемъ, Самъ Чаадаевъ въ позднѣйшемъ письмѣ къ графу С. Г. Строганову признавалъ, что онъ придалъ слишкомъ большую роль католицизму. «Думаю нынѣ», пишетъ онъ, и что онъ не всегда былъ вѣренъ своей миссіи. Я недостаточно оцѣнилъ стоимость элементовъ, которыхъ у насъ недоставало, и думаю теперь, что они много содѣйствовали созданію новаго общества»... Разумѣется, на эти заявленія, сдѣланныя Чаадаевымъ въ 1836 году, можно смотрѣть какъ на отписку, дѣлаемую съ цѣлью оправдать себя въ

---

[1]) Стр. 119 и 120 русскаго текста.

[2]) Ibid стр. 113.

глазахъ начальства. На нихъ позволено смотрѣть, какъ на тѣ показанія, какія даны были Чаадаевымъ въ томъ же ноябрѣ 1836 года устно тому же графу Строганову и, прибавляетъ Чаадаевъ, «господину оберъ-полиціймейстеру» [1]).

Но къ А. И. Тургеневу, съ которымъ Чаадаевъ былъ близокъ и къ которому его письмо было доставлено не по почтѣ, Чаадаевъ могъ писать болѣе откровенно. И въ этомъ письмѣ онъ, говоря о разверзшемся надъ нимъ громѣ, заявляетъ: «Во всемъ этомъ дѣлѣ, которое приняло столь серьезный оборотъ, не было ни одного серьезнаго убѣжденія, кромѣ убѣжденія, высказываемаго самимъ авторомъ, но и это убѣжденіе было философскаго характера до нѣкоторой степени, заржавѣвшее и которое не прочь было уступить мѣсто болѣе новому и болѣе туземному» [2]).

Въ письмѣ къ своему брату Чаадаевъ сообщаетъ, въ чемъ состояли тѣ ужасныя послѣдствія, какія имѣло появленіе его статьи въ журналѣ Надеждина «Телескопъ». «Статья моя», пишетъ онъ, «вышла безъ имени, но тотъ же часъ была мнѣ приписана или, лучше сказать, узнана, и тотъ же часъ начался крикъ. Черезъ двѣ недѣли изданіе журнала прекращено. Журналистъ и цензоръ призваны въ Петербургъ къ отвѣту. У меня по Высочайшему повелѣнію взяты бумаги, а самъ я объявленъ сумасшедшимъ. Пораженіе мое произошло 27-го октября, слѣдовательно, вотъ уже три мѣсяца, какъ я сошелъ съ ума. Нынѣ издатель сосланъ въ Вологду, цензоръ отставленъ отъ должности, а я продолжаю быть сумасшедшимъ. Я долженъ довольствоваться одной прогулкой въ день и видать у себя господъ медиковъ, ex officio меня навѣщающихъ». Своему брату Чаадаевъ попутно говоритъ: «Мнѣніе, выраженное авторомъ шесть лѣтъ тому назадъ, можетъ быть, ему теперь и не принадлежитъ; нынѣшній его образъ мыслей, можетъ быть, совершенно противорѣчитъ прежнимъ его мнѣніямъ, но объ этомъ правительство, повидимому, еще не имѣло времени подумать» [3]). Скажутъ, и не безъ основанія, что Чаадаевъ предвидѣлъ возможность вскрытія своихъ писемъ, а слѣдовательно, писалъ и для начальства. Что Чаадаевъ остался въ душѣ католикомъ, это наглядно выступаетъ изъ всей его послѣдующей переписки. Мнѣ пришлось слышать отъ одного русскаго іезуита, что онъ и на самомъ дѣлѣ вступилъ въ лоно католической церкви. Для характери-

---

[1]) См. т. I, стр. 135 и 137.

[2]) Ibid., стр. 200.

[3]) Стр. 203 и 204.

стики его дѣйствительныхъ убѣжденій очень характерно многое изъ того, что онъ пишетъ старымъ своимъ знакомымъ, въ числѣ другихъ осужденному декабристу Якушкину. Онъ, между прочимъ, говоритъ ему въ своемъ письмѣ отъ 18-го октября 1837 года: «Не знаю, каковы теперь твои религіозныя чувства, но, признаюсь тебѣ, не могу повѣрить, чтобы къ душевному спокойствію ты пришелъ путемъ того оледеняющаго деизма, которое испытывали умы твоей категоріи тогда, когда мы разстались... Всѣ недавнія открытія въ наукѣ служатъ къ поддержкѣ христіанскихъ преданій, подтверждаютъ космогоническую систему Библіи», и Чаадаевъ въ доказательство ссылается на сочиненіе Кювье. Въ новомъ письмѣ къ А. И. Тургеневу Чаадаевъ говоритъ [1]): «Ты по старому обычаю отличаешь ученіе церковное отъ свѣтскаго... Это великое раздѣленіе, которое противоставляетъ науку религіи, вовсе не философское и нѣсколько пахнетъ XVIII столѣтіемъ» [2]).

Обращаясь къ тому же Тургеневу по поводу своихъ писемъ о философіи исторіи, Чаадаевъ говоритъ: «Кто-то (въ дѣйствительности же онъ самъ) сказалъ, что намъ, русскимъ, недостаетъ нѣкоторой послѣдовательности въ умѣ и что мы не владѣемъ силлогизмомъ Запада. Нельзя признать безусловно это рѣзкое сужденіе о нашей умственности, произнесенное умомъ порченнымъ, но и нельзя также его совсѣмъ отвергнуть. Никакого нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что умъ нашъ такъ составленъ, что понятія у насъ не истекаютъ необходимымъ образомъ одно изъ другого, а возникаютъ по одиночкѣ, внезапно и почти не оставляютъ по себѣ слѣда. Мы угадываемъ, а не изучаемъ, мы съ чрезвычайной ловкостью усваиваемъ себѣ всякое чужое изобрѣтеніе, а сами не изобрѣтаемъ. Мы постепенности не знаемъ ни въ чемъ, однимъ словомъ, мы живемъ не продолжительнымъ мышленіемъ, а мгновенной мыслью». Изъ другого письма къ тому же Тургеневу видно, что, оставаясь прежнимъ сторонникомъ общехристіанской культуры Запада, Чаадаевъ начиналъ признавать за русскими нѣкоторыя свойства, которыя бы позволили имъ при систематическомъ усвоеніи западной культуры вступить на поприще безпредѣльнаго усовершенствованія человѣчества, какъ онъ выражается. Это—преимущества психическаго характера, безкорыстныя сердца, простодушныя вѣрованія, что, въ свою очередь, вызвано отсутствіемъ тяжелаго прошлаго и закоснѣлыхъ

---

[1]) Т. 1, стр. 207 и 208.
[2]) Ibid., стр. 209.

предразсудковъ. Повидимому, убѣдившись въ томъ, что «политическое христіанство, какъ онъ выражается, отжило свой вѣкъ и что христіанство ныньче не должно быть чѣмъ инымъ, какъ той высшей идеей, которая заключаетъ въ себѣ всѣ идеи всѣхъ прошедшихъ и будущихъ временъ, а слѣдовательно должно дѣйствовать на гражданственность только посредственно, властью мыслей, а не вещества», Чаадаевъ начинаетъ болѣе положительно оцѣнивать попытки выясненія русскаго прошлаго и, въ частности, признаетъ Карамзина за необыкновеннаго человѣка. «Какъ здраво, какъ толково любитъ онъ свое отечество, какъ простодушно онъ любовался его огромностью и какъ хорошо разумѣлъ, что весь смыслъ Россіи заключается въ этой огромности, а между тѣмъ, какъ и всему чужому, зналъ цѣну и отдавалъ должную справедливость. Гдѣ это нынѣ найдешь?» И мимоходомъ Чаадаевъ клеймитъ тѣхъ современниковъ, которыхъ «одолѣлъ», какъ онъ выражается, «фанатизмъ народности» [1]. Въ письмѣ къ М. С. Орлову онъ раскрываетъ свою задушевнѣйшую мысль, говоря, что наше отечество казалось ему призваннымъ раньше всѣхъ другихъ странъ провозгласить простыя и великія истины, какія содержитъ въ себѣ христіанство. Онъ полагалъ, что «основаніе къ такой надеждѣ даетъ то обстоятельство, что христіанство у насъ избѣжало вліянія на него страстей людскихъ и интересовъ земныхъ». Все это теперь онъ признаетъ химерой.

«Да наступитъ будущее, каково бы оно ни было, сложимъ руки и будемъ ожидать его, склоняя головы передъ святыми иконами по подобію нашихъ благочестивыхъ и мужественныхъ предковъ, этихъ героевъ покорности. Будемъ ждать въ молчаніи и мирѣ душевномъ наступленія этого будущаго, будь оно хорошимъ или дурнымъ». Въ «Апологіи сумасшедшаго», написанной въ 1837 году и представляющей вмѣстѣ съ «Письмами о философіи исторіи» самое крупное изъ литературныхъ произведеній Чаадаева, къ сожалѣнію незаконченное, авторъ, искупившій попытку честнаго выраженія своихъ завѣтныхъ взглядовъ причисленіемъ его къ умалишеннымъ, вѣрно оцѣниваетъ причины поведеннаго противъ него похода. Онъ говоритъ о зловѣщемъ крикѣ, который раздался въ извѣстной части общества при появленіи его статьи. «Правительство только исполнило свой долгъ, можно даже сказать, что въ строгости, примѣняемой къ нему, нѣтъ ничего чудовищнаго, такъ какъ онъ далеко не

[1] Томъ I, стр. 216.

превзошли ожиданій значительнаго круга лицъ». Апологія заключаетъ въ себѣ славословіе Петра. «Высокій умъ этого необыкновеннаго человѣка», пишетъ Чаадаевъ, «безошибочно угадалъ, какова должна быть наша исходная точка на пути цивилизаціи и всемірнаго культурнаго движенія. Онъ увидѣлъ, что, за полнымъ отсутствіемъ у насъ историческаго наслѣдія (la donnée historique; переведено въ русскомъ текстѣ по-моему неудачно словомъ историческія данныя), мы не можемъ утвердить наше будущее на этой слабой основѣ. Онъ понялъ, что, стоя лицомъ къ лицу къ старой европейской цивилизаціи, которая является послѣднимъ выраженіемъ всѣхъ прежнихъ цивилизацій, намъ незачѣмъ задыхаться въ нашей исторіи и незачѣмъ тащиться подобно западнымъ народамъ черезъ хаосъ національныхъ предразсудковъ по узкимъ тропинкамъ мѣстныхъ идей, по изрытымъ колеямъ туземной традиціи... И вотъ онъ освободилъ насъ отъ всѣхъ пережитковъ прошлаго, онъ открылъ умъ нашъ всѣмъ великимъ идеямъ, какія существуютъ среди людей, онъ передалъ намъ Западъ сполна, какимъ его сдѣлали вѣка».

Чаадаевъ высказываетъ соболѣзнованіе, что «въ наши дни плохіе писатели, неумѣлые антикваріи и нѣсколько неудачныхъ поэтовъ, не владѣя ни ученостью нѣмцевъ (впервые открывшихъ нашихъ лѣтописцевъ), ни перомъ знаменитаго историка (Карамзина), самоувѣренно рисуютъ и воскрешаютъ времена и нравы, которыхъ уже у насъ никто не помнитъ и не любитъ. Таковъ итогъ нашихъ трудовъ по національной исторіи. Надо признаться, что изъ всего этого невозможно извлечь серьезное предсказаніе относительно ожидающихъ насъ судебъ. Между тѣмъ въ нихъ теперь всё дѣло».

Чаадаевъ настаиваетъ на необходимости добросовѣстнаго анализа тѣхъ моментовъ, когда жизнь обнаруживалась у народа съ бо́льшею глубиною, когда его соціальный принципъ проявлялся во всей его чистотѣ. Такіе моменты рѣдки въ нашей исторіи, но они все же были. Таковъ былъ, напримѣръ, тотъ, который закончилъ страшную драму междуцарствія, когда народъ, сразивъ врага, свободнымъ порывомъ всѣхъ скрытыхъ силъ своего существа поднялъ на щитъ благородную семью, царствующую теперь надъ нами. Этотъ моментъ онъ называетъ «безпримѣрнымъ», которому нельзя достаточно нацивиться, особенно, если вспомнить пустоту нашей предшествовавшей исторіи. «Я очень далекъ», прибавляетъ Чаадаевъ, «какъ слѣдуетъ изъ сказаннаго отъ приписываемаго мнѣ мнѣнія—вычеркнуть всѣ наши воспоминанія». Говоря о своихъ Письмахъ о философіи

исторіи, Чаадаевъ сознается, что была въ нихъ нѣкоторая нетерпѣливость въ выраженіяхъ, рѣзкость въ мысляхъ, но что чувство, которымъ они проникнуты, не грѣшитъ отсутствіемъ патріотизма. Это глубокое чувство о нашихъ немощахъ, выраженное съ болью, горестью и только... Я не научился», пишетъ онъ, «любить свою родину съ закрытыми глазами, преклоненной головой и запертыми устами... Я люблю мое отечество, какъ Петръ научилъ любить его. Мнѣ чуждъ этотъ блаженный патріотизмъ, этотъ патріотизмъ лѣни, который приспособляется все видѣть въ розовомъ свѣтѣ и носится со своими иллюзіями. Имъ, къ сожалѣнію, страдаютъ теперь у насъ многіе дѣльные умы». Чаадаевъ убѣжденъ въ томъ, что мы пришли послѣ другихъ для того, чтобы дѣлать лучше другихъ. «У меня есть», пишетъ онъ, «глубокое убѣжденіе, что мы призваны рѣшить большую часть проблемъ соціальнаго порядка, завершить большую часть идей, возникшихъ въ старыхъ обществахъ, отвѣтить на важнѣйшіе вопросы, какіе занимаютъ человѣчество». «Исторія не въ нашей власти, но наука намъ принадлежитъ. Мы не въ состояніи продѣлать сызнова всю работу человѣческаго духа, но мы можемъ принять участіе въ его дальнѣйшихъ трудахъ. Прошлое уже намъ не подвластно, но будущее зависитъ отъ насъ». Чаадаевъ готовъ сознаться въ рядѣ преувеличеній, какія сдѣланы были имъ въ его письмахъ по философіи исторіи. «Было преувеличеніе», пишетъ онъ, «въ этомъ обвинительномъ актѣ, предъявленномъ великому народу, вся вина котораго сводится къ тому, что онъ былъ заброшенъ на крайнюю грань всѣхъ цивилизацій міра; было преувеличеніе не признать того, что мы увидѣли свѣтъ на почвѣ, не вспаханной и не оплодотворенной предшествующими поколѣніями, гдѣ ничто не говорило намъ о протекшихъ вѣкахъ, гдѣ не было никакихъ задатковъ новаго міра; было преувеличеніемъ не воздать должнаго этой церкви (православной), столь смиренной и столь героической, которая одна утѣшаетъ за пустоту нашихъ лѣтописей, которой принадлежитъ честь каждаго мужественнаго поступка, каждаго прекраснаго самоотверженія нашихъ отцовъ, каждая прекрасная страница нашей исторіи; наконецъ, можетъ быть, преувеличеніемъ было опечалиться хотя бы на минуту за судьбу народа, изъ нѣдръ котораго вышла могучая натура Петра Великаго, всеобъемлющій умъ Ломоносова и граціозный геній Пушкина».

Если мы спросимъ себя теперь, можно ли во всѣхъ этихъ оговоркахъ видѣть отступленіе отъ ранѣе высказанныхъ Чаадаевымъ мыслей, нашъ отвѣтъ необходимо будетъ отрицательнымъ.

Русское до-петровское прошлое продолжаетъ казаться ему ничтожнымъ; въ немъ не было проявлено почина со стороны русскаго общества. «Просмотрите отъ начала до конца наши лѣтописи», говоритъ онъ, «вы найдете въ нихъ на каждой страницѣ глубокое воздѣйствіе власти, безпрестанное вліяніе почвы и почти никогда не встрѣтите проявленія общественной воли» [1]).

Но что сказать объ общей схемѣ автора Писемъ о философіи исторіи. Ими привыкли восхищаться, а они, право, не заслуживаютъ ни особыхъ нападковъ, ни особыхъ восторговъ. Какъ человѣкъ, проникнутый католическимъ міросозерцаніемъ, Чаадаевъ вслѣдъ за Боссюэтомъ готовъ признать, что все происходившее и происходящее въ мірѣ—дѣло Провидѣнія. Божественная Воля раскрылась всего ярче на судьбахъ избраннаго народа Божьяго, народа Израильскаго, а въ новое время въ исторіи католическаго Запада. Этими избранными народами и занимается разсужденіе Боссюэта. Идя по его слѣдамъ, Чаадаевъ также сосредоточиваетъ свое вниманіе преимущественно на исторіи еврейства и европейскаго средневѣковья. Его отношеніе къ роли древней Греціи въ поступательномъ развитіи человѣчества въ высшей степени характерно для всей его схемы и, къ сожалѣнію, страдаетъ отсутствіемъ научной объективности. Во французскомъ текстѣ, текстѣ первоначальномъ, мы читаемъ (2-е письмо): «Я думаю, что настанетъ день, когда нравственная мысль не останется болѣе на почвѣ Греціи, этой страны обольщенія и иллюзіи, откуда геній обмана такъ долго распространялъ по всей землѣ обманъ и ложь. Могучіе умы (Чаадаевъ прибавляетъ въ примѣчаніи, какъ Шеллингъ и Кузенъ) не дадутъ себя болѣе увлечь чувственными ученіями Платона». Такое же предвзятое отношеніе мы встрѣчаемъ у Чаадаева и къ Сократу, и къ Марку Аврелію, и къ Аристотелю и даже къ Гомеру. «Моисей указалъ людямъ истиннаго Бога», пишетъ Чаадаевъ, «между тѣмъ какъ Сократъ завѣщалъ имъ лишь малодушныя сомнѣнія. Давидъ—совершенный образецъ самаго возвышеннаго героизма, тогда какъ Маркъ Аврелій только любопытный примѣръ искусственнаго величія и тщеславной добродѣтели. Имя Стагирита (Аристотеля) будетъ произносимо не иначе, какъ съ омерзеніемъ; своего рода безчестіе покроетъ, можетъ быть, и великое имя Гомера».

Среди ряда мыслей, подсказанныхъ Чаадаеву его католическими пристрастіями, нельзя не отмѣтить вѣрнаго положенія, занятаго имъ по отношенію къ среднимъ вѣкамъ. Онъ

---

[1]) Томъ II, стр. 215—220.

справедливо говоритъ, что огромное превосходство новаго общества надъ древнимъ лежитъ въ томъ, что въ теченіе ряда вѣковъ оно представляло собою настоящую федеральную систему, которая была расторгнута только реформаціей». «До этого прискорбнаго событія, народы Европы смотрѣли на себя не иначе, какъ на части единаго соціальнаго тѣла. Долгое время у нихъ не было другого публичнаго права, кромѣ предписаннаго церковью; войны того времени считались междоусобіями. Исторія среднихъ вѣковъ—это исторія одного народа—народа христіанскаго». Эти мысли навѣяны на Чаадаева чтеніемъ знаменитой книги Де-Местра «О папѣ». Та же книга, какъ извѣстно, до нѣкоторой степени подсказала и Огюсту Конту вѣрную мысль о томъ, что средніе вѣка представляютъ въ исторіи развитія человѣчества тотъ моментъ, когда единовластіе замѣнилось двоевластіемъ, съ одной стороны свѣтскимъ, съ другой—духовнымъ правительствомъ. Чаадаевъ, разумѣется, ошибается, думая, что въ средніе вѣка не было другихъ законовъ, кромѣ каноновъ; но онъ правъ, когда настаиваетъ на той мысли, что войны носили въ то время характеръ междоусобій, такъ какъ онѣ могли быть предупреждены или пріостановлены вмѣшательствомъ духовной власти—власти папы. Другой его основной взглядъ, согласно которому древнее общество разрушено было не варварами, а погибло отъ внутренней порчи, заслуживаетъ вниманія. Разумѣется, есть преувеличеніе въ утвержденіи, что римская имперія, въ эпоху нашествія германскихъ народовъ въ ея предѣлы, была истлѣвшимъ трупомъ, и что имъ оставалось только развѣять ея прахъ по вѣтру. Но нельзя не поставить ему въ заслугу, что онъ отмѣтилъ условія внутренней порчи римскаго общества, хотя и совершенно произвольно, призналъ причиною всѣхъ ихъ развитіе матеріализма. «Жизненный принципъ», пишетъ онъ, «поддерживавшій дотолѣ человѣческое общество, истощился. Матеріальный или, если хотите, реальный интересъ, которымъ однимъ до тѣхъ поръ опредѣлялось соціальное движеніе, такъ сказать, выполнилъ свою задачу, завершилъ предварительное образованіе рода человѣческаго» [1]).

Если вѣрить Чаадаеву, то только съ среднихъ вѣковъ главное содержаніе жизни составляетъ развитіе нравственной идеи. Но такое раздѣленіе исторіи на два неравныхъ періода, изъ которыхъ одинъ преслѣдуетъ только матеріальные, а другой только идейные интересы, разумѣется, совершенно произвольно; и древ-

[1]) Стр. 138, томъ II.

нее общество жило религіей и съ трудомъ отрѣшившимися отъ нея философіей и наукой. То же зрѣлище представляетъ намъ и новая исторія, въ которой философская и научная мысль зарождаются подъ кровомъ церкви съ тѣмъ, чтобы современемъ завоевать свою независимость, сбросить съ себя желѣзную опеку. Чаадаевъ настолько проникнутъ мыслью о томъ, что матеріализмъ—причина, останавливающая прогрессъ націй, что этимъ готовъ объяснить то, что Азія не пошла далѣе опредѣленнаго предѣла въ своемъ развитіи и что та же судьба постигла Индостанъ, Грецію, Римъ и въ наши дни Японію. «Дѣло въ томъ», разсуждаетъ онъ, «что какъ только матеріальный интересъ удовлетворенъ, человѣкъ больше не прогрессируетъ, хорошо если онъ не идетъ назадъ. Не будемъ заблуждаться, въ Греціи и въ Индостанѣ, въ Римѣ, какъ и въ Японіи, вся умственная работа, какой бы силы ни достигала она, въ прошломъ и настоящемъ, всегда вела и теперь ведетъ лишь къ одной и той же цѣли. Поэзія, философія, искусство—все это, какъ прежде, такъ и теперь, всегда преслѣдуетъ удовлетвореніе только физическаго существа... Одно христіанское общество поистинѣ одушевлено духовными интересами, и именно этимъ обусловлена способность новыхъ народовъ къ совершенствованію, именно здѣсь вся тайна ихъ культуры». Нужно ли говорить, что съ его католической точки зрѣнія реформація снова повергла міръ въ этическую разъединенность. Ею вызвана та особенность умовъ и душъ, которую Спаситель приходилъ разрушить. «Допустимъ», пишетъ Чаадаевъ, «что папство—человѣческое учрежденіе, какимъ его хотѣли бы представить. Но оно существеннымъ образомъ выступаетъ изъ самаго христіанства, это видимый знакъ единства и символъ возсоединенія».

Идея прогресса, которая красной нитью проходитъ черезъ философическія письма Чаадаева, навѣяна на него также католическимъ писателемъ Паскалемъ. Онъ приводитъ его основную мысль и называетъ ее прекрасной; мысль эта: послѣдовательный рядъ людей есть не что иное, какъ одинъ человѣкъ, постоянно накопляющій новыя знанія. Возможно также, что съ идеей прогресса Чаадаевъ познакомился изъ Сенъ-Симона, на котораго встрѣчается ссылка въ его корреспонденціи. Интересно отмѣтить, что онъ ни слова не говоритъ ни о Тюрго, ни о Кондорсе, у которыхъ Сенъ-Симонъ, а за нимъ и Контъ, заимствовали свою формулу поступательнаго развитія человѣчества въ связи съ развитіемъ знанія. Въ третьемъ письмѣ, въ которомъ Чаадаевъ, въ частности, занимается объясненіемъ исторической роли Мои-

сея и Давида и утверждаетъ ихъ превосходство надъ героями Греціи и Рима, надъ Сократомъ и Маркомъ Авреліемъ,—особенно рѣзко выступаетъ зависимость его мыслей отъ Боссюэта и всей вообще католической исторіографіи. Къ числу оригинальныхъ его взглядовъ можно отнести высокую оцѣнку Эпикура и низкую Аристотеля. Объ Эпикурѣ Чаадаевъ пишетъ: «Если бы его нравственному ученію удалось вкорениться въ умахъ народовъ, не исказившись подъ вліяніемъ порочныхъ началъ, властвовавшихъ тогда надъ міромъ, то безъ всякаго сомнѣнія оно сообщило бы сердцамъ крѣпость и гуманность, которыхъ совершенно не въ состояніи были влить ни хвастливая мораль Портика, ни мечтательное умозрѣніе академистовъ». Эпикуръ дорогъ Чаадаеву потому, «что его философія содержала одинъ важный элементъ, котораго была совершенно лишена практическая мысль древнихъ, именно элементъ единенія, солидарности и благоволенія между людьми». Этого элемента недоставало Гомеру. «На нашъ взглядъ», пишетъ Чаадаевъ, «гибельный героизмъ страстей, грязный идеалъ красоты, необузданное пристрастіе къ землѣ,—все это заимствовано нами у Гомера. Одни греки рѣшились идеализировать и обоготворить порокъ и преступленіе. Въ глубинѣ матеріальной поэзіи Гомера, необычайно снисходительной къ порочности нашей природы», сознается Чаадаевъ, «дѣйствительно заключается какое-то удивительное обаяніе», съ которымъ онъ поэтому и считаетъ нужнымъ сражаться.

Я не стану разбирать немногихъ страницъ, которыя дошли до насъ отъ 4-го письма Чаадаева. Онѣ свидѣтельствуютъ только о томъ, что въ своемъ стремленіи объяснить поступательное движеніе человѣчества, онъ не обходилъ молчаніемъ и вопросъ объ эстетическомъ развитіи и ставилъ послѣднее въ связь со своей основной мыслью—о матеріализмѣ древности и духовности новыхъ народовъ. Съ этой точки зрѣнія онъ собирался изложить развитіе искусствъ, начиная съ зодчества или архитектуры. Его письмо обрывается какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ отъ архитектуры древности, египетской пирамиды и храмовъ въ Пестумѣ, онъ переходитъ къ готическому храму среднихъ вѣковъ. «Въ греческомъ стилѣ», разсуждаетъ онъ, «вы найдете чувство осѣдлости, домовитости, привязанность къ землѣ и ея утѣхамъ, а въ готическомъ — мощность мысли, порывъ къ небу и его блаженству». Такимъ образомъ и здѣсь Чаадаевъ проводитъ свою мысль о томъ, что культура античнаго міра была чисто матеріальной, тогда какъ средневѣковая христіанская—духовной; но, чтобы не порывать съ библейскимъ

преданіемъ, онъ вѣритъ, что человѣчество на первыхъ порахъ жило также преимущественно духовными интересами; демонстрируя эту вѣру, онъ старается убѣдить, что египетскія пирамиды имѣютъ то общее съ готическимъ стилемъ, что устремляются къ небу. Вотъ почему рядомъ съ готическимъ стилемъ онъ ставитъ и египетскій. «Пирамидальная архитектура,—пишетъ онъ,—является чѣмъ-то священнымъ, небеснымъ, а отсюда—слѣдующій выводъ: сопоставленіе классическаго зодчества съ египетскимъ и готическимъ приводитъ къ тому заключенію, что исторія человѣческой мысли устремлялась сначала къ небу въ своемъ, какъ онъ выражается, «цѣломудріи». Потомъ въ періодъ растлѣнія, который совпадаетъ съ періодомъ развитія классицизма, она пресмыкается въ прахѣ и, наконецъ, снова кинута къ небу всесильной десницей Спасителя. Не могу сказать, чтобы такія обобщенія позволяли намъ высказывать соболѣзнованіе о томъ, что письма Чаадаева не дошли до насъ въ полномъ видѣ. Большого приращенія къ соціальной динамикѣ они, разумѣется, не представляютъ, ихъ интересъ чисто историческій; они свидѣтельствуютъ о томъ, въ какой степени мысль выдающагося умомъ человѣка могла подчиниться ортодоксальнымъ воззрѣніямъ западнаго католичества, подчиниться до того, чтобы извратить самый ходъ исторіи, отнестись съ одинаковымъ отрицаніемъ и къ древней Греціи, и къ Риму, и къ эпохѣ Возрожденія античной культуры, съ чего, какъ извѣстно, начался ускоренный ростъ знанія и въ связи съ нимъ промышленности, а послѣдствіемъ этого было, какъ показалъ Контъ, все большее и большее ограниченіе церковной опеки надъ человѣческой мыслью и человѣческимъ поведеніемъ зарожденіе новыхъ, болѣе свободныхъ формъ жизни. При высокой оцѣнкѣ современной культуры, чего нельзя отрицать за Чаадаевымъ, трудно, однако, сказать, чтобы онъ вѣрно передавалъ ея характеръ. Такъ, отмѣчая совершенно правильно тотъ фактъ, что никогда масса распрастраненныхъ идей не была такъ сконцентрирована въ обществѣ, какъ теперь, онъ въ то же время ложно утверждаетъ, что никогда также за все время существованія человѣчества вся дѣятельность его не была поглощена въ такой степени идеей, какъ въ наши дни, и что во всемъ мірѣ существуетъ теперь лишь одна умственная власть, подъ чѣмъ онъ, разумѣется, понимаетъ власть главы католичества. Контъ полагалъ какъ разъ обратное и, видя невозможность сохранить эту власть за церковью, приходилъ къ мысли о необходимости созданія новой духовной силы въ лицѣ ученыхъ. Схема, предла-

гаемая Чаадаевымъ, ничѣмъ существенно не отличается отъ той, какую проводилъ Боссюэттъ, которая была восполнена Де-Местромъ и доселѣ повторяется въ историко-философскихъ разсужденіяхъ католическихъ писателей. Въ угоду ей онъ не сумѣлъ оцѣнить ни классической древности, ни Возрожденія, ни Реформаціи, и совершенно отказался видѣть какое-либо поступательное движеніе во всемъ русскомъ историческомъ процессѣ до момента нашего внѣшняго пріобщенія къ благамъ европейской культуры. Положительнымъ въ его построеніи я считаю только одно признаніе, что поступательный ходъ человѣчества требуетъ безусловнаго усвоенія всего того запаса знаній и общественнаго строительства, какое унаслѣдовано отъ предковъ. Съ этой точки зрѣнія онъ привѣтствовалъ реформы Петра, но, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его позднѣйшихъ писемъ, онъ въ то же время считалъ ее неполной и остановленной въ своемъ ходѣ его ближайшими преемниками.

Для пониманія его мысли не мѣшаетъ познакомиться съ тѣми письмами къ княгинѣ Мещерской и графу Сюркуру, въ которыхъ онъ возвращается къ темамъ, поднятымъ имъ ранѣе въ его Письмахъ о философіи исторіи. Чаадаевъ нападаетъ на тѣхъ, кто позволяетъ себѣ утверждать, что библейская космогонія т.-е. откровенная исторія созданія міра должна быть опущена. «Я постарался доказать,—пишетъ онъ,—что исторія человѣчества не имѣетъ смысла, если не возводить ее къ первымъ днямъ міра и сотворенію человѣка, что все обратится неизбѣжно въ хаосъ и прахъ въ этой области человѣческаго познанія, если мы не бросимъ на нее яркій свѣтъ глубокихъ истинъ и дивныхъ символовъ, находящихся въ книгѣ Бытія». Это та точка зрѣнія, на которой доселѣ стоятъ католическіе писатели, не допускающіе возможности примѣненія метода сравнительно-историческаго или сравнительно-этнографическаго. Въ томъ же письмѣ Чаадаевъ говоритъ: «Разъ христіанство есть слово и свѣтъ по преимуществу, оно естественно вызываетъ слово и распространяетъ возможно большій свѣтъ на всѣ объекты интеллектуальнаго воззрѣнія человѣка. Оно не только не противорѣчитъ даннымъ науки, но напротивъ подтверждаетъ ихъ своимъ высокимъ авторитетомъ, между тѣмъ какъ наука подтверждаетъ постоянно своими открытіями христіанскія истины. Наиболѣе плодотворными эпохами въ исторіи развитія человѣческаго духа были тѣ, когда наука и религія шли рука объ руку». Онъ считаетъ прискорбной тенденцію увеличивать расколъ между религіей и наукой, созданный XVIII вѣкомъ и о которомъ ни отцы церкви,

ни учителя средневѣковья не имѣли даже представленія. «Въ этой тенденціи,—прибавляетъ онъ,—до сихъ поръ упорствуютъ многіе выдающіеся и строго-религіозные умы, несмотря на обратное направленіе вѣка нашего, стремящагося изо всѣхъ силъ вернуться къ пріемамъ добраго времени твердыхъ вѣрованій и слить въ одинъ потокъ свѣта эти два великихъ маяка человѣческой мысли» (Письмо отъ 24-го мая 1839 года). Много лѣтъ спустя, а именно въ 1846 году, Чаадаевъ, отсылая графу Сиркуру статью извѣстнаго славянофила Хомякова, переведенную имъ на французскій языкъ, съ просьбой напечатать ее во французскомъ періодическомъ изданіи, подробно останавливается на своихъ разномысліяхъ съ возникающей школой. Тема статьи была: «Мнѣнія иностранцевъ о Россіи». «Вы знаете,—пишетъ онъ,—что я не раздѣляю взглядовъ автора и мнѣ пріятнѣе было бы опровергать его мысль, нежели передать ее съ величайшей тщательностью, какъ я это сдѣлалъ». Его побуждаетъ къ этому желаніе подвергнуть эту мысль оцѣнкѣ европейскихъ писателей. «Я думаю,—пишетъ онъ,—что прогрессъ еще не возможенъ у насъ безъ апелляціи къ суду Европы. Не то, чтобы въ нашемъ собственномъ существѣ не крылись задатки всяческаго развитія, но несомнѣнно, что починъ въ нашемъ движеніи все еще принадлежитъ иностраннымъ идеямъ и, прибавлю, принадлежалъ имъ и искони: странное явленіе, быть можетъ, не имѣющее примѣра въ исторіи народовъ» [1]).

Въ доказательство своего положенія, что русская культура всегда была заимствованной, Чаадаевъ останавливается на вопросѣ о вліяніи на нее Византіи. Этого вопроса онъ не касался въ своихъ Письмахъ по философіи исторіи; теперь онъ развиваетъ свою мысль съ желательной подробностью... «Вся наша умственность», пишетъ онъ, «есть, очевидно, плодъ религіознаго начала, а это начало не принадлежитъ ни одному народу, въ частности; оно, стало быть, постороннее намъ, какъ и всѣмъ остальнымъ народамъ міра; но оно всюду подвергалось вліянію національныхъ или мѣстныхъ условій, тогда какъ у насъ христіанская идея осталась такой же, какою она была привезена къ намъ изъ Византіи—важное обстоятельство, которое характеризуетъ своеобразную природу нашей народности. Подъ дѣйствіемъ этой единой идеи развилось наше общество; къ той минутѣ, когда явился со своимъ преобразованіемъ Петръ Великій, это развитіе достигло своего апогея. Но то не было соб-

---

Т. II, стр. 257 и 258.

ственно соціальное развитіе, то былъ интимный фактъ, дѣло личной совѣсти и семейнаго уклада, то-есть, нѣчто такое, что неминуемо должно было исчезнуть по мѣрѣ политическаго роста страны. Естественно, что весь этотъ домашній строй, примѣненный къ государству, распался тотчасъ, какъ только могучая рука кинула насъ на поприще всемірнаго прогресса... Мы съ охотой приняли реформы Петра... Эта податливость чужимъ внушеніямъ, эта готовность подчиняться идеямъ, навязаннымъ извнѣ, все равно чужеземцами или нашими собственными господами, является, слѣдовательно, существенной чертой нашего права,— врожденной или пріобрѣтенной,—это безразлично».

Чаадаевъ останавливается далѣе на развитіи той мысли, что византійское христіанство страдало цезарепапизмомъ, что церковь не имѣла на православномъ Востокѣ той независимости, какой она пользовалась на Западѣ. Императоръ Византіи скоро», пишетъ онъ, «сосредоточилъ въ своихъ рукахъ высшую власть духовную такъ же, какъ и свѣтскую, а это имѣло своимъ послѣдствіемъ и то, что духовная власть въ древне-русскомъ обществѣ далеко не пользовалась всей полнотой своихъ естественныхъ правъ. Мы получили, слѣдовательно, отъ Византіи вмѣстѣ съ полнотою христіанской догмы и ея первоначальною чистотой и другое наслѣдіе, а именно, церковь, покорную матеріальной власти, домогающейся стать какъ бы христіанскимъ калифатомъ. Чистота догмы, безъ сомнѣнія, неоцѣнимое благо», разсуждаетъ Чаадаевъ, «и она должна утѣшать насъ во всѣхъ недостаткахъ нашего духовнаго строя; но у насъ идетъ рѣчь сейчасъ только о нашемъ соціальномъ развитіи, и вы согласитесь, что западный религіозный строй гораздо болѣе благопріятствовалъ такого рода развитію, нежели тотъ, который выпалъ на нашу долю. Но въ нашемъ обществѣ не существовало никакого другого нравственнаго начала, кромѣ религіозной идеи, такъ что нашъ народъ обязанъ ей своимъ историческимъ воспитаніемъ и ей должно быть приписано то, что у насъ есть добраго, какъ и злого». Совершенно правильно судитъ Чаадаевъ, что наша готовность подчиняться разнороднымъ вліяніямъ есть неизбѣжное послѣдствіе религіознаго строя, лишеннаго свободы, гдѣ нравственная мысль сохранила лишь видимость своего достоинства, гдѣ ее чтутъ только подъ условіемъ, чтобы она держалась смирно, гдѣ она пользуется авторитетомъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ удѣляется ей политическою властью. «Мнѣ кажется», пишетъ Чаадаевъ, «что этими особенностями византійскаго христіанства, къ намъ перенесенными, легко объяснить

всю нашу исторію... Въ отличіе отъ Запада, гдѣ жизнь въ своемъ разнообразномъ развитіи находила покровительство, сочувствіе и свободу въ христіанской церкви, у насъ она встрѣчала лишь монастырскую суровость и рабское подчиненіе интересамъ государя. Неудивительно, что мы шли отъ отреченія къ отреченію. Вся наша соціальная эволюція сплошной рядъ такихъ фактовъ; достаточно указать на колоссальный фактъ постепеннаго закрѣпощенія нашего крестьянства. Рабство всюду имѣло одинъ источникъ—завоеваніе; у насъ не было ничего подобнаго; въ одинъ прекрасный день, одна часть народа очутилась въ рабствѣ у другой, просто въ силу вещей, вслѣдствіе настоятельной потребности страны, вслѣдствіе непреложнаго хода общественнаго развитія, безъ злоупотребленія, съ одной стороны, и безъ протеста—съ другой. Замѣтьте, что это вопіющее дѣло завершилось какъ разъ въ эпоху наибольшаго могущества церкви, въ тотъ памятный періодъ патріаршества, когда глава церкви дѣлилъ одну минуту престолъ съ государемъ. Можно ли ожидать послѣ этого, чтобы при такомъ безпримѣрномъ въ исторіи соціальномъ развитіи, гдѣ все съ самаго начала направлено къ порабощенію личности и мысли народа, мы могли бы свергнуть иго вашей культуры, вашего просвѣщенія и авторитета». И Чаадаевъ пускается въ подробное развитіе той мысли, что петровская реформа, навязавшая намъ западно-европейскую культуру, не встрѣтила въ народѣ упорнаго противодѣйствія. «Ничто не мѣшало странѣ», разсуждаетъ онъ, «послѣ смерти Петра вернуться къ своимъ старымъ учрежденіямъ. Кто могъ запретить народному чувству проявиться со всей присущей ему энергіей въ тѣ два царствованія, которыя слѣдовали за царствованіемъ преобразователя? Конечно, ни Меньшикову, правившему Россіей при Екатеринѣ I, ни молодому Петру II, руководимому Долгорукими и поселившемуся въ древней столицѣ Россіи, очагѣ и средоточіи всѣхъ нашихъ народныхъ предразсудковъ, никогда не пришло бы въ голову воспротивиться реакціи, если бы народъ вздумалъ предпринять таковую. За ужаснымъ Бироновскимъ гнетомъ послѣдовало царствованіе Елизаветы, ознаменовавшееся, какъ извѣстно, чисто-національнымъ направленіемъ, мягкостью и славой. Излишне говорить о царствованіи Екатерины II, «носившемъ столь національный характеръ, что, можетъ быть, еще никогда ни одинъ народъ не отождествлялся до такой степени со своимъ правительствомъ, какъ русскій народъ въ эти годы побѣдъ и благоденствія». Чаадаевъ, разумѣется, не можетъ закрыть глаза на то, что при Петрѣ были возстанія, мятежи стрѣльцовъ, за-

говоры, въ которые вовлеченъ былъ и наслѣдникъ, Алексѣй Петровичъ, наконецъ, быстрый ростъ раскола, среди котораго выступаетъ величественная фигура протоіерея Аввакума. Всѣ эти явленія, которыхъ онъ не перечисляетъ, обнимаются имъ въ слѣдующей крайне неопредѣленной фразѣ: «Слабое сопротивленіе, встрѣченное Петромъ въ небольшой части русскаго народа было лишь вспышкой личнаго недовольства противъ него со стороны одной партіи, а вовсе не серьезнымъ противодѣйствіемъ проводимой имъ идеѣ».

Нельзя отказать всему этому экскурсу въ цѣльности взглядовъ и во внѣшней убѣдительности. Начальныя посылки совершенно правильны. Церковь не пользовалась у насъ тою свободой отъ государственной власти, какая выпала ей въ удѣлъ на Западѣ, и не могла поэтому воспитывать въ людяхъ духъ независимости. Отсутствіе его объясняетъ слабость народнаго протеста и при введеніи у насъ крѣпостного права, и при ломкѣ всѣхъ нашихъ старинныхъ нравовъ и учрежденій реформою Петра. Но, не говоря уже о томъ, что утвержденіе Чаадаева не считается съ такими общеизвѣстными явленіями, какъ возстаніе Стеньки Разина, пугачевщина и быстрый ростъ того, что мы называемъ расколомъ, весьма спорнымъ является и то положеніе, что рабство будто бы на Западѣ вызвано было однимъ завоеваніемъ, и то, что нигдѣ въ мірѣ, кромѣ Россіи, крѣпостное право не родилось поздно подъ вліяніемъ причинъ, частью физическаго, частью экономическаго характера. Изслѣдованія Ключевскаго, завершившія рядъ другихъ, болѣе раннихъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что и въ развитіи крѣпостного права внутреннія экономическія причины, вмѣстѣ съ финансовой политикой, играли рѣшающую роль. Таково было, напримѣръ, добровольное заложничество, неисправность въ платежахъ свободныхъ поселенцевъ на помѣщичьихъ земляхъ, такъ называемыхъ «серебрянниковъ», получавшихъ отъ хозяевъ необходимый имъ живой инвентарь, наконецъ, забота правительства положить въ интересахъ земельныхъ собственниковъ конецъ свободному переходу крестьянъ и въ своихъ собственныхъ интересахъ закрѣпить населеніе на занятыхъ имъ мѣстахъ путемъ включенія его въ перепись. Ошибочно было бы думать, что такія же причины не вліяли на ростъ гражданской несвободы и на Западѣ. Крѣпостному праву предшествовалъ, какъ извѣстно, колонатъ, т.-е. прикрѣпленіе свободныхъ людей не къ лицу отдѣльныхъ собственниковъ, а къ почвѣ; задолженные же колоны, какъ доказываетъ Фюстель де-Куланжъ, принуждены были замѣ-

нить барщиной и натуральными повинностями свои прежніе земельные взносы въ виду накопившихся недоимокъ. Наконецъ, не въ одной Россіи мы встрѣчаемся съ фактомъ поздняго развитія крѣпостныхъ отношеній. То же самое можно сказать и о Германіи, въ которой процессъ закабаленія народа къ землѣ окончился въ эпоху реформаціи. Но со всѣми этими оговорками схема, предложенная Чаадаевымъ въ объясненіе нашей относительной пассивности въ протестѣ противъ навязываемыхъ намъ порядковъ, заслуживаетъ быть отмѣченной, какъ сводящая всѣ причины къ одной, къ воспитанію русскаго человѣка византійскимъ христіанствомъ, нами унаслѣдованнымъ, въ духѣ смиренія и отказа отъ личной иниціативы, отъ самостоятельнаго творчества въ области соціальнаго и государственнаго строительства.

Чаадаевъ не отрицаетъ возможности для насъ прогрессивнаго движенія въ будущемъ. «Я увѣренъ», пишетъ онъ, «что придетъ время, мы сумѣемъ такъ понять наше прошлое, чтобы извлекать изъ него плодотворные выводы для нашего будущаго. Мы будемъ истинно свободны отъ власти чужеземныхъ идей лишь съ того дня, когда вполнѣ уразумѣемъ пройденный нами путь, когда изъ нашихъ устъ помимо нашей воли вырвется признаніе во всѣхъ нашихъ заблужденіяхъ, во всѣхъ ошибкахъ нашего прошлаго, когда изъ нашихъ нѣдръ исторгнется крикъ раскаянія, отзвукъ котораго наполнитъ міръ. Тогда мы естественно займемъ свое мѣсто среди народовъ, которымъ предназначено дѣйствовать не только въ качествѣ дубины, но и въ качествѣ идеи».

Чаадаевъ не выдаетъ вполнѣ своихъ сокровенныхъ мыслей и ни словомъ не упоминаетъ о желательности перехода Россіи въ католицизмъ. Сохранилъ ли онъ свои пристрастія къ нему или нѣтъ, сказать трудно. Объясняя въ письмѣ къ неизвѣстному, написанномъ 15-го ноября 1846 года на французскомъ языкѣ, причины своихъ бѣдствій, онъ говоритъ ему: «Почти съ самаго момента выхода изъ отроческаго возраста я оказался въ полномъ противорѣчіи съ окружающей меня средой. Я любилъ мою родину», пишетъ онъ, «по-своему, и потому мнѣ трудно передать вамъ, въ какой степени мнѣ было тяжело прослыть за невѣрнаго русскаго. Я думалъ, что Россія, встрѣтившись съ обширной цивилизаціей, не могла имѣть передъ собою другой цѣли, какъ всяческое ея усвоеніе. Въ томъ исключительномъ положеніи, въ какомъ мы оказались, намъ было невозможно идти прежнею стезею, такъ какъ мы захвачены были во власть новой исторіи міра,

которая мчитъ насъ въ сторону всевозможнѣйшихъ выводовъ. Быть можетъ, это было ошибкой, но, согласитесь, ошибкою вполнѣ естественной. Какъ бы то ни было, новыя работы, новыя изысканія познакомили насъ съ массой вещей, остававшихся доселѣ скрытыми. Теперь уже стало совершенно ясно, что мы слишкомъ мало походимъ на остальной міръ, чтобы съ успѣхомъ подвигаться по одной съ нимъ дорогѣ. Поэтому, если мы дѣйствительно сбились съ своего естественнаго прежняго пути, намъ прежде всего предстоитъ разыскать его, но разъ этотъ путь будетъ найденъ, то что намъ дѣлать? На это укажетъ намъ время». Въ этихъ словахъ трудно не видѣть нѣкоторое отступленіе Чаадаева отъ своей завѣтной мысли обращенія Россіи въ Западъ. Какія причины могли содѣйствовать такой эволюціи его мысли? Я полагаю, что одна изъ нихъ указана вѣрно самимъ Чаадаевымъ, это тѣ «новыя работы и новыя изысканія», которыя показали, что прошлое Россіи, Россіи до-петровской, не есть бѣлый листъ бумаги, на которомъ ничего не написано, и что съ этимъ прошлымъ приходится считаться, такъ какъ оно оставило неизгладимые слѣды.

Въ письмѣ къ Сиркуру, уже мною приведенномъ ранѣе, Чаадаевъ говоритъ о томъ, что «огромное число фактовъ воскрешается изъ забвенія, интереснѣйшія эпохи нашей исторіи возсозданы вполнѣ... и все это сдѣлано трудами такъ называемой имъ раціональной школы... Съ другой стороны, воззрѣніе противниковъ, противоположное ей, также принуждаетъ заняться серьезными изысканіями, только въ другой области. И, исходя изъ совершенно иной точки зрѣнія, оно приходитъ къ результатамъ, не менѣе непредвидѣннымъ. Безстрашіе, съ которымъ оба воззрѣнія изслѣдуютъ свой предметъ, дѣлаетъ честь нашему времени и подаетъ добрыя надежды на будущее, когда нашъ языкъ и умъ будутъ свободнѣе, когда они уже не будутъ, какъ всегда до сихъ поръ, скованы путами лицемѣрнаго молчанія»[1]).

Тѣ двѣ школы или два направленія, о которыхъ говоритъ Чаадаевъ, были съ одной стороны славянофильство, а съ другой такъ называемое западничество. Корифеи того и другого направленія поднимали тѣ же вопросы, какими интересовался Чаадаевъ. Славянофилы старались выяснить, каково было въ дѣйствительности наше прошлое и какіе завѣты поставлены новой Россіи. Константинъ Аксаковъ, какъ и прочіе славянофилы, будучи необыкновенно высокаго мнѣнія о нравственныхъ каче-

1) Томъ II, стр. 264.

ствахъ русскаго народа, доходилъ въ своемъ восхищеніи древней Русью до утвержденія, что исторія русскаго народа есть единственная во всемъ мірѣ исторія народа христіанскаго, не только по исповѣданію, но и по жизни своей, по крайней мѣрѣ по стремленію своей жизни [1]).

Они не отрицали того, что русскій народъ — народъ-бого-носецъ, добровольно отказался отъ всякаго участія въ государственной власти, но, въ замѣнъ этого, предоставилъ себѣ нравственную свободу—свободу жизни и духа. На этихъ началахъ», продолжаетъ Аксаковъ, «и зиждется единственное истинно-русское пониманіе основъ нашего государственнаго уклада. Правительству неограниченная власть государственная, политическая, народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа—мысли и слова. Самостоятельно можетъ и долженъ высказывать безвластный народъ полновластному правительству свое мнѣніе, мнѣніе, которое правительство вольно принять или не принять. Но какимъ образомъ правительство можетъ вызвать выраженіе этого мнѣнія? Аксаковъ полагаетъ, что отвѣтъ на это даетъ исторія до-петровской Руси. «Древняя Русь указываетъ намъ», пишетъ онъ, «и на дѣло самое, и на способъ. Цари наши вызывали въ важнѣйшихъ случаяхъ общественное мнѣніе всей Руси и созывали для того земскіе соборы, на которыхъ были выборные всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи. Земскіе соборы, однако, не то, что западно-европейскій парламентъ. Земскій соборъ имѣетъ только значеніе мнѣнія, которое государство можетъ принять и не принять» [2]).

Славянофилы не удовольствовались указаніемъ на то, что въ древней Руси свобода до нѣкоторой степени существовала; они постарались также установить тотъ фактъ, что самодѣятельность русскаго народа сказалась въ созданіи цѣлаго міра былинъ, сказокъ, пѣсней, религіозныхъ стиховъ, пословицъ, поговорокъ, изъ которыхъ выступаетъ его нравственный обликъ. Въ очеркѣ, посвященномъ имъ Петру Кирѣевскому, Гершензонъ справедливо указываетъ на него, какъ на начинателя въ этой области. «Побывавъ въ Германіи и поучившись тамъ не у одного Шеллинга, Кирѣевскій почти всю свою остальную жизнь проводитъ въ деревнѣ и здѣсь собираетъ народныя пѣсни. Въ теченіе 25-ти лѣтъ Петръ Кирѣевскій», «съ неослабѣвающей любовью трудился надъ

---

[1]) Цитата взята у Венгерова, „Эпоха Бѣлинскаго", стр. 38.
[2]) Ibid., стр. 29.

пѣснями. Это не былъ просто этнографическій интересъ. Кирѣевскій задавался высшей цѣлью доказать самотворчество русскаго народа, Языковъ недаромъ обозвалъ его въ стихахъ «своенародности подвижникъ просвѣщенный». Ядромъ его міровоззрѣнія», пишетъ Гершензонъ, «была слѣдующая мысль: правда-истина не можетъ быть однимъ человѣкомъ добыта единолично, она есть продуктъ коллективный жизни народа. Кирѣевскій дѣлалъ отсюда цѣлый рядъ выводовъ и между прочимъ тотъ, что немощно всякое бытіе, отщепленное отъ общенародной жизни. Петръ, пресѣкшій преемственное развитіе русскаго народа, подчинившій русскую церковь свѣтской власти и положившій начало отпаденію образованныхъ классовъ отъ народа, причинилъ великій вредъ Россіи. Со временъ Петра Россія поражена тяжкимъ недугомъ... Только позже, когда въ ней не будетъ никакой другой власти, кромѣ власти единой соборной церкви, когда въ эту церковь сольется весь народъ образованный и необразованный и когда эта всенародная церковь возстановитъ вполнѣ утраченное церковно-народное преданіе, прерванное Петромъ, только тогда исцѣлится Россія. Паписты», пишетъ онъ, «вѣрятъ въ непогрѣшимость папы, протестанты—въ непогрѣшимость общечеловѣческаго разума, православные—въ непогрѣшимость апостольской соборной церкви» [1]). «Соборное начало желательно не только въ церкви, но и въ государствѣ», думалъ Кирѣевскій, «это выступало въ древней Руси въ тѣхъ совѣтахъ всей русской земли, которые назывались земскими. Оно удержалось на низахъ въ мірской сходкѣ. Кирѣевскій былъ въ числѣ немногихъ въ то время ревнителей освобожденія крестьянъ съ землей. Они должны были получить половину того, чѣмъ владѣли, и, повидимому, безъ выкупа Кирѣевскій въ то же время желалъ сохранить за крестьянами ихъ вѣками созданную мірскую сходку. Въ письмѣ къ Кошелеву онъ говоритъ: «Гдѣ мірская сходка еще существуетъ, какъ обломокъ древнихъ тысячелѣтнихъ привычекъ народа, тамъ она, конечно, имѣетъ существенную важность, и совѣстливый помѣщикъ долженъ беречь и хранить ее, какъ основу будущей законности» [2]).

Славянофилы не ограничились указаніемъ на то, что въ древней Руси существовала соборность въ церкви и соборность въ государствѣ, черты которой желательно сохранить и въ наши дни. Они настаивали также на томъ, что древняя Русь завѣщала намъ

---

[1]) „Образы прошлаго", стр. 124 и 125.
[2]) Ibid., стр. 134 и 135.

опредѣленный политическій и соціальный укладъ въ вѣчѣ, земельной общинѣ и въ артели. Пользуясь работами Сергіевича, послѣдніе по времени славянофилы не прочь были присоединить народное собраніе, выбирающее князя и вступающее съ нимъ въ договоръ, къ числу завѣщанныхъ нашимъ прошлымъ политическихъ началъ, а сельскую общину съ ея мірскимъ владѣніемъ—къ числу своеобразныхъ основъ нашего народнаго быта. Національными отличительными чертами народной жизни на Руси Кояловичъ, напримѣръ, считаетъ общину, вѣче и самодержавіе въ соединеніи съ земскими соборами. Отправляясь отъ начала соборности, Аѳанасій Васильевъ приходитъ къ заключенію о необходимости сохранить мірскую общину. «Начало соборности», читаемъ мы въ его письмѣ, «въ области земельныхъ отношеній нашло себѣ выраженіе въ общинѣ, въ мірскомъ владѣніи землей и высоко-человѣчномъ и справедливомъ, поистинѣ христіанскомъ взглядѣ русскаго народа на землю, какъ на Божье и Царево достояніе, т.-е. какъ на общенародную или, что то же, государственную собственность, которая лишь настолько и до тѣхъ поръ можетъ быть въ обладаніи частнаго лица, поскольку ея владѣлецъ можетъ управляться съ нею силами своей семьи и для своихъ семейныхъ нуждъ—не барышничая землей и не обездоливая другихъ... Съ установленіемъ общественнаго землеобрабатыванія», полагаетъ онъ, «устранились бы всѣ теперешнія неудобства крестьянскаго землепользованія одинаково и при общинномъ и при подворномъ владѣніи». Послѣ произнесенія этой рѣчи Васильевъ долженъ былъ сложить съ себя полномочія предсѣдателя «русскаго собранія» и выйти изъ числа его членовъ.

Васильевъ далъ только окончательный и возможно полный выводъ тѣмъ положеніямъ, которыя на счетъ общины высказывали старые славянофилы, въ томъ числѣ Кошелевъ, отъ котораго идетъ преданіе о Кавурѣ, якобы заявившемъ, что «Россія покоритъ міръ своими мірскими порядками землевладѣнія». Что касается до западниковъ, то они въ значительной степени примыкаютъ къ тому направленію, какое Чаадаевъ выразилъ въ своихъ Письмахъ по философіи исторіи. «Славянофилы какъ бы даютъ отвѣтъ на высказанное имъ недоумѣніе насчетъ того, оставила ли древняя Русь за собою какія-либо положительныя созданія. Бѣлинскій, сдѣлавшійся современемъ главою западниковъ, часто возвращается въ своихъ статьяхъ къ вопросу о значеніи у насъ петровской реформы и во многомъ повторяетъ мысли, ранѣе высказанныя Чаадаевымъ. «Петръ Великій», писалъ онъ, «есть величайшее явленіе не нашей только

исторіи, но и исторіи всечеловѣчества. Онъ—божество, вызвавшее насъ къ жизни, вдунувшее въ насъ душу живую, въ колоссальномъ, но подвергнутомъ смертельной дремотѣ тѣлѣ Россіи» [1]). «Неужели же русскій народъ до Петра Великаго не имѣлъ чести существовать по-человѣчески? вопіетъ господинъ Шевыревъ. Если человѣческое существованіе народа заключается въ жизни ума, науки, искусства, цивилизаціи, общественности, гуманности въ нравахъ и обычаяхъ, существованіе это для Россіи начинается съ Петра Великаго, смѣло и утвердительно отвѣчаемъ мы господину Шевыреву... Петръ далъ Россіи свѣтъ, сдѣлалъ русскихъ людьми» [2]). «До Петра русская исторія вся заключалась въ одномъ стремленіи къ соглашенію разъединенныхъ частей страны и сосредоточеніи ея вокругъ Москвы» [3]).

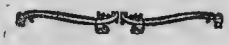
Трудно во всѣхъ этихъ заявленіяхъ найти много новаго послѣ того, что́ уже было написано Чаадаевымъ. Одинъ Герценъ, оставаясь западникомъ, въ то же время сумѣлъ оцѣнить и то, что въ славянофильствѣ было положительнаго, подчеркивая въ особенности его сочувственное отношеніе къ сельской общинѣ и къ артели. Въ напечатанныхъ мною письмахъ его къ Кинэ, знаменитому историку французской революціи, особенно наглядно выступаетъ эта сторона его міровоззрѣнія. Въ своихъ недавнихъ этюдахъ о немъ, озаглавленныхъ «Герценъ и Западъ», г. Гершензонъ, въ свою очередь, останавливается на этой перепискѣ. «Когда въ 1865 году», пишетъ онъ, «вышла знаменитая книга Кинэ «О революціи», Герценъ написалъ ему письмо, которое затѣмъ самъ напечаталъ въ «Колоколѣ»... Въ этомъ письмѣ онъ считаетъ своимъ долгомъ сказать Кинэ, что для того, чтобы выйти изъ разваливающагося зданія старой Европы, надо перешагнуть черезъ завѣщанную намъ Римомъ идею частной собственности, а на это способна одна, одна только юная Россія съ своимъ общиннымъ строемъ [4]). Не много лѣтъ до своей смерти Герценъ такимъ образомъ высказалъ ту самую точку зрѣнія, которая проглядываетъ у него въ «Былое и думы» и въ «Письмахъ изъ Италіи и Франціи» при критикѣ поведенія западно-европейскихъ революціонеровъ. Неуспѣхъ затѣяннаго ими переворота Герценъ прежде всего объясняетъ тѣмъ, что они удовольствовались только политической задачей, оставляя въ

---

1) Сочиненія Бѣлинскаго, т. IV, стр. 313.
2) Ibid., томъ VII, стр. 413.
3) Ibid., стр. 105.
4) «Образы прошлаго», стр. 252.

сторонѣ соціальную. Въ 1850 году, какъ полагаетъ Гершензонъ, Герценъ впервые высказываетъ мысль, что русская сельская община ключъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса. Эту мысль онъ развиваетъ затѣмъ въ письмѣ къ Мишлэ и повторяетъ ее въ теченіе 20-ти лѣтъ вслухъ передъ всей Европой [1]).

Максимъ Ковалевскій.



1) Ibid., стр. 190.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О ВОЙНѢ.

Рене Базэна.

(René, Bazin. Récits du Temps de la Guerre).

I.

Та, которая не знала.

Вотъ, что́ я видѣлъ въ своей любимой Вандеѣ.

Когда приходитъ осень, этотъ холмистый край ярко-рдѣющими букетами зелени пестритъ подъ дымчатыми облаками, которыхъ гонитъ морской вѣтеръ. Это—маленькія рощицы на склонахъ холмовъ, фруктовые сады при фермахъ или же просто разсыпанныя по скатамъ деревья, среди которыхъ попадается рябина, дикая груша, кусты боярышника, а также какая-то особая порода дуба съ великолѣпно окрашенной листвой. Не знаю, какой владѣлецъ-психопатъ много лѣтъ тому назадъ посадилъ два ряда рябины на склонѣ, къ западу, гдѣ стоитъ ферма Ренодьеръ. Надо много лѣтъ, чтобы дождаться плодовъ отъ рябины. Но, наконецъ, это время настало, и такъ какъ аллея эта тянулась не меньше, чѣмъ на двѣсти метровъ, то арендатору фермы не мало приходилось потрудиться въ октябрѣ мѣсяцѣ, чтобы снять всю ягоду; вдобавокъ, не было у него настоящей помощи, такъ какъ его жена была хилая, слабая женщина.

Если вы видѣли крестьянку съ бѣлымъ, вытянутымъ лицомъ, въ вандейскомъ чепцѣ, стянутомъ на вискахъ, то это и есть фермерша изъ Ренодьеръ. Что́ въ ней красиво, это зубы—рѣдкость въ деревнѣ—они такого цвѣта, какъ свѣжая булка. Когда она была еще дѣвушкой и чаще смѣялась, въ уголкахъ ея карихъ глазъ и на губахъ зажигались огоньки, и мужчины говорили: «А она недурна. Можетъ нравиться. Жаль только, что она такая худенькая».

Послѣ шести лѣтъ супружества она стала матерью, и ребенку было два года, когда началась война. Ея мужъ, Жанъ Котеро, почти тотчасъ долженъ былъ покинуть свою ферму и явиться въ полкъ. Эме Котеро не плакала «на людяхъ». Она была слаба тѣломъ, это вѣрно; но у нея было мужество, и она умѣла владѣть своимъ сердцемъ; недаромъ такія, какъ она, въ теченіе многихъ вѣковъ привыкли говорить въ часы испытаній:

— Да будетъ воля Божья!

Проводивъ своего мужа на вокзалъ, она зашла въ маленькую церковь; тамъ было десятка три женщинъ, явившихся, какъ и она, помолиться и просить у Бога твердости. Продолжалось это недолго. Она скоро вернулась домой, взяла на руки свою дѣвочку и прошептала: «Теперь ты у меня—все!»

Я видѣлъ ее черезъ два дня на полѣ. Она жала пшеницу, такую спѣлую, что зерно высыпалось изъ колосьевъ. Работала она невдалекѣ отъ желчнаго, одноглазаго работника, который негодился въ солдаты. Она такъ углубилась въ свое дѣло, что не замѣтила меня, и тогда только подняла голову, когда я окликнулъ ее. Волосы у нея прилипли къ вискамъ, но лицо было радостное отъ сознанія, что она справляется съ работой.

— Обѣщала мужу, что не дамъ пропадать нашему хлѣбу. Вотъ видите! Въ концѣ сентября придется и за плугомъ ходить, если онъ не вернется. Но, вѣдь, онъ вернется...

Произнесла она это увѣренно, но недостаточно твердо и слегка вопросительно.

— А гдѣ онъ сейчасъ? Вы уже имѣли вѣсточку?

— Да. Онъ прибылъ въ Парижъ. А теперь ѣдетъ въ Бельгію. Это далеко?

— Не очень. А что ваша дѣвочка? Спитъ дома въ своей колясочкѣ?

Фермерша изъ Ренодьеръ всегда съ большимъ почтеніемъ относилась ко мнѣ, но теперь я замѣтилъ, что она смотритъ на меня съ снисходительнымъ сожалѣніемъ: какъ это я могъ подумать, что мать оставитъ своего ребенка дома одного, безъ всякаго присмотра? И она гордымъ материнскимъ взглядомъ, кивкомъ головы и движеніемъ пальца показала мнѣ бѣлый съ голубымъ комочекъ, въ тѣни старой яблони, на краю полосы.

Шли дни за днями. Эме Котеро продолжала работать, и каждый день въ два часа поджидала почтальона въ концѣ рябиновой аллеи. Онъ пріѣзжалъ на велосипедѣ, низко пригнувшись къ рулю. «Для меня ничего нѣтъ?»—«Сейчасъ ничего, будетъ

завтра». До конца сентября она ежедневно, не пропустивъ ни одного дня, приходила на то же мѣсто, задавала тотъ же вопросъ и получала тотъ же отвѣтъ. Женщины изъ пригорода говорили ей: «Напишите ротному командиру» или «Напишите въ Красный Крестъ въ Женеву. Можетъ быть, они что-нибудь знаютъ». Она написала и затѣмъ рѣшила спокойно ждать и заниматься хозяйствомъ и дѣвочкой. Каждый день до четверти третьяго ей казалось, что радость близко, что вотъ-вотъ она войдетъ въ душу, но она не входила.

Скоро друзья и пріятельницы стали избѣгать встрѣчъ съ фермершей изъ Ренодьеръ. Они боялись выдать себя: ходилъ слухъ, что Жанъ Котеро убитъ. Какой-то сержантъ во время одного изъ сраженій подъ Намюромъ видѣлъ, какъ фермеръ изъ Ренодьеръ упалъ, скрестивъ руки и выронивъ свою винтовку. Всѣ въ окрестности—и родители, и дѣти, и даже жители отдаленныхъ фермъ—всѣ знали о смерти Котеро; не знала только одна его жена.

Въ послѣднихъ числахъ сентября можно было на принадлежащемъ фермѣ полѣ видѣть одноглазаго пахаря за плугомъ, а молодая хозяйка шла сбоку и длинной палкой погоняла воловъ. Она не пѣла пѣсню, какъ настоящій пахарь, но бодро шагала справа отъ упряжки и покрикивала на воловъ. Голосъ ея,—негромкій, все же залеталъ за окрестные холмы, и не одну душу волновали эти звуки: «Эй, Рыжакъ! Ну-ну, веселѣй, братцы!» Фермерша глядѣла на свѣжіе комья рыхлой, дымящейся земли и думала: «Конечно, не женское это дѣло; но, когда Жанъ вернется, онъ будетъ очень уставши, и я скажу ему: отдохни». Но тотчасъ она прерывала сама себя, потому что ея надежда ослабѣвала и падала, точно увядшій листъ. Такой тяжелый трудъ Эме Котеро выдерживала больше недѣли, а затѣмъ однажды утромъ сосѣдъ-старикъ изъ Малабри явился замѣнить ее. Черезъ пять дней работа съ плугомъ была окончена. Тогда къ ней пришелъ арендаторъ изъ Лешеръ и сказалъ: «Послушайте, вы не безпокойтесь: я взбороню ваше поле, затѣмъ работникъ укатаетъ его, а я засѣю».

Никто не говорилъ съ Эме объ ея мужѣ, но она замѣчала, что и у нихъ на душѣ неспокойно.

Снова видѣлъ я ее за работой вмѣстѣ съ сосѣдями, въ серединѣ октября, въ полусолнечный день съ слабымъ вѣтромъ, приносившимъ запахъ лѣса. Хозяинъ изъ Лешеръ, кряжистый мужчина, весь въ коричневомъ, шагалъ по межѣ, набиралъ зерна изъ полотнянаго мѣшка, висѣвшаго у него на перевязи,

и кидалъ горсть пшеницы, стараясь ровно разсыпать ее. Черезъ двѣ межи одноглазый работникъ погонялъ кобылу, утрамбовывая посѣвы гранитнымъ валькомъ. Эме Котеро не хотѣла оставаться дома, пока они такъ тяжко работаютъ. Она взяла деревянную колоду съ ручкой, шла впереди сѣятеля и разбивала комья земли, не тронутые плугомъ. Они работали въ той части поля, къ которой подходила рябиновая аллея. Вы не можете себѣ вообразить, какъ великолѣпенъ былъ этотъ двойной рядъ деревьевъ съ пышными гроздьями яркихъ ягодъ и тонкими стрѣльчатыми листьями, окрашенными осенью въ огненно-розовый цвѣтъ.

Я медленно брелъ по полю: въ этихъ мѣстахъ не привыкли торопиться. Но быстрѣе меня черезъ поле, напрямикъ къ фермершѣ, приближался мальчикъ лѣтъ пятнадцати, смущенный и улыбающійся, съ хорошимъ, яснымъ лицомъ. Онъ остановился шагахъ въ трехъ отъ женщины, только теперь увидѣвшей его, и снялъ шапку.

— Если хотите,—сказалъ онъ,—я собью съ деревьевъ всю вашу рябину, а затѣмъ вмѣстѣ съ моими сестрами мы вамъ ее притащимъ на ферму:

Эме Котеро не отвѣчала. Она посмотрѣла на мальчика, на работника, на стараго фермера. Ея лицо стало бѣлѣе платка, которымъ были повязаны ея волосы. Казалось, что она только-что очнулась отъ сна и не въ силахъ разсказать, что она видѣла. Кругомъ было тихо, тихо! Наконецъ, она сказала:

— Всѣ приходятъ помогать мнѣ. Это значитъ, что убили у меня мужа!

Никто не могъ ей отвѣтить. Тогда она бросила палку, отвернулась и пошла къ краю полосы, гдѣ на травѣ сидѣлъ ея ребенокъ. Она взяла ребенка на руки, крѣпко прижала его къ себѣ и, согнувшись, медленно пошла домой по рябиновой аллеѣ. Душой она была уже вдова—она перестала вѣрить въ жизнь.

II.

Ночное дежурство.

— Вы, вѣдь, будете дежурить эту ночь, сестра? Правда?

— Да, г-нъ докторъ.

— Если бы случилось кровотеченіе, телефонируйте мнѣ.

— Вы слишкомъ добры, докторъ. Обыкновенно, мы съ санитаромъ справляемся.

— Ну, конечно! Вѣдь, вы, сестра, перевязываете не хуже насъ, врачей. Я даже долженъ просить у васъ прощенія за то, что̀ я сказалъ вамъ, когда оперировалъ этого стрѣлка изъ Понтъ-а-Муссона. Вы недостаточно быстро подали мнѣ пинцетъ, и я, кажется, выругался.

— Совершенно вѣрно, докторъ. Но относилось это не ко мнѣ.

— Да, это относилось къ Богу. Но вы, вѣдь, изъ его семьи!

Сестра, вся въ бѣломъ и черномъ, спокойная, улыбающаяся, вдругъ измѣнилась въ лицѣ. Она стала серьезной. Одинъ моментъ она перестала быть сестрой милосердія, послушной врачу, перестала быть женщиной старой помѣщичьей семьи изъ Лотарингіи: она стала только монахиней. И она отвѣтила:

— Да, изъ семьи... и очень недостойная.

И въ эту короткую минуту у нея былъ такой видъ, какой бывалъ, когда она возвращалась съ причастія, опустивъ глаза, съ просвѣтленной душой и съ сіяніемъ на лицѣ, которое шло изнутри.

Разговоръ этотъ происходилъ между двухъ открытыхъ дверей, сообщавшихъ палату для раненыхъ съ другой комнатой, служившей вестибюлемъ и вмѣстѣ канцеляріею для дѣлопроизводства по госпиталю. Врачъ первый вошелъ въ канцелярію, гдѣ у самаго окна работала на машинкѣ барышня. Докторъ былъ высокаго роста, худой, съ головой общипанной птицы, въ морщинахъ, но въ его глазахъ бѣгали лукавые огоньки, а улыбка его была пріятна. Онъ началъ развязывать и разстегивать свой полотняный халатъ, топорщившійся на немъ складками, какъ на мѣшковатомъ узлѣ. Сестра стояла, ожидая, маленькая, спокойная.

— Дѣло въ томъ, сестра, что я не совсѣмъ спокоенъ за этого Обріо.

— Но операція сошла удачно.

— Да, конечно. Но, вѣдь, часто умираютъ послѣ удачной операціи. Онъ потерялъ много крови. Нога сильно искромсана, на плечѣ глубокая рана... Словомъ, слѣдите за нимъ хорошенько и если что, вызовите меня. Надо его спасти!

— Какъ и всѣхъ ихъ, бѣдныхъ! Стараешься, хотѣлось бы...

Докторъ бросилъ скомканный халатъ на столъ, заваленный бумагами.

— Простите. Обріо не похожъ на всѣхъ. Поручикъ, который пріѣхалъ съ этимъ санитарнымъ поѣздомъ вчера утромъ, только и разсказывалъ что про него. Развѣ я не говорилъ вамъ? Въ мирное время это былъ спокойный парень, работникъ на фермѣ, не пьющій, бережливый, но ничѣмъ не выдѣляющійся. Но пошелъ онъ на войну, и оказалось, что это истинный французъ—патріотъ съ головы до ногъ. Въ Лотарингскихъ лѣсахъ не было человѣка храбрѣе его, а это, знаете, очень много! Онъ никогда не боялся!

— Скажите лучше, что онъ этого не показывалъ!

— Можетъ быть. Ему давали самыя опасныя порученія. Онъ работалъ штыкомъ, да какъ! Вамъ, можетъ быть, это непріятно слушать, но когда наши разъ взяли нѣмецкую траншею, онъ былъ, какъ собака-ищейка, которая покинетъ засаду только, когда не останется ни одного живого кролика!

— Разбойникъ!

— И онъ былъ раненъ, позавчера, когда въ четвертый разъ шелъ въ атаку на одну изъ этихъ траншей. Вотъ солдатъ! Мы съ вами, сестрица, должны спасти его!

— Что́ же, докторъ? Я всей душой готова. До завтра!

Докторъ повернулся и пошелъ, на ходу широкимъ жестомъ накинувъ на шею кашнэ. Сестра же вернулась въ палату. Быстрый взглядъ влѣво, взглядъ вправо, и она оглядѣла всѣ свои владѣнія: она замѣтила, что Обріо еще находится въ состояніи анестезіи; что другой оперированный начинаетъ лихорадить; что въ одномъ окнѣ не закрыты ставни; что въ ея отсутствіе кто-то приходилъ и забралъ спиртовку, которую она поставила въ углу камина и, наконецъ, что одна изъ сестеръ-помощницъ, мадамъ Белльеръ подходитъ просить разрѣшенія уйти. Мадамъ Белльеръ, маленькая особа, очень добрая и очень усердная, сильно старалась казаться серьезной, но никакъ не могла добиться этого, хотя у нея и бывали огорченія: ужъ очень не монашескіе были у нея глаза. И теперь она улыбалась непринужденно, приближаясь къ старшей сестрѣ, но та предупредила ее:

— Да, я знаю. Вамъ надо сегодня вечеромъ уйти на полчаса раньше.

Привѣтливо кивнувъ другъ другу, женщины разстались. Сестра зажгла ночникъ, оправила одну изъ кроватей, сказала что-то одному раненому, дала другому напиться, вытерла что-то на полу. Промелькнула тѣнь: это была дама-вдова, проводившая почти всѣ дни въ госпиталѣ и часто остававшаяся и вечера

ухаживать за тяжело-ранеными, которыми она особенно интересовалась. Она, неслышно скользя, прошла палату, держа въ рукахъ дымящуюся чашку. На лицѣ ея лежалъ отпечатокъ чужого страданія. Зазвонили колокола въ церкви. Началась ночь.

Сестра взяла стулъ у камина и понесла его въ другой конецъ залы—туда, гдѣ начиналась маленькая аллея изъ двухъ рядовъ кроватей. Она сѣла и поставила себѣ подъ ноги табуретку (такъ какъ у нея были короткія ноги), всунула руки въ свои широкіе рукава и стала перебирать четки—ей никакъ не удавалось овладѣть теченіемъ своихъ мыслей.

Ее заботили больные. Одинъ часто стоналъ дѣтскимъ голосомъ, волновавшимъ ея материнскую душу. А первый отъ нея слѣва, Обріо, лежалъ все также неподвижно, на спинѣ, съ закрытыми глазами. Его ноздри были сжаты, а полныя, осѣненныя легкимъ пушкомъ губы, которыя такъ весело посвистывали въ полѣ на работѣ, теперь были изсиня-лиловыя. Бѣдняга! Вотъ уже пять часовъ, какъ онъ лежитъ такъ, не приходя въ себя, послѣ вдыханія хлороформа.

Онъ слишкомъ перестрадалъ. Онъ потерялъ слишкомъ много крови; у него нѣтъ силы даже шевельнуть пальцемъ. Подъ бѣлымъ одѣяломъ по обѣ стороны его тѣла вздымаются горбомъ сжатые кулаки.

Бьетъ десять часовъ, половина одиннадцатаго. Наконецъ, одиннадцать. Идетъ дождь. Тишина такая, что слышенъ и шумъ дождя и отдаленный гулъ пушекъ, долетающій издалека, и дыханіе раненыхъ, даже и Обріо. А вотъ онъ дѣлаетъ усиліе, чтобы раскрыть вѣки... размыкаетъ ихъ... и снова они падаютъ. Сестра, уже было поднявшаяся, снова садится на мѣсто. Но она довольна. Теперь она знаетъ, что скоро онъ проснется, что его душа выпутается изъ оковъ. Что онъ скажетъ? Раненымъ надо умѣть отвѣтить, пожалѣть ихъ, пріободрить, обѣщать скорѣе выздоровленіе. «Я привыкла ихъ утѣшать,—думаетъ сестра,—и мнѣ это удается, потому что мнѣ очень ихъ жалко. Если онъ попроситъ впрыснуть ему морфію, я сдѣлаю—пусть докторъ говоритъ что хочетъ! Солдатъ, который такъ сражался, какъ онъ, заслужилъ, чтобы его побаловать. Но если онъ спроситъ, что у него дома? А я даже не знаю, откуда онъ. Если онъ будетъ умолять меня вызвать мать, какъ они часто просятъ, или невѣсту? Вѣдь, все возможно... все...»

Прошло еще немного времени. Вдругъ раненый вздрогнулъ и вытянулъ руки. Сестра уже склонилась надъ нимъ. При слабомъ свѣтѣ ночника она увидала, что въ стеклянномъ взорѣ

солдата все растетъ сознаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается выраженіе тревоги, раздумья, упорной мысли...

— Сестрица...

— Что́, голубчикъ? Что́ тебѣ?

Боль мѣшала раненому продолжать. Онъ сдѣлалъ большое усиліе, чтобы приподняться немного.

— Сестрица... взяли ее?.. взяли?

— Кого, голубчикъ?

— Траншею?

— Траншею?...

О траншеѣ никто ей ничего не говорилъ.

Должно быть, и докторъ тоже не зналъ, что́ произошло съ этой траншеей. Но, вѣдь, этотъ юноша можетъ умереть! Сестра вся затрепетала. Она улыбнулась ему и нѣжно, какъ мать, погладила рукой по его плечу.

— Да, милый, конечно, взяли.

И она тихо прибавила:

— А теперь спи!

Голова солдата тотчасъ запрокинулась на подушку. Онъ улыбнулся блаженно и заснулъ—заснулъ живительнымъ, исцѣляющимъ сномъ.

III.

Деревенскій пастырь.

Вотъ и весна. Что́ бы то ни было, а она пришла на землю и мы все-таки радуемся ей. Даже, на сѣверныхъ равнинахъ Па-де-Кале, откуда суровые вѣтры и дожди уходятъ только къ серединѣ года, даже и здѣсь есть уже признаки, которые не обманываютъ и какъ бы говорятъ: «Спѣшите, добрые люди! Спѣшите съ работами и послѣдними посѣвами—не то вы въ августѣ соберете только половинный урожай!»

Увы! Мало глазъ видитъ эти знаки, да и то это были глаза женщинъ и дѣтей. Мужчины ушли на войну; лошади тащатъ по пограничнымъ дорогамъ телѣги, нагруженныя хлѣбомъ и мѣшками овса; хозяйскій кнутъ виситъ въ конюшнѣ на гвоздикѣ, и кисточка, которая отъ одного щелканья бывало убавлялась въ прошломъ году по крайней мѣрѣ на три пальца въ недѣлю, теперь болтается клубочкомъ, точно завитокъ.

Не вылетаютъ теперь куры изъ-за стойлъ съ испуганнымъ

кудахтаніемъ, какъ бывало, когда красивая сѣрая кобыла протягивала къ нимъ шею. Меньше скотины, меньше людей, меньше хлѣба въ будущемъ, а мысли женщинъ всѣ устремлены вдаль—какой тяжелый годъ!

Теперь деревня засыпаетъ сразу, безъ перехода, какъ вечеръ безъ сумерекъ. Не успѣютъ матери, молодыя дѣвушки, да старые инвалиды 70-го года вернуться изъ церкви, гдѣ священникъ прочиталъ вечернюю молитву и De Profundis, какъ они уже запираютъ свои двери на засовы, и сразу пустѣетъ вся деревня: большая улица и три маленькія съ сѣверной стороны, которыя сходятся въ формѣ гусиной лапки. Теперь сосѣди не перекликаются пожеланіями «спокойной ночи». Каждый несетъ свое бремя въ одиночку, каждый чувствуетъ себя обломкомъ семьи, ищетъ уединенія и молчанія. Напрасно апрѣльскій свѣтъ, холодный бѣлый свѣтъ не угасаетъ въ небѣ надъ безконечной гладью полей.

Кюре вернулся къ себѣ, въ низенькій домикъ за церковью; его можно узнать по желѣзному кресту на каменной стѣнѣ сада, да по грушамъ, шпалерами обвивающимъ фасадъ дома изъ заплѣсневѣлой черепицы. Служанка затопила каминъ, несмотря на запрещеніе. Но развѣ старый кюре былъ бы еще живъ, еслибъ она не дѣлала по-своему? Вѣдь это человѣкъ, который не понимаетъ, когда холодно, когда жарко, а самъ по ночамъ кашляетъ, «хуже барсука, прости Господи!» Онъ пережилъ войну 70-го года, но теперешняя его больше волнуетъ. Онъ уже немолодъ, и сердце у него болитъ отъ чужого несчастья; все кругомъ его какъ будто и не касается, но отъ всего онъ страдаетъ.

Мари права. Она убираетъ со стола три тарелки, салфетку, бутылку пива и четыре яблока горкой, которыя уже больше недѣли появляются на столѣ—но ему и въ голову не приходитъ очистить хоть одно изъ нихъ. Это тоже для Мари важный признакъ. Пообѣдалъ кюре меньше чѣмъ въ десять минутъ, и вотъ онъ уже сидитъ передъ каминомъ въ соломенномъ креслѣ, согнувшись и сложивъ свои красныя руки въ видѣ экрана. Съ тѣхъ поръ, какъ его всегдашній собесѣдникъ-аббатъ ушелъ на фронтъ, ему случается обращаться съ рѣчью къ Мари, у которой такой видъ, какъ-будто она понимаетъ очень много вещей. И этого ему довольно. Она входитъ, выходитъ, слова сопровождаютъ ее. И она отлично понимаетъ, что на свѣтѣ теперь стало очень тяжело жить.

— Знаете, Мари? Наши есть во всѣхъ полкахъ. Я бы

могъ по памяти перечислить цѣлый списокъ: пѣхота, гусары, кирасиры, канониры, саперы и даже одинъ авіаторъ. Хотѣлось бы еще увидать ихъ—всѣхъ, даже тѣхъ, которыхъ я не любилъ. Я желаю имъ того, чего раньше люди не цѣнили: своей простой, обычной жизни. Мы считали ее тяжелой, потому что она угнетаетъ насъ своимъ однообразіемъ, но она такъ хороша, такъ пріятна!

— А вы совсѣмъ не то говорили прошлое воскресенье въ проповѣди!

— А что я говорилъ, Мари?

Она не сразу отвѣтила, потому что должна была еще сбѣгать за чѣмъ-то на кухню. Но, вернувшись и шлепая своими сабо, она сказала:

— Вы говорили, господинъ кюре, что тѣхъ, что вернутся, ожидаетъ великая слава. Много проку отъ этой славы! Изъ нея ноги не сдѣлаешь!

— Вы не понимаете, Мари, что̀ такое слава. Вамъ кажется, что это крикъ на улицѣ, каска съ перомъ, да всякое такое. Я бы это назвалъ худой славой. А настоящая слава... о, какъ она нужна намъ! Она не занимаетъ чужого мѣста, но сохраняетъ свое; она не боится говорить и, когда ей встрѣчается бѣдный малый въ слезахъ, она спрашиваетъ громко: «Хотѣлось бы знать, кто его обидѣлъ?» Она не отказывается заниматься дѣломъ справедливости оттого, что оно опасно. Когда человѣкъ возвращается со славой, защитивъ свою родину, какъ вернутся мои прихожане, у него—больше души, чѣмъ у того, кто не сражался: онъ страдалъ за тѣхъ, кто остался дома, онъ видѣлъ смерть, и въ его глазахъ осталось сіяніе печали и чести... Мари, я пойду имъ навстрѣчу до самой границы прихода, и буду привѣтствовать ихъ:—Добро пожаловать, Дидло! Здравствуйте, Кордебаръ! И Щенокуръ, и Парселье, и Тьенаръ!

— Я тоже пойду, хоть ноги у меня и не ходятъ.

— Мы будемъ вмѣстѣ. Но, когда они насъ узнаютъ, на кого они станутъ глядѣть послѣ насъ?

— Да на кого же? Конечно, на свои поля. А можетъ быть, на насъ и не взглянутъ.

— Да, Мари, а, вѣдь, это меня сильно тревожитъ: поля не такъ выглядятъ, какъ надо. Вотъ только сегодня видѣлъ я женъ Дидло, и Кордебара, и Парселье. У нихъ осталось по скверной лошаденкѣ для весеннихъ работъ, а ходить за плугомъ будутъ у нихъ мальчишки лѣтъ по пятнадцати—ну, дѣти совсѣмъ! Въ мирное время такому никто бы и горсти зерна для

посѣва не довѣрилъ. А старуха Шенокуръ даже и такого получеловѣка не нашла для своей пашни—ея поле возлѣ самаго предмѣстія Ранконье, гдѣ кончается мой приходъ. И вотъ сегодня ей пришлось ходить въ сосѣдній приходъ искать работника. Найдетъ ли она? Бѣдная вдова—и три сына на войнѣ! Я и сказать не могу, какъ мнѣ больно видѣть ея старое жнивье между свѣже-вспаханными и засѣянными полосами сосѣдей. Мнѣ страшно за нее, чтобы не ушло время. Я, вѣдь, толкъ въ землѣ знаю: я мужикъ, Мари, настоящій мужикъ!

Но Мари уже съ минуту не было въ комнатѣ. Она задвинула засовъ въ корридорѣ, побранила кота, и слышно было, какъ она зашагала по лѣстницѣ наверхъ, въ свою комнатку на мезонинѣ. Начиналась ночь.

Утро слѣдующаго дня было похоже на многія другія апрѣльскія утра на сѣверѣ, среди болотъ. Какъ только взошло солнце, его закрылъ густой туманъ, а около одиннадцати часовъ сталъ сѣять мелкій дождикъ. Вѣтеръ налеталъ порывами, широкими и круглыми, точно дыханіе человѣческаго рта, и кропилъ пашни и крыши домовъ водяной пылью, столбы которой носились по воздуху.

Но послѣ-полудня возлѣ церковнаго дома напрасно звонили люди по дѣлу къ кюре: никто не выходилъ отворять. А на краю прихода рѣдкіе прохожіе среди поля видѣли мужчину и женщину, ходившихъ за плугомъ.

Мужчина былъ высокаго роста и держался очень прямо. Голова его ничѣмъ не была покрыта, и дождь сбилъ его бѣлые волосы въ безпорядочныя пряди. Онъ подоткнулъ свою рясу и у пояса связалъ ее веревкой. Большими шагами онъ ступалъ, поддерживая обѣими руками плугъ, вслѣдъ за слишкомъ молодой для работы, но усердной кобылой, которую наняла вдова Шенокуръ. Маленькая, согнутая тѣнь съ трудомъ двигалась рядомъ и иногда, по приказанію пахаря, подымала кнутъ или тянула возжи. Ни онъ, ни она не говорили. Вокругъ старой мельницы, стоявшей на маленькомъ бугоркѣ, откуда поле по склону спускалось до самаго горизонта, они провели одну борозду, затѣмъ другую и третью.

Когда день началъ клониться къ закату, и они приблизились уже къ мельницѣ, Мари остановила лошадь и сказала:

— Я, господинъ кюре, не такая, какъ вы. До службы у васъ я въ портнихахъ жила. Больше я не могу.

Она поблѣднѣла, какъ небо, вымытое отъ тучъ и блестѣвшее тамъ, откуда шелъ вѣтеръ.

— Такъ возвращайтесь домой, Мари. Вы это заслужили; земля была очень твердая.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ дорогѣ. Было очень тихо, какъ бываетъ обыкновенно послѣ долгаго дождя.

— Позвоните Angelus, когда придетъ время,—прибавилъ онъ еще.

Тихій, какъ дуновеніе, голосъ отвѣтилъ ему: «Хорошо».

И вотъ безъ помощи, одинъ, среди пустыни полей и молодыхъ посѣвовъ, старый кюре до поздняго вечера воздѣлывалъ длинную еще пашню трехъ мобилизованныхъ.

IV.

Домъ Жанны д'Аркъ.

Я совершилъ паломничество въ Домреми,—теперь, благодаря войнѣ, такое трудное и волнующее. Туда нуженъ пропускъ, такъ какъ черта расположенія войскъ почти рядомъ и, кажется, включаетъ даже Вокулеръ. Желѣзныя дороги служатъ прежде всего для перевозки арміи, снаряженія и припасовъ, а безоружный пассажиръ, если его терпитъ администрація, то, во всякомъ случаѣ, онъ не находитъ ни капли пониманія у станціоннаго жандарма. Съ недоумѣніемъ всѣ глядятъ на нездѣшняго проѣзжаго и вдобавокъ безъ форменной фуражки. Спрашиваютъ: чего ему здѣсь надо? Хозяйка гостиницы, которая совершенно подавлена отсутствіемъ прислуги и безпрестанной смѣной своихъ голодныхъ и шумливыхъ гостей, ѣдущихъ на фронтъ и съ фронта, отвѣчаетъ: «Нѣтъ мѣста, господинъ. Сегодня была у насъ еще одна комната, № 47, но ее занялъ генералъ». Извозчиковъ мало по двумъ причинамъ: во-первыхъ, почти всѣ взяты на войну, а, во-вторыхъ, лошади, не взятыя по реквизиціи, это такія клячи, которыя уже не умѣютъ ходить рысью или никогда не умѣли. Мы отвыкли отъ медленнаго передвиженія, но въ красивой мѣстности это отнюдь не недостатокъ.

А красива и пріятна эта мѣстность—родина Жанны д'Аркъ: широкая долина, посрединѣ вся зеленая отъ травы и опоясанная болѣе темной зеленью лѣса; онъ вѣнчаетъ рядъ параллельно идущихъ холмовъ или волнообразными линіями спускается внизъ, перерѣзывая свѣтлыя ленты луга. Рѣка Мёзъ течетъ здѣсь, еще узенькая, развѣтвляясь на маленькіе каналы и поблескивая на солнцѣ. Широкое небо даетъ много свѣта этому спокойному простору, гдѣ на свободѣ гуляетъ вѣтеръ.

На станціи я нашелъ открытый шарабанъ и нанялъ его вмѣстѣ съ старымъ капитаномъ и тремя поручиками, возвращавшимися изъ траншей. Они ѣхали далеко въ свой гарнизонъ и свернули съ пути изъ любви къ спасительницѣ—Жаннѣ.

Мы всѣ были одинаково настроены, но никто не высказывалъ своихъ чувствъ. Это часто бываетъ. Въ Домреми я разстался съ ними. Они продолжали путь дальше, къ собору, шпиль котораго разсѣкаетъ просвѣтъ между деревьями, километра за два впереди. Меня же влекло къ домику Жанны. Снаружи онъ, какъ извѣстно, остался неприкосновеннымъ. Два окна съ перекладиной, одно надъ другимъ по одной сторонѣ двери, и только одно—по другой, такъ какъ крыша идетъ, понижаясь слѣва направо. Домъ этотъ—типичное жилье зажиточнаго крестьянина, и чѣмъ-то роднымъ вѣетъ отъ него. Въ первой комнатѣ—служившей кухней и чистой горницей вмѣстѣ по старому обычаю французской деревни—я съ сокрушеніемъ замѣчаю выбѣленныя стѣны и статуи героини, тогда какъ все диктовало почтеніе къ бѣдности, къ мшистымъ камнямъ и голому полу—трогательнымъ реликвіямъ той, которая насъ любила. Что за тупыя головы придумали устроить музей тамъ, гдѣ должно быть святилище? Къ счастью, комната Жанны осталась безъ украшеній: она мала, темна, и свѣтъ попадаетъ въ нее только сквозь квадратное оконце, черезъ которое, какъ говорила Жанна, «мнѣ видна была лампада алтаря». И въ самомъ дѣлѣ: церковь здѣсь совсѣмъ близко, и не было ни садика, ни даже деревца между Жанной и источникомъ ея вдохновенія. Камни стѣнъ этой комнаты покрыты зеленымъ налетомъ, какъ бываетъ въ погребахъ. Вотъ здѣсь, вѣроятно, стояла кровать. Повыше, въ углубленіи стѣны еще сохранился шкапикъ; сюда Жанна складывала свои пожитки, аккуратно сложенные и заштопанные, потому что она была дѣвушка хозяйственная, «прясть умѣющая, какъ добрая французская хозяйка», какъ она тоже сама говорила, да и жила она въ тѣ времена, когда въ домѣ мало покупали и много вещей дѣлали сами. Эти изъѣденныя временемъ балки она видала и, можетъ быть, даже трогала руками, ибо онѣ низки, а она была высокаго роста. Навѣрное даже она касалась ихъ. Вотъ, очень подточенная временемъ, но различимая, полка для хлѣба между двумя бревнами. Та самая рука, которая взяла мечъ Франціи, когда-то тянулась къ этимъ балкамъ подъ потолкомъ, гдѣ хранились домашніе запасы хлѣба на цѣлыхъ двѣ недѣли, выпеченные Изабеллой Роме; Жанна брала круглый хлѣбъ и «дѣлила къ столу», но сначала заботливо кончикомъ ножа отмѣчала кре

сикъ на мучнистой горбушкѣ, съ оттиснутымъ на ней узоромъ грубаго полотна.

Здѣсь-то совершались утромъ и вечеромъ молитвы; здѣсь эта душа крѣпла и росла. Здѣсь Жанна оплакивала разоренную и растерзанную Францію, а въ сосѣдней комнатѣ, у очага Жакъ д'Аркъ и его жена разспрашивали своего гостя, странствующаго купца, и говорили, не зная, что ихъ слышатъ: «Такъ вы говорите, что у короля нѣтъ больше силы и его владѣнія теперь стали не больше нашего поля, которое каждый хочетъ ограбить. Кто насъ спасетъ? Когда это кончится? Поможетъ ли намъ Богъ?»

А она была тутъ же за дверью, эта дѣвушка - крестьянка, вся трепещущая за бѣдствія Франціи и слышащая голосъ, говорившій ей: «Иди, дѣва съ возвышенной душой! Иди—такъ надо!»

Въ домикѣ есть и другія комнаты, но въ нихъ Жанна не чувствуется такъ сильно, какъ въ этой. Когда я осматривалъ ихъ, пришли солдаты, гостепріимно принятые въ деревнѣ. Меня тронула сдержанность, почтительность ихъ манеръ и словъ. Они чувствовали себя, какъ въ церкви. О Жаннѣ они знали только: «Она спасла Францію»; но этого достаточно было для людей, только, что бывшихъ въ сраженіи. Они вписывали свои имена въ книгу посѣтителей. Одинъ изъ нихъ произнесъ: «Что тогда, то самое и теперь». Но я не знаю, говорилъ ли онъ о домѣ, такъ похожемъ на нашу современную ферму, или о другомъ. У него было спокойное, мужественное лицо, какъ у хорошаго крестьянина, который рядомъ съ волами медленно возвращается домой къ ужину.

Я видѣлъ церковь въ Домреми, частично сохранившуюся, и видѣлъ чашу, ту самую, въ которую Жанна А'ркъ погружала пальцы, когда она приходила сюда по утрамъ въ сопровожденіи кого-нибудь изъ четырехъ крестныхъ отцовъ и восьми матерей, бывшихъ у нея при крещеніи. Затѣмъ я отправился пѣшкомъ въ Бермонъ—разстояніе тамъ небольшое.

И Домреми, и Грё—все это небольшія деревни, и я думаю, что общій видъ мѣстности мало измѣнился съ тѣхъ поръ. Въ свѣжихъ садахъ, обнесенныхъ изгородью, была теперь пора лилій. И мнѣ казалось, что во всѣхъ домахъ поднимаются стройныя колонны ихъ стеблей съ цвѣтами, похожими на звѣзды. Послѣ Грё, дорожка вьется вверхъ по каменистому, но обработанному плато. Внизу зеленая долина Мёзы сверкала и переливалась на вѣтру. Вѣтеръ поднялся, потому что настала его пора—пора

вѣтра, брачущаго цвѣты, какъ потомъ наступитъ время разнести сѣмя. Облака уходили въ ту сторону, о которой современники Жанны д'Аркъ могли сказать: «Вонъ тамъ—Франція!» Дорожка исчезала въ лѣсу. Стали попадаться довольно большіе холмы. Флора ихъ уже горная. На вершинѣ одного изъ нихъ, среди лѣса, я увидѣлъ большой домъ и часовню. Буйнымъ запахомъ земли и лѣса вѣяло здѣсь. Домъ этотъ—лѣтнее общежитіе для молодыхъ работницъ и приказчицъ изъ Парижа, пріѣзжающихъ подышать и поправиться; часовня, ихъ часовня—это та самая, куда Жанна д'Аркъ паломничала по субботамъ. Тамъ находится статуя, упоминаемая въ процессѣ Бермонской Богоматери, и св. Тьебе и Христосъ XI-то вѣка, а также и другія священныя изображенія, на которыхъ останавливался ея чистый, молящій взоръ.

Нельзя не поддаться глубокому вліянію этихъ свидѣтелей исторіи Жанны д'Аркъ. Съ высокаго склона, на которомъ стоитъ домъ съ часовней, мнѣ видно была вся линія лѣсовъ, до Грё и Домреми и еще дальше за Буа-Шеню. Передо мной разстилалась область святой воительницы. И я думалъ:

«Теперь ты болѣе могущественна, чѣмъ тогда, когда была здѣсь или даже на берегахъ Луары или въ Реймсѣ, который они бомбардируютъ изъ ненависти къ тебѣ.

«Мы страдали и пожертвовали много французской крови, которая тебѣ дорога. Но она нужна для искупленія. Другой пролилъ Свою, Тотъ, Который былъ достойнѣе насъ.

«Молись Ему, чтобы Онъ сократилъ испытаніе. Храбрость не покидаетъ твоихъ сыновъ—ты это знаешь. Они будутъ тверды, пока это будетъ нужно, но вотъ уже годъ, какъ мы не знаемъ радости. Верни намъ радость!

«Ты, которая чудомъ водворила единство въ государствѣ и вдохнула душу въ народъ французскій, коснись нашихъ сердецъ и теперь!

«Сражайся съ нами, чтобы завершить войну: ибо побѣда и ты—нераздѣльны».

Съ франц. пер. М. Славинская.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЧЕТВЕРТЬ-ФУНТА.

Фредерика Бутэ.

I.

Рождественскій подарокъ Четверть-Фунта.

Ему было девять лѣтъ. Звали его Гекторъ, но такъ какъ столь величественное имя совсѣмъ не шло къ нему, то сосѣди сократили его въ Гекто [1]), а потомъ сапожникъ—пьяница и шутникъ,—которому мальчикъ носилъ иногда башмаки въ починку, прибавилъ ему, въ видѣ каламбура, еще 25 граммъ, и изъ Гекто вышло Четверть-Фунта. Это прозвище такъ и осталось за ловкимъ, проворнымъ, но худенькимъ, блѣднымъ и очень маленькимъ для своего возраста мальчикомъ.

Мать его шила мужскія рубашки на магазинъ, а отца онъ никогда не зналъ. За двадцать часовъ работы въ сутки мать получала франка полтора, и на эти деньги приходилось жить вдвоемъ. Роскошествовать, конечно, не приходилось, а тѣмъ болѣе мечтать о подаркѣ для Четверть-Фунта, особенно на Рождество; вѣдь зима несетъ съ собой лишніе расходы.

Когда онъ былъ одинъ, мать еще могла, бывало, истратить на него нѣсколько су и купить ему игрушку, апельсинъ, пару сахарныхъ трубокъ. Но положеніе измѣнилось къ худшему, когда родилась сестренка отъ другого, тоже неизвѣстнаго, или, по крайней мѣрѣ, мало извѣстнаго отца, который прожилъ съ ними недолго. Все это время онъ пьянствовалъ, давалъ пощечины Четверть-Фунту, билъ мать и, наконецъ, подаривъ ребенкомъ и продавъ всю мебель, исчезъ—куда?—неизвѣстно.

Женщина состарѣлась послѣ вторыхъ родовъ, и навсегда

---

[1]) 100 граммъ—одна пятая фунта.

возненавидѣла мужчинъ; поэтому она никѣмъ не замѣнила этого второго, «папу». Теперь ей приходилось думать, какъ бы уберечь своихъ дѣтей отъ голодной смерти, и это было нелегко; но если все-таки какимъ-нибудь чудомъ удавалось съэкономить два-три су, они, конечно, шли теперь на дѣвочку: вѣдь Четверть-Фунта былъ уже большой,—чего его баловать!

Кромѣ того, онъ самъ былъ выше пустяковъ такого рода. Постоянная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ и привычка къ лишеніямъ выработали въ немъ, вмѣстѣ съ ловкостью и изворотливостью, снисходительно-беззаботное отношеніе къ жизни. Онъ походилъ на стараго, опытнаго философа, равнодушнаго къ событіямъ и стойкаго подъ ударами презираемой имъ судьбы. Засунувъ руки въ глубокіе карманы и поднявъ кверху свой вздернутый носъ, онъ спокойно двигался среди людской суеты, и весь огромный Парижъ служилъ ему ареной для охоты.

Въ это утро, въ концѣ декабря, онъ рано выбрался изъ дому.

— Ты идешь въ школу?—спросила его мать, видя, что онъ беретъ съ собой кусокъ хлѣба. Она уже сидѣла за шитьемъ.

— Едва-ли,—отвѣтилъ Четверть-Фунта.—Я хочу позаботиться о дѣвчонкѣ. Вѣдь у насъ, чортъ возьми, новый годъ!

Мать, привыкшая къ его манерѣ говорить по-взрослому, ничего не отвѣтила. Маленькая сестра Четверть Фунта, открывъ ротъ, блаженно спала въ старой постели на нагрѣтомъ матерью мѣстѣ. Братъ дернулъ ее въ знакъ прощанія за волосы и исчезъ.

— Ну, и морозъ!—проворчалъ онъ, выйдя на улицу, и поднялъ до ушей воротникъ стараго сюртука, служившаго ему вмѣсто пальто. Онъ весь исчезалъ въ немъ—отъ позеленѣвшей отъ времени фуражки до стоптанныхъ мужскихъ башмаковъ включительно. Это одѣяніе—даръ сапожника—нравилось Четверть-Фунту, и онъ дорожилъ имъ. Мальчикъ былъ романтиченъ и любилъ все оригинальное и эксцентричное.

Ни разу не останавливаясь, онъ дошелъ по улицамъ бѣднаго квартала до проспекта Монсури; тамъ онъ прицѣпился сзади къ торговому автомобилю и доѣхалъ такимъ образомъ до центра города.

На площади Согласія онъ соскочилъ и спустился подъ мостъ, но, не найдя ничего интереснаго, снова поднялся на берегъ, посмѣялся надъ сидѣвшимъ съ мрачнымъ видомъ неудачнымъ удильщикомъ и пошелъ подъ каменные своды торговыхъ рядовъ улицы Риволи.

Здѣсь онъ останавливался предъ каждымъ магазиномъ, обнаруживая замѣтное тяготѣніе къ фотографіямъ голыхъ женщинъ. Въ полдень онъ съѣлъ свой хлѣбъ около Лувра и зашелъ въ кафе выпить кофе за два су. Эти деньги далъ ему господинъ, за которымъ онъ закрылъ дверцу кареты. Кофе согрѣло его, и онъ побрелъ на большіе бульвары. Тамъ, двигаясь въ густой толпѣ, онъ тщательно осмотрѣлъ всѣ палатки и балаганы, выслушалъ всѣ разсказы зазывавшихъ къ себѣ публику балаганщиковъ, полюбовался каждымъ зрѣлищемъ.

Но время шло, было уже больше трехъ часовъ. Четверть-Фунта очень хорошо развлекся, но еще ничего не нашелъ для сестренки. Онъ вышелъ на бульваръ Османъ, сзади оперы. Около тротуара стоялъ элегантный автомобиль. На переднемъ сидѣньи шофферъ и лакей, видимо, были заняты переходившей улицу дамой, которая, несмотря на сухую погоду, подняла юбки выше колѣнъ. Четверть-Фунта подошелъ къ автомобилю и заглянулъ внутрь.

Въ немъ сидѣла мадемуазель Еландъ-де-Бониссъ, которую звали дома Іоіо. Ей было пять лѣтъ. Мать ея пошла въ магазинъ и на минуту оставила ее одну. Дѣвочка, одѣтая въ платье изъ бѣлаго бархата и въ бѣлый отдѣланный плюшемъ капоръ, походила на живую розу. Рядомъ съ ней лежала кукла, такая же большая и такъ же пышно разодѣтая, какъ сама Іоіо. Держа куклу за руку, дѣвочка смотрѣла черезъ опущенное окно кареты на улицу.

Вдругъ въ окнѣ появилась худенькая мордочка Четверть-Фунта. Быть можетъ, у него промелькнула мысль, что у дѣвочки было слишкомъ много того, чего онъ былъ лишенъ. Какъ бы то ни было, желая пошутить, а можетъ быть, перепугать ее, онъ состроилъ самую свою ужасную гримасу.

Но Іоіо была неустрашима и смѣшлива. Вмѣсто того, чтобы откинуться вглубь кареты и закричать, она разразилась громкимъ хохотомъ. Ужасно смѣшнымъ показался ей этотъ мальчикъ.

— Ишь ты! Не струсила, дѣвчонка!—замѣтилъ про себя Четверть-Фунта, восхищенный ея милымъ голосомъ.—Я принялъ тебя за твою куклу!—громко сказалъ онъ Іоіо.

— Еще, еще!—просила та, захлебываясь отъ смѣха.

Желая быть любезнымъ, Четверть-Фунта снова скроилъ гримасу. Онъ принялся за третью, самую удивительную изъ всѣхъ, когда сзади вдругъ послышался сердитый голосъ:

— Что онъ тутъ дѣлаетъ, этотъ мальчишка? Батистъ! Ва

лентинъ! Это неслыханно! Вы не смотрите за барышней! Вы допускаете нищихъ...

Это была мать Іоіо. Она вернулась и была, разумѣется, возмущена, увидя, что какой-то оборванецъ наполовину влѣзъ въ ауто.

Четверть-Фунта обернулся и увидѣлъ молодую женщину, такую же хорошенькую, розовую и изящную, какъ ея дочь, и ея прекрасные глаза, искрившіеся негодованіемъ подъ бѣлой вуалью.

А лакей уже соскочилъ на землю, схватилъ Четверть-Фунта и грубо сорвалъ его съ подножки. Четверть-Фунта растянулся на землѣ, а его старый сюртукъ лопнулъ сверху до низу и обнажилъ маленькое и худенькое тѣло.

Мальчикъ всталъ. Онъ былъ блѣденъ отъ бѣшенства и едва сдерживалъ слезы. Онъ пожалѣлъ въ эту минуту, что ему не двадцать лѣтъ и что у него нѣтъ въ карманѣ ножа, какъ у тѣхъ апашей, которыхъ онъ встрѣчалъ у заставъ.

— Мосьё немного грубъ. Сразу видно, что мосье—холопъ! и что одежа ему ничего не стóитъ...—бросилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

— Ого!—и лакей занесъ уже-было руку. Но Іоіо бросилась впередъ. Стоя въ открытой дверцѣ кареты, маленькая и стройная, съ голубыми глазами, метавшими молніи, она походила на свою разсерженную мать въ миніатюрѣ.

— Перестань!—закричала она на лакея.—Ты злой!

Мадамъ де-Бониссъ посмотрѣла на свою дочь, потомъ взглянула на нищаго ребенка—такого худого, блѣднаго, оборваннаго, запыленнаго—и вдругъ сильно покраснѣла.

— Развѣ я вамъ велѣла быть грубымъ? — сухо замѣтила она лакею и ласково спросила, обращаясь къ мальчику:

— Надѣюсь, ты не ушибся?

Она порылась въ своемъ золотомъ мѣшечкѣ, и въ лапкахъ Четверть-Фунта блеснула золотая монета.

— Чортъ возьми! Золотой!..—пробормоталъ онъ, остолбенѣвъ отъ изумленія. Прійдя въ себя, онъ взглянулъ прямо въ глаза мадамъ де-Бониссъ.

— Малина вы, а не барыня!—сказалъ онъ ей съ чувствомъ—вы, и ваша дочка тоже...

Затѣмъ, состроивъ Іоіо послѣднюю дружескую гримасу и натянувъ на плечи сползавшій съ нихъ сюртукъ, онъ уже собрался-было идти въ свой далекій Монсури къ сестренкѣ, ожидавшей отъ него подарковъ. Но вспомнилъ о лакеѣ.

— А ты, ты, вѣрно, ждешь отъ меня комиссіонныхъ?— съ торжествующей насмѣшкой бросилъ онъ ему, махая золотой монетой передъ самымъ носомъ своего врага.

II.

«Мадамъ Быкъ».

Вражда между ними началась съ первой же встрѣчи. Встрѣтились они въ одинъ сѣрый февральскій день около девяти часовъ утра. Какъ разъ въ тотъ день Четверть-Фунту исполнилось девять лѣтъ. Онъ шелъ по проспекту Монсури къ Бельфорскому Льву одѣтый, какъ всегда, въ свой старый, сто разъ заплатанный сюртукъ. Мальчикъ вышелъ изъ дому на охоту за парой су, но, будучи врагомъ излишней торопливости, шелъ не спѣша, погрузившись въ чтеніе упавшей съ конки и подобранной имъ газеты. Онъ страстно интересовался иностранной политикой. Вдругъ онъ на что-то наткнулся и долженъ былъ оторваться отъ газеты. Оказалось, что то была нога молодого, но непомѣрно огромнаго городового. Постепенно закидывая назадъ голову, Четверть-Фунта увидалъ наконецъ его круглое, полное, розовое лицо, похожее на лицо младенца. Маленькіе торчащіе усики, до того сильно нафабренные, что казалось, будто они приклеены къ губѣ, были безсильны придать этому лицу воинственный видъ. На головѣ этого гиганта сидѣла слишкомъ маленькая для нея форменная фуражка. Взглядъ мальчика, выражавшій изумленіе передъ столь огромными размѣрами, встрѣтился съ сердитымъ взглядомъ городового.

Послѣдній высоко мнилъ о своемъ достоинствѣ, и оттого-то онъ и не посторонился передъ идущимъ на него мальчикомъ, что уличные мальчуганы обязаны оказывать уваженіе высокопоставленнымъ особамъ.

Но Четверть-Фунта былъ другого мнѣнія. Поэтому онъ отступилъ на два шага и въ дѣланномъ ужасѣ изрекъ:

— Чортъ! Это необъятно! Я вернусь завтра, чтобы досмотрѣть остальное.

И бросился бѣжать со всѣхъ ногъ.

Оскорбленный городовой погнался за нимъ, но Четверть-Фунта отличался большой быстротой ногъ, и городовой сообразилъ, что гоняться за такимъ маленькимъ шалопаемъ,—значитъ ронять свой престижъ; поэтому онъ остановился и снова сталъ чинно прохаживаться по своему посту.

— До свиданья, мадамъ Быкъ! — закричалъ ему на прощанье Четверть-Фунта, убѣгая мелкимъ галопомъ.

— Мадамъ Быкъ...—удивленный городовой остановился въ недоумѣніи.—Мадамъ Быкъ?..

Стараясь понять, что бы это могло значить, онъ задумчиво смотрѣлъ вслѣдъ убѣгавшему мальчику.

И вдругъ его осѣнило. Онъ весь вздрогнулъ, покраснѣлъ и, дрожа отъ гнѣва, пустился со всѣхъ ногъ догонять Четверть-Фунта, но того уже и слѣдъ простылъ.

— Чортъ возьми!—проворчалъ онъ.—Мальчишка назвалъ меня коровой [1]).

Такъ началась между ними война. Четверть-Фунта вновь открылъ враждебныя дѣйствія черезъ день послѣ описанной встрѣчи.

Было воскресенье, и городовой нашъ—въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ, высокій, красивый, сильный—чинно прохаживался по площади Бельфорскаго Льва среди праздничной толпы.

Вдругъ появился Четверть-Фунта. Городовой, сердито взглянувъ на него, однако не двинулся съ мѣста. Онъ передумалъ: этотъ недоносокъ не могъ его оскорбить; стóитъ еще обращать на него вниманіе!

Четверть-Фунта остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ городового, положилъ на землю какую-то штучку, которую принесъ съ собой подъ мышкой, и сталъ возить ее за привязанный къ ней шнурокъ по мостовой. Штука эта оказалась маленькимъ игрушечнымъ поѣздомъ, очевидно, онъ нашелъ эту игрушку въ какомъ-нибудь сорномъ ящикѣ, — такъ она была исковеркана.

Чинный городовой съ удивленіемъ слѣдилъ за движеніями мальчугана, а Четверть-Фунта гулялъ передъ самымъ его носомъ, таская за собой свой поѣздъ.

— Я привелъ его для тебя! Ты радъ? Что забавно?— говорилъ онъ при этомъ тихонько полицейскому.

И на этотъ разъ городовой остановился на минуту въ недоумѣніи, стараясь догадаться, что бы это могло значить; и вдругъ... понялъ, вспомнивъ, кто, по французской пословицѣ, смотритъ на проходящіе поѣзда [2]).

Онъ опять вспыхнулъ и полетѣлъ на мальчика. Четверть-Фунта побѣжалъ, но ему мѣшала толпа, и тяжелая рука въ бѣлой перчаткѣ опустилась на его плечо.

---

[1]) Слово vache — корова — очень грубое ругательство, примѣняемое главнымъ образомъ къ проституткамъ и полицейскимъ.

[2]) Коровы.

— Пустите меня! Что я сдѣлалъ? Всѣ видѣли... Я игралъ моей игрушкой... Что я вамъ сдѣлалъ?

Четверть-Фунта прекрасно изображалъ невинную жертву. Онъ весь извивался, бился въ рукахъ городового и жалобно вопилъ. Собравшаяся толпа была возмущена.

— Бѣдный малышъ! Что онъ сдѣлалъ? Такъ дѣтямъ ужъ не позволяется играть?

Городовой смутился. Онъ былъ взбѣшенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ безоруженъ. Въ томъ, что Четверть-Фунта каталъ передъ нимъ свой поѣздъ, нельзя было видѣть оскорбленія, а сказать о томъ, что мальчишка обзывалъ его «коровой»,—бѣдный полицейскій чувствовалъ, что у него никогда не хватитъ на это мужества... Онъ выпустилъ Четверть-Фунта и далъ ему «леща»,— не очень сильно, такъ какъ зналъ, что его ударъ опасенъ. Но Четверть-Фунта заревѣлъ благимъ матомъ и съ крикомъ пошелъ-на утекъ...

Съ тѣхъ поръ война между ними не прекращалась. Четвертьъ Фунта ежедневно являлся съ дерзкимъ и вызывающимъ видомъ передъ стоящимъ на своемъ посту городовымъ. Иногда онй шипѣлъ, какъ паровозъ: «шш, шш», размахивая на ходу одной рукой, чтобы изобразить движущійся взадъ и впередъ поршень Но чаще всего онъ мычалъ—протяжно, жалобно, точно мучимая неутѣшнымъ горемъ корова. Благодаря постоянной практикѣ, онъ достигъ полнаго совершенства въ этомъ музыкальномъ упражненіи; въ его мычаньи слышались поочередно голоса всѣхъ представителей стада—отъ нѣжнаго теленка до суроваго быка включительно. Городовой въ безумномъ бѣшенствѣ бросался на мальчика; тотъ спасался бѣгствомъ и, въ зависимости отъ своей ловкости, получалъ или нѣтъ пинокъ ногою въ задъ.

То была страстная борьба, отчаянная дуэль; безумное бѣшенство росло съ той и другой стороны, но, какъ бы по молчаливому соглашенію между собой, ни одинъ изъ нихъ не обращался къ посторонней помощи: Четверть-Фунта не приводилъ никого изъ шелопаевъ своего квартала дразнить вмѣстѣ съ нимъ городового, а тотъ не поручалъ другимъ городовымъ преслѣдовать Четверть-Фунта; но мычаніе становилось все нахальнѣе и нахальнѣе, а пинки ногой все сильнѣе и сильнѣе. Дѣло дошло до того, что городовой, поймавъ случайно мальчика, серьезно избилъ его. Четверть-Фунта не кричалъ въ такихъ случаяхъ, хотя все тѣло его ныло отъ боли; онъ уходилъ со слезами бѣшенства на глазахъ, мечтая о дикой мести, о крови и объ убійствѣ.

Однажды вечеромъ Четверть-Фунту пришлось идти куда-то

далеко съ какимъ-то порученіемъ. Онъ еще не оправился отъ полученнаго наканунѣ пинка и по дорогѣ думалъ поэтому о предметѣ своей ненависти.

Было поздно, около одиннадцати часовъ вечера. Шёлъ дождь. Четверть-Фунта, имѣвшій вообще привычку не ходить, а прогуливаться, на этотъ разъ спѣшилъ. Его маленькая, темная фигурка быстро и безшумно скользила по безлюдному, темному, широкому бульвару вдоль городскихъ укрѣпленій.

Вдругъ онъ услыхалъ какой-то шумъ. Движимый любопытствомъ, онъ осторожно пошелъ по его направленію, стараясь оставаться въ тѣни. Въ углу деревяннаго забора онъ увидѣлъ прижатаго къ стѣнѣ городового, который молча отбивался одинъ отъ полдюжины молодыхъ апашей. Городовой этотъ былъ высокъ ростомъ; струя крови текла у него по лицу; съ обнаженной саблей онъ имѣлъ такой рѣшительный видъ, что нападающіе, казалось, готовы были отступить.

У Четверть-Фунта застучало сердце. Онъ узналъ своего врага.

— «Не уйдетъ теперь, мерзавецъ»,—подумалъ онъ съ чувствомъ удовлетворенія.—Но почему же онъ не оретъ? Участокъ недалеко. Прибѣжали бы навѣрное.

Вдругъ онъ понялъ!

— Такъ и есть! Онъ соблюдаетъ свое достоинство! Предпочитаетъ лучше сдохнуть, чѣмъ заорать. Ишь ты, чортова кукла!—подумалъ онъ, смотря въ пустынное пространство, откуда нельзя было ожидать помощи.

Но кольцо нападающихъ сжалось вокругъ городового; ножи блестѣли въ рукахъ апашей. Они рѣшились на послѣдній приступъ.

Тогда ночную тишину прорѣзало мычанье, сильное и продолжительное; затихнувъ на мгновеніе, оно вновь раздалось, теперь на разные голоса, точно цѣлое стадо протестовало противъ происходившаго.

При этихъ неожиданныхъ и странныхъ звукахъ, апаши остановились, а черезъ минуту они разбѣжались въ разныя стороны.

Освобожденный городовой вытеръ съ лица кровь, заливавшую ему глаза, и осмотрѣлся, стараясь понять, что спасло ему жизнь.

— Чортъ возьми! Это ты?!—воскликнулъ онъ, узнавъ своего крошечнаго врага.

— Ну, да, это я!—отвѣтилъ Четверть-Фунта дерзкимъ, хотя

немного дрожащимъ голосомъ.—Ты же не хотѣлъ мычать! Поневолѣ мнѣ пришлось сдѣлать это за тебя. Ну, я постарался подражать тебѣ какъ можно лучше.

Но на этотъ разъ огромный городовой не шлепнулъ дерзкаго мальчика. Онъ протянулъ руку и съ смущеннымъ видомъ неловко погладилъ его по худой щекѣ.

III.

Счастливый день.

Въ одинъ изъ четверговъ [1]) Четверть-Фунта, которому исполнилось уже одиннадцать лѣтъ, всталъ рано утромъ и живо одѣлся, стараясь не разбудить матери. Наканунѣ мать шила до поздней ночи и теперь, полумертвая отъ усталости, спала на своемъ соломенномъ тюфякѣ рядомъ съ маленькой сестрой Четверть-Фунта.

Часы пробили половину седьмого, и мальчикъ вышелъ на улицу, но, не отходя отъ дома, остановился въ ожиданіи на троттуарѣ.

Утреннее солнце яркими лучами обливало грязныя стѣны дома, ручьи вонючей воды, сомнительной чистоты бѣлье на окнахъ, тряпичниковъ, возвращающихся съ работы, и подметавшихъ улицу консьержей.

Но Четверть-Фунта не обращалъ вниманія ни на нищету, ни на солнце: онъ ждалъ.

Въ темномъ корридорѣ показалась, наконецъ, бѣлая фигурка. Онъ бросился-было къ ней навстрѣчу, но она уже вышла на улицу.

— Дьявольщина!—произнесъ онъ шутливо и восхищенно.—Ну, и хороша же ты въ твоемъ бѣломъ платьѣ!

— Ври больше!—отвѣчала дѣвочка, покраснѣвъ отъ удовольствія.

Это была его маленькая сосѣдка, Жоржетта. Вотъ уже три года, какъ они жили въ одномъ домѣ; она была его ровесницей, и такъ же, какъ онъ, не имѣла опредѣленнаго отца; а съ того времени, какъ ея мать, поденщица, возненавидѣла мужчинъ и стала искать утѣшенія исключительно въ водкахъ и ликерахъ, дѣвочка и совсѣмъ никакого отца не имѣла; на это она, впрочемъ, не жаловалась. Какимъ-то необъяснимымъ образомъ Жоржетта

---

1) По четвергамъ дѣти не ходятъ въ школу.

всегда была свѣжа и миловидна среди окружающей ее отвратительной нищеты, пьянства, ссоръ и низкаго разврата. Сегодня же — въ бѣломъ платьѣ съ вуалемъ, въ бѣлыхъ туфляхъ и бѣломъ чепчикѣ, изъ-подъ котораго выбивалась прядь взбитыхъ бѣлокурыхъ волосъ—она шла къ причастью—она была такъ мила, что Четверть-Фунта, несмотря на всю свою развязность и на привычно-фамильярныя отношенія съ Жоржеттой, замѣтно оробѣлъ.

Нѣсколько шаговъ они прошли молча.

— Ну что? Дождалась?—заговорилъ наконецъ Четверть-Фунта.

Она облегченно вздохнула.

— Да, дождалась-таки! Я ужъ думала, что не дождусь никогда этого дня.

— А мать?

— Спитъ,—отвѣчала дѣвочка.—Вчера вечеромъ она сильно хватила, но все же обѣщала придти къ обѣднѣ. Въ благотворительномъ обществѣ ей дали шляпу и башмаки. А то мама ни о чемъ и слышать не хотѣла. Она такъ и сказала: «Дѣвочка можетъ говѣть, я ничего противъ этого не имѣю, разъ вы ее одѣваете и все; но я не хочу, чтобы меня унижали. Я бѣдная вдова, зарабатываю въ потѣ лица свой хлѣбъ, но у всякаго своя гордость, не правда ли? Платья я не прошу, у меня есть мое зеленое, въ которомъ мнѣ очень хорошо, но я не хочу идти въ церковь въ шляпѣ изъ сорнаго ящика и въ башмакахъ, просящихъ каши. Это невозможно! Надо же быть справедливымъ!» Тогда ей дали, что ей нужно. А мнѣ дали все, и самое лучшее, потому что,—они говорятъ,—я очень миленькая... Пощупай-ка вуаль!

— Я въ этомъ ничего не понимаю,—возразилъ Четверть-Фунта.

— Это первый сортъ. Да, я очень рада! Только бы мама сдержала слово, больше мнѣ ничего не надо! Надѣюсь, что она не напьется съ самаго утра! Я хотѣла, чтобы она встала и пошла въ церковь вмѣстѣ со мной, но ничего не могла подѣлать. Вообрази, что будетъ, если она пріѣдетъ пьяная въ церковь! Я вся дрожу, когда подумаю объ этомъ. Я ужъ двѣ недѣли только объ этомъ и думаю!

Она замолчала, волнуясь.

Четверть-Фунта смѣялся про себя, вспоминая, до какого состоянія допивалась тетка Траншаръ, которую онъ не разъ втаскивалъ на лѣстницу. Но ему хотѣлось успокоить свою подругу, и онъ сказалъ:

— Ну, полно! Ты знаешь, что она тебѣ такого скандала не устроитъ. А что будетъ послѣ обѣда?

— О! великолѣпно! Послѣ полудня будетъ вечерня, а потомъ вечеромъ мы—я съ мамой—приглашены на обѣдъ къ мадамъ Жилло, ты знаешь, у которой мелочная лавочка на углу проспекта. Это потому, что у ней есть сынъ Августъ, который причащается вмѣстѣ со мной. Онъ во что бы то ни стало захотѣлъ, чтобы я пришла,—докончила она съ лицемѣрной скромностью.

По лицу Четверть-Фунта пробѣжала тѣнь, и онъ ничего не отвѣтилъ.

— А ты?—вдругъ снова заговорила Жоржетта.—Почему ты тоже не говѣлъ? Тебѣ бы дали костюмъ, а я бы сказала Августу, чтобы пригласили и тебя со мной.

— Нѣтъ, на это я не пойду,—холодно отвѣчалъ Четверть-Фунта.—Я—свободный мыслитель. Я предпочитаю манифестацію. Оле! О, я ничего не критикую. У каждаго свои идеи, не правда ли? А что касается до лавочнаго сопляка, такъ я на него плевать хочу! Нѣтъ, неужели ты думаешь, что я способенъ быть такимъ, какъ этотъ?

«Этотъ»—относилось къ шедшему имъ навстрѣчу Августу. Сіяющій, вылощенный, завитой и расфуфыренный, въ новомъ съ иголочки сюртучкѣ изъ чернаго сукна, въ штанахъ изъ бѣлоснѣжной парусины, въ бѣлой соломенной шляпѣ съ бѣлой лентой, съ бѣлымъ молитвенникомъ въ рукахъ и съ бѣлой широкой перевязью съ золоченой бахромой на рукавѣ, онъ держался такъ прямо, какъ будто проглотилъ аршинъ, и шелъ такъ торжественно и осторожно, какъ-будто весь троттуаръ былъ утыканъ острыми иголками.

— Въ чемъ дѣло? Въ томъ, что онъ одѣтъ? Ты вѣчно надъ всѣми насмѣхаешься,—раздраженно замѣтила дѣвочка.

Четверть-Фунта хотѣлъ-было возразить, но удержался.

— Ну, ладно! Я ухожу,—сказалъ онъ.—Желаю вамъ веселиться.

Онъ повернулъ назадъ. Незнакомое до тѣхъ поръ чувство сжало ему сердце. Мутное зеркало парикмахерской отразило его во весь ростъ, и онъ смотрѣлъ на свои дырявые штаны, старые мужскіе башмаки, сюртукъ въ лохмотьяхъ, полинявшую фуражку такъ, какъ будто видѣлъ все это въ первый разъ. Однако, онъ двинулся дальше все съ тѣмъ же независимымъ и гордымъ видомъ, а Жоржетта уходила въ противоположную сторону съ новымъ своимъ товарищемъ.

За весь день она больше ни разу не увидѣла Четверть-Фунта и забыла о немъ въ вихрѣ волненій. Во-первыхъ, начало церемоніи было испорчено отсутствіемъ матери.

— Придетъ она или нѣтъ?—твердила про себя дѣвочка, стоя на колѣняхъ въ празднично-убранной церкви. Она постоянно тихонько оглядывалась на дверь. Она уже готова была придти въ отчаяніе, когда, наконецъ, дверь открылась и вошла огромная, красная мадамъ Траншаръ, затянутая въ кричащее зеленое засаленное платье. На головѣ у ней была желтая шляпа, на которой дрожала тоже желтая роза. Почтенная дама была въ относительно трезвомъ видѣ, такъ какъ пропустила только три стаканчика бѣлаго вина и запила ихъ одной или двумя рюмочками водки. Сущіе пустяки для нея. Однако, запахъ ладана, музыка органа, колѣнопреклоненныя дѣти въ бѣломъ—все это такъ взволновало ее, что она рухнула всей своей массой на колѣни, и зарыдала, уткнувъ лицо въ громадный носовой платокъ.

Тогда Жоржетта успокоилась, и все пошло благополучно. Выходъ изъ церкви былъ для дѣвочки настоящимъ тріумфомъ. Она чувствовала себя самой хорошенькой изъ всѣхъ. Розовая, сдержанная, съ опущенными глазками, она внутренно съ ума сходила отъ радости. Всѣ ея старшіе братья ждали ея выхода, убѣжавъ по этому поводу съ работы изъ своихъ фабрикъ и заводовъ; они восхищенно смотрѣли на свою маленькую сестру, и даже какой-то проходившій въ эту минуту пьяница не смогъ воздержаться отъ восторженнаго восклицанія:

— Подъ вѣнецъ тебя, просто. Чортъ возьми!

Но онъ вынужденъ былъ тутъ же спастись бѣгствомъ отъ гнѣва мадамъ Траншаръ и отъ ея зонтика.

Во время вечерни Жоржетта пережила еще одну непріятную минуту. Ея мать, немного повеселѣвшая послѣ кофе съ ромомъ, вдругъ заснула на стулѣ и стала бредить. Разбуженная сосѣдкой, она сознала все неприличіе своего поведенія и съ этой минуты сидѣла прямо и неподвижно, застывъ въ торжественной позѣ. Три рюмки горькой водки, проглоченныя заразъ передъ обѣдомъ, были безсильны вывести ее изъ этого состоянія.

У Жилло столъ занялъ всю лавку. Мужчины были въ рединготахъ, а дамы въ шелковыхъ платьяхъ. Обѣдъ прошелъ спокойно. За дессертомъ мосье Жилло произнесъ рѣчь, переполненную прекрасными чувствами, въ которыхъ онъ патетически распространялся объ обязанностяхъ дѣтей къ родителямъ. Онъ

говорилъ прекрасно и произвелъ сенсацію. Мадамъ Траншаръ не смогла перенести такого количества волненій; у нея не хватало силъ: чтобы подкрѣпить ихъ, она принуждена была обратиться къ вину, которое было не плохо, и къ коньяку, который былъ еще лучше.

Жоржетта сидѣла рядомъ съ Августомъ. Этотъ не по лѣтамъ развитой мальчикъ, развеселившись послѣ двухъ стакановъ шампанскаго, старался прижать ей ногу подъ столомъ. Дѣвочка не замѣтила, что мать пьяна, пока имъ не дали понять, что пора уходить. Мадамъ Траншаръ, понимавшая приличія, сейчасъ же стала собираться. Послѣ третьяго усилія ей удалось подняться съ мѣста. Призвавъ на помощь всѣ свои силы, она попрощалась, но на улицѣ изнемогла,—и за угломъ, очутившись одна съ дочерью около высокаго забора, она грузно опустилась на землю.

— Я умираю, Жоржетта,—простонала она.—Я это чувствую... темнѣетъ въ глазахъ... Вотъ что значитъ волненіе...

Затянутая въ платье, точно зеленый тюкъ, блѣдная какъ смерть подъ луннымъ свѣтомъ, мучимая спазмами, она была почти въ обморокѣ. Жоржетта, тоже немного пьяная отъ шампанскаго, путаясь въ своихъ нарядахъ, выбивалась изъ силъ, чтобы разстегнуть ей лифъ. Что дѣлать? Мѣсто было пустынное, и она не смѣла звать на помощь.

— Вотъ те на!—произнесъ сзади нея знакомый голосъ.—Ее, вѣроятно, припекло немножко солнцемъ, бѣдную мадамъ Траншаръ?

Ахъ, какъ обрадовалась Жоржетта, увидя Четверть-Фунта. Она бросилась къ нему.

— Это ты? Ты! Ты насъ ждалъ?

— Ну, понятно! Я зналъ, что нечего надѣяться на Августа. Развѣ онъ поможетъ тебѣ довести ее до дому? — простодушно отвѣтилъ онъ.

Онъ наклонился надъ зеленой засыпавшей массой.

— Эй! мадамъ Траншаръ! — завопилъ онъ ей въ самое ухо,—идемъ выпить по рюмочкѣ, что ли?

Та поняла.

— Ну, что-жъ идемъ, идемъ!—ворчала она, съ усиліемъ поднимаясь.

Дѣти помогали ей, какъ могли. Критическое положеніе удесятеряло ихъ силы. Опираясь на нихъ, мадамъ Траншаръ кое-какъ добрела до дому и поднялась-таки по лѣстницѣ. Войдя къ себѣ, она свалилась.

— Ей, положительно, вредны волненія,—констатировалъ Четверть-Фунта, задыхаясь.

— Ну, отъ нея большаго нельзя и требовать,—отвѣтила Жоржетта.—Въ церкви она держала себя прилично.

Четверть-Фунта вышелъ. Дѣвочка живо скинула бѣлое платье и принялась укладывать свою мать.

IV.

Письмо.

Четверть-Фунта стоялъ въ глубокомъ раздумьи на площади Бельфорскаго Льва, хотя дождь лилъ какъ изъ ведра.

— Это ты, Четверть-Фунта?—раздался около него дѣтскій голосъ.—Что ты тутъ мокнешь?

Онъ обернулся и узналъ свою маленькую Жоржетту. Какъ всегда хорошенькая, она смѣялась, стоя подъ большимъ дырявымъ зонтикомъ.

Озабоченное лицо мальчика озарилось улыбкой.

— Что касается дождя, мнѣ начхать. Вотъ лучше ты мнѣ разскажи, чѣмъ ты притираешься, что каждый день красивѣе?

Она засмѣялась еще разъ и подошла ближе. Четверть-Фунта и Жоржетта были почти одного роста, и она прикрыла его своимъ зонтомъ.

— Почему ты не идешь домой? Скоро полдень. Пора завтракать.

— Я не завтракаю дома, я иду гулять,—отвѣтилъ онъ стараясь принять развязный видъ.

Дѣвочка вдругъ стала серьезной.

— Значитъ, у тебя дома не ладно?

— Развѣ ты ничего не знаешь? Или вы ничего не слышите черезъ стѣну?

Четверть-Фунта принужденно засмѣялся и отвернулся. Губы у него дрожали.

— Мы слышимъ и не слышимъ, — уклончиво отвѣтила Жоржетта.

Она колебалась, но любопытство превозмогло.

— Что это за типъ живетъ съ твоей матерью?—спросила она, немного покраснѣвъ.

Четверть-Фунта тоже покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ. Онъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы собираясь уйти, но Жоржетта схватила его за руку. Онъ посмотрѣлъ на нее и остался.

Съ зонтика ручьями стекала вода, и дѣти стояли какъ бы въ маленькой палаткѣ, отдѣлявшей ихъ отъ прохожихъ.

Четверть-Фунта вдругъ рѣшился.

— Это отецъ дѣвчонки, какъ бы мой вотчимъ,—сказалъ онъ, сжимая зубы.

— Откуда же онъ явился?

Четверть-Фунта колебался. Но ему было слишкомъ тяжело на душѣ и надо было съ кѣмъ-нибудь подѣлиться.

— Послушай, сказалъ онъ торжественнымъ тономъ,—во-первыхъ, побожись, что ты никому ничего не скажешь. Взаправду побожись.

— Я божусь взаправду.

Она слегка дрожала, сгорая отъ любопытства.

Онъ наклонился къ ея уху.

— Онъ убѣжалъ съ каторги. Стой же смирно!.. Это вѣрно, что̀ я тебѣ говорю. Онъ явился изъ Гвіаны... Онъ кого-то отправилъ на тотъ свѣтъ; онъ жилъ тогда въ кварталѣ Шароннь съ моей матерью... Мнѣ было тогда семь лѣтъ... И показалъ же онъ намъ тогда, гдѣ раки зимуютъ... Мама не знала, чѣмъ онъ промышляетъ... Онъ приходилъ и уходилъ, ничего не говоря. Иногда у него были деньги, и мы кутили. Иногда онъ сидѣлъ недѣлями дома, и мама должна была его кормить. А потомъ его забрали, и все открылось... Онъ грабилъ по ночамъ. Его приговорили къ десяти годамъ каторги судомъ присяжныхъ. Туго намъ тогда пришлось, мнѣ съ мамой... Мы перемѣнили кварталъ... переѣхали сюда, въ Монсури... забыли... А прошлую субботу мама вернулась вмѣстѣ съ нимъ... Она была такъ взволнована, что вся позеленѣла!.. Онъ ждалъ ее на улицѣ... Онъ узналъ нашъ адресъ въ Шароннь.

— Онъ убѣжалъ?—спросила она.

— Да. Онъ шелъ цѣлый годъ по лѣсамъ. Этому трудно повѣрить! Онъ ѣлъ сырое мясо и травы, и его самого чуть не съѣли хищные звѣри и большіе красные муравьи, что̀ водятся въ тѣхъ мѣстахъ. Онъ все разсказалъ мамѣ однажды вечеромъ, думая, что я сплю... Да, онъ много перенесъ, нечего сказать! По ночамъ съ нимъ дѣлается кошмаръ, ему кажется, что онъ еще тамъ... Но... чортъ возьми... и научился же онъ тамъ манерамъ! И раньше былъ онъ грубъ, какъ скотина, а теперь совсѣмъ оглашенный. У насъ онъ чувствуетъ себя какъ дома, и не стѣсняется ни капли: требуетъ, кричитъ, подай ему все перваго сорта, и водки, и табаку. Несчастье моей жизни! Какъ

разъ, когда мы начали поправляться, когда я долженъ былъ поступить на службу въ кегельбанъ и заработать на...

— А что говоритъ мать?—перебила его Жоржетта.

— Она боится его. Онъ на все способенъ, я тебѣ говорю! Ничего не подѣлаешь,—вѣдь онъ былъ ея мужемъ! докончилъ онъ съ покорной горечью въ голосѣ.

— А съ тобой онъ какъ? бьетъ?

Четверть-Фунта весь вспыхнулъ и передернулся.

— Ну, вотъ еще!.. Иногда, конечно, обмѣняемся крѣпкими словами... Онъ очень грубъ съ дѣвчонкой... его вѣдь дочь... Тогда я его ругаю... Но бить меня,—этого онъ все-таки не посмѣетъ.

Онъ выпрямился во весь свой маленькій ростъ. Жоржетта же смотрѣла на него съ недовѣріемъ.

— Ну, иди же завтракать, сказала она.—Не можешь же ты сидѣть не ѣвши. Да это, наконецъ, твой домъ...

Послѣ минутнаго колебанія онъ пошелъ съ ней внизъ по улицѣ. Поднявшись на третій этажъ, они разошлись, онъ пошелъ въ дверь направо, она—налѣво.

Жоржетта опоздала къ завтраку, мать бранила ее, и дѣвочка очень торопилась. Вдругъ за стѣной послышался страшный шумъ. Хриплый голосъ грозилъ и ругался. Затѣмъ послышались удары, крики и глухая борьба. Жоржетта бросилась въ сѣни. Въ ту же минуту сосѣдняя дверь распахнулась. На порогѣ показался худой человѣкъ съ зловѣщимъ лицомъ. Онъ держалъ за волосы Четверть-Фунта и билъ его изо всей силы кулакомъ, при чемъ тотъ не издавалъ ни звука. Въ квартирѣ женщина съ разбитымъ лицомъ упала на стулъ. Маленькая дѣвочка кричала, валяясь на полу. Послѣднимъ ударомъ кулака мужчина отбросилъ мальчика на площадку лѣстницы. Затѣмъ онъ вернулся къ себѣ и заперъ дверь.

Четверть-Фунта лежалъ въ углу на полу, потерявъ сознаніе.

Жоржетта, охваченная ужасомъ, подняла мальчика съ помощью своей матери... Его обмыли, онъ пришелъ въ себя и, ни слова не говоря, злой и неприступный, вышелъ и сталъ спускаться съ лѣстницы.

Жоржетта скатилась за нимъ и поймала его посрединѣ лѣстницы.

— Ты идешь къ комиссару? А? пролепетала она, вздрагивая.

— Какъ такъ?

— Ну, да, въ полицію. Донеси, донеси на него, и его уберутъ.

Четверть-Фунта откинулся всѣмъ корпусомъ назадъ и еще больше поблѣднѣлъ.

— Что ты чушь порешь, чортъ тебя побери!—оборвалъ онъ ее, возмущенный.—Или ты съ ума сошла? Развѣ я доносчикъ!

— Не я сошла съ ума, а ты! Вѣдь онъ убьетъ тебя, онъ убьетъ твою мать, твою сестру. Это же невозможно! Ты долженъ донести на него... И отъ меня тебѣ нечего скрываться, не бойся, никто ничего не узнаетъ...

Но Четверть-Фунта перебилъ ее:

— Да замолчи же! Этого я сдѣлать не могу. Я не могъ бы донести, если бы и хотѣлъ!

И онъ ушелъ, хромая. Жоржетта проводила его взглядомъ, въ которомъ выражались и жалость, и снисходительное презрѣніе.

— Боже мой, какъ глупы эти мужчины!

Въ раздумьи вернулась она къ себѣ домой. Мать ушла на работу. Убравъ со стола, Жоржетта вырвала изъ своей школьной тетради чистый листокъ бумаги и сѣла писать крупнымъ ученическимъ почеркомъ, стараясь не надѣлать кляксовъ. Кончивъ, она надписала адресъ, вышла на улицу, купила марку, заплативъ за нее изъ двѣнадцати су, составлявшихъ весь ея капиталъ, и опустила письмо въ ящикъ.

Когда на другой день утромъ Четверть-Фунта пришелъ къ своему дому, умирая отъ голода и усталости, послѣ ночи, проведенной безъ сна на улицахъ, онъ увидѣлъ огромное шумное скопище народа, привлеченное любопытнымъ зрѣлищемъ: бѣглый каторжникъ, обезумѣвшій отъ бѣшенства, тщетно бился въ сильныхъ рукахъ уносившихъ его восьми городовыхъ.

V.

Покровитель.

Пробило семь часовъ вечера, когда Четверть-Фунта дошелъ до площади Бельфорскаго Льва, возвращаясь домой изъ кегельбана, гдѣ онъ служилъ.

Жилъ онъ далеко отъ работы. Вечеръ былъ холодный, и

лъ.

Онъ пошелъ черезъ площадь, заложивъ руки въ карманы, и насвистывалъ какое-то танго со всей самоувѣренностью своихъ четырнадцати съ половиной лѣтъ и своего соціальнаго положенія. Вдругъ онъ увидѣлъ въ сумеркахъ идущую ему навстрѣчу тонкую, хорошо знакомую фигуру.

— А! Жоржетта! Вотъ такъ сюрпризъ! Ты запоздала за работой въ мастерской?

Жоржетта теперь тоже работала. Она поступила ученицей къ портнихѣ на улицѣ Рэннъ. Но такъ какъ она кончала работу раньше Четверть-Фунта, а мастерская ея была ближе къ дому, то обыкновенно она шла домой одна, не дожидаясь своего друга.

— Нѣтъ,—отвѣчала дѣвочка,—но я тебя ждала. Мнѣ надо съ тобой поговорить... ты мнѣ нуженъ...

— Ладно! Я къ твоимъ услугамъ,—сказалъ онъ самоувѣренно.

— Я знаю.

Они пошли внизъ по проспекту. Дѣвочка молчала, не вдругъ рѣшаясь заговорить.

— Вотъ въ чемъ дѣло,—начала она. Ко мнѣ пристаетъ одинъ старикъ...

— Что?!—и Четверть-Фунта подпрыгнулъ отъ удивленія.— Какъ такъ?

— Ну, да! Онъ за мной ходитъ съ конца прошлаго мѣсяца. Одинъ разъ онъ на меня заглядѣлся, когда я поправляла чулокъ на улицѣ, и съ тѣхъ поръ онъ меня ждетъ каждый вечеръ у Обсерваторіи и провожаетъ до площади. Тутъ слишкомъ много народу, и онъ уходитъ... Сначала онъ со мной не говорилъ... А потомъ сталъ Богъ знаетъ, что плести... Ты бы только послушалъ, какія онъ мнѣ дѣлаетъ предложенія. Такія штуки, конечно, не въ первый разъ со мной случаются; ты самъ понимаешь,—но этотъ типъ ужъ въ самомъ дѣлѣ невыносимъ...

— Вотъ такъ штука!—растерянно пробормоталъ Четверть-Фунта.

Онъ былъ пораженъ. Онъ хвалился своимъ знаніемъ жизни. Онъ былъ хорошо знакомъ со всѣми видами скрытаго разврата рабочихъ кварталовъ, зналъ по имени большинство сутенеровъ и проститутокъ своего круга; зналъ ихъ любовныя драмы и ихъ соперничество между собой; все это нисколько его не удивляло. Но то, что онъ слышалъ?! Онъ посмотрѣлъ на Жоржетту новыми глазами и увидѣлъ... Она была выше его, хотя они были однихъ лѣтъ, красивая, свѣжая, съ гибкой, уже формирующейся фигурой, и глазами женщины.

И вдругъ его охватила злость.

— Вотъ старая свинья!

— Я такъ говорю—старикъ; но онъ еще не очень старъ,— снова заговорила Жоржетта.—Ему, я думаю, лѣтъ сорокъ пять... и если бы ты видѣлъ, какія у него прекрасныя манеры!—прибавила она съ тщеславіемъ.

Четверть-Фунта нахмурился и отступилъ на шагъ.

— Ну, что жъ! Дѣло твое!

— Какъ ты глупъ!—и Жоржетта пожала плечами. Ты не видишь, что я у тебя прошу совѣта, какъ отъ него отдѣлаться... И кромѣ того, если бы я хотѣла завести интрижку, развѣ я стала бы дожидаться сегодняшняго дня?—спросила она съ важностью.

— Ты понимаешь,—продолжала она,—я не могу говорить объ этомъ съ мамой. Изъ-за всякаго пустяка она поднимаетъ цѣлую бучу! И потомъ, она постоянно выпивши, нельзя предвидѣть, что́ она натворитъ. Помнишь, въ день моего причастья, какъ она набросилась съ зонтикомъ на пьяницу, который сказалъ, что я хорошенькая? Такъ и теперь: если я ей разскажу объ этомъ, она начнетъ кричать, потомъ выпьетъ, чтобы набраться храбрости, возьметъ свой зонтикъ или палку отъ метлы, спрячется гдѣ-нибудь, подстережетъ этого господина и задастъ ему трепку на улицѣ! Я не хочу скандала.

Четверть-Фунта соображалъ.

— Что же онъ тебѣ говоритъ?—спросилъ онъ наконецъ.

— Мало ли чего... все, что́ мужчины говорятъ обыкновенно... Но вотъ въ чемъ дѣло: сегодня вечеромъ никого не было на улицѣ... Онъ обнялъ меня за шею... и прижалъ... Хотѣлъ меня поцѣловать... Онъ сильный... Глаза его блестѣли черезъ пенснэ, а зубы блестѣли въ бородѣ... Я не люблю бороды... Я его боюсь!..

Они помолчали съ минуту. Потомъ заговорилъ Четверть-Фунта:

— Вотъ что! Завтра я отпрошусь у хозяина, чтобы уйти на часъ пораньше и буду у Обсерваторіи.

— Что же ты сдѣлаешь?—спросила она съ безпокойствомъ.

— Не бойся, сначала ничего. Я только пойду за вами. Когда же онъ отстанетъ отъ тебя у Льва, ты уходи, какъ всегда, а потомъ вернись на площадь и жди меня. Я разскажу тебѣ, что́ вышло.

На другой день Четверть-Фунта, спрятавшись за деревомъ у Обсерваторіи, наблюдалъ за высокимъ, корректнымъ и эле-

гантнымъ господиномъ съ красивой бородой и золотымъ пенснэ, который чего-то ждалъ у разъѣзда конки, куря сигару.

Показалась Жоржетта. Господинъ двинулся за ней; пошелъ съ ней рядомъ и сталъ говорить, такъ близко наклоняясь къ ней, что его губы чуть не касались ея шеи, но на улицѣ было людно, и онъ не смѣлъ позволить себѣ бо́льшихъ вольностей. А Четверть-Фунта шелъ по другой сторонѣ улицы, не теряя ихъ изъ виду.

У Льва дѣвочка, по обыкновенію, пошла къ Монсури, а изящный господинъ, послѣ послѣдняго, шопотомъ брошеннаго, горячаго упрека, замедлилъ шаги, смотря ей вслѣдъ.

Перейдя черезъ площадь, онъ пошелъ съ важнымъ видомъ по Орлеанскому проспекту и черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ красивый новый домъ. Консьержъ, стоявшій у подъѣзда, съ почтеніемъ поклонился.

Двѣ минуты спустя Четверть-Фунта тоже входилъ въ подъѣздъ.

— Я долженъ кое-что передать только-что вошедшему сюда господину,—сказалъ онъ, показывая консьержу пакетъ, сдѣланный имъ изъ пачки старыхъ газетъ.—Онъ забылъ это у моего хозяина. Знаете, высокій господинъ съ черной бородой и золотомъ пенснэ.

— Мосье Роше,—сказалъ консьержъ,—первый этажъ. Черная лѣстница подъ воротами.

Но быстрый, какъ молнія, Четверть-Фунта уже вбѣжалъ вверхъ по парадной лѣстницѣ, и черезъ нѣсколько минутъ мосье Роше узналъ отъ служанки, что какой-то изъ знакомыхъ прислалъ ему какой-то пакетъ съ разсыльнымъ изъ ресторана.

Мосье Роше, если не считать нѣкоторыхъ маленькихъ скоропроходящихъ амурныхъ увлеченій, былъ очень серьезнымъ господиномъ. Онъ былъ женатъ и дѣлалъ хорошую карьеру. Какъ разъ въ этотъ вечеръ у него былъ званый обѣдъ, и онъ прошелъ къ себѣ переодѣться; потомъ по пути въ столовую онъ вышелъ въ переднюю, узнать въ чемъ дѣло.

Четверть-Фунта спокойно ждалъ въ передней, сидя на скамейкѣ.

— Что надо? Отъ кого этотъ пакетъ?

Четверть-Фунта увидалъ передъ собой высокаго господина, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ приставалъ къ Жоржеттѣ, а теперь въ рединготѣ съ орденами смотрѣлъ совсѣмъ персоной.

Мальчикъ пріятно улыбнулся и подошелъ.

— Пакетъ только предлогъ,—сказалъ онъ вполголоса.—

Я хочу говорить съ вами, какъ мужчина съ мужчиной, по поводу дѣвочки съ улицы Данферъ.

Важный господинъ откинулся назадъ и бросилъ безпокойный взглядъ на дверь въ залу, откуда были слышны голоса гостей. Однако, онъ тотчасъ же овладѣлъ собоя.

— Ты это о чемъ, маленькая каналья? Что это еще за гнусность?

— Это не гнусность,—отвѣтилъ громче Четверть-Фунта, поймавшій его взглядъ на дверь,—вы ей надоѣли, поэтому...

— Вонъ отсюда,—перебилъ его господинъ, наступая на него.—Это подлый шантажъ!

— Прочь руки!. Я васъ не боюсь... Шантажъ—это когда просятъ денегъ, а я васъ прошу только одного—оставить ее въ покоѣ.

Четверть-Фунта поставилъ между собой и своимъ противникомъ стулъ и поднялъ голосъ. Вдругъ въ передней позвонили. Это были гости. У хозяина мурашки побѣжали по спинѣ, его рѣшимость поколебалась, онъ открылъ дверь и увлекъ за собой Четверть-Фунта. Они очутились въ рабочемъ кабинетѣ строгаго стиля.

— Вотъ такъ-то лучше!—сказалъ Четверть-Фунта.—Я вовсе не намѣренъ шумѣть. Я пришелъ полъ видомъ разсыльнаго, чтобы васъ не компрометтировать, если вы хотите быть благоразумнымъ. Я знаю жизнь и понимаю дѣло... Это не всегда весело... Иной женатъ, скучаетъ... хочетъ развлечься... Это естественно... Но не надо ошибаться... Есть такія, которыя согласны, въ нихъ нѣтъ недостатка... Такъ вотъ, та дѣвочка не согласна, и нечего приставать! Она работаетъ, нужно оставить ее въ покоѣ, не надо ее пугать. И, кромѣ того, она еще совсѣмъ ребенокъ. На видъ ей можно дать шестнадцать лѣтъ, но на самомъ дѣлѣ ей всего 14 и четыре мѣсяца. Подумайте, изъ этого выйдутъ непріятности и для васъ, и для нея.. Такъ вотъ: не нужно ей надоѣдать. Она не согласна, вотъ и все...

Все это Четверть-Фунта проговорилъ очень спокойнымъ тономъ и замолчалъ. Господинъ смотрѣлъ на него съ оттѣнкомъ удивленія. Тонкая усмѣшка пробѣжала у него по губамъ. Онъ отвѣтилъ съ очень вѣжливымъ откровеннымъ видомъ:

— Вы мнѣ кажетесь искреннимъ, мой другъ, но вы ошибаетесь! Увѣряю васъ, это недоразумѣніе... Во всей этой исторіи вѣрно только одно: такъ какъ я долженъ по предписанію доктора гулять каждый день, то я и хожу по вечерамъ по улицѣ Данферъ до Обсерваторіи... Вотъ и все... Но разговаривать съ женщиной, приставать къ ребенку...

Онъ въ ужасѣ замахалъ руками. Потомъ продолжалъ послѣ минутной паузы.

— Вѣроятно, кто-нибудь другой, похожій на меня, позволилъ себѣ неумѣстныя фамильярности съ этой молодой особой... Это единственное объясненіе вашего заблужденія. Скажите вашей сестрѣ—вѣдь это ваша сестра, не правда — что я приму мѣры... Это больше не возобновится. Положитесь на меня. До свиданья, мой другъ! Я уважаю васъ за ваше заступничество... До свиданья!

Онъ толкалъ мальчика къ двери. Четверть-Фунта очутился на лѣстницѣ. Онъ былъ немного оглушенъ, но очень доволенъ исходомъ дѣла. Онъ быстро умчался и нашелъ Жоржетту у Льва.

— Дѣло въ шляпѣ!—воскликнулъ онъ.—Больше онъ къ тебѣ не полѣзетъ. Ну, нечего сказать,—прибавилъ онъ съ восхищеніемъ,—это поразительный типъ. Ты не повѣришь, какую онъ разыгралъ со мной комедію! Чортъ бы его побралъ совсѣмъ. Онъ думаетъ, что ты моя сестра, или дѣлаетъ видъ...

— Ну, слава Богу! А то, ты знаешь, онъ меня совсѣмъ измучилъ. Какъ же это было? Ты мнѣ все разскажешь? А знаешь, я безпокоилась за тебя; я думала, вотъ онъ наживетъ изъ-за меня непріятности.

— Ну вотъ еще! Для кого же мнѣ и рисковать, какъ не для тебя?—съ нѣжностью отвѣтилъ Четверть-Фунта.

Онъ помолчалъ, покраснѣлъ до корня волосъ и, взволновавшись больше, чѣмъ при разговорѣ съ тѣмъ господиномъ, спросилъ:

— Развѣ мы съ тобой не женихъ и невѣста...

Онъ обнялъ ее одной рукой за шею и, подъ покровомъ темнаго вечера, поцѣловалъ первый разъ въ жизни.

VI.

Первая тревога.

Четверть-Фунта условился съ Жоржеттой, что въ воскресенье вечеромъ они пойдутъ въ балаганы. Онъ считалъ себя совершенно взрослымъ человѣкомъ съ тѣхъ поръ, какъ, на пятнадцатомъ году, получилъ постоянное мѣсто въ кегельбанѣ. Однако, праздника онъ дожидался съ чисто-дѣтскимъ нетерпѣніемъ. Его мать и маленькая сестра оставались дома: первая уже не думала

объ удовольствіяхъ, а у второй болѣли зубы. Но мать Жоржетты — огромная мадамъ Траншаръ должна была ихъ сопровождать: она понимала толкъ въ приличіяхъ и не относилась враждебно къ удовольствіямъ. Почтенная дама эта торговала теперь фруктами и овощами, развозя ихъ по улицамъ въ ручной телѣжкѣ, и была знаменита между своими товарками по ремеслу пристрастіемъ къ рюмкѣ и неукротимостью своей энергіи въ борьбѣ съ городовыми.

Въ субботу вечеромъ Четверть-Фунта шелъ домой совсѣмъ счастливый: во-первыхъ, онъ получилъ жалованье, во-вторыхъ, ему охотно дали отпускъ на воскресенье. Но дома его ожидали непріятности: во-первыхъ, мать, которой не заплатили въ магазинѣ за работу, попросила у него денегъ, чтобы отдать грозному домовладѣльцу. Четверть-Фунта разсчитывалъ, что у него будетъ нѣсколько франковъ на праздникъ; теперь у него осталось только двадцать три су. Во-вторыхъ, Жоржетта, вышивавшая васильки на маленькой соломенной шляпкѣ колоколообразной формы, объявила ему разсѣяннымъ тономъ, что Августъ тоже пойдетъ съ ними на праздникъ. Къ этому Августу, наслѣднику угловой лавочницы, Четверть-Фунта питалъ, самъ хорошенько не зная почему, ненависть.

Въ воскресенье Жоржетта, въ шляпѣ съ васильками, розовая и хорошенькая, какъ никогда, мадамъ Траншаръ, уже немного выпившая, и Четверть-Фунта, противъ своего обыкновенія чѣмъ-то озабоченный, спустились около девяти часовъ вечера въ метро.

Августъ былъ уже тамъ и кинулся навстрѣчу Жоржеттѣ.

— Ну, ужъ и кутнемъ мы сегодня!—сказалъ онъ ей: мать дала мнѣ пять франковъ, да четыре у меня было раньше. Спѣшимъ.

Четверть-Фунта свирѣпо посмотрѣлъ на него. До послѣдней минуты онъ надѣялся, что Августъ не прійдетъ.

— О-ля, ля!—тихо сказалъ онъ Жоржеттѣ: Костюмъ шикарный, а самъ сморчокъ. Ужъ лучше ходилъ бы въ фартукѣ.

Жоржетта посмотрѣла на Августа. Онъ очень быстро вытянулся и, хотя ему было только пятнадцать съ половиной лѣтъ, былъ на голову выше Четверть-Фунта. На немъ былъ черный костюмъ, мягкая слишкомъ большая касторовая шляпа, слишкомъ высокій крахмальный воротникъ и яркій сине-зеленый галстухъ. На щекахъ, покрытыхъ прыщами, пробивалась ранняя бородка. Онъ курилъ папиросу въ мундштукѣ изъ фальшиваго янтаря.

Жоржетта перевела глаза на Четверть-Фунта. Онъ такъ и остался малорослымъ, какъ будто для того, чтобы оправдать свое прозвище. На немъ былъ его будничный костюмъ,—другого у него не было: старая зеленая фуражка, слишкомъ большая куртка и велосипедные штаны.

Жоржетту раздосадовало его замѣчаніе насчетъ Августа, потому что она находила его элегантнымъ; она открыла-было ротъ, чтобы отвѣтить насмѣшкой. Но долголѣтняя близость, общія страданья и нищета, а также смутное чувство нѣжности, связывали ее съ Четверть-Фунтомъ—и, промолчавъ, она только пожала плечами.

Тетка Траншаръ заплатила за метро. Она была въ хорошемъ настроеніи, благодаря двумъ рюмочкамъ, выпитымъ для аппетита передъ обѣдомъ. Не желая себя стѣснять, она не переодѣлась передъ отъѣздомъ и отправилась безъ шляпы, въ широкомъ, старомъ, неряшливомъ платьѣ.

— Я пойду, сяду,—объявила она, какъ только они пріѣхали.—Толпа мнѣ и такъ надоѣла, а на развлеченія мнѣ начхать. Пойду къ женѣ кабатчика, тамъ на углу. Она моя покупательница. До чего эта женщина любитъ ракушки, если бы вы знали!.. И, кромѣ того, она моя пріятельница. Приходите за мной туда въ одиннадцать часовъ, а?

Послѣ минутнаго молчанія, она указала величественнымъ жестомъ на Августа и Четверть-Фунта.

— Поручаю тебя этимъ господамъ,—сказала она дочери.

— Не пей слишкомъ много, мама,—посовѣтовала ей Жоржетта вполголоса.

Если бы кто другой позволилъ себѣ усомниться въ умѣренности тетки Траншаръ, она убила бы его на мѣстѣ. Но на слова дочери она отвѣтила нѣжнымъ взглядомъ.

— Не бойся, моя Жеже! Рюмочку вишневки отъ времени до времени, чтобы не быть невѣжливой къ хозяйкѣ,—не больше...

Кабатчица, коренастая оверпка, стояла на порогѣ своего заведенія, желая немного освѣжиться. Въ воздухѣ стояла густая пыль и пахло жареной картошкой. Кабатчица завизжала отъ радости, увидя мадамъ Траншаръ.

Дѣти ушли.

— Куда же мы пойдемъ?—въ восторгѣ воскликнула Жоржетта, бросаясь въ самую гущу.

— Мы обойдемъ все!—сказалъ Августъ, гордый своими девятью франками.

— Съ чего же мы начнемъ? Какъ ты думаешь?—продолжала Жоржетта, толкая локтемъ Четверть-Фунта.

— О, меня эти глупости не занимаютъ. Я ихъ уже видѣлъ и перевидѣлъ на своемъ вѣнку!—отвѣтилъ Четверть-Фунта съ разочарованнымъ видомъ.

Жоржетта бросила ему недовольный взглядъ. Она не узнавала своего товарища—дерзкаго, веселаго, полнаго жизни. Что съ нимъ такое? Чего онъ все ворчитъ, когда тутъ такъ весело? думала она.

— Я хочу кататься съ русскихъ горъ. Я ихъ обожаю.

Августъ съ готовностью полѣзъ за ней по узкой лѣстницѣ; ихъ посадили рядомъ на передней скамейкѣ вагончика, а Четверть-Фунта долженъ былъ устроиться на другой сзади. Рядомъ съ нимъ сидѣла полная, высокая дама. Вагонъ помчался, глубоко ныряя; Четверть-Фунта видѣлъ, что Августъ обнялъ Жоржетту за талью, а что та опиралась на него и пронзительно кричала.

Въ ту же минуту толстая дама, охваченная ужасомъ, завизжала и схватила Четверть-Фунта за шею. Онъ оттолкнулъ ее, она назвала его за это жуликомъ, и они стали толкать другъ друга локтями и толкались, пока не вылѣзли.

За русскія горы заплатилъ Августъ. Потомъ Четверть-Фунта заплатилъ за другое судорожно-круговоротное развлеченіе. Тутъ такъ удивительно подбрасывало на воздухъ, что Жоржетта сейчасъ же пришла въ восторгъ. Это было до того пріятно, что, спустившись совершенно ошалѣлая на землю, она не могла вымолвить ни слова, а отдышавшись, потребовала повторить. На этотъ разъ заплатилъ Августъ.

Потомъ они снова утонули въ толпѣ и обошли всю площадь. Августъ ухаживалъ за Жоржеттой, она смѣялась, а Четверть-Фунта плелся за ними, не говоря ни слова.

Вдругъ Жоржетта остановилась, какъ вкопанная, передъ великолѣпной каруселью деревянныхъ свиней, и у Четверть-Фунта мурашки побѣжали по спинѣ: у него оставалось всего три су, и надо было платить, такъ какъ очередь была за нимъ.

— Идемъ кататься!—воскликнула Жоржетта. Она была въ восторгѣ отъ головокружительной быстроты, съ которой вертѣлись свиньи въ потокахъ ослѣпительнаго свѣта, подъ громъ бѣшеной музыки.

— Идемъ!

Августъ, не любившій тратить денегъ больше, чѣмъ слѣдовало, сдѣлалъ знакъ Четверть-Фунту, чтобы тотъ платилъ.

Но Четверть-Фунта, не глядя на него, съ презрѣніемъ пожалъ плечами.

— Я не катаюсь. Мнѣ надоѣли эти глупости. Это хорошо для идіотовъ. Неужели тебѣ это интересно?—обратился онъ къ Жоржеттѣ съ почти умоляющимъ взглядомъ.

Но Жоржетта не поняла или не хотѣла понимать. Она ничего не отвѣтила и пошла за Августомъ. Тотъ уже влѣзалъ на полосатую свинью.

Четверть-Фунта остался одинъ. Страшная тоска сжала ему сердце. Онъ хотѣлъ уйти и не могъ. Августъ и Жоржетта мелькали у него передъ глазами. Августъ поддерживалъ Жоржетту и выдѣлывалъ разные фокусы на своей свиньѣ, какъ будто издѣваясь надъ своимъ соперникомъ. Легкая юбка открывала до колѣнъ хорошенькую ножку Жоржетты. У Четверть-Фунта забилось сердце. Неиспытанное до сихъ поръ чувство сводило его съ ума. Онъ поблѣднѣлъ, охваченный бѣшенствомъ, а въ головѣ бѣжали мысли о томъ, что есть средства найти много денегъ, скоро и не работая.

Карусель наконецъ остановилась. Сойдя на землю, Жоржетта послала Августа за конфектами, а сама подошла къ Четверть Фунту. Онъ даже не посмотрѣлъ на нее и былъ такъ мраченъ, что она почувствовала угрызенія совѣсти.

— Почему ты не пошелъ кататься съ нами?

Молчаніе. Она немного покраснѣла и прибавила шопотомъ:

— У тебя нѣтъ больше денегъ, а? Ты все отдалъ за квартиру?

Четверть-Фунта посмотрѣлъ на нее съ такимъ жесткимъ выраженіемъ, котораго она еще никогда не видала.

— Не заботься объ этомъ,—прошипѣлъ онъ, блѣдный, какъ смерть, со стиснутыми зубами.—У меня будутъ деньги... Я тебѣ куплю все, что ты только пожелаешь... Увидишь... Я достану... Я не хуже другихъ... Я сдѣлаю все, что нужно... Нужно только не трусить...

— Не говори глупостей...—голосъ Жоржетты немного дрожалъ.

— И ты хочешь сдѣлать это для меня?! Покорно благодарю. Ты съ ума сошелъ! Это невозможно!—она подошла къ нему еще ближе.

— Послушай, у меня есть сорокъ су. Ты мнѣ ихъ отдашь изъ слѣдующей получки.

Четверть-Фунта вздрогнулъ, и вдругъ вся нѣжность, кото-

рую онъ питалъ къ ней, горячей волной подступила ему къ сердцу.

— Нѣтъ, оставь!—сказалъ онъ измѣнившимся, кроткимъ голосомъ, отталкивая маленькую ручку, старавшуюся сунуть ему серебряную монету. — Не стоитъ... Это правда, что свиньи меня не занимаютъ.

Онъ колебался, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, добавилъ:

— А ты иди кататься съ нимъ, вѣдь ты это любишь.

Жоржетта не отвѣтила. Августъ возвращался съ конфектами.

— Идемъ дальше!—кричалъ онъ.—Какъ весело! Есть еще цѣлая куча удивительныхъ штукъ. Идемъ, Жоржетта!

Жоржетта отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ! уже одиннадцать часовъ. Я иду за мамой.

Потомъ она добавила съ презрѣніемъ:

— И, кромѣ того, эти глупости мнѣ надоѣли! Это хорошо для идіотовъ. Неужели тебѣ это интересно?—закончила она наивнымъ тономъ, обращаясь къ Четверть-Фунту, обезумѣвшему отъ радости.

Она взяла его за руку, и они убѣжали вдвоемъ, бросивъ глубоко оскорбленнаго Августа.

У кабатчицы ихъ ждала мадамъ Траншаръ въ добромъ расположеніи духа, такъ какъ рюмки водки и вишневки смѣнялись передъ ней безъ перерыва.

Съ франц. пер. С. Герта.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ЛУЧІАНО ЦУККОЛИ.

I.

Покойникъ и румяна.

Джіованни Досси проболѣлъ всего лишь недѣлю и умеръ. Послѣдніе четыре года онъ жилъ врозь съ женою, въ своей виллѣ надъ Пистойей, съ Джорджеттой Лаури, неаполитанской шансонетной пѣвичкой, съ которой пріятель познакомилъ его въ поѣздѣ и которая въ нѣсколько дней совершенно околдовала его. Многіе тогда винили жену, ибо Марія Досси, узнавъ объ измѣнѣ мужа, тотчасъ же переселилась къ своей матери и, безъ слезъ, безъ жалобъ, объявила, что никогда больше не вернется къ мужу. Тотъ, весь захваченный своей новой любовью, и не просилъ ее объ этомъ; недѣли двѣ спустя, заплативъ неустойку за Джорджетту, онъ отказался за нее отъ всѣхъ ея ангажементовъ, заперся съ ней въ своей виллѣ и больше ужъ не выѣзжалъ оттуда.

А между тѣмъ Джіованни и Марія были женаты всего лишь три года и любили другъ друга съ такою страстью, которая, казалось, должна была длиться вѣчно. Они вездѣ бывали вмѣстѣ, у себя не принимали и часто путешествовали, чтобы наединѣ, среди чужихъ, свободнѣй отдаваться своей любви, обмѣниваясь взглядами и поцѣлуями, тѣша себя иллюзіей, что міръ не больше, какъ эстрада изъ папье-маше, на которой они могутъ вѣчно, при разныхъ освѣщеніяхъ, пѣть свой любовный дуэтъ, рука съ рукой, глаза въ глаза. И, когда они разошлись, умные люди говорили, что такъ оно всегда и бываетъ, когда люди безумно влюблены другъ въ друга, что страсть—дитя каприза, и, натурально, ея родители въ правѣ убить ее.

Однако, у Маріи такихъ капризовъ не было. Она жила одна, съ своею матерью, простой и тихой, съ виду спокойной жизнью,

возобновила знакомство кое-съ-кѣмъ изъ подругъ, какъ прежде, много путешествовала и казалась такой уравновѣшенной, что никто не осмѣливался заговорить съ ней о Джіованни. Нѣкоторыя изъ пріятельницъ, болѣе настойчивыя, пробовали что-нибудь выпытать у матери, предлагали съѣздить въ Пистойю, повидать Джіованни, которому, навѣрно, уже надоѣла его глупая пѣвичка, разузнать хоть что-нибудь объ его таинственной виллѣ и замкнутой, отшельнической жизни. Но мать Маріи съ первыхъ же словъ обрывала такіе разговоры, переходя на другія темы. Одна пріятельница, ѣхавшая съ Маріей въ поѣздѣ отъ Флоренціи до Болоньи, утверждала, что, когда, возлѣ Питеччіо, они проѣзжали мимо виллы Джіованни, бѣлѣвшей межъ каштановъ, Марія даже не подняла глазъ отъ книги, которую она читала. Что это? Равнодушіе? Притворство?—Никто не могъ сказать.

Такимъ образомъ, первое извѣстіе, полученное ею о мужѣ послѣ четырехъ лѣтъ разлуки, была телеграмма отъ доктора изъ Питеччіо, извѣщавшая ее о внезапной и тяжкой болѣзни Джіованни Досси. Марія попросила мать отвѣтить, чтобъ ее ежедневно по телеграфу извѣщали о здоровьи больного, не говоря ему объ этомъ. А сама заперлась у себя въ комнатѣ и весь день пролежала ничкомъ на кровати, уткнувъ лицо въ подушкпи. Любила ли она еще Джіованни?

Объ этомъ она себя не спрашивала, потому что не хотѣла страдать изъ-за него, и еще потому, что слишкомъ чтила любовь и память о любви, чтобъ думать, что можно любить, не зная этого, не ощущая этого ежеминутно. Женщина, которая спрашиваетъ себя, любитъ ли она еще—уже не любитъ. И Марія знала, что она уже не любитъ, и гордилась этимъ. Но только теперь она замѣтила, что всѣ эти четыре года она жила одной надеждой: когда-нибудь сказать *ему* это въ глаза, спокойно, внятно и раздѣльно, когда его броситъ *та, другая*—отнять у него, быть можетъ, ужъ состарившагося, усталаго, разочарованнаго, послѣднюю иллюзію—будто она вдали отъ него, одна, со своими воспоминаніями, когда-нибудь страдала отъ любви къ нему. Какъ же быть теперь? А если онъ умретъ?..

Весь день она боролась съ безумнымъ желаніемъ ѣхать сейчасъ же, чтобы поспѣть во-время, застать еще его живымъ и нанести ему этотъ послѣдній ударъ, шепоткомъ, подъ сурдинку, безъ всякихъ трагедій. Умирающему?—Да, умирающему... Но, что, если его болѣзнь вовсе не такъ опасна, какъ извѣщаетъ докторъ? Что, если эта телеграмма—только хитрость, чтобъ завлечь ее туда? Можетъ быть, *та, другая*, уже бросила его, и

Джіованни хочетъ увидаться съ женой наединѣ, чтобъ вымолить у нея прощеніе?.. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, ея стремительный пріѣздъ, по первому зову, будетъ явнымъ противорѣчіемъ ея заявленію... Она такъ живо представляла себѣ улыбку Джіованни. — Ты больше не любишь меня? — и, однако жь, пріѣхала?..

Мать робко освѣдомилась:

— Поѣдешь?

— Не знаю. Подожду завтрашней телеграммы.

— Я на всякій случай велю уложить твои вещи...

Ночью пришла телеграмма съ извѣщеніемъ о смерти Досси. Марія выѣхала чуть свѣтъ, съ первымъ поѣздомъ. И по пути раскаялась, что поѣхала. За четыре года это былъ первый ея необдуманный поступокъ. Она чувствовала, что въ сердцѣ ея начинаетъ зарождаться жалость, и возмущалась этимъ. Жалость переворачивала вверхъ дномъ всю ея жизнь, суровую, но ясную, будила ласковыя, добрыя воспоминанія о любви Джіованни, о томъ, какое счастье было отдыхать на этой надежной, сильной, молодой мужской груди... И отъ этихъ воспоминаній ее коробило, какъ отъ стыда. Вмѣсто Джіованни она увидитъ только *ту, другую*, которая, по всей вѣроятности, все еще живетъ тамъ,—насмѣшливую и враждебную—*ту, другую*, которой она не оказывала даже чести считать ее своей соперницей, о которой никогда ничего не хотѣла знать—ни даже того, дѣйствительно ли она такъ ужъ красива и мила, и соблазнительна,— и *та, другая*, быть можетъ, посмѣется надъ ней и будетъ потомъ разсказывать подобнымъ себѣ, что вдова прискакала все-таки, чтобъ въ послѣдній разъ поцѣловать своего муженька, хоть мертваго... Зачѣмъ она поѣхала?..

Она вышла изъ купэ, надменная и строгая, съ сухими, строгими глазами, придумывая короткія и рѣзкія слова, изъ страха, какъ бы у нея не сорвалось съ языка другихъ, взволнованныхъ и добрыхъ.

На маленькой станціи сошла только она одна. Грузный мужчина съ разноцвѣтной рыжей бородой и въ пенснэ, подошелъ къ ней и поклонился.

— Позвольте представиться. Докторъ... Тутъ, на дворѣ, ждетъ экипажъ...

Марія чувствовала, что немногіе свидѣтели этой сцены съ

любопытствомъ смотрятъ на нее, ища въ ея лицѣ признаковъ горя. Она слышала, какъ одинъ сказалъ вполголоса:

— Она не въ траурѣ...

У крыльца стоялъ двухмѣстный кабріолетъ. Марія сѣла въ него.

— Извините. Это моя таратайка. Такъ мы скорѣй доѣдемъ—пояснилъ докторъ, беря въ руку возжи. И Марія была признательна ему за то, что онъ пріѣхалъ не въ коляскѣ Джіованни, въ которой онъ ѣздилъ постоянно съ *той, другой.*

По пути докторъ разсказалъ ей вкратцѣ о болѣзни Досси—воспаленіе легкихъ въ самой тяжелой формѣ—въ итогѣ смерть...

— Я бы раньше вамъ телеграфировалъ. Но меня позвали, когда было уже поздно.

— Кто же лѣчилъ его до васъ?

— Никто.

— Никто?!

Докторъ пожалъ плечами, покачалъ головой, щелкнулъ бичемъ. Марія сгорала нетерпѣніемъ узнать—все узнать до пріѣзда *туда...*

— Кто же вамъ далъ мой адресъ?

— Винченцо, ихъ старый лакей, передъ тѣмъ, какъ уйти отъ нихъ.

— Винченцо уже не служитъ... тамъ?

— Уже три года.

Докторъ пристально посмотрѣлъ на нее. Что ему надо? Хочетъ видѣть, плачетъ ли она? Такъ же ли она красива, какъ *та, другая?..* Но почему же онъ молчитъ?

— Какъ это случилось, что онъ захворалъ?

— Простудился. Домишко стоитъ на горѣ, зима, холодъ. Печи плохія, топятъ мало... Синьоръ Досси былъ не изъ крѣпкихъ...

Маріи вспомнился прежній ея Джіованни, такой зябкій, нѣжный, съ первыхъ же холодовъ надѣвавшій шубу, блаженствовавшій только въ жарко-натопленной комнатѣ, устланной коврами, защищенной отъ вѣтра плотными стегаными занавѣсями на окнахъ...

— Но какъ же это могло случиться, что зимою... не топили?..

— О, синьоръ Досси хотѣлъ передѣлать печи; онъ даже совѣтовался со мной относительно этого, въ первый годъ по пріѣздѣ...

— А потомъ?

— Потомъ... Что же отъ васъ таиться? Ему не позволили—только и всего.

— Не позволили?

— Вилла, вѣдь, ужъ не принадлежитъ ему.

— Продана за долги?

— Зачѣмъ долги? Долговъ у него не было. Онъ подарилъ ее. Вы понимаете, кому...

Марія ухватилась рукой за возжи.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ нельзя ѣхать туда, въ чужой домъ...

— Я думалъ, вы знаете... Впрочемъ, я тамъ предупредилъ. Васъ ждутъ. Мнѣ дали понять, что вы никого не увидите... кромѣ слугъ. Ихъ тамъ немного—можете быть спокойны. Горничная, садовникъ, кухарка—все неаполитанцы, родственники синьоры... Если не хотите ѣхать, я васъ отвезу обратно на станцію.

— Нѣтъ, ѣдемъ. Только скорѣй.

Это прозвучало почти грубо. Глаза Маріи наполнялись слезами, туманившими взглядъ. Дарить, давать, давать безъ конца: цвѣты, наряды, драгоцѣнности; отдать все: самого себя, свое время, свое честолюбіе, своихъ друзей—онъ не умѣлъ любить иначе. Джорджетта Лаури сумѣла это использовать... Еще одинъ вопросъ.

— Но почему же васъ не пригласили сейчасъ же, какъ только онъ захворалъ?

— Они лѣчили его сами, домашними средствами: припарки, пластыри, настойки...

— Лѣчили... и залѣчили?

— Какъ знать. Медицина такая штука, что тутъ никогда нельзя быть увѣреннымъ. Можетъ быть, если бъ я и съ перваго дня лѣчилъ его, онъ все равно бы умеръ.

Но Марія уже не слушала.—Они убили его!—повторяла она про себя.—Сперва ограбили, потомъ убили...

У воротъ какой-то старикъ, съ вывороченными вѣками и давно небритой бородой, низко поклонился имъ.

— Эччеленца!..—И взялъ возжи изъ рукъ доктора.

Докторъ что-то шепнулъ ему на ухо. Старикъ завѣрялъ его, все время низко кланяясь:

— Все въ порядкѣ, профессоръ, какъ вы приказывали. Какъ же иначе? Это былъ нашъ долгъ.

Марія едва успѣла разглядѣть дорожки, не усыпанныя гравіемъ, заброшенныя клумбы, неровную мостовую изъ разноцвѣтнаго булыжника, заросшую сорной травой... Пока она входила, докторъ шопоткомъ объяснилъ ей:

— Это дядюшка...

Все высмотрѣть, выискать доказательства преступленія: ни о чемъ другомъ Марія уже не думала. Пусть говорятъ, что хотятъ; пусть думаютъ, что она все еще влюблена и носитъ трауръ не со вчерашняго дня, а ужъ четыре года—теперь ей все равно. Ея долгъ—не только, какъ жены, но и какъ честной женщины, попавшей въ этотъ воровской притонъ,—былъ: отомстить.

— Подождите меня здѣсь, одну минуточку. Сначала я пойду взглянуть...—сказалъ ей докторъ.

Они были въ гостиной. Старая мебель, обитая зеленой шерстяной матеріей съ крупнымъ узоромъ, занавѣси изъ полинялаго кретона; посерединѣ большой, круглый столъ. Въ тѣ немногіе разы, что она пріѣзжала сюда съ Джіованни, Марія развлекалась, перелистывая лежавшіе на этомъ столѣ старые, за полвѣка назадъ, тома иллюстрированныхъ журналовъ; давно переставшихъ выходить: «Живописное Обозрѣніе», «Семейный Ежемѣсячникъ». Теперь столъ заваленъ былъ театральными журналами съ портретами пѣвичекъ и комиковъ-буффъ; на краю стояла бутылка вина и два недопитыхъ стакана; надъ журналами красовались три фотографическихъ портрета Джорджетты Лаури, улыбающейся, въ костюмѣ шансонетки, коротенькой юбочкѣ, съ обнаженными руками и грудью, въ огромной шляпѣ съ цвѣтами и перьями. Марія подошла къ столу...

— Идемте!—позвалъ ее съ порога двери докторъ.

Гостиная въ верхнемъ этажѣ была превращена въ гардеробную. Повсюду: на креслахъ, на диванахъ, на столикахъ валялись юбки, верхнія и нижнія, всѣхъ сезоновъ и изъ всевозможныхъ матерій, вперемѣжку съ лентами, вуалями, шляпками, искусственными цвѣтами самыхъ броскихъ оттѣнковъ. Маріи мгновенно представился ея прежній Джіованни, маніакъ порядка, всегда одѣтый съ безупречной элегантностью, не выносившій дисгармоніи въ цвѣтахъ, растрепанныхъ волосъ... И онъ принужденъ былъ жить въ этой сутолокѣ! И покорился этому?

— Здѣсь,—шепнулъ докторъ, отворяя дверь.

Марія упала на колѣни въ ногахъ кровати, на которой лежалъ покойникъ, и закрыла лицо руками. Потомъ, немного погодя, не вставая съ колѣнъ, вперила въ лицо умершаго суровый взглядъ.—Джіованни?—Это?..

Длинная запущенная борода обрамляла блѣдное, отекшее лицо; фіолетовыя запекшіяся губы раздвинулись, обнажая желтые зубы; рѣдкіе сѣдые волосы слиплись на мраморномъ лбу... Покойника уже одѣли—напялили на него старый фракъ, слиш-

комъ узкій для него и дѣлавшій его смѣшнымъ, какъ манекенъ; изъ-подъ рукавовъ фрака вылѣзали обтрепанныя манжеты, и въ нихъ сложенныя крестъ-на-крестъ восковыя руки, въ которыя *та, другая* осмѣлилась вложить распятіе и обмотать вокругъ нихъ четки. И въ полумракѣ надъ этой развалиной тускло мигали четыре свѣчи. Хоть бы одинъ цвѣточекъ!..

Марія обернулась: докторъ вышелъ. Она оглядѣлась вокругъ. На комодѣ еще два портрета: одинъ—женщины, все съ той же вульгарной, самодовольной улыбкой, другой—Джіованни—снятый, когда онъ былъ еще женихомъ Маріи. Инстинктивно она протянула руку, чтобы взять его. Вѣдь это ея собственность. Вѣдь онъ снимался для нея, лишь для нея одной. Потомъ—подумала, что, можетъ быть, кто-нибудь стоитъ за дверью и подсматриваетъ, и сдержалась, выпрямилась, сдвинула брови, два-три раза глубоко вдохнула въ себя воздухъ, гордо закинувъ голову. Ненависть, снова проснувшаяся въ ея сердцѣ, побѣдила жалость.

Недвижная, изъ оконной ниши, гдѣ она пріютилась, обшарила глазами каждый уголокъ. Вотъ этотъ столикъ, покрытый бѣлой скатертью, придвинутый къ кровати, съ двумя свѣчами, должно быть, служилъ туалетнымъ—на немъ слѣды румянъ, помады, туши. Сейчасъ съ него убраны зеркало, флаконы, гребни, щетки. Но такъ легко было представить себѣ, что передъ нимъ сидитъ соперница, полунагая, съ распущенными волосами, и причесывается, душится, мажется. Что это за серебряная трубочка, забытая возлѣ одного изъ подсвѣчниковъ? Осторожно, повернувшись спиною къ двери, чтобы не быть замѣченной, Марія протянула руку и взяла цилиндрикъ. Это была палочка румянъ, смятая вверху, словно еще сохранившая отпечатокъ губъ и щекъ Джорджетты Лаури. Марія выронила ее изъ судорожно сжавшейся руки, словно металлъ былъ раскаленъ. Еще разъ взглянула на покойника и улыбнулась.

Она, *она* улыбалась—теперь уже не онъ, не та, другая, а она. Какой жалкой, невѣрной и ненужной местью была бы та, которую она готовила четыре года—въ отместку когда-нибудь спокойно, холодно сказать невѣрному, что она никогда не страдала изъ-за него, что она тотчасъ же разлюбила его. Настоящая месть, вѣрная и грозная, и страшная, была вотъ здѣсь—въ этой убогой, мерзкой жизни, которую заставила его дѣлить съ собой эта бабёнка, въ необходимости отказаться отъ всего привычнаго и дорогого ему—отъ скромнаго изящества въ одеждѣ, навыковъ воспитанія, отъ своей духовной жизни, вкусовъ и при-

вычекъ, отъ своего умственнаго превосходства, и стать подобнымъ во всемъ своей любовницѣ, и даже хуже ея, такъ какъ госпожей была она, а онъ—рабомъ...

И тутъ только Марія увидала, что кровать, на которой лежалъ покойникъ, была двуспальная—*ихъ* общая кровать.

Она отскочила къ двери, распахнула ее и тотчасъ же захлопнула за собой. Въ яркомъ свѣтѣ, заливавшемъ гостиную, снова увидала разбросанныя по диванамъ платья и уборы и, въ углу, доктора.

— Идемте!—приказала она ему.

Они спустились съ лѣстницы, вышли на крыльцо. Старикъ съ вывороченными вѣками, поджидавшій ихъ возлѣ кабріолета, снова поклонился:

— Моя племянница думала, что, можетъ быть, ей слѣдовало бы засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, если эччеленца разрѣшитъ...

Марія равнодушно поглядѣла на него:

— Незачѣмъ. Поблагодарите ее за меня.—И сѣла въ экипажъ.

И, даже, когда вилла уже почти скрылась изъ виду въ началѣ спуска, не обернулась взглянуть на нее. Полной грудью вдыхала колючій, морозный воздухъ и чувствовала, что она свободна, что она молода, красива... Въ ушахъ ея отдавались ея собственныя слова:—Поблагодарите ее за меня...

II.

По прихоти судьбы.

Въ тотъ день я впервые испыталъ на себѣ, что̀ переживаетъ человѣкъ, когда въ душѣ его идетъ бѣшеная борьба противорѣчивыхъ страстей.

Я уѣхалъ—почти бѣжалъ изъ Милана. Женщина, безконечно мнѣ дорогая, которую я много лѣтъ любилъ и которая много лѣтъ жила моей жизнью, должна была уѣхать въ этотъ день—и навсегда—уѣхать, затеряться въ пустынѣ міра,—такъ,

чтобъ я не зналъ, гдѣ она, и она не знала бы, гдѣ я и что со мною.

Чтобъ не прощаться съ ней, не стяснуть еще разъ въ своихъ рукахъ этихъ прелестныхъ рукъ, не видѣть, какъ блѣднѣетъ исхудалое лицо, не переживать мучительныхъ минутъ прощанія, падающихъ въ бездонную пустоту времени, въ чащу безплодныхъ болей, я бѣжалъ изъ Милана, сѣлъ на поѣздъ, отходившій въ Бергамо, и доѣхалъ туда, какъ во снѣ. Рядомъ со мной, безмолвная и стройная, сидѣла *другая*—женщина, втихомолку, но упорно и настойчиво подготовлявшая эту разлуку. Она знала, что, послѣ несказанной грусти этихъ первыхъ часовъ, душой моею завладѣютъ тоска и угрызенія, и молча ѣхала со мной, не смѣя ликовать, не рѣшаясь еще заглянуть въ самое себя, не зная, сумѣетъ ли она и какъ сумѣетъ выиграть самую трудную битву—заглушить угрызенія, тоску, воспоминанія и заставить меня забыть...

Мы шли съ опущеными головами,—дулъ сильный вѣтеръ и у входа въ Porta Nuova кружилъ въ воздухѣ столбъ густой пыли. Небо, прорѣзанное тонкой линіей холмовъ, куполомъ Санта Марія Маджіоре, шпицами и крышами зданій, сіяло ровной, безстрастной лазурью.

Я украдкой смотрѣлъ на женщину, шедшую со мной рядомъ; черныя рѣсницы ея все время трепетали отъ докучнаго вѣтра, и эти черныя рѣсницы и черныя брови на свѣтломъ лицѣ блондинки казались мнѣ странными, какъ будто раньше я не замѣчалъ ихъ. Тутъ я увидѣлъ и ея костюмъ, темный и элегантный: отъ налетавшаго вѣтра онъ словно прилипалъ къ тѣлу, обрисовывая всѣ линіи ея гибкой, изящной фигуры; замѣтилъ туфельки, сѣренькія, открытыя. Она подняла голову—я сталъ смотрѣть въ другую сторону.

И въ Академіи Каррара мы хранили то же молчаніе. Едва мы вошли туда, какъ мною овладѣло лихорадочное нетерпѣніе, словно мы обречены были весь вѣкъ бродить по этимъ заламъ. Я даже не могъ припомнить ощущеній, какія обыкновенно давали мнѣ картины. Теперь онѣ казались мнѣ безжизненными, мертвыми; я не различалъ красокъ, не могъ разобраться въ выраженіи лицъ, въ группировкѣ фигуръ. Я все думалъ объ отъѣздѣ *той, другой*—отъѣздѣ, котораго я самъ желалъ—и *такъ* боялся. Она уѣдетъ только вечеромъ, въ одиннадцать. Я взглянулъ на часы. Теперь три. Еще восемь часовъ. Какъ пере-

живаетъ она, покинутая, эти первые восемь часовъ своего новаго существованія? Тяготятъ ли они ее, какъ меня? Отдаются ли въ ея сердцѣ немолчнымъ отчаяннымъ плачемъ безъ отклика, какъ въ моемъ?

Женщина, стоявшая со мною рядомъ, хотѣла что-то сказать. Это было передъ «Портретомъ мальчика» Фра Витторе Гисланди; ей захотѣлось снова увидать этотъ портретъ, потому что три мѣсяца тому назадъ, въ первое посѣщеніе Академіи послѣ возвращенія изъ Рима, гдѣ я видѣлъ портреты Зулолаги, я долго любовался имъ. Я ей шепнулъ.

— Молчи!

Она отдалилась отъ меня, прошла въ сосѣднюю залу, я смотрѣлъ, какъ она шла; слушалъ, какъ стучатъ по паркету каблучки ея сѣренькихъ туфелекъ. Она увѣрена въ себѣ? Что она думаетъ? Радуется въ глубинѣ души своему торжеству? Борется между радостью одержанной побѣды и страхомъ выказать эту радость?..

Мнѣ казалось, что она топчетъ ногами сердце *той*, *другой*, умышленно пристукивая, налегая всей тяжестью своего тѣла, чтобы придавить, изуродовать, уничтожить это бѣдное сердце. Я ненавидѣлъ ее и все время слѣдилъ взглядомъ въ сосѣдней залѣ ея быструю и легкую поступь, пока она переходила отъ стѣны къ стѣнѣ, отъ картины къ картинѣ. Она не притворялась: на мигъ она, дѣйствительно, обо всемъ забыла, порою она поднимала голову, спокойная, упиваясь свѣтомъ и красками, какъ въ Римѣ, какъ въ Венеціи, какъ во Флоренціи, когда я ходилъ съ нею по картиннымъ галлереямъ и съ удовольствіемъ выслушивалъ ея восторги, въ глубинѣ которыхъ крылась безсознательная чувственность.

Я нагналъ ее и неожиданно спросилъ:

— Довольна ты?

Не задумываясь, она отвѣтила:

— Да, очень!

Потомъ поправилась:

— Очень довольна, что мы здѣсь. Многія картины я совсѣмъ забыла, а онѣ такъ прекрасны.

«Портретъ старика» Джіанбаттиста Морони смотрѣлъ на насъ обоихъ такъ сурово, такъ холодно и строго, что я поспѣшно отошелъ, словно боясь, чтобъ онъ не прочелъ на моемъ лицѣ тайны, которая томила мою душу и которая привела бы его въ негодованіе.

Поистинѣ, не было въ тотъ моментъ въ мірѣ другой души,

болѣе измученной и мятежной, чѣмъ моя. Я чувствовалъ, что не принадлежу ни *той*, далекой, которая должна уѣхать, ни *этой*, побѣдоносной и довольной, которая любуется Мадонною Джіованни Беллини. Но одновременно съ этимъ я чувствовалъ—и это было еще страшнѣй—что я не принадлежу и самому себѣ, что въ глубинѣ моего сердца борются и мятутся, бросая его въ жаръ и въ холодъ, самыя противорѣчивыя страсти: ненависть и любовь, гнѣвъ и нетерпѣніе, грусть и желаніе...

Когда мы вышли изъ Академіи и снова стали подниматься въ городъ, я дотого усталъ отъ этой глухой борьбы, что вѣтеръ, дувшій съ прежней силой, засыпая пылью глаза и лицо и нагоняя холодную дрожь, казался мнѣ предвѣстникомъ несчастья. Зачѣмъ же еще и тѣлу страдать безпощадно, въ часы, когда такъ тяжко томится и страждетъ душа? Что я сдѣлалъ? За что это?...

Что я сдѣлалъ? Я любилъ двухъ женщинъ заразъ—грѣхъ непростительный, незамолимый; и всѣ мои напасти—результатъ этого грѣха, непостижимаго для обѣихъ любимыхъ мною женщинъ.

Я очень, очень усталъ; я продѣлъ свою правую руку подъ лѣвый локоть моей спутницы—и почувствовалъ, какъ она слегка вздрогнула. Мнѣ почудилось, что она улыбнулась. Очевидно, подумала, что я сдаюсь, цѣпляюсь за нее, какъ испуганное дитя, у нея молю забвенія и защиты отъ моего горя, что я принадлежу ей цѣликомъ и не стану больше бороться, а *та, другая*, принесена въ жертву, уже окончательно. Она думала, что, наконецъ, покорила меня.

На мигъ лишь загорѣлись радостью ея глаза, но въ этомъ мимолетномъ блескѣ я прочелъ всѣ ея мысли—и не возмутился.

— Ты думаешь, что знаешь меня?—спросилъ я неожиданно.

Она повернулась ко мнѣ, не зная, что это: шутка? угроза? Слегка улыбнулась, трепетной, робкой улыбкой, и нерѣшительно пролепетала:

— Да, я знаю тебя!

— Никто меня не знаетъ,—возразилъ я.—Никто!

Она думала, что я жалуюсь; а я ничѣмъ такъ не гордился, какъ тѣмъ, что никто, какъ слѣдуетъ, не знаетъ меня, что я быстрымъ движеніемъ въ любой моментъ могу ускользнуть отъ кого угодно, что свѣтъ не властенъ положить на меня цѣпи и гибели я могу ждать только отъ смерти.

— Никто!—повторила она.

Но не прибавила ни слова и, такъ какъ мы въ эту минуту проходили аллеей *delle Mura*, мимо Святой Рѣшетки, остановилась

посмотрѣть. Солнце свѣтило блѣдно; неровная голубоватая линія на горизонтѣ—не то гряда холмовъ, не то скопленіе тучъ, придавала открытой, ровной мѣстности видъ безплодной пустыни.

И я, словно ребенокъ, спрашивалъ себя: гдѣ же теперь *та*, которая должна уѣхать? Вонъ за той лазурной цѣпью? А потомъ будетъ еще дальше—за тучами, за грядой тумана, за озерами. И по-дѣтски, чтобы лучше понять, гдѣ она—маленькая, беззащитная, затерянная въ свѣтѣ, говорилъ себѣ, что если она закричитъ отъ боли, отъ испуга—на этой огромной и въ то же время убогой землѣ никто не откликнется ей. Итакъ, всю жизнь, до конца жизни, она будетъ напрасно звать меня изъ-за этой лазурной цѣпи, изъ-за горъ и водъ, легшихъ между нами.

Я тихонько выдернулъ руку изъ-подъ локтя моей спутницы и отодвинулся отъ нея. Она не шевельнулась, какъ будто даже не замѣтила. Она тоже искала взглядомъ, за грядой низко нависшихъ тучъ, своего врага—ту, другую, которая должна была уѣхать; и ей тяжелъ былъ каждый часъ, и хотѣлось, чтобъ скорѣй наступилъ послѣдній, который далъ бы ей увѣренность, что врагъ навѣки исчезъ съ ея горизонта.

Ноздри ея раздувались, глаза блестѣли; слегка колеблемая вѣтромъ юбка, приподнимаясь, открывала сѣренькія туфли. Вотъ такъ, съ высоко-поднятою головой, съ раздутыми ноздрями, словно втягивающими въ себя вѣтеръ, она казалась мнѣ вольнымъ звѣремъ лѣснымъ, спугнутой пантерой, остановившейся, чтобы прислушаться къ шуму лѣсныхъ ручьевъ, къ шелесту листьевъ, ко всѣмъ знакомымъ и необычнымъ шумамъ.

И я ликовалъ, при мысли, что могу въ любой моментъ сразить ее ударомъ, разбить ея увѣренность, ввергнуть ее въ пучину скорби.

Ея судьба въ моихъ рукахъ, еще въ теченіе нѣсколькихъ часовъ я властенъ измѣнить ее по своему капризу—для нея это будетъ капризъ судьбы. Подаривъ ее на мигъ надеждой торжества, я могу неожиданно вонзить ей въ сердце еще горшую муку разочарованія.

Та, другая слабая, менѣе опытная, не изъ тѣхъ, которыя умѣютъ найти для себя утѣшеніе въ каждомъ разочарованіи и на измѣну отвѣчать презрѣніемъ. Что же это я сдѣлалъ! Какъ же я могъ пожертвовать *тою* для *этой*?.. Почти шопотомъ я спросилъ:

— Хочешь, вернемся?

— Да!—отвѣтила она.—Я изнемогаю отъ усталости. Сейчасъ же лягу.

Теперь она шла медленнѣй, усталая, но, все же, сильная и горделивая; въ тайникахъ ея сердца жила великая гордыня, которая постепенно поможетъ ей забыть нашу любовь.

Пока мы не добрались до нашей гостиницы, она не промолвила слова. Но на порогѣ обернулась и съ улыбкою сказала мнѣ:

— Ты свободенъ. Я ужинать не буду.

Она какъ будто безсознательно подталкивала меня преодолѣть въ себѣ послѣднія колебанія.

И я внезапно сдѣлался подлымъ, увертливымъ, коварнымъ.

Пока она поднималась по лѣстницѣ, съ непринужденной граціей придерживаясь рукою за перила, я провожалъ ее глазами, не видя плѣнительныхъ очертаній этой женской фигуры; слѣдилъ лишь для того, чтобы удостовѣриться, что она, дѣйствительно, ушла въ свою комнату—не сдѣлалась подобно мнѣ невѣрной и лукавой, не станетъ исподтишка слѣдить за мной.

Затѣмъ повернулся и почти бѣгомъ побѣжалъ на телеграфъ.

Написалъ и отдалъ телеграмму, пугливо озираясь, словно въ рукѣ у меня былъ не телеграфный бланкъ, а ножъ или отмычка. Въ памяти вдругъ мелькнуло хмурое лицо, суровые глаза старика на портретѣ Джіанбаттиста Морони, и я почувствовалъ, что еще въ тотъ моментъ, когда я отошелъ, чтобъ скрыть отъ этихъ зоркихъ глазъ свою стыдную тайну, я безсознательно уже рѣшилъ и сталъ обдумывать новый обманъ.

Телеграфистъ прочелъ: « — ». Не уѣзжай. Сегодня вечеромъ буду съ тобой».

— Куда же посылать-то?

— Въ Миланъ! Въ Миланъ!

— Вы этого не указали,—строго замѣтилъ чиновникъ, приписывая къ адресу названіе города.

— Пожалуйста, отправьте поскорѣй!—попросилъ я, выглядывая за дверь, не мелькнетъ ли гдѣ знакомая фигура.

И, когда, наконецъ, снова очутился на улицѣ, вздохнулъ свободнѣе. Готово: я разыгралъ роль Судьбы, по своему капризу мѣняю жизнь другого человѣка; побѣдительницу превращаю въ побѣжденную, загубленную мною воскрешаю... И я думалъ о томъ, что судьба,—настоящая Судьба,—нерѣдко въ своихъ прихотяхъ бываетъ и не великодушнѣй и не справедливѣе меня въ этотъ безумный день.

Побродилъ немного по улицѣ, ведшей къ вокзалу; остановился посмотрѣть книги въ витринѣ книжной лавки—выцвѣт-

шія отъ солнца, словно поблекшія отъ долгихъ ожиданій, забытыя и продавцомъ, и покупателемъ; потомъ постоялъ передъ другой витриной, разглядывая внимательно и вдумчиво шоколаднаго Виктора-Эммануила и сахарнаго Гарибальди.

Потомъ встряхнулся и пошелъ назадъ въ гостиницу.

Осторожно вошелъ въ свой номеръ и услыхалъ изъ сосѣдней комнаты женскій голосъ, спрашивавшій:

— Это ты?

Она лежала на кровати, одѣтая, снявъ только манто, словно силы вдругъ покинули ее; при видѣ меня, она улыбнулась; спросила:

— А ты развѣ не пойдешь ужинать?

— Пойду,—отвѣтилъ я:—сейчасъ; немного погодя...

Я опустился въ кресло у кровати, вглядываясь въ ту, которая считала себя побѣдительницей; но маска страха и тревоги, исказившая черты ея лица, не спала; духъ ея еще не отрѣшился отъ сомнѣній. Я взялъ ея лѣвую руку, полуобнаженную, на которой свободно лежалъ золотой браслетъ съ миніатюрными часиками: до отъѣзда оставалось еще двадцать минутъ.

— Что я буду дѣлать завтра?—задала она мнѣ странный вопросъ.

Я опустилъ глаза, боясь, какъ бы она не прочла моихъ мыслей—и тутъ только замѣтилъ, что указательный и средній пальцы на правой рукѣ у меня запачканы чернилами—телеграмма оставила свои слѣды. Я всталъ, спряталъ руку въ карманъ и сказалъ:

— Завтра?—Тамъ видно будетъ. А сейчасъ я иду ужинать.

— Да, иди, я буду ждать тебя.

Но голосъ ея звучалъ принужденно, а во взглядѣ была покорность и вопросъ, былъ почти страхъ—передъ той болью, которую я еще могъ ей причинить.

Паркетъ свѣтлаго дуба скрипѣлъ у меня подъ ногами. Я невольно вглядывался въ геометрическій рисунокъ, темный на свѣтломъ фонѣ, на каждомъ шагу вздрагивавшій подъ тяжестью моего тѣла.

Уже на порогѣ я обернулся, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на женщину, которой я никогда больше въ жизни не увижу; и очертанія ея фигуры запечатлѣлись у меня въ глазахъ съ такой отчетливостью, что и сейчасъ я вижу ее, лежащую, со свернутыми жгутомъ волосами, придерживаемыми лентой, обвивавшей ея голову отъ лба до затылка—совсѣмъ точно фигура на надгробномъ памятникѣ.

Она повторила:

— Я буду ждать тебя!

На мигъ я усомнился, *могу* ли я такъ поступить.. Потомъ отворилъ дверь, скользнулъ по корридору, сбѣжалъ съ лѣстницы, съ такой стремительностью, перепрыгивая черезъ три ступеньки, что нѣсколько туристовъ, поднимавшихся навстрѣчу мнѣ, съ недоумѣніемъ оглянулись на меня.

Дальше—не помню хорошенько. Должно быть, я рѣшилъ, что надо написать ей, прежде чѣмъ уѣхать, и надо предупредить хозяина гостиницы. Не знаю, что я говорилъ ему—вѣроятно, какія-то нелѣпости, потому что онъ все качалъ головой и повторялъ: «Не сомнѣвайтесь! Будьте спокойны!».

Но написать я ничего не написалъ; и это представлялось мнѣ унизительнымъ приговоромъ самому себѣ, обнаруженіемъ предъ всѣми моего позора, постыднѣйшимъ противорѣчіемъ: я самъ себя осудилъ, не зная, что сказать ей...—но въ мозгу не нашлось ни одной лжи, которая помогла бы мнѣ прикрыть себя.

Въ ушахъ моихъ все звучалъ милый голосъ, довѣрчивыя слова: «Я буду ждать тебя!». Не значило ли это: «Люби меня! Защити меня, не покидай меня!»... Но что я могъ отвѣтить?.. Я бѣжалъ.

Только, когда я очутился въ поѣздѣ, послѣ тысячи мелкихъ сомнѣній, секундныхъ колебаній, привычныхъ мелкихъ жестовъ, и поѣздъ тронулся, можно было сказать, что игра сыграна. Опасная игра, закончившаяся съ первыми оборотами колесъ... Я покинулъ ту, которая была увѣрена во мнѣ, и возвращался къ той, которая считала себя покинутой.

И въ тотъ самый мигъ, когда я возвращался, стремительно, въ орбиту моей собственной, неизмѣнной, предначертанной мнѣ судьбы, я, ослѣпленный, тѣшилъ себя иллюзіей, что въ моей власти двѣ человѣческихъ жизни, и я по произволу могу мѣнять теченіе ихъ.

Стекла въ дверцахъ купэ тряслись отъ вѣтра. И здѣсь со мной былъ тотъ же вѣтеръ, который весь день сегодня гулялъ съ нами по городу,—но мракъ сгущался, и вѣтеръ былъ холодный...

III.

Линія сердца.

Въ этотъ вечеръ Хезарино Флоресъ долженъ былъ вернуться изъ Милана въ Геную съ одинадцатичасовымъ поѣздомъ, и жена его ждала его возвращенія у себя въ гостиной вмѣстѣ съ Джуліо Маттеи, который держалъ обѣ ея хорошенькія ручки въ своихъ. Джуліо Маттеи не былъ ея любовникомъ, но былъ увѣренъ, что скоро сдѣлается имъ—потому и былъ увѣренъ, что въ этотъ вечеръ Нанетта не отняла у него своихъ рукъ.

Уже полгода Джуліо искалъ предлога прикоснуться хоть къ рукѣ изящной, худенькой Нанетты Флоресъ; ужъ полгода длился этотъ флиртъ,—визиты, волнующіе конфидансы, условленныя встрѣчи у всѣхъ общихъ знакомыхъ, но всегда на разстояніи—хотя бы на разстояніи одного сантиметра. И когда Джуліо, замирая отъ волненія, хоть на секунду осмѣливался пойти дальше, Нанетта останавливала его молніеноснымъ словомъ, или взглядомъ. Въ сущности, Нанетта ничего не имѣла противъ того, чтобы упразднить этотъ сантиметръ, стоящій между ними, ибо съ Джуліо она чувствовала себя въ такой же безопасности, какъ и наединѣ со своей тѣнью, а, вѣдь, какой же это грѣхъ, если хорошенькая женщина влюбится немножко въ собственную тѣнь. Одно только удерживало ее—ей слишкомъ часто приходилось слышать отъ друзей, что Джуліо непроходимо глупъ. А Нанетта была горда, и мысль, что ея имя будутъ связывать съ именемъ «этого дурака Маттеи», не улыбалась ей. Самой ей было непонятно, почему Маттеи прослылъ дуракомъ, но она была женщина практическая и считалась съ фактами безъ разсужденій, а потому давно уже поджидала со стороны Джуліо хоть какого-нибудь проявленія ума для того, чтобы открыто признать себя влюбленной. Худо было то, что Джуліо и не подозрѣвалъ объ этомъ, и чѣмъ пытливѣй вглядывались въ его лицо строгіе сѣрые глаза Нанетты, въ ожиданіи чуда, тѣмъ больше переполнялось его сердце и пустѣла голова. Давно ужъ онъ обдумывалъ всевозможные хитроумные планы сближенія, но, какъ только появлялась она, все вылетало у него изъ головы.

Въ этотъ вечеръ, на счастье Джуліо, онъ замѣтилъ у *нея* на указательномъ пальцѣ правой руки новое кольцо съ большимъ сапфиромъ въ узенькомъ ободкѣ черной эмали, и для того, что-

бы дать ему полюбоваться кольцомъ, Нанетта на мгновеніе позволила ему удержать свою руку: «Какъ же мнѣ быть?»—думалъ Джуліо.—«Пожать ей руку? Если пожать, она отдернетъ руку, разсердится и будетъ дуться цѣлый часъ,—а черезъ часъ вернется мужъ. А не пожать—кто знаетъ, когда еще у нея будетъ новое кольцо, оправдывающее подобный жестъ?»... И сердце стучало въ его груди, и онъ, сдвинувъ брвви, вглядывался въ темно-синій камень, словно собираясь купить его и оцѣнивая чистоту воды, стоимость и вѣсъ.

— Хорошенькая ручка!—заключилъ онъ, и сейчасъ же испугался, выговоривъ эту фразу, хотя оригинальнаго въ ней было мало.

— Вы смыслите что-нибудь въ хиромантіи, Маттеи?—спросила Нанетта, не отнимая у него своей руки, вялой, безжизненной, какъ мертвая.

Джуліо весь подобрался, словно готовясь къ прыжку, и, не подымая глазъ, раздѣльно выговорилъ:

—Немножко—да.

— Правда? Вы хиромантъ? Я и не знала. Такъ погадайте же мнѣ—предскажите мнѣ мою судьбу.—И она повернула свою руку ладонью вверхъ, слегка отвернувъ рукавъ. Джуліо подложилъ снизу свою руку, словно поддерживая ее. Нанетта любовно подбодрила его:

— А я такъ ничего не смыслю въ хиромантіи. И сгораю любопытствомъ. Но я трусиха. Когда въ Миланъ пріѣзжала Фрайя—помните, та знаменитая гадалка, о которой писали въ газетахъ?—и всѣмъ предсказывала ихъ судьбу за двадцать лиръ, я одна не пошла къ ней. Тайна будущаго манила меня и пугала. Подумайте: а вдругъ бы мнѣ сказали, что я умру скоропостижно?

Хорошенькая ручка при этихъ словахъ дрогнула въ его рукѣ, и Джуліо, самъ вздрогнувъ, словно отъ электрическаго тока, принялся врать безбожно, смутно припоминая все, что онъ слышалъ когда-либо о рукахъ, о линіяхъ руки, о формѣ рукъ...

— Дайте и лѣвую,—попросилъ онъ и, когда получилъ и ее, продолжалъ:—Линія жизни длинная, глубокая—нѣтъ, жить вы будете до глубокой старости... Линія головы...

— Да вы великолѣпный хиромантъ! Почему же вы мнѣ раньше не сказали?

И нѣжно-розовыя ручки слегка нажали на руки Маттеи, какъ усики бабочки. Джуліо, не подымая глазъ, думалъ о зав-

трашнемъ днѣ и о томъ, въ которомъ часу открываются книжные магазины...

— Если бы вы заглянули ко мнѣ, я бы вамъ показалъ мои книги. Хотите прійти ко мнѣ завтра въ десять? Мы разсмотримъ по книгамъ ваши линіи...

— Не говорите глупостей. Ну, дальше...

— Линія головы въ началѣ четкая, рѣзкая, упрямая...

— Вѣрно. Я такая и есть.

— ...честная, безстрастная...

— Вѣрно, продолжайте. Вы повергаете меня въ трепетъ вашимъ ясновидѣніемъ.

— Линія сердца...

Руки Нинетты вдругъ исчезли, и Джуліо испуганно поднялъ глаза, словно не понимая, куда онѣ могли дѣваться.

— Сюда идутъ,—шепнула Нанетта, глубже усаживаясь въ кресло и беря книгу со стола.

— Чезарино?

— Нѣтъ. Чезарино прямо съ вокзала проѣдетъ въ клубъ.

Вошелъ лакей съ газетой на подносѣ.

— Синьорѣ слѣдуетъ прочесть эту газету. Это—экстренное добавленіе. На линіи Генуя—Миланъ произошло крушеніе поѣздовъ.

Нанетта вскочила съ кресла и схватила газету.

— Да гдѣ же это? Маттеи, гдѣ это можетъ быть написано?

— На третьей страницѣ,—безстрастно сообщилъ лакей.

«Поѣздъ № 74, отправляющійся изъ Генуи въ 19, 30,—читала Нанетта,—проходя на всѣхъ парахъ мимо маленькой станціи Локате, наскочилъ на товарный поѣздъ. Четыре вагона разрушено и сгорѣло. Убитыхъ, повидимому, много, а раненыхъ еще того больше. Представители власти выѣхали на мѣсто крушенія въ автомобилѣ для оказанія первой помощи»... Боже мой! А Чезарино? Вѣдь онъ долженъ былъ ѣхать съ этимъ поѣздомъ. Джіованни, велите сейчасъ подать автомобиль... Гдѣ это—Локате? Далеко отсюда? Принесите справочникъ. Онъ долженъ быть у барина въ кабинетѣ, на этажеркѣ. Боже, какое несчастье! И какъ разъ сегодня...

Лакей вышелъ. Нанетта, блѣдная, накинулась на Джуліо.

— Какъ разъ сегодня... пока вы тутъ болтали всякій вздоръ...

— Да я-то тутъ при чемъ?

— При чемъ? При чемъ?! Имѣйте же, по крайней мѣрѣ,

мужество взглянуть въ лицо той гадости, которую вы дѣлали, которую хотѣли сдѣлать со мной, въ то время, какъ бѣдный Чезарино... кто знаетъ... быть можетъ, умиралъ...

Лакей вернулся, неся путеводитель.

— Прикажете мнѣ посмотрѣть?

— Пожалуйста, и поскорѣе.

— Локате находится въ пятнадцати километрахъ отъ Милана. Но шофферъ уѣхалъ на вокзалъ за бариномъ.

— Телефонируйте ему сейчасъ же, чтобъ онъ ѣхалъ сюда за мной. Скорѣе!

Какъ только они остались вдвоемъ, Нанетта прогнала Джуліо, твердя ему, что это они—они оба виноваты, что то, что они дѣлали,—грѣшно, и она вѣкъ будетъ терзаться угрызеніемъ, что въ то время, какъ мужъ ея страдалъ, горѣлъ и умиралъ, она... И Джуліо ушелъ, повѣсивъ голову. Затѣмъ явилась горничная, съ шубкой, бутылкой термосъ и фляжкой коньяку. Нанетта дала знать по телефону своей матери, которая ничего не поняла, потому что была совсѣмъ сонная; явился шофферъ съ автомобилемъ, и Нанетта, наконецъ, уѣхала разыскивать своего мужа, вмѣстѣ съ шофферомъ и съ лакеемъ, несмотря на ночь и холодъ. Лилъ дождь; Нанетта была внѣ себя отъ страха и отъ угрызеній—она не могла простить себѣ своего легкомыслія.

Только, когда они выѣхали изъ Милана и колеса запрыгали по камнямъ грязнаго шоссе, она замѣтила, что творится вокругъ; но отъ этого ея муки совѣсти только возрасли: ей казалось, что этотъ мракъ, и ливень, и гроза,—лишь видимые знаки гнѣва Провидѣнія, оказываемые ей, грѣшницѣ. Бѣдный, бѣдный Чезарино! Чѣмъ онъ хуже этого дурака Маттеи! И какая же она развратная и глупая, если она могла такимъ образомъ катиться по наклонной плоскости грѣха, безъ удержу, безъ муки, даже безъ любви—просто по примѣру другихъ... И развѣ, въ концѣ концовъ, эта ужасная катастрофа, происшедшая въ тотъ самый моментъ, когда она уже готова была поддаться искушенію, не показываетъ ясно, что есть тамъ наверху, кто-то или что-то, кто бодрствуетъ надъ нею, оберегая ея добродѣтель!.. Эта мысль неожиданно ободрила ее. Женщина, о добродѣтели которой печется само Небо, посылая громъ и молнію, и дождь, и столкновеніе поѣздовъ съ убитыми и ранеными для того только, чтобъ во-время спасти ее — незаурядная женщина!..

...И рукавомъ шубы она протерла запотѣвшее стекло, вглядываясь въ темноту, словно въ надеждѣ увидѣть ликъ этого Провидѣнія, снуетившагося съ горнихъ, чтобъ, потянувъ ее за

фалду совѣсти, удержать ее на краю бездны... Но молнія сверкнула ей въ глаза, и Нанетта испуганно забилась въ уголъ кареты. Навѣрно, Чезарино уже умеръ. Ну, конечно. И она не могла даже проститься съ нимъ, выказать ему—понятно, не объясняясь, не прося прощенія—свое раскаяніе нѣжными заботами внимательной сидѣлки, сестры, жены... Одна, вся въ черномъ... Надо будетъ завтра же вызвать портниху. Тѣ двѣ черныхъ шляпы, которыя она давеча видѣла у модистки, можно будетъ передѣлать, бархатъ снять... Онѣ и съ крепомъ будутъ хороши... Если бъ кто сказалъ ей, когда она любовалась ими!.. А пріятельницы? О, какая мука!.. Но ужъ безъ этого не обойдется. Всѣ газеты будутъ говорить объ ея бѣдномъ Чезарино—и о ней, вдовѣ, такой молоденькой, такой убитой... и о томъ, какъ она мчалась ему на помощь, въ ночь, въ грозу... Блондинка въ траурѣ всегда красива... А этотъ дуракъ Маттеи еще, чего добраго, снова начнетъ приставать къ ней, ссылаясь на свою давнюю привязанность, на свою дружбу съ ней, чтобъ выдвинуть свою кандидатуру въ качествѣ жениха... Какая гадость! Отвращеніе! А она такъ довѣрялась ему—даже о мужѣ кое-что разсказывала—такъ, разные пустяки... Какая гадость!.. Никогда больше не видѣть его... Никогда!..

Автомобиль съ большою скоростью мчался по вымощенной камнемъ деревенской улицѣ. Мелькнулъ фонарь, потомъ другой; прозвучалъ гудокъ встрѣчнаго автомобиля. Ея моторъ остановился; лакей отворилъ дверцу:

— Это вокзалъ... Сначала я пойду взглянуть... Синьорѣ лучше подождать здѣсь...

Но Нанетта тотчасъ же выпрыгнула, побѣжала въ комнаты; въ дверяхъ жандармъ загородилъ ей дорогу.

— Я къ мужу... Я ищу моего мужа...

Вышелъ офицеръ, учтиво поклонился.

— Пожалуйте за мной, синьора. Успокойтесь.

— Убитые... Гдѣ убитые?

— Убитыхъ только двое.

— Только двое?

— Къ счастью, да. Двѣ женщины.

— Двѣ женщины—только?—и Нанетта шагнула впередъ.

— Даю вамъ слово. Только двѣ дамы, иностранки.

Нанетта ухватилась за другое.

— А раненые? Гдѣ же раненые?

— Здѣсь, въ залѣ перваго класса. Тутъ и врачи, сейчасъ же вызванные изъ Милана, со всѣмъ необходимымъ.—И онъ посторонился, давая ей дорогу.

Около дюжины изувѣченныхъ людей лежало на столахъ и на диванахъ, и стонало. Около нихъ суетились врачи. Нанеттѣ бросился въ глаза окровавленный лобъ, перевязанная рука, босыя ноги. Лицо раненаго было прикрыто платкомъ—свѣтъ лампы билъ ему въ глаза.

— Чезарино!—вскрикнула Нанетта, увидя шарфикъ, бѣлый съ голубымъ, который ея мужъ всегда бралъ со собой въ дорогу. Но, когда шарфикъ сняли, подъ нимъ оказалось старое лицо съ сѣдыми бакенбардами.

Жандармскій офицеръ не отходилъ отъ нея, почтительный, любезный.

— Но тогда гдѣ же онъ?—изумлялась Нанетта.

— Вы увѣрены, сударыня, что мужъ вашъ ѣхалъ въ этомъ поѣздѣ?

— Вполнѣ увѣрена.

— Пассажиры, оставшіеся невредимыми, размѣстились въ другихъ комнатахъ и въ буфетѣ. Нѣкоторые, если не ошибаюсь, нашли себѣ помѣщеніе въ деревнѣ. Хотите посмотрѣть?

Они прошли черезъ служебныя помѣщенія, гдѣ группы закутанныхъ женщинъ и мужчинъ грѣлись, возбужденно переговариваясь между собою. Но Чезарино не было и здѣсь. Офицеръ распахнулъ передъ Нанеттой двери, ведущія въ буфетъ. За среднимъ столикомъ, подъ лампой, преспокойно сидѣлъ Чезарино, съ папироской въ зубахъ, за чашкой дымящагося кофе, размѣшивая ложечкой сахаръ въ стаканѣ. Здѣсь же сидѣло еще человѣкъ пятьдесятъ, но Нанетта бросилась прямо къ мужу—и вдругъ поняла, что онъ живъ и невредимъ, спокоенъ, совершенно равнодушенъ къ происшедшему—и это спокойствіе ей показалось наглостью. Она стала передъ нимъ, блѣдная, сверкая глазами.

— Ты!.. ты!.. Ты даже и не раненъ?

Чезарино вскочилъ, придвинулъ стулъ женѣ, разсыпался въ признательностяхъ, ласковыхъ словахъ, нѣжныхъ упрекахъ за ея напрасную поѣздку ночью, въ дождь, въ грозу...

— Мнѣ только сейчасъ, черезъ два часа послѣ крушенія, удалось телеграфировать тебѣ, что мой вагонъ не сошелъ съ рельсовъ, что я живъ и невредимъ и прошу выслать мнѣ автомобиль. Милая, милая моя Нанеточка!...

Но Нанетта не находила словъ. Она вся дрожала отъ злости.

— Молчи. Сама знаю. Это глупо, смѣшно...

— Да нѣтъ же; совсѣмъ не смѣшно и не глупо. Наоборотъ, страшно мило съ твоей стороны. Но какъ же ты узнала?

— Говорю тебѣ: молчи!—прошипѣла Нанетта. Мужъ поспѣшилъ придвинуть къ ней горячій кофе, коньякъ, сухарики. Она рѣзко оборвала его:—Коньякъ у меня есть съ собой, въ автомобилѣ. Бери свой чемоданъ и ѣдемъ.

— Погоди; я позову Джіованни, чтобы онъ взялъ вещи...

— Къ чему на это тратить время. Возьми самъ,—скомандовала Нанетта, и Чезарино послушно взялъ свой чемоданъ и пошелъ за женой. Садясь въ автомобиль, она спросила его:—А твой шарфикъ? Ты забылъ его?

— Отдалъ доктору. Тамъ былъ одинъ старикъ, со сломанной ногой... Ему надо было закрыть лицо...

— А! Понимаю... Благодарствуй.

— За что?

— Такъ, ни за что. Ну, ѣдемъ.

Поѣхали. Дождь пересталъ. Нанетта всю дорогу не проронила ни словечка. Чезарино обстоятельно и по порядку описалъ ей столкновеніе поѣздовъ, страшный толчекъ, крики, испугъ пассажировъ, стоны раненыхъ, прибытіе властей, отправку телеграммъ... потомъ и онъ замолкъ—его одолѣла дремота. Попробовалъ-было взять за руку жену. Она тотчасъ же вырвала руку. Чезарино рѣшилъ, что послѣ такой тревоги и такихъ проявленій героизма женщинѣ естественно немножечко понервничать, и задремалъ...

На другое утро въ девять часовъ онъ еще спалъ, когда Джуліо Маттеи позвонилъ ему по телефону, справляясь объ его здоровьѣ. Ему отвѣтила Нанетта.

— Ничего, ничего... Все благополучно. Кстати, знаете?... То, о чемъ мы говорили, будетъ въ десять, какъ условлено...

Она повѣсила трубку и съ презрительной усмѣшкой оглянулась на дверь, за которой мирно спалъ ея слишкомъ удачливый супругъ.

Съ итал. пер. З. Журавская.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ ВОЙНЫ.

I.

Нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ хотѣлось хоть на короткое время удалиться изъ сферы, гдѣ все насыщено дыханіемъ войны, гдѣ проявленія ея наблюдаются на каждомъ шагу. Мнѣ казалось, что цѣлесообразнѣе всего будетъ выбрать глухую провинцію такого нейтральнаго государства, которое стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ великой трагедіи, развертывающейся теперь въ Европѣ. И я отправился на Болеарскіе острова. Я забрался въ горы, въ глубь Майорки, въ монастыри, построенные мѣстными угодниками въ X и XI вѣкахъ, ушедшими отъ свѣта. Отъ тяжелыхъ, глубоко потрясающихъ нервы сценъ тыла я дѣйствительно ушелъ, но не отъ горячихъ, запальчивыхъ споровъ о войнѣ. Я нашелъ, что въ самыхъ глухихъ углахъ нейтральной Испаніи населеніе разбилось на два враждующихъ, ненавидящихъ другъ друга лагеря: на aliadofilos т.-е. на сторонниковъ Франціи и Англіи, и на Germanofilos, т.-е. на восторженныхъ поклонниковъ нѣмцевъ...

Вдоль сѣвернаго берега Майорки тянется сравнительно невысокій, но очень крутой хребетъ, поросшій почти до самой вершины. Сперва идутъ старыя, причудливыя по формѣ оливы. Такихъ припадающихъ къ землѣ, скрюченныхъ, сплетшихся и раздвоенныхъ стволовъ я никогда не видалъ. Глядя на эти оливы, кажется, что сюда нѣкогда собрались на шабашъ сукубы, нетопыри, вурдалаки, крокодилы, инкубы и другая погань, завертѣвшаяся въ сатанински-уродливой и бѣсовски-сладострастной пляскѣ. И веселіе ихъ было до такой степени сильно, что погань не слышала, какъ прокричали пѣтухи. Она такъ и осталась на склонѣ горы: крокодилы сплелись съ сукубами, нетопыри сжимаютъ въ объятіяхъ вѣдьмъ, откинувшихъ назадъ уродливыя головы съ пепельно-зелёными волосами; пузатые, напившіеся кровью упыри отяжелѣли до такой степени, что собираются свалиться на землю... Съ оливковыми деревьями перемѣшаны альгарробы, или рожковыя деревья, увѣшанныя чер-

ными, блестящими стручками, которыми здѣсь кормятъ лошадей и муловъ, затѣмъ громадныя орѣховыя деревья. Выше идутъ каменные дубы, которымъ, какъ будто, лѣнь поднять свои громадныя, идущія къ землѣ вѣтви. Еще выше растутъ сосны и какіе-то душистые кустарники. Когда ихъ распаритъ солнце, воздухъ наполняется кружащимъ голову запахомъ ладана. И, когда закроешь глаза, кажется, что находишься въ громадномъ храмѣ, гдѣ отпѣваютъ покойника. Становится ужасно грустно. Въ долинахъ растутъ фиги, виноградъ, гранаты, померанцовыя и лимонныя деревья, и кое-гдѣ даже бананы. Надъ хребтомъ поднимаются конусы вершинъ, по-мѣстному «пучъ». Въ иныхъ мѣстахъ хребетъ кажется почти отвѣснымъ. На гребнѣ его лежатъ громадныя скалы, поросшія плющемъ. И, когда поднимаешься по крутой тропѣ, высѣченной по краю barranco (пропасть), кажется, что съ вершины горы внизъ глядятъ великаны, лежащіе на хребтѣ, свѣсивъ внизъ длинныя, какъ у Берендея, зеленыя бороды. Тутъ природа шутила когда-то смѣлыя шутки: мы встрѣчаемъ глубокія ущелья, образовавшіяся не дѣйствіемъ потоковъ, а вслѣдствіе того, что гора раскололась внезапно отъ сотрясенія (напр. Gorch Blau), колоссальныя пещеры съ подземными озерами и рѣками (близъ Марокора), скалы, обточенныя такъ странно, какъ будто ставили надгробные памятники надъ безчисленными могилами великановъ. Въ пещерахъ и по откосамъ горъ находятъ безчисленныя могилы римлянъ, финикійцевъ и невѣдомыхъ племенъ, гораздо болѣе древнихъ, чѣмъ выходцы изъ Карѳагена.

Въ этихъ горахъ лежитъ знаменитый во всей Испаніи старинный монастырь Nuestra Senora de Lluch. Изъ крошечнаго городка Сольеръ, куда я попалъ изъ Пальмы, до монастыря можно добраться только верхомъ, черезъ ущелье Горчъ Блау. Колесная дорога идетъ дальше на югъ, черезъ Калмари. И мнѣ казалось, что этотъ старинный монастырь—идеальное убѣжище отъ «дыханія войны». Въ Исторіи монастыря, изданной съ благословенія епископа минорскаго въ Пальмѣ, обстоятельно повѣствуется, какъ найдена была статуя, привлекающая теперь безчисленныхъ паломниковъ. Дѣло было при «конктуадорѣ» донѣ-Хаиме I, при которомъ, повидимому, случилось все, т.-е. въ XIII вѣкѣ. Нѣкій отшельникъ удалился въ горы, чтобы проповѣдывать здѣсь среди плѣнныхъ сарацинъ, обреченныхъ на самыя тяжелыя работы. У отшельника былъ молодой ученикъ, обращенный сарацинъ Лука, по-мѣстному, Lluch, пасшій скотъ. «Была суббота. Вечерѣло,—читаемъ мы въ исторіи монастыря. Воздухъ былъ спокоенъ, и только слышался слабый рокотъ воды на днѣ «Sappanko» Клотъ д'Альбарка. И вдругъ пастухъ услышалъ музыку, до такой степени сладкую, что онъ сей-

часъ же понялъ неземное происхожденіе ея. Когда же Льючъ (Lluch) приблизился къ тому мѣсту, откуда исходила музыка, то увидалъ ослѣпительное сіяніе. Пастухъ сталъ на колѣни и находился въ такомъ состояніи до тѣхъ поръ, покуда прекратилось видѣніе. Онъ сообщилъ обо всемъ этомъ отшельнику, который въ слѣдующую субботу отправился вмѣстѣ съ Льючемъ въ горы. Они опять услышали передъ вечеромъ сладкую музыку и увидали сіяніе. Монахъ приблизился къ кустамъ, изъ которыхъ исходилъ свѣтъ, и увидалъ тамъ прекрасное изображеніе Пречистой Дѣвы. Вѣсть о находкѣ распространилась по сосѣднимъ хуторамъ (alquerias), и статую перенесли въ скромную деревенскую церковь св. Петра. На слѣдующій день, когда вѣрующіе собрались въ церковь, чтобы поклониться нерукотворному изображенію, они убѣдились, что статуя исчезла. Ее нашли опять тамъ же, гдѣ она впервые появилась. И тогда всѣ поняли, что Пречистая Дѣва желаетъ, чтобъ ей поклонялись тамъ же, гдѣ обрѣли изображеніе» [1]). Обо всемъ этомъ составленъ былъ протоколъ, правда, съ большимъ замедленіемъ, черезъ 300 лѣтъ, въ 1585 году, когда въ горахъ выросъ уже большой монастырь. Епископовъ, пріоровъ и священниковъ, составлявшихъ протоколъ, смутило только то, что статуя изъ чернаго камня; но ученый пріоръ нашелъ, что именно это обстоятельство предсказано въ *Пѣснѣ Пѣсней*: «Дѣвицы Іерусалимскія! черна я, но красива». И этотъ стихъ выгравированъ теперь на коронѣ по-испански: «Negra soy, pero hermosa, hijas de Jerusalen» [2]). Много чудесъ было совершено здѣсь потомъ, а также и плащемъ изъ зеленаго дамасскаго шелка, въ которомъ была обрѣтена святыня. Въ пятидесятыхъ годахъ архіепископъ со страннымъ именемъ Бошъ отвезъ плащъ въ Мадридъ, гдѣ онъ исцѣлилъ Изабеллу II. Съ тѣхъ поръ онъ хранится въ домовой королевской церкви, но осталась другая реликвія. «Въ 1565 году нѣкая очень высокопоставленная особа (una persona muy principal) пожертвовала два рукава изъ кармазиноваго шелка, расшитые золотомъ, изъ которыхъ сшитъ былъ чехолъ для зеленой мантіи». Этотъ чехолъ хранится теперь въ монастырѣ [3]). Монастырь богатѣлъ, пріобрѣтая съ каждымъ вѣкомъ все больше и больше хуторовъ (alquerias), мызъ (xincas), оливковыхъ и фиговыхъ рощъ. Послѣ революціи, многіе испанскіе монастыри и соборы пережили лихія времена: подъ вліяніемъ «сатанинскихъ идей», за-

---

[1]) „Historia del Santuario y Colegio de Nuestra Senora de Lluch“ Palma de Mallorca. 1914, pagina 17—18.

[2]) Ib., стр. 19.

[3]) Ib., стр. 20.

вѣзенныхъ, по увѣренію испанскаго духовенства, изъ «безбожной» Франціи и «сгнившей отъ либерализма» Англіи, кортесы отобрали у бѣдныхъ монаховъ земли, доходы съ которыхъ замѣнили «нищенскимъ жалованьемъ». «Либералы» (у испанскаго духовенства слово это синонимъ понятій «еретикъ», «безбожникъ») покушались и на земли монастыря Nuestra Senora de Lluch, но монахи, какимъ-то образомъ, отстояли свое достояніе послѣ многолѣтняго процесса.

Когда я послѣ долгаго путешествія слѣзъ съ мула у дверей громаднаго монастырскаго подворья, то получилъ впечатлѣніе, что монастырь пустъ. Подъ длиннымъ навѣсомъ не было ни одного животнаго; въ длинномъ, гулкомъ корридорѣ подворья—ни души. Въ верхнемъ этажѣ—тоже никого. Но вотъ бѣжитъ ко мнѣ послушникъ, «camarin», безъ сюртука, въ черномъ жилетѣ, застегнутомъ до горла. «Camarin»—маленькій, юркій, улыбающійся. Онъ похожъ на «куру» (священника), снявшаго по случаю жары сутану. Послушникъ улыбается мнѣ и трясетъ руку, какъ будто мы вѣкъ знакомы.

— Англичанинъ?—спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, русскій.

— Какъ идетъ война? Какъ думаете: возьмутъ нѣмцы Брестъ-Литовскъ?

— Можно мнѣ имѣть ключъ?—говорю я, отдѣлавшись неопредѣленнымъ отвѣтомъ.

— Ключъ? Сейчасъ.

Camarin стремительно достаетъ изъ сундука постельное бѣлье, бѣжитъ по корридору и вводитъ меня въ большой номеръ, съ каменнымъ поломъ и съ потолкомъ, на которомъ видны балки. Въ номерѣ стоятъ двѣ широкія постели съ пружинными матрасами. Одна изъ нихъ совершенно убрана, а на другую *camarin* бросаетъ постельное бѣлье.

— Тутъ будетъ спать еще одинъ кабальеро, изъ Мадрида,—объясняетъ послушникъ. Онъ убираетъ мою постель, вноситъ кувшинъ съ водою, затѣмъ опять трясетъ мою руку и убѣгаетъ. Я внимательнѣе осматриваю комнату. На дверяхъ я нахожу сообщеніе на майоркинскомъ [1]) и на испанскомъ языкахъ о томъ, что папа обѣщаетъ сокращеніе на пятьдесятъ дней пребываніе въ чистилищѣ каждому паломнику, который произнесетъ: «Радуйся, непорочная Дѣва, зачатая безъ грѣха». Значительныя льготы по отбыванію повинности въ аду и въ чистилищѣ обѣщаны также вообще за палом-

---

[1]) Майоркинскій языкъ—представляетъ собою говоръ каталонскаго. Онъ въ такой же степени отличается отъ испанскаго, какъ польскій отъ русскаго.

ничество въ монастырь. Дальше слѣдуетъ «регламентъ для паломниковъ» опять же на двухъ языкахъ. Шестой параграфъ его напоминаетъ пилигримамъ, что нигдѣ въ монастырскомъ подворьѣ не дозволяется буянить, сквернословить (proferir palabras groseras), пѣть въ неуказанный часъ или надоѣдать и мѣшать другимъ.

Я быстро умылся и вышелъ во дворъ.

II.

Иду вдоль высокой стѣны, выведенной, говорятъ, еще римлянами. Черезъ стѣну глядятъ торжественныя, единственныя во всемъ растительномъ царствѣ, деревья, обладающія чувствомъ собственнаго достоинства и инстинктомъ «стиля». Я говорю про кипарисы, сохраняющіе зелень круглый годъ и поэтичность—всю свою жизнь. За стѣной, повидимому, кладбище. Когда дохожу до поворота дороги, то замѣчаю спускающійся съ горы длинный караванъ, состоящій изъ пятидесяти или шестидесяти крытыхъ, просторныхъ одноколокъ (обычный экипажъ на Балеарскихъ островахъ), запряженныхъ ослами и мулами. Сзади повозокъ основательно, «по-хозяйски», были увязаны мѣшки съ овсомъ, корзины и плетушки съ одинокимъ пѣтухомъ или кроликомъ. Растерявшіяся собаки, боявшіяся, повидимому, отстать, шли, поджавъ хвосты, подъ повозками. Крестьяне, въ пиджакахъ изъ полосатаго тика, съ соломенными шляпами на головахъ, правили одноколками, изъ которыхъ выглядывали женщины и дѣти. Повидимому, они всѣ желали скорѣе усмотрѣть высокій чугунный крестъ, возвышающійся на Голгоѣ передъ монастыремъ.

Когда я сошелъ съ дороги, чтобы пропустить караванъ, то встрѣтилъ моего проводника, съ которымъ пріѣхалъ изъ Сольера.

— Кто это?—спросилъ я.

— Богомольцы изъ Сантаньи, на другомъ берегу острова. Идутъ по обѣту всей деревни къ Nuestra Senora de Lluch. Видите: ихъ священникъ съ ними.

Дѣйствительно, изъ-подъ навѣса одной одноколки выглядывало красивое, толстое, потное лицо «куры», обмахивавшагося шляпой. Этотъ мясистый «циферблатъ» не выигрывалъ рядомъ съ худощавыми, бритыми, выразительными лицами крестьянъ-паломниковъ.

О проводникѣ моемъ Бартоломео Пелайо стоитъ сказать нѣсколько словъ. Онъ—нервный, сильный, гибкій, рожденный, повидимому, чтобъ быть проводникомъ и ходить пѣшкомъ. У него два осла, пара лошадей и мулъ. Сынъ Бартоломео, мальчикъ лѣтъ

восемнадцати, часто ѣздитъ съ грузомъ фруктовъ въ Пальму, но самъ проводникъ не любитъ ѣзды. Когда ему необходимо быть въ Пальмѣ, Бартоломео не пользуется своей одноколкой, а идетъ пѣшкомъ напрямки, черезъ горы, къ которымъ питаетъ необыкновенную нѣжность. Онъ ихъ отлично знаетъ и обшарилъ самыя недоступныя пещеры. По дорогѣ Бартоломео разсказывалъ мнѣ про «гротъ съ костями», входъ въ который почти скрытъ каскадами. Въ этотъ гротъ Бартоломео въ прошломъ году водилъ «un conde ingles», т.-е. англійскаго графа. Какъ только мы тронулись изъ Сольери, я уже зналъ взглядъ Бартоломео на войну. Онъ не «за поповъ», какъ выразился,—поэтому не за нѣмцевъ. Крайне привлекательны у Бартоломео чувство собственнаго достоинства, независимость и природная воспитанность; но это отличительныя черты всѣхъ майорканскихъ крестьянъ.

Когда я черезъ четверть часа возвратился, то монастырскій дворъ ожилъ и напоминалъ деревенскую ярмарку. Мулы и ослы были выпряжены. Однѣ одноколки вдохновенно глядѣли оглоблями вверхъ, въ потолокъ навѣса; другія глубокомысленно уткнулись ими въ землю, какъ будто разрѣшая какой-то трудный вопросъ. Крестьяне, сдвинувъ на затылки широкополыя соломенныя шляпы, возились у мѣшковъ и плетушекъ. Животныя были довольны, что ихъ выпрягли, и не скрывали своего жизнерадостнаго настроенія. Вотъ крестьянинъ, похожій лицомъ на Юлія Цезаря, ведетъ къ фонтану, находящемуся передъ входомъ въ подворье, осла и мула. Оселъ необыкновенно экспансивно выражаетъ свою радость. Онъ задралъ голову, прижалъ уши, скалитъ зубы, будто смѣется и заливается отъ восторга: «ига-ига-га-га-га-а-а!» Потомъ ударяетъ нѣсколько разъ копытомъ и въ заключеніе валится на землю, задираетъ ноги и кувыркается. Видъ его выражаетъ полное блаженство.

Мой «Юлій Цезарь» добродушно улыбается, глядя на разыгравшееся животное, и упоминаетъ о легкомысленныхъ нравахъ родительницы осла. Говорится это любовно, въ видѣ ласки, но для монастыря этотъ эпитетъ, не помѣщаемый въ словаряхъ, конечно, нѣсколько неумѣстенъ. Только мулъ стоитъ, мрачно насупившись. Повидимому, это скептикъ и большой пессимистъ. Онъ фыркаетъ недовольно, какъ будто хочетъ сказать: «Чего, дурила, ликуешь? Завтра вѣдь опять запрягутъ».

— Иго-иго-го-го-го!—восторженно кричитъ оселъ, и въ этихъ ликующихъ звукахъ слышится: «хоть день да мой!»

Женщины успѣли уже переодѣться. Онѣ накинули на плечи цвѣтные шерстяные или наслѣдственные шелковые, съ большими цвѣтами, платки, захватили вѣера и спѣшили за ограду монастыря

къ пещерѣ въ заросляхъ, гдѣ въ XIII вѣкѣ молодой пастухъ впервые увидалъ сіяніе. Мужчины, повидимому, не торопились туда. Крестьяне постарше, управившись съ животными, курили и бесѣдовали подъ навѣсомъ или у фонтана. Молодые парни лѣниво бродили по двору и, отъ нечего дѣлать, останавливались у лавочки, чтобы посмотрѣть на выставленныя въ окнѣ свѣчи, спички и банки съ карамелью. Продажа образковъ, крестиковъ и душеспасительныхъ книжекъ составляетъ привилегію самого монастыря. Другіе парни окружили появившагося коробейника, держащаго на ремнѣ, накинутомъ на шею, корзину, обшитую клеенкой. Въ корзинѣ сложены пачками тоненькія брошюрки и отдѣльные листки, украшенные грубыми рисунками. Просматриваю товаръ и нахожу прежде всего литературу о войнѣ, свидѣтельствующую о раздѣленіи Испаніи на два лагеря. Повидимому, въ корзинѣ только литература германофильская. Вотъ любопытный рисунокъ, текстъ къ которому, какъ значится на оборотѣ, составленъ Амадоромъ Ухія-и-Санчесомъ, каноникомъ каѳедральнаго собора въ Севильи. Рисунокъ называется «El Brazo de la Cristianidad», т.-е. «Десница Христіанства». Изображаетъ онъ съ правой стороны Филиппа II испанскаго, на ворономъ конѣ, а съ лѣвой стороны—Вильгельма II на бѣломъ конѣ. Надъ ними летаетъ ангелъ, вѣнчающій ихъ лавровыми вѣнками. Читателямъ хорошо извѣстно, что испанское духовенство иначе, чѣмъ весь остальной міръ, оцѣниваетъ Филиппа II, пославшаго герцога Альбу въ Нидерланды и зажегшаго всюду костры инквизиціи. По оцѣнкѣ историковъ, Филиппъ II былъ мрачный, жестокій, фанатичный тираннъ, положившій начало паденію міровой имперіи. По оцѣнкѣ испанскаго духовенства, Филиппъ II величайшій монархъ изъ всѣхъ, сидѣвшихъ когда-либо на престолѣ; это—геній, вдохновленный свыше, при которомъ Испанія была наиболѣе «національна». Къ слову сказать, Филиппъ II, еще больше, чѣмъ его отецъ Карлъ V, былъ типичный нѣмецъ-доктринеръ, для котораго Испанія являлась чужой страной, пригодной для опытовъ. Теперь, по мнѣнію каноника Амадора Санчеса, Вильгельмъ II является прямымъ преемникомъ Филиппа II. «Дѣянія, развертывающіяся передъ нами, и всѣ подробности этой изумительной войны (en esta espantosa guerra) достаточно доказываютъ, что побѣда будетъ на сторонѣ великаго германскаго императора, ополчившагося въ защиту религіи, нравственности, науки и справедливости,—говоритъ каноникъ... Наблюдая событія, мы убѣждаемся также, что германскій императоръ представляетъ собою, вмѣстѣ съ Филиппомъ II, избранниковъ Божественнаго Провидѣнія, посланныхъ на землю, какъ для того, чтобы покарать народы, преисполненные гордыни и вѣры въ утилитаризмъ, такъ

и для того, чтобы исполнились слова писанія: «Fiet unum ovile et unus pastor» (и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь). Каноникъ дальше говоритъ, что Испанія должна молиться за побѣду Вильгельма II, такъ какъ тогда Гибралтаръ будетъ отнятъ у похитителя и возвращенъ прежнему владѣльцу.

Въ корзинѣ у коробейника нахожу также другой листокъ такого же происхожденія. Авторъ, тоже каноникъ, разбираетъ обстоятельство, смущающее нѣкоторыхъ прихожанъ его. Можно ли сравнивать Вильгельма II, протестанта и «иконокласта», съ Филиппомъ II, католикомъ, отправлявшимъ единовѣрцевъ германскаго императора на костры? Каноникъ блестяще разрѣшаетъ задачу. «Ну какіе же иконокласты современные нѣмцы? Передъ Страсбургскимъ соборомъ можно видѣть изображенія святыхъ, чтимыхъ и католической церковью. Въ частности же слово «иконокластъ» не можетъ относиться къ Вильгельму II. Что онъ сдѣлалъ, когда посѣтилъ Палестину? Купилъ на собственный счетъ землю, на которой по преданію стоялъ домъ Пречистой Дѣвы, и подарилъ потомъ эту землю нѣмецкимъ католикамъ. И когда они выстроили на подаренной землѣ монастырь и устроили крестный ходъ при освященіи церкви, то кто шелъ впереди? Сынъ Вильгельма II, по порученію отца». Каноникъ дальше намекаетъ, что Вильгельмъ II только изъ политическихъ соображеній числится протестантомъ, тогда какъ втайнѣ онъ католикъ. Императоръ защищаетъ вѣру, и потому Провидѣніе дастъ ему побѣду. Но вѣдь Англія тоже глубоко религіозная страна? Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ каноникъ. Англія должна быть наказана Провидѣніемъ за архилиберализмъ. Изъ Англіи идутъ всѣ идеи, разрушившія старую Испанію. Небо выбрало также Вильгельма II, для того, чтобы покарать невѣрующую Францію.

— Aun hay en Espana materia prima para hacer inquisidores,— вспомнилъ я фразу, которую слышалъ отъ сосѣда по столу въ Сольерѣ [1]). Этотъ сосѣдъ, экспортировавшій фрукты во Францію, называлъ себя «hijo de Catalan», т.-е. сыномъ Каталаніи, и громко говорилъ о томъ, что онъ «аліадофилъ».

— Ну, на инквизиторовъ, пожалуй, матеріала не хватитъ!— усомнился другой сосѣдъ.—Вотъ на Кукàлу будетъ.

«Кукàла»—псевдонимъ священника Хосе Аграмунта изъ Фликса, ставшаго во время гражданской войны атаманомъ шайки карлистовъ. Кукàла прославился разбоями и необыкновенной жестокостью.

---

[1]) Т. е. „Въ Испаніи есть еще прекрасный матеріалъ для созданія инквизиторовъ“.

Взятыхъ въ плѣнъ либераловъ онъ исповѣдывалъ и потомъ самъ же убивалъ. Дѣйствительно, многіе испанскіе германофилы, это—карлисты и пріемники Кукалы.

Франція очень популярна на Балеарскихъ островахъ, населеніе которыхъ экономически связано съ республикой. Когда началась война, многіе испанцы поступили волонтерами во французскую армію. И вотъ «Кукала» сочиняетъ письмо въ стихахъ, содержащее жалобы, будто бы, волонтера-испанца. Въ корзинѣ у коробейника я нахожу листокъ, озаглавленный такъ: «Важные эпизоды обще-европейской войны; письмо, посланное солдатомъ, служащимъ волонтеромъ въ одномъ изъ двухъ испанскихъ баталіоновъ, сражающихся теперь во Франціи». Волонтеръ горько жалуется на свою судьбу, на опасности, на лишенія и на жестокое обращеніе. Цѣлью листка, конечно, является возстановленіе «аліадофиловъ» противъ Франціи.

Въ стихотвореніи дальше приводятся еще жалобы: «Французскіе солдаты насъ презираютъ, а крестьяне—эксплоатируютъ. Когда мы собираемъ топливо, чтобы обсушиться, крестьяне жалуются на насъ полковнику, будто мы ихъ грабимъ. И это благодарность за то, что мы по доброй волѣ пришли защищать ихъ... Если бы я только могъ, то бѣжалъ бы. За такія муки мало тысячи песетъ въ день, а между тѣмъ намъ даютъ только пять сантимовъ».

Въ монастырскій дворъ, вслѣдъ за паломниками, пришла нищая братія, выкликающая на разные голоса.

— Благородный кабальеро!—тянетъ слѣпой нищій, сидящій у фонтана.—Примите во вниманіе прискорбный мракъ, въ которомъ я пребываю. Пречистая Дѣва да будетъ съ вами, благородный кабальеро.

— Cuando comparezcamos ante el tribunal supremo de la gloria, noble caballero,—заливается высокимъ теноромъ безногій калѣка. (Когда мы вмѣстѣ предстанемъ предъ престоломъ вѣчной славы, благородный кабальеро).

— Сотворите милостыню, благочестивый и благородный кабальеро,—вторитъ густымъ басомъ горбунъ.

Я отбираю у коробейника нѣсколько брошюръ и листковъ. Тотъ внимательно смотритъ на меня и спрашиваетъ, не нѣмецъ ли я? Послѣ моего отвѣта, коробейникъ косится на проходящаго попа въ лоснящейся на животѣ сутанѣ. «Кура» смотритъ въ другую сторону. Когда намъ видна только его спина, съ необыкновенно широкимъ, какъ у торговки, тазомъ, коробейникъ таинственно достаетъ со дна корзины пачку листковъ и брошюръ не германофильскаго характера. Прежде всего онъ показываетъ мнѣ сѣрый листъ, на

которомъ въ три столбца съ одной стороны отпечатаны предсказанія о судьбѣ Германіи: «Profecias sobre el fin del imperio Aleman» (Пророчества относительно гибели Германской имперіи). Тутъ приведены выдержки якобы изъ рукописи XIII вѣка, «гороскопъ» какой-то графини и даже предсказанія m-me Thèbes. Я пересматриваю только послѣднюю главку, принадлежащую самому автору. Онъ увѣряетъ, что во Франціи, начиная съ XII вѣка, каждыя сто лѣтъ, въ 15 году отъ начала столѣтія, великія событія чередуются въ такомъ порядкѣ: «Пораженіе, побѣда, смерть великаго вождя». Такъ какъ въ 1815 году было уже великое пораженіе (Наполеонъ при Ватерлоо), то теперь на очереди великая побѣда Франціи. Я успѣваю только купить газету, привлекшую меня заглавіемъ «Tierra y Libertad» (Земля и Воля), когда послышался звонъ монастырскаго колокола. Коробейникъ вздрогнулъ, оглянулся и началъ поспѣшно прятать аліадофильскую литературу.

Въ монастырской церкви колоколъ плавно, съ правильными промежутками выкликалъ «бомъ-бомъ-бомъ!» Звуки, какъ стаи птицъ, летѣли въ догонку другъ другу. И вотъ издалека послышалось пѣнье. Черезъ нѣсколько минутъ изъ-за колючей заросли падуба выплыли бѣлыя и голубыя хоругви. Показалась длинная процессія. Впереди шли мальчики въ синихъ подрясникахъ и въ бѣлыхъ стихаряхъ. То были, какъ объяснилъ мнѣ Бартоломео, дѣти, живущія въ монастырѣ и обучаемыя здѣсь монахами церковному пѣнію и музыкѣ. Меня поразилъ чрезвычайно болѣзненный видъ этихъ маленькихъ пѣвчихъ: землистый или зеленый цвѣтъ лица, впалыя щеки, громадныя подпалины подъ глазами. Эта болѣзненность вырисовывалась особенно рѣзко отъ того, что за монастырскими пѣвчими шли дѣти паломниковъ, здоровыя, загорѣлыя, съ живыми лицами. Затѣмъ слѣдовали священники и монахи, почти всѣ толстые, гладкіе, лоснящіеся отъ жира и пота. У испанскихъ сельскихъ священниковъ и у монаховъ, въ общемъ, лица гораздо менѣе выразительныя и умныя, чѣмъ у крестьянъ, хотя всѣ эти «куры»—дѣти *aldeanos* (крестьянъ). За священниками шли крестьяне-богомольцы, а въ концѣ процессіи—женщины. Тутъ были очень молодыя и совсѣмъ древнія старухи, сморщенныя, согнувшіяся, какъ будто для того, чтобы лучше видѣть ту землю, въ которую скоро лягутъ. Священники пѣли по-латыни, и вся процессія, до древнихъ старухъ включительно, выкликали время отъ времени:

— Orá por nobis!

Вмѣстѣ съ процессіей я вхожу въ церковь, наполненную уже молящимися. Одни изъ нихъ сидятъ, другіе стоятъ на колѣняхъ или лежатъ ничкомъ на полу, раскинувъ руки крестомъ. Церковь такъ

полна, что я только издалека могу видѣть явленную статую, «de su tez moreno y su expresion simpatica» [1]), какъ говоритъ авторъ исторіи монастыря. На головѣ ея сіяетъ великолѣпная королевская корона, усыпанная алмазами, рубинами и изумрудами. Въ 1884 году,—разсказываетъ авторъ,—когда въ монастырѣ отмѣчено было особенно много чудесъ, рѣшено было возложить эту корону, для чего испросили благословеніе папы. «Съ великимъ энтузіазмомъ все населеніе острова взялось за выполненіе проекта». И въ результатѣ получилась корона, украшенная 22 алмазами, 27 бриллiантами, 25 изумрудами, 14 сапфирами, 25 рубинами, 7 аметистами, 6 топазами и 600 крупными жемчужинами» [2]). Коронованіе сопровождалось необыкновеннымъ торжествомъ. Папа даровалъ полное избавленіе отъ пребыванія въ чистилищѣ всѣмъ паломникамъ, которые посѣтятъ монастырь въ недѣлю коронованія.

Монастырская служба, вопреки моимъ ожиданіямъ, продолжалась недолго, не больше 25 минутъ. Затѣмъ священникъ произнесъ съ большимъ паѳосомъ проповѣдь сперва по-майоркански, а потомъ по-испански. По словамъ проповѣдника, «монастырь представляетъ собою не только кремень вѣры, крѣпость религіи и замокъ добродѣтели, но также обитель мира, источникъ утѣшеній и изобильный родникъ радостныхъ надеждъ». По мнѣнію священника, достойно замѣчанія то, что самые чтимые монастыри находятся на наиболѣе высокихъ горахъ. Это символизируетъ стремленіе испанскаго народа въ высь, къ мистическому, черезъ посредство самообузданія и жертвъ».

Какъ только кончилась проповѣдь, женщины поспѣшно вышли изъ церкви. Черезъ нѣсколько минутъ я встрѣтилъ ихъ въ корридорѣ монастырскаго подворья съ корзинками и кульками, изъ которыхъ выглядывали бутылки, хлѣбъ, тыквы съ оливками, вѣтки стручковаго перца и чеснока. Дѣвочки спѣшили съ живыми пѣтухами въ рукахъ. Ковыляла древняя старуха, держа за заднія ноги рыжаго кролика, живого еще, но, повидимому, помирившагося съ судьбою и приготовившагося ко всему. Монастырь не кормитъ паломниковъ, но даетъ имъ безплатно топливо, соль, оливковое масло и посуду для приготовленія пищи. И вотъ богомольцы спѣшили въ кухню, чтобы тамъ раздобыться посудой и состряпать ужинъ. Когда я минутъ черезъ пятнадцать заглянулъ въ монастырскую кухню, тамъ шла жаркая работа. Пѣтуховъ уже зарѣзали и общипывали теперь. Рыжій кроликъ не даромъ предвидѣлъ очень мрачное. Древняя старуха успѣла уже зарѣзать его, ободрать, разрубить, нашпиговать чесно-

---

[1]) „Съ смуглымъ цвѣтомъ лица и очень симпатичнымъ выраженіемъ".

[2]) „Historia", Ac., p. 171.

комъ и теперь усердно посыпала его перцемъ. Еще черезъ нѣсколько минутъ запахъ чеснока и оливковаго масла вытѣснилъ изъ всего монастыря запахъ ладана. Для «чистой» публики, готовой платить въ монастырѣ имѣется кухмистерская, гдѣ за двѣ песеты можно поѣсть майорканскій супъ, главные ингредіенты котораго оливковое масло, чеснокъ и красный перецъ, затѣмъ «asado», т.-е. мясо, нашпигованное чеснокомъ и жаренное въ оливковомъ маслѣ съ прибавленіемъ краснаго перца, тоже въ оливковомъ маслѣ, потомъ салатъ, состоящій изъ краснаго перца и чеснока. Кромѣ того, на столѣ постоянно стоятъ тарелочки съ зелеными оливками, тарелка съ накрошеннымъ рѣпчатымъ лукомъ, вмѣстѣ съ чеснокомъ и бутылка краснаго вина. Въ кухмистерской этой въ обычное время столуются монахи. Я вижу въ углу буфетъ, уставленный рядомъ бутылокъ всякаго рода, по преимуществу, съ анисовой водкой, которую испанцы особенно любятъ. Кажется, ни въ одной странѣ нѣтъ столько сортовъ анисовки, какъ въ Испаніи. Нигдѣ, какъ здѣсь, не проявляется такъ стремительный полетъ фантазіи въ придумываніи формы бутылокъ для анисовки и названій для нея. Эти названія свидѣтельствуютъ какъ о литературныхъ вкусахъ заводчика, такъ и объ его зоологическихъ, географическихъ, этнографическихъ и ботаническихъ познаніяхъ. Судя по количеству бутылокъ, монахи имѣютъ обширныя познанія въ области анисовыхъ водокъ. Въ кухмистерской, вмѣстѣ со мною, обѣдаютъ деревенскій священникъ, прибывшій съ прихожанами, и наиболѣе богатые крестьяне. Молодыя дѣвушки, сидѣвшія рядомъ съ отцами (повидимому, зажиточными фермерами, деревенскими «касиками», т.-е. воротилами), успѣли уже принарядиться. Главная перемѣна въ ихъ туалетѣ заключалась въ томъ, что онѣ замѣнили обычную обувь майорканцевъ—*альпаргатосъ*, т.-е. полотняные башмаки на подошвахъ изъ плетеной пеньки, новыми башмаками на необыкновенно высокихъ каблукахъ. У каждой въ рукахъ былъ вѣеръ, хотя на дворѣ стояла уже ночь, и ночь очень свѣжая. Когда «кура», насытившись и напившись, вышелъ, послышался веселый смѣхъ, раздались шутки, а за сосѣднимъ столомъ толстая женщина, съ волосами, покрытыми черной мантильей, даже запѣла, правда, въ полъ-голоса, очень популярный теперь «copla» (родъ *частушки*, состоящій всегда изъ четырехъ стиховъ):

No miro noches ni dias,
Cuando el sol sale o se pone.
Cuando estás cerca es mi dia!
Cuando estás lejos, mi noche!

(Я не замѣчаю ни дней, ни ночей; ни когда солнце восходитъ,

ни когда оно заходитъ. Когда ты со мною, то для меня день; когда тебя нѣтъ,—то для меня ночь).

III.

Когда я вошелъ въ мою комнату, то нашелъ уже тамъ «кабальеро изъ Мадрида». При слабомъ свѣтѣ единственной свѣчи я замѣтилъ молодого человѣка лѣтъ 25—27, маленькаго, съ острой черной бородкой, съ длинными волосами до плечъ. Эти волосы, умышленно небрежный туалетъ, большой шелковый галстукъ, повязанный бабочкой, и много другихъ неуловимыхъ черточекъ, немедленно напомнили мнѣ тѣхъ испанскихъ литераторовъ и художниковъ, которыхъ можно видѣть постоянно, начиная отъ 9 часовъ вечера до утра, въ знаменитомъ мадридскомъ кафэ *Форосъ*. Молодежь эта придерживается самыхъ разрушительныхъ взглядовъ относительно искусства, литературы и кодексовъ, установленныхъ «филистерами». Иногда среди этихъ молодыхъ людей есть очень талантливые писатели или художники, быстро выдвигающіеся потомъ; но въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ тутъ также много крикливой и завистливой бездарности. Испанскій языкъ до такой степени силенъ, выразителенъ и разработанъ, что на немъ трудно говорить «некрасиво, если человѣкъ можетъ связать хоть двѣ мысли». Вотъ почему бесѣда такихъ «разрушителей», во всякомъ случаѣ, крайне интересна. Многіе изъ нихъ, какъ это часто бываетъ, совершенно невѣжественны, но встрѣчаются также люди съ широкимъ литературнымъ образованіемъ. Всѣ знаменитые современные испанскіе писатели: Бласко Ибаньесъ, Мигэль Унамуна, Рубэнъ Даріо и др. «прошли черезъ *Форосъ*».

— Вашъ товарищъ по комнатѣ (молодой человѣкъ употребилъ выраженіе «companero», ходкое на митингахъ) Бенито де Эсковаръ,—отрывисто отрекомендовался онъ.

Минуты двѣ стояло молчаніе. Я не зналъ, о чемъ заговорить и... началъ съ темы, которой меньше всего хотѣлъ касаться.

— Что войной въ Испаніи сильно интересуются?—спросилъ я.

— Испанская печать, какъ вы успѣли, вѣроятно, замѣтить даже по майорканскимъ газетамъ, рѣзко раздѣлилась на аліадофиловъ и германофиловъ. То же самое можно сказать объ испанцахъ,—отвѣтилъ мой «companero».—Когда намъ, во времена войны съ маврами, приходилось плохо, рядомъ съ испанцами появлялся закованный въ сталь невѣдомый всадникъ на бѣломъ конѣ.

— Cierra Espana!—кричали тогда испанскіе рыцари, узнавъ

покровителя Старой Кастильи, и мчались въ бой на невѣрныхъ. Теперь у Германіи объявляется союзникъ, кричащій намъ «Cierra Espana»! и зовущій въ бой съ французами и англичанами. То не св. Яковъ Компастельскій, а всего только отецъ іезуитъ изъ Бильбао, доминиканскій монахъ, или *жура*. Онъ то, отъ Вильгельма II, обѣщаетъ намъ всю Португалію, Гибралтаръ и Танжеръ, то зоветъ въ защиту настоящей культуры, науки и разума. Чтó наука и разумъ іезуитамъ? Въ Бильбао издаются самыя крайнія германофильскія газеты. Тамъ іезуиты сильнѣе всего. Въ Бильбао больше всего кричатъ, что Испанія должна ополчиться за настоящую культуру, т.-е. за культуру германскую. И знаете, чтó произошло лѣтомъ этого года въ Бильбао? Тамъ есть книгопродавецъ, выставившій у сéбя въ окнѣ Ренана и переводы Библіи на испанскій языкъ. Іезуитская, т.-е. германофильская пресса, завопила, что книгопродавецъ позоритъ Бильбао и развращаетъ населеніе, выставляя нечестивыя и соблазнительныя книги. И вотъ въ часъ ночи студенты мѣстнаго католическаго университета выломали ставни въ книжной лавкѣ и облили всѣ книги въ витринѣ, въ томъ числѣ переводъ Библіи, сѣрной кислотой. На другой день въ католической газетѣ, восхваляющей германскую культуру, появилась статья, превозносящая дѣяніе молодыхъ защитниковъ «старой, національной Испаніи».

— Какъ вы думаете, возможно ли, что германофильской партіи удастся втянуть Испанію въ войну?

— За что мы будемъ воевать?—воскликнулъ въ глубокомъ изумленіи мой companero.

— За Гибралтаръ.

— Гибралтаръ, только кусокъ скалы и совершенно намъ безполезенъ, такъ какъ имѣетъ значеніе только для государства, желающаго господствовать на Средиземномъ морѣ. Для этого необходимъ громадный и сильный флотъ. Испанія не можетъ и не хочетъ господствовать на Средиземномъ морѣ, а флота у нея нѣтъ и не будетъ. Гибралтаръ, кромѣ того, раньше, чѣмъ располагать имъ, надо еще взять. Мы этого сдѣлать не можемъ. Не могутъ, вѣроятно, и нѣмцы. А если бы они и взяли Гибралтаръ, то намъ, разумѣется, уже не отдали его. Нашъ здравый смыслъ, наша положительность и трезвость хорошо представлены крестьяниномъ Санчо Пансо. Онъ способенъ увлечься безуміемъ, стать его оруженосцемъ и всюду слѣдовать за нимъ, зная, что это безуміе, но для этого надобно, чтобы олицетвореніемъ безумія былъ бы такой безкорыстный идеалистъ и рыцарь духа, какъ Донъ-Кихотъ. Германія—не Донъ-Кихотъ.

— Не будетъ ли этимъ Донъ-Кихотомъ религіозный фанатизмъ? Не можетъ ли онъ запылать новымъ пожаромъ?

— А развѣ былъ въ Испаніи *старый* пожаръ? Въ Суассонѣ въ 1114 году толпа, боясь, что духовенство отнесется милостиво къ арестованнымъ еретикамъ, схватила ихъ и сама возвела на костеръ. Въ Испаніи въ 1235 году толпа схватила и убила доминиканца Педро де-Кадранта, пытавшагося ввести инквизицію. Теоретическимъ защитникомъ костровъ для еретиковъ выступилъ впервые въ 1165 году нѣмецъ, нѣкій Rufinus Johannes Teutonicus, тогда какъ у насъ въ XIII вѣкѣ кастильскій король Альфонсъ Мудрый отказался привести въ исполненіе декреты Григорія IX относительно введенія инквизиціи, на томъ основаніи, что она не совмѣстима съ старинными вольностями испанцевъ.

— Ну какъ же? Что вы?—сказалъ я.—А религіозныя преслѣдованія въ XV вѣкѣ при Фердинандѣ и Изабеллѣ? А костры, зажженные по приказу Филиппа II?

— Вы, какъ всѣ,—махнулъ рукой мой companero.—Костры были зажжены не пламенѣвшей вѣрой. Великіе инквизиторы были не религіозные фанатики, а атеисты и сомнѣвающіеся, мстившіе другимъ за свой скептицизмъ. Вы ѣдете завтра? Куда? Въ Поленсу? Ну, значитъ, мы вмѣстѣ. Я вамъ разовью тогда мой взглядъ. Вы слышали про «Пучъ»?

— Про старинный доминиканскій монастырь на горѣ, гдѣ лежатъ мощи блаженнаго Нуньо Гонсалесъ де-Лара, съ благочестивыми подвигами котораго связано каждое мѣсто на всемъ сѣверномъ берегу Майорки?

— Именно. Монастырь этотъ находится надъ Поленсой. Отъ города до вершины горы только часъ пути. Если хотите, мы поднимемся вмѣстѣ. Нуньо Гонсалесъ де-Лара, быть можетъ, освѣтитъ мою теорію. А теперь, простите, спать лягу. Я очень усталъ. Вы не стѣсняйтесь, если хотите читать; свѣтъ мнѣ не мѣшаетъ. Спокойной ночи.

Такъ какъ спать мнѣ еще совершенно не хотѣлось, то я досталъ номеръ «Tierra y Libertad» (Земля и Воля), пріобрѣтенный у коробейника на монастырскомъ дворѣ. Прошло уже очень много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Фигаро сдѣлалъ знаменитую характеристику свободы печати, существующей въ Мадридѣ. Я не хочу сказать, что эта характеристика вообще устарѣла, такъ какъ она вполнѣ примѣнима къ нынѣшнему состоянію печати, напримѣръ, у насъ. Слова Фигаро сильно устарѣли только по отношенію къ Испаніи: «Il s'est établi dans Madrid un système de liberté de la presse». Любой нумеръ испанской газеты убѣдитъ насъ, что кругъ запретныхъ темъ, который былъ такъ широкъ, когда при Фигаро «установилась свобода печати въ Мадридѣ», сильно сузился. Испанскія газеты пишутъ

очень сильно и очень вольно. Въ Барселонѣ, напр., многія газеты отмѣчаютъ подъ заголовками, что онѣ «изданія республиканскія». Особой ядовитостью отличаются, впрочемъ, укусы не этихъ изданій, а литературныхъ «слѣпней»: маленькихъ газетокъ, появляющихся на окраинахъ, больше чѣмъ въ Мадридѣ, подъ «страшными» названіями: «El Motin» (Мятежъ), «Campana de Rebato» (Набатъ), «Antorcha» (Факелъ), «Incendio» (Пожаръ) и т. д. Газетка обыкновенно состоитъ изъ категорическихъ, рѣшительныхъ и внушительныхъ сентенцій въ родѣ слѣдующихъ: «Человѣкъ, не умѣющій ненавидѣть, не умѣетъ любить», «Культъ унижаетъ общество и ведетъ къ его вырожденію», «Равенство должно предшествовать справедливости», «Смирившійся народъ—умеръ», «Если нищета не унижаетъ окончательно, она очищаетъ», «Жить—значитъ протестовать и бороться», Свободу не просятъ, а берутъ» и т. д. Если въ газеткѣ появляется, кромѣ передовой статьи на общую тему, еще напоенный ядомъ выпадъ противъ «сферъ», ее конфискуютъ, а автора отправляютъ мѣсяца на два «въ дворянское отдѣленіе» тюрьмы. Но изданіе появляется немедленно подъ другимъ названіемъ, иногда въ другомъ городѣ. Такой «слѣпень» кусается еще болѣе. Въ газетѣ «Tierra y Libertad» я нашелъ большую и очень краснорѣчивую статью противъ войны вообще. «Родить сына въ мукахъ; выкормить его собственной грудью, т.-е. собственной жизнью; работать съ ожесточеніемъ и съ все возрастающею настойчивостью, чтобы дать ему образованіе; терпѣть всякаго рода лишенія, чтобы доставлять ему все необходимое; испытать горечь сознанія, что старѣешься и утѣшиться, что сынъ растетъ; жить исключительно для него и только имъ; пожертвовать для него всѣмъ; присоединять къ нему другихъ сыновей, выращенныхъ съ такими же жертвами. Затѣмъ дальше. Присоединять къ этимъ юношамъ еще юношей, покуда составятся милліоны ихъ; вооружить ихъ всѣхъ; обучить самой строгой дисциплинѣ; подавить ихъ иниціативу, наиболѣе естественныя привязанности и самыя благородныя стремленія; обуздать ихъ волю; напоить ихъ ядомъ ненависти; обучить ихъ убивать и разрушать; пріучить къ жестокостямъ разнаго рода; превратить живыхъ людей въ машины; вести всѣхъ этихъ юношей, какъ стадо; поставить ихъ передъ милліонами такихъ же сыновей другихъ матерей; заставить ихъ убивать другъ друга...—вотъ что есть война, и только это есть война». Такихъ длинныхъ періодовъ, построенныхъ подобнымъ же образомъ и заканчивающихся одинаковой фразой: «вотъ, что есть война, и только это есть война»,—въ статьѣ очень много. Я потушилъ свѣчу...

IV.

Поленса—очень старинный городокъ, построенный еще римлянами. Онъ окруженъ рощами фиговыхъ, померанцевыхъ, лимонныхъ, масличныхъ и гранатовыхъ деревьевъ. Извилистыя, узкія, вымощенныя неровными камнями, улицы обстроены высокими, облупившимися домами съ зелеными ставнями. Въ нижнихъ этажахъ этихъ домовъ можно видѣть усердно работающихъ жителей, серьезныхъ, держащихся съ большимъ достоинствомъ. Въ этомъ маленькомъ городкѣ, насчитывающемъ только семь тысячъ жителей, выходятъ двѣ газеты съ статьями на майорканскомъ и испанскомъ языкахъ. Одна газета еженедѣльная, а другая выходитъ дважды въ мѣсяцъ. Обѣ газеты очень интересуются войною. Одна—поповская, поэтому явно выражаетъ свои германофильскія симпатіи, а другая называетъ себя «независимой» и къ нѣмцамъ относится нѣсколько осторожно. Обѣ газеты ведутъ отчаянную полемику между собою, но, повидимому, не столько на почвѣ внѣшней, сколько внутренней политики. Каждая газета обслуживаетъ интересы мѣстнаго «касика» (воротилы). Редакторъ поповской газеты пустилъ въ ходъ кулаки на какія-то разоблаченія своего противника. И вотъ въ томъ номерѣ «независимой» газеты, которая мнѣ попалась въ «вентѣ» (трактирѣ) «tio Lorro» (дяди Лоро), гдѣ я остановился въ Поленсѣ,—нашелъ такую любопытную «отповѣдь» «Редакторъ «местре Хероно» въ своей молодости и въ зрѣломъ возрастѣ былъ «вышибала» (Maton). Но съ тѣхъ поръ, какъ сталъ касикомъ и поставщикомъ голосовъ для Мауры [1]), онъ замѣнилъ кулаки перомъ. У «местре Хероно» цѣлая семинарія бурсаковъ-строчилъ, усердно работающихъ кулаками по приказу своего хозяина-касика. Несмотря на то, что эти молодцы усердно бьютъ, пострадавшіе отъ побоевъ могутъ сказать: «Всѣ тѣ, которыхъ вы избиваете, находятся въ добромъ здравіи» (Todos los que vos matasteis gozan de buena salud). Местре Хероно, продолжайте въ томъ же духѣ, если у васъ нѣтъ никакого другого отвѣта на наши обвиненія! Палочные удары, полученные нами, вызываютъ у насъ улыбку. И это совсѣмъ не потому, что мы обладаемъ толстой кожей».

Подивившись этой готовности принять палочные удары за правду, мы и companero отправились въ «Пучъ». За Поленсой подымается гора, кажущаяся съ низу совсѣмъ отвѣсной. И на самой вершинѣ ея стоитъ старинный монастырь съ крѣпостными стѣнами и квадратными башнями. Приходятъ на память арабскія сказки, въ которыхъ «джинъ», повинуясь силѣ волшебнаго кольца или лампы,

---

[1]) Бывшій вождь консервативнаго министерства, майорканецъ родомъ.

сразу переноситъ замокъ на гребень неприступной горы. Кажется совершенно невозможнымъ, чтобы люди, а не духи, выстроили эти стѣны и эти башни на вершинѣ отвѣсной горы, повидимому, совершенно голой, далеко отъ воды. Туда, въ этотъ монастырь, удалился при королѣ Хаиме I, Нуньо Гонсалесъ де-Лара. Тамъ онъ прожилъ сорокъ лѣтъ. О подвижничествѣ его говорятъ безчисленныя легенды, приведенныя въ тоненькихъ и толстыхъ книгахъ, появляющихся въ Пальмѣ, въ Соберѣ, въ Поленсѣ, словомъ, всюду на Майоркѣ, гдѣ только есть типографія. И когда въ какомъ-нибудь городкѣ на островѣ устанавливаютъ новый печатный станокъ, то, навѣрное, первой брошюрой будетъ житіе блаженнаго Нуньо. Согласно «житію», онъ былъ знатнаго рода и храбрымъ рыцаремъ. Въ молодости онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и затѣмъ принималъ участіе въ восьмомъ крестовомъ походѣ, въ томъ самомъ, во время котораго погибъ отъ чумы Людовикъ IX. Крестоносцы тогда, какъ извѣстно, не дошли до святой земли, такъ какъ французскій король скончался подъ Тунисомъ, близъ развалинъ Кареагена. Согласно житію, Нуньо участвовалъ въ многочисленныхъ турнирахъ и былъ вообще первый, когда дѣло доходило до меча, до копья или шестопера. Рыцарь былъ буйнаго нрава, любилъ кутежи и женщинъ. И вотъ при дворѣ Хаиме I онъ увлекся прекрасной и добродѣтельной графиней, доньей Леонорой де-Лерма.

— Храбрый рыцарь, не добивайтесь моей любви. Въ ней нѣтъ ничего привлекательнаго,—сказала разъ донья Леонора, когда Нуньо Гонсалесъ де-Лора пламенно клялся ей, что въ ея глазахъ вся его жизнь. И прекрасная дама раскрыла воротъ платья, и рыцарь увидалъ грудь, изъѣденную ракомъ. И пораженный рыцарь сразу постигъ бренность всего земного и мимолетность красоты. Онъ отдалъ свой замокъ вѣрному оруженосцу, а коней любимому пажу, снялъ доспѣхи и удалился на гору, въ доминиканскій монастырь съ особенно суровымъ уставомъ. И здѣсь онъ началъ вести подвижническую жизнь, слухъ о которой, мало-по-малу, распространился по всему острову. Въ своей кельѣ онъ имѣлъ книги, для изученія которыхъ еще недавно существовала въ Пальмѣ спеціальная семинарія. Епископы и даже папы черпали изъ этихъ книгъ мудрыя и святыя истины. Нуньо Гонсалесъ де-Лара скончался восьмидесяти лѣтъ. Римъ не соглашался канонизировать его, но призналъ «блаженнымъ», когда у раки съ мощами его стали твориться великія чудеса: слѣпые прозрѣвали, нѣмые пріобрѣтали даръ слова, бѣсноватые, вывшіе и выкликавшіе хулу на небо, когда ихъ приводили, успокаивались и принимались пѣть молитвы. Такъ гласитъ легенда, украшенная еще варіаціями въ разныхъ житіяхъ. Согласно однѣмъ книгамъ,

блаженный Нуньо скончался въ «Пучѣ», согласно другимъ, онъ восьмидесяти лѣтъ отправился на Варварійскій берегъ, въ сарацинскій городъ Вааранъ, именуемый теперь Оранъ, гдѣ былъ побитъ камнями, проповѣдуя невѣрнымъ Евангеліе. Ученики обрѣли потомъ его тѣло и привезли на Майорку, въ Пучъ»...

Дорога къ монастырю идетъ сперва садами изъ фиговыхъ, оливковыхъ и померанцевыхъ деревьевъ. Было около трехъ часовъ дня. Въ травѣ радостно перекликались кузнечики, опьяненные яркимъ солнцемъ. Листья на деревьяхъ сильно порѣдѣли, но не вслѣдствіе надвигавшейся осени, а отъ недавнихъ грозъ, отъ страшныхъ балеарскихъ грозъ, когда сперва зарницы сверкаютъ такъ часто, что порою сливаются въ сплошной занавѣсъ голубоватаго пламени; затѣмъ слѣдуютъ молніи, сопровождаемыя оглушительными раскатами грома, долго отдающимися въ горахъ; потомъ стремительно налетаетъ вихрь, рвущій крыши, опрокидывающій дома и вырывающій оливковыя деревья съ корнями. Все это заканчивается ужаснымъ ливнемъ, превращающимъ всѣ дороги въ стремительные потоки. Кто разъ видѣлъ такую грозу, тотъ можетъ представить себѣ появленіе седьмого ангела, выливающаго на землю чашу Господняго гнѣва: «И произошли молніи, громы и голоса... И городъ великій распался на три части».

Всюду въ садахъ, огороженныхъ низкими «tapios», т.-е. стѣнами, сложенными изъ камней, видны были женщины, босыя, въ широкополыхъ соломенныхъ шляпахъ, повязанныхъ подъ подбородокъ тесемкой. Тутъ были совсѣмъ старыя женщины и дѣвочки-подростки. Онѣ стояли на лѣстницахъ у деревьевъ, убирали фиги и складывали ихъ въ корзинки, привязанныя у пояса. Со всѣхъ сторонъ доносилось протяжное пѣніе. Любопытно, что майорканки говорятъ всегда на мѣстномъ языкѣ и плохо знаютъ, а то совсѣмъ не знаютъ «castellano», т.-е. испанскаго языка, но поютъ онѣ всегда частушки (coplas), сложенныя на полуостровѣ. Изъ одного сада доносится заунывное, восточное пѣніе:

A la Virgen de mi ermita
Voy a hacer una novena,
Para que vuelva a quererme
El que me diò tantas penas.

(Я иду помолиться Богородицѣ въ нашемъ монастырѣ, чтобы снова полюбилъ меня тотъ, кто причинилъ мнѣ столько мученій).

— Слышите, то андалузская пѣсня,—говоритъ мнѣ companero, прислушиваясь къ звукамъ. Я плохо улавливаю слова, произноси-

мыя такъ, какъ говорятъ цыгане, но мой товарищъ, знающій пѣсню, повторяетъ мнѣ частушку:

«No quiero yo seas, no quiero yo randas,
No quiero arracás de aljofa y coral;
Ni quiero yo plata, ni quiero postines,
Solo quiero flores y aire y libertà».

(Не надобны мнѣ ни ленты, ни кружева, ни украшенія изъ жемчуга и коралловъ; не хочу я ни серебра, ни подвѣсокъ къ ушамъ. Мнѣ нужны лишь цвѣты, воздухъ и свобода).

— Если бы вы видѣли, какъ танцуютъ цыганки, когда поютъ эту пѣсню!—восторженно сказалъ мой товарищъ.—Каждый стихъ онѣ какъ будто откусываютъ зубами. Бедра волнуются, а ноги пишутъ по полу цѣлую сладострастную поэму.—Companero даже зажмурилъ глаза отъ восторга.

Я сказалъ, что у насъ тоже «пишутъ ногами по полу», но только не женщины, а мужчины, и не «сладострастную поэму», а «мыслете» послѣ большой выпивки.

— Даже и теперь культура, принесенная изъ Андалузіи, завоевываетъ мѣстную, какъ въ X вѣкѣ,—шутливо замѣтилъ товарищъ, послѣ нѣкотораго молчанія.—Какъ и тогда, пѣснямъ насъ обучаютъ потомки мавровъ.

Кончились сады и начался подъемъ на гору. Карабкаться было не особенно легко, въ особенности, въ такую жару, но всетаки не такъ трудно, какъ казалось снизу. Монахи, построившіе монастырь много вѣковъ тому назадъ, вырубили въ скалѣ тропу для пѣшеходовъ и муловъ. Тамъ, гдѣ дорога шла лѣсомъ, подниматься было даже совсѣмъ не трудно. По мѣрѣ того, какъ мы поднимались, расширялся горизонтъ. Сперва раскрылась вся долина съ разбросанными «xincas» (мызами), напоминающими разбредшееся по лугу въ жаркій день стадо. Затѣмъ сверкнула полоса моря, окруженная кольцомъ горъ: портъ. Поленса, какъ всѣ прибрежные города на Майоркѣ, кромѣ Пальмы, выстроена не у самаго моря, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него. Обусловливается это тѣмъ же, почему старинныя столицы, какъ Лондонъ или Парижъ, лежащія на судоходныхъ рѣкахъ, выстроены не у устья, а выше по теченію:—боязнью набѣговъ со стороны морскихъ разбойниковъ. Лѣтописи Поленсы и Сольера говорятъ про частые набѣги разбойниковъ съ Варварійскаго берега. Недремлющая стража, стоявшая днемъ и ночью на круглыхъ башняхъ (*аталажъ*), которыя и до сихъ поръ видны всюду вдоль берега острова, замѣчали издали разбойничьи суда. На башняхъ зажигались сигнальныя смоляныя банки, и всюду

въ церквахъ били въ набатъ. Тогда женщины и дѣти немедленно убѣгали на горы, въ укрѣпленные монастыри, а мужчины поспѣшно вооружались и бѣжали навстрѣчу пиратамъ. Съ незапамятныхъ временъ корпоративная жизнь была сильно развита въ Испаніи, вслѣдствіе этого, каждая гильдія (gremio), въ случаѣ нападенія непріятеля, представляла собою готовый отрядъ воиновъ.

Когда мы поднялись еще выше, показался другой приморскій городъ, Алькудія, и широкая лагуна, альбуфера, лежащая за нимъ. Подъемъ на послѣднюю треть горы особенно крутъ и труденъ. И вотъ передъ нами зубчатыя стѣны монастыря. Вблизи онъ еще больше напоминаетъ старинную крѣпость, чѣмъ внизу. Особенно внушительно глядитъ квадратная сторожевая башня, представлявшая собою, повидимому, послѣдній оплотъ и соединенная съ монастыремъ подъемными мостами. Золотистые камни, изъ которыхъ сложены стѣны, башня и подъемный мостъ, изгрызаны вѣками. Зубцы на башнѣ обвалились. Лѣстница, которая раньше вела на вершину ея,—тоже разрушилась. Но по ней можно еще, очевидно, взобраться: тамъ стоятъ двѣ горожанки, старая и молодая, и любуются на далекое море. Передъ монастыремъ—площадка, обнесенная каменнымъ парапетомъ. Вдоль него—каменныя скамьи. Плиты на нихъ стерты отъ времени, а парапетъ во многихъ мѣстахъ обвалился. Когда я подошелъ къ нему, во всѣ стороны метнулись ящерицы, грѣвшіяся на камняхъ. На площадкѣ стоитъ вѣковой каменный дубъ, а подъ нимъ—цистерна для дождевой воды. Тутъ, на самой вершинѣ горы, другой воды нѣтъ. Съ площадки весь городъ внизу кажется игрушечнымъ. Воздухъ такъ чистъ, что снизу долетаютъ обрывки пѣсни. То женщины работаютъ далеко внизу въ садахъ.

«Por imposible to quiero!»

(Напрасно я люблю тебя)—издалека доносятся сюда, къ обитателямъ темныхъ келій, звуки томленія по любви. На эту площадку, когда никого нѣтъ, выходятъ вечеромъ монахи. Они садятся на скамьи, любуются на закатъ и прислушиваются, вѣроятно, къ стонамъ грѣшнаго, страдающаго и трудящагося міра. Далекое разстояніе придаетъ долетающимъ сюда обрывкамъ вульгарныхъ частушекъ глубокій смыслъ, паѳосъ и трогательное значеніе. Въ XIII вѣкѣ женщины пѣли, собирая фиги въ саду, внизу, такъ же, какъ и въ XX вѣкѣ. И къ этимъ пѣснямъ, вѣроятно, прислушивался тогда Нуньо, останки котораго хранятся въ монастырѣ. Я подѣлился впечатлѣніями съ моимъ companero.

— У меня своя версія о жизни Нуньо,—началъ онъ.—Эта

версія объясняетъ мнѣ нѣкоторые эпизоды нашей исторіи, которые такъ усердно подчеркиваются не испанцами. Въ продолженіе четырехъ вѣковъ мы были самымъ толерантнымъ,—самымъ свободнымъ и самымъ культурнымъ народомъ въ Европѣ. Въ то время, какъ всюду пылали костры и избивались еретики,—у насъ мирно жили три народа, создавая вмѣстѣ общую культуру. Кто же зажегъ у насъ инквизиціонные костры? Я началъ работать надъ моей версіей послѣ того, какъ встрѣтилъ у Маріаны очень сдержанный отзывъ о Нуньо. Вамъ извѣстно, вѣроятно, что падре Хуанъ-де-Маріана—ученый іезуитъ, скончавшійся въ двадцатыхъ годахъ семнадцатаго вѣка, оставивъ многотомную исторію Испаніи «Historia General de Espana», которая издается съ тѣхъ поръ постоянно. Падре Маріана необыкновенно добросовѣстный лѣтописецъ, крайне осторожно и критически относившійся къ документамъ. И вотъ авторъ, самъ теологъ, крайне холодно относится къ восторженнымъ житіямъ Нуньо. Маріана прочелъ сочиненія блаженнаго Нуньо, и авторъ на него произвелъ впечатлѣніе совершеннаго невѣжды, persona ignorante de letras, какъ выражается ученый іезуитъ. Повидимому, Маріана вспоминаетъ тутъ же, что изъ этихъ книгъ черпали папы и епископы для оправданія инквизиціи. И вотъ онъ дѣлаетъ оговорку: «Можетъ быть, книги Нуньо кажутся намъ нелѣпыми вслѣдствіе нашей грубости и нашего невѣжества», por nuestra rudeza y groseria. Можетъ быть, только вслѣдствіе этого мы не въ силахъ понять красоты, восхваляемыя восторженными поклонниками Нуньо.

Этотъ отзывъ заинтересовалъ меня, продолжалъ companero,—я началъ искать документы, и вотъ выводы, къ которымъ я пришелъ.

Графъ Нуньо Гонсанесъ де-Лара, дѣйствительно, жилъ при донѣ Хаиме I, въ XIII вѣкѣ. То былъ рыцарь, дѣйствительно, отличавшійся крайне буйнымъ нравомъ. Онъ, дѣйствительно, участвовалъ въ VIII крестовомъ походѣ и былъ въ Кареагенѣ, когда умеръ Людовикъ Святой. Жизнь въ Тунисѣ соблазнила тогда не одного рыцаря. Графъ де-Лара былъ одинъ изъ нихъ. Говорятъ, онъ принялъ исламъ, въ награду за что бей далъ ему громадный гаремъ. Во всякомъ случаѣ, графъ де-Лара пять лѣтъ прожилъ на варварійскомъ берегу въ разныхъ городахъ, гдѣ хорошо выучился арабскому языку. Затѣмъ графъ возвратился съ большими богатствами на Майорку. То было въ 1275 году. Ему было тогда около сорока лѣтъ. Графъ воевалъ, грабилъ, сражался, участвовалъ въ турнирахъ, пилъ, любилъ и чувствовалъ себя счастливымъ. Одной изъ побѣдъ его была донья Леонора, жена свирѣпаго дона Фернана Санчеса, незаконнаго сына короля Хаима I. Донья Леонора, вообще, не была неприступной крѣпостью. И вотъ разъ графъ де-Лара

одновременно узналъ, что донья Леонора внезапно умерла и что передъ тѣмъ она была возлюбленной Гарси Лопеса де-Падильи. И графъ узналъ, что не только Гарси былъ его соперникомъ, но и еще многіе другіе, въ томъ числѣ капелланъ и кривоногій шутъ ея. Графъ въ бѣшенствѣ рѣшился отомстить покойной. Когда ее хоронили, когда окружающіе превозносили добродѣтели доньи Леоноры, впередъ выступилъ графъ и сказалъ, что онъ тоже скажетъ надгробное слово. И черезъ минуту на лицахъ у однихъ окружающихъ изобразился ужасъ, глубокое изумленіе, возмущеніе, а у другихъ— едва скрытый смѣхъ. Васъ поразитъ надгробное слово, а между тѣмъ оно не выдумки. Я нашелъ его въ старинномъ документѣ:

— Aqui yace esta senora, que duerme por primera vez con las piernas juntas,—сказалъ графъ, задыхаясь отъ ненависти и злобы. Всѣ остолбенѣли на нѣкоторое время, а потомъ, когда опомнились, графа уже не было въ церкви. Онъ вскочилъ на коня и направилъ его въ лѣсъ. Графъ скакалъ, покуда конь шелъ, затѣмъ спѣшился и пошелъ къ монастырю на горѣ, гдѣ зналъ, что найдетъ убѣжище. Рыцарь не привыкъ ходить пѣшкомъ, дорога была крута, кромѣ того, давила длинная кольчуга до земли, и отъ стеганнаго гамбизона, надѣтаго подъ кольчугой, было душно. Но графъ зналъ, что нельзя остановиться, и шелъ до тѣхъ поръ, покуда добрался до монастыря, постучалъ желѣзными кольцами въ окованныя ворота и попросилъ убѣжища.

Потянулись мѣсяцы, потомъ годы. Сперва графъ хотѣлъ только переждать время въ убѣжищѣ, но вскорѣ его захватила тихая, спокойная жизнь. Изъ глубины сердца выплыли воспоминанія о многочисленныхъ тяжелыхъ грѣхахъ, о ренегатствѣ на Варварійскомъ берегу и о всемъ томъ, что было тамъ. И графъ постригся въ монахи. Осенью и зимою, когда горы были покрыты снѣгомъ; когда тучи скрывали весь остальной міръ и за монастырскими стѣнами было еще болѣе мрачно, чѣмъ внутри ихъ, Нуньо не чувствовалъ ни томленія по прежней жизни, ни сожалѣнія. Не было даже воспоминаній. Иначе было весною и лѣтомъ, когда буйная жизнь природы рождала желанія. Монахъ долго отгонялъ ихъ усиленной работой. Онъ рубилъ новую дорогу съ горы, рубилъ деревья въ лѣсу, тесалъ камни. Когда же надвинулась старость, и сильныя руки ослабѣли, а плечи согнулись, тяжелую работу пришлось оставить. Лѣтомъ, вечерами, Нуньо сидѣлъ на каменной скамьѣ, глядѣлъ на закатъ и прислушивался къ обрывкамъ пѣсенъ, долетавшихъ снизу. Тогда далекія воспоминанія снова выплывали изъ тайниковъ памяти, подобно полузабытымъ снамъ. Онъ думалъ про свою прошлую жизнь, которая казалась теперь ему заманчивой и красивой.

Онъ думалъ о былыхъ радостяхъ, которыя теперь не могли бы его волновать, потому что онъ старъ. Конечно, всѣ эти радости только суета суетъ, одинъ призракъ и бѣсовское навожденіе. Есть другія радости, продолжающіяся вѣчно. Онѣ явятся наградой за святую жизнь. Но дадутъ ли ихъ *ему*? А если не дадутъ, то что̀ вознаградитъ его за тѣ радости, которыя онъ отбросилъ и которыя ему теперь уже недоступны?..

И былъ разъ погожій лѣтній вечеръ. Нуньо тогда уже больше 30 лѣтъ, какъ жилъ въ монастырѣ, а вошелъ онъ туда сорока лѣтъ. Вмѣстѣ съ новымъ монахомъ Херонимомъ, который недавно прибылъ изъ южной Испаніи, Нуньо сидѣлъ на каменной скамьѣ. Старикъ держалъ въ рукахъ рукопись, содержавшую житіе майорканскаго святого Раймундо Луліо. Тамъ говорилось про то, какъ святой отправился на Варварійскій берегъ. «Тутъ водятся ручные драконы, кроткіе до такой степени, что женщины кормятъ ихъ грудью, какъ маленькихъ дѣтей,—читалъ Нуньо.—Дѣти въ Варваріи играютъ съ драконами, разъѣзжаютъ на нихъ верхомъ и треплютъ ихъ, какъ будто то были собаки. Глазныя яблоки драконовъ изъ драгоцѣнныхъ камней и горятъ, какъ огонь. Жители Варваріи утверждаютъ, что драконы рождаются отъ противоестественнаго житія орла съ волчицей... Дракону всегда жарко. Вода не можетъ утолить его жажду, поэтому онъ пьетъ, чтобы освѣжиться, кровь слона, у котораго она очень холодна». Это мѣсто сильно смутило Нуньо. Онъ жилъ пять лѣтъ на Варварійскомъ берегу, побывалъ не только въ Тунисѣ, Бунѣ, Алгезандѣ и Ефакисѣ, но также дальше на югъ, у опаленныхъ солнцемъ и округленныхъ палящими вѣтрами горъ, за которыми, какъ желтая шкура пантеры, испещренная пятнами, тянется пустыня съ ея оазисами. Нигдѣ онъ не видалъ драконовъ ни ручныхъ, ни дикихъ и не слыхалъ про нихъ. Если же такая крупная неправда находится въ житіи, то гдѣ порука, что остальное тамъ истина? Какъ вообще отдѣлить истину отъ выдумки? Нуньо опустилъ рукопись. Тамъ, далеко внизу, должно быть, шла уборка фигъ. Долетали обрывки пѣсней, рождавшихъ воспоминанія. Долгая, протяжная модуляція этихъ пѣсенъ, въ связи съ рукописью о Варварійскомъ берегѣ, напомнила другія пѣсни, тоже протяжныя, полныя сладострастія. И видитъ Нуньо мощенный чернымъ и бѣлымъ мраморомъ дворъ. Среди миртъ тихо журчитъ фонтанъ, подъ навѣсомъ, на грудѣ шелковыхъ подушекъ сидитъ воинъ—«франкъ», одѣтый въ малиновый шелковый бурнусъ. Этотъ воинъ—онъ, Нуньо, или сидъ Ахмедъ бенъ Аисуръ, какъ его тогда называли. На мраморныхъ стѣнахъ навѣса золотомъ сверкаютъ надписи, славящія Бога и пророка его. Передъ Нуньо стоитъ

она, обнаженная, въ легкомъ шарфѣ; станъ ея походитъ на камышинку, выросшую изъ амфоры. Губы ея накрашены, а глаза подведены сурьмой. Она шевелитъ бедрами въ тактъ барабана, похожаго на кувшинъ. Пронзительно пищитъ дудка. Негръ-евнухъ водитъ смычкомъ по двухструнному инструменту. И вотъ она раскрываетъ шарфъ и появляется во всей наготѣ. Она тихо выступаетъ, шевеля сильно бедрами. Глаза ея, подведенные сурьмой, сверкаютъ. Она откинула голову назадъ и полураскрыла накрашенныя губы. И она поетъ: «Я знаю садъ; онъ такъ хорошъ, онъ такъ хорошъ. Померанцы въ немъ круглы и горятъ золотомъ. И журчатъ ручейки, текущіе тамъ, говорятъ о любви, какъ никто еще не говорилъ». И Нуньо вспоминаетъ арабскіе стихи, съ которыми онъ тогда обратился къ своей возлюбленной: «Да будетъ имя Бога съ тобою и вокругъ тебя. Да будетъ благословенно совершенство твоихъ ногъ, при видѣ которыхъ газель умретъ отъ зависти». Слова тогда вырвались изъ глубины сердца. Сидъ Ахмедъ бенъ Аисуръ благословлялъ тогда небо, создавшее красоту, чтобы радоваться на нее... Далеко внизу, въ саду женщина пѣла:

«Por los besos que me diste» [1]).

А на монастырской площадкѣ старикъ вспоминалъ тѣ поцѣлуи, которые получилъ ренегатъ сидъ Ахмедъ. И въ памяти воскресали забытые арабскіе стихи, описывающіе красоту: «Ты бѣла, какъ миндаль въ своей кожурѣ и какъ уклейка въ бассейнѣ. Щеки твои гладки, какъ лучшій атласъ, и усажены розами, зубы твои—два жемчужныхъ ожерелья. Твоя грудь, какъ двѣ гордо поднимающіяся башни; бедра твои волнуются, какъ море». И у старика сильнѣе забилось сердце, когда онъ вспомнилъ прекрасныя и безстыдныя дальнѣйшія слова... Подобно тому, какъ осенью надвигаются тучи на горы, на старика надвинулись воспоминанія, сожалѣнія объ утерянномъ и страхъ. И послѣ долгаго молчанія Нуньо обратился къ новому монаху, который все время сидѣлъ неподвижно, глядя на закатъ.

— Братъ Херонимо! Ты недавно изъ Кордовы. Разскажи, что̀ ты дѣлалъ тамъ?

Нуньо ждалъ разсказовъ про жизнь въ громадномъ, богатомъ, ученомъ и веселомъ городѣ, гдѣ три народа тогда еще мирно жили вмѣстѣ и куда изъ далекихъ странъ собирались студенты, жаждавшіе послушать возрожденную Ависеброномъ и Абубекромъ греческую философію.

---

[1]) „За поцѣлуи, которые ты мнѣ даешь“.

— Я учился,—отвѣтилъ братъ Херонимо.

— И что же ты узналъ?

— Что я стою безъ дороги, въ горахъ, когда надвигается гроза,—печально отвѣтилъ братъ Херонимо.—Греческій философъ говоритъ; чтобы жить счастливо, надо отвѣтить на три вопроса: каковы качества вещей, каково должно быть наше отношеніе къ вещамъ и какую пользу приноситъ намъ это отношеніе. На первые два вопроса нѣтъ отвѣта. Качества вещей намъ совершенно неизвѣстны. Ни посредствомъ чувствъ, ни разумомъ нельзя познать что-либо, и нѣтъ такихъ представленій, которыя имѣли бы въ себѣ достовѣрный признакъ своей истинности. Возможно ли знаніе вообще? Такъ какъ нѣтъ такого рода убѣжденія, которое никогда не обманывало бы насъ; такъ какъ нѣтъ такого истиннаго представленія, которому не соотвѣтствовали бы сходныя до невозможности отличить ложныя представленія, то нѣтъ мѣрила истины.

Нуньо широко раскрылъ глаза. Онъ улавливалъ страшный для *себя* смыслъ словъ.

— Но вѣдь доказано бытіе разумнаго начала?—сказалъ онъ.

— Ничего нельзя доказать. Нѣтъ возможности послѣдовательнаго доказательства, частью потому, что само оно можетъ осуществиться только благодаря другимъ доказательствамъ, слѣдовательно, благодаря petitio principi, частью потому, что посылки доказательства, въ свою очередь, должны быть доказаны и такъ далѣе, до безконечности. Нельзя мыслить разумное начало, какъ живое существо, не приписывая ему въ то же время такихъ свойствъ и состояній, которыя противорѣчатъ его вѣчности и совершенству. И такъ какъ мы ничего не знаемъ и ничего не можемъ знать; такъ какъ все окружающее—призракъ, за которымъ *ничего* нѣтъ, то единственная цѣль—стремленіе къ полному равнодушію, или къ атараксіи, какъ говоритъ Пирранъ изъ Элиды.

— Постой, братъ Херонимо, если ты не самъ сатана, надѣвшій клобукъ. Истина существуетъ и неопровержимо доказана.

— Кѣмъ? Ужъ не Петромъ ли Испанцемъ, котораго теперь считаютъ величайшимъ свѣтиломъ?—насмѣшливо отвѣтилъ братъ Херонимо.—Какъ онъ доказываетъ свою истину и какъ опровергаетъ доводы греческихъ философовъ? Ссылками на книги и цитатами изъ нихъ. Когда выясненіе въ судѣ истины зависитъ исключительно отъ показаній свидѣтелей, необходимо, чтобъ они были совершенно достовѣрны. И если свидѣтели эти изобличены въ неправдѣ; если показанія ихъ противорѣчатъ, весь процессъ рушится.

— Ты хочешь сказать...—съ ужасомъ началъ Нуньо.

— Да, именно это...

*

Братъ Херонимо раскрылъ книгу, которая для Нуньо была окружена сверкающимъ ореоломъ.—Слѣпецъ, какъ ты не замѣтилъ до сихъ поръ противорѣчій, въ которыя постоянно впадаютъ главные свидѣтели. Отцы первыхъ двухъ вѣковъ никогда не ссылаются на этихъ свидѣтелей, но за то упоминаютъ другихъ, признанныхъ потомъ лжесвидѣтелями... Тотъ путь, по которому мы идемъ, *никуда* не ведетъ. На горѣ, куда мы хотимъ взобраться, и съ такимъ трудомъ, никого нѣтъ. Сама гора не существуетъ. И я призракъ...

Слова брата Херонима привели Нуньо въ ужасъ. Когда же онъ самъ принялся сличать показанія свидѣтелей, то пришелъ въ еще большій ужасъ. Братъ Херонимо былъ правъ: «весь процессъ рухнулъ». «Атараксія», на которой помирился Херонимо, не представляла ничего утѣшительнаго для Нуньо. Онъ былъ живой человѣкъ, съ живыми страстями. И Нуньо понялъ вскорѣ, что все впереди—рухнуло; что дорога безнадежно потеряна, и что всѣ радости жизни отданы имъ напрасно. Теперь на плечахъ у него семьдесятъ лѣтъ; теперь не могутъ существовать для него ни поединки, ни пиры, ни набѣги, ни любовь. И въ груди Нуньо пробудилось такое же бѣшенство и такая же жажда мщенія, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ узналъ, что донья Леонора обманула его. Кому же мстить теперь? Книгамъ, которыя разрушили прежнюю вѣру и не дали ничего. Людямъ, которые учатся по этимъ книгамъ. И старый Нуньо, потерявшій вѣру въ свидѣтелей, сталъ писать книги не въ защиту ихъ, а въ обличеніе тѣхъ, которые сомнѣваются. Падре Маріана правъ въ своей исторіи: книги эти написаны грубо, неуклюже и свидѣтельствуютъ о большомъ невѣжествѣ автора; но въ нихъ есть сила и большая ненависть. Такъ появились у насъ книги, явившіяся впослѣдствіи библіей инквизиторовъ. И, когда запылали въ Италіи первые костры, на которые покуда еще возводили не людей, а книги, Нуньо сталъ инквизиторомъ Майорки.

— Послушайте, compañero,—сказалъ я наконецъ.—Вся ваша версія, быть можетъ, интересна, но вѣдь это, какъ бы вамъ сказать... *беллетристика.*

— Во всякомъ случаѣ, это болѣе правдоподобная беллетристика, чѣмъ оффиціальная версія,—отвѣтилъ нѣсколько задѣтый товарищъ,—я изучалъ документы.

— Ну, давайте спустимся, а то до ночи не дойдемъ до Поленсы...

Діонео.

ВЪ СФЕРѢ ОБЫВАТЕЛЬСКИХЪ ПОНЯТІЙ.

(Письмо изъ Рима).

На второй недѣлѣ европейской войны хладнокровный англичанинъ капитанъ Шэклтонъ закурилъ трубку, взглянулъ на часы и отдалъ команду поднимать якорь. Ничего не забывъ, тщательно и точно выработавъ маршрутъ, разсчитавъ заранѣе всѣ возможныя и преодолимыя случайности, онъ отплылъ въ экспедицію къ южному полюсу.

Вотъ—величайшій стоикъ нашего времени! Что въ томъ, что ко дню его возвращенія,—если онъ вернется,—страницы міровой исторіи будутъ мелко исписаны кровавыми чернилами, что искривятся, или исправятся, или сотрутся границы государствъ? Что въ томъ, если на каждую сотню его поклонниковъ, почитателей и друзей—полусотня будетъ въ братской могилѣ, въ домѣ инвалидовъ и умалишенныхъ? Что въ томъ, если исчезнетъ пара маленькихъ государствъ, обѣднѣетъ пара великихъ державъ, станутъ вакантными и будутъ сданы въ музей пара-другая престоловъ? Вѣдь міръ останется на мѣстѣ, и на мѣстѣ останется Англія! Какъ-нибудь на разсвѣтѣ въ портъ войдетъ корабль, и капитанъ Шэклтонъ, докуривъ трубку, отдастъ приказъ бросить якорь. Или же на далекомъ,—далекомъ полярномъ югѣ высокая мачта съ англійскимъ флагомъ отмѣтитъ пунктъ, гдѣ нужно искать трупы капитана Шэклтона, его товарищей и его собакъ. Тамъ же найдутъ ленты кинематографа и путевые дневники, въ которыхъ наблюденія и впечатлѣнія капитана-стоика будутъ доведены до самаго послѣдняго дня, до словъ: «Мы съѣли послѣдніе сухари».

Съ заоблачныхъ высотъ шэклтоновскаго стоицизма мы спускаемся на площадь обывательской жизни, плохо подметенную, за скудостью свободныхъ отъ ружья мужскихъ рукъ. Здѣсь многожды въ день баба-газетчица принимаетъ отъ подростка-велосипедиста кипу свѣжихъ газетъ со свѣжими новостями. Привычное ухо наше слышитъ выклики о ста тысячахъ убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ, о кило-

метрахъ, срытыхъ стальнымъ дождемъ, о метрахъ траншей, отнятыхъ грудь въ грудь, борьбой наземной, подземной, воздушной, штыками, пулеметами, мортирами, ручными бомбами, горячей жидкостью, удушливыми и слезогонными газами. Это—наша привычная, злободневная хроника для чтенія за вторымъ блюдомъ. Убиты милліоны Ивановъ, Гансовъ, Жановъ, Джованни,—эй, человѣкъ, подай рубленную котлету! Милліоны семей рыдаютъ и носятъ черное,—а что сегодня въ театрѣ? Безумные, пресыщенные кровью, мы уже глухи и слѣпы, мы имѣемъ право со снисходительной усмѣшкой, хотя и снизу-вверхъ, смотрѣть на заоблачный стоицизмъ капитана. Онъ—стоикъ? Нѣтъ, мы—стоики! Мы, обыватели неподметенной площади. Когда мессинскимъ землетрясеніемъ убило восемьдесятъ тысячъ жителей города, санитары, работавшіе при раскопкахъ, чувствовали отвращеніе къ мясу и могли лишь сосать апельсины. Мы, стоики обывательской площади, читая военные бюллетени, ѣдимъ ростбифъ съ кровью и отираемъ салфеткой жиръ на усахъ...

Помню—и вы помните,—дни, когда праздникъ еще рѣзко отличался отъ будней, когда маленькое общественное событіе возбуждало общій интересъ, вызывало споры, затрагивало партійныя страсти, волновало прессу. Мнѣ довелось почти десятокъ лѣтъ имѣть главной резиденціей маленькую, красивую, свободную страну, за свой быстрый и неуклонный темпъ окрѣпленія и развитія сопричисленную къ лику великихъ державъ. Для туристовъ—страну неувядающей красоты и нестарѣющей поэзіи, для наблюдателей—страну трудолюбивыхъ общественныхъ муравьевъ, хлопотливыхъ созидателей своего дома, который зовется Италіей. Имя Англіи всегда произносилось съ почтеніемъ, имя Франціи—съ симпатіей, имя Россіи—съ недоумѣніемъ, и только имя Италіи съ мягкой улыбкой и любовью. Многіе любили Италію за Венецію, Уффици, Колизей и Везувій; многіе за то, что въ ней нѣтъ подавленныхъ національностей, нѣтъ смертной казни и нѣтъ безотвѣтственныхъ правителей. Лично мнѣ Италія правилась за перевѣсъ въ ней радости надъ горемъ,—въ этомъ отношеніи она была единственная въ своемъ родѣ страна. Все это было... Теперь, какъ вездѣ въ Европѣ, и въ Италіи горе побороло радость, и слезы одолѣли смѣхъ. Но смѣхъ слышался и издали, а слезы скрываются. Поэтому сегодняшняя внѣшность здѣшней нашей обывательской площади не отличается существенно отъ прежней ея внѣшности. Какъ и прежде, копошатся трудолюбивые муравьи, снуютъ взадъ и впередъ по протореннымъ дорожкамъ,—и только опытному глазу видно, чѣмъ сегодня отлично отъ вчера:

эти муравьи не таскаютъ больше палочекъ и сосновыхъ иголокъ для своего двора; творческая жизнь, общественное строительство пріостановились, и, вѣроятно, надолго. Знаю, что то же произошло повсюду; но районъ моего непосредственнаго наблюденія ограниченъ лишь этой страной, давно и близко знакомой.

Пока ножъ гильотины, европейской войны, не упалъ и не отрѣзалъ вчера отъ сегодня, каждый день приносилъ намъ то немногое, изъ чего слагалось культурное процвѣтаніе страны. Акведукъ, новый кооперативный поселокъ, передвижная библіотека, дѣтскій садъ, усовершенствованной методы, популярное изданіе отечественныхъ классиковъ, школьные завтраки на средства города, новый народный университетъ, нормировка цѣнъ продуктовъ въ коммунѣ съ соціалистическимъ муниципальнымъ совѣтомъ, лишній десятокъ школъ въ глухой мѣстности,—вотъ что приносили намъ ежедневно маленькія замѣтки газетъ столичныхъ, всегда занятыхъ общей политикой, и большія, обстоятельныя, неуклюже-возвышенныя статьи газетокъ мѣстныхъ. Это и было нашей радостью и нашей надеждой. Страна отстраивалась, сплачивалась, крѣпчала, и, на-ряду съ ростомъ цифры населенія, несклоннаго къ вырожденію, таялъ процентъ безграмотныхъ, и больше мяса и сахару потреблялъ трудящійся человѣкъ. Гдѣ-нибудь въ маленькомъ городкѣ «жаждущей Апуліи» открытъ артезіанскій колодецъ. Для васъ это пустякъ—да не пустякъ для города! Чистовыбритый синдикъ, въ полукругѣ гладко зачесавшихъ лѣвый високъ на лысину совѣтниковъ, предъ лицомъ женъ, дочерей, пріютскихъ ребятъ, двухъ карабиньеровъ, почтаря и пріѣхавшаго на торжество депутата произноситъ рѣчь о роли, которую этотъ колодецъ сыграетъ въ жизни коммуны, провинціи, страны, Европы, всего міра. И да здравствуетъ Третья Италія! Телеграмму префекту, телеграмму президенту министровъ, телеграмму королю! Цвѣтные фонарики, фейерверкъ, взрывъ ста петардъ въ руслѣ высохшаго ручья и бенгальскій огонь на своей колокольнѣ! Ибо это—дѣйствительная радость, дѣйствительный плюсъ въ жизни Италіи. Еще нѣсколько сотъ колодцевъ—и дѣтская смертность лѣтомъ въ провинціи понизится. Изъ здоровыхъ дѣтей выростутъ здоровые работники, новые строители Италіи, зодчіе ея благополучія и процвѣтанія. Правъ, сто кратъ правъ синдикъ этой выпуклой точки на земной поверхности!

Но вотъ пришла война, и не только остановилось созиданіе, но и интересъ къ нему заглушенъ пушками. Любопытно, напримѣръ, что совсѣмъ недавно, за мѣсяцъ до принятія Италіей участія въ войнѣ, былъ по инерціи законченъ давно начатый грандіозный акведукъ, доставившій воду въ эту самую «жаждущую Апулію» изъ

Caposele. Читая ежедневно и обязательно три-пять итальянскихъ газетъ, я положительно не помню, чтобы въ тотъ бурный предвоенный періодъ кто-нибудь посвятилъ открытію апулійскаго акведука болѣе или менѣе обстоятельную статейку; во всякомъ случаѣ никто о немъ не говорилъ и не думалъ, ни одинъ корреспондентъ не телеграфировалъ и не писалъ за границу. А между тѣмъ апулійскій акведукъ не только грандіознѣйшій въ мірѣ [1]), но и плодъ полувѣка споровъ, полемики и парламентской борьбы, если ужъ не считать, что еще Горацій, воспѣвая siticulosae Apuliae, сожалѣлъ, что хотя хлѣбъ тамъ pulcherrimus, зато вода—vilissima rerum. Первая комиссія по вопросу о снабженіи Апуліи водой была учреждена еще при Бурбонахъ, въ 1847 году. Уже въ 1861 году возникла мысль объ акведукѣ и началась серія проектовъ. Къ началу новаго вѣка этотъ вопросъ объ акведукѣ сдѣлался національной проблемой и, при Цанарделли, обѣщаніе акведука было внесено въ тронную рѣчь. Въ 1902 году палаты приняли законопроектъ, ассигновавъ на постройку акведука 125 милліоновъ лиръ. Начатый въ 1906 году, при общемъ вниманіи и общемъ торжествѣ, онъ законченъ, какъ я уже сказалъ, наканунѣ войны, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, при общемъ невниманіи. Теперь его водопады, хранилища, башни, сифоны, мосты и галлереи питаютъ водой три провинціи, и черезъ пробуравленную въ Аппенинахъ галлерею въ 15 километровъ течетъ вода изъ Садерно въ Бари, т.-е. наискось наперерѣзъ полуострова, почти отъ моря до моря. Какъ видите, потомки древнихъ римлянъ сдѣлали то, что̀ не только не снилось древнимъ римлянамъ, спеціалистамъ по акведукамъ, но не грезилось даже ихъ поэту! Возможно, конечно, что развалины древнихъ акведуковъ красивѣе новыхъ сооруженій (это дѣло вкуса), но все же фактъ полнаго невниманія къ этому замѣчательному событію итальянской жизни, невниманія и внѣ и внутри Италіи—чрезвычайно характеренъ для переживаемаго момента.

Есть нѣчто, что̀ пришло на смѣну созиданію общественныхъ цѣнностей; и въ немъ есть доля творчества, и оно полезно, хотя полезность его временна и преходяща. Говорю объ общественной работѣ для войны и помощи воинамъ и ихъ семьямъ.

Въ Россіи такая низкая оцѣнка гражданской помощи военнымъ

---

[1]) Самый длинный изъ античныхъ римскихъ акведуковъ не превышалъ 93 килом.; новѣйшій американскій (изъ Catskill въ Нью-Іоркъ)—148 килом. Апулійскій—213 кил., съ разсчетомъ водохранилищъ на сѣть въ 2.500 килом.

операціямъ звучала бы несправедливостью. Нашему обществу война дала возможность едва-ли не впервые, во всякомъ случаѣ впервые въ такихъ размѣрахъ, проявить творческое участіе въ обще-государственной жизни; это само по себѣ огромный плюсъ, главнымъ образомъ—политическій. У насъ общественныя силы призваны замѣстить своей неисчерпываемой почти и непочатой энергіей одряхлѣвшія и стершіяся части государственной машины. Значитъ, у насъ творческій элементъ преобладаетъ въ дѣятельности общества именно сейчасъ, когда отечество въ опасности. Именно сейчасъ открылось широкое поле для дѣятельности кооперативовъ, для популяризаціи знаній путемъ устройства народныхъ библіотекъ, снабженія деревни газетами, до которыхъ она такъ жадна сейчасъ. Даже тамъ, въ траншеяхъ, прапорщикъ запаса не перестаетъ быть культурной общественной единицей, впервые входя въ близкое единеніе съ народомъ.

Но Россія въ особыхъ условіяхъ, совсѣмъ отличныхъ отъ Италіи. Маленькая страна, изобилующая маркизами и графами, имѣетъ съ давнихъ поръ мало себѣ соперницъ по свободѣ демократическаго строя. Въ ней нѣтъ, какъ въ Россіи, сплоченной внѣклассовой группы оппозиціонной интеллигенціи, но нѣтъ и никакихъ препонъ для развитія творчества силъ общественныхъ. Въ то время, какъ мы еще лишь прокладываемъ черезъ искусственныя преграды пути для побѣднаго марша культуры,—Италія, успѣвшая полвѣка назадъ сбить съ ногъ чужеземныя цѣпи,—а лѣтъ пятнадцать назадъ—и ручныя путы домашней выдѣлки, уже мирно шла путемъ спокойнаго культурнаго развитія, какъ страна, въ которой порядочный человѣкъ не обязанъ непремѣнно быть въ оппозиціи къ правительству у власти, а можетъ идти и рядомъ съ нимъ. Для итальянской общественности характерна была не обширная общегосударственная, а мелкая—мѣстная творческая работа, не постройка башенъ, а отдѣлка комнатъ жилого дома. Эту работу война не могла не затормозить, такъ какъ отвлекла отъ нея силы, средства и вниманіе на событія внѣшнія, большаго масштаба.

Пока итальянская война остается въ предѣлахъ національныхъ, т.-е. ведется за тѣ «реальные интересы», о которыхъ такъ много говорили въ періодъ нейтралитета, правительство итальянское не только должно, но и способно своими мѣрами поддерживать борющуюся армію, не взывая къ исключительной помощи общества. Къ національной войнѣ есть интересъ всеобщій, но не захватывающій. Италія воюетъ только съ Австріей, и только за ирредентныя земли; объявленная ею война Турціи остается пока номинальной, а о столкновеніи съ Германіей, война съ которой даже оффи-

ціально не объявлена, правительство думаетъ лишь какъ о возможномъ несчастіи. Ко времени появленія этихъ строкъ въ печати могутъ произойти весьма важныя внѣшне-политическія событія; но едва-ли я ошибусь, предполагая, что война между Италіей и Германіей есть лишь послѣдняя изъ возможностей въ хроникѣ истекающаго года. Слишкомъ многое утверждаетъ насъ въ этомъ мнѣніи, въ частности фактъ отсутствія подписи Италіи въ лондонскомъ договорѣ о незаключеніи союзниками сепаратнаго мира, какъ и фактъ продолжающейся интенсивной германофильской пропаганды въ странѣ, сейчасъ безуспѣшной, но въ будущемъ могущей принести свой плодъ. Во всякомъ случаѣ, лишь сознаніе безысходности изолированнаго положенія Италіи въ міровомъ конфликтѣ, лишь полная втянутость ея въ европейскій пожаръ придадутъ ея участію тотъ трагическій колоритъ, который характеренъ для участія всѣхъ прочихъ союзниковъ, борющихся не за національныя выгоды, а за самое существованіе націй, какъ свободныхъ и державныхъ единицъ. При существующихъ же условіяхъ итальянское общество лишь постольку является участникомъ міровыхъ событій, поскольку въ немъ звучатъ струны родственныя, семейныя, филантропическія. Этого, впрочемъ, достаточно, чтобы общество уже дѣлало попытки мобилизоваться филантропически, съ опредѣленными, пока узкими цѣлями помощи раненымъ, доставки солдатамъ теплыхъ шарфовъ и чулокъ, посылки имъ гостинцевъ на фронтъ, призрѣнія ихъ семей и ихъ сиротъ. Въ своихъ письмахъ въ «Русскія Вѣдомости» я разсказывалъ объ образчикахъ такихъ организацій, особо отмѣтивъ, напримѣръ, объединеніе съ просвѣтительно-филантропическими цѣлями всѣхъ итальянскихъ педагоговъ, отъ университетскихъ профессоровъ до народныхъ учителей; указывалъ и на «народные секретаріаты» т.-е. консультаціи, съ преобладаніемъ юристовъ, устроенныя въ Римѣ для оказанія помощи совѣтомъ семьямъ запасныхъ. Все это интересно, полезно, но все это является формой содѣйствія власти оффиціальной, а не формой замѣщенія ея въ важнѣйшихъ ея функціяхъ. Въ Италіи послѣдствія войны еще не достигли тѣхъ предѣловъ, когда центральная власть оказывается неспособной безъ выступленія на сцену общества, какъ власти новой, выдерживать курсъ внѣшней политики, ею опредѣленный съ одобренія этого общества.

Но возможенъ ли при такихъ условіяхъ общественный энтузіазмъ? Можетъ ли война быть дѣйствительно популярной?

Я смѣло ставлю весьма щекотливый вопросъ о популярности войны въ Италіи и о наличности энтузіазма въ войскѣ. Говорю *смѣло*, потому что я вѣдь пишу о нашей союзницѣ, а о союзникахъ принято говорить aut bene aut nihil.

Къ счастью, въ популярности итальянской войны сомнѣваться не приходится. Опять же мы должны принять въ соображеніе, что имѣемъ дѣло со страной развитого демократизма; если бы война не была популярна,—ея и не было бы. Позволю себѣ сказать, что ни одинъ народъ не хочетъ войны; но разъ она неизбѣжна или разъ она случилась,—онъ не можетъ не желать ея окончанія побѣдой. «Пораженческая» психологія—продуктъ несвободныхъ странъ, цѣлому народу свойственна быть не можетъ. Въ Россіи и внѣ ея могутъ найтись печальныя группочки «гражданъ», думающихъ, что только побитый народъ можетъ стать народомъ свободнымъ; что только тогда зависимый человѣкъ освободится, когда чужой баринъ побьетъ его барина. Странная психологія!.. Тамъ, гдѣ народъ болѣе или менѣе самостоятеленъ, онъ не дойдетъ до пораженческихъ мечтаній. Война страшитъ, война разоряетъ, война мучитъ,—но ее начали, и ее нужно завершить безъ позора и безъ пораженій. Возможно, что Италія могла бы затянуть еще свой нейтралитетъ, подождавъ съ выступленіемъ до момента болѣе благопріятнаго. Но теперь, разъ выступивъ, она уже сожгла за собой корабли и не можетъ тратить время на раскаяніе; теперь *отечество въ опасности*, не въ непосредственной (на территоріи Италіи враговъ нѣтъ), но въ отношеніи будущихъ всеевропейскихъ разсчетовъ. А разъ отечество въ опасности,—какъ можетъ не быть популярной та война, отъ которой зависитъ судьба отечества? Какъ же можетъ итальянецъ не любить своей Италіи, не дрожать за ея судьбу, рѣшающуюся сейчасъ на 3.000 метровыхъ высотахъ Альпъ? Праздны всѣ эти подслушиванія и пересказы бесѣдъ въ кафе двухъ трусливыхъ чиновниковъ-джолиттіанцевъ и разореннаго войной хозяина отеля; и Италія, какъ и другія страны, ведетъ войну народную и популярную не одними «реальными интересами», во имя которыхъ она объявлена, а и ея общей высокой цѣлью, которую сѣрый и рядовой человѣкъ, хоть и по-своему, понимаетъ не хуже насъ съ вами. Нѣтъ энтузіазма пламеннаго,—это возможно, и я уже сказалъ, почему: война еще не вошла въ тотъ періодъ, когда она дѣлается вопросомъ жизни и смерти не только для солдата въ траншеѣ, но и для гражданина въ теплой постели. Ибо лишь тогда патріотизмъ филантропическій обратится въ патріотизмъ общественной и народной самообороны.

. . . . . .

Пораженческой психологіи въ Италіи нѣтъ, и война, которую она ведетъ, популярна. Но популярность эта не выходитъ пока за предѣлы чистаго обывательскаго сочувствія. Ирредентистскія настроенія, т.-е. жажда возврата подъ савойское знамя итальянскихъ провинцій Австріи, обывателю, конечно, довольно чужды. Чужды ему и названія разныхъ Monte Coston, Malga Secondo Posto, Valle di Terragnolo, гдѣ за занятіе господствующей высоты кладутся жизни итальянскихъ юношей. Поэтому обывательскій тылъ нужно время отъ времени взвинчивать и подбадривать красивыми легендами и фигурными рѣчами. Такая роль всецѣло лежитъ на прессѣ.

Сейчасъ въ статьѣ Бардзини, лучшаго изъ итальянскихъ военныхъ корреспондентовъ, читаю: «Изъ всѣхъ европейскихъ фронтовъ нашъ, безъ сравненія,—самый жестокій; въ признаніи этого сходятся всѣ иностранные военные корреспонденты и всѣ военные атташе... Когда въ началѣ сентября русская контръатака захватила 60 тысячъ плѣнныхъ австрійцевъ и моментально остановила движеніе врага впередъ, русскій военный министръ пожалъ руку итальянскому военному атташе и сказалъ ему: «Спасибо, спасибо! Это и вашъ успѣхъ!» И дѣйствительно, это было и нашимъ успѣхомъ... Италія отвоевала и заняла несокрушимую моральную позицію»... Бойкій литераторъ Годфредо Беллончи, наканунѣ взятія нѣмцами Варшавы, писалъ въ Giornale d'Italia, что воистину побѣдоносными войсками оказываются, на провѣрку, только германское и итальянское, такъ какъ нѣмцы взяли Варшаву, а итальянцы на-дняхъ возьмутъ Горицу; такимъ образомъ, успѣхи обѣихъ сторонъ уравновѣшиваются. Для свѣдѣнія любопытныхъ я долженъ пояснить, что Горица—небольшой городъ на пути къ рѣкѣ Изонцо, недалеко отъ границы, пока остающійся въ рукахъ австрійцевъ. Сравнивать его съ Варшавой нѣсколько смѣло, но, по масштабамъ войнъ, нашей и итальянской, сравненіе, пожалуй, и возможно. Подбадривать же обывательскій тылъ безусловно необходимо.

Обывателю, читающему въ оффиціальныхъ бюллетеняхъ лишь «описаніе природы», требуется хоть что-нибудь, что̀ бы щекотало его нервы и при чтеніи собственной хроники. Нужны, напримѣръ, геройскіе подвиги. Что война родитъ героевъ, врядъ ли можно сомнѣваться; но у каждаго народа герой имѣетъ свою національную окраску. Нашъ герой—казакъ, берущій въ плѣнъ одной рукой десятокъ непріятельскихъ офицеровъ, а другой—табунъ лошадей; итальянскій герой—старикъ-гарибальдіецъ, раскрывающій грудь на встрѣчу непріятельскимъ снарядамъ. Вотъ образчикъ описанія:

— Мнѣ нужны пятьдесятъ молодцовъ, которые готовы идти на смерть, для отчаяннаго дѣла,—сказалъ генералъ.

Дрожь героизма пробѣжала по солдатскимъ рядамъ, и уже многіе сдѣлали шагъ впередъ, когда изъ передовой траншеи, гдѣ они были, бросились впередъ ирредентисты, нетерпѣливо прокладывая себѣ путь черезъ гущу товарищей:

— Мы идемъ!

Многимъ пришлось устраниться; были избраны пятьдесятъ; среди нихъ отстоялъ свое право и свою честь участія романьолецъ, почти восьмидесятилѣтній участникъ гарибальдійскихъ походовъ.

Они двинулись. Имъ пришлось прорвать непріятельскія проволочныя загражденія, минировать цементныя сооруженія, которыхъ не могла взять пушка, и проложить дорогу товарищамъ. Они удалились, молчаливые и серьезные. Моментомъ позже, среди грохота взрывовъ и треска пулеметовъ послышался крикъ «Савойа!». И видно было стараго гарибальдійца на высотѣ взятой траншеи, который повернулся къ сопровождавшимъ его солдатамъ, распахнулъ свою солдатскую куртку, показалъ имъ красную рубашку, воскликнулъ—и палъ подъ непріятельскимъ огнемъ. И эта искра разожгла пламя героизма. Впередъ!

Не былъ напраснымъ ихъ героическій подвигъ: жертвѣ ирредентистовъ мы обязаны были успѣхомъ. Изъ нихъ лишь трое уцѣлѣли; и одинъ изъ нихъ, гориціецъ, палъ у воротъ своего родного города въ тотъ моментъ, когда готовъ былъ осуществиться его давній сонъ—увидать свой родной городъ возвращеннымъ Италіи»...

Обывательскій тылъ требуетъ, чтобы война была красива, полна жестовъ, полна темъ для будущихъ поэтическихъ сказаній.

. . . . . .

Современныхъ итальянскихъ поэтовъ скучновато читать въ мирное время; они столь же возвышенны, сколь неглубоки. Но въ военную эпоху ихъ тонъ болѣе отвѣчаетъ повышеннымъ чувствамъ обывательскаго тыла. Къ счастью, въ странѣ, гдѣ стихи пишетъ (и недурно) рѣшительно каждый студентъ,—далеко не каждый журналъ ихъ печатаетъ. Такимъ образомъ, поэтическая мобилизація, развлекая обывательскій тылъ, не вноситъ въ его жизнь ни особой скуки, ни пошлости. Поэтъ остается гражданиномъ.

Но есть и еще родъ литературы, сильно сейчасъ развившійся, по крайней мѣрѣ за-границей; это—письма въ редакцію. Это уже—настоящая тыло-обывательская литература. Написать статью—дѣло не легкое; напечатать ее—еще труднѣе. Но совсѣмъ не трудно написать письмо въ редакцію на патріотическую тему—и редакція непремѣнно напечатаетъ. Обывательскія письма въ редакцію распадаются на два главныхъ вида: письма-проекты и письма-доносы. Въ письмахъ-проектахъ нерѣдко открывается Америка. Сидитъ, на-

примѣръ, обыватель въ кафэ, и приходитъ ему внезапно въ голову блестящая идея: поправить финансы государства простѣйшимъ и легчайшимъ налогомъ. «Я, разсуждаетъ онъ, трачу ежедневно въ кафэ 25 чентезимовъ плюсъ пять чентезимовъ чаевыхъ, итого тридцать. Это мнѣ не трудно. Предположимъ, что не всѣмъ это доступно. Но дать единовременно сольдо-два можетъ, конечно, каждый, даже нищій. Essendo dato, что всѣ итальянцы, за исключеніемъ Джолитти, Турати и женатыхъ на нѣмкахъ профессоровъ—искренніе патріоты, нужно подать идею, чтобы каждый далъ единовременно 10 чентезимовъ государству, что, при 42 милліонахъ населенія, составитъ больше четырехъ милліоновъ лиръ. Всего два сольдо съ каждаго—и вдругъ—4 милліона, умопомрачительная сумма! Ясно, что правительство, занятое высокой политикой, не додумалось до такого простого способа пополнить казну безъ всякаго труда!» И вотъ гражданинъ, открывшій нечаянно Америку, считаетъ своимъ патріотическимъ долгомъ написать письмо въ редакцію, редакція же это письмо печатаетъ, не для того, чтобы дать ходъ идеѣ, не отличающейся ни особой новизной, ни особой практичностью, а просто, чтобы подчеркнуть патріотизмъ итальянскаго гражданина.

Другому гражданину, капитану въ отставкѣ, не только не нравится, но прямо обидно видѣть, что жены офицеровъ позволяютъ себѣ нашивать на модныя платья капитанскія звѣздочки. Это ужъ слишкомъ, тѣмъ болѣе, что ихъ мужья навѣрное—поручики. И эти еще—порядочныя женщины; а вотъ въ послѣднее время развелась мода среди безработныхъ уличныхъ дѣвицъ украшать шляпы бронзо-зелеными перьями берсальеровъ. Это уже возмутительно! Тема для письма въ редакцію чудесная, богатѣйшая, и капитанъ въ отставкѣ все утро скрипитъ перомъ, готовя воззваніе къ гражданамъ и прессѣ прекратить это злоупотребленіе чинами и берсальерскими шапками. Онъ имѣетъ успѣхъ—въ газетахъ начинается полемика на тему о звѣздочкахъ и перьяхъ. Кто-то попутно замѣчаетъ, что королевскіе карабиньеры до сихъ поръ носятъ звѣздочки шестиконечныя, австрійскія, тогда какъ итальянская символистическая звѣздочка должна имѣть всего пять концовъ. Полемика обывательскаго тыла разгорается, дамы на улицахъ спѣшатъ снять звѣздочки, безработныя дѣвицы устраиваютъ скандалы патріотамъ, пытающимся срывать съ нихъ перья.

Письма-доносы особенно обильнымъ дождемъ сыпались въ первые дни войны, когда пресса объявила, что простѣйшій способъ выполнить долгъ патріота и гражданина состоитъ въ томъ, чтобы ловить на улицѣ нѣмцевъ и тащить ихъ въ квестуру, или, еще проще, доносить на всякое подозрительное лицо, на прочихъ лицъ

непохожее. Добровольцевъ нашлось множество среди гражданъ почтенныхъ, какъ и среди студентовъ, гимназистовъ, лавочниковъ, отельной прислуги, уличныхъ мальчиковъ. Подъ нѣмецкимъ шпіономъ (если кто не знаетъ) разумѣется личность бѣлокурая, высокая, предпочтительно съ бородой, въ очкахъ, всегда въ мягкой шляпѣ, случается—съ сигарой во рту. Нѣмецкіе шпіоны говорятъ, естественно, на нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ подъ нѣмецкимъ языкомъ разумѣется всякій языкъ, на итальянскій не похожій. Для болѣе легкаго отличія отъ прочихъ смертныхъ, они наряжаются иногда въ спортсменскій костюмъ, носятъ съ собой кодакъ и снимаютъ «крѣпости», въ родѣ Замка св. Ангела, Колизея, кафе Араньо и королевскаго дворца. Водятся вездѣ: въ городахъ, по дорогамъ, особенно на морскихъ пляжахъ, гдѣ они фотографируютъ прибой и линію горизонта и собираютъ камушки и ракушки. Ими же поставлены близъ узловыхъ станцій плакаты съ рекламой американской фирмы консервированныхъ огурчиковъ и прочихъ пикулей. По ночамъ шпіоны сидятъ дома и то тушатъ, то вновь зажигаютъ электрическія лампочки, давая сигналы имѣющимъ рано или поздно прилетѣть аэропланамъ. Этихъ spie tedesche и ловятъ воинственные обыватели; если же сами поймать не могутъ и не рѣшаются—указываютъ ихъ постовымъ полицейскимъ. Чтобы поощрить полезную дѣятельность гражданъ, пресса одно время завела ежедневную рубрику письменныхъ доносовъ, въ которой и участвовалъ всякій, желающій видѣть свое имя напечатаннымъ въ газетѣ. Доносили на содержателей магазиновъ, директоровъ банковъ, гувернантокъ, журналистовъ, учителей, «профессорскихъ женъ», коммивояжеровъ и лицъ прочихъ профессій нѣмецкаго происхожденія или германофильскихъ взглядовъ. Не важно было доказать, что такое-то лицо—шпіонъ, или хотя бы австрійскій или германскій подданный; важно было доказать, что авторъ доноса—добрый итальянскій патріотъ. Особенно же охотно доносили на конкуррентовъ по профессіи или по торговлѣ. Понемногу эта патріотическая рубрика надоѣла и публикѣ и газетамъ, и письменные доносы прекратились. Это, конечно, не значитъ, что особоусердные патріоты и до сей поры не ловятъ на улицѣ бѣдныхъ англичанъ, швейцарцевъ и русскихъ, не говорящихъ между собою на языкѣ Данте...

Кромѣ этихъ главныхъ родовъ писемъ въ редакцію, процвѣтаютъ и другіе виды саморекламы. Всякій сенаторъ и депутатъ, не призванный подъ ружье, счелъ долгомъ письменно предложить правительству быть ему полезнымъ на какомъ-нибудь поприщѣ—и письмо свое опубликовать въ газетѣ. Всякій, рѣшившійся пожертвовать 5 лиръ—считаетъ себя въ правѣ на помѣщеніе въ газетѣ

не только своего званія и фамиліи, но и своего патріотическаго девиза. И ужъ разумѣется всякій, имѣвшій австрійскій орденъ, поспѣшилъ огорчить Австрію возвратомъ этого ордена, опубликовавъ объ этомъ въ газетахъ; не будь такого случая—публика и не узнала бы, что NN имѣетъ ордена. Маленькая слабость, свойственная, какъ извѣстно, и русскому человѣку.

Приведу еще характерное письмецо, написанное, вѣроятно, такъ: мамаша или папаша зажали въ кулачекъ дитяти перышко и водили этимъ перышкомъ по бумагѣ. И получилось письмо дитяти... къ предсѣдателю совѣта министровъ, весьма умилившее обывательскій тылъ:

«Папа часто разсказываетъ мнѣ о нашей войнѣ за освобожденіе братьевъ Тренто и Тріеста.

«Я думаю о столь многихъ моихъ братцахъ, оставленныхъ для нищеты и голода, такъ какъ ихъ папы сражаются тамъ противъ вѣкового врага. И затѣмъ кто знаетъ, сколько изъ нихъ не вернутся болѣе, или вернутся ранеными и не смогутъ болѣе работать и кормить свои семьи.

«Мама,—сказалъ я вчера,—позволь мнѣ прежде, чѣмъ наступитъ мое рожденье, разбить dindarolo (копилку), чтобы придти на помощь всѣмъ этимъ несчастнымъ, страдающимъ для отечества? Да дитя мое,—отвѣтила мнѣ мама; сдѣлай это, и тебя благословитъ Богъ и несчастные бѣдняжки.

«Ей не пришлось повторить мнѣ два раза. Я побѣжалъ къ шкапу, взялъ копилку, бросилъ ее на полъ, и затѣмъ началъ собирать и считать, сколько въ ней было денегъ. Оказалось 10 лиръ и 65 чентезимовъ, которые я и посылаю вашему превосходительству съ просьбой направить, куда слѣдуетъ.

«Если бы всѣ дѣти, которыя живутъ, какъ я, или еще лучше, сдѣлали бы то же самое и еще большее—сколько страдающихъ бѣдняковъ получили бы помощь, и какимъ обильнымъ дождемъ полилось бы на головы ихъ благословеніе неба! Бѣдныя дѣтки, бѣдныя дѣтки!

«Теперь, давъ свое малое и выполнивъ мой долгъ маленькаго солдата, благодарю васъ и почтительно привѣтствую». Артуро Луццана, 8 лѣтъ.

Какое прелестное дитя! И какой слогъ,—могъ бы уже помогать отцу въ канцеляріи!

Что было дѣлать Саландрѣ?.. Отвѣтилъ:

«Дорогое дитя! Поздравляю тебя съ благороднѣйшимъ актомъ отказа отъ твоихъ сбереженій въ пользу семействъ умершихъ и раненыхъ на войнѣ. Ты выказалъ этимъ патріотическія чувства,

которыя дѣлаютъ тебѣ честь. Сердечно привѣтствую тебя. Преданный Саландра».

Эта переписка обошла всѣ газеты...

Къ рубрикѣ образцовъ психологіи обывательскаго тыла приходится отнести и удивительные клерикальные пируэты между Сциллой и Харибдой. Извѣстно, что въ періодъ нейтралитета вся клерикальная печать, съ ватиканскимъ органомъ Osservatore Romano во главѣ, поддерживала идею невмѣшательства, какъ въ данный моментъ она поддерживаетъ идею «національныхъ рамокъ войны» (увы, не она одна!). Но выступить противъ войны, когда она уже начата, клерикальная печать все же не смѣла. Ватиканъ, конечно, не далъ своего оффиціальнаго благословенія на завоеваніе ирредентныхъ провинцій, но многіе епископы, а заними и мѣстное духовенство проявили явный патріотизмъ, почти неожиданный, съ полнымъ чувствомъ удовлетворенія отмѣченный всей національной прессой. Вслѣдъ затѣмъ появились и брошюры, въ которыхъ доказывается, что война, строго говоря, не противорѣчитъ христіанскимъ идеямъ, а иногда даже и вытекаетъ изъ нихъ. Быть можетъ, пастырямъ было бы проще указать на «несовершенство человѣческой природы и человѣческаго общежитія», не стараясь примирять непримиримое. Но они не только сдѣлали попытку выступить въ защиту войны, какъ христіанской задачи, а издали особое «описаніе жизни Христа» для солдатскаго чтенія, предисловіе къ которому довольно любопытно и прямо переноситъ насъ въ самую гущу обывательскихъ понятій.

Въ этихъ разсужденіяхъ новаго, разумѣется, мало. Если я о нихъ упоминаю, то лишь потому, что это единственная въ Италіи попытка разъяснить солдату мораль войны. Если вы сравните ее съ кодексомъ практической «военной морали», преподносимымъ солдату германскому (этотъ умопомрачительный кодексъ не разъ цитировался въ прессѣ), то вамъ придется долго пораздумать надъ вопросомъ-что лучше: откровенный ли цинизмъ или слащавое лицемѣріе? Или, можетъ быть... оба хуже предъ лицомъ единственнаго моральнаго критерія—критерія нашей собственной совѣсти.

«Можетъ показаться страннымъ, почему въ тотъ моментъ, когда надежды и сердца всѣхъ должны быть обращены къ арміямъ, когда залогъ успѣха долженъ лежать въ экономическомъ положеніи страны,—наблюдатель заграничной жизни занимается психологіей обывательскаго тыла, настроеніемъ завсегдатаевъ кафе, авторовъ писемъ въ редакцію, патріотическихъ священниковъ, вообще—интересами

неподметенной обывательской площади. Вотъ почему. Обыватель, это—тотъ резервъ, изъ котораго черпаются силы арміи и выкачиваются матеріальныя средства для дальнѣйшей борьбы. Психологія его стадна, но онъ самъ свой собственный вожакъ. Глядя въ будущее, мы не должны возлагать всѣ свои упованія исключительно на степень организованности общества и однородныхъ сознательныхъ массъ: наибольшей численно величиной останется все же обыватель. Я вспоминаю баррикады въ одномъ большомъ городѣ въ одно смутное время. Зачали ихъ постройку революціонеры, но ихъ было очень мало, и имъ врядъ ли удалось бы запрудить десятокъ большихъ улицъ. Но вотъ, по всякимъ, понятнымъ и непонятнымъ причинамъ, примкнулъ къ нимъ обыватель, и въ одинъ день сѣть баррикадъ окутала всѣ главныя артеріи города даже въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ не было и въ поминѣ рабочихъ и ихъ вожаковъ. Практическая цѣнность такого участія спорна, но значенія его отрицать никакъ нельзя. Въ такой же странѣ, какъ Италія, гдѣ большой городъ есть копія маленькаго поселка, роль обывателя еще выше, и знакомство съ его психологіей весьма важно. Мнѣ, напримѣръ, представляется, что выступленіе Италіи въ союзѣ съ нами обусловлено было сочувствіемъ обывателя, т.-е. мелкой городской буржуазіи, въ то время, какъ въ политическихъ сферахъ были сильныя колебанія, а организованная масса рабочихъ не знала, за кѣмъ идти: за сторонниками ли нейтралитета или за проповѣдниками войны. Когда Саландра вышелъ въ отставку—явилась опасность именно обывательской революціи, можетъ быть, и не столь опасной, но очень шумной, могущей въ любой моментъ завлечь и колеблющуюся организованную рабочую массу. И сейчасъ, въ періодъ скромныхъ національныхъ удачъ, лишь обывательская среда поддерживаетъ ровный пламень патріотическаго горѣнія, что весьма важно въ странѣ людей перемѣннаго темперамента. Если выше мы приводили, главнымъ образомъ, отрицательные или юмористическіе примѣры обывательской психологіи, то не нужно забывать, что каждая медаль имѣетъ и оборотную сторону: что шпіоновъ дѣйствительно вылавливать надо, что эффектные пятифранковые, филантропическіе жесты все же въ итогѣ даютъ крупныя суммы добровольныхъ пожертвованій, что внѣшне-смѣшное патріотическое исповѣданіе можетъ быть внутренне-искреннимъ. Рамки національной войны узки и пока держатъ обывателя на положеніи зрителя, лишь играющаго роль участника; но раздвинутся рамки—и широкая общественная организація вырастетъ сама собой на той самой обывательской площади, на которой пока красовалась лишь вывѣска филантропическаго патріотизма. Уже и сейчасъ обыватель, начавшій ощущать тягость войны на

опытѣ своего собственнаго бюджета, мало-по-малу приступаетъ къ упорядоченію своей тыловой жизни собственными мѣрами. Когда понадобится—онъ рѣшительно сумѣетъ организовать этотъ тылъ уже не ради своихъ личныхъ интересовъ, а для обслуживанія арміи и широкой помощи дѣйствительнымъ жертвамъ войны. И тогда «обыватель» станетъ «обществомъ», а «общества» сольются въ единое понятіе «итальянскій народъ».

Я уже не говорю о томъ, что обывательская среда — превосходный барометръ подсознательнаго и полусознательнаго настроенія народа. Когда Исидора Дунканъ, протанцовавшая на улицахъ Аѳинъ съ карточкой Венизелоса, потерпѣла фіаско въ смыслѣ пріема у обывателя,—можно было съ достовѣрностью сказать, что интервентистское настроеніе греческаго народа весьма преувеличено, и что никакихъ внутреннихъ безпорядковъ отставка Венизелоса не вызоветъ. Иное дѣло было въ Италіи, когда римскій обыватель, узнавъ объ отставкѣ Саландры, началъ, несмотря на весь свой искренній монархизмъ, нелюбезно вслухъ отзываться о положеніи вещей въ странѣ. И вообще дипломатамъ и политикамъ не мѣшало бы иногда, въ минуты, свободныя отъ обмѣна телеграммами, прогуливаться по главнымъ артеріямъ рабочихъ кварталовъ столицъ и пробѣгать въ газетахъ легкія замѣтки мѣстной хроники. Съ той поры, какъ нормы международнаго права отмѣнены военной практикой, и военныя дѣйствія направляются не только въ сторону враждебныхъ отрядовъ, но и по адресу мирнаго населенія незащищенныхъ или оккупированныхъ городовъ,—значеніе обывательской среды сильно повысилось. Это уже не «толпа кумушекъ обоего пола», а величина, съ мнѣніемъ которой приходится считаться и которую слѣдуетъ поэтому изучать.

Поскольку рѣчь идетъ объ Италіи, ея обывательскій тылъ настроенъ патріотически, умѣренно выжидательно, не склоненъ къ алярмамъ и напраснымъ ликованіямъ, готовъ на нѣкоторыя жертвы, отвѣчающія потребностямъ войны національной, и пока мало склоненъ къ самопожертвованію, во имя болѣе широкихъ горизонтовъ. Даже въ такихъ городахъ, какъ Венеція, Анкона, Бари, т.-е. посѣщаемыхъ непріятельскими аэропланами, нѣтъ ни паники, ни озлобленія. Для страны бездѣйствующаго парламента и молчаливаго правительства это—показатель хорошій. И внутреннія козни—если онѣ существуютъ—могутъ разбиться именно объ это спокойствіе, скорѣе, чѣмъ о патріотическую аггрессивность націоналистовъ. Подробнѣе же объ этихъ «внутреннихъ козняхъ» говорить пока еще не время.

Римъ. М. А. Осоргинъ.

СОЦІАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВОЕННАГО ВРЕМЕНИ ВЪ ГЕРМАНІИ.

I.

Изъ всѣхъ мѣръ въ области соціальнаго законодательства, проведенныхъ въ Германіи за время войны, наибольшее значеніе имѣютъ система государственно-коммунальныхъ пособій безработнымъ и реформа учрежденій по указанію труда. Оба эти пункта заслуживаютъ вниманія въ первую голову со стороны русскаго читателя, особенно по важности этихъ вопросовъ и для самой Россіи. Страхованіе отъ безработицы является вѣдь лишь однимъ изъ звеньевъ общей системы государственнаго страхованія рабочихъ, начало которому положено въ Россіи введеніемъ «больничныхъ кассъ», охватывающихъ уже свыше 3 милліоновъ фабрично-заводскихъ и горныхъ рабочихъ. Недавно еще общественное мнѣніе «вспомнило» о нихъ по поводу толковъ о рабочемъ представительствѣ въ мобилизующейся промышленности. Узко поставленное и незавершенное дѣло страхованія у насъ предстоитъ еще исправить и додѣлать, и при осуществленіи страхованія отъ безработицы весьма пригодится германскій опытъ, какъ пригодился онъ при обсужденіи въ свое время вопроса о страхованіи отъ болѣзней. Особенно непосредственно по окончаніи войны окажется, вѣроятно, много безработныхъ. Люди вернутся изъ арміи и найдутъ свои мѣста занятыми другими, частью женщинами, частью навсегда переселившимися въ Россію бѣженцами изъ западныхъ окраинъ, частью новыми выходцами изъ деревни — которыхъ война переводитъ повидимому въ города не въ маломъ количествѣ. Пройдетъ много времени, пока разсосется хозяйственной жизнью вся имѣющая сразу прихлынуть изъ арміи по заключеніи мира огромная волна жаждущихъ труда и заработка рабочихъ рукъ. Даже въ Германіи, гдѣ запасъ мужчинъ гораздо меньше и промышленная жизнь гораздо интенсивнѣе, и то считаются съ неизбѣжностью послѣ войны цѣлаго періода массовой безработицы. Уже происходятъ по этому поводу конференціи въ разныхъ министер-

ствахъ, печатаются отчеты о мѣрахъ, предполагаемыхъ къ облегченію «хозяйственной демобилизаціи», ведутся переговоры между правительствомъ, промышленниками и рабочими организаціями о соотвѣтственной политикѣ въ періодъ перехода національнаго хозяйства отъ условій военнаго къ условіямъ мирнаго времени. Тѣмъ большій объемъ, тѣмъ большее значеніе долженъ былъ бы имѣть вопросъ о безработицѣ въ Россіи. Кому нежелательно, чтобы сотни тысячъ солдатъ послѣ войны, какъ бы въ отплату за перенесенныя лишенія, вознаграждены были всѣми ужасами безработицы, — тотъ долженъ уже теперь серьезно поставить на очередь вопросъ о системѣ государственно-коммунальныхъ пособій безработнымъ и въ Россіи.

Тѣмъ болѣе это важно, что безработица является не преходящимъ и случайнымъ, а постояннымъ составнымъ и необходимымъ моментомъ современной хозяйственной жизни. Мѣняются лишь ея размѣры. Въ Германіи, напр., средній процентъ безработныхъ изъ числа всѣхъ желающихъ и могущихъ трудиться рабочихъ за десятилѣтіе 1904—1913 г.г. составлялъ 2,1% на каждую сотню [1]). Были за это время годы кризиса и годы подъема, но безработные всегда были на-лицо—по годамъ число ихъ колебалось отъ 1,2 до 2,9%, по мѣсяцамъ отъ 0,7 до 4,8%. Колебанія наступаютъ въ зависимости отъ хода промышленной жизни, но и въ лучшія времена около сотой части всѣхъ рабочихъ состоитъ «въ запасѣ». Иначе, разумѣется, и не можетъ быть. Любое земство, имѣющее сотню школьныхъ комплектовъ, считаетъ необходимымъ оплачивать и содержать также и запасную учительницу (врача, агронома). То же самое и съ обществомъ въ цѣломъ въ примѣненіи къ имѣющемуся въ его распоряженіи запасу рабочихъ силъ. Извѣстная часть ихъ всегда должна содержаться въ резервѣ, и, разъ общество нуждается вообще въ наемномъ трудѣ, оно должно оплачивать и ту долю его носителей, какая необходимо остается въ резервѣ, готовая къ труду при первомъ востребованіи. Никто не считаетъ непроизводительнымъ и безполезнымъ расходъ на страховку зданій или фабричныхъ машинъ отъ огня, даже хотя этими зданіями или машинами часть года вовсе не пользуются. Расходъ на содержаніе безработныхъ — это страховка всего общества отъ недостатка или истощенія его рабочихъ силъ, это обезпеченіе возможности расширять и сокращать производство въ зависимости отъ надобности и правильно замѣщать «резервистами» выбывающихъ изъ строя на время или навсегда участниковъ «арміи труда». Общее количество

---

[1]) Кромѣ особо оговоренныхъ, всѣ цифры настоящей корреспонденціи—по оффиц. источникамъ.

наемныхъ рабочихъ и служащихъ всякаго рода опредѣляется теперь въ Россіи въ 14 милл. чел. (20% всего населенія, если считать содержимыхъ ими членовъ семей). Въ Германіи всѣхъ рабочихъ и служащихъ считалось къ началу войны почти 20 милл. чел. [1]) (15.822 тыс. индустр., трансп. и сел.-хоз. рабочихъ, 274 тыс. домашней промышл., 913 тыс. торг.-пром. служ., 850 тыс. конторск., технич. и т. п. служ., 1.403 тыс. прислуги). Если принять средній % безработицы въ Россіи равнымъ средней его величинѣ въ Германіи за послѣднее десятилѣтіе, то при нормальныхъ условіяхъ имѣли бы право на государственно-коммунальныя пособія постоянно среднимъ числомъ въ Россіи около 280 тыс. и въ Германіи около 400 тыс. рабочихъ и работницъ. Это составляетъ теперь, такъ сказать, нормальный размѣръ резервной арміи труда въ обоихъ государствахъ. Въ первое же время послѣ войны размѣры ея, какъ упомянуто, ожидаются еще большіе.

Не менѣе своевременно знакомство и съ тѣмъ, что дѣлается въ области учрежденій по указанію труда. По всей Россіи организуются теперь для бѣженцевъ всевозможныя «биржи труда», «справочныя бюро» и т. д. Бывшая прежде въ пренебреженіи, эта сторона жизни—регулированіе рынка труда—больно бьетъ теперь своей хаотичностью, неустройствомъ и рабочихъ, и все общество. Въ газетахъ появляются извѣстія, какъ нужнѣйшіе для Москвы рабочіе оказываются цѣлыми тысячами въ Ростовѣ на Дону, гдѣ не могутъ найти себѣ занятія. Богатый опытъ Германіи, цѣлый годъ съ особеннымъ усердіемъ занимавшейся перегруппировкой рабочихъ силъ между разными отраслями своего хозяйства, привелъ въ этомъ отношеніи къ заслуживающимъ вниманія принципіальнымъ и практическимъ выводамъ. Недавно они закрѣплены одобренными рейхстагомъ основными положеніями соотвѣтственнаго законопроекта. Учрежденія по указанію труда опять-таки, какъ и страхованіе отъ безработицы, призваны играть важную роль въ функціонированіи общественнаго организма не только въ военное, но и въ мирное время. Въ этомъ залогъ длительности интереса къ той постановкѣ дѣла, какая рѣшена уже рейхстагомъ для мирнаго времени на основаніи опыта всего предшествовавшаго развитія и особенно военнаго времени.

Конечно, совершенное Германіей за послѣдній годъ въ со-

---

[1]) Съ членами семей это даетъ почти 55% населенія; въ другихъ слояхъ населенія незарабатывающихъ членовъ семей больше, потому рабочее населеніе въ цѣломъ составляетъ меньшій %, чѣмъ можно было бы ожидать по числу рабочихъ.

ціальной области не ограничивается двумя рядами мѣропріятій; но здѣсь пока мы коснемся только системы государственно-коммунальныхъ пособій безработнымъ.

II.

Исторія вопроса объ обязанности всего общества содержать безработныхъ начинается въ Германіи на политической аренѣ лишь съ 1902 г. Въ этомъ году, 31 января н. ст., рейхстагъ принимаетъ предложеніе прогрессиста проф. Заннеманна обратиться къ правительству съ приглашеніемъ изслѣдовать вопросъ о введеніи государственнаго страхованія отъ безработицы. Рѣшеніе было принято подъ впечатлѣніемъ промышленнаго кризиса 1901 г., приковавшаго на время общественное вниманіе къ ужасамъ безработицы. Мы видѣли, что въ годы кризисовъ отъ своего годичнаго минимума 1,2% безработица подымается въ Германіи почти до 5%, вчетверо. Всѣмъ дѣлается очевидно, что милліонъ взрослыхъ людей не работаетъ не изъ желанія уклониться отъ труда, а по невозможности найти занятіе безъ всякой вины съ своей стороны, исключительно въ силу даннаго устройства общественнаго организма. При возбужденіи вопроса о помощи безработнымъ всегда идетъ рѣчь исключительно о лицахъ, согласныхъ работать на обычныхъ условіяхъ, притомъ о такихъ, рабочая сила которыхъ вообще необходима обществу и обычно имъ примѣнется. Уже и безъ кризиса одинъ рабочій изъ сотни находится въ состояніи передвиженія съ фабрики на фабрику и т. п., т.-е. безъ работы. Когда это число доходитъ до пяти, то вопросъ объ исполненіи общественнаго долга по отношенію къ нимъ не можетъ быть такъ просто отклоненъ. Поэтому имперское правительство, само не скрывавшее своего отрицательнаго отношенія къ страхованію безработицы, поручило все же имперскому статистич. вѣдомству разработать поставленный вопросъ. Вѣдомство представило черезъ 4 года толстый отчетъ въ трехъ печатныхъ томахъ, розданныхъ членамъ рейхстага въ маѣ 1906 г.

Отчетъ отклонилъ мысль объ обязательномъ государственномъ страхованіи безработицы, призналъ заслуживающей вниманія «гентскую» систему помощи, но и ея введеніе объявилъ «для Германіи еще несозрѣвшимъ вопросомъ»! Какъ извѣстно, принятая въ городѣ Гентѣ система заключается въ введеніи приплатъ изъ общественныхъ средствъ тѣмъ профессіональнымъ союзамъ рабочихъ, которые оказываютъ поддержку своимъ членамъ при безработицѣ изъ собственныхъ доходовъ (отъ членскихъ взносовъ). Здѣсь, этимъ пу-

темъ, достигается, во-первыхъ, наиболѣе дѣйствительный контроль надъ безработнымъ. Профессіональный союзъ расходуетъ на него собственныя, съ трудомъ заработанныя всѣми членами деньги. Поэтому союзъ всячески стремится возможно скорѣе поставить безработнаго опять на работу, не упуская ни одной возможности для этого; безработный, такимъ образомъ, окруженъ контролемъ собственныхъ товарищей. Опытъ всѣхъ городовъ, гдѣ введена «гентская» система, показалъ, что въ виду этихъ условій безработица члена профессіональнаго союза и расходы на помощь ему всегда меньше, чѣмъ если приходится имѣть дѣло съ неорганизованнымъ рабочимъ. Второй положительной чертой гентской системы, по мнѣнію отчета 1906 г., является то, что расходъ на помощь безработнымъ перекладывается при ней въ значительной степени на самихъ рабочихъ. Вѣдь только часть пособія идетъ изъ городской кассы, а другую часть платитъ самъ профессіональный союзъ изъ взносовъ работающихъ своихъ членовъ и изъ накопленныхъ союзомъ раньше запасовъ. Возможность злоупотребленій со стороны самихъ союзовъ, т.-е. обращенія пособій безработнымъ на помощь стачечникамъ, совершенно исключается «гентской системой» путемъ введенія въ каждомъ союзѣ отдѣльной кассы по страхованію отъ безработицы съ отдѣльными взносами въ нее членовъ союза и отдѣльнымъ отъ прочихъ дѣлъ и счетовъ союза дѣлопроизводствомъ. Если за всѣмъ тѣмъ имперское правительство высказывалось въ 1906 г. противъ повсемѣстнаго введенія въ Германіи, не только не всеобщаго обязательнаго страхованія отъ безработицы, а даже бы гентской системы приплатъ профессіональнымъ союзамъ,—то это имѣло мѣсто исключительно по политическимъ соображеніямъ. Правительство не скрывало опасенія о чрезвычайномъ усиленіи для рабочихъ притягательной силы профессіональныхъ союзовъ въ случаѣ организаціи черезъ ихъ посредство страхованія отъ безработицы, и не желало хотя бы косвенно «способствовать росту профессіональныхъ союзовъ».

Жизнь опрокинула всѣ эти соображенія. Быстрота роста профессіональныхъ союзовъ превзошла всѣ ожиданія и безъ общественной или государственной помощи при безработицѣ. Въ 1907 г. въ Германіи было лишь до 3.500 тыс. профессіонально организованныхъ рабочихъ и служащихъ, а черезъ 5 лѣтъ, въ 1912 г., уже 5.100 тыс. (въ томъ числѣ половина примыкала къ с.-д. центру профессіональнаго движенія—къ берлинской «генеральной комиссіи» во главѣ съ депутатомъ Легиномъ). Подъ вліяніемъ новаго кризиса, разразившагося въ 1907 г., городъ Страссбургъ ввелъ у себя гентскую систему, за нимъ послѣдовали въ 1909 г. Майнцъ и Мюльгаузенъ, въ

1910 г. Фрейбургъ въ Баденѣ и Шэнебергъ подъ Берлиномъ, въ 1911 г. Кельнъ, затѣмъ Штуттгартъ, Гейдельбергъ, Оффенбахъ и еще нѣсколько болѣе мелкихъ центровъ. На общегородскомъ съѣздѣ въ Познани въ 1911 г. представители мѣстныхъ самоуправленій приняли уже резолюцію, объявлявшую необходимость принудительности страхованія отъ безработицы и обращавшуюся къ имперскому правительству съ просьбой подвергнуть всѣ отрасли хозяйственной дѣятельности особому изслѣдованію съ точки зрѣнія выясненія конкретной обстановки введенія страхованія отъ безработицы. Рядомъ съ движеніемъ среди дѣятелей мѣстнаго самоуправленія развивалась и агитація самихъ рабочихъ организацій, способствовавшая «созрѣванію» вопроса.

Гентская система далеко не являлась идеаломъ въ глазахъ нѣмецкихъ рабочихъ. Во-первыхъ, она фактически оставляла за бортомъ всѣхъ неорганизованныхъ. Правда, формально и не-членъ союза могъ бы пользоваться при безработицѣ городскимъ пособіемъ. Онъ долженъ былъ для полученія на это права регулярно дѣлать особые взносы еще во время, когда онъ имѣлъ работу, въ особо учреждавшуюся городомъ «кассу для неорганизованныхъ». Для неорганизованныхъ создавался такимъ путемъ какъ бы суррогатъ организаціи, спеціально на случай безработицы. Но вѣдь здѣсь приходилось имѣть дѣло съ элементами, до того чуждыми еще идеѣ организаціи, что ихъ не привлекалъ даже профессіональный союзъ, охватывающій всѣ виды помощи: и безработицу, и болѣзнь, и пріисканіе занятій, и помощь при улучшеніи условій труда, и стачку, и юридическую защиту и т. д. Тѣмъ менѣе можно было ждать отъ неорганизованныхъ пониманія и готовности дѣлать всегда взносы ради одного только вида помощи, при безработицѣ—которой къ тому же каждый изъ нихъ индивидуально надѣялся избѣжать, пока ея не было. Потому кассы для неорганизованныхъ всегда влачили лишь жалкое существованіе, и гентская система (равно какъ всѣ ея варіанты) сводилась въ конечномъ счетѣ къ поддержкѣ лишь той части пролетаріата, какая охвачена уже и воспитана профессіональными союзами. Они оказывались необходимыми органами для исполненія этой общественной функціи. Недаромъ поэтому даже прусскій министръ торговли Зидовъ заговорилъ теперь въ рейхстагѣ именно въ этой связи о «государственномъ значеніи профессіональныхъ союзовъ».

Для достиженія дѣйствительной всеобщности страхованія отъ безработицы представлялись необходимыми или охватъ всѣхъ рабочихъ и служащихъ профессіональными союзами, или введеніе государствомъ принудительнаго страхованія всѣхъ, подвергающихся

опасности безработицы. Первый путь казался въ Германіи 15 лѣтъ назадъ недостижимой мечтой, и потому рабочія организаціи требовали тогда не гентской системы, а обязательнаго страхованія. Правящіе же круги не хотѣли возложить на себя бремя расходовъ ни по той, ни по другой системѣ, и особенно отказывались принять всю стоимость пособій при безработицѣ на счетъ государства и предпринимателей. Въ трудѣ рабочихъ нуждается вся страна, это они признавали, но не хотѣли платить за то время, когда рабочій принужденъ былъ оставаться безработнымъ въ силу потребности общественнаго организма въ «резервной арміи труда», въ силу колебаній темпа хозяйственной жизни. А между тѣмъ расходъ на это дѣло не такъ ужъ безмѣрно великъ. При средней безработицѣ въ 2% и при среднемъ заработкѣ въ тысячу марокъ (считая прислугу, сел.-хоз. раб. и всѣ виды наемнаго труда и службы) требующаяся сумма составила бы теперь въ Германіи менѣе 400 милл. мар. въ годъ, если бы и во время безработицы рабочій продолжалъ получать отъ государства полную заработную плату. Для Россіи, гдѣ меньше рабочихъ, какъ приведено выше, и гдѣ по отчетамъ фабричной инспекціи средній мѣсячный заработокъ лишь немногимъ выше 20 руб.,—весь расходъ составилъ бы нормально всего 70 милл. руб. въ годъ. Можно припомнить, что война стоитъ нашему государственному казначейству почти столько же каждые три дня.

Отрицательное отношеніе германскихъ рабочихъ къ гентской системѣ изъ-за того, что она не охватываетъ всего пролетаріата, а лишь профессіонально организованную его часть, ослаблено было, затѣмъ, быстрымъ ростомъ професс. союзовъ. Въ 1913 г. они охватили уже 27% всѣхъ рабочихъ и служащихъ Германіи, и темпъ развитія позволялъ питать самыя смѣлыя надежды (судя по степени устойчивости организацій за послѣдній годъ, война не прерветъ этого развитія). Подобная перемѣна произошла и въ отношеніи ко второй отрицательной чертѣ гентской системы—къ возлагаемому ею на рабочихъ обязательству оплачивать часть расходовъ на безработныхъ изъ собственнаго кармана, изъ средствъ профессіональныхъ союзовъ. Вообще говоря, съ точки зрѣнія непредубѣжденнаго здраваго смысла странность этого метода помощи бросается въ глаза. Если внѣшнія независящія обстоятельства, напр., стихійный погромъ, лишатъ какого-нибудь человѣка части его состоянія, то никому не придетъ въ голову принудительно штрафовать за это самого пострадавшаго безъ вины и затѣмъ взысканный съ него штрафъ выдавать ему же въ видѣ пособія. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ это не приходило въ голову никому. Но съ членами профессіональнаго союза происходитъ именно такъ. Сначала внѣшнія неза-

висящія обстоятельства, напр., стихійный кризисъ или стихійное временное пребываніе въ необходимомъ для общества резервѣ рабочей силы безъ вины лишаютъ ихъ части ихъ заработка. А потомъ «гентская система» отбираетъ у нихъ изъ кассы профессіональнаго союза другую часть ихъ состоянія и раздаетъ имъ ее въ видѣ пособія съ приплатой изъ общественныхъ средствъ. Немудрено, что въ то время, когда германскія рабочія организаціи еще ничего не расходовали на помощь безработнымъ,—идея вдругъ начать выкладывать на это изъ собственнаго же кармана милліонъ за милліономъ отвергалась ими, какъ неправильная и несправедливая, какъ перекладывающая обязанности всего общества на плечи самой страдающей части. Но безработные оставались безъ помощи—и союзы одинъ за другимъ стали вводить въ свои уставы выдачу пособій своимъ безработнымъ членамъ изъ собственныхъ средствъ. Въ 1905 г. всѣ профессіональные союзы рабочихъ и служащихъ Германіи израсходовали на помощь безработнымъ уже 3.700 тыс. мар. (въ томъ числѣ 2.700 тыс. приходится на долю легиновскихъ союзовъ, примыкающихъ къ с.-д.). Затѣмъ расширеніе круга выдающихъ пособія безработнымъ союзовъ пошло еще быстрѣе, и въ 1913 г. расходъ всѣхъ профессіональныхъ союзовъ Германіи на это дѣло составилъ 15 милл. мар. (въ томъ числѣ 13 милл. мар. на долю легиновскихъ). Введя изъ своихъ средствъ столь крупные расходы (для всѣхъ германскихъ рабочихъ и служащихъ это дало бы 60 милл. мар. въ годъ) и примирившись поневолѣ съ этой затратой, привыкнувъ къ ней, рабочія организаціи Германіи съ тѣмъ большей настойчивостью начинаютъ требовать дополненія приплатами изъ государственныхъ и коммунальныхъ средствъ, т.-е. приходятъ къ «гентской системѣ», какъ къ очередному лозунгу дня. Они вносятъ только одну поправку, раньше всего осуществленную въ городѣ Люттихѣ (Льежѣ) и обсуждавшуюся уже на Штуттгартскомъ съѣздѣ професс. союзовъ 1902 г. Люттихская практика состоитъ въ томъ, что городъ просто возвращаетъ профессіональному союзу въ концѣ каждаго мѣсяца извѣстную часть дѣйствительно израсходованной союзомъ на помощь безработнымъ суммы. Такимъ путемъ устраняется навязчивая опека въ отдѣльныхъ случаяхъ и гарантируется полная свобода самоуправленія союза. Безъ этой свободы онъ не имѣетъ притягательной силы для своихъ членовъ, слишкомъ уставшихъ отъ опеки во всей остальной своей жизни, и не можетъ поэтому сыграть роль крупнаго организующаго центра, обезпечивающаго возможность реализаціи въ широкомъ объемѣ страхованія отъ безработицы. Еще Штуттгартскій съѣздъ призналъ, поэтому, обязательной «предпосылкой всеобщаго

страхованія отъ безработицы» не только «неограниченное право коалицій для всѣхъ рабочихъ обоего пола въ индустріи и ремеслѣ, въ домашней промышленности, транспортѣ, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ, государственныхъ предпріятіяхъ и домашнемъ услуженіи», но и «свободу самоуправленія рабочихъ», въ органахъ, которымъ будетъ предоставлено осуществленіе самаго страхованія, т.-е. въ профессіональныхъ союзахъ (такая же система, какъ извѣстно, принята и въ Англіи въ тѣхъ немногихъ пока отрасляхъ, гдѣ осуществлено тамъ государственное страхованіе безработицы).

Постепенное развитіе помощи безработнымъ изъ средствъ самихъ профессіональныхъ союзовъ и введеніе гентской системы или ея варіантовъ перечисленными городами (временно существовала подобная помощь въ послѣдніе годы еще въ Мюнхенѣ и Аугсбургѣ)— все это вновь поставило вопросъ на очередь, несмотря на неудачу, постигшую въ 1906 г. Все больше распространялось сознаніе, что безработица не является преходящимъ случайнымъ явленіемъ, имѣющимъ мѣсто только въ годы торгово-промышленныхъ кризисовъ или только въ «несезонную» часть года для нѣкоторыхъ ремеслъ. Въ ней научились распознавать постоянный и обязательный составной моментъ всего хозяйственнаго уклада, мѣняющійся лишь по размѣрамъ, но всегда требующій помощи въ интересахъ не только самихъ рабочихъ, но и всего нуждающагося въ сохраненіи ихъ рабочей силы общества. Это послѣднее соображеніе и послужило, судя по ихъ заявленіямъ, рѣшающимъ для правительствъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ, которыя стали постепенно двигаться съ прежней безусловно отрицательной точки зрѣнія. Такъ, прусское министерство заявило 10 дек. 1908 г. въ ландтагѣ, что оно не отвергаетъ принципіально мысли о введеніи въ систему, какъ постояннаго учрежденія, помощи безработнымъ, но считаетъ это исключительно имперскимъ дѣломъ, а не прусскимъ. Въ Баденѣ 12 нояб. 1909 г. правительство, созвавъ хозяевъ на конференцію, высказалось за введеніе страхованія отъ безработицы по гентской системѣ, но хозяева отклонили и дѣло заглохло. Въ Саксоніи 10 янв. 1910 г. правительство заявило ландтагу, что оно «занимаетъ выжидательное положеніе» по вопросу о государственной субсидіи городамъ для помощи безработнымъ, предоставляя рѣшать ландтагу, но отказывается производить давленіе на отдѣльныя городскія самоуправленія въ этомъ смыслѣ. Въ Баваріи правительство внесло принятый 23 окт. 1913 г. ландтагомъ законопроектъ о введеніи государственно-коммунальныхъ пособій безработнымъ, но верхняя палата отклонила его. Въ Вюртембергѣ въ февралѣ 1914 г. нижняя палата высказа-

ась за поддержку изъ государственныхъ средствъ коммунальныхъ пособій безработнымъ. Въ Эльзасъ-Лотарингіи ландтагъ въ мартѣ 1914 г. принялъ резолюцію, приглашавшую уже прямо мѣстное правительство настаивать въ союзномъ совѣтѣ на созданіи «имперскаго страхованія отъ безработицы».

Волна движенія все наростала, вопросъ явственно начиналъ «созрѣвать». Передъ самой войной (но когда обывательская масса еще не ждала ея) собрался въ Мюнхенѣ общегерманскій конгрессъ профессіональныхъ союзовъ. Признаки торгово-промышленнаго кризиса, обострявшаго безработицу, были на-лицо. Конгрессъ констатировалъ, что въ отдѣльныхъ государствахъ, несмотря на разговоры, ничего не дѣлается, а имперское правительство отказывается поставить вопросъ на очередь. Съѣздъ рѣшилъ: «поставить его въ центръ агитаціи» и призвалъ рабочія организаціи «мобилизовать все свое вліяніе» въ борьбѣ за немедленное введеніе страхованія отъ безработицы, «сдѣлать его пробнымъ камнемъ воли къ соціальнымъ реформамъ». Такимъ образомъ, въ войну Германія вступила уже нѣсколько подготовленная къ вопросу о государственно-коммунальныхъ пособіяхъ безработнымъ. Имѣлся уже опытъ нѣкоторыхъ городовъ, вопросъ обсуждался уже не разъ въ правительственныхъ кругахъ, были на-лицо готовые планы осуществленія дѣла и за ними стояли многочисленныя хорошо сплоченныя организаціи самихъ наиболѣе заинтересованныхъ лицъ. Дѣло шло лишь о томъ, чтобы преодолѣть отсутствіе «воли къ соціальнымъ реформамъ», и созданное войной положеніе помогло это сдѣлать сравнительно довольно быстро.

III.

Война прежде всего создала въ Германіи громадную безработицу. Только постепенно была она сведена къ мирному уровню—повторными призывами подъ знамена. Черезъ мѣсяцъ послѣ начала войны, къ 1 сент. н. ст., безработица достигала еще 21,2% всѣхъ немобилизованныхъ членовъ професс. союзовъ. Еще черезъ два мѣсяца, къ 1 нояб. н. ст., она составляла все еще 10,5% по тѣмъ же охватывающимъ всю Германію даннымъ проф. союзовъ. Кромѣ того, еще 7,2% работало лишь часть недѣли съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ заработка. Къ 1 февр. н. ст. 1915 г. еще было 6,6% вполнѣ безработныхъ, втрое больше нормы и 7,5% работающихъ укороченное время. Только къ 1 мая н. ст. процентъ безработныхъ палъ почти до нормы мирнаго времени, именно до 2,8%, но работающихъ укороченное время оставалось еще 6,5%. Къ 1 авг. 1915 г. осталось без-

работныхъ 2,6% и работающихъ укороченное время 3,9%. Первое полугодіе войны было, слѣдовательно, временемъ особаго распространенія безработицы, когда она превышала обычную среднюю норму отъ десяти до трехъ разъ. Въ это время, хотя далеко не сразу, и приняты были главныя мѣры, сначала союзами, затѣмъ городами и, наконецъ, имперскимъ правительствомъ и властями отдѣльныхъ государствъ.

Уже 2 авг. н. ст., на второй день войны, состоялась въ Берлинѣ конференція правленій нѣсколькихъ десятковъ союзовъ, объединявшихъ $2^1/_2$ милл. членовъ и сплошь входившихъ въ «генеральную комиссію» (Легинъ). Дальнѣйшія цифры относятся именно къ ихъ дѣятельности, ибо о ней публикуются періодически подробные отчеты въ «Korrespondenzblatt», органѣ «генеральной ком. герм. проф. союзовъ». Союзы рѣшили частью сократить, частью прекратить другіе виды пособій и главное вниманіе сосредоточить на помощи безработнымъ. Въ то время ни мѣстныя самоуправленія, ни государственныя власти не оказывали еще безработнымъ никакой помощи. Въ первые же три мѣсяца войны легиновскіе союзы издержали на пособія безработнымъ почти 13 милл. мар. (12.777 тыс.)—т.-е. столько, сколько обычно тратили въ годъ. При этомъ многіе еще не получали пособій, ибо имѣли кое-какія собственныя сбереженія, и союзное пособіе выдавалось въ первую голову наиболѣе нуждающимся. Такъ, напр., на 31 окт. н. ст. изъ 172 тыс. безработныхъ членовъ получали союзное пособіе только 111,5 тыс. чел. Средній размѣръ пособія составлялъ около 4 мар. 30 пф. въ недѣлю на человѣка (2 рубля). Размѣръ этотъ признавался самими союзами недостаточнымъ, особенно въ виду наличности среди безработныхъ на большую половину семейныхъ лицъ. Но повысить пособіе до обычныхъ *среднихъ* нормъ (7 марокъ въ недѣлю на мужа съ женой, но безъ дѣтей, $4^1/_2$ мар. на одинокаго, полторы марки на ребенка) союзы признавали невозможнымъ, ибо и такъ должны были неминуемо идти къ банкротству, если бы безработица не продолжала уменьшаться и впредь,—а предсказать впередъ никто навѣрное не рѣшился бы. Не такъ страшно было увеличеніе расходовъ союзовъ, какъ уменьшеніе ихъ доходовъ. Если бы расходъ на безработицу на остальныя три четверти года застылъ на уровнѣ послѣдней октябрьской недѣли, онъ составилъ бы за весь годъ около 35 милл. мар. Сверхъ того семьямъ мобилизованныхъ членовъ было выдано изъ средствъ союзовъ за первые 3 мѣсяца 3 милл. мар., значитъ, всего можно было ожидать за годъ около 45 м. м. «военныхъ» расходовъ.

Если взять бюджетъ легиновскихъ союзовъ за послѣдній мир-

ный 1913 г., то весь годовой доходъ ихъ окажется равнымъ 82,2 милл. мар. или почти 32 марки въ годъ на члена. Германскій организованный рабочій вноситъ, такимъ образомъ, въ кассу своего профессіональнаго союза около 2% всего своего заработка (средній заработокъ организованныхъ выше средней заработной платы въ странѣ вообще, ибо въ союзы входитъ особенно много металлистовъ, горнорабочихъ и т. п. хорошо оплачиваемыхъ лицъ). Изъ 82 милл. годичнаго дохода легиновскихъ союзовъ 13 милл. мар. ушло въ 1913 г. на безработныхъ, 7 милл. составило чистое увеличеніе запасныхъ фондовъ союзовъ, 16 милл. мар. израсходовано было на стачки, 13,5 м. м. на помощь больнымъ (въ дополненіе къ пособіямъ отъ больничныхъ кассъ) и т. д. Но расходъ на стачки сократился вдесятеро въ виду уменьшенія во время войны числа ихъ участниковъ именно въ этой пропорціи, а дополнительная помощь больнымъ сверхъ пособій отъ больничныхъ кассъ (отъ $^1/_2$ до $^2/_3$ заработка) была прекращена или значительно сокращена почти всѣми союзами. Такимъ образомъ, вызванные войной расходы могли бы быть покрыты даже при отсутствіи дальнѣйшаго уменьшенія безработицы, но лишь при неуменьшеніи доходнаго бюджета союзовъ. А между тѣмъ на-лицо было чрезвычайное его сокращеніе. За вычетомъ мобилизованныхъ, безработныхъ и работающихъ укороченное время, оставалось въ союзахъ къ 1 нояб. н. ст. 1914 г. лишь 54% прежняго количества членовъ, какіе способны были дѣлать въ союзныя кассы свои взносы. Притомъ ушли хорошо оплачиваемые мужчины, поднялся среди оставшихся процентъ женщинъ, дѣлающихъ обычно лишь небольшіе сравнительно взносы (по причинѣ меньшаго заработка). Въ итогѣ доходы союзовъ уже въ первую очередь года составляли лишь половину обычнаго бюджета. Такъ это осталось и въ дальнѣйшемъ, ибо если уменьшалось число безработныхъ, зато росло количество мобилизованныхъ. Къ 1 мая н. ст. 1915 г., за вычетомъ мобилизованныхъ, безработныхъ и работающихъ укороченное время, въ союзахъ оставалось могущихъ дѣлать нормально взносы лишь 48% прежняго количества членовъ. Къ 1 авг.—лишь 44,1 проц..

При такихъ условіяхъ ясна была невозможность вынести союзамъ дѣло помощи безработнымъ на своихъ плечахъ. Правда, у легиновскихъ союзовъ имѣлось къ 1 янв. 1914 г. на 88 милл. мар. имущества, но изъ него часть была въ зданіяхъ и часть въ цѣнныхъ бумагахъ, которыя реализовать было болѣе чѣмъ трудно. Къ тому же истратить въ первый же годъ войны 40 милл. мар. изъ запасныхъ фондовъ, да истратить такую же сумму во второй годъ—значило бы крайне умалить силу профессіональныхъ союзовъ,

какъ оборонительныхъ организацій противъ наступательныхъ дѣйствій германскихъ предпринимателей, какими тѣ и такъ грозятъ послѣ войны, и какіе станутъ еще болѣе легкими и вѣроятными, если кассы союзовъ окажутся послѣ войны пустыми и рабочимъ не на что будетъ опереться, неоткуда будетъ получить пособіе при локаутѣ или стачкѣ. И союзы начинаютъ въ виду такого положенія осаждать правительство заявленіями о государственной помощи. Въ ихъ рукахъ угроза прекратить совсѣмъ выдачу пособій безработнымъ, ради спасенія своей боеспособности въ будущемъ, и причинить этимъ властямъ и «общественному спокойствію» крупныя неудобства. Съ другой стороны, начинаются подобныя же представленія властямъ со стороны общественныхъ учрежденій и мѣстныхъ самоуправленій. Если на рукахъ союзовъ оказались безработные изъ организованной четверти пролетаріата, то мѣстнымъ самоуправленіямъ приходится имѣть дѣло съ неорганизованными, составляющими три четверти всѣхъ рабочихъ и служащихъ страны.

Въ дѣйствительности это соотношеніе, правда, не совсѣмъ вѣрно. Среди сельско-хозяйственныхъ рабочихъ совершенно не оказывается безработныхъ даже въ первый періодъ войны; наоборотъ, на нихъ усиленный спросъ—идетъ время жатвы, молотьбы, пашни и т. д. А сел.-хоз. рабочіе составляютъ одинъ изъ крупнѣйшихъ слоевъ среди неорганизованныхъ. То же относится и къ домашней прислугѣ—незамѣтно рѣзкаго усиленія безработицы, наблюдается и почти сплошная принадлежность къ неорганизованнымъ. На эти двѣ группы приходилось въ Германіи къ началу войны 5.270 тыс. раб. и служ., изъ нихъ лишь около 100 тыс. организ. Изъ остальныхъ 14 милл. раб. и служ. было профессіонально организовано 5 милл., а 9 милл. не имѣли на случай безработицы даже союзной помощи. Безработица послѣ начала войны возникла почти исключительно какъ городское явленіе, и потому требованія помощи направлены были прежде всего къ городскимъ самоуправленіямъ. Одинъ за другимъ десятки и сотни крупныхъ, среднихъ и мелкихъ городовъ стали вводить у себя выдачу пособій какъ организованнымъ, такъ и неорганиванным рабочимъ. По отношенію къ первымъ примѣнялась почти всегда гентская система, т.-е. имѣла мѣсто лишь приплата изъ городскихъ средствъ къ пособію отъ союза, вѣрнѣе, союзное пособіе засчитывалось полностью или частью въ пособіе отъ города.

Скоро стало ясно, что города не въ силахъ справиться собственными средствами съ обозначившимися размѣрами потребности. Но правительство все же отказывалось принять участіе въ дѣлѣ. Органъ его «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» писалъ о «принципѣ»,

въ силу котораго не слѣдуетъ поддерживать безработныхъ пособіями, будь они въ натуральной или въ денежной формѣ. Разумѣется, для самихъ безработныхъ выгоднѣе получить работу, оплачиваемую нормально, чѣмъ жить на укороченное пособіе союза или города. Но затрудненіе какъ разъ и заключалось въ отсутствіи работы, поэтому два выдающихся общественныхъ дѣятеля,—предсѣдатель Общества соціальной политики бывшій имперскій министръ Берлепшъ и редакторъ-издатель журнала «Soziale Praxis» проф. Франке,—обратились на исходѣ второго мѣсяца войны къ канцлеру съ письмомъ о необходимости введенія государственной организаціи помощи безработнымъ. Интересное явленіе представляетъ вообще воздѣйствіе германскихъ ученыхъ на нѣкоторыя соціально-политическія и хозяйственныя мѣропріятія имперской власти за послѣдній годъ. Въ началѣ войны союзный совѣтъ разрѣшилъ вывозъ за границу германскаго сахара. Обычно вывозится половина германскаго производства, главнымъ образомъ въ Англію, и заинтересованные круги разсчитывали сбыть его туда и теперь, черезъ посредство Даніи. Знаменитый физіологъ проф. Рубнеръ выступилъ въ печати со статьей, объяснявшей значеніе сахара для народнаго питанія и недопустимость лишенія Германіи столь важныхъ продовольственныхъ запасовъ—и союзный совѣтъ отмѣнилъ свое постановленіе. Въ началѣ августа 1914 г. рейхстагъ по предложенію правительства отмѣнилъ помощь беременнымъ и родильницамъ, оказывавшуюся прежде больничными кассами. Проф. Mayet поднялъ агитацію противъ этого рѣшенія, и скоро была не только возстановлена эта помощь, но и еще значительно расширенъ кругъ имѣющихъ право на нее лицъ. Коллективный трудъ ряда ученыхъ, изданный въ декабрѣ ректоромъ берлинской торговой академіи проф. Эльцбахеромъ, сыгралъ крупную роль въ январьскомъ рѣшеніи союзнаго совѣта ввести хлѣбную монополію, предопредѣливъ даже нѣкоторыя подробности имѣющихъ быть принятыми мѣропріятій. Энергичный «походъ противъ свиней» проф. Баллода открылъ глаза обществу на «картофельно-свиную» опасность и закончился избіеніемъ милліоновъ этихъ животныхъ. Разумѣется, во всѣхъ этихъ случаяхъ число подобныхъ примѣровъ легко увеличить,—профессора дѣйствовали не въ безвоздушномъ пространствѣ. Ихъ лозунги подхватывались громадными кругами населенія, навстрѣчу интересамъ котораго они шли, и поддержка общественнаго мнѣнія не разъ побуждала союзный совѣтъ отмѣнять и видоизмѣнять уже изданныя имъ законодательныя постановленія. За всѣмъ тѣмъ заслуживаетъ вниманія роль германскихъ ученыхъ въ качествѣ руководителей общества въ вопросахъ, по которымъ они являются спеціалистами, и большое вниманіе союзнаго совѣта къ

голосу ученыхъ, не останавливающееся передъ признаніемъ и исправленіемъ собственныхъ крупныхъ ошибокъ этой высшей власти государства.

Но въ случаѣ съ безработицей дѣло не пошло особенно быстро. Не взирая на признанную въ руководящихъ сферахъ репутацію Франке и Берлепша, какъ соціальныхъ политиковъ, имперскій канцлеръ отвѣтилъ все же отказомъ въ распубликованномъ за его подписью письмѣ, датированнымъ 9 октября н. ст. Бетманъ-Гольвегъ заявлялъ въ отвѣтѣ, что дѣло помощи безработнымъ—задача мѣстныхъ самоуправленій, и обѣщалъ лишь «по окончаніи войны» возвѣстить, «въ какой мѣрѣ должно и имперское казначейство принять участіе въ поддержкѣ мѣстныхъ самоуправленій со слабымъ бюджетомъ». Канцлеръ писалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что пособія безработнымъ не должны носить характера «помощи бѣднымъ», а должны явиться, слѣдовательно, выраженіемъ ихъ *права* на помощь въ случаѣ безработицы при наличности желанія работать на нормальныхъ условіяхъ.

Принципіальное значеніе этого отвѣта было несомнѣнно. Оно заключалось въ отказѣ имперскаго правительства отъ прежняго безповоротно отрицательнаго отношенія къ организаціи государственнаго страхованія отъ безработицы. Бетманъ-Гольвегъ обѣщалъ послѣ войны, т.-е. для условій мирнаго времени организовать выдачу пособій черезъ учрежденія мѣстнаго самоуправленія съ ассигнованіемъ части средствъ изъ государственнаго бюджета. Старое требованіе созданія страхованія безработицы, какъ постояннаго учрежденія, охватывающаго всѣхъ рабочихъ страны, должно было, такимъ образомъ, наконецъ осуществиться. Но для даннаго момента имперская власть все еще не хотѣла ничего дѣлать, относя и эту реформу къ области вообще обѣщанной послѣ войны «новой оріентировки» внутренней политики. Понадобились еще мѣсяцы настояній рабочихъ организацій и городскихъ самоуправленій, чтобы государственная власть уступила. Лишь 3 декабря н. ст. стало закономъ постановленіе объ ассигнованіи изъ государственныхъ средствъ особыхъ суммъ въ пользу городскихъ самоуправленій для выдачи пособій безработнымъ, начиная съ 1 янв. 1915 г. Затѣмъ появилось и циркулярное обращеніе имперскаго министерства внутр. дѣлъ, указывавшее городамъ основные принципы организаціи выдачи пособій безработнымъ. Только соблюденіе этой инструкціи давало городскимъ самоуправленіямъ право на полученіе соотвѣтственной части изъ учрежденнаго государствомъ фонда.

Общее количество средствъ, отпущенныхъ на выдачу пособій безработнымъ изъ государственныхъ источниковъ, нельзя еще установить съ точностью, но оно довольно велико. Сюда относится,

во-первыхъ, большая половина 200 милл. мар., отпущенныхъ рейхстагомъ имперскому правительству 3 дек. 1914 г. на усиленіе соціальной помощи въ первомъ году войны. Согласно имперской инструкціи, изъ этихъ 200 милл. мар. города имперіи должны были получать обратно треть всѣхъ ихъ расходовъ на выдачу пособій безработнымъ, если эта выдача будетъ происходить съ 1 янв. 1915 г. въ соотвѣтствіи съ упомянутой инструкціей имп. мин. вн. дѣлъ (о содержаніи ея ниже). Расходы на общественныя работы и т. п. виды содѣйствія безработнымъ не принимаются во вниманіе—рѣчь идетъ только о пособіяхъ въ чистомъ видѣ. Остальная часть 200 милл. предназначалась на усиленную помощь родильницамъ изъ числа солдатскихъ женъ и на т. под. цѣли. Черезъ восемь мѣсяцевъ, 20 авг. н. ст. 1915 г., рейхстагъ вновь ассигновалъ имперскому правительству по его просьбѣ 200 милл. мар. на тѣ же цѣли (т.-е. опять будетъ возвращаться городамъ $^1/_3$ ихъ расходовъ на пособія безработнымъ).

На дальнѣйшее развитіе дѣла ассигновали затѣмъ по имперскому примѣру средства и отдѣльныя государства, составляющія Германскую имперію. По предложенію министерства, прусскій ландтагъ отпустилъ въ началѣ февраля н. ст. 110 милл. мар. съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ городскія самоуправленія Пруссіи получали вторую треть своихъ расходовъ на пособія безработнымъ. Постановленію придана была обратная сила, начиная съ 1 янв. 1915 г. Такимъ образомъ, всѣ прусскіе города (почти двѣ трети городского населенія Германіи) получили возможность хорошо поставить выдачу пособій безработнымъ. На нихъ ложилась лишь треть расходовъ, а двѣ трети принимала на себя казна: треть—имперская и треть—прусская. Въ дѣйствительности на долю городскихъ самоуправленій пришлась еще меньшая часть расходовъ, ибо многія изъ нихъ засчитывали въ свою часть до половины пособій, выдававшихся организованнымъ безработнымъ профессіональными союзами.

Примѣру Пруссіи послѣдовали, а частью его предвосхитили и другія германскія государства. Такъ, Саксонія отпустила 30 милл. мар. съ тѣмъ, чтобы организація выдачи пособій безработнымъ была закончена самоуправленіями въ Саксоніи по возможности къ 15 февр. 1915 г. Въ Баваріи созвана была 16 декаб. конференція изъ представителей мѣстныхъ самоуправленій и союзовъ рабочихъ и хозяевъ, а 20 декаб. 1914 г. уже вышелъ циркуляръ баварскаго министерства, подробно регламентировавшій и предписывавшій организацію выдачи пособій во всемъ государствѣ. Циркуляръ упоминаетъ, что всѣ его предписанія одобрены упомянутой конференціей. Подобные же циркуляры вышли 22 декаб. въ Вюртембергѣ, 6 янв.

н. ст. 1915 г. въ Баденѣ и т. д. съ соотвѣтственными ассигновками. Большую помощь оказали тутъ отдѣльнымъ государствамъ подчиненныя имъ областныя учрежденія по страхованію рабочихъ отъ инвалидности и старости. Эти учрежденія обладаютъ имуществомъ свыше 2 милліардовъ марокъ. Согласно постановленію общеимперскаго центра, они отпустили мѣстнымъ правительствамъ и отдѣльнымъ городамъ, частью безвозвратно, частью въ видѣ безпроцентнаго или низкопроцентнаго займа, свыше 100 милл. мар.

Къ 1 янв. 1914 г. въ Германіи имѣлось 31 крупное областное учрежденіе по страхованію инвалидности и 10 болѣе мелкихъ, спеціально обслуживавшихъ нѣкоторыя отрасли труда (пароходство, желѣзныя дороги и т. д.). Всѣ они имѣли на это число 2.105 милл. мар. имущества, накопленнаго почти за четверть вѣка. Это имущество образовалось на 40% изъ взносовъ самихъ рабочихъ, въ остальной части—изъ взносовъ хозяевъ и государства. Большая половина имущества, 1.210 мил. мар., помѣщена въ постройку рабочихъ жилищъ и въ другія общественно-полезныя предпріятія, около 50 милл. имѣлось наличными и остальное—въ цѣнныхъ бумагахъ. Бумаги эти были теперь заложены, и 22 областныхъ учрежденія предоставили мѣстнымъ самоуправленіямъ 105,5 милл. мар. на соціальную помощь, главнымъ образомъ, на выдачу пособій безработнымъ. Объ остальныхъ 19 учрежденіяхъ мнѣ не встрѣтилось точныхъ данныхъ, хотя извѣстно, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ вюртембергское, баденское и др., ассигновали очень большія суммы. Право на подобное расходованіе имущества учрежденій по страхованію инвалидности дается § 1274 имперскаго положенія о страхованіи. Этотъ § разрѣшаетъ страховымъ учрежденіямъ, въ случаѣ согласія правительства, расходовать свое имущество «на общія мѣры для предупрежденія преждевременнаго наступленія инвалидности или для поднятія уровня здоровья подлежащаго страхованію населенія» (законъ 1912 г.). Какъ извѣстно, въ русскіе страховые законы подобный пунктъ не включенъ, несмотря на всѣ настоянія нѣкоторыхъ ораторовъ оппозиціи. Онъ какъ разъ и даетъ возможность нѣмецкимъ страховымъ учрежденіямъ развивать доставившую имъ такую извѣстность широкую соціальную дѣятельность.

Изъ государственныхъ средствъ (включая инвалидныя, также управляемыя государствомъ) мѣстнымъ самоуправленіямъ предоставлено до сихъ поръ 700 милл. мар. на усиленіе соціальной помощи (т.-е. сверхъ нормальныхъ пособій семьямъ мобилизованныхъ и т. п.). Изъ этой суммы свыше 300 милл. мар. предназначено было спеціально на выдачу пособій безработнымъ. Считая субсидіи и изъ

имперской казны и изъ казны отдѣльныхъ государствъ, городскія самоуправленія должны были все же изъ собственныхъ средствъ затрачивать на это дѣло не менѣе трети всѣхъ расходовъ. Поэтому общую сумму, отпущенную въ Германіи на государственно-коммунальныя пособія безработнымъ, надо считать около 450 милл. мар., при чемъ она расходовалась лишь съ 1 янв. 1915 г. До тѣхъ поръ, поскольку города вводили пособія, они дѣлали это цѣликомъ за свой счетъ (экономя кое-что лишь засчитываніемъ части пособій профессіональныхъ союзовъ).

При размѣрахъ безработицы, установившихся съ января, эту сумму можно признать достаточной для организаціи пособій въ размѣрахъ, указывавшихся рабочими организаціями. О расходахъ на дѣло можно судить до нѣкоторой степени по расходамъ легиновскихъ проф. союзовъ, обнимавшихъ 18% всѣхъ подлежавшихъ попеченію мѣстныхъ самоуправленій рабочихъ и служащихъ (т.-е. кромѣ сел.-хоз. и прислуги). Въ то время, какъ за первые 3 мѣсяца войны эти союзы выдали своимъ безработнымъ членамъ 12.777 тыс. мар., вторые 3 мѣсяца они истратили на это лишь 5.006 тыс. мар., третьи 3 мѣсяца, по 30 апрѣля н. ст. 1915 г., уже только 2.756 тыс. мар. и четвертые 3 мѣсяца, по 31 іюля—всего 1.040 тыс. мар. [1]). Къ 30 апрѣля уровень безработицы понизился уже до 2,8% и съ тѣхъ поръ стоитъ на еще даже нѣсколько болѣе низкой нормѣ. Если для разсчетовъ взять цифру за предпослѣдніе 3 мѣсяца,—февраль—апрѣль,—то по фактическимъ нормамъ профессіональныхъ союзовъ всѣмъ 100% рабочимъ слѣдовало бы выдать за годъ 60 милл. мар. Но проф. союзы въ силахъ были выдавать каждому безработному своему члену въ среднемъ лишь по 72 пфен. въ рабочій день. А средній заработокъ 14 милл. рабочихъ и служащихъ (за вычетомъ сел.-хоз. и прислуги) составлялъ передъ войной 1.200 мар. въ годъ на человѣка, т.-е. 4 марки за рабочій день. При пособіи, равномъ полной нормальной заработной платѣ, было бы издержано, слѣдовательно, около 300 милл. мар. и 150 осталось бы на слѣдующій годъ. Но дѣйствительно назначенныя пособія составили, какъ увидимъ, гораздо меньшую величину. Здѣсь сказалась одна изъ отрицательныхъ чертъ мѣропріятія, обусловленная отчасти отсутствіемъ точно разработаннаго рейхстагомъ законопроекта и предоставленіемъ опредѣленія «подробностей» усмотрѣнію правительства.

---

[1]) Зато растетъ расходъ союзовъ на выдачу семьямъ мобилизованныхъ членовъ. За первые 9 мѣсяцевъ войны союзы выдали имъ 7 милл. мар., а за май—іюль 1915 г.—цѣлыхъ 3.416 т. м.

Имперское правительство ограничилось очень немногими обязательными указаніями. Именно сперва союзный совѣтъ постановилъ 17 дек. н. ст. 1914 г.: 1) размѣръ и способъ выдачи пособій предоставляются усмотрѣнію отдѣльныхъ городскихъ самоуправленій; 2) вмѣсто денежныхъ пособій или на-ряду съ ними могутъ выдаваться также натуральныя, пищей, а равно особыя квартирныя пособія; 3) пособія не должны носить характера «помощи бѣднымъ» и полученіе ихъ ни въ чемъ не ограничиваетъ политическихъ и гражданскихъ правъ получателя; 4) должны лишаться пособій тѣ безработные, которые откажутся взяться за работу своей профессіи при нормальныхъ условіяхъ труда и оплаты, если такая работа будетъ имъ предложена; 5) право на пособіе имѣютъ всѣ работоспособные жители города, оставшіеся безъ работы, при чемъ не должна служить препятствіемъ къ полученію пособія наличность у безработнаго собственной мебели, «нѣсколькихъ сотъ марокъ въ сберегательной кассѣ» или вообще небольшого движимаго или недвижимаго имущества; 6) если безработный получаетъ уже пособіе отъ профессіональнаго союза или изъ другого источника, то городское самоуправленіе можетъ уменьшить свое пособіе не болѣе чѣмъ на половину величины выдаваемаго профессіональнымъ союзомъ пособія.

Послѣдній пунктъ содержитъ въ себѣ нѣкоторое подчеркиваніе роли профессіональныхъ союзовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если среднее пособіе отъ союза составляетъ 4 мар. 30 пф. въ недѣлю, то организованные рабочіе будутъ получать даже по зачетѣ половины все же на рубль въ недѣлю больше неорганизованныхъ. Но городамъ предоставляется право и вовсе не зачитывать—тогда преимущества организованнаго рабочаго будутъ еще больше. Правда, эти преимущества имѣютъ источникомъ не общественныя средства, а собственные взносы рабочихъ въ профессіональные союзы. Для общественныхъ средствъ получается, наоборотъ, экономія на всю сумму засчитываемой ими части профессіональнаго пособія. При средней безработицѣ въ 2% среди всѣхъ профессіонально организованныхъ рабочихъ и служащихъ Германіи, должно быть нормально круглый годъ 100 тыс. безработныхъ. При экономіи на каждомъ организованномъ безработномъ въ 2 мар. 15 пф. въ недѣлю, это дало бы городскимъ самоуправленіямъ сбереженіе въ 11,2 милл. мар. въ годъ. Какъ увидимъ, среднее городское пособіе на безработнаго составляло въ Германіи въ введшихъ его до 1 янв. 1915 г. городахъ всего 42 пф. въ недѣлю. Общій расходъ на пособія безработнымъ при нормальномъ двухпроцентномъ ихъ количествѣ составилъ бы около 100 милл. мар. въ годъ (безъ сел.-хоз. раб. и

прислуги), т.-е. всего 30%, нѣсколько менѣе трети того, что они получали бы, если бы пособіе равнялось полной заработной платѣ. Слѣдовательно, можно сказать, что нынѣшняя государственно-коммунальная система пособій представляетъ германскому рабочему едва треть его средней обычной заработной платы. Нѣсколько больше абсолютно получаютъ профессіонально-организованные безработные—въ среднемъ около 8 мар. 57 пф. въ недѣлю, въ томъ числѣ 4 мар. 30 пф. отъ своего союза и 4 мар. 27 пф. отъ городского самоуправленія (въ свою очередь, получающаго до двухъ третей этихъ 4 мар. 27 пф. отъ имперской и мѣстной государственной казны). Но и средній заработокъ профессіонально организованныхъ въ Германіи выше заработка средняго рабочаго вообще.

Легко замѣтить выгодность системы «приплатъ» или, что то же, зачета лишь части профессіональнаго пособія и для города и для союза и для рабочаго. Если бы городъ зачитывалъ цѣликомъ все союзное пособіе, т.-е. на сумму его уменьшая собственное пособіе—то союзы просто прекратили бы выдачу пособій изъ своихъ средствъ. Разъ организованные и неорганизованные рабочіе все равно получали бы одинаковыя пособія, разъ всѣ жертвы организованныхъ рабочихъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ отдающихъ въ кассы профессіональныхъ союзовъ 2% своего скуднаго заработка, приводили бы только къ сокращенію городскихъ расходовъ, а для членовъ союзовъ были бы тѣ же результаты, что и для никогда не приносившихъ никакихъ матеріальныхъ жертвъ неорганизованныхъ,—то союзамъ не имѣло бы смысла расходовать хоть пфеннигъ на пособія. И потому, когда (до приведеннаго постановленія союзнаго совѣта) нѣкоторые германскіе города попробовали полностью зачитывать союзное пособіе—такъ было, напр., въ Шэнебергѣ (200 тыс. жит., предмѣстье Берлина)—союзы прекратили тамъ вовсе выдачу пособій. Для городской казны это было ощутительно, и черезъ пару мѣсяцевъ тотъ же Шэнебергъ, напр., заключилъ съ союзами соглашеніе о зачетѣ лишь половины союзнаго пособія съ тѣмъ, чтобы размѣръ пособія каждому безработному мужчинѣ составлялъ не менѣе 6 мар. и не болѣе 12 мар. въ недѣлю, а каждой безработной женщинѣ—не менѣе 5 и не болѣе 10 (минимумъ выплачивается и неорганизованнымъ).

Между тѣмъ при нынѣшней системѣ приплатъ, при зачетѣ половины профессіональнаго пособія, получается слѣдующее. Городъ расходуетъ на каждаго организованнаго безработнаго 4 мар. 27 пф. въ недѣлю вмѣсто 6 мар. 42 пф., которыя онъ тратитъ на неорганизованнаго. Союзъ выдаетъ своему безработному члену только

4 мар. 30 пф. въ недѣлю вмѣсто большей суммы, какую пришлось бы выдавать при отсутствіи городского пособія. И самъ организованный безработный получаетъ, наконецъ, 8 мар. 57 пф. въ недѣлю, на треть больше того, что онъ получалъ бы, если бы былъ неорганизованнымъ. И для городского самоуправленія, и для самого рабочаго выгоднѣе, чтобы рабочій былъ организованнымъ. Разумѣется, еще выгоднѣе было бы для рабочаго, да и правильнѣе по существу, если бы использованіе ими собственныхъ сбереженій, составляющихъ собственность профессіональныхъ союзовъ, вовсе не принималось во вниманіе при назначеніи городскихъ пособій (какъ не принимается во вниманіе по рѣшенію союзнаго совѣта наличность вкладовъ въ сберегат. кассахъ). Уже довольно много городскихъ самоуправленій Германіи стало на эту точку зрѣнія. Неорганизованные рабочіе при нынѣшней германской государственно-коммунальной системѣ получаютъ городскія пособія при безработицѣ *безъ всякихъ предварительныхъ взносовъ* со своей стороны въ то время, когда они еще работаютъ. Если же организованные рабочіе дѣлаютъ по доброй волѣ предварительные взносы въ кассы профессіональныхъ союзовъ, то справедливо не мѣшать имъ затѣмъ полностью использовать результаты своей предусмотрительности и прежнихъ пожертвованій. Поступать иначе—значитъ наказывать за предусмотрительность и за готовность откладывать, хотя бы и съ трудомъ, резервъ на черный день. Изъ городовъ съ упорядоченной организаціей пособій безработнымъ (см. ниже) совершенно не засчитываютъ пособій проф. союзовъ нѣсколько болѣе трети—наиболѣе прогрессивныя самоуправленія страны.

Въ отсутствіи требованія предварительныхъ взносовъ отъ рабочихъ для права полученія пособія при безработицѣ заключается одно изъ важнѣйшихъ положительныхъ отличій нынѣшней германской системы отъ «гентской». Но неупорядоченность точнымъ закономъ и необязательность самаго введенія выдачи пособій для городскихъ самоуправленій—это создало неповсемѣстность ихъ введенія, неодинаковость размѣровъ и пестроту организаціи,—три недостатка, которые будутъ устранены, вѣроятно, лишь законодательствомъ мирнаго времени.

IV.

Черезъ мѣсяцъ послѣ упомянутаго ассигнованія рейхстагомъ 200 милл. мар., 3 дек. н. ст. союзомъ металлистовъ, а черезъ 2 мѣсяца—генеральной комиссіей професс. союзовъ произведены были двѣ,

охватившія почти всѣ города анкеты о государственно-коммунальныхъ пособіяхъ безработнымъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ союзъ металлистовъ опубликовалъ свою анкету особой книгой, содержащей 223 стр. («Arbeitslosenfürsorge», Штуттгартъ, 1915), а генер. комиссія отпечатала собранныя ею данныя въ своемъ органѣ. Такимъ образомъ, имѣются сводныя данныя о состояніи дѣла во всей Германіи къ 1 февр. н. ст. 1915 г. Въ дальнѣйшемъ произошло мало перемѣнъ, ибо все большее сокращеніе безработицы замедлило или остановило введеніе выдачи пособій при ней еще въ новыхъ городахъ, а принудительность отсутствовала.

Къ концу января 1915 г. городскія самоуправленія, согласно этимъ анкетамъ, оказывали нѣкоторую помощь безработнымъ лишь въ 527 городахъ и городкахъ Германіи. Но часть мѣстностей, преимущественно мелкіе городки, ограничиваются выдачей пособій лишь отъ случая къ случаю, не имѣютъ даже устава, регулирующаго всѣ стороны дѣла и потому не могутъ быть сочтены обладающими какой-либо прочной системой государственно-коммунальныхъ пособій. Только 384 города ввели регулярную выдачу еженедѣльныхъ пособій на основаніи особо утвержденныхъ статутовъ. Только здѣсь безработный имѣетъ *право* на пособіе, и притомъ пособіе опредѣленнаго размѣра; во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ онъ предоставленъ усмотрѣнію и случайной помощи городскихъ служащихъ, которымъ отпущены на это нѣкоторыя суммы.

Во всей Германіи считается 3.740 поселеній болѣе чѣмъ съ 2 тыс. жителей въ каждомъ. Слѣдовательно, къ 1 февр. н. ст. лишь 10% мѣстныхъ самоуправленій воспользовалось правомъ ввести государственно-коммунальныя пособія (если не считать чисто сельскихъ общинъ съ населеніемъ ниже 2 тыс. чел.). Разумѣется, въ нихъ сосредоточена гораздо бо́льшая доля населенія. По моему подсчету (анкеты содержатъ гл. обр. сырой матеріалъ), въ городахъ съ урегулированной особымъ статутомъ системой госуд.-коммун. пособій безработнымъ жило въ 1915 г. свыше 20. 600 тыс. чел., т. е., половина всего населенія страны, живущаго въ поселеніяхъ свыше чѣмъ съ двумя тыс. чел. въ каждомъ. Въ половинѣ городской Германіи оформленная государственно-коммунальная система пособій безработнымъ стала совершившимся фактомъ уже къ концу перваго полугодія войны. Отсутствіе принудительности повело къ бездѣйствію мѣстныхъ самоуправленій, обслуживающихъ другую половину. Правда, эта вторая половина приходится преимущественно на такія мѣста, гдѣ въ силу мѣстныхъ причинъ, война не создала обостренія безработицы. Изъ 48 городовъ съ населеніемъ свыше 100 тыс., пособія не введены въ 12. Изъ нихъ городскія управленія въ Кенигс-

бергѣ и Познани, съ самаго начала, жалуются на недостатокъ рабочихъ, ибо въ этомъ районѣ сразу призваны были и запасные и ополченцы. Городскія думы Бохума, Дортмунда, Двисбурга, Гельзенкирхена, Саарбрюкена, Мюльгейма въ Рурѣ, Эссена и Гамборна заявляютъ, что въ этихъ мѣстахъ, съ самаго начала войны, не замѣчается роста безработицы, а скорѣй недостатокъ рабочихъ. Всѣ эти города—центры горной, металлургической и оружейной промышленности, и по даннымъ союзовъ металлистовъ и горнорабочихъ отзывы городскихъ самоуправленій правильны. Магистратъ Магдебурга отвѣтилъ въ январѣ н. ст., что никогда еще количество безработныхъ не было столь мало въ городѣ, какъ теперь, а вводить систему госуд.-комм. пособій въ качествѣ постояннаго учрежденія магистратъ не желаетъ «принципіально». Наконецъ, въ Данцигѣ городское самоуправленіе тоже принципіально не желаетъ слышать о страхованіи безработныхъ. И въ магдебургской и въ данцигской думѣ большинство принадлежитъ націоналъ-либераламъ, которые остались при своемъ рѣшеніи, несмотря на протесты рабочихъ союзовъ и с. д. гласныхъ. Въ общемъ, однако, по приведенной характеристикѣ положенія въ невведшихъ пособія 12 крупныхъ городахъ можно, повидимому, заключить, что система госуд.-ком. пособій не введена была, главнымъ образомъ, тамъ, гдѣ не было обостренія безработицы. Поскольку имѣлись безработные, въ такихъ мѣрахъ выдавались нерѣдко пособія отъ случая къ случаю, устраивались общественныя работы и т. п., обычно въ весьма скромныхъ размѣрахъ.

Однако, не всѣ 384 города съ оформленными статутами могутъ быть признаны обладающими системой госуд.-комм. пособій въ видѣ, имѣющемъ хоть какое-либо реальное значеніе. Есть города, которые назначаютъ всего 1 марку въ недѣлю взрослому мужчинѣ. На такія средства нельзя не только жить, но даже и смягчить нужду. Такъ какъ отсутствуетъ законодательное установленіе размѣровъ пособія, то многіе города, опять-таки главн. образомъ мелкіе, послѣдовали «настоятельной рекомендаціи» имперскаго правительства лишь чисто-формально. Если выдѣлить тѣ пункты, гдѣ размѣръ городского пособія на семью, состоящую изъ мужа, жены и одного ребенка, составляетъ хотя бы марку въ день, то такихъ городовъ окажется лишь 166, въ каждомъ свыше 5 тыс. жит., съ общимъ населеніемъ въ 16.685 тыс. чел. Въ окончательномъ итогѣ система госуд.-комм. пособій безработнымъ не только формально, но и при сколько-нибудь имѣющемъ значеніе размѣрѣ пособій введена лишь для четверти всего населенія Германіи—правда, для той четверти, которая наиболѣе въ этомъ нуждается.

Крупнѣйшая профессіональная организація Германіи—Легинов-

скій союзъ металлистовъ, насчитывавшій предъ мобилизаціей 532 тыс. членовъ (черезъ годъ, 31 іюля 1915 г.—лишь 270 тыс. да 241,5 тыс. подъ ружьемъ). Этотъ союзъ разослалъ 25 сент. н. ст. 1914 г. по многимъ центрамъ свой проектъ статута о выдачѣ городами пособій безработнымъ. Согласно проекту союза металлистовъ, размѣры коммунальнаго пособія должны составлять въ недѣлю для одинокаго рабочаго 4 мар. 90 пфен., для женатаго, но бездѣтнаго 7 марокъ, на ребенка должна затѣмъ прибавляться 1 мар. 40 пф. въ недѣлю. Если взять 36 крупныхъ городовъ (свыше 100 тыс. жит. въ каждомъ), то средній размѣръ назначаемыхъ ихъ статутами городскихъ пособій оказывается равнымъ въ недѣлю: для одинокаго безработнаго—5 мар. 03 пфенн.; для женатаго, но бездѣтнаго—7 мар. 67 пф.; на каждаго ребенка дополнительно—1 мар. 45 пфен. Средняя семья въ составѣ мужа, жены и ребенка получаетъ такимъ образомъ 9 мар. 12 пф. въ недѣлю въ видѣ государственно-коммунальнаго пособія, т.-е. всего 40% средняго недѣльнаго заработка германскаго промышленнаго рабочаго (по отчету за 1913 г.).

Такое пособіе получаютъ отъ города какъ организованные, такъ и неорганизованные. Организованные получаютъ пособія еще отъ своихъ професс. союзовъ, и здѣсь возникаетъ упомянутый уже вопросъ, слѣдуетъ ли въ такихъ случаяхъ уменьшать городское пособіе и на сколько. Въ 166 городахъ со сравнительно удовлетворительной организаціей постановки всего дѣла этотъ вопросъ разрѣшается самымъ различнымъ образомъ—здѣсь тоже сказалось отсутствіе точнаго законодательнаго регламентированія. Нашлось 17 городовъ (въ томъ числѣ два крупныхъ—Альтона и Крефельдъ), которые полностью засчитываютъ профессіональное пособіе, т.-е. соотвѣтственно уменьшаютъ городское пособіе. Это стоитъ въ противорѣчіи съ имперской инструкціей, но инструкція обязательна лишь для тѣхъ городовъ, которые прибѣгаютъ къ субсидіямъ изъ государственнаго фонда для выдачи безработнымъ. Стоитъ городу отказаться отъ субсидіи—и онъ ничѣмъ не связанъ. Данные 17 городовъ нашли для себя болѣе выгоднымъ засчитывать полностью, профессіональное пособіе, чѣмъ получать государственную субсидію, а нѣкоторые изъ нихъ руководствовались даже не соображеніями выгоды, а принципомъ «непризнаванія профессіональныхъ союзовъ». Во всѣхъ этихъ 17 городахъ, впрочемъ, только 578 тыс. жит. (1915 г.). Изъ остальныхъ 149 городовъ съ 16.107 тыс. жит. наиболѣе справедливый путь избрали 57 центровъ (Ахенъ, Бреславль, Эльберфельдъ, Брауншвейгъ, Барменъ, Ганноверъ, Карлсруэ, Лихтенбергъ, Майнцъ, Мюнхенъ, Страссбургъ, Висбаденъ и др.) Эта группа платитъ членамъ профессіональныхъ союзовъ совершенно

такое же пособіе, какъ и неорганизованнымъ. Во многихъ случаяхъ, впрочемъ, такого незачета своихъ пособій професс. союзы добились лишь послѣ угрозъ полной пріостановкой выдачи пособій изъ союзныхъ кассъ и т. п. Третью группу составляютъ 23 города, введшихъ гентскую систему въ чистомъ видѣ, т.-е. приплаты изъ городскихъ средствъ къ выдачамъ рабочихъ союзовъ ихъ безработнымъ членамъ (на-ряду съ выдачей городомъ неорганизованнымъ назначенныхъ по статуту нормъ). Изъ большихъ городовъ въ эту группу входятъ Берлинъ, Хемницъ, Дрезденъ, Галле, Маннгеймъ и Штуттгартъ. Величина приплаты колеблется обычно отъ половины до 100% пособія самого союза. Въ четвертую группу входятъ остальные 69 городовъ. Они просто выдаютъ членамъ профессіональныхъ союзовъ изъ городской кассы меньшее пособіе, чѣмъ неорганизованнымъ. Иногда это уменьшеніе совсѣмъ не велико, большею частью доходитъ до половины пособія, выдаваемаго независимо профессіональнымъ союзомъ (но не выше). Слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣсколькихъ десяткахъ городовъ выдача городскихъ пособій безработнымъ членамъ союзовъ предоставлена правленіямъ самихъ професс. союзовъ, т.-е. осуществлено самоуправленіе въ полной мѣрѣ, городъ доставляетъ лишь средства. Изъ крупныхъ центровъ сюда относятся Берлинъ, Аугсбургъ, Кассель, Хемницъ, Дрезденъ, Франкфуртъ на М., Маннгеймъ, Шэнебергъ, Страссбургъ, Штуттгартъ, Фрейбургъ и др.

Отдѣльно стоятъ еще «квартирныя» пособія, которыя выдаются 109 городами сверхъ тѣхъ пособій, о которыхъ шла рѣчь до сихъ поръ. Въ числѣ этихъ городовъ—25 съ населеніемъ свыше 100 тысячъ въ каждомъ. Одна десятая 109 городовъ, введшихъ квартирное пособіе, выдаетъ его въ полномъ размѣрѣ квартирной платы, свыше 20%—меньше полной платы, но больше ея половины, затѣмъ 60%—ровно половину и 10%—меньше половины. Иногда городскія самоуправленія ставятъ при этомъ домовладѣльцамъ условіе: согласиться на нѣкоторое пониженіе квартирной платы, обычно не выше чѣмъ на четверть. Въ общемъ можно считать, что безработный, получающій государственно-коммунальное, союзное и сверхъ того квартирное пособіе,—имѣетъ около двухъ третей обычной своей заработной платы. Пособія натурой (молокомъ для дѣтей и т. п.), если имѣютъ мѣсто, почти нигдѣ не отсчитываются отъ денежнаго городского пособія, да и не особенно часто имѣютъ мѣсто въ примѣненіи спеціально къ безработнымъ. Дѣти школьнаго возраста и грудные пользуются городской и государственной помощью въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она установлена (госуд. субсидіи на кормленіе грудью, городскіе безплатные обѣды для школьниковъ и т. п.), без-

относительно къ факту безработицы отца или матери, просто какъ нуждающіяся дѣти.

Нѣкоторые города ввели выдачу пособій также работающимъ укороченное время и не получающимъ поэтому нормальной заработной платы. Это начинаніе отличается явно преходящимъ характеромъ, ибо въ мирное время,—какъ общее правило,—никто сокращенное количество часовъ въ день не работаетъ, да и теперь такихъ лицъ въ Германіи сравнительно весьма мало.

Что касается величины окончательныхъ затратъ городскихъ самоуправленій (включая получаемую ими государственную субсидію), то итоговыхъ данныхъ для всей Германіи еще нѣтъ, и для иллюстраціи можно привести годовые отчеты Берлина (безъ пригородовъ) и Дрездена. Въ оба отчета не входятъ расходы на квартирное пособіе и т. д., а исключительно только на выдачу госуд.-коммун. пособій безработнымъ въ предусмотрѣнныхъ спеціальными статутами размѣрахъ. Въ Берлинѣ выдача пособій городомъ производится съ 1 сент. н. ст. 1914 г. За 52 недѣли, по 29 авг. 1915 г., городское самоуправленіе выдало неорганизованнымъ безработнымъ 2.240 тыс. мар. и членамъ профессіональныхъ союзовъ 814 тыс. мар. За это же время берлинскіе профессіональные союзы выдали своимъ безработнымъ членамъ 3.130 тыс. мар. Городъ долженъ былъ собственно выдать безработнымъ участникамъ союзовъ 1.202 тыс. мар., но съэкономилъ 388 тыс., засчитавъ на эту сумму союзныя пособія. Столь неблагопріятное для членовъ союзовъ соотношеніе между расходами на помощь имъ города и союза (около 20% и 80%) объясняется спеціальными для Берлина условіями: наиболѣе низкія изъ всѣхъ крупныхъ городовъ нормы городскихъ пособій и наиболѣе высокія нормы профессіональныхъ пособій, равно принятіе на себя окружнымъ учрежденіемъ по страхованію отъ инвалидности выдачи пособій части членовъ союзовъ вмѣсто города, съ отдѣльнымъ отъ городского дѣлопроизводствомъ. Уже по этому примѣру можно судить, насколько сложна въ нѣкоторыхъ городахъ организація выдачи пособій и какой пестротой отразилось отсутствіе единообразнаго законодательнаго регулированія, которое установило бы общеобязательныя нормы и болѣе совершенную технику.

Городъ Дрезденъ достигаетъ той же цѣли, т.-е. уменьшенія городскихъ расходовъ на пособія членамъ союзовъ, другимъ путемъ. Именно онъ ограничиваетъ свою приплату къ пособіямъ професс. союзовъ условіемъ, чтобы семейные организованные рабочіе получали лишь тремя марками въ недѣлю больше неорганизованныхъ, а одинокіе—даже только полутора. Благодаря этому Дрезденъ заплатилъ безработнымъ членамъ союзовъ съ 1 сент. 1914 г. по 1 августа

1915 г. только 184,3 тыс. мар. изъ городской кассы, въ то время какъ мѣстные профессіональные союзы выдали имъ изъ своихъ средствъ 697 тыс. мар.—опять соотношеніе, недалекое отъ 20% и 80%. И Берлинъ и Дрезденъ относятся къ 23 пунктамъ съ «гентской системой». Опытъ показываетъ, слѣдовательно, что въ городахъ съ такой организаціей замѣтное значеніе имѣютъ лишь госуд.-коммун. пособія неорганизованнымъ рабочимъ, а члены союзовъ получаютъ прибавки не особенно крупныя къ тому, что имѣютъ отъ своихъ союзовъ. Гораздо лучше обстоитъ для нихъ дѣло въ томъ большинствѣ изъ 166 «благоустроенныхъ въ безработномъ отношеніи» городовъ, которое въ противность гентскому образцу не учитываетъ вовсе факта полученія рабочимъ пособія отъ своего союза или учитываетъ его въ формѣ твердо опредѣленной доли союзнаго пособія, не свыше половины. При «гентской» системѣ на долю союзовъ, какъ мы видѣли, приходится даже до четырехъ пятыхъ.

Какъ бы ни кончилась война, трудно ждать, чтобы имперская власть рѣшилась пытаться взять обратно сдѣланныя теперь уступки въ области организаціи государственно-коммунальныхъ пособій безработнымъ. Мѣра эта введена, такъ или иначе, для половины городского населенія страны; скоро двухгодичная практика войны закрѣпитъ нововведеніе, опирающееся къ тому же на 12-лѣтнюю подготовительную работу; данныя торжественныя обязательства связываютъ, и на стражѣ ихъ стоятъ организованныя массы заинтересованныхъ лицъ и наличность въ рейхстагѣ большинства для развитія и объединенія принятыхъ мѣръ въ законченную систему страхованія отъ безработицы. Тѣмъ болѣе, что первое время послѣ войны ожидается, какъ упомянуто, усиленіе безработицы. «Германская хозяйственная жизнь должна будетъ испытать послѣ войны еще болѣе крупное преобразованіе, чѣмъ при началѣ военныхъ дѣйствій», писалъ въ № 5 Korrespondenzblatta'a за 1915 г. G. Reichel, обсуждая какъ разъ вопросъ о безработицѣ—и мнѣніе это раздѣляется въ извѣстныхъ предѣлахъ даже правительственными кругами, какъ выяснилось на одномъ изъ совѣщаній, которыхъ придется коснуться ниже. Подготовительными мѣрами для облегченія перелома въ направленіи промышленной дѣятельности, связаннаго съ переходомъ отъ характера и условій производства военнаго времени къ мирному положенію,—являются, между прочимъ, усовершенствованіе помощи безработнымъ и организація учрежденій по указанію труда. Вопросъ объ этой организаціи представляетъ самостоятельную тему.

М. Лурье.

Стокгольмъ.

СПОРЪ О ПРИЧИНАХЪ ВОЙНЫ.

Въ первые мѣсяцы войны казалось, что ея причины ясны для всѣхъ: оффиціальная Германія, опираясь на непомѣрное развитіе своихъ вооруженныхъ силъ, рѣшила подчинить себѣ Европу и занять господствующее положеніе среди государствъ и націй культурнаго міра. Германскій милитаризмъ, доведенный до крайняго напряженія, прорвался наружу въ страшной катастрофѣ—въ столкновеніи милліонныхъ армій, снабженныхъ самыми усовершенствованными разрушительными орудіями. Отсюда вытекаетъ необходимость сокрушить этотъ оплотъ милитаризма, какъ источникъ вѣчной тревоги и грозныхъ опасностей для мирнаго существованія народовъ.

Такая постановка вопроса не удовлетворяетъ, однако, стремящихся отыскать болѣе глубокія причины изучаемыхъ явленій. Если происходящія нынѣ событія имѣютъ своимъ источникомъ германскій милитаризмъ, то, спрашиваютъ они, чѣмъ объяснить восторженно-патріотическое отношеніе къ нимъ всего нѣмецкаго народа, вполнѣ солидарнаго, повидимому, съ этимъ милитаризмомъ? Война стала національною для нѣмцевъ съ перваго момента своего возникновенія; вся нація, безъ различія классовъ и партій, сознательно идетъ за правительствомъ въ его стремленіи къ расширенію Германіи на счетъ сосѣднихъ странъ и къ захвату путей на Ближній Востокъ и въ Малую Азію. Это національное единодушіе нѣмцевъ въ дѣлѣ войны не позволяетъ считать за нее отвѣтственнымъ одного Вильгельма II съ его приближенными.

Война, какъ говоритъ профессоръ Э. Д. Гриммъ, «создана не легкомысліемъ или коварствомъ кабинетовъ, а всѣмъ ходомъ европейскаго развитія послѣднихъ десятилѣтій, всѣмъ складомъ экономической жизни Европы и характеромъ международной политики всѣхъ европейскихъ государствъ». Нѣмецкая міровая политика «является лишь неизбѣжнымъ отраженіемъ общеевропейской экономической политики». Въ частности, вооруженная борьба между германскимъ міромъ и славянскимъ была «стихійно-неиз-

бѣжна» [1]). Другими словами, германскіе правители, рѣшившись напасть на Францію и Россію, исполняли только неизбѣжный законъ исторіи, и, слѣдовательно, обвинять ихъ за это нѣтъ основанія. Само собою разумѣется, что проф. Э. Д. Гриммъ въ своемъ разсужденіи о неизбѣжности войны имѣлъ въ виду всю совокупность сложныхъ политическихъ условій, характеризующихъ современное положеніе Европы, въ томъ числѣ, вѣроятно, и прусско-германскій милитаризмъ, олицетворяемый династіею Гогенцоллерновъ.

Другіе изслѣдователи идутъ гораздо дальше и прямо впадаютъ въ какой-то безнадежный фатализмъ. Въ этюдѣ г. В. Мукосѣева объ экономическихъ причинахъ войны, помѣщенномъ въ томъ же сборникѣ, какъ и статья проф. Гримма, высказывается мысль, что настоящая борьба народовъ «несомнѣнно, въ своихъ исходныхъ мотивахъ обусловливается какимъ-то общимъ закономъ и вытекаетъ изъ него, какъ неотвратимое слѣдствіе его послѣдовательнаго и неуклоннаго развитія». Г. Мукосѣевъ склоненъ думать, что «здѣсь существуетъ какое-то роковое предопредѣленіе, исполняется имманентная вещамъ и отношеніямъ необходимость», и путемъ ознакомленія съ хозяйственно-политическою исторіею послѣднихъ лѣтъ онъ старается показать, «насколько война въ сущности была неотвратимой». Она «является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ закономѣрнаго развитія мірового хозяйства и неизбѣжнымъ результатомъ экономическихъ противорѣчій и національныхъ антагонизмовъ, заключающихся въ современномъ міровомъ хозяйствѣ». Дѣло въ томъ, что по гигантскимъ размѣрамъ своей промышленной производительности и торговли Германія далеко оставила за собою Англію и Францію, и потому она нуждалась въ соотвѣтственномъ колоніальномъ расширеніи, которое «должно было неизбѣжно вызвать великую войну». Очевидно,—заключаетъ г. В. Мукосѣевъ,—«при наличности этихъ глубокихъ экономическихъ антагонизмовъ міровая война оказывалась неотвратимой, какъ неотвратимы законы хозяйственнаго развитія, породившіе имперіализмъ и эти антагонизмы». Въ основѣ этой борьбы лежали «факторы чрезвычайной экономической силы, не допускавшей возможности устраненія ея изъ міровой конъюнктуры; поэтому кровавый исходъ ея въ ближайшемъ будущемъ былъ неизбѣженъ и неотвратимъ» [2]).

Мы видимъ здѣсь полное теоретическое оправданіе всей воинственно-наступательной политики Германіи въ послѣднемъ кризисѣ,

---

[1]) Вопросы міровой войны. Сборникъ статей подъ ред. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. 1915, стр. 3, 7, 13 и др.

[2]) Тамъ же, стр. 225, 228, 259, 267 и др.

приведшемъ къ катастрофѣ. Если кровавый исходъ былъ неизбѣженъ и неотвратимъ, какъ утверждаетъ и г. В. Мукосѣевъ, то всѣ наши нападки на реальныхъ виновниковъ войны теряютъ разумный смыслъ. Напротивъ, намъ пришлось бы тогда признать, что эти непосредственные устроители мірового пожара—Вильгельмъ II и К°—служатъ только исполнительными органами какой-то высшей воли, играющей роль Провидѣнія, и что сама Германія является лишь орудіемъ и жертвой великаго историческаго процесса, подчиняющагося своимъ особымъ законамъ, надъ которыми она не имѣетъ никакой власти. Вопросъ объ отвѣтственности ея правителей за возбужденіе настоящей войны отпадаетъ тогда самъ собою. Виноватыхъ нѣтъ,—по крайней мѣрѣ, со стороны Германіи. Можно ли, однако, примириться съ такимъ положеніемъ, при которомъ величайшія массовыя злодѣянія оправдывались бы историческими или экономическими законами, совсѣмъ не зависящими отъ воли людей?

Стоитъ только ближе присмотрѣться къ аргументаціи сторонниковъ такого «глубокаго» пониманія событій, чтобы убѣдиться въ ея логической несостоятельности. Дѣйствительно, германская промышленность достигла колоссальнаго развитія; она завладѣла рынками въ разныхъ частяхъ свѣта, благодаря дешевизнѣ своихъ издѣлій и приспособленности ихъ къ запросамъ и вкусамъ туземныхъ потребителей; она вытѣсняла своими продуктами британскіе товары въ самой Англіи и ея колоніяхъ, особенно въ Индіи. Нѣмцы снабжали Францію предметами даже такихъ отраслей производства, которыя издавна считались спеціальностью французовъ; значительная часть такъ называемыхъ «articles de Paris», игрушекъ, куколъ и т. п. изготовлялась для французскаго рынка въ Германіи. «Всѣ фарфоровыя мадонны и вообще всѣ предметы католическаго культа, въ томъ числѣ для мѣстъ обычнаго паломничества, какъ и всѣ сувениры и фарфоровыя бездѣлушки французскихъ курортовъ,—говоритъ д'Авенель,—составляли до послѣдняго времени почти исключительную область германскаго производства» [1]). Ежегодный вывозъ германскихъ товаровъ въ другія европейскія государства оцѣнивался приблизительно въ 7.800 милліоновъ марокъ, а въ другія части свѣта — около двухъ съ половиною милліардовъ; нѣкоторая часть этой послѣдней цифры выпадала на долю чужихъ колоніальныхъ владѣній. Германія, несомнѣнно, одержала верхъ надъ Англіею и Франціею въ сферѣ крупной промышленности и торговли; она послѣдовательно и безпрепятственно побѣждала ихъ на міровомъ рынкѣ.

---

[1]) „Revue des deux Mondes", 1915, 15 mai.

Эти необычайные успѣхи германской производительности могли возбудить недовольство англичанъ и французовъ, могли вызвать въ Англіи и Франціи желаніе насильственной защиты ихъ національныхъ интересовъ; поэтому, если изъ-за экономическаго соперничества могла возникнуть война, то только со стороны потерпѣвшихъ странъ, въ видахъ самозащиты, а никакъ не со стороны торжествующей Германіи, процвѣтаніе которой возрастало именно въ годы мира. Между тѣмъ Франція и Англія не думали о войнѣ и не готовились къ ней; онѣ свыклись съ мыслью о германскомъ промышленномъ «засильи» и все болѣе проникались духомъ миролюбія, слѣдуя только по необходимости въ слабой степени за Германіею въ дѣлѣ вооруженій. Нельзя забывать, что за послѣднее двадцатилѣтіе французы и англичане дѣятельно разрабатывали и поддерживали идею третейскаго суда въ международныхъ спорахъ; лондонскій и парижскій кабинеты отнеслись съ безусловнымъ сочувствіемъ къ предложенному Россіею созыву Гаагской конференціи мира и къ проекту постепеннаго сокращенія вооруженныхъ силъ и военныхъ бюджетовъ главныхъ европейскихъ державъ. Подобные же взгляды проводились и въ литературѣ; во Франціи мечты объ Эльзасѣ сводились къ ожиданію будущаго мирнаго торжества справедливости, когда обновленная въ демократическомъ духѣ Германія добровольно устроитъ плебисцитъ въ завоеванныхъ провинціяхъ и возвратитъ ихъ Франціи согласно желанію населенія. Книга француза Поля Лакомба—«La guerre et l'homme»—сплошной обвинительный актъ противъ теоретиковъ и защитниковъ войны; сочиненіе англичанина Анжеля Нормана о «великой иллюзіи» было краснорѣчивымъ и убѣдительно мотивированнымъ протестомъ противъ воинственныхъ софизмовъ нѣмецкихъ публицистовъ. Франція и Англія не идутъ далѣе обязательныхъ заботъ объ оборонѣ; онѣ прибѣгаютъ къ системѣ международныхъ соглашеній, чтобы образовать противовѣсъ германскому тройственному союзу,—чему положилъ начало король Эдуардъ VII.

Обезпеченіе прочнаго мира въ Европѣ оставалось неизмѣннымъ лозунгомъ тѣхъ странъ, которыя въ наибольшей мѣрѣ подвергались воздѣйствію поразительныхъ промышленныхъ успѣховъ Германіи; а Германія, имѣвшая всѣ основанія быть довольною достигнутыми результатами, непрерывно вооружалась и активно стремилась къ войнѣ. Вся новѣйшая проповѣдь безпощадныхъ воинственныхъ предпріятій исходитъ отъ Германіи, отъ ея писателей-патріотовъ и военныхъ спеціалистовъ. Говорятъ, что эта наступательная воинственность вызвана потребностью «колоніальнаго расширенія»; но зачѣмъ было бы нѣмцамъ проливать потоки крови ради пріобрѣте-

нія новыхъ колоній въ собственность, когда они отлично устраивали свои дѣла въ чужихъ колоніальныхъ владѣніяхъ, безъ всякихъ жертвъ и усилій? Они имѣютъ гораздо болѣе крупные торговые обороты съ чужими колоніями, чѣмъ съ своими собственными. Притомъ, если бы дѣло шло о колоніяхъ, то не было смысла затѣвать войну съ Россіею, которая въ сущности сама была колоніею для нѣмцевъ, представляя собою обширный рынокъ для сбыта германскихъ фабричныхъ издѣлій и для полученія неограниченныхъ запасовъ сырья. Надо помнить также и то, что вѣдь съ главною колоніальною имперіею—Великобританіею—Германія не разсчитывала воевать въ настоящее время и впуталась въ кровавый конфликтъ съ нею противъ воли. Африканскія колоніи, населенныя дикарями, имѣютъ сравнительно малую цѣнность для интересовъ германской промышленности и торговли, и изъ-за обладанія этими колоніями нѣмцы, конечно, не стали бы предпринимать грандіозную міровую войну; а богатѣйшія въ мірѣ британскія колоніи—Индія, Канада, Австралія—не могли бы быть пріобрѣтены путемъ успѣшной войны съ Англіею, такъ какъ индійскіе вассалы располагаютъ своими собственными средствами защиты. Остальныя колоніи имѣютъ свое самостоятельное существованіе, дающее имъ возможность ограждать свою безопасность отъ внѣшнихъ враговъ. Попытка завоевать эти автономныя британскія колоніи была бы безцѣльна и непосильна для Германіи, даже если бы послѣдняя обладала военнымъ флотомъ, способнымъ положить конецъ британскому владычеству на моряхъ. Теорія «колоніальнаго расширенія», очевидно, не объясняетъ и не оправдываетъ войны со стороны Германіи.

Недостаточно еще указанія на существующія между народами экономическія и политическія противорѣчія, чтобы дѣлать отсюда выводъ о неизбѣжности войны. Національные и международные антагонизмы, хотя бы они казались непримиримыми въ данное время, вовсе не приводятъ и не должны приводить непремѣнно къ кровавой развязкѣ. Тридцать лѣтъ тому назадъ считалась неизбѣжною и неотвратимою война между Россіею и Англіею; и тогда выступали ученые публицисты съ разсужденіями на тему о непреложныхъ законахъ исторіи, въ силу которыхъ «съ роковою необходимостью» должна была будто бы совершиться страшная катастрофа. И тогда намъ приходилось возражать противъ фаталистическаго пониманія событій, котораго придерживался извѣстный соціологъ, покойный С. Н. Южаковъ [1]). Печальныя предсказанія тогда не

1) См. „Вѣстникъ Европы“, 1885, августъ: „Неизбѣжна ли война?“ (По поводу книжки С. Н. Южакова объ „англо-русской распрѣ“).

оправдались: казавшіяся неразрѣшимыми англо-русскія несогласія постепенно смягчались при помощи взаимныхъ уступокъ и соглашеній, и въ концѣ концовъ Англія сдѣлалась союзницею Россіи. Великое значеніе настоящей войны вовсе не умаляется отъ того, что ближайшія причины ея будутъ приписаны вульгарному военно-политическому честолюбію, охватившему значительную часть нѣмецкаго общества подъ вліяніемъ спеціальныхъ идей и стремленій, связанныхъ съ господствующимъ въ странѣ милитаризмомъ. Безотвѣтственнымъ вдохновителямъ этого милитаризма предоставлено самовластно рѣшать вопросы войны и мира—и понятно, что они руководствуются въ своихъ рѣшеніяхъ не дѣйствительными интересами промышленности и торговли и не экономическими или иными антагонизмами, а традиціонными завоевательными планами, способными одинаково соблазнять всѣ классы населенія. Германскіе правители не спрашивали у народа или у промышленныхъ дѣятелей, слѣдуетъ ли воевать; постоянно возроставшія вооруженія производились у всѣхъ на глазахъ и не могли имѣть другой цѣли, кромѣ войны, а когда достигнута была полная боевая готовность, обезпечивающая несомнѣнное торжество надъ противниками, то военнымъ спеціалистамъ оставалось лишь сдѣлать изъ этого факта соотвѣтственный практическій выводъ. Выборъ момента для взрыва, естественно, зависѣлъ отъ компетентныхъ руководителей генеральнаго штаба, а когда война была уже объявлена, народу, собственно, ничего не оставалось, какъ только привѣтствовать ее, въ надеждѣ на побѣду и щедрую контрибуцію. Если бы заранѣе спрошены были представители народа и промышленнаго класса, то огромное большинство, по всей вѣроятности, высказалось бы противъ войны, такъ какъ она прежде всего разоряетъ промышленность и трудящееся населеніе. Даже одинъ изъ крупнѣйшихъ германскихъ дѣльцовъ, фаворитъ Вильгельма II, директоръ гамбургско-американской пароходной компаніи, Баллинъ, видимо, не былъ заблаговременно посвященъ въ тайну задуманнаго предпріятія, потому что въ противномъ случаѣ онъ не оставилъ бы значительнаго количества своихъ океанскихъ пароходовъ въ гаваняхъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ они задержаны на все время войны. Компанія Баллина разорилась и объявлена несостоятельною, а самъ онъ, заодно съ подобными же дѣльцами, горячо настаиваетъ теперь на томъ, чтобы по крайней мѣрѣ Германія пріобрѣла какъ можно больше земель и милліардовъ золота. Что же удивительнаго въ томъ, что даже люди, бывшіе до войны сторонниками мира, стоятъ теперь, особенно въ виду успѣха, за рѣшительную завоевательную политику?

Нельзя не принимать во вниманіе, что, собственно, въ одной только

Германіи проповѣдуется принципіальная необходимость войны, какъ единственно возможнаго и законнаго способа разрѣшенія всякихъ международныхъ споровъ. Ни въ какой другой странѣ не раздѣляется эта прусско-германская точка зрѣнія, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія навязывать ее другимъ народамъ и государствамъ, въ видѣ общаго правила, вытекающаго будто бы изъ законовъ исторіи. Нельзя же предполагать, что эти законы исторіи извѣстны только высокопоставленнымъ германскимъ честолюбцамъ и солидарнымъ съ ними льстивымъ публицистамъ, оставаясь недоступными пониманію такихъ просвѣщенныхъ націй, какъ англичане и французы. Наконецъ, если война была «неизбѣжна и неотвратима», то германское правительство не имѣло разумнаго повода отрицать свою иниціативу въ возбужденіи войны и взваливать отвѣтственность за нее на «коварныхъ» противниковъ, для которыхъ эта война явилась полною неожиданностью.

Въ прежнее время признавалось аксіомой, что при широкомъ промышленномъ развитіи и при постоянномъ взаимномъ общеніи культурныхъ народовъ война станетъ невозможною и исчезнетъ изъ политической практики; это мнѣніе поддерживалъ Огюстъ Контъ, и съ нимъ соглашался Гербертъ Спенсеръ. То же самое высказывалъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія извѣстный авторъ «Національной системы политической экономіи», Фридрихъ Листъ. «Вѣроятность вооруженныхъ конфликтовъ—говоритъ онъ—становится тѣмъ меньше, чѣмъ больше развита промышленность и чѣмъ болѣе въ однообразныхъ формахъ распространяется въ мірѣ индустріализмъ» [1]). Фридрихъ Листъ еще не предвидѣлъ того своеобразнаго сочетанія германскаго индустріализма съ прусскимъ милитаризмомъ, какое представляетъ собою современная Германія;—для большинства просвѣщенныхъ нѣмцевъ это сочетаніе не могло тогда считаться нормальнымъ. Оно и теперь по существу остается преходящимъ и эфемернымъ, въ зависимости отъ степени демократическаго развитія народныхъ массъ. Существующій въ Пруссіи и Германіи военно-политическій строй во всякомъ случаѣ не даетъ матеріала для обобщеній, какія склонны дѣлать нѣкоторые писатели глубокихъ причинъ настоящей войны.

Л. Слонимскій.

---

[1]) Ср. Rudolf Kobatsch, La politique économique internationale. Paris, 1913, стр. 325.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Общій характеръ преобразованнаго кабинета.—Съѣздъ „монархистовъ"; его полемика съ прогрессивнымъ блокомъ, его общая окраска.—Отсрочка законодательной сессіи.—Новые министры.

Послѣ недавнихъ перемѣнъ, кабинетъ И. Л. Горемыкина можетъ считаться совершенно обновленнымъ; изъ числа министровъ только одинъ—государственный контролеръ—занималъ этотъ постъ въ кабинетахъ П. А. Столыпина и В. Н. Коковцова. Однороднымъ—за однимъ, повидимому, исключеніемъ—министерство является и по своей окраскѣ; новые его члены, какъ и почти всѣ прежніе, сами называютъ себя «правыми» или близкими къ правымъ. Если еще недавно можно было тѣшить себя мыслью, что «правый» министръ—не совсѣмъ то же, что членъ правой партіи, если можно было думать, что партійность несовмѣстима съ положеніемъ современнаго русскаго министра, то теперь для такихъ иллюзій не остается мѣста. Открывшемуся недавно съѣзду такъ называемыхъ монархистовъ—т.-е. съѣзду крайнихъ, самыхъ крайнихъ правыхъ,—послали привѣтственныя телеграммы министры внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, путей сообщенія; на первомъ засѣданіи съѣзда присутствовалъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій полиціей, «командированный министромъ для передачи съѣзду его искреннихъ привѣтствій и выраженія наилучшихъ пожеланій». Забыты, очевидно, недавнія слова, отрекавшіяся отъ «лейбъ-партіи»; лейбъ-партія оказалась существующей и поспѣшила громко заявить о своемъ существованіи. Нельзя говорить о ней, не касаясь въ то же время министерства; нельзя говорить о министерствѣ, не касаясь крайнихъ правыхъ. Отсюда значеніе съѣзда «монархистовъ»; ничтожный самъ по себѣ, онъ пріобрѣтаетъ характеръ симптома.

Первое, элементарное условіе плодотворной правительственной дѣятельности — согласованность ея съ основными законами государства. Этого условія не признаютъ, съ нимъ прямо идутъ въ разрѣзъ наши «монархисты», которымъ давно слѣдовало бы снять съ себя плохо прикрывающую ихъ маску и прямо назвать себя

абсолютистами. Если бы сомнѣніе на этотъ счетъ было возможно, его разсѣяла бы рѣчь, произнесенная предсѣдателемъ съѣзда. «Мы въ Россіи»,—воскликнулъ бывшій министръ юстиціи,—«исповѣдуемъ ту грамоту, которая принадлежитъ русской исторіи и которая утратится только тогда, когда перестанетъ существовать Россія; я разумѣю всенародную грамоту объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова 1613-го года». Грамота, давно ставшая достояніемъ исторіи, смѣлымъ взмахомъ руки возводится на степень дѣйствующей нормы государственнаго права. И очень понятно, почему: потому что не соотвѣтствуютъ вожделѣніямъ крайнихъ правыхъ истинныя основы легально существующаго строя. Г. Щегловитовъ устраняетъ ихъ ударомъ по воздушному пространству—ссылкою на отдаленное прошлое; другой представитель группы старается обезсилить ихъ путемъ обхода. «Манифестъ 17-го октября,—читаемъ мы въ бесѣдѣ профессора Левашова (небезызвѣстнаго одесскаго дѣятеля и вліятельнаго члена думской крайней правой) съ корреспондентомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей»,—составлялся на-спѣхъ и при исключительныхъ условіяхъ; содержаніе его, поэтому, не вполнѣ точно средактировано и можетъ быть истолковано въ любую сторону». Да, искусство толкованія доведено у насъ, въ послѣднее время, до высокой степени совершенства—т.-е. до крайне низкаго паденія; отрицая то, что несомнѣнно установлено закономъ, оно вкладываетъ въ него, смотря по надобности, совершенно чуждое ему содержаніе. И въ толкователяхъ, готовыхъ взяться за подобную задачу, недостатка у насъ не оказывается. Но кого же могутъ ввести въ заблужденіе полученные такимъ путемъ результаты, особенно если за однимъ закономъ, подлежащимъ «разъясненію», стоитъ цѣлый рядъ другихъ, опредѣляющихъ его настоящій смыслъ? Манифестъ 17-го октября не остался безъ дальнѣйшаго развитія; на немъ построены важнѣйшія статьи основныхъ законовъ, составленныя не «на-спѣхъ» и не поддающіяся толкованію «въ любую сторону». Достаточно припомнить ст. 7 и 11, по которымъ Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой и издаетъ указы въ соотвѣтствіи съ законами,—или ст. 86, по которой никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора. Только игнорируя эти вполнѣ ясныя, никакихъ сомнѣній не возбуждающія постановленія закона, можно утверждать, какъ это дѣлаетъ И. Г. Щегловитовъ, что въ словѣ «самодержецъ» заключается все *безпредѣльное* содержаніе власти Монарха. Болѣе рѣшительнаго расхожденія съ истиной нельзя себѣ и представить. И къ какимъ логи-

ческимъ выводамъ оно приводитъ—это понять нетрудно. Дума, съ этой точки зрѣнія—не что иное, какъ преграда и помѣха, общественныя организаціи—покорные исполнители приказаній, свободы—достояніе привилегированнаго меньшинства, покупаемое раболѣпствомъ.

Не считаясь съ законами, «монархисты» столь же мало считаются и съ фактами. Фальшь слышится уже въ присвоеніи ими монопольнаго права на названіе, одинаково примѣнимое къ цѣлому ряду политическихъ партій и получающее конкретный смыслъ только отъ присоединяемаго къ нему эпитета. Монархія не пріурочена къ одной неподвижной формѣ; какъ и все живущее, она измѣняется въ пространствѣ и во времени, и не въ закостенѣлости, которую хотѣла бы навязать ей извѣстная категорія ея опасныхъ друзей, заключается ея сила. Далеки отъ правды и краски, въ которыхъ изображалось на съѣздѣ недавнее прошлое. Опасность нѣмецкаго засилья, по словамъ г. Левашова, «увеличилась отъ того, что среди насъ явился кружокъ, который затрудненія правительства во время войны считалъ наиболѣе удобными для своихъ цѣлей». Однако,—продолжалъ ораторъ,—«взрывъ воодушевленія всего народа противъ враговъ поставилъ войну съ врагомъ на первое мѣсто; но лѣвые мечтали при такомъ удобномъ случаѣ передѣлывать государство и нашли возможнымъ продолжать свое дѣло, забирать власть себѣ; образовался національный прогрессивный блокъ». Итакъ, былъ такой моментъ, когда война съ внѣшнимъ врагомъ не всѣми ставилась на первое мѣсто, и онъ прошелъ только послѣ «взрыва народнаго воодушевленія»? Но развѣ этотъ взрывъ не совпалъ съ самымъ началомъ войны, развѣ въ немъ не участвовала, 26-го іюля 1914-го года, Государственная Дума? Развѣ не тѣмъ же настроеніемъ была проникнута Дума во время январьской сессіи нынѣшняго года? Развѣ изъ правыхъ круговъ вышло то движеніе, благодаря которому былъ ускоренъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, созывъ Думы, широко организовано участіе общественныхъ силъ въ развитіи обороны, устранены хоть отчасти причины бывшихъ неудачъ? Развѣ не къ той же цѣли былъ направленъ раздавшійся недавно призывъ крайнихъ лѣвыхъ? Развѣ не тѣ же задачи были поставлены на первый планъ при созданіи прогрессивнаго блока? Развѣ иначе могли бы примкнуть къ нему многіе члены Думы, принадлежавшіе къ правому ея крылу, долго шедшіе рука объ руку съ крайними правыми и, конечно, далекіе отъ желанія «передѣлывать государство»? Не ясно ли, что объединеніе недавнихъ націоналистовъ съ прогрессистами и кадетами могло состояться только на основѣ такого широкаго лозунга, какъ торжество надъ внѣшнимъ врагомъ? Этотъ лозунгъ крайніе правые хотѣли бы присвоить себѣ, какъ нѣчто исклю-

чительно имъ принадлежащее; но нетрудно доказать, что именно они имѣютъ на него наименьшее право. Г. Левашовъ—читаемъ мы въ отчетѣ о засѣданіи съѣзда,—«указалъ на необходимость забыть все, кромѣ войны, сплотиться и бороться съ тѣми, кто мѣшаетъ сплоченности народа, кто хочетъ его раздѣлить». Исходя отсюда, онъ первой задачей съѣзда признаетъ... противодѣйствіе домогательствамъ прогрессивнаго блока! Итакъ, на первый планъ выдвигается борьба не съ внѣшнимъ врагомъ, а съ внутреннимъ; средствомъ достигнуть «сплоченія», предупредить «раздѣленіе» является обостреніе домашнихъ раздоровъ. Не противъ германцевъ и ихъ союзниковъ направлена та злоба, которою дышатъ рѣчи «монархистовъ»; въ каждомъ ихъ словѣ слышится непримиримая ненависть къ тѣмъ, кто стоитъ неперекъ ихъ дороги внутри страны, угрожая *ихъ* засилью въ настоящемъ и будущемъ. Этой ненавистью исполненъ г. Левашовъ, когда говоритъ о промышленномъ классѣ, о московскомъ купечествѣ; этой ненавистью исполненъ г. Щегловитовъ, когда говоритъ объ интеллигенціи, «состоящей изъ мыслителей безъ смысла, ученыхъ безъ науки, политиковъ инородческаго, не-національнаго пошиба». И эти господа выступаютъ проповѣдниками единенія, согласія, внутренняго мира! Къ счастью, плохо прилаженная маска безпрестанно падаетъ съ ихъ лица и раскрываетъ черты сѣятелей разлада.

Съѣздъ крайнихъ правыхъ, идущій въ походъ противъ прогрессивнаго блока, берущій на себя разгромъ его программы, при всякихъ другихъ условіяхъ былъ бы только смѣшонъ, такъ велико разстояніе между нападающимъ и предметомъ нападенія. Если, кромѣ смѣха, онъ возбуждаетъ теперь и другое чувство, это объясняется всецѣло серьезностью настоящей минуты, меньше всего подходящей для выступленій такого рода. Въ самомъ дѣлѣ, что такое прогрессивный блокъ? Это—сближеніе и примиреніе партій во имя общаго блага; это—попытка создать широкую почву для дружной работы на пользу страны, переживающей тяжелый, мучительный кризисъ; это—открытіе просвѣта въ лучшее будущее, котораго давно жаждетъ народъ. Кѣмъ задуманъ и призванъ къ жизни прогрессивный блокъ? Главнымъ образомъ—тѣми, изъ чьихъ устъ долженъ былъ раздаться «голосъ русской земли». Какъ ни велики недостатки дѣйствующаго положенія о выборахъ, все же оно, и только оно одно, даетъ формальное право говорить отъ имени населенія имперіи или, по меньшей мѣрѣ, отъ имени многихъ изъ числа его составныхъ элементовъ. Чтобы придти къ соглашенію, представители земли должны были многое забыть и многому научиться: забыть о недавнихъ распряхъ, научиться жертвовать предубѣжденіями ради идеи, частными интересами ради общаго дѣла. И если имъ это удалось, то отсюда

само собою вытекаетъ заключеніе, что серьезны, повелительно серьезны были мотивы, одержавшіе верхъ надъ центробѣжными силами. Что могутъ противопоставить такому союзу десятки или сотни собравшихся въ Петроградѣ крайнихъ правыхъ? Кого и что они представляютъ, отъ чьего лица они чего-то требуютъ, противъ кого-то возстаютъ? Въ Государственной Думѣ крайніе правые, несмотря на энергичнѣйшую поддержку, оказанную имъ на выборахъ свѣтскою и духовною властью, располагаютъ приблизительно одною восьмою частью голосовъ; на что же они разсчитываютъ, пытаясь создать изъ себя какой-то противовѣсъ громадному большинству Думы? На внѣшнюю силу? Но не служатъ ли они для нея источникомъ слабости? Какъ велика цѣна союзникамъ, которые, вмѣсто того, чтобы служить точкой опоры, сами нуждаются въ опорѣ и безъ нея роковымъ образомъ обречены на неудачу?.. Прогрессивный блокъ имѣлъ предшественниковъ, въ лицѣ организацій московскихъ и петроградскихъ, раньше вступившихъ на ту же дорогу; онъ имѣлъ преемниковъ, въ лицѣ земскаго и городского съѣздовъ, городскихъ думъ, земскихъ и даже дворянскихъ собраній. На какихъ предшественниковъ и преемниковъ можетъ указать совѣщаніе крайнихъ правыхъ? Только на такъ называемый «совѣтъ объединеннаго дворянства», выступленіе котораго вызвало недавно протестъ въ средѣ самого сословія. Участникамъ праваго съѣзда остается только одно утѣшеніе: утверждать—какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, г. Левашовъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ газеты,—что «резолюціи общеземскаго и общегородского съѣздовъ и другихъ общественныхъ организацій совершенно не соотвѣтствуютъ настроенію русскаго народа». Но вѣдь это утвержденіе не подкрѣплено даже тѣмъ, что на юридическомъ языкѣ называется началомъ доказательства. И ужъ, конечно, не передъ г.г. Левашовыми открыты пути, ведущіе къ пониманію народныхъ настроеній. Если прибавить ко всему сказанному, что прогрессивный блокъ имѣетъ на своей сторонѣ очень значительную часть независимой печати, а съѣздъ правыхъ—одну только «рептильную» прессу, то едва-ли останется сомнѣніе въ несоизмѣримости представляемыхъ ими величинъ. Если послѣдовать примѣру г. Щегловитова и обратиться за сравненіями къ баснямъ Крылова, то невольно вспоминается... лай на слона.

Прислушаемся, однако, къ этому лаю. Резолюція съѣзда видитъ нарушеніе основныхъ законовъ и покушеніе на права верховной власти въ томъ пунктѣ программы прогрессивнаго блока, гдѣ однимъ изъ условій побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ выставлено созданіе объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся до-

вѣріемъ страны. Въ странѣ, хоть сколько-нибудь приближающейся къ типу правового государства, даже за частными лицами, тѣмъ болѣе—за членами законодательнаго собранія, признается неотъемлемое право указанія на желательность той или другой перемѣны въ государственномъ управленіи. Насколько важно довѣріе управляемыхъ къ управляющимъ—это не требуетъ доказательствъ; отсюда, естественно, вытекаетъ право обсуждать, существуетъ ли такое довѣріе на самомъ дѣлѣ. Совершенно произвольно обративъ обсужденіе въ требованіе, резолюція съѣзда взываетъ къ рѣшительнымъ и безотлагательнымъ мѣрамъ противъ «стакнувшихся» членовъ законодательныхъ учрежденій, въ особенности противъ министровъ, членовъ Государственнаго Совѣта по назначенію и придворныхъ чиновъ, вступившихъ въ соглашеніе съ прогрессивнымъ блокомъ. Уголовная отвѣтственность за *мнѣнія*—излюбленное орудіе всѣхъ тѣхъ, кто преклоняется передъ матеріальной силой. Неудивительно, что къ нему рекомендуютъ прибѣгнуть тѣ же самыя лица, о степени уваженія которыхъ къ основнымъ законамъ сказано выше, по поводу манифеста 17-го октября... Въ «требованіе» превращено съѣздомъ и высказанное прогрессивнымъ блокомъ желаніе амнистіи. Позволяя себѣ увѣрять, что это желаніе не соотвѣтствуетъ чаяніямъ русскаго народа, крайніе правые творятъ народъ по своему подобію; они идутъ въ разрѣзъ съ уроками исторіи, свидѣтельствующими о томъ, какимъ путемъ всего вѣрнѣе достигается единодушіе въ критическія минуты народной жизни... Прогрессивный блокъ высказывается за прекращеніе преслѣдованій изъ-за вѣры; съѣздъ противопоставляетъ этому ничѣмъ не доказанные и къ данному вопросу вовсе не относящіеся случаи отказа отдѣльныхъ сектантовъ отъ исполненія воинской повинности. Что крайнимъ правымъ ненавистна мысль о какомъ бы то ни было расширеніи правъ евреевъ—это разумѣется само собой; но даже имъ слѣдовало бы понять, что именно теперь совершенно непозволительно утверждать, какъ нѣчто «непреложно установленное», что «еврейство ведетъ войну противъ Россіи въ союзѣ съ Германіей»... Чрезвычайно характерно для настроенія и тактики съѣзда то мѣсто резолюціи, гдѣ начавшіяся, будто бы (гдѣ и когда?), студенческія волненія ставятся въ связь съ распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія, облегчившимъ для евреевъ, въ виду обстоятельствъ военнаго времени, доступъ въ высшую школу. Само собою разумѣется, что министръ, пользующійся общественнымъ довѣріемъ, не можетъ не быть ненавистенъ крайнимъ правымъ; но все же они поступили бы осторожнѣе, если бы воздержались отъ словъ: «столь же тревожными являются распоряженія министра народнаго просвѣщенія

по средней и низшей школѣ»... Рекомендуемую прогрессивнымъ блокомъ примирительную политику въ финляндскомъ вопросѣ съѣздъ квалифицируетъ какъ призывъ къ *неисполненію* закона, между тѣмъ какъ она, очевидно, предполагаетъ его пересмотръ. Прогрессивному блоку ставится, наконецъ, въ вину, что онъ не коснулся борьбы съ дороговизной и съ нѣмецкимъ засильемъ. Этотъ упрекъ, еще раньше сдѣланный блоку въ извѣстной бесѣдѣ А. Н. Хвостова съ представителями печати, падаетъ самъ собою, если припомнить, что задачей блока было соглашеніе фракцій по *спорнымъ* вопросамъ, къ числу которыхъ ни борьба съ дороговизной, ни борьба съ съ нѣмецкимъ засильемъ не принадлежала.

Полемикой съ прогрессивнымъ блокомъ творчество праваго съѣзда исчерпывается еще не вполнѣ. Отрицая право народныхъ представителей отказывать въ своемъ довѣріи представителямъ власти, съѣздъ признаетъ такое право за собою. Больше всего онъ пользуется имъ по отношенію къ падшимъ величинамъ, выражая «удовлетвореніе смѣною тѣхъ министровъ, которые проявили либо бездѣятельность, либо сочувствіе домогательствамъ прогрессивнаго блока, либо оказали ему дѣйственную помощь». Онъ готовъ, однако, идти и дальше, конечно—съ должною осторожностью; выше приведено сказанное имъ по адресу министра народнаго просвѣщенія... Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: недозволенное другимъ съѣздъ считаетъ дозволеннымъ ему, собственными руками опрокидывая теорію неприкосновенности власть имущихъ. Находя «своевременнымъ» сентябрьскій перерывъ въ занятіяхъ Госуд. Думы и Госуд. Совѣта, онъ присваиваетъ себѣ право хвалить правительство—а между тѣмъ, уже во времена Николая I-го было признано, что право хвалить логически предполагаетъ право порицать, въ силу чего «ограниченному уму подданныхъ» и запрещалось хвалить дѣйствія власти. Или, можетъ быть, въ свободѣ хвалы и порицанія члены съѣзда видятъ награду, заслуженную ихъ все превозмогающимъ усердіемъ и кристально прозрачною чистотою ихъ намѣреній?..

Общеизвѣстна полнѣйшая бездѣятельность такъ называемыхъ монархическихъ организацій во время настоящей войны. За исключеніемъ одного В. М. Пуришкевича,—значительно, повидимому, измѣнившаго свой образъ мыслей и блиставшаго на съѣздѣ своимъ отсутствіемъ,—именно и только бездѣятельностью отличились всѣ главные представители крайнихъ правыхъ партій. Понятно, съ какою ненавистью они должны относиться къ организаціямъ другого рода, самоотверженная и въ высшей степени производительная работа которыхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій служитъ имъ живымъ укоромъ. Эта ненависть отразилась и въ резолюціи съѣзда, обращаю-

щей вниманіе правительства на то, что «всероссійскій земскій и городской союзы и военно-промышленные комитеты съ одной стороны загораживаютъ и препятствуютъ здоровой дѣятельности земскихъ и городскихъ самоуправленій, а съ другой стороны присваиваютъ себѣ задачи, принадлежащія единственно государственной власти». Въ устахъ крайнихъ правыхъ «обращеніе вниманія правительства» равносильно призыву къ репрессіямъ и запретамъ. Рабской привычкѣ всего ожидать отъ власти они остаются вѣрными даже въ такія минуты, какъ переживаемыя теперь Россіей. Правительство, все сосредоточивающее въ своихъ рукахъ, подозрительно относящееся ко всякой общественной и личной иниціативѣ—и небольшая группа добровольцевъ, награждаемыхъ за свою благонамѣренную «наблюдательность»: вотъ идеалъ, по-прежнему продолжающій носиться передъ глазами своеобразныхъ «монархистовъ».

Объ изолированности крайнихъ правыхъ, о полнѣйшемъ отчужденіи ихъ отъ широкихъ круговъ общества и народа свидѣтельствуетъ составъ съѣзда. Активную роль играли почти исключительно бывшіе министры (г.г. Щегловитовъ, Макаровъ, Маклаковъ) и обычные ораторы крайней правой фракціи Государственной Думы. Что новаго и живого могли внести въ оборотъ эти слишкомъ хорошо извѣстные противники новой жизни? Не выдѣлились изъ среды присутствовавшихъ тѣ «черноземные, сильные люди», на неисчислимые ряды которыхъ любятъ ссылаться пѣвцы черносотенной мощи. Судя по неполнымъ, отрывочнымъ свѣдѣніямъ, проникшимъ въ газеты (засѣданія съѣзда происходили при закрытыхъ дверяхъ), не было даже единодушія въ средѣ съѣзда; обнаружился разладъ между внѣшне-господствовавшей, благодаря президіуму бюрократической группой и группой церковно-народной, ораторовъ которой не хотѣли слушать, возраженія которой противъ резолюціи не принимались во вниманіе. Участники съѣзда называли его «совѣщаніемъ», какъ бы указывая на то, что настоящій съѣздъ еще впереди, что пока идетъ только его подготовка. Весьма можетъ быть, что нѣчто въ родѣ только-что закончившагося представленія еще повторится, и повторится неоднократно, даже въ болѣе крупныхъ размѣрахъ; но главные актеры всѣ уже договорились до конца, а отъ нѣсколько большей многочисленности статистовъ ничего измѣниться не можетъ. Пускай еще разъ или много разъ раздастся проповѣдь человѣконенавистничества и обскурантизма; это только раскроетъ съ еще большею очевидностью безсиліе проповѣдниковъ.

Одновременно съ извѣстіемъ объ окончаніи занятій съѣзда «монархистовъ» въ газетахъ появилось слѣдующее сообщеніе: «На основаніи пун. II ст. 19 правилъ о военномъ положеніи, командую-

щій войсками не нашелъ возможнымъ разрѣшить въ Москвѣ съѣзды общегородской, общеземскій и военно-промышленный». Комментаріи излишни.

Возобновленіе занятій Гос. Думы, Высочайшимъ указомъ отъ 30-го августа предопредѣленное въ ноябрѣ, указомъ 23-го ноября отложено впредь до завершенія подлежащими комиссіями Совѣта и Думы подготовительныхъ работъ по обсужденію проекта государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1916-ый годъ. Въ тотъ же день воспослѣдовали Высочайшіе рескрипты на имя предсѣдателей Госуд. Совѣта и Госуд. Думы. «Въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ военнаго времени»,—сказано въ рескриптѣ на имя М. В. Родзянко,—«проектъ государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1916-ый годъ не могъ быть изготовленъ и представленъ министромъ финансовъ на уваженіе законодательныхъ учрежденій въ установленный закономъ срокъ. Въ связи съ указаннымъ опозданіемъ и ходъ занятій подлежащей комиссіи Государственной Думы не даетъ пока возможности разсчитывать на скорое окончаніе ея работъ. При такихъ условіяхъ законодательныя учрежденія, въ случаѣ созыва ихъ въ ближайшій, опредѣленный указомъ 30-го августа, срокъ, не могли бы немедленно вслѣдъ за возобновленіемъ своихъ занятій приступить къ установленію государственной росписи на предстоящій бюджетный годъ. Поэтому для предоставленія комиссіямъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы возможности завершить до открытія дѣйствій законодательныхъ учрежденій подготовительные труды по обсужденію проекта государственной росписи и внести свои заключенія въ общія собранія Совѣта и Думы по принадлежности, Я повелѣлъ отсрочить созывъ законодательныхъ учрежденій. Объявивъ о семъ во всеобщее свѣдѣніе указомъ правительствующему сенату, поручаю вамъ своевременно представить Мнѣ объ окончаніи въ подлежащей комиссіи Государственной Думы предварительнаго разсмотрѣнія проекта государственной росписи на 1916-ый годъ». Въ однородномъ по содержанію рескриптѣ на имя А. Н. Куломзина иначе изложенъ только послѣдній параграфъ, гласящій такъ: «Я поручилъ предсѣдателю Государственной Думы своевременно представить Мнѣ объ окончаніи въ подлежащей комиссіи Государственной Думы предварительнаго разсмотрѣнія проекта государственной росписи на 1916-ый годъ». Изъ сопоставленія обоихъ рескриптовъ ясно, что время возобновленія законодательной сессіи поставлено въ зависимость исключительно отъ окончанія занятій *думской* бюджетной комиссіи. И это не могло

быть иначе, потому что разсмотрѣніе государственной росписи въ Госуд. Думѣ всегда предшествуетъ и не можетъ не предшествовать разсмотрѣнію ея въ Госуд. Совѣтѣ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Когда сдѣлалась извѣстной новая отсрочка законодательной сессіи, бюджетной комиссіи предстояло рѣшить, какъ это должно отозваться на ея занятіяхъ. Оправдываться въ чемъ-либо ей не предстояло надобности, такъ какъ изъ текста указа и рескриптовъ видно съ полной ясностью, что не отъ нея зависѣла запоздалость подготовки къ разсмотрѣнію росписи. Изъ объясненій, данныхъ предсѣдателемъ комиссіи, видно, что она работала въ нынѣшнемъ году даже скорѣе, чѣмъ обыкновенно. Когда въ комиссіи сдѣлано было предложеніе ускорить обсужденіе росписи, предрѣшивъ окончаніе его къ 15-му декабря, это вызвало весьма серьезныя возраженія. Госуд. Дума—замѣтилъ членъ комиссіи М. И. Гродзицкій—стоитъ на стражѣ плательщиковъ; ее нельзя заставлять работать ускореннымъ темпомъ. Постановленіе объ ускореніи работъ комиссіи могло бы произвести впечатлѣніе, будто ея работы до сихъ поръ шли медленно... Поддержанное и справа, и слѣва (конечно—по самымъ различнымъ мотивамъ), это мнѣніе одержало верхъ. Само собою разумѣется, что такимъ рѣшеніемъ комиссіи нисколько не исключается ея готовность работать безъ всякихъ ненужныхъ замедленій; оно только сохраняетъ за нею свободу дѣйствій, предупреждаетъ торопливость, которая могла бы оказаться несовмѣстной съ основательностью. Пускай комиссія засѣдаетъ хоть каждый день, но не въ силу заранѣе принятаго ею на себя обязательства. Можно быть увѣреннымъ въ томъ, что со стороны всѣхъ, кому дорогъ авторитетъ Думы, будетъ сдѣлано все необходимое для скорѣйшаго возобновленія ея занятій.

Событія идутъ такъ быстро, что интересное сегодня перестаетъ быть интереснымъ завтра. Перемѣны въ министерствахъ путей сообщенія и земледѣлія, усердно обсуждавшіяся въ половинѣ ноября, къ концу мѣсяца оказались отодвинутыми на задній планъ, сначала—съѣздомъ «монархистовъ», потомъ—отсрочкой законодательной сессіи. Удивляться этому нѣтъ причины: въ новыхъ назна-

ченіяхъ нѣтъ ничего такого, что могло бы надолго привлечь къ нимъ общественное вниманіе. Не говоря уже о томъ, что уходъ А. В. Кривошеина какъ бы компенсируется, съ политической точки зрѣнія, уходомъ С. В. Рухлова, ошибочно было бы видѣть въ бывшемъ главноуправляющемъ землеустройствомъ и земледѣліемъ послѣднюю опору «либеральныхъ» теченій въ кабинетѣ И. Л. Горемыкина. Правда, отставку А. В. Кривошеина праздновали, какъ побѣду, нѣкоторыя правыя газеты; но, по авторитетному, въ данномъ случаѣ, мнѣнію г. Левашова [1]), правымъ торжествовать по этому поводу не приходится. «Поскольку я знаю,—сказалъ г. Левашовъ,—«А. В. Кривошеинъ—человѣкъ опредѣленно правыхъ воззрѣній, состоялъ членомъ палаты Михаила Архангела и довольно аккуратно посѣщалъ ея засѣданія». Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, никакому сомнѣнію, что А. В. Кривошеинъ былъ главнымъ сотрудникомъ П. А. Столыпина въ проведеніи указа 9-го ноября 1906-го и закона 14-го іюня 1910-го года—и эта статья его пассива далеко перевѣшиваетъ, съ точки зрѣнія противниковъ ломки поземельной общины, тѣ улучшенія, которыя онъ внесъ въ организацію правительственной помощи земледѣлію. Въ заявленіяхъ, сдѣланныхъ его преемникомъ представителямъ печати, симпатично признаніе, что все будущее Россіи—въ развитіи и укрѣпленіи новаго строя. Всѣ мечты о хотя бы частичномъ возвратѣ А. Н. Наумовъ называетъ не только нежелательными, но и прямо вредными. Это было бы очень успокоительно, если бы одновременно съ А. Н. Наумовымъ въ составъ министерства не вошелъ А. Ф. Треповъ, несомнѣнно «правый», аттестуемый г. Левашовымъ какъ «человѣкъ весьма энергичный». А. Н. Наумовъ считаетъ себя не принадлежащимъ ни къ какой политической партіи, но ближе всего стоящимъ къ умѣренно-консервативному теченію. Это теченіе въ настоящее время не всегда легко отличить отъ неумѣренно-консервативнаго; и если до сихъ поръ А. Н. Наумову удавалось оставаться въ сторонѣ отъ политики, то отсюда еще не слѣдуетъ, что это ему удастся и на посту министра. Онъ называетъ себя общественнымъ дѣятелемъ; но вѣдь такъ именуютъ себя и представители объединеннаго дворянства, къ которому А. Н. Наумовъ былъ близокъ по званію губернскаго предводителя... Преждевременнымъ, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ назвать привѣтствіе, съ которымъ обратился къ А. Н. Наумову, въ засѣданіи особаго совѣщанія по продовольственному дѣлу, г. Охотниковъ; прежде чѣмъ обѣщать новому министру, отъ имени членовъ законодательныхъ палатъ, «самую благожелательную поддержку», слѣ-

[1]) См. № 15219 „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

довало бы выждать по меньшей мѣрѣ первыхъ шаговъ его въ управленіи министерствомъ... Что касается до перемѣны въ вѣдомствѣ путей сообщенія, то жалѣть объ уходѣ С. В. Рухлова будетъ, конечно, г. Левашовъ, по мнѣнію котораго «трудно сдѣлать больше», чѣмъ сдѣлалъ ушедшій министръ; но раздѣляющихъ это сожалѣніе, въ виду того, что обнаружено совѣщаніями и о чемъ свидѣтельствуетъ г. Пилипенко, едва-ли найдется много. Едва-ли многіе согласятся и съ тѣмъ, что для спеціальнаго дѣла лучше всего подходитъ не-спеціалистъ...

К. Арсеньевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Министерскія программы во Франціи и въ Англіи.—Британскій оптимизмъ и реальный ходъ событій.—Италія и нейтральныя страны.—Событія въ Персіи и въ Месопотаміи.—Нѣмецкія мечты о мирѣ.—Рѣчь германскаго канцлера.

Великія отвѣтственныя задачи, связанныя съ войною, заставляютъ, естественно, стремиться къ привлеченію въ составъ правительства наиболѣе даровитыхъ и выдающихся дѣятелей, пользующихся общимъ довѣріемъ, ибо такіе именно дѣятели могутъ создать то единеніе между властью и народомъ, которое считается необходимымъ для обезпеченія возможныхъ шансовъ побѣды. Такъ образовалось коалиціонное министерство во Франціи, состоящее, можно сказать, изъ цѣлаго ряда свѣтилъ; восемь членовъ его были уже въ разное время во главѣ правительства: Фрейсинэ, Эмиль Комбъ, Леонъ Буржуа, Рибо, Жюль Мелинъ, Аристидъ Бріанъ, Вивіани и Думергъ. Всѣ крупныя политическія партіи представлены въ этомъ министерствѣ: рядомъ съ «правымъ» Дени-Кошеномъ и умѣренными прогрессистами Мелиномъ и Рибо, засѣдаютъ здѣсь крайніе лѣвые, въ томъ числѣ и «объединенные соціалисты», Жюль Гедъ, Самба и Альберъ Тома. Послѣдній, будучи убѣжденнымъ соціалистомъ, является въ то же время отличнымъ руководителемъ дѣла снабженія арміи боевыми снарядами, въ качествѣ товарища военнаго министра. Одинъ изъ лучшихъ французскихъ дипломатовъ, бывшій посолъ въ Берлинѣ, Жюль Камбонъ, сдѣлался ближайшимъ сотрудникомъ Бріана по министерству

иностранныхъ дѣлъ, въ званіи «генеральнаго секретаря» этого министерства. Составленный такимъ образомъ изъ способнѣйшихъ людей всѣхъ партій, новый кабинетъ встрѣтилъ полное сочувствіе и одобреніе въ парламентѣ, что̀ и выразилось въ засѣданіи 3 ноября (нов. ст.), когда, послѣ преній, вызванныхъ правительственною декларацією, почти единогласно принята была формула довѣрія—515 голосами противъ одного, при двадцати-пяти воздержавшихся. Такъ же точно отнеслась къ министерству Бріана и почти вся французская печать, безъ различія направленій. Единеніе оказывается здѣсь не пустымъ словомъ, а нагляднымъ, всѣми признаннымъ фактомъ.

Опираясь на это единодушіе націи, Аристидъ Бріанъ могъ смѣло и откровенно объяснить истинныя цѣли французской политики. «Наша страна—говорилъ онъ въ отвѣтъ на запросы отдѣльныхъ депутатовъ,—не боится публичнаго обсужденія своихъ жизненныхъ интересовъ; она показала себя достойною знать всю правду о положеніи дѣлъ; она съ поднятымъ челомъ бодро выдержала самыя мучительныя, самыя жестокія испытанія. Наступитъ моментъ—къ несчастью, еще далекій отъ насъ, надо имѣть мужество сознаться въ этомъ,—когда можно будетъ поставить вопросъ о мирѣ. Но это случится послѣ того, какъ наши арміи одержатъ побѣду, когда наша земля будетъ очищена отъ непріятеля, оторванныя отъ Франціи провинціи будутъ намъ возвращены, героическая Бельгія освободится и будетъ возстановлена въ своей политической и экономической независимости, и храбрая Сербія избавится отъ вражескаго нашествія. Только тогда мы будемъ имѣть возможность подумать о мирѣ. Каковъ будетъ этотъ миръ? Будетъ ли онъ приспособленъ только къ эгоистическимъ требованіямъ Франціи, удовлетворенной осуществленіемъ своихъ собственныхъ желаній? Нѣтъ, Франція въ этой войнѣ борется за весь міръ; она стоитъ съ мечомъ въ рукѣ, сражаясь за цивилизацію и за независимость народовъ. Она опуститъ свой мечъ только тогда, когда она получитъ всѣ гарантіи прочнаго и продолжительнаго мира; всякія заднія мысли о насильственномъ владычествѣ уступятъ мѣсто идеѣ прогресса и цивилизаціи путемъ свободы народовъ, пользующихся полною автономіею. Таковъ миръ, ради котораго идутъ въ бой французскіе солдаты,—единственный миръ, о которомъ можетъ быть рѣчь... Пока хищный прусскій орелъ сохранитъ свои когти, свой клювъ, свои кровожадныя привычки, до тѣхъ поръ нельзя говорить о мирѣ. Только когда германская нація согласится занять свое законное мѣсто между народами, съ цѣлью развиваться согласно своему духовному существу и съ уваженіемъ къ духу чужихъ народовъ,—только когда мы отнимемъ у нея возможность посягать на независимость другихъ народовъ,—только тогда настанетъ время говорить о мирѣ. Это будетъ французскій миръ, о

какомъ мы мечтаемъ,—славный миръ, который возстановитъ право не только для Франціи, но для всего цивилизованнаго міра».

Ни одинъ голосъ не возражалъ противъ этой широкой военно-политической программы; напротивъ, палата своими рукоплесканіями особенно подчеркивала тѣ мѣста рѣчи Бріана, которыя звучали наибольшею рѣшительностью. Всѣми замѣчено было указаніе на то, что до мира еще очень далеко и что война продолжится еще неопредѣленное время; это вытекаетъ уже изъ самой постановки цѣлей, преслѣдуемыхъ Франціею по свидѣтельству ея премьера. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ война имѣла наступательный характеръ со стороны Германіи и оборонительный со стороны ея противниковъ; а для достиженія надлежащаго мира необходимо, чтобы обѣ группы державъ обмѣнялись ролями,—чтобы союзники дѣйствовали наступательно, а германцы были бы принуждены ограничиваться обороною. Весь ходъ войны долженъ для этого радикально измѣниться, и если германцы больше года держатся въ укрѣпленныхъ ими мѣстностяхъ на чужой территоріи, то для вытѣсненія ихъ оттуда потребуется такой громадный перевѣсъ боевыхъ силъ и средствъ, какимъ еще не скоро будутъ располагать союзники. Судя по намекамъ Бріана, можно думать, что война продлится еще два-три года. И французскій народъ спокойно идетъ на это, довѣряя своимъ талантливымъ и энергическимъ правителямъ.

Въ этомъ отношеніи нѣтъ разногласій ни въ газетной прессѣ, ни въ парламентскихъ кругахъ. Недавніе антимилитаристы, сторонники сокращенія армій и военныхъ бюджетовъ, отказались на время отъ своихъ идей и примкнули къ общему патріотическому движенію противъ прусско-германскаго милитаризма. Только въ одномъ вопросѣ французскіе соціалисты отчасти расходятся съ остальными партіями—въ вопросѣ о желательныхъ результатахъ будущей побѣды и въ частности объ Эльзасѣ и Лотарингіи. Пьеръ Ренодель возбудилъ горячіе протесты въ палатѣ, когда высказался, отъ имени своей соціалистической группы, противъ всякихъ завоевательныхъ плановъ, противъ всякой мысли о присоединеніи какихъ-либо нѣмецкихъ областей; онъ не дѣлалъ по этому поводу никакой оговорки относительно утраченныхъ провинцій, несмотря на настойчивыя напоминанія и возгласы многихъ депутатовъ. Съ точки зрѣнія соціалистовъ требованіе простого возврата Эльзаса-Лотарингіи подъ власть Франціи противорѣчило бы демократическому принципу, въ силу котораго только само населеніе данной области можетъ рѣшать свою судьбу путемъ плебисцита, и нельзя заранѣе говорить о присоединеніи какой-либо территоріи безъ предварительнаго опроса ея жителей. Впрочемъ, этотъ споръ не имѣетъ большого практическаго значенія, тѣмъ болѣе, что и умѣренныя партіи

едва-ли будутъ возражать противъ плебисцита, когда придется опредѣлять будущее политическое существованіе Эльзаса-Лотарингіи; но большинство французовъ, повидимому, склонно видѣть возстановленіе права въ самомъ фактѣ обратнаго присоединенія этихъ провинцій къ Франціи. Остается еще, однако, самое главное— вырвать эти области изъ германскихъ рукъ, и относительно этого предпріятія французскіе соціалисты въ сущности вполнѣ солидарны съ самыми консервативными изъ своихъ соотечественниковъ.

Подобное же объединеніе партій на почвѣ патріотизма установилось и въ Англіи, гдѣ въ составъ министерства Асквита вошли лучшіе и наиболѣе авторитетные парламентскіе дѣятели, начиная съ консерваторовъ, маркиза Лэнсдауна, Бальфура и Бонаръ-Ло, и кончая соціалистомъ Гендерсономъ. Вожди оппозиціи соединились съ правительствомъ для совмѣстнаго веденія государственныхъ дѣлъ въ тяжелую эпоху внѣшней борьбы, и общественное мнѣніе имѣетъ основаніе относиться съ полнымъ довѣріемъ къ этой группѣ выдающихся лицъ, пользующихся почетною извѣстностью въ странѣ. Премьеръ Асквитъ и сэръ Эдуардъ Грей поддерживаютъ своими рѣчами бодрое настроеніе въ обществѣ, хотя и не отрицаютъ допущенныхъ до сихъ поръ ошибокъ и упущеній. Свобода критики сохраняетъ свою силу и между отдѣльными членами кабинета, при чемъ существенныя разногласія разрѣшаются выходомъ того или другого изъ нихъ въ отставку; такъ, бывшіе министры сэръ Эдуардъ Карсонъ и Уинстонъ-Черчилль не затруднились представить палатѣ общинъ подробныя объясненія о мотивахъ своего разлада съ другими членами правительства, хотя нѣкоторые изъ затронутыхъ вопросовъ имѣли довольно щекотливый характеръ.

Бывшій генеральный атторней (по-нашему министръ юстиціи), сэръ Эдуардъ Карсонъ обвинялъ кабинетъ въ неустойчивости политики на Балканахъ, особенно по отношенію къ Сербіи, которой сначала обѣщали своевременную помощь, а потомъ предоставили самой справляться съ непріятельскимъ нашествіемъ, въ виду двусмысленнаго поведенія Греціи; кабинетъ, по словамъ Карсона, не имѣлъ никакого опредѣленнаго плана и колебался въ своихъ рѣшеніяхъ въ самыя критическія минуты. Если греческій король находится подъ вліяніемъ страха, внушаемаго ему Германіею, то почему не попытаться внушить ему такой же страхъ передъ державами четверного согласія? Эти замѣчанія вызвали обстоятельный отвѣтъ министра иностранныхъ дѣлъ, который напомнилъ палатѣ, что перемѣна намѣреній Греціи выяснилась не сразу и что промедленіе произошло именно вслѣдствіе возникшихъ недоразумѣній съ греческимъ правительствомъ. Какъ указалъ въ свое время Асквитъ, мысль объ отправкѣ англо-француз-

скихъ войскъ въ Грецію противъ болгаръ принадлежала аѳинскому кабинету. Въ сентябрѣ, послѣ болгарской мобилизаціи, бывшій тогда премьеромъ Венизелосъ обратился къ Франціи и Англіи съ просьбой прислать вспомогательный корпусъ въ полтораста тысячъ человѣкъ, чтобы дать Греціи возможность исполнить свои обязательства по союзному договору съ Сербіею; и дѣйствительно, греческая армія была мобилизована; но вслѣдъ затѣмъ король Константинъ разстался съ Венизелосомъ, такъ какъ не раздѣлялъ его взгляда на значеніе греко-сербскаго союза. Въ результатѣ, «Сербія, лишенная условленной поддержки со стороны Греціи, подверглась одновременному нападенію центральныхъ имперій и Болгаріи. Англія, Франція и Россія не могли допустить, чтобы Сербія сдѣлалась жертвою этой мрачной комбинаціи». Этимъ и объясняется, по словамъ Асквита и Грея, значительная задержка въ оказаніи необходимой помощи сербамъ.

Съ своей стороны бывшій «первый лордъ адмиралтейства», Черчилль, изложилъ исторію всѣхъ неудавшихся военно-морскихъ предпріятій и закончилъ свой разсказъ нѣкоторыми общими соображеніями о перспективахъ будущаго. «Мы пережили плохія времена,— говорилъ онъ,—и придется, быть можетъ, пережить еще худшія, прежде чѣмъ произойдетъ перемѣна къ лучшему,—но нельзя сомнѣваться, что лучшее наступитъ, если только мы проявимъ твердость и послѣдовательность. Чтобы выиграть войну, намъ нѣтъ надобности оттѣснять германскія линіи черезъ всѣ занятыя ими территоріи или прорывать ихъ. Несмотря на всѣ свои блестящіе внѣшніе успѣхи, Германія можетъ на второй или третій годъ потерпѣть болѣе фатальное пораженіе, чѣмъ если бы въ первый же годъ союзныя войска вступили въ Берлинъ... Военныя силы Англіи все болѣе увеличиваются, а силы Германіи уменьшаются. Кампанія 1915 года характеризовалась недостаткомъ аммуниціи у союзниковъ. Кампанія 1916 года должна рѣшиться противъ Германіи вслѣдствіе недостатка у нея людей. Для насъ, конечно, непріятно видѣть, что правительства такихъ государствъ, какъ Болгарія, на основаніи безпристрастной оцѣнки шансовъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, убѣждены, что побѣда будетъ на сторонѣ центральныхъ имперій. Всѣ малыя государства ослѣплены самоувѣренностью и внушительною обстановкою германскихъ выступленій; они видятъ военный блескъ, но не знаютъ внутреннихъ силъ старыхъ и могущественныхъ націй, противъ которыхъ борется Германія, не знаютъ ихъ способности переносить всякія превратности судьбы, не поддаваться разочарованіямъ, неустанно возсоздавать и возстановлять свое могущество, и съ безграничнымъ упорствомъ идти на-проломъ, черезъ всевозможныя препятствія и страданія, къ достиженію величайшей цѣли, за какую когда-либо сражались люди».

Можно вѣрить англичанамъ, когда они говорятъ о своей рѣшимости добиться желаннаго результата во что бы то ни стало, какихъ бы жертвъ это ни стоило; тѣми же чувствами проникнуты и ирландцы, которые въ лицѣ своего парламентскаго вождя, Джона Редмонда, заявили о своей безусловной солидарности съ правительствомъ. «Ирландія—по его словамъ—исполнила свой долгъ и будетъ исполнять его и впредь, но подъ однимъ условіемъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не поднимался вопросъ о преждевременномъ мирѣ, который былъ бы низкою и преступною измѣною по отношенію къ живымъ и мертвымъ жертвамъ войны». А между тѣмъ жертвы становятся все болѣе чувствительными для англичанъ: германскія подводныя лодки, которыя до послѣдняго времени дѣйствовали лишь въ Сѣверномъ морѣ, появились теперь и въ Средиземномъ—на этомъ главномъ пути на ближній и дальній Востокъ, какъ и къ африканскимъ и азіатскимъ владѣніямъ союзниковъ. Газеты ежедневно сообщаютъ о потопленіи французскихъ и британскихъ пароходовъ въ Средиземномъ морѣ, которое недавно еще считалось обезпеченнымъ отъ всякихъ нѣмецкихъ посягательствъ. Только въ двухъ номерахъ еженедѣльнаго «Times», отъ 12 и 19 ноября, зарегистрированы слѣдующіе случаи нападенія австро-германскихъ подводныхъ лодокъ: близъ Сардиніи потопленъ австрійцами итальянскій пароходъ «Ancona» съ 422 пассажирами, изъ которыхъ около половины погибло и въ томъ числѣ до двадцати американскихъ гражданъ; затѣмъ транспортное судно «Mercian» подверглось орудійному обстрѣлу, при чемъ убито 23 человѣка, ранено 50 и пропало безъ вѣсти 30; потоплены германцами пароходы «California», «Clan», «Moorina», транспортъ «Ramazan» съ отрядомъ индійскихъ войскъ въ 380 человѣкъ, вооруженное судно «Tara» съ 34 матросами, яхта «Irene» съ 22 людьми, итальянскій пассажирскій пароходъ «Firenze», транспортное судно «Southland» (успѣвшее спастись и передать свой военный грузъ другому судну); наконецъ, въ Мраморномъ морѣ была потоплена британская подводная лодка. Сверхъ того, въ Ламаншскомъ каналѣ погибло отъ германской мины большое госпитальное судно «Anglia», шедшее изъ Франціи въ Англію съ 385 ранеными и больными офицерами и солдатами, изъ которыхъ триста спаслось; находившійся вблизи угольщикъ, спустившій свои шлюпки для спасенія утопающихъ, былъ также потопленъ другой миной. Повидимому, противъ подводныхъ лодокъ еще не придуманы или не приведены въ дѣйствіе цѣлесообразные способы борьбы. Англичане гордо мирятся съ этимъ, утѣшая себя сознаніемъ, что тысячи торговыхъ и транспортныхъ судовъ безпрепятственно поддерживаютъ сношенія Англіи съ внѣшнимъ міромъ, и только ничтожный процентъ попадаетъ подъ нѣмецкіе подводные удары.

Вѣра въ будущее не колеблется и не ослабѣваетъ у англичанъ: этотъ духъ спокойной увѣренности преобладалъ и въ рѣчахъ Бальфура и Асквита на банкетѣ лорда-мэра, 9 ноября. Британскій министръ финансовъ, или канцлеръ казначейства, Макъ-Кенна, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ одной американской газеты, заявилъ прямо, что онъ ни на минуту не сомнѣвается въ успѣшномъ окончаніи войны, которая сводится къ вопросу взаимнаго истощенія: кто скорѣе исчерпаетъ свои національные ресурсы, тотъ и окажется побѣжденнымъ. Такъ какъ въ финансовомъ отношеніи союзники гораздо сильнѣе и выносливѣе Германіи и такъ какъ они обладаютъ гораздо большимъ запасомъ человѣческаго матеріала, то они въ концѣ концовъ должны взять верхъ надъ центральными имперіями. Въ Англіи золото остается еще въ полной мѣрѣ основою денежнаго обращенія, и за каждый «клочекъ бумаги», выпущенный казначействомъ, можно получить соотвѣтственное количество драгоцѣннаго металла; система государственнаго кредита не потерпѣла еще никакого ущерба, хотя англичанамъ приходится добывать и тратить милліарды не только на собственные военные расходы, но и на субсидіи союзникамъ. Въ совершенно другомъ положеніи находится Германія, которая, по словамъ Макъ-Кенна, разсчитываетъ на покрытіе своихъ огромныхъ затратъ при помощи будущей грандіозной контрибуціи съ непобѣжденныхъ еще противниковъ; подобные фантастическіе разсчеты могутъ привести только къ банкротству. Оптимизмъ британскихъ министровъ основывается, конечно, на несомнѣнныхъ преимуществахъ Англіи, которая не подверглась непосредственному разоренію и сохранила въ неприкосновенности значительную часть своей внѣшней торговли; но фактическій ходъ событій опредѣляется прежде всего реальными силами и дѣйствіями воюющихъ державъ,—и нельзя отрицать, что положеніе дѣлъ остается пока не особенно благопріятнымъ для противниковъ Германіи.

На Балканахъ австро-германцы и болгары распоряжаются безъ всякихъ стѣсненій; они достигли своей главной цѣли—заняли территорію Сербіи, оттѣснивъ отдѣльныя группы ея войскъ въ предѣлы Албаніи и Черногоріи; они установили прямое сообщеніе между Берлиномъ и Константинополемъ, чѣмъ обезпечивается, съ одной стороны, снабженіе Германіи хлѣбомъ и разными пищевыми продуктами, а съ другой—снабженіе Турціи оружіемъ и боевыми снарядами. Экспедиціонный англо-французскій корпусъ, о которомъ такъ много говорилось, держался въ сторонѣ отъ главнаго театра происходившей борьбы; онъ не успѣлъ или не могъ соединиться съ сербами у Ускюба, какъ предполагалось, или оказать помощь осажденному сербскому отряду въ Монастырѣ: и тутъ и тамъ несчастные сербы были предоставлены

самимъ себѣ, тогда какъ французы и англичане ограничились оборонительными операціями противъ нападеній болгарской арміи, и наконецъ вынуждены были отступить по направленію къ Салоникамъ. Французская печать, и особенно «Temps», горько жаловалась на бездѣйствіе и неподвижность франко-британскихъ войскъ, которыя ни въ чемъ не помогли Сербіи и не помѣшали успѣхамъ австро-германцевъ и болгаръ. Кабинеты державъ четверного согласія продолжали вести безконечные дипломатическіе переговоры съ Греціею, требуя отъ нея удаленія греческихъ войскъ изъ Салоникскаго округа и предоставленія всей этой области съ ея желѣзными дорогами въ распоряженіе англо-французскаго экспедиціоннаго отряда. Греческое правительство не рѣшалось исполнить это требованіе, какъ несогласное съ суверенными правами Греціи, но обѣщало фактически полную свободу дѣйствій и передвиженій для своихъ западныхъ друзей въ предѣлахъ Салоникскаго округа. Понятно, что аѳинскій кабинетъ невольно подчиняется авторитетному вліянію Германіи и не остается равнодушнымъ къ ея настойчивымъ закулиснымъ угрозамъ, но въ то же время онъ не желаетъ ссориться съ могущественными державами согласія. Всѣ попытки убѣдить греческихъ правителей въ необходимости дѣйствовать заодно съ французами и англичанами для предупрежденія угрожающей опасности со стороны усилившейся Болгаріи оказываются напрасными, ибо страхъ передъ германскимъ «засильемъ» сковываетъ греческую дипломатію и заставляетъ ее твердо держаться извѣстнаго, разъ усвоеннаго направленія. Никакіе ультиматумы не измѣнятъ уклончивой тактики короля Константина и его совѣтниковъ; съ другой стороны, полагаться на голословныя ихъ обѣщанія было бы слишкомъ неосторожно, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые греческіе министры, въ бесѣдахъ съ журналистами, серьезно обсуждали уже вопросъ, какъ поступлено будетъ съ дессантными войсками при ихъ вынужденномъ отступленіи изъ пограничныхъ мѣстностей Сербіи и Болгаріи, будутъ ли они обезоружены и задержаны въ Греціи или имъ будетъ дозволено удалиться черезъ Салоники тѣмъ же путемъ, какимъ они прибыли. Французы и англичане не безъ основанія безпокоятся за надежность своей базы и своего тыла; они чувствуютъ себя въ крайне шаткомъ положеніи, въ полной зависимости отъ случайныхъ колебаній и перемѣнъ греческой политики, и это обстоятельство, — которое впрочемъ не трудно было предвидѣть заранѣе,—служитъ достаточнымъ объясненіемъ неудачъ экспедиціоннаго отряда. Державамъ согласія не удалось исполнить взятую на себя задачу на Балканахъ, какъ и въ Дарданеллахъ, а германцамъ, какъ на зло, удается до сихъ поръ все, что они задумали. Для союзниковъ это не есть путь къ побѣдѣ, и потому министры Англіи и

Франціи откровенно откладываютъ начало ожидаемыхъ успѣховъ на неопредѣленное время—на два или три года.

Было бы, однако, несправедливо обвинять дипломатію державъ согласія въ недостаткѣ активности или предпріимчивости; напротивъ, она проявляетъ большую подвижность, что̀ видно уже изъ частыхъ разъѣздовъ ея представителей и уполномоченныхъ съ разными секретными миссіями: такъ, британскій военный министръ ѣздилъ въ Аѳины и Салоники, туда же ѣздилъ французскій министръ безъ портфеля Дени-Кошенъ, и ихъ повсюду встрѣчали съ большимъ почетомъ, даже съ нѣкоторыми признаками народнаго энтузіазма, но результаты ихъ путешествій и переговоровъ едва-ли могутъ имѣть существенное значеніе для хода событій. Большія надежды возлагаются на личныя совѣщанія руководящихъ министровъ и военныхъ дѣятелей союзныхъ странъ, такъ какъ эти совѣщанія создаютъ единство въ планахъ и намѣреніяхъ участниковъ, — единство, безъ котораго немыслимъ успѣхъ совмѣстно предпринятаго дѣла. Между прочимъ, весьма важный по отзывамъ газетъ оффиціальный съѣздъ состоялся въ Кале, 21 ноября, при участіи Бріана и Асквита, лорда Китченера и генерала Галліени, Бальфура и адмирала Лаказа, начальника англійскаго генеральнаго штаба Арчибальда Муррей и генерала Жоффра, назначеннаго теперь главнокомандующимъ всѣми французскими арміями, въ томъ числѣ балканскими, дарданелльскими и колоніальными войсками. Послѣдствія этихъ совѣщаній, какъ увѣряютъ оптимисты, не заставятъ себя долго ждать.

Къ сожалѣнію, даже среди державъ согласія, повидимому, нѣтъ полнаго единства взглядовъ и намѣреній, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ отсутствіе итальянскаго контингента въ составѣ экспедиціоннаго корпуса, отправленнаго на сербскій театръ войны. При открытіи итальянской палаты депутатовъ 18 ноября (1 декабря) министръ иностранныхъ дѣлъ Соннино сдѣлалъ обстоятельный обзоръ внѣшней политики, но ни однимъ словомъ не упомянулъ о готовности Италіи участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ на Балканахъ, хотя краснорѣчиво распространялся о безусловной солидарности съ Англіею и Франціею и о непремѣнномъ желаніи «сдѣлать все возможное для оказанія содѣйствія сербской арміи, облегчая ей полученіе продовольствія (черезъ албанскіе порты) и способствуя ея сосредоточенію до перехода ея въ наступленіе». По словамъ Соннино, «Италія твердо намѣрена всѣми силами продолжать войну и принести еще большія жертвы для осуществленія ея священныхъ національныхъ идеаловъ, а также для обезпеченія общихъ условій, необходимыхъ для независимости, безопасности и взаимнаго уваженія народовъ». Итальянцы, очевидно, руководствуются въ данномъ случаѣ своими особыми на-

ціональными интересами, которые не позволяютъ имъ тратить свои силы на такія союзныя предпріятія, какъ экспедиціи въ Дарданеллы и въ Салоники. Дѣло въ томъ, что Италія, какъ это ни странно, находится формально въ войнѣ только съ Австро-Венгріею и Болгаріею, а не съ Германіею; ни итальянскому правительству, ни германскому нѣтъ разсчета портить эти оригинальныя отношенія, которыя могутъ еще пригодиться въ будущемъ для возстановленія взаимной дружбы. Поэтому Италія избѣгаетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ она рискуетъ встрѣтиться съ германскими войсками, а ограничивается военными операціями въ Трентино и въ Албаніи.

Не менѣе серьезны причины, удерживающія Румынію отъ активнаго вмѣшательства въ балканскія дѣла. Она охотно выступила бы противъ чрезмѣрныхъ болгарскихъ притязаній и воспользовалась бы случаемъ занять Трансильванію, если бы не боялась столкнуться съ Германіею. Министръ-президентъ Братіано упорно стоитъ за сохраненіе нейтралитета, въ полномъ согласіи съ королемъ Фердинандомъ, и эта политика имѣетъ за собою большинство въ парламентѣ. Оппозиція рѣзко нападаетъ на правительство, требуя немедленнаго выступленія противъ австрійцевъ, и встрѣчаетъ повидимому сочувственный откликъ въ значительной части общества. Неудивительно поэтому, что открытіе парламентской сессіи, 15 (28) ноября, ознаменовалось бурными сценами, соотвѣтствующими южному темпераменту румынъ. Тронная рѣчь, прочитанная королемъ, отличалась обычными свойствами такого рода торжественныхъ заявленій—цвѣтистостью формы и неопредѣленностью содержанія. Говоря о жестокой войнѣ, король замѣчаетъ, что «новыя государства, принявшія въ ней участіе, еще болѣе увеличили размѣры европейскаго конфликта». Это положеніе—говорится далѣе—«возлагаетъ на насъ долгъ объединить наши усилія для защиты важныхъ румынскихъ интересовъ и отвлечь наши сердца и умы отъ всѣхъ другихъ заботъ». Палата приглашается затѣмъ попрежнему удовлетворять «нужды нашей дорогой арміи, умѣвшей всегда быть достойною любви и довѣрія страны и являющейся нынѣ болѣе чѣмъ когда-либо оплотомъ положенія, занимаемаго по праву Румыніею». Слова о великомъ значеніи арміи и о необходимости защиты важныхъ румынскихъ интересовъ предполагали какъ-будто практическій выводъ, противорѣчащій политикѣ нейтралитета, и этотъ выводъ былъ громко провозглашенъ оппозиціею. Когда король прочиталъ фразу о «защитѣ румынскихъ интересовъ», въ палатѣ раздались возгласы: «Веди насъ въ Трансильванію! Долой венгровъ! Долой нѣмцевъ!» Возгласы повторились еще съ большею силою при чтеніи словъ объ арміи. Какъ сообщаютъ газетные корреспонденты, король былъ смущенъ и недоволенъ неожиданными перерывами его рѣчи; смущены

были присутствовавшіе въ палатѣ дипломатическіе представители обѣихъ центральныхъ имперій. Одинъ изъ депутатовъ большинства крикнулъ: «позоръ!» На него накинулись члены оппозиціонной группы, и заступились его единомышленники; произошла всеобщая свалка, которая, конечно, никого ни въ чемъ не убѣдила. Изъ этого не-парламентскаго эпизода можно было видѣть, насколько обострился антагонизмъ между правительственною политикою и воинственными стремленіями оппозиціи. Шумныя народныя манифестаціи противъ сторонниковъ Германіи и въ честь четверного согласія, устраиваемыя въ главныхъ центрахъ страны, показываютъ, что масса городского населенія не одобряетъ пассивнаго нейтралитета Румыніи; но отвѣтственные предъ страною министры не могутъ руководствоваться одними чувствами и желаніями, а должны считаться съ реальнымъ положеніемъ вещей: нуженъ крупный внѣшній успѣхъ союзниковъ, чтобы побудить румынъ открыто присоединиться къ нимъ, а до сихъ поръ такого успѣха не было. Систематическія военныя неудачи—хотя бы только временныя—не располагаютъ къ союзу съ тѣми, которые терпятъ ихъ, и противъ этого естественнаго факта трудно бороться.

Союзникамъ вообще не везетъ въ настоящей войнѣ. Англія—не военная держава, и населеніе ея свободно отъ обязательной воинской повинности; между тѣмъ, въ короткое время надо было собрать и поставить на ноги такія силы, о какихъ нельзя было и мечтать два-три года тому назадъ. Англичане теперь только вырабатываютъ у себя надлежащую организацію снабженія арміи оружіемъ и боевыми снарядами, тогда какъ въ Германіи все было заранѣе устроено и подготовлено въ колоссальныхъ размѣрахъ для обезпеченія успѣха въ наступательной войнѣ. Добившись содѣйствія турецкихъ и болгарскихъ войскъ, Германія прорвала желѣзное кольцо, которымъ думали ее окружить, и распространила сѣть своихъ военно-дипломатическихъ предпріятій и интригъ далеко за предѣлы Европы, въ глубь Азіи и на дальній Востокъ. Въ Персіи нѣмецкіе агенты вели дѣятельную агитацію въ пользу священной войны, совмѣстно съ Турціей, противъ враговъ ислама—т.-е. англичанъ и русскихъ; они завербовали вождей воинственныхъ туземныхъ племенъ при помощи подкупа, подняли жандармерію съ ея иностранными офицерами и инструкторами противъ шахскаго правительства, которое будто бы покинуло столицу и отдалось въ руки Россіи, и, наконецъ, сдѣлали попытку вооруженнаго возстанія въ разныхъ мѣстахъ страны. Въ Ширазѣ, въ южной Персіи, жандармы и нѣмецкіе наемники захватили въ плѣнъ британскаго консула и видныхъ членовъ британской колоніи, въ томъ числѣ управляющаго персидскимъ банкомъ, отобрали у нихъ крупныя денежныя суммы, ограбили таможню и увѣрили жителей, что все это дѣлается

по распоряженію изъ Тегерана, въ виду объявленной уже войны съ Англіею и Россіею. Нѣсколько времени спустя, 23 ноября (нов. стиля) получено было извѣстіе, что жандармы и германскіе наемники внезапно напали ночью на городъ Хамаданъ, въ западной Персіи, и заняли его; возставшіе, къ которымъ присоединились недовольные правительствомъ члены меджилиса, утвердились въ городѣ Кумѣ, въ семидесяти миляхъ къ югу отъ Тегерана. Взятые въ плѣнъ англичане отданы подъ наблюденіе германскаго консула Вассмуса, спеціально занимавшагося распространеніемъ прокламацій и памфлетовъ на мѣстныхъ языкахъ, съ призывомъ къ бунту противъ англичанъ, среди пограничныхъ племенъ Афганистана и Индіи. Въ то же время германскій уполномоченный, принцъ Рейссъ, велъ секретные переговоры съ ближайшими совѣтниками шаха, убѣждая ихъ примкнуть къ Турціи и союзнымъ съ нею могущественнымъ державамъ, для избавленія отъ русско-британской оккупаціи; однако, приблизившіяся къ Тегерану русскія войска, занимающія сѣверную Персію, вызвали нѣкоторый поворотъ въ положеніи дѣлъ и успѣли разстроить воинственные планы германцевъ. Какъ объяснилъ лордъ Крю въ палатѣ лордовъ 8 декабря (25 ноября), шахское правительство не имѣетъ достаточно силъ и средствъ, чтобы противодѣйствовать непріятельскимъ интригамъ; оно нуждается во внѣшней поддержкѣ, которую охотно оказываютъ ему Англія и Россія, такъ что персамъ нѣтъ надобности соблазняться заманчивыми предложеніями Турціи и Германіи. Британская дипломатія старается доказать персидскимъ патріотамъ, что имъ выгоднѣе держаться прежнихъ союзниковъ, чѣмъ замѣнять ихъ новыми, гораздо менѣе надежными; но мѣстные дѣятели судятъ посвоему и съ интересомъ выслушиваютъ фантастическіе разсказы нѣмецкихъ агентовъ о великихъ побѣдахъ Германіи и о пораженіяхъ ея противниковъ. По послѣднимъ извѣстіямъ (отъ 27 ноября нашего стиля), большой нѣмецко-турецкій отрядъ, состоявшій изъ возставшихъ жандармовъ и вооруженныхъ бандъ, съ артиллеріей и пулеметами, былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство нашими войсками на полпути между Тегераномъ и Хамаданомъ. Это, конечно, самый убѣдительный для персовъ аргументъ въ пользу Россіи и Англіи.

Большое значеніе придавалось британской экспедиціи, направлявшейся къ Багдаду; но, повидимому, она окончилась неудачей. Отрядъ генерала Таунзенда успѣшно подвигался впередъ въ Месопотаміи, съ юга, вдоль Тигра и Евфрата; достигнувъ Ктезифона, въ восемнадцати миляхъ къ югу отъ Багдада, онъ 22 ноября (нов. ст.) напалъ на турецкія войска и занялъ ихъ позиціи, отбивалъ въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней всѣ контръ-атаки турокъ, и затѣмъ, вслѣдствіе недостатка воды, отошелъ на четыре мили назадъ, къ рѣкѣ,—

или, какъ говорится въ позднѣйшихъ сообщеніяхъ, отступилъ въ виду большихъ потерь и прибытія турецкихъ подкрѣпленій. Всего погибло или выбыло изъ строя въ этихъ операціяхъ 4.567 человѣкъ. Въ ночь на 30 (17) ноября генералъ Таунзендъ «выдержалъ арьергардный бой противъ превосходныхъ силъ непріятеля», при чемъ долженъ былъ бросить два рѣчныхъ судна, послѣ того какъ были приведены въ негодность орудія и машины. Отрядъ находился тогда на обратномъ пути отъ Багдада къ Куте-Амара. Будутъ ли посланы ему на помощь новыя силы или экспедиція будетъ отложена на неопредѣленное время—еще неизвѣстно.

Несмотря, однако, на внѣшніе успѣхи Германіи и на видимыя неудачи ея противниковъ, именно нѣмцы все чаще и настойчивѣе возбуждаютъ вопросъ о мирѣ. Ни въ Англіи, ни во Франціи не раздается ни одного голоса въ пользу прекращенія войны до одержанія побѣды, а въ нѣмецкой печати постоянно пускаются пробные шары относительно предстоящихъ будто-бы попытокъ мирнаго посредничества между обѣими группами воюющихъ державъ. Нѣмецкое общество, которому обѣщали молніеносное торжество на всѣхъ фронтахъ, не разсчитывало на слишкомъ продолжительную войну и не было приготовлено къ ней; оно жаждетъ окончательной развязки и не можетъ дождаться ея. Германская соціалъ-демократія—или, вѣрнѣе, передовая часть ея—требовала свободнаго обсужденія этого вопроса въ журналистикѣ и въ публичныхъ собраніяхъ; наконецъ, она рѣшила внести его въ имперскій парламентъ, чтобы заставить канцлера высказаться о предметѣ, волнующемъ умы народныхъ массъ. Въ засѣданіи 9 декабря (26 ноября) представитель соціалъ-демократической фракціи, Шейдеманъ, мотивируя свой запросъ, высказалъ рядъ замѣчаній, которыя не могли быть пріятны для правительства. «Народы Европы и въ томъ числѣ, несомнѣнно, и германскій народъ,—говорилъ названный депутатъ,—желаютъ мира, но правительства воюющихъ странъ попали въ заколдованный кругъ, изъ котораго они собственными силами выйти не могутъ. Необходимо поэтому положить конецъ ужасному кровопролитію и рѣшительно отказаться отъ всякихъ завоевательныхъ плановъ. Нѣмецкій народъ не желаетъ вести войну ни на минуту долѣе, чѣмъ это требуется для обезпеченія неприкосновенности и независимости Германіи. Война неминуемо приведетъ къ истощенію Европы и въ томъ числѣ, конечно, Германіи, а это истощеніе принесетъ выгоду только Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Германскій народъ желаетъ имѣть свое мѣсто не надъ другими народами, а рядомъ съ ними. Весь міръ съ напряженнымъ вниманіемъ ждетъ слова имперскаго канцлера, чтобы узнать, протянетъ ли онъ первый руку мира противникамъ».

Не легко было Бетманъ-Голльвегу отвѣчать на доводы Шейдемана. Послѣдній какъ будто повѣрилъ неоднократнымъ заявленіямъ канцлера, что Германія ведетъ только оборонительную войну, что она только защищается отъ внезапно напавшихъ на нее враговъ и не стремится ни къ какимъ завоеваніямъ. Бетманъ-Голльвегъ не могъ прямо отречься отъ своихъ прежнихъ утвержденій, но намекалъ на новыя территоріальныя пріобрѣтенія подъ видомъ требованія «гарантій», способныхъ обезпечить Германію отъ вооруженныхъ нападеній въ будущемъ. По словамъ канцлера, «было бы неразумно со стороны германскаго правительства дѣлать предложеніе о мирѣ, пока противники сохраняютъ вѣру въ побѣду и стремятся къ уничтоженію могущества Германіи. Однако, если противники сдѣлаютъ мирныя предложенія, соотвѣтствующія достоинству и неприкосновенности Германіи, то имперское правительство всегда будетъ готово обсудить ихъ». Придется только принять мѣры, чтобы «противники на востокѣ, какъ и на западѣ, не располагали открытыми воротами, черезъ которыя они могли бы въ будущемъ вновь угрожать вторженіемъ въ предѣлы Германіи». «Наши враги должны знать,—продолжалъ канцлеръ, — что чѣмъ дольше и упорнѣе они будутъ вести войну, тѣмъ шире станутъ тѣ гарантіи, которыхъ мы потребуемъ... Всему свѣту извѣстно, что Франція реализовала русскіе займы лишь подъ условіемъ, чтобы русскіе строили крѣпости и желѣзныя дороги въ Польшѣ для борьбы съ нами, и что Англія и Франція считали Бельгію территоріею своего наступленія. Противъ этого мы должны обезпечить себя и въ политическомъ и въ военномъ отношеніяхъ. Мы должны также обезпечить свое экономическое развитіе и сохранить за собою полную свободу выбора средствъ для достиженія этой цѣли... Германскій народъ, проникнутый вѣрою въ свою силу, остается непобѣдимымъ. Мы не дадимъ убѣдить себя словами и будемъ рѣшительно продолжать борьбу, которой желали наши враги. Мы не угрожаемъ никакимъ народностямъ и не стремимся къ подавленію или подчиненію какой бы то ни было національности. Мы боремся только за свою жизнь и безопасность».

Насколько можно понять изъ рѣчи Бетмана-Голльвега, германское правительство смотритъ уже на своихъ противниковъ, какъ на побѣжденныхъ, которые должны быть лишены возможности защищаться въ будущемъ; отъ нихъ будутъ отобраны обширныя области, служащія будто бы открытыми воротами для вторженія въ Германію,— хотя о вторженіи въ Германію, кажется, никто не думалъ до послѣдней войны, которая именно и началась вторженіемъ германскихъ войскъ въ предѣлы Бельгіи и русской Польши. Если нѣмцы не стремятся подавлять или подчинять себѣ чужія народности, то чего же

они хотятъ отъ сербовъ и бельгійцевъ? Бетманъ-Голльвегъ мимоходомъ не стѣсняется лишній разъ заявить, что Германія, объявившая войну Россіи и Франціи, сама подверглась ихъ нападенію и вовсе не желала съ ними воевать; она только обороняется и требуетъ присоединенія чужихъ территорій не для завоевательныхъ, а для оборонительныхъ цѣлей, въ видѣ гарантіи того, что въ будущемъ не придется уже нѣмцамъ вновь объявлять войну сосѣднимъ націямъ: эти націи привыкнутъ наконецъ добровольно подчиняться Германіи и не станутъ возражать, когда она вздумаетъ уничтожить какое-либо слабое государство въ родѣ Сербіи и Бельгіи. Такое наивно извращенное пониманіе событій, предназначенное для вѣрующихъ нѣмецкихъ дѣтей старшаго возраста, едва-ли пригодно для взрослыхъ гражданъ и тѣмъ болѣе для народныхъ представителей, засѣдающихъ въ имперскомъ сеймѣ. Во всякомъ случаѣ, германскій канцлеръ поступилъ весьма неосторожно, заговоривъ объ условіяхъ мира тономъ побѣдителя, когда война еще далеко не окончена;—по меньшей мѣрѣ, было преждевременно съ его стороны разсуждать о противникахъ, какъ о побѣжденныхъ, которымъ можно навязывать какія угодно высокомѣрныя условія.

Вѣрное правительству парламентское большинство, конечно, рукоплескало Бетману-Голльвегу и подчеркивало реальный смыслъ его двусмысленныхъ выраженій; отдѣльные ораторы, какъ предводитель католическаго центра д-ръ Шпанъ, прямо говорили «о необходимости расширенія границъ». Зато представитель соціалъ-демократіи депутатъ Гаазе заявилъ, что его партія не имѣетъ ничего общаго съ подобными взглядами и рѣшительно отвергаетъ ихъ: «пусть германскій народъ и весь міръ знаютъ, что не всѣ члены рейхстага солидарны съ неопредѣленными указаніями канцлера, противорѣчащими интересамъ народныхъ массъ».

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Лозунгъ „все для войны“ и внутреннія реформы. — Необходимые предѣлы расширенія земскаго и городского избирательнаго права.— Самостоятельность органовъ самоуправленія.—Завершеніе организаціи мѣстнаго самоуправленія сверху и снизу.—Земскій и городской союзы и дѣло помощи бѣженцамъ. —Ф. Ф. Эрисманъ, В. Б. Ломтатидзе, Л. К. Дымша и С. Г. Бередниковъ †.

Чуть не каждый день раскрываются новыя свидѣтельства и доказательства того, что лозунгъ «все для войны», вопреки утвержденію съѣзда «бдительныхъ» монархистовъ, не только не исключаетъ необходимости внутреннихъ реформъ и въ области законодательства, и въ области управленія, но, напротивъ, обусловливаетъ ихъ настоятельность и неотложность. Для устраненія всякихъ сомнѣній, достаточно вспомнить хотя бы тотъ сложный рядъ измѣненій устава о воинской повинности, который въ теченіе войны проведенъ въ порядкѣ 87 статьи основныхъ законовъ и въ своей совокупности далъ весьма коренную реформу. Да и сами «истинно-русскіе» союзники, съ негодованіемъ отрицавшіе допустимость во время войны какихъ бы то ни было реформъ, однако, очень опредѣленно разсуждали о законодательныхъ мѣрахъ для обузданія лѣвой печати и о мѣрахъ финансово-административныхъ—для споспѣшествованія правой. Они же, требуя устойчивости состава правительства, привѣтствовали смѣну однихъ министровъ и указали на необходимость смѣны другихъ.

При вступленіи въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, А. Н. Хвостовъ тоже говорилъ, что война—не время для внутреннихъ реформъ. А черезъ какой-нибудь мѣсяцъ онъ срочно одобрилъ и срочно рѣшилъ «въ теченіе ближайшихъ дней» внести въ совѣтъ министровъ проектъ расширенія земскаго избирательнаго права. Такъ, по крайней мѣрѣ, было оповѣщено въ газетахъ 13 ноября. Этотъ проектъ, самъ по себѣ, не можетъ останавливать вниманія, какъ по своему содержанію, такъ и по тому непримиримому противорѣчію, въ которомъ онъ оказался съ одновременно внесеннымъ въ совѣтъ министровъ представленіемъ объ отсрочкѣ до окончанія войны очеред-

ныхъ земскихъ выборовъ 1916 года. Но по мотивамъ онъ несомнѣнно показателенъ. Его отправное положеніе—обнаруженный войною недостатокъ земскихъ работниковъ на мѣстахъ. Его цѣль—устранить этотъ недостатокъ предоставленіемъ пассивнаго избирательнаго права владѣльцамъ неполнаго земельнаго ценза. Разъ, значитъ, потребность сознана, то и въ глазахъ А. Н. Хвостова, ея законодательное удовлетвореніе можетъ и должно послѣдовать независимо отъ войны. Если же такъ, то, слѣдовательно, споръ между прогрессивнымъ блокомъ и его противниками справа переходитъ отъ вопроса объ умѣстности реформъ во время войны къ спору о реформахъ по существу, т.-е. къ спору о томъ, признается ли данная реформа, сама по себѣ, назрѣвшей и необходимой. А отсюда не надо уже дѣлать ни одного логическаго шага, чтобы была ясна истинная природа формулы: «сперва побѣда—потомъ реформы»,—какъ средства отсрочить то, за отсрочку чего по существу невозможно привести никакихъ аргументовъ.

Одною изъ такихъ реформъ, устраняющихъ всякія возраженія, является реформа земскаго и городского самоуправленія вообще и, въ частности, земскаго и городского избирательнаго права,—конечно, не въ тѣхъ предѣлахъ болѣе, чѣмъ проблематическаго «расширенія», которое проектируется для земства министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Возьмемъ за отправную точку сужденій не теоретическія соображенія, а тотъ же самый фактъ, нынѣ, наконецъ, сознанный оффиціальнымъ руководителемъ внутренней политики: недостатокъ работниковъ на мѣстахъ, совершенно одинаковый, какъ для земства, такъ и для городовъ. Война и явившееся въ связи съ войною чрезвычайное развитіе дѣятельности органовъ самоуправленія этотъ фактъ выбросили наружу. Но внутри органовъ самоуправленія онъ ужъ давно почитается очевидной и безспорной истиной. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ онъ былъ признанъ таковымъ и съ высоты Престола. И вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же былъ признанъ вытекающій изъ него выводъ. Указъ 12 декабря 1904 года объявлялъ «неотложной» мѣрой: «призывать къ дѣятельности въ этихъ (земскихъ и городскихъ) учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія».

Едва-ли есть надобность доказывать, что нынѣшняя земская избирательная система органически не можетъ удовлетворять потребности въ земскихъ работникахъ. Система цѣликомъ построена на крупныхъ дворянскихъ земельныхъ цензахъ. Дворянское же землевладѣніе не только таетъ, но мѣстами уже растаяло. Что оно неудержимо таетъ, не скрывали отъ себя даже сами составители положенія 1890 года, которые, отдавая земское дѣло въ руки дворянъ-землевладѣльцевъ, предусмотрѣли возможность неприбытія на избирательное собраніе хотя

бы двухъ третей положеннаго расписаніемъ для уѣзда числа гласныхъ. И на случай этой возможности, они создали такъ называемыхъ протокольныхъ гласныхъ, т.-е. такихъ, которые получаютъ званіе земскихъ избранниковъ безъ избранія, а по протоколу, устанавливающему, что на избирательное собраніе избиратели не прибыли въ требуемомъ закономъ числѣ. Если тогда, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, протокольные гласные составляли исключеніе, то въ настоящее время это исключеніе все болѣе приближается чуть ли не къ общему правилу.

Но въ отношеніи городской избирательной системы, какъ системы безсословной, вопросъ нуждается въ освѣщеніи. Любопытныя по этому предмету данныя приведены въ докладѣ комиссіи петроградской городской думы о главныхъ основаніяхъ пересмотра дѣйствующаго въ Петроградѣ положенія объ общественномъ управленіи, изданнаго въ 1903 году. По городовому положенію 1870 года, въ годъ введенія его въ дѣйствіе, въ 1873 году, число жителей въ Петроградѣ равнялось 720.000 чел. и избирателей было 18.590 чел., т. е. 2,6%. А спустя 29 лѣтъ, въ 1902 году, при дѣйствіи положенія 1892 года число жителей равнялось 1.300.000 чел., избирателей же было всего 6.994 ч., т. е. 0,5%. Положеніе 1903 года предоставило въ Петроградѣ, въ отличіе отъ другихъ городовъ, избирательныя права квартиронанимателямъ. Но и эта мѣра, даже къ 1912 году, не довела абсолютнаго числа избирателей до цифры 1873 года. Въ 1912 году жителей въ Петроградѣ было 1.700.000 чел., избирательными же правами изъ нихъ пользовались 16.293, т.-е. 0,9%. Всѣхъ помѣщеній и квартиръ насчитывалось въ Петроградѣ въ 1912 году 263.000, но только 11% недвижимыхъ имуществъ и 4% квартиръ соотвѣтствовали условіямъ ценза. Для дальнѣйшей оцѣнки приведенныхъ цифръ, небезинтересно еще отмѣтить, что въ томъ же 1912 году избирательными правами для участія въ выборахъ въ Государственную Думу въ Петроградѣ пользовались 75.228 чел. и что ничего подобнаго существующимъ у насъ ограниченіямъ въ правѣ участія въ городскихъ выборахъ нѣтъ нигдѣ на Западѣ.

Если менѣе одного процента жителей столицы привлечено къ дѣлу городского самоуправленія, то, само собою разумѣется, понятно, насколько затруднено образованіе кадра городскихъ работниковъ. И сюда надо еще прибавить, что весь этотъ неполный одинъ процентъ приходится исключительно на лицъ, принадлежащихъ къ строго замкнутому классу людей, наиболѣе состоятельныхъ. Такимъ образомъ, если въ основѣ городской избирательной системы нѣтъ начала сословнаго дѣленія населенія, то въ ней съ неменьшей послѣдовательностью проведено начало дѣленія классоваго. А отсюда вытекаетъ, на-ряду съ недостаткомъ работниковъ, второй дефектъ строя нашихъ муници-

пальныхъ учрежденій, одинаково свойственный и учрежденіямъ земскимъ. Тѣ, кто ведутъ городское хозяйство Петрограда, ни больницами, ни начальными училищами, для себя и для своихъ дѣтей не пользуются. А потому ихъ заинтересованность въ очень многихъ «мѣстныхъ дѣлахъ» не имѣетъ непосредственнаго характера, и, слѣдовательно, дѣло самоуправленія получаетъ окраску, если не сторонняго управленія, то и не самопомощи, а, въ значительной мѣрѣ, помощи другимъ, т.-е. дѣла благотворительнаго.

Комиссія петроградской городской думы не признала цѣлесообразнымъ примѣнить къ городскимъ выборамъ принципъ всеобщаго голосованія. И мы полагаемъ, что на сторонѣ ея мнѣнія лежатъ доводы, имѣющіе рѣшающее значеніе. При осуществленіи права государственныхъ выборовъ, совершенно безразлично, гдѣ застанетъ моментъ голосованія даннаго избирателя, и нѣтъ никакого оправданія системѣ, отличающей постоянныхъ жителей той или другой мѣстности отъ населенія пришлаго и случайнаго, словомъ, не имѣющаго съ мѣстомъ голосованія прочной реальной связи. Ибо государственные выборы производятся съ цѣлью образованія государственнаго представительства, въ которомъ одинаково заинтересованы всѣ граждане. Ибо, во-вторыхъ, постоянный житель Тамбова, Харькова, Москвы или деревни Чухломскаго уѣзда, опуская свой избирательный бюллетень въ Петроградѣ, или наоборотъ, въ той же мѣрѣ содѣйствуетъ торжеству раздѣляемыхъ имъ политическихъ воззрѣній, какъ если бы онъ голосовалъ въ мѣстѣ постоянной осѣдлости.

Мѣстные выборы, городскіе и земскіе, именно требуютъ установленія точныхъ признаковъ, на основаніи которыхъ можно было бы выдѣлить изъ всей массы населенія мѣстности элементы, стойко и длительно связанные съ нею своими интересами. Въ этихъ видахъ теорія всеобщаго избирательнаго права выдвигаетъ, такъ называемый, цензъ осѣдлости, подъ которымъ разумѣется ограниченіе права участія въ мѣстныхъ выборахъ опредѣленнымъ срокомъ проживанія въ данномъ городѣ или въ данномъ уѣздѣ. Но этотъ признакъ едва-ли можно считать, съ одной стороны, достаточнымъ, а съ другой,—охватывающимъ всѣхъ лицъ, реально заинтересованныхъ въ мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Въ первомъ отношеніи неустранимо возникаетъ рядъ вопросовъ, всякое разрѣшеніе которыхъ будетъ страдать дефектами произвольности: какой назначить срокъ, одинъ ли общій для всѣхъ мѣстностей или для каждой мѣстности особый, какъ учитывать случайныя отлучки постоянныхъ жителей и вообще перерывы срока и т. д. При годичномъ, напримѣръ, срокѣ непрерывнаго проживанія въ Петроградѣ могутъ оказаться лишенными избирательнаго права всѣ, уѣзжающіе лѣтомъ на дачи и на курорты, т.-е. чуть не пого-

ловно всѣ лица состоятельныхъ классовъ. При меньшемъ срокѣ—избирательное право можетъ оказаться распространеннымъ на лицъ, пріѣзжающихъ въ Петроградъ для временныхъ отхожихъ заработковъ и не разрывающихъ хозяйственной связи съ мѣстомъ родины.

А во второмъ отношеніи нельзя забывать, что, кромѣ личной заинтересованности въ мѣстныхъ дѣлахъ, есть еще заинтересованность имущественная, тѣсно связанная съ заинтересованностью налоговой. Не только несправедливо отстранять отъ городскихъ и земскихъ выборовъ домовладѣльцевъ въ городахъ и землевладѣльцевъ въ уѣздахъ, хотя и не живущихъ постоянно въ городѣ или въ уѣздѣ, однако платящихъ мѣстные, иногда весьма крупные сборы, — но такая система была бы еще менѣе логичной, чѣмъ система исключительнаго предоставленія избирательнаго права по признаку владѣнія недвижимостью. Нѣтъ самоуправленія безъ самообложенія, и самообложеніе есть главная основа самоуправленія. А потому, если имѣетъ право участвовать въ образованіи органовъ самоуправленія плательщикъ городу за пользованіе трамваями и водопроводомъ, то тѣмъ болѣе долженъ пользоваться тѣмъ же правомъ плательщикъ налоговъ съ недвижимости. Ему должно принадлежать право участвовать, черезъ посредство своихъ представителей, въ установленіи нормъ обложенія, въ расходованіи платимыхъ имъ денегъ и въ наблюденіи за цѣлесообразностью пріемовъ веденія городского хозяйства. И его имущественная заинтересованность въ мѣстныхъ дѣлахъ настолько, въ общемъ правилѣ, длительна, что она смѣло можетъ конкуррировать съ заинтересованностью личной, даже если онъ и не живетъ въ данной мѣстности.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, по мысли петроградской городской комиссіи, право участія въ выборахъ городскихъ гласныхъ должно принадлежать, во-первыхъ, всѣмъ, безъ различія пола, достигшимъ 25-лѣтняго возраста лицамъ, владѣющимъ въ теченіе одного года недвижимымъ имуществомъ, либо торговымъ или промышленнымъ предпріятіемъ, находящимся въ предѣлахъ городского поселенія, и, во-вторыхъ, всѣмъ достигшимъ того же возраста и тоже безъ различія пола квартиронанимателямъ, въ теченіе одного года занимающимъ въ городѣ на свое имя квартиру.

Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петроградъ, есть, конечно, не мало лицъ, живущихъ въ комнатахъ, нанимаемыхъ отъ жильцовъ, и еще гораздо больше—живущихъ въ углахъ. Но всякая избирательная система, кромѣ системы всеобщаго голосованія, всегда будетъ обходить извѣстныя категоріи лицъ. И важно не то, чтобы она охватывала всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, а чтобы не оставались внѣ ея никакіе классы или, какъ говорилъ указъ 12 декабря, части «заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія». Съ этой же точки зрѣнія

предлагаемая конструкція представляется, какъ кажется, вполнѣ удовлетворяющей заданію. По даннымъ податной инспекціи, въ 1913 году въ Петроградѣ насчитывалось недвижимыхъ имуществъ 12.479, торгово-промышленныхъ предпріятій 41.652 и квартиръ 171.730. Общее число городскихъ избирателей по этой конструкціи превышало бы, слѣдовательно, 225 тысячъ человѣкъ, тогда какъ по дѣйствующему закону избирателей всего 16 тысячъ. По типу, предлагаемая конструкція близко подходила бы къ порядку, принятому въ Англіи, гдѣ городскимъ избирательнымъ правомъ пользуются всѣ съемщики квартиръ и другихъ помѣщеній, лавокъ, амбаровъ и т. п.

Не касаясь общаго вопроса о политическомъ равноправіи женщинъ, по поводу предложенія петроградской городской комиссіи уравнять женщинъ съ мужчинами, въ отношеніи мѣстнаго избирательнаго права, нельзя не замѣтить, что такое уравненіе является необходимымъ слѣдствіемъ системы представительства реальныхъ интересовъ и лишь осуществленіемъ того начала, которое признано и дѣйствующимъ закономъ. Женщины, по земскому и городовому положеніямъ, суть такія же избирательницы, какъ и мужчины, и наравнѣ съ мужчинами онѣ вносятся въ избирательные списки. Но дабы право женщинъ участвовать въ направленіи веденія мѣстныхъ дѣлъ не оставалось на бумагѣ, оно подчинено совершенно недопустимой случайности, а именно у избирательницы непремѣнно должны быть мужъ, сынъ, братъ или зять. И такихъ, подчиненныхъ случайности избирательныхъ цензовъ, въ Петроградѣ не ничтожное число, а болѣе трети,—35%.

Въ партійныхъ программахъ довольно распространено требованіе пониженія возрастнаго ценза избирателей съ 25 лѣтъ до 21 года. Опять не вдаваясь въ область общихъ сужденій, приведемъ лишь одно возраженіе противъ этого требованія. При установленіи возрастнаго ценза въ 21 годъ, встанетъ тотъ вопросъ, который нынѣ возникаетъ въ видѣ исключенія,—объ избирательныхъ правахъ молодыхъ людей, учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Едва-ли можно признать нормальнымъ, при крайней нежелательности отдѣлять активное избирательное право отъ пассивнаго, чтобы студенты учебныхъ заведеній могли быть гласными земскихъ собраній и городскихъ думъ, т.-е. нести обязанности, которыя неизбѣжно должны ихъ отрывать отъ учебныхъ занятій. А, между тѣмъ, по условіямъ прохожденія у насъ средней и высшей школы, закончить свое образованіе ранѣе если не 25-ти, то 23—24 лѣтъ, молодые люди рѣшительно не имѣютъ возможности. Конечно, не всѣ молодые люди проходятъ высшую школу. Но устанавливать въ какомъ бы то ни было отношеніи привилегію для молодыхъ людей, остановившихъ полученіе образованія на курсѣ

средней школы, сравнительно съ ихъ сверстниками, послѣ гимназіи поступившими въ высшую школу, столь же ненормально и столь же нежелательно.

Какъ ни велико, однако, значеніе привлеченія къ работѣ въ мѣстномъ самоуправленіи, «на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія», но урѣзывать реформу земскаго и городского самоуправленія реформой избирательнаго права абсолютно невозможно. Ровно столько же, если не больше, чѣмъ расширеніе круга избирателей, городамъ и земству необходимо освобожденіе отъ опеки и отъ властнаго вмѣшательства въ ихъ компетенцію органовъ администраціи. Далѣе, для успѣшности удовлетворенія мѣстныхъ пользъ и нуждъ, города и земство нуждаются въ значительномъ увеличеніи перечня того, что поручено ихъ завѣдыванію, и имъ должны быть предоставлены новые источники полученія средствъ. Наконецъ, жизнь выдвинула уже необходимость образованія не только внѣ городовъ, но и въ городахъ, по крайней мѣрѣ въ большихъ, «общественныхъ установленій по завѣдыванію дѣлами благоустройства въ небольшихъ по пространству участкахъ», какъ называлъ указъ 12 декабря мелкую земскую единицу,—а равно необходимость созданія организацій, стоящихъ надъ губернскими земскими учрежденіями и надъ органами городского самоуправленія, въ видѣ областныхъ и всероссійскихъ земскихъ и городскихъ союзовъ.

Нѣтъ самоуправленія безъ самообложенія,—нѣтъ его и безъ самостоятельности. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», по поводу запрета образованія обывательскихъ комитетовъ, новый министръ внутреннихъ дѣлъ не то съ дѣланной ироніей, не то съ искреннимъ недоумѣніемъ, говорилъ: «Я даже не представляю себѣ, что могли бы сдѣлать обывательскіе комитеты, если бы почему-либо эта задача (упорядоченіе доставки продуктовъ первой необходимости) оказалась не по силамъ даже правительству». Вотъ эта-то точка зрѣнія, устанавливающая параллель между силами правительственной власти и сравнительно меньшими силами органовъ самоуправленія, и заключаетъ въ себѣ глубокую ошибку въ пониманіи природы мѣстнаго самоуправленія. Нельзя сравнивать, чьи силы больше и чьи меньше,—правительства или органовъ самоуправленія. Есть задачи, непосильныя для послѣднихъ и посильныя для перваго. Но такъ же точно и наоборотъ: есть задачи, совершенно недостижимыя для правительственной власти и вполнѣ разрѣшимыя для самоуправляющихся общественныхъ организацій.

И утверждающіе противное не хотятъ считаться съ простой

исторіей возникновенія у насъ земскаго самоуправленія. Авторы положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года были гораздо болѣе далеки, чѣмъ можетъ казаться, отъ теорій ограниченія правительственной власти. Реформу имъ, прежде всего, подсказалъ опытъ, завѣрившій полную невозможность удовлетворенія жизненныхъ потребностей мѣстнаго населенія въ порядкѣ дѣятельности правительственныхъ органовъ бюрократическаго типа. Поэтому они и рѣшили провести грань между компетенціей мѣстнаго самоуправленія и компетенціей правительственной власти, обозначивъ ее ясно и точно занесеннымъ въ законъ опредѣленіемъ, что въ кругѣ ввѣренныхъ имъ дѣлъ земскія учрежденія дѣйствуютъ самостоятельно. Реакція восьмидесятыхъ годовъ не только стремилась стереть всѣ слѣды этой грани, но она шла дальше и, по проекту графа Д. А. Толстого, пыталась обратить земскія учрежденія въ простую инстанцію губернскаго управленія. Такая попытка, однако, не удалась. Земское положеніе 1890 года, а вслѣдъ за нимъ городовое положеніе 1892 года не сохранили страшнаго слова «самостоятельность», но не всѣ элементы самостоятельности мѣстнаго самоуправленія разрушили. Какъ разсуждалъ тогда старый Государственный Совѣтъ, земскія учрежденія, и лишенныя самостоятельности, должны оставаться учрежденіями «самодѣятельными».

Въ итогѣ получилась система, при которой полномочія губернатора и министерства внутреннихъ дѣлъ отнюдь не покрываютъ собой полномочій земскихъ собраній и городскихъ думъ, но администраціи принадлежитъ право вмѣшиваться во все, что дѣлаютъ земство и города, и парализовать рѣшительно каждое ихъ начинаніе. И мечтать, что при такой системѣ нормальная постановка избирательнаго права можетъ обезпечить въ качественномъ и въ количественномъ отношеніяхъ надлежащій контингентъ «работниковъ на мѣстахъ», конечно, не приходится. По дѣйствующему закону, всякое постановленіе земскаго собранія и городской думы можетъ быть губернаторомъ пріостановлено исполненіемъ, и затѣмъ оно можетъ быть отмѣнено присутствіемъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ тотъ же губернаторъ и въ которомъ есть обезпеченное большинство голосовъ, принадлежащее губернскимъ чиновникамъ. Каждый выбранный на исполнительную должность гласный можетъ быть, безъ объясненія причинъ, не утвержденъ въ должности, и каждый приглашенный на земскую и городскую службу служащій можетъ быть, тоже безъ объясненія причинъ, не допущенъ до исполненія обязанностей. Будутъ ли въ силахъ успѣшно вести дѣло мѣстные работники наилучшаго состава, если губернаторъ, по соображеніямъ, для мѣстныхъ интересовъ, во всякомъ случаѣ, постороннимъ, станетъ имъ на каждомъ шагу бросать палки въ колеса?

Земское и городское самоуправленіе обычно упрекаютъ въ склонности вносить въ земское и городское дѣло политику. Но, въ сущности, гораздо больше вносятъ въ дѣло политики не земскіе и городскіе дѣятели, а именно органы надзирающей за ними администраціи. Въ этомъ отношеніи можно привести чрезвычайно характерную справку изъ недавняго прошлаго условій работы петроградской городской думы.

Со времени введенія въ дѣйствіе положенія 1903 года, съ 1904-го до 1912 года включительно, руководящая роль въ думѣ принадлежала стародумцамъ,—людямъ, по политическому облику всего ближе примыкающимъ къ крайнимъ правымъ и къ націоналистамъ. И стародумцы почти не знали, что значитъ неутвержденіе избранныхъ ими членовъ управы и исполнительныхъ комиссій. За всѣ девять лѣтъ не были утверждены только четыре члена различныхъ комиссій. А насколько отрицательно относилась та же самая правительственная власть къ пріемамъ веденія ими городского хозяйства, объ этомъ съ исчерпывающей полнотой свидѣтельствуютъ назначеніе сенаторской ревизіи, давшей въ результатѣ три судебныхъ процесса, а равно объясненія П. А. Столыпина по законопроекту о принудительномъ оздоровленіи Петрограда. Думается, что ни про одну городскую думу въ Россіи никогда не писалось въ оффиціальномъ документѣ того, что было написано въ этихъ объясненіяхъ о дѣятельности стародумцевъ въ Петроградѣ.

И на избирателей, даже нынѣшняго состава, ревизія и проектъ принудительнаго оздоровленія Петрограда произвели рѣшительное дѣйствіе. На выборахъ, происходившихъ осенью 1912 года, стародумцы потерпѣли пораженіе, и руководящая роль въ веденіи городского хозяйства съ января 1913 года перешла къ обновленцамъ. Обновленцы, конечно, прежде всего, приступили къ образованію исполнительныхъ органовъ, и сразу же передъ ихъ искреннимъ и чуждымъ всякаго намека на политику желаніемъ реорганизовать пріемы городского хозяйства выросла стѣна. За первые два года министръ внутреннихъ дѣлъ отказалъ въ утвержденіи: пяти членовъ городской управы, одного кандидата въ члены управы и 22-хъ членовъ комиссій. Не нужно, конечно, говорить, что среди обновленцевъ петроградской городской думы нѣтъ ни одного революціонера, ни одного соціалъ-демократа; но среди нихъ не пользуются популярностью и тенденціи «истинно-русскихъ» союзниковъ. И этого оказалось совершенно достаточно для того, чтобы они встрѣтили неодолимыя затрудненія въ образованіи исполнительныхъ органовъ. Н. А. Маклаковъ мало того, что систематически отказывалъ обновленцамъ въ утвержденіи ихъ избранниковъ, но онъ даже воспользовался своимъ правомъ назначенія чле-

новъ управы. Въ коллегію, съ такими трудностями сформированную обновленцами, онъ посадилъ двухъ стародумцевъ, явно желая внести въ «неблагонадежную» въ его глазахъ коллегію, если не разстройство, то разладъ.

Война дала реальную иллюстрацію, показывающую, насколько успѣшная дѣятельность общественнаго самоуправленія неразрывно связана съ самостоятельностью и съ свободой отъ административнаго вмѣшательства. Эта иллюстрація—работа земскаго и городского союзовъ, развернувшаяся въ безпримѣрную ширь и заслужившая въ одинъ годъ всеобщее, прямо восторженное признаніе. «Бдительные», по выраженію И. Г. Щегловитова, монархисты судятъ о ней, правда, иначе. Они считаютъ «здоровой» ту дѣятельность земскаго и городского самоуправленія, которая протекаетъ въ условіяхъ губернаторскаго надзора и правительственнаго заподозриванія, а о дѣятельности союзовъ, какъ о дѣятельности, очевидно, по ихъ мнѣнію, «нездоровой», они сочли долгомъ сообщить въ порядкѣ «извѣта» правительству. Но мы полагаемъ, что оцѣнка дѣятельности союзовъ, сдѣланная г.г. Розмитальскими, Дубровиными, Орловыми и прочими представителями союзническихъ чайныхъ, хотя и совѣщавшимися въ теченіе трехъ дней совмѣстно съ тремя бывшими министрами, все-таки, представляется менѣе авторитетной, нежели единодушная оцѣнка высшихъ представителей войскового командованія, законодательныхъ учрежденій и общественнаго мнѣнія.

Союзы не знаютъ ни чьихъ бы то ни было властныхъ протестовъ, ни отмѣны рѣшеній, ни утвержденія посторонней властью активныхъ работниковъ. И для тѣхъ, кто объективно слѣдятъ за ихъ кипучей дѣятельностью, конечно, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что причина направляемыхъ къ союзамъ всеобщихъ похвалъ и всеобщей горячей признательности лежитъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ ихъ самостоятельности. Патріотическій порывъ, которымъ охвачены дѣятели союзовъ, въ условіи ихъ дѣятельности нашелъ благодарную почву. На «здоровой» же почвѣ обычной работы земскаго и городского самоуправленія никакой порывъ не могъ бы преодолѣть необъяснимыхъ протестовъ и неожиданныхъ неутвержденій, отравляющихъ самую напряженную энергію. И если г.г. Щегловитовы и Маклаковы начали боевой походъ противъ союзовъ, то это понятно. Въ этомъ походѣ для нихъ одна изъ послѣднихъ ставокъ. Ибо разъ земскій и городской союзы переживутъ войну, то возвратъ земскому и городскому самоуправленію самостоятельности станетъ не необходимымъ, а неустранимымъ.

Едва-ли также возможно будетъ, послѣ окончанія войны, и упразднить союзы и снова обратить земскія учрежденія губерній и органы

самоуправленія городовъ въ то положеніе, при которомъ всякое ихъ стремленіе къ единенію почитается стремленіемъ преступнымъ скопомъ досаждать начальству. Недаромъ мѣсяцъ службы на войнѣ считался прежде за годъ. Вотъ ужъ второй годъ вся страна живетъ, какъ «резервъ», какъ «тылъ» арміи. И что за эти шестнадцать мѣсяцевъ сложилось, вошло въ привычку и сдѣлалось фактомъ дѣйствительности, давность всего того, должно разсчитывать не по долгимъ, тягучимъ срокамъ мирнаго времени, а по мимолетнымъ срокамъ дней войны. Уже сейчасъ въ общественномъ сознаніи земскій и городской союзы не представляютъ собою и тѣни новизны. Уже сейчасъ въ городскихъ и земскихъ управахъ создалась привычка обращаться за руководящими указаніями въ Москву, слѣдовать этимъ указаніямъ и подчиняться имъ. А еще годъ—и привычка сдѣлается потребностью разрушить которую будетъ нелегко.

Строй нашего мѣстнаго самоуправленія представитъ собою законченную картину тогда, когда въ тѣсной и органической связи съ губернскими и городскими организаціями будутъ стоять: надъ ними—союзы, а подъ ними дробныя образованія типа мелкой земской единицы. Въ годы долгихъ предконституціонныхъ ожиданій казалось, что государственное представительное учрежденіе и будетъ завершать сверху строй мѣстнаго самоуправленія. Конституціонныя формы государственнаго строя рисовались тогда въ тѣхъ же очертаніяхъ самоуправленія. Теперь ясно, что это была ошибка ожиданій. У государства въ цѣломъ свои задачи и у государственныхъ органовъ своя сфера дѣятельности. У мѣстнаго же самоуправленія другія задачи и другая сфера дѣятельности. А потому сливать функціи органовъ, объединяющихъ мѣстное самоуправленіе, съ функціями законодательныхъ палатъ нельзя.

Что касается мелкихъ организацій мѣстнаго самоуправленія, то ихъ необходимость стоитъ въ зависимости не только отъ потребности въ нихъ, самихъ по себѣ взятыхъ, но также точно отъ распространенія земскаго и городского избирательнаго права на тѣ классы населенія, которые или вовсе его нынѣ не имѣютъ, или имѣютъ въ уродливыхъ формахъ крестьянскаго представительства въ земствѣ. Главное возраженіе противъ распространенія мѣстнаго избирательнаго права, «на однородныхъ основаніяхъ, на представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія» заключается въ указаніи на рискованность отдать земское и городское дѣло въ руки элементовъ, не обладающихъ ни нужными знаніями, ни опытомъ, ни навыкомъ въ пріемахъ веденія общественнаго хозяйства. И нельзя не сказать, что это возраженіе имѣетъ свою вѣскость. Но что же въ такомъ случаѣ можно предложить лучшаго, чѣмъ обывательскіе коми-

теты въ городахъ и волостное земство въ уѣздахъ? Это и будутъ организаціи, гдѣ на практикѣ общественнаго хозяйства въ маломъ масштабѣ новые элементы полноправныхъ гражданъ станутъ получать политическое воспитаніе. Съ этой точки зрѣнія, совершенно нельзя понять, какъ можетъ А. Н. Хвостовъ, съ одной стороны, отмѣчать недостатокъ на мѣстахъ земскихъ работниковъ и, въ видахъ его устраненія, составлять проектъ расширенія избирательнаго права, а, съ другой,—неукоснительно отклонять всякія попытки образовывать въ уѣздахъ и городахъ обывательскіе комитеты.

Закончимъ тѣмъ, съ чего начали. Во время войны возможны внутреннія реформы, и проведеніе ихъ успѣху войны препятствовать не можетъ. Во время войны пагубны не реформы, а разжиганіе низменныхъ страстей, племенной и классовой вражды. Во время войны глубоко печальны не образованіе парламентскаго прогрессивнаго блока, возникшаго во имя уничтоженія партійной розни, а такія явленія, какъ «совѣщанія» крайнихъ правыхъ, съ ихъ безсодержательными и сплошь наполненными одними «извѣтами» резолюціями.

Если въ актахъ созданія земскаго и городского союзовъ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ нѣтъ формальныхъ основаній для права администраціи бросать имъ палки въ колеса, то отсюда еще далеко не слѣдуетъ, что дѣятельность союзовъ протекаетъ безъ треній. Въ этомъ смыслѣ союзы отнюдь не являются исключеніемъ изъ того общаго правила, которое многими десятилѣтіями сложилось у насъ въ норму дѣятельности общественныхъ организацій, ставящихъ себѣ задачи общественно-политическія, а не добровольческо-полицейскія, какъ единенія «бдительныхъ» монархистовъ всевозможныхъ наименованій, начиная съ лиги добровольной охраны, существовавшей въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, и кончая тѣмъ единеніемъ Гамзѣй Гамзѣичей съ бывшими министрами, которое зафиксировано петроградскими ноябрьскими совѣщаніями въ залахъ русскаго собранія.

Въ первые мѣсяцы войны система заподозриваній какъ будто была оставлена, и общественность, хотя стиснутая условіями военной цензуры, нѣкоторое время дышала относительно свободно. Къ этому времени относится начало дѣятельности всероссійскихъ земскаго и городского союзовъ, для которыхъ каждый день приносилъ новыя задачи. Союзы, не справляясь съ вѣдомственными перегородками, съ готовностью расширяли свою трудную работу и не встрѣчали противодѣйствія. Напротивъ, каждое ихъ новое начинаніе встрѣчалось съ признательностью. Но это время продолжалось недолго. Еще зимой прошлаго года бывшій тогда у власти Н. А. Маклаковъ сталъ вести

опредѣленную политику противодѣйствія союзамъ. И цѣль такой политики тогда же стала ясна. Она велась по стародавнему принципу: «раздѣляй и властвуй». Н. А. Маклаковъ систематически старался поселить рознь между земскими учрежденіями и городами, съ одной стороны, и союзами,—съ другой. Въ распоряженіе союзовъ деньги стали отпускаться съ крайними трудностями и проволочками, а если города и земства обращались къ министру помимо союзовъ, черезъ губернаторовъ, то ихъ просьбы удовлетворялись съ совершенно необычной предупредительностью.

Весной, послѣ того, какъ земскимъ союзомъ былъ уже детально разработанъ планъ подготовительныхъ мѣръ по борьбѣ съ заразными заболѣваніями, дѣло это изъ рукъ союза было изъято. Потомъ оно снова вернулось къ союзу, но тогда, когда для подготовительныхъ мѣръ время уже прошло. И только счастью должно приписать, что, вопреки ожиданіямъ, эпидеміи у насъ не разыгрались. Въ настоящее время создался подобнаго же рода, но еще болѣе рѣзкій, конфликтъ между земскимъ союзомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по вопросу о помощи бѣженцамъ. Конфликтъ настолько обострился и поставилъ работу союза въ настолько тяжелое положеніе, что главный комитетъ счелъ себя вынужденнымъ сложить, возложенныя на него сентябрскимъ съѣздомъ уполномоченныхъ губернскихъ земствъ, обязанности по объединенію земской помощи бѣженцамъ во внутреннихъ губерніяхъ. И объ этомъ комитетъ 16 ноября сообщилъ особому совѣщанію по обезпеченію участи бѣженцевъ, а также оповѣстилъ губернскія земскія управы.

Въ этомъ оповѣщеніи подробно изложена исторія конфликта. Земскій и городской союзы были, въ сущности, первыми организаціями не только въ ряду организацій общественныхъ, но и правительственныхъ установленій, которымъ пришлось принять на себя заботы по оказанію продовольственной и медицинской помощи бѣженцамъ и по устройству другихъ мѣропріятій на путяхъ движенія ихъ сплошными массами. Это было въ началѣ лѣта. И тогда ни военныя власти, ни правительство не возбуждали вопроса о томъ, что оказаніе помощи бѣженцамъ не входитъ въ прямыя задачи союзовъ. Напротивъ, къ союзамъ обращались съ просьбами сдѣлать, что возможно, и необходимыя денежныя средства немедленно отпускались въ ихъ распоряженіе.

30 августа послѣдовало Высочайшее утвержденіе прошедшаго черезъ Государственную Думу закона объ обезпеченіи нуждъ бѣженцевъ. Въ этомъ законѣ, какъ мы отмѣчали въ свое время на страницахъ «Вѣстника Европы», Дума позаботилась о присвоеніи особому совѣщанію при министрѣ внутреннихъ дѣлъ совершенно ему не свойственнаго наименованія высшаго государственнаго установленія и о

подсудности членовъ совѣщанія не общему, а верховному уголовному суду, для дѣятельности же земскаго и городского союзовъ мѣста не отвела. Несмотря, однако, на это, собраніе уполномоченныхъ губернскихъ земствъ и съѣздъ представителей городовъ, по совмѣстномъ обсужденіи вопроса, приняли во вниманіе, что и въ отношеніи всѣхъ вообще отраслей дѣятельности союзовъ имъ приходится работать внѣ регламентаціи закона, и потому признали, что и въ данномъ отношеніи городскія управленія и земскія учрежденія должны дѣйствовать подъ объединяющимъ руководствомъ центральныхъ комитетовъ союзовъ.

Главный комитетъ земскаго союза 17 сентября сообщилъ особому совѣщанію о состоявшемся постановленіи собранія уполномоченныхъ и просилъ совѣщаніе о всѣхъ его рѣшеніяхъ и указаніяхъ на мѣста ставить комитетъ въ извѣстность. На это сообщеніе такъ и не послѣдовало до настоящаго времени отвѣта. Осталось безъ отвѣта и лично заявленное 11 октября кн. Г. Е. Львовымъ и М. В. Челноковымъ министру внутреннихъ дѣлъ ходатайство, хотя А. Н. Хвостовъ сказалъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мысль о цѣлесообразности объединенія дѣятельности мѣстныхъ земствъ и городскихъ самоуправленій по оказанію помощи бѣженцамъ въ земскомъ и городскомъ союзахъ. Но расходовать деньги союзамъ приходилось безостановочно. Къ концу сентября главнымъ комитетомъ земскаго союза было перерасходовано изъ общей кассовой наличности 1.700 тыс. рублей, къ 7 октября—2.700 тыс. И только 13 октября комитетъ получилъ извѣщеніе, что деньги на покрытіе перерасхода и авансъ на расходы дальнѣйшіе въ суммѣ трехъ милліоновъ рублей, вмѣсто испрашивавшихся пяти милліоновъ, въ его распоряженіе ассигнованы. Но самыя деньги комитетъ получилъ лишь 3 ноября, когда сумма, равная всему отпущенному авансу, уже полностью была истрачена по требованіямъ губернскихъ земствъ.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ объединенія помощи бѣженцамъ союзъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ подвергался мѣрамъ, обычнымъ для учрежденій, которымъ начальство не благоволитъ. Бумаги и телеграммы главнаго комитета оставлялись безъ отвѣта, возбуждавшіеся вопросы не вносились на обсужденіе, ассигнованіе денегъ производилось съ урѣзками, пересылка—сопровождалась задержками. Но дѣло не ждало и ждать не могло. И нѣкоторыя земства, не получая денегъ отъ союза, стали направлять свои ходатайства къ губернаторамъ и къ главноуполномоченнымъ по устройству бѣженцевъ. Такихъ случаевъ особое совѣщаніе какъ будто только и ждало. Черезъ губернаторовъ и главноуполномоченныхъ полученіе денегъ сдѣлалось и болѣе быстрымъ, и болѣе легкимъ, нежели черезъ главный комитетъ союза. Въ итогѣ явились случаи, когда отдѣльныя земства, которымъ на ихъ ходатайства передъ главнымъ комитетомъ указывалось на не-

обходимость представленія смѣтъ, получали черезъ губернаторовъ даже бо́льшія суммы и безъ всякихъ смѣтъ. Явились и еще болѣе характерные факты. Одно губернское земство просило главный комитетъ союза отпустить ему 150 тыс. рублей на постройку бараковъ для бѣженцевъ. Главный комитетъ, по соображеніи общаго плана эвакуаціи бѣженцевъ, эту просьбу призналъ не подлежащей удовлетворенію. Совѣщаніе же, на основаніи представленія губернатора, не сообщивъ ничего земскому комитету, всю просимую сумму отпустило.

«Создавшееся положеніе—справедливо заявилъ главный комитетъ земскаго союза особому совѣщанію—представляется совершенно недопустимымъ, ибо вводитъ лишь въ заблужденіе мѣстныя земства, которыя вмѣсто непосредственнаго обращенія за отпускомъ средствъ къ особому совѣщанію сносятся съ главнымъ комитетомъ, за которымъ совѣщаніемъ объединяющаго въ указанномъ отношеніи значенія не признается, въ силу чего земства лишаются возможности своевременно получать средства, необходимыя въ дѣлѣ помощи бѣженцамъ. Продолженіе столь ненормальнаго положенія, прежде всего, гибельно отражается на устройствѣ судьбы бѣженцевъ на мѣстахъ, и нести при подобныхъ условіяхъ, хотя бы косвенную, за это отвѣтственность главный комитетъ не считаетъ для себя возможнымъ».

Совершенно одинаковое положеніе создалось и для союза городовъ. Но главный комитетъ городского союза, имѣя въ виду предполагавшійся на 5-ое декабря съѣздъ, не сложилъ съ себя обязанностей по руководительству дѣломъ помощи бѣженцамъ со стороны городовъ, впредь до рѣшенія вопроса съѣздомъ. Но съѣздъ, «по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ», отложенъ на неопредѣленное время. А потому и въ городахъ, на горе бѣженцамъ и на радость «бдительнымъ» монархистамъ, «здоровая», по утвержденію послѣднихъ, дѣятельность самоуправленія, которую никто и ничто, кромѣ губернаторовъ, не «загораживаетъ», въ ближайшіе же дни получитъ торжество надъ «нездоровой». Можно сказать навѣрное, что союзы не откажутъ, когда къ нимъ придутъ, чтобы они снова взяли въ свои руки помощь бѣженцамъ,—а что такъ будетъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія,—но дорого обойдется людскому горю новый и вмѣстѣ съ тѣмъ такой старый экспериментъ.

Скончавшійся въ Цюрихѣ, знаменитый гигіенистъ Ф. Ф. Эрисманъ былъ однимъ изъ тѣхъ—увы, столь многихъ!—русскихъ людей, для которыхъ на родинѣ не было мѣста. Въ его біографіяхъ, послѣ длиннаго перечня научныхъ трудовъ съ указаніемъ главнѣйшихъ фактовъ изъ его дѣятельности въ качествѣ земскаго врача Московской губерніи и профессора Московскаго университета, стоитъ сакраментальная фраза: «въ 1896 году былъ вынужденъ оставить каѳедру».

Вмѣстѣ съ каѳедрой покойный оставилъ и Россію и поселился въ Цюрихѣ, гдѣ продолжалъ и работать, и писать, и даже участвовать въ мѣстной общественной работѣ. Съ 1901 года Ф. Ф. состоялъ членомъ цюрихской городской управы и завѣдывалъ санитарной частью въ городѣ. Съ именемъ покойнаго у насъ тѣсно связана организація земской санитаріи вообще и земско-фабричной медицины и земско-санитарнаго надзора надъ промышленными заведеніями, въ частности.

Почти одновременно сошли въ могилу три политическихъ дѣятеля, различные и по общественному положенію, и по образу мыслей, и даже по національности, но одинаково искренніе и одинаково полно отдававшіеся общественной работѣ.

Политическая роль В. Б. Ломтатидзе была мимолетна и оборвалась за восемь лѣтъ до его смерти. Онъ былъ членомъ второй Думы отъ Кутаисской губерніи и принадлежалъ въ Думѣ къ фракціи соціалъ-демократовъ. Вмѣстѣ съ другими соціалъ-демократами, онъ въ день роспуска Думы былъ арестованъ и съ тѣхъ поръ уже не зналъ свободы. Какъ больной туберкулезомъ, покойный не былъ отправленъ въ каторгу, а отбывалъ срокъ заключенія въ тюрьмѣ. Не былъ онъ затѣмъ отправленъ и въ ссылку, которую для него замѣнило содержаніе въ богадѣльнѣ, сначала въ Астрахани, затѣмъ въ Саратовѣ. Въ богадѣльнѣ онъ провелъ два года и все просилъ, чтобы ему дали возможность передъ смертью увидѣть родную Грузію. Туда было разрѣшено привезти только его трупъ.

Смерть постигла Л. К. Дымшу, напротивъ, въ разгаръ политической дѣятельности, — въ годину захвата его родины, Польши, непріятелемъ и въ канунъ возрожденія ея разорваннаго на куски живого тѣла. Покойный былъ членомъ Думы третьяго и четвертаго созывовъ. Особенно осталась въ памяти его защита Царства Польскаго отъ выдѣленія изъ Царства Холмской губерніи. Ранѣе Л. К. былъ приватъ-доцентомъ въ Петроградскомъ университетѣ и читалъ лекціи по государственному праву. Одно трехлѣтіе онъ состоялъ гласнымъ петроградской городской думы.

Общественная дѣятельность С. Г. Бередникова сначала протекала въ новгородскомъ земствѣ, гдѣ онъ довольно долго, до неутвержденія при Плеве, занималъ должность предсѣдателя тихвинской уѣздной земской управы, а затѣмъ, послѣ значительнаго перерыва, — въ петроградской городской думѣ. С. Г. былъ участникомъ земскихъ съѣздовъ 1904—1905 г.г. и, если не ошибаемся, однимъ изъ учредителей конституціонно-демократической партіи.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

КЪ СТОПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

I.

Всякій праздновалъ юбилей Вольнаго Экономическаго Общества по-своему. Младшій собратъ,—Сельско-хозяйственное Общество въ Москвѣ,—устроило спеціальное засѣданіе, посвященное чтенію ряда похвальныхъ рѣчей, напомнившихъ о полуторасталѣтнемъ служеніи созданнаго Екатериною собранія «Вольныхъ экономистовъ», обреченныхъ на молчаніе въ обновленной Россіи. «Русское Знамя» также помянуло Вольное Экономическое Общество, напечатавъ въ номерѣ отъ 7 ноября слѣдующую оцѣнку его дѣятельности: «Общество это не со вчерашняго дня заслуженно пользуется славой перваго козыря революціонной колонны, чтобы (sic!) можно было серьезно подумать о возможности возобновленія его гибельной для Россіи дѣятельности, особенно въ наши дни». Сверхроссіяне, выступающіе въ этомъ органѣ гасителей, ставятъ себя выше требованій грамматики, синтаксиса и стилистики.

Нѣтъ русской газеты, которая бы такъ или иначе не отозвалась на 150-лѣтній юбилей. И къ чести нашей печати надо сказать, что почти всѣ, безъ различія партій, сумѣли оцѣнить все сдѣланное имъ не только въ сферѣ нашей сельско-хозяйственной жизни, не только въ области народнаго образованія и народнаго продовольствія, развитія кустарной промышленности, поднятія вопроса о кооперативахъ, но и въ подготовкѣ крестьянской эмансипаціи и надѣленія крестьянъ землею.

Вольное Экономическое Общество, если и выходило когда-нибудь изъ сферы своихъ непосредственныхъ задачъ, то только для оказанія помощи въ минуты народныхъ бѣдствій. Такъ поступило оно и теперь, заведши лазареты для раненыхъ и больныхъ воиновъ. Одному администратору, указывавшему мнѣ на такое превышеніе функцій, я позволилъ себѣ отвѣтить, шутя, что въ немъ одинаково повинны

и Академія наукъ, и самъ Государственный Совѣтъ, и что мнѣ лично это завѣдомо извѣстно, такъ какъ въ обоихъ учрежденіяхъ дѣлаютъ съ меня ежемѣсячные вычеты для этой благой цѣли.

Рѣдкому Обществу приходилось встрѣчать день своего полуторавѣкового существованія въ тѣхъ условіяхъ, какія пережило въ текущемъ мѣсяцѣ Общество, президентомъ котораго я имѣю честь состоять. Его хвалили и поносили, а оно поставлено было въ необходимость молчать, такъ какъ уста его были закрыты въ свободной Россіи.

Екатерининскіе вельможи, повидимому, яснѣе понимали задачи созданной Петромъ новой европейской державы. Они понимали, что Московія станетъ Россійской Имперіей только подъ условіемъ свободнаго почина, энергичной производительной дѣятельности, смѣлой постановки такихъ роковыхъ для того времени вопросовъ, какъ тотъ, напр.,—необходимо ли крестьянину владѣть землею въ собственность, чтобы поднять доходность сельскаго хозяйства. Такой вопросъ за немного лѣтъ до пугачевщины, вѣроятно, былъ не лишенъ нѣкоторой остроты, быть можетъ, бо́льшей, чѣмъ тотъ, какой представляетъ борьба съ дороговизной, устройство бѣженцевъ, поднятіе русской валюты, реформа налоговъ, введеніе въ нихъ начала подоходности, польза и вредъ монополіи и цѣлый рядъ другихъ, на которые Вольное Экономическое Общество, несомнѣнно, отозвалось бы нынѣ авторитетно, подготовляя русское общество къ принятію необходимыхъ реформъ. Въ годину невѣроятнаго напряженія всѣхъ силъ для отраженія врага силъ матеріальныхъ и умственныхъ, одинъ изъ важнѣйшихъ очаговъ свѣта затушенъ по соображеніямъ такъ называемой высшей политики.

И не только въ Россіи 150-лѣтіе ученаго общества было бы отмѣчено благодарностью потомства. Если не говорить объ Академіи наукъ, то одно Сельско-хозяйственное общество, созданное Екатериной и ею же, какъ я сейчасъ покажу, преобразованное въ Вольное экономическое, несомнѣнно, является у насъ древнѣйшимъ. Полувѣковой и вѣковой его юбилеи ознаменованы были выраженіемъ монаршей признательности, теплыми словами власть имѣющихъ по адресу лицъ, стоявшихъ въ ближайшемъ отношеніи къ руководительству Обществомъ. Въ этихъ милостивыхъ заявленіяхъ участвовали и Екатерина II, и Александръ I, и Николай I, и Царь-Освободитель. 150-лѣтній юбилей тѣмъ выдѣлится изъ среды своихъ предшественниковъ, что застанетъ Общество пріостановленнымъ въ своей дѣятельности, а лицъ, завѣдующихъ его администраціей,—бьющимися во всѣ двери, являющимися ко всѣмъ начальствамъ, посылающими письма и телеграммы, остающіяся безъ отвѣта.

Да, мы идемъ своей дорогой. Кто намъ любъ, того мы сразу пре-

возносимъ до небесъ. Вспомните недавнія головокружительныя судьбы доктора Кассо, котораго Европа доселѣ не знаетъ за его научные труды. Ну, а съ политическими противниками мы умѣемъ сводить счеты по всякимъ вѣдомствамъ и даже въ неожиданной формѣ: «Ignoramus», и «знать не знаемъ, и слышать не слышали». Доказывайте послѣ этого французамъ, насколько они не правы, полагая, что преданія Золотой Орды еще не вполнѣ исчезли у предержащихъ чиновниковъ.

А какъ плѣнительно писала Екатерина на своемъ своеобразномъ языкѣ иниціаторамъ того общества, которое мы призваны помянуть сегодня добрымъ словомъ. «Планъ и уставъ Вашъ, которымъ Вы другъ другу обязались, Мы похваляемъ и въ согласіи того Всемилостивѣйше апробуемъ, что Вы себя наименовали вольнымъ экономическимъ обществомъ. Извольте быть благонадежны, что Мы оное пріемлемъ въ особливое Наше покровительство».

И какъ достойно великой государыни, что, скрывая свое имя и выдавая себя за неизвѣстную особу, «не имѣвшую довольно ни времени, ни способностей сочинять записокъ въ пользу народную и присылать ихъ почтенному экономическому собранію», она въ то же время не только сдѣлала изъ собственной казны значительное пожертвованіе на «Труды» общества, но и сама направила его дѣятельность въ сторону не одного сельскаго хозяйства, но и рѣшенія коренныхъ вопросовъ русской общественности. Съ ея согласія и желанія, общество предложило премію за сочиненіе на слѣдующую тему: «Что полезнѣе для общества, чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю, или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то, или другое имѣніе простираться должны?»

II.

Не менѣе характерно для эпохи, что писатель, считавшійся близкимъ по духу къ Вольтеру и подражавшій ему по мѣрѣ силъ, усмотрѣлъ въ самой постановкѣ этого вопроса опасность для сохраненія дворянскихъ преимуществъ.

Этимъ писателемъ былъ Сумароковъ. «Прежде надобно спросить,—писалъ онъ 28-го ноября въ Вольное экономическое общество,—потребна ли ради общаго благоденствія крѣпостнымъ людямъ свобода? На это я скажу, потребна ли канарейкѣ, забавляющей меня, вольность, или потребна клѣтка, и потребна ли стерегущей мой домъ собакѣ цѣпь. Канарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ—безъ цѣпи. Однако, одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно по-

требно для крестьянина, а другое—ради дворянина; теперь осталчоо рѣшить, что потребнѣе ради общаго блаженства; а потомъ, ежели вольность крестьянамъ лучше укрѣпленія, надобно уже рѣшить задачу объявленную. На сіе всѣ скажутъ общества сыны, да и рабы общества сами, что изъ двухъ худъ лутчее не имѣти крестьянамъ земли собственной, да и нельзя, ибо земли всѣ собственныя—дворянскія; такъ еще спросъ: должны ли дворяне крестьянамъ отдавать купленныя, наслѣдственныя и прочія земли, когда они не хотятъ, и могутъ ли въ Россіи землями владѣть крестьяне, ибо то право дворянъ. Что-жъ дворянинъ будетъ тогда, когда мужики и земля будутъ не ево; а ему что останется. Впрочемъ, свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежитъ».

Большинство отвѣтившихъ на вопросъ, поставленный Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, не раздѣлило точки зрѣнія Сумарокова. Нѣкоторые рѣшительно высказались за признаніе не только собственности, но и свободы за русскимъ поселяниномъ. Таково было мнѣніе члена Дижонской академіи Беарде де л'Абэ, такова же была мысль русскаго студента въ нѣмецкихъ университетахъ Полѣнова, приславшаго свое разсужденіе изъ Германіи.

Историкъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и его секретарь Ходневъ справедливо говоритъ: «Возбужденіемъ и рѣшеніемъ вопроса о землѣ и свободѣ крестьянской императрица, видимо, желала подготовить заинтересованныя стороны къ принятію этого преобразованія и получить указанія науки, какъ лучше совершить его законодательнымъ порядкомъ». Академія поставила свой вопросъ въ 1766 г., а въ 1767 г. депутаты отъ разныхъ сословій и правительственныхъ мѣстъ были созваны Екатериной для составленія новаго уложенія и получили отъ нея знаменитый «Наказъ». Онъ весь проникнутъ «Духомъ законовъ» Монтескье, а въ знаменитой книгѣ президента Бордоскаго парламента говорилось о томъ, что земли производятъ болѣе или менѣе продуктовъ не только въ виду своего плодородія, но и благодаря свободѣ ихъ воздѣлывателей.

Прошло сто лѣтъ со времени открытія Вольнаго Экономическаго Общества, и по случаю его юбилея въ 1865 году подведенъ былъ итогъ его дѣятельности. Оказалось, что оно не только сдѣлало очень много для поднятія сельскаго хозяйства и крестьянскихъ промысловъ, но что и по вопросу объ освобожденіи крестьянъ съ землею, вопросу, не остававшемуся ему чуждымъ, какъ мы видѣли, съ самаго начала, не мало потрудились нѣкоторые его члены, какъ: И. В. Вернадскій, В. П. Безобразовъ, Н. П. Семеновъ и Ѳ. В. Астафьевъ. Въ годъ

празднованія юбилея, объявлена была обществомъ премія въ 1000 р. за лучшее сочиненіе по вопросу:

«При какихъ вообще условіяхъ разные виды вольно-наемнаго труда выгодны или убыточны въ примѣненіи къ русскому сельскому хозяйству?» Въ промежутокъ между этими двумя крайними датами—1765 г., годъ учрежденія Общества, и 1865—годъ празднованія его столѣтняго юбилея, оно не переставало интересоваться вопросами, связанными съ земельнымъ бытомъ крестьянства. Такъ, въ 1809 г. имъ поставленъ былъ вопросъ, что выгоднѣе—барщина или оброкъ, а въ 1812 г.—обрабатывать ли землю наемными рабочими или собственными крестьянами. Въ 1819 г. Общество уже задается мыслью о неудобствѣ крестьянской черезполосицы и возбуждаетъ вопросъ о томъ, какъ распредѣлить крестьянскіе участки такъ, чтобы крестьянинъ имѣлъ въ одномъ мѣстѣ пашню и сѣнокосъ. (Ходневъ. Исторія Имп. Вольнаго Экон. Общества, 449 стр.).

III.

Почти со времени своего появленія на свѣтъ Вольное Экономическое Общество сочло нужнымъ пропагандировать свои идеи не только въ открытыхъ засѣданіяхъ, но и путемъ печатанія своихъ «Трудовъ». Повидимому, въ то время не считали нужнымъ ставить редакцію этихъ «Трудовъ» въ зависимость отъ градоначальства. Распорядокъ статей, читаемъ мы въ постановленіи, принятомъ собраніемъ Общества 7 декабря 1765 г., поручить президенту и двумъ непремѣннымъ секретарямъ съ присоединеніемъ къ нимъ трехъ членовъ, избираемыхъ каждую треть года, а редакцію, «чтобы не случилось ошибокъ противъ россійскаго слога и правописанія, возложить на секретаря Нартова, а при томъ и на Тауберта, коимъ обще всѣ печатающіяся пьесы исправлять» (Тауберть былъ библіотекаремъ Екатерины). «Труды» стали выходить съ 1766 года, печатались въ 2.400 экземпляровъ, выходили отдѣльнымъ томомъ каждые четыре мѣсяца, нерѣдко подвергались перепечаткѣ и выходили бы, разумѣется, и теперь, если бы утвержденіе редакторомъ секретаря общества не встрѣтило неожиданныхъ затрудненій. Независимо отъ этихъ «Трудовъ», Общество издавало рядъ переводныхъ и оригинальныхъ работъ, число которыхъ въ 1826 г. уже достигло пятидесяти томовъ. По временамъ общество издавало сверхъ того въ «Приложеніи» къ «Трудамъ» подобіе сельскохозяйственной хроники подъ названіемъ «Экономическія Записки». Такъ было и въ 60-хъ годахъ протекшаго столѣтія, когда Обществомъ приняты были извѣстныя правила къ тому, какъ

значится въ нихъ, «чтобы журналъ и газета Общества въ литературномъ и ученомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствовали своему назначенію и достоинству Общества, представляя не сборникъ случайно доставшихся редакціи статей, а просвѣщенную лѣтопись по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества въ ихъ современномъ движеніи и развитіи». Иногда Общество обращалось и къ иностранному языку, всего чаще къ нѣмецкому, для ознакомленія съ своею дѣятельностью или для ознакомленія такихъ, написанныхъ иностранцами работъ, какъ сочиненіе экономиста Шторха «О крестьянствѣ въ Россіи» 1850 г.

IV.

Въ своихъ заботахъ объ улучшеніи земельнаго быта крестьянства Обществу въ 1822 г. суждено было встрѣтиться съ новымъ противникомъ, и игра судьбы устроила такъ, что этимъ противникомъ оказался опять-таки Сумароковъ, но не писатель, а тайный совѣтникъ и сенаторъ. Онъ нашелъ, что раздѣленіе между крестьянами земель на особые участки—вопросъ, которымъ занималось въ это время Общество по почину помѣщика Тверской губ. Зубова, «противно общимъ государственнымъ постановленіямъ», а потому и прислалъ обратно Обществу 72-ю часть его «Трудовъ», въ которой помѣщены были разсужденія на эту тему. Самое замѣчательное, что вышло въ «Трудахъ» Общества по вопросамъ, связаннымъ съ устройствомъ крестьянъ, задолго до ихъ эмансипаціи, составляетъ, несомнѣнно, отпечатанное въ 66 томѣ сочиненіе Л. Якоба, получившее премію въ 100 червонцевъ. Оно отвѣчало на заданную Обществомъ въ 1812 г. тему: «Какой трудъ выгоднѣе: крѣпостной или вольнонаемный». Здѣсь въ рядѣ положеній доказывалась мысль, что вольно-наемный трудъ болѣе желателенъ, а крѣпостной—болѣе убыточенъ. Причины же того, по мнѣнію автора, лежатъ: 1) въ упрямствѣ принужденныхъ работниковъ, такъ какъ всякое принужденіе производитъ усиліе къ сопротивленію; 2) въ слабости и безсиліи работника: крѣпостной человѣкъ слабъ, и потому не въ силахъ долго выдержать трудной и продолжительной работы; 3) въ худомъ имуществѣ и состояніи крѣпостныхъ людей: скотъ и земледѣльческія орудія крѣпостного столь худы, что онъ посредствомъ ихъ весьма мало производить можетъ; 4) въ томъ, что работники не находятся всѣ вмѣстѣ въ одномъ домѣ: сборъ работниковъ въ экстренныхъ случаяхъ очень затруднителенъ, черезъ что теряется напрасно много времени и труда; 5) въ отдѣленіи полей отъ жилища работниковъ; 6) то, что владѣлецъ даетъ своимъ крѣпостнымъ

людямъ, приноситъ ему больше убытка, нежели имъ пользы: крѣпостные люди, получившіе землю отъ своего владѣтеля, худо пользуются ею; 7) наконецъ, принудительная работа даже самими владѣльцами не цѣнится столь высоко, какъ работа за наличныя деньги, и потому они первую весьма щедро расточаютъ» (Ibid., стр. 454).

И въ 25-лѣтіе, слѣдовавшее за празднованіемъ ста лѣтъ жизни Общества, собраніе вольныхъ экономистовъ не переставало интересоваться крестьянскимъ дѣломъ. Въ числѣ вопросовъ, имъ возбужденныхъ, былъ между прочимъ, и тотъ, который съ такою остротою выступилъ недавно и подвергнутъ былъ законодательному рѣшенію, если не прямо, то косвенно, вопросъ о томъ, насколько общинное владѣніе совмѣстно съ успѣхами сельско-хозяйственной производительности. Общество немало сдѣлало для собиранія данныхъ по этому вопросу на мѣстахъ, разсылало программы, въ составленіи которыхъ участвовалъ извѣстный знатокъ русскаго обычнаго права Е. И. Якушкинъ, печатало въ 1879 г. отвѣты, полученные съ мѣстъ, въ своемъ «Сборникѣ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины» и пришло послѣ ряда лѣтъ внимательнаго изученія къ тому выводу, что матеріаловъ все же недостаточно для окончательнаго рѣшенія проблемы общиннаго пользованія въ положительномъ, или отрицательномъ смыслѣ.

Многія изъ лицъ, руководившихъ дѣятельностью Общества, въ числѣ ихъ знаменитый Кавелинъ, старались вывести его изъ области академической въ практическую. И на этомъ пути Общество оказалось дѣятельнымъ и дѣятельность его благотворной.

Въ 1889 г. оно командировало въ Порховской уѣздъ Г. И. Сазонова для изученія на мѣстахъ причинъ, по которымъ, несмотря на затрату милліона рублей на выкупъ земли для временно-обязанныхъ крестьянъ этого уѣзда, изъ средствъ, оставленныхъ по завѣщанію землевладѣльцемъ Н. Н. Пантелѣевымъ, крестьяне десяти селеній оказались фактически обезземеленными. Г. Сазоновъ выяснилъ эти причины, связалъ ихъ съ градобитіемъ 1885 г., прошедшимъ полосой по этой части уѣзда, и слѣдовавшими затѣмъ плохими урожаями, небывалымъ паденіемъ цѣнъ на ленъ и ростовщической кабалой. Крестьяне принуждены были заложить около 3.000 десятинъ въ мѣстный городской банкъ Жукова, который и собрался въ виду несвоевременной расплаты продать заложенное съ публичныхъ торговъ. Совѣтъ Общества счелъ нужнымъ обратиться къ тремъ министрамъ,—финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ,—съ просьбой о пріостановкѣ этой продажи и о переводѣ долга въ крестьянскій земельный банкъ. Просьба эта была уважена.

V.

Я не имѣю возможности коснуться, иначе какъ въ формѣ голаго перечня, того, что сдѣлано Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ для подъема сельскаго хозяйства. Замѣчу только, что, по примѣру творца химіи Лавуазье, одно время много работавшаго въ Сельско-хозяйственномъ обществѣ Парижа и его департамента, одинъ изъ продолжателей дѣла Лавуазье, Менделѣевъ, также немало затратилъ времени въ Обществѣ для опредѣленія вліянія глубокой обработки на урожайность колосовыхъ хлѣбовъ, вліянія разныхъ удобреній на количество урожая, вліянія нашихъ климатическихъ и почвенныхъ условій и отношенія состава нашихъ почвъ къ ихъ урожайности. Работалъ въ Обществѣ не менѣе Менделѣева и знаменитый Бутлеровъ, который занялся, между прочимъ, на основаніи опытовъ, сдѣланныхъ Обществомъ, вопросомъ о томъ, насколько возможна культура чайнаго дерева въ Кавказскомъ краѣ. Въ 1885 г. онъ сталъ приготовлять его изъ листьевъ чайныхъ кустовъ, растущихъ въ Сухумѣ. Извѣстны также работы Бутлерова на пользу русскому пчеловодству, къ которымъ Вольное Экономическое Общество поспѣшило присоединиться.

Въ своихъ періодическихъ изданіяхъ Общество не упускало изъ виду ни одного выдающагося открытія, усовершенствованія и нововведенія, возникавшаго на Западѣ и способнаго заинтересовать наше сельское хозяйство. Оно устраивало механическую мастерскую, заботилось о введеніи новыхъ или улучшенныхъ растеній, устраивало или поддерживало сельско-хозяйственныя школы, задавало темы, печатало отдѣльныя сочиненія,—словомъ, всячески старалось насадить и распространять знанія. Первыя 70 лѣтъ дѣятельности Общества почти исключительно ушли на это. Въ царствованіе Николая Павловича трудно было подымать вопросы не только общественнаго, но и экономическаго строительства.

Обстоятельства измѣнились въ эпоху великихъ реформъ и слѣдовавшее затѣмъ десятилѣтіе. Вотъ почему въ отчетъ о дѣятельности Общества съ 1865 г. по 1890 г. его секретарь Бекетовъ могъ включить слова: «Не было ни одного вопроса въ экономической и хозяйственной жизни страны, въ которомъ бы наше Общество не принимало участія, а нерѣдко и не являлось начинателемъ».

Обществу принадлежитъ такой починъ въ изданіи «Положенія» о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. Въ 1880 г. его желанія на этотъ счетъ осуществились. Учрежденіе бурашевской школы садоводства было конкретнымъ осуществленіямъ его «Положенія» о сельско-хозяйственныхъ школахъ. Комитетъ грамотности, учрежденный въ

1861 году, въ годы между 1880—90 издалъ 650.000 книгъ для народнаго чтенія, а разослалъ безплатно или за сильно пониженную плату 1.000 000 экземпляровъ. Вольное Экономическое Общество пустило также въ ходъ дѣло артельнаго сыроваренія, оказавъ въ этомъ поддержку извѣстному дѣятелю Н. В. Верещагину. Подъ его руководствомъ съ матеріальной помощью отъ Общества обучено было до 500 сыроваровъ. Нашимъ же Обществомъ возбужденъ вопросъ о предохранительной прививкѣ скоту сибирской язвы по способу Пастера. Практическое осуществленіе этой мѣры было поручено такому знатоку дѣла, какъ Л. С. Ценковскій. Пчеловодство, шелководство, разведеніе чайнаго дерева входили въ число заботъ Общества. Оно интересовалось также почвовѣдѣніемъ, изслѣдованіемъ черноземной полосы Россіи не только въ геологическомъ, но и въ почвенномъ отношеніи и привлекло въ этому дѣлу какъ земства, такъ и частныхъ лицъ.

И въ этомъ Обществу посчастливилось найти дѣятельнаго и талантливаго руководителя въ лицѣ проф. Докучаева. Раціональные опыты надъ вліяніемъ туковъ, состава и обработки почвы на хлѣбное растеніе, начатые еще Менделѣевымъ, были продолжены на средства Общества и вызвали образованіе нѣкоторыми помѣщиками у себя въ имѣніи опытныхъ станцій.

Немалую пользу сельскому хозяйству принесли также выставки сѣмянъ, устраиваемыя Обществомъ. Имъ обращено было также вниманіе на разведеніе льна и сельско-хозяйственную обработку получаемаго отъ него волокна. Общество и на этотъ разъ имѣло возможность привлечь къ дѣлу ученаго спеціалиста въ лицѣ Ѳ. Н. Королева. Сушка плодовъ и овощей, кустарное производство земледѣльческихъ орудій, выясненіе причинъ паденія цѣнъ на хлѣбъ, вопросы, связанные съ составленіемъ таможеннаго тарифа,—все это одинаково занимало вниманіе Общества и вызвало его заботливость и посильный трудъ. Извѣстный коллективный трудъ, редактированный профессорами Чупровымъ и Посниковымъ: «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства»—также вызвало въ средѣ Общества продолжительныя и довольно страстныя дебаты. Болѣе объективное отношеніе къ этой книгѣ сказалось избраніемъ одного изъ ея редакторовъ, А. С. Посникова, президентомъ самого Общества.

VI.

Общество продолжало отзываться на вопросы русской жизни и раньше и послѣ поворотной эпохи 17-го октября 1905 г. Его инте-

ресы одно время горячо были отстаиваемы извѣстнымъ графомъ Гейденомъ, что не мѣшало, однако, временному прекращенію отводимыхъ для научныхъ докладовъ общихъ засѣданій.

Въ 1898 году Обществу поставили въ вину сборъ пожертвованій на голодающихъ и предложено было передать деньги въ Красный Крестъ. «Самое трудное,—писалъ Гейденъ министру земледѣлія,—защищаться противъ неуловимыхъ и неопредѣленныхъ обвиненій». На этихъ словахъ не мѣшаетъ остановиться, такъ они вѣрно передаютъ и то настроеніе, въ которомъ мы переживаемъ за послѣдніе мѣсяцы фактъ пріостановки дѣятельности Общества. Причины наступившаго для Общества кризиса для меня—его президента—остаются невыясненными. Общество, несомнѣнно, и на этотъ разъ расширило свои задачи, создавая лазареты для раненыхъ воиновъ; но едва-ли кто станетъ винить его за это, какъ не винятъ въ равномъ отступленіи отъ буквы устава и Академію наукъ, и Государственный Совѣтъ, также устроившіе лазареты и перевязочные пункты для раненыхъ.

Въ началѣ войны извѣстные русскіе экономисты: Струве, Фридманъ, Бернацкій, Шингаревъ, своими докладами старались выяснить рядъ вопросовъ, причинно-связанныхъ съ переживаемымъ нами катаклизмомъ.

«Вѣрное основнымъ завѣтамъ своей полувѣковой исторіи—значится въ запискѣ нашего совѣта о дѣятельности Общества во время войны,—послѣднее сосредоточило свое вниманіе прежде, всего, на условіяхъ хозяйственной жизни. Оно сознавало, что охраненіе въ эпоху предстоявшихъ великихъ потрясеній народнаго хозяйства отъ разстройствъ является главнымъ залогомъ, какъ благополучнаго исхода самой войны, такъ и дальнѣйшаго, достойнаго существованія государства. Особое вниманіе въ своихъ общихъ собраніяхъ удѣлило Общество вставшимъ передъ Россіей громаднымъ финансовымъ и экономическимъ задачамъ, связаннымъ, съ одной стороны, съ потребностями войны, а съ другой—съ уничтоженіемъ казенной продажи вина. Бумажно-денежное обращеніе, различные виды налоговъ, займовъ, другіе источники государственныхъ доходовъ, бюджетъ текущаго года,—всѣ эти стороны финансовой проблемы были подвергнуты подробному разсмотрѣнію и обсужденію. Заботилъ Общество и жгучій вопросъ о снабженіи мѣстностей, пострадавшихъ отъ недорода, зерномъ для обсѣмененія полей».

Помимо устройства лазаретовъ, Общество рѣшило взять на себя ихъ обслуживаніе книгами. Въ Общество поступило свыше полумилліона книгъ, изъ которыхъ составлено болѣе 1.300 библіотекъ. Онѣ разсылались въ лазареты военнаго вѣдомства, Краснаго Креста, земскаго и городского союзовъ.

Если бы Общество имѣло возможность дѣйствовать и въ настоящую минуту, оно, несомнѣнно, не обошло бы своимъ вниманіемъ и тѣ многообразныя причины, съ которыми связаны недостача муки, топлива, сахара и небывалая дороговизна вообще. Общество желало бы только работать и продолжать великую традицію, созданную 150-лѣтней его дѣятельностью. Въ обновленной Россіи, вѣроятно, найдется мѣсто и для смѣлаго почина Екатерины Великой. Поднятый ею вопросъ по времени, когда это было сдѣлано, задѣвалъ, разумѣется, больше частныхъ интересовъ, чѣмъ всѣ тѣ, какіе могло бы поднять наше Общество при возобновленіи его трудовъ.

Совѣтъ Общества надѣялся, на то, что наступленіе 150-лѣтняго юбилея ознаменуется, по крайней мѣрѣ, возобновленіемъ жизни Общества. Надеждамъ этимъ, къ сожалѣнію, не суждено было осуществиться.

Максимъ Ковалевскій.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ НАШИХЪ КООПЕРАТИВНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

На-дняхъ исполнилось 50 лѣтъ со времени основанія у насъ первыхъ кооперативовъ—именно, перваго нашего ссудо сберегательнаго товарищества, уставъ котораго утвержденъ 22 октября 1865 г., и перваго потребительнаго общества, утвержденіе устава котораго послѣдовало 23 того же октября. Обращаясь къ пережитому за протекшее время, мысль невольно останавливается на условіяхъ, въ которыхъ росли и развивались кооперативныя учрежденія у насъ насчитывающія нынѣ до 35-ти тысячъ товариществъ съ 12-ю милл. членовъ.

Починъ распространенія свѣдѣній о кооперативныхъ начинаніяхъ относятъ къ 1859 году, когда на страницахъ «Современника» появилась статья Н. А. Добролюбова — «Робертъ Оуэнъ и его попытки общественныхъ реформъ»; съ этого времени вниманіе нашего общества привлекается къ идеѣ, теоретическое значеніе которой было указано еще Уэкфильдомъ въ примѣчаніяхъ къ изданному имъ сочиненію А. Смита. Но общественное вниманіе и его симпатіи къ ней быстро падаютъ подъ вліяніемъ длительной реакціи, наступившей у насъ послѣ 1865 года. И, такимъ образомъ, ко времени, когда начинается практическое осуществленіе популярной идеи, когда появляются, вслѣдъ за В. Ф. Лугининымъ,—А. В. Яковлевъ, кн. А. И. Васильчиковъ Н. П. Колюпановъ и рядъ другихъ менѣе извѣстныхъ лицъ; когда начинаетъ дѣйствовать учрежденный въ 1871 г. комитетъ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ,—кооперативы уже берутся у насъ подъ подозрѣніе, и поднимается прямая травля всѣхъ, посвящающихъ свои силы этому общеполезному дѣлу.

Но, независимо отъ мрачной политической атмосфоры того времени и полицейскаго уклада государственнаго строя, сколько-нибудь успѣшному развитію кооперативовъ у насъ мѣшали также всѣ остальныя тогдашнія условія. Надо помнить, прежде всего, что на-

селеніе, среди котораго предстояло по преимуществу дѣйствовать кооператорамъ, именно крестьяне, только-что освобожденные отъ личной зависимости, были лишены правъ свободныхъ гражданъ и являлись, въ сущности, только податнымъ сословіемъ. Къ тому же населеніе это было почти сплошь безграмотное. А какое огромное значеніе имѣетъ та или иная степень образованія въ развитіи кооперативовъ, указываетъ, между прочимъ, покойный А. И. Чупровъ. «Несомнѣнно,—говоритъ онъ («Рѣчи и статьи», т. II; «Роль личности и общества въ кооперативномъ движеніи», стр. 199 и слѣд.),—всякій видъ кооперативныхъ предпріятій легче водворяется въ средѣ интеллигентной, съ широко распространеннымъ образованіемъ, нежели въ мало просвѣщенныхъ слояхъ общества. Тамъ, гдѣ весь народъ прошелъ чрезъ начальную школу, гдѣ для всѣхъ болѣе способныхъ лицъ дана возможность расширить свое образованіе дополнительными курсами, гдѣ въ почетѣ у народа книга и газета, тамъ всякая проповѣдь коопераціи найдетъ болѣе благодарную почву и принесетъ болѣе вѣрные и обильные плоды. Чѣмъ инымъ, какъ не этой разницей, объясняется наблюдаемый повсюду въ Европѣ фактъ болѣе быстраго развитія народнаго кредита въ городахъ по сравненію съ сельскими округами, въ промышленныхъ мѣстностяхъ сравнительно съ чисто-земледѣльческими?.. Однако, ни въ одной странѣ эта разница не выдѣляется столь значительно, какъ въ Италіи, такъ какъ, можетъ быть, нигдѣ въ прочихъ мѣстахъ нѣтъ такихъ рѣзкихъ различій между провинціями въ смыслѣ интеллектуальнаго, экономическаго развитія: тогда какъ сѣверъ Италіи по широкому разливу народнаго образованія и высокому уровню промышленной жизни можетъ поравняться съ самыми бойкими областями Германіи и Франціи, южныя провинціи Италіи до сихъ поръ находятся почти въ періодѣ средневѣковья. Неудивительно поэтому, что первые народные банки, первыя сельскія кассы, первые земледѣльческіе синдикаты возникли именно на сѣверѣ Италіи, въ Ломбардіи и Венеціанской области». Да и позднѣе, въ 1897 г., когда въ діоцезѣ Тревизскомъ насчитывалось 94 кассы, въ Веронскомъ 74, въ Бергамскомъ 66 и т., на югѣ, въ Палермо, въ Мессинѣ, въ Кальяри—ихъ считалось только по одной.

Отсюда ясно, что, не говоря о многихъ другихъ тормозящихъ причинахъ, уже одинъ низкій уровень образованія массы нашего населенія объясняетъ медленный ходъ развитія кооперативовъ у насъ. Замѣтное измѣненіе въ этомъ отношеніи наступаетъ только съ эпохи перелома нашей политической и общественной жизни,—съ 1905 года. Быстрый ростъ кооперативныхъ учрежденій совершается именно въ послѣдующія десять лѣтъ, и нельзя не отмѣтить, что огром-

ное вліяніе въ этомъ отношеніи оказалъ также законъ 1904 года о кредитныхъ товариществахъ. Но какъ все же тяжелы были въ общемъ условія жизни для развитія кооперативовъ и въ этотъ, сравнительно болѣе благопріятный, періодъ, можетъ служить примѣромъ первый кооперативный съѣздъ, состоявшійся въ Москвѣ въ 1908 г. Самъ по себѣ онъ представлялъ, несомнѣнно, явленіе совершенно исключительное, безусловно немыслимое до освободительной эпохи 1905 г.

Съѣздъ былъ весьма многолюденъ: «на немъ были представлены 398 кооперативныхъ организацій; число его членовъ доходило до 800 человѣкъ. Прислали делегатовъ на съѣздъ 194 потребительныхъ общества, 155 кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ, 50 сельско-хозяйственныхъ обществъ, 23 производительныхъ и трудовыхъ артели и 5—разныхъ. Съѣхались представители со всѣхъ концовъ Россійской имперіи. Царство Польское и Сибирь, далекій Сѣверъ и Кавказъ, Малороссія и Уральскій край, окраины и центръ,—всѣ болѣе или менѣе полно были представлены на первомъ кооперативномъ съѣздѣ. Программа съѣзда была обширная. Всѣ нужды кооперативнаго дѣла въ Россіи, всѣ вопросы, касающіеся его дальнѣйшаго строительства и развитія, были намѣчены организаціоннымъ комитетомъ для работы на съѣздѣ».

Въ моемъ привѣтственномъ обращеніи къ собравшимся въ качествѣ предсѣдателя, я указалъ, что выдающимися вопросами съѣзда являются: 1) вопросъ о нормахъ, которыми регулируются возникновеніе и жизнь кооперативныхъ учрежденій, или иначе—о кооперативномъ законѣ; 2) вопросъ объ объединеніи кооперативовъ, 3) о положеніи служащихъ въ кооперативныхъ учрежденіяхъ и, наконецъ, 4) весьма важный и своевременный уже для того момента вопросъ о возможно широкой организаціи кооперативныхъ учрежденій въ деревнѣ, въ виду разрушительнаго дѣйствія только-что изданнаго положенія 9-го ноября 1906 г., направленнаго противъ началъ коллективизма и бытовыхъ основъ нашей сельской жизни. Пожеланіямъ моимъ, однако, не суждено было осуществиться. Значительное число вопросовъ, намѣченныхъ программою, не могло быть обсуждено и не получило разрѣшенія, такъ какъ съѣздъ оказался вынужденнымъ быстро закончить свои занятія.

Можно судить, каковы должны были быть энергія и благородное упорство лицъ, посвятившихъ себя кооперативному дѣлу, если, работая въ столь неблагопріятныхъ условіяхъ, они могли довести это дѣло до настоящаго прямо выдающагося результата. А какъ дѣйствительно трудно работать на этомъ поприщѣ даже въ наши дни, объ этомъ убѣдительно свидѣтельствуетъ недавній невѣроятный случай закрытія центральнаго кооперативнаго комитета въ Москвѣ,

образцово выполнявшаго огромную работу по организаціи хозяйства въ тылу. Закрытый исключительно по формальной причинѣ, которая могла быть разрѣшена буквально въ нѣсколько дней безъ всякой необходимости прерывать его полезную дѣятельность, весьма важную и для фронта, комитетъ замеръ, и пока-что неизвѣстно, на какое время онъ осужденъ пребывать въ такомъ летаргическомъ состояніи.

Горькій опытъ прошлаго, все пережитое за истекшее 50-тилѣтіе дѣлаетъ яснымъ, что собственно является необходимомъ для безостановочнаго, правильнаго развитія кооперативныхъ начинаній. Совершенно очевидно, что прежде всего необходимо уравненіе правъ обитателей Россійской имперіи и превращеніе крестьянъ въ полноправныхъ гражданъ, а, затѣмъ,—изданіе спеціальнаго закона о кооперативахъ, вполнѣ соотвѣтствующаго ихъ природѣ и потребностямъ. Безъ осуществленія, въ первую очередь, этихъ основныхъ условій не можетъ быть никакой надежды на сколько-нибудь успѣшный ростъ кооперативовъ.

Проектъ кооперативнаго закона внесенъ оппозиціонными группами въ послѣднюю сессію Госуд. Думы, и можно лишь пожелать, чтобы онъ прошелъ чрезъ законодательныя палаты возможно скорѣе и чтобы при этомъ было обращено самое серьезное вниманіе на условія, способствующія возникновенію крайне необходимыхъ какъ разъ теперь земельныхъ товариществъ, долженствующихъ спасти и отчасти замѣнить собой столь безразсудно уничтожаемыя бытовыя формы коллективнаго обладанія землею. Облегчить возможность возникновенія такихъ земельныхъ товариществъ необходимо, такъ какъ, по справедливому мнѣнію проф. А. А. Мануилова, наше «новѣйшее аграрное законодательство не ограничилось открытіемъ дверей изъ общины для желающихъ выйти изъ нея, но самымъ безцеремоннымъ образомъ выталкиваетъ въ эти двери и тѣхъ, которые при иныхъ условіяхъ предпочли бы остаться при общинномъ землевладѣніи. Эти черты новѣйшаго аграрнаго законодательства дѣлаютъ почти безнадежной всякую попытку отдѣлить въ наличныхъ итогахъ аграрной реформы то, что составляетъ результатъ добровольнаго стремленія крестьянъ къ выходу изъ общины, отъ того, что́ является съ ихъ стороны вынужденнымъ или вымученнымъ подчиненіемъ неизбѣжному. Тамъ, гдѣ дѣйствительно существуетъ потребность населенія въ измѣненіи существующихъ при общинѣ условій землепользованія, она представляетъ гораздо болѣе сложное явленіе, чѣмъ простое стремленіе къ разрушенію общины и переходу къ единоличному владѣнію. При возможности свободнаго удовлетворенія эта потребность привела бы во многихъ случаяхъ не къ

распаденію, а къ преобразованію общиннаго строя, напр., по типу западно-европейскихъ альмендъ. Наше же законодательство прямо или косвенно заставляетъ отказываться отъ общиннаго землевладѣнія, связывая переходъ къ единоличному владѣнію съ нарушеніемъ справедливыхъ интересовъ остающихся въ общинѣ. Съ государственной точки зрѣнія не безразлично, *какъ* совершается законодательное удовлетвореніе потребностей населенія,—съ соблюденіемъ ли требованій справедливости и права, или съ нарушеніемъ ихъ. Но и съ народно-хозяйственной точки зрѣнія навязываніе населенію готовыхъ рѣшеній можетъ принести только вредъ» («Русск. Вѣдом.» 1912 г. № 243).

На торжественномъ чествованіи 50-ти-лѣтія нашихъ кооперативовъ въ Москвѣ 22-го прошлаго октября, собравшіеся, между прочимъ, почтили память «основоположниковъ» этихъ учрежденій—Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго. Послѣдній, какъ извѣстно, былъ сторонникомъ кооперативовъ, или товариществъ, главнымъ образомъ, производственныхъ и горячо защищалъ также наше общинное землевладѣніе, какъ одну изъ формъ коллективизма. Его взгляды на это важнѣйшее явленіе хозяйственной жизни соотвѣтствуютъ наиболѣе передовымъ взглядамъ, которые все болѣе и болѣе распространяются и даже получаютъ въ наши дни нѣкоторое практическое осуществленіе на Западѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ индивидуализмъ получилъ особое развитіе. Въ этомъ отношеніи весьма интересны попытки насажденія земельныхъ товариществъ въ Ирландіи и то, чего достигли уже въ Англіи, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ, по распространенію коллективнаго землевладѣнія примѣненіемъ Small-holdings Act 1892 г. и Small-holdings and allotements Act 1907 г. (См. Вѣстн. Европы мартъ 1914 г., ст. А. Чекина: «Тенденція аграрной эволюціи въ Англіи», и февраль 1915 г., В. Керженцева: «Земельный вопросъ и политическія партіи въ Англіи»).

Конечно, возстановлять то, что основательно разрушалось вѣками, не такъ-то легко, и для этого требуется также время. Но во всякомъ случаѣ важно уже одно то, что нынѣ поколеблено довѣріе къ экономическимъ догматамъ Тьера, и образованные люди не думаютъ согласно черезчуръ упрощенной фурмулѣ Ж. Б. Сэ, считавшаго, будто «безъ индивидуальной собственности у работниковъ не было бы земли, которую они могли бы обрабатывать. Если,—разсуждалъ онъ,—мнѣ на это скажутъ, что они обработывали бы первую попавшуюся имъ землю, то я отвѣчу, что тогда и первый встрѣчный могъ бы разорить и собрать ихъ жатву». Постепенно теряетъ свою силу и распространенная аргументація либеральныхъ экономистовъ, усердно старавшихся внѣдрить убѣжденіе, будто «ничто не-

можетъ быть такъ мало производительнымъ, какъ общинныя угодья». Безпристрастные изслѣдователи съ полнымъ основаніемъ утверждаютъ, наоборотъ, что именно о «коллективной собственности, связанной съ индивидуальнымъ пользованіемъ, можно сказать, что она ближе, чѣмъ dominium ex jure quiritium, къ идеалу собственности, вознаграждающей трудъ и возбуждающей къ нему... Какъ изслѣдованіе прошлаго, такъ и ближайшее наблюденіе современной намъ капиталистической цивилизаціи приводятъ къ заключенію объ абсурдности того положенія, которое утверждаетъ, что безъ частной собственности міръ превратился бы въ дикій лѣсъ, и люди въ хищныхъ звѣрей» (Тарбуріешъ: «Понятія индивидуальной и коллективной собственности» въ сборникѣ: «Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ», стр. 427—428. Спб. 1905 года. Въ томъ же сборникѣ помѣщена высоко поучительная статья проф. Ю. С. Гамбарова: «Право собственности», изъ которой интересующіеся могутъ почерпнуть и свѣдѣнія о литературѣ затронутаго вопроса).

И вотъ, когда на Западѣ начало коллективизма въ примѣненіи къ пользованію землею получаетъ мало-по-малу свое признаніе и правильную оцѣнку, у насъ какъ разъ тогда предпринимается самое безцеремонное преслѣдованіе этого начала. По мотивамъ, достаточно выясненнымъ и подробно разобраннымъ нашею печатью, правительство ведетъ прямо открытую борьбу противъ бытовой формы коллективнаго обладанія землею и самыми разнообразными мѣрами, находящимися въ его распоряженіи, насаждаетъ вмѣсто него индивидуальную собственность, даже прямо вопреки желанію самихъ заинтересованныхъ. А потому въ высшей степени важно имѣть въ виду каждому, кто такъ или иначе интересуется судьбами коллективизма, что, независимо отъ заботы о распространеніи обычныхъ у насъ формъ кредитныхъ, потребительныхъ и др. кооперативовъ, настоятельная задача даннаго времени заключается въ помощи возникновенію у насъ земельныхъ союзовъ, основанныхъ на принципѣ коллективнаго обладанія землею. Надо помочь сельскому населенію, насильно изгоняемому изъ общины, основывать такіе союзы, гдѣ такъ же, какъ въ общинѣ, при коллективной собственности на землю, осуществлялось бы индивидуальное пользованіе ею, т.-е. именно то, что́ пытаются сейчасъ провести въ жизнь на Западѣ, что́ защищаетъ современная доктрина и что́ такъ безцеремонно, такъ неосмотрительно разрушается нынѣ у насъ.

А. Посниковъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— В. Саводникъ. Забытыя страницы И. С. Тургенева. М. 1915. Цѣна 20 коп.

Весною 1918 года исполнится столѣтіе рожденія Тургенева, и брошюра г. Саводника имѣетъ цѣлью напомнить, что существующія изданія знаменитаго писателя далеки отъ полноты, необходимой для всесторонняго его изученія. До сихъ поръ не обслѣдовано обширное рукописное наслѣдіе Тургенева, находящееся во Франціи: оно содержитъ, по всѣмъ даннымъ, много до сихъ поръ неизвѣстныхъ работъ Тургенева, его дневника и, вѣроятно, колоссальное количество писемъ къ нему разныхъ лицъ. Но и помимо архива Тургенева, въ старыхъ журналахъ и газетахъ и другихъ изданіяхъ разсѣяно много его статей, замѣтокъ, рецензій, писемъ въ редакціи, стихотвореній и т. д.

Изъ всего этого обширнаго матеріала стали въ послѣднее время извлекать довольно любопытныя вещи. Такъ, недавно въ «Русской Мысли» были перепечатаны г. Гершензономъ весьма интересныя письма Тургенева въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1870 года о франко-прусской войнѣ; имъ же еще раньше была опубликована въ «Голосѣ Минувшаго» юношеская драма Т—ва: «Стено» и изложенъ юношескій разсказъ Тургенева (на страницахъ «Русск. Вѣд.»). Г. Саводникъ обратилъ вниманіе на двѣ корреспонденціи Тургенева: 1) изъ Берлина, отъ 1 марта н. с. 1847 года, напечатанную въ 3 кн. «Современника» 1847, и 2) изъ Рима отъ 19 (31) декабря 1857 г., напечатанную въ № 6 московскаго журнала «Атеней» за 1858 г. И та, и другая статейка должны были служить началомъ цѣлыхъ серій писемъ, но отвлеченный и своими частыми переѣздами съ мѣста на мѣсто, и другою работой и интересами, Т. оба раза написалъ только по первому письму.

Первое письмо, изъ Берлина, содержитъ, между прочимъ, сравненіе прусской столицы съ тѣмъ, чѣмъ она была семь лѣтъ передъ

этимъ, когда Тургеневъ оставилъ ее по окончаніи своихъ студенческихъ лѣтъ. «Помните ли вы восторженныя описанія лекцій Вердера—спрашиваетъ Тургеневъ, разумѣя философа-гегеліанца, друга Н. Станкевича и Грановскаго,—ночной серенады подъ его окнами, его рѣчей, студенческихъ слезъ и криковъ? Помните? Ну, такъ смотрите же, помните хорошенько, потому что здѣсь всѣ эти невинныя продѣлки давнымъ-давно позабыты. Участіе, нѣкогда возбуждаемое въ юныхъ сердцахъ чисто спекулятивной философіей, исчезло совершенно—по крайней мѣрѣ, въ юныхъ сердцахъ»... Перебирая нѣсколько именъ, гремѣвшихъ въ студенческіе годы Тургенева и уже забытыхъ («Фейербахъ не забытъ, напротивъ!»—спѣшитъ онъ оговориться), авторъ замѣчаетъ: «Литературная, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни—кажется, кончена. Въ послѣднее время, вы знаете, богословскія распри сильно волновали нѣмецкія души... но вы ошибетесь, если примете всѣ эти движенія, споры и распри за чисто богословскіе; подъ этими вопросами таятся другіе... Дѣло идетъ объ иной борьбѣ. Вы легко можете себѣ представить, какіе смѣшные и странные виды принимаетъ иногда, говоря словами Гегеля, *Логосъ* (или мысль, или Духъ, или прогрессъ, или человѣчество—названій много въ вашемъ распоряженіи), добросовѣстно, медленно и тяжко развиваемый германскими умами... Но отъ смѣшного до великаго тоже одинъ шагъ... Особенно теперь всѣ здѣсь исполнены ожиданія». Тургеневъ намекаетъ здѣсь на происходившее тогда не только въ Берлинѣ, но и въ остальной Западной Европѣ соціально-политическое броженіе, приведшее къ взрывамъ 1848 года. Какъ видно, Тургеневъ не безъ любопытства присматривался къ этому броженію.

Къ самимъ берлинцамъ и городу Тургеневъ относится въ своемъ письмѣ не безъ ироніи, разсказывая, напр., какъ «какой-нибудь буйный и подгулявшій нѣмецъ идетъ изъ Тиргартена и у Бранденбургскихъ воротъ тщательно гаситъ свою сигарку, ибо «нѣмѣетъ передъ закономъ», или изображая, какъ «каждую недѣлю добрые нѣмцы собираются сотнями и «торжественно ѣдятъ» (halten ein Festessen) въ честь какого-нибудь достопамятнаго происшествія или лица: лейпцигскаго сраженія, изобрѣтенья книгопечатанья, семилѣтней войны, столпотворенія, мірозданія, Блюхера или другихъ допотопныхъ явленій». Эту иронію надъ нѣмецкимъ бюргерствомъ читатель находитъ и въ художественныхъ произведеніяхъ Тургенева, напр., въ гораздо болѣе позднихъ «Вешнихъ водахъ» съ аккуратнымъ женихомъ Джеммы—Клюберомъ. Истый москвичъ по глубокимъ душевнымъ склонностямъ, при всей складкѣ европейца и при всемъ своемъ западничествѣ, въ душѣ Тургеневъ не любилъ нѣмцевъ, какъ впрочемъ не любилъ и французовъ... Страница въ письмѣ посвящена еще нѣмецкому искусству, ко-

торое Тургеневъ ставитъ невысоко. Отмѣченъ и успѣхъ въ Берлинѣ недавно гремѣвшей въ Петербургѣ пѣвицы Віардо; она собственно и заставила Тургенева временно поселиться въ Берлинѣ: «Я съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ и услышалъ снова Віардо. Голосъ ея не только не ослабѣлъ, напротивъ усилился;—въ «Гугенотахъ» (новая тогда опера) она превосходна и возбуждаетъ здѣсь фуроръ»...

Въ томъ же тонѣ непринужденной «causerie» и письмо Тургенева изъ Рима. Оно посвящено въ большей части характеристикѣ скучающихъ русскихъ путешественниковъ за границей. Въ своихъ скитаніяхъ Тургеневъ постоянно сталкивался съ ними и поражался, до какой степени они не умѣютъ пользоваться своимъ досугомъ и возможностью интересныхъ и полезныхъ наблюденій. «Чужеземное вліяніе сбиваетъ только того съ дороги, кто и безъ того никуда не шелъ»,—замѣчаетъ между прочимъ Тургеневъ, какъ бы отвѣчая на дѣлаемые ему упреки въ приверженности къ Западу, и далѣе, онъ горячо защищаетъ необходимость для путешественниковъ сближенія съ иностранцами на почвѣ общихъ интересовъ, сочувствій, общаго знанія. «Конечно, это не легко; иностранцы (на этотъ счетъ нечего себя обманывать) смотрятъ на насъ съ тайной недовѣрчивостью, почти съ недоброжелательствомъ, а мы, какъ Пушкинъ сказалъ, «лѣнивы и нелюбопытны»; но, вѣдь, и путешествіе, если кто хочетъ извлечь изъ него пользу, точно такой же трудъ, какъ и все въ жизни»...

Сдѣланныя нами выдержки изъ писемъ съ достаточной убѣдительностью говорятъ, какъ много матеріала для характеристики и для біографіи Тургенева можно извлечь изъ его «Забытыхъ страницъ».—Весь сборъ съ изданія этой интересной брошюры поступаетъ въ пользу московскаго комитета Всероссійскаго земскаго союза помощи раненымъ воинамъ.

Ч. В—ій.

Старина и новизна. Историческій сборникъ о-ва ревнителей русск. истор. просвѣщенія въ память Александра III. Книга XIX. Петроградъ, 1915. 330+VII стр. Ц. 2 р.

Наибольшій интересъ въ новомъ выпускѣ «Старины и новизны» возбуждаютъ письма поэта Тютчева къ женѣ за 1854—58 годы. Въ нихъ дано много довольно любопытныхъ подробностей о войнѣ 1854—6 г.г. и ея отраженіяхъ въ обществѣ и высшихъ сферахъ, съ которыми постоянно соприкасался поэтъ.

Извѣстны консервативныя политическія убѣжденія Тютчева и мессіанистическія представленія о Россіи. Отъ войны онъ ожидалъ сначала грандіозныхъ перемѣщеній въ міровыхъ политическихъ отноше-

ніяхъ. «Если еще не наступила ночь, мы узримъ прекрасныя и великія вещи». Но очень скоро Тютчевъ разочаровался и писалъ: «Это война кретиновъ съ подлецами»... 19 сентября 1855 года онъ говорилъ: «Можетъ быть, никогда еще не происходило ничего подобнаго въ міровой исторіи: огромная имперія, имѣющая такъ мало средствъ защиты и никакой надежды на болѣе благопріятный исходъ... Для того, чтобы создать такое безвыходное положеніе, нужна была невѣроятная ограниченность этого злополучнагс человѣка, который въ теченіе своего тридцатилѣтняго царствованія, находясь постоянно въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ, ничѣмъ не воспользовался и все пропустилъ, чтобы начать борьбу при самыхъ невозможныхъ обстоятельствахъ... Его ошибка была только роковымъ послѣдствіемъ совершенно ложнаго направленія, даннаго задолго до него судьбамъ Россіи»... И въ разныхъ мѣстахъ писемъ этотъ упорный консерваторъ возвращается къ объясненію всѣхъ обрушившихся на Россію бѣдъ тѣмъ, что «подавленіе мысли уже давно было руководящимъ принципомъ нашего правительства», повторяя такимъ образомъ то, что́ говорили его же противники.

Въ этихъ письмахъ въ нѣкоторой степени раскрывается также глубоко печальная, «ночная» сторона души Тютчева, души, безмѣрно преданной безплодному созерцанію тщеты какъ человѣческаго существованія, такъ и всего бытія. «Временами я такъ удрученъ печалью и отвращеніемъ, что едва могу переносить бремя повседневной жизни», пишетъ поэтъ въ одномъ мѣстѣ и разсказываетъ, какъ пышный царскій выходъ въ Кремлѣ представился ему вдругъ «какъ бы картиной давно прошедшаго времени, и люди, двигающіеся вокругъ меня, казались давно сошедшими со сцены міра»... Такія мѣста писемъ объясняютъ намъ ноты отчаянія въ лирическихъ пьесахъ Тютчева и очень важны для уразумѣнія загадочнаго «двойного бытія» поэта. Мы узнаемъ теперь, какъ мучительны бывали для него вѣчное пребываніе въ сффиціальной средѣ и его служба въ цензурномъ комитетѣ. Послѣдняя вызываетъ въ немъ иногда такіе вопли: «Не будь я такъ нищъ, я съ наслажденіемъ бросилъ бы имъ теперь въ лицо содержаніе, которое я теперь получаю, и открыто сразился бы съ этимъ стадомъ с. . . . . , которые, не взирая ни на что, и на развалинахъ міра, рухнувшаго подъ тяжестью ихъ глупости, осуждены рокомъ жить и умереть безнаказанно въ своемъ кретинизмѣ»...

Въ цѣломъ, письма Тютчева—матеріалъ, чрезвычайно важный для уразумѣнія его и какъ человѣка, и какъ поэта, тѣмъ болѣе цѣнный, что подобныхъ матеріаловъ до сихъ поръ немного. Очень желательно скорѣйшее появленіе писемъ въ законченномъ видѣ. Письма пересыпаны стихами Тютчева, но всѣ они уже извѣстны.

Остальные разнообразные матеріалы, помѣщенные въ новомъ

выпускѣ сборника, носятъ болѣе спеціальный интересъ. Здѣсь находимъ извлеченія изъ переписки Я. Грота съ кн. П. А. Вяземскимъ, письма А. Н. Карамзина къ матери, воспоминанія о кампаніи 1855 г. въ Азіатской Турціи командира Нижегородскаго драгунскаго полка кн. Дондукова-Корсакова, дневникъ за 1799 г. Сестренцевича, перваго римско-католическаго митрополита въ Россіи, и еще нѣкоторыя мелочи.

Ч. В—ій.

— Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей С. Мельгунова и П. Сидорова. Т. II. Изданіе „Задруги" и К. Ф. Некрасова.

Второй томъ этого изданія отличается тѣми же достоинствами и недостатками, что и первый томъ, своевременно отмѣченный. Онъ вводитъ читателя въ мало доступную до сихъ поръ область, знакомя съ дѣятелями масонства и съ различными періодами его развитія. Въ новый томъ вошли: статьи Е. Тарасова—«Московское общество розенкрейцеровъ» (второстепенные дѣятели той знаменитой вѣтви масонства, во главѣ которой стояли Шварцъ, Новиковъ и И. Лопухинъ), М. Довнаръ-Запольскаго—«С. И. Гамалѣя» и И. Розанова—«М. М. Херасковъ» (статья освѣщаетъ мало извѣстную сторону жизни извѣстнаго поэта); двѣ статьи Т. О. Соколовской—«Масонскія системы» и «Обрядность вольныхъ каменщиковъ» (обѣ онѣ вводятъ довольно подробно въ ту внѣшность и форму масонства, которую не успѣлъ освѣтить первый томъ изданія); статья М. Довнаръ-Запольскаго «Правительственныя гоненія на масоновъ» (собственно только о дѣлѣ Новикова и его круга); статья Е. Шумигорскаго «Императоръ Павелъ I и масонство» заканчиваетъ исторію масонства въ Россіи за XVIII вѣкъ. Къ XVIII же вѣку относятся въ большей части статьи И. Рябинина о польскомъ масонствѣ и И. Хераскова о масонствѣ американскомъ. Въ XIX вѣкъ насъ переносятъ статьи Т. Соколовской «Возрожденіе масонства при Александрѣ I» и Н. Кульманъ: «Максимъ Ивановичъ Невзоровъ» (обстоятельная и интересная характеристика ученика новиковской школы съ живыми склонностями къ дѣятельному распространенію и защитѣ своихъ идей).

При несомнѣнномъ интересѣ отдѣльныхъ статей, какъ всякая коллективная работа, сборникъ содержитъ повторенія и мелочи, (напр., о новиковскомъ кругѣ). Попытка редакціи изданія въ предисловіи ко второму тому возразить на замѣчанія критики не показалась намъ убѣдительною. Не правильнымъ остается и отношеніе редакціи къ «бутафоріи» масонства, какъ она выражается. «Какъ ни тѣсно

связана вся традиціонная масонская символистика и обрядность съ общимъ духомъ масонства, едва ли однако это интересное съ бытовой и психологической стороны явленіе *само по себѣ* можетъ имѣть *большое научное* значеніе» (курсивъ редакціи изданія). Намъ кажется, что разъ редакція нашла нужнымъ заполнить изданіе огромнымъ количествомъ иллюстрацій изъ области, какъ она говоритъ «бутафоріи», то нужно было и освѣтить этотъ обильный матеріалъ научно. Статьи г-жи Соколовской въ этомъ отношеніи недостаточны, такъ какъ носятъ исключительно описательный характеръ. Между тѣмъ, символика масонства не можетъ не быть изучаема столь же научно, какъ символика религій, изъ которыхъ идутъ символы масонства.

—Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1913 г. Изданіе управленія главнаго врачебнаго инспектора. Петроградъ, 1915 г.

Отчетъ констатируетъ, что 1913-ый годъ въ санитарномъ отношеніи является менѣе благопріятнымъ, чѣмъ предшествующій. Смертность населенія въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи повысилась до 27,4 на 1000 жителей и была на 0,9 выше смертности 1912 г. Рождаемость, выразившаяся цифрой 43,1, была на 0,6 ниже цифры рождаемости предыдущаго года. Повышенная смертность въ связи съ пониженной рождаемостью должна была дать пониженіе естественнаго прироста населенія, который въ 1912 г. равнялся 17,2 проц., въ отчетномъ году—15,7 проц.

Смертность отъ остро-заразныхъ болѣзней равнялась въ отчетномъ году 471 на 100.000 населенія (въ 1912 г.—397). Общее число больныхъ, зарегистрированныхъ медицинскимъ персоналомъ, составило 98.045.223 чел., что даетъ обращаемость населенія къ медицинской помощи 603 на 1000 жителей. Изъ всего указаннаго числа больныхъ 67 проц. были пользованы врачами и 33 проц. фельдшерами, при чемъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и областяхъ число больныхъ, принятыхъ фельдшерами, превышало число больныхъ, принятыхъ врачами.

Въ общей массѣ зарегистрированныхъ заболѣваній наибольшія числа дали болѣзни пищеварительныхъ органовъ, а именно 18,5 проц. всѣхъ больныхъ, затѣмъ заразныя болѣзни—16,4 проц.

Къ концу отчетнаго года численность медицинскаго персонала выражалась слѣдующими цифрами: гражданскихъ врачей—24.031, фельдшеровъ и фельдшерицъ—29.986, повивальныхъ бабокъ 15.198, фармацевтовъ—13.752, зубныхъ врачей—5.161 и дантистовъ—3.007. Изъ врачей 71 проц. находились въ городахъ, а 29 проц. жили въ

негородскихъ поселеніяхъ, при чемъ въ городахъ на одного врача приходилось 1.400 чел. и въ негородскихъ поселеніяхъ 20.300. Въ среднемъ на 1 врача приходилось въ Европейской Россіи 6.300, въ Азіатской Россіи 11.600 жителей).

Число больницъ и пріемныхъ покоевъ съ постоянными кроватями составляло 8.461 съ общимъ числомъ 227.868 кроватей. Изъ означеннаго числа кроватей 177.001 приходилось на кровати въ соматическихъ больницахъ, 43.324 на кровати въ больницахъ психіатрическихъ и 7.513 на кровати въ родильныхъ учрежденіяхъ.

Во всѣхъ больницахъ въ теченіе года пользовалось 3.505.553 больныхъ, изъ коихъ умерло 171.370 (4,9 проц.).

Расходы на медицинскую часть въ Имперіи превысили 147.000.000 р., или въ среднемъ на 1 жителя 90 к. въ годъ, при чемъ средняя цифра расходовъ на одного жителя составляла: болѣе 4 р. въ Москвѣ и Петроградѣ, болѣе 2 р. въ Варшавѣ, Одессѣ, Бакинскомъ и Николаевскомъ градоначальствахъ и т. д., до 10 к. и менѣе на человѣка въ 4 областяхъ и губерніяхъ. Изъ общей суммы расходовъ на долю казны приходилось 11,2 проц., губернскихъ и уѣздныхъ земствъ 45,9 проц., на земскія повинности въ неземскихъ губерніяхъ 4 проц., городскихъ управленій 22 проц., частныхъ обществъ и лицъ—14,6 проц. Изъ общей суммы расходовъ по врачебно-санитарной части 94 проц. издержано на лечебное дѣло; на санитарныя мѣропріятія, включая расходы по борьбѣ съ эпидеміями, приходилось около 6 проц. общей суммы расходовъ.

Это отмѣчаемое изъ года въ годъ рѣзкое различіе между расходами на лечебную медицину и на предупредительную или санитарную въ явный ущербъ послѣдней ясно свидѣтельствуетъ о неправильной постановкѣ у насъ всего врачебно-санитарнаго дѣла.

Къ исполненію воинской повинности призывалось 1.672.208 чел., въ томъ числѣ 1.536.795 чел. призывного возраста. Подвергнуто освидѣтельствованію 973.959 лицъ, изъ коихъ 14,4 проц. признаны вовсе неспособными къ военной службѣ, 8 проц. признаны неспособными къ службѣ въ постоянныхъ войскахъ, но годными къ зачисленію въ ополченіе 2-го разряда, и 15,8 проц.—признаны подлежащими отсрочкѣ по невозмужалости и для поправленія здоровья.

В. Б—ъ.

— Августъ Серментъ. „Вай". Петроградъ. 1915.

Книга неизвѣстнаго автора, странно озаглавленная — «Вай. Исторія одного честолюбія»,—написанная языкомъ въ высшей сте-

пенл неправильнымъ, нечистымъ, явно обнаруживающимъ не-русское происхожденіе автора—таково первое и общее впечатлѣніе, получаемое читателемъ. И еще—раздражающее впечатлѣніе какого-то безсистемнаго нагроможденія мыслей и чувствъ, какіе-то все клубки, узелки да узелочки, безпрестанныя и внезапныя перескакиванія и метанія изъ стороны въ сторону, еще болѣе усиливаемыя нестройностью стиля... Съ такимъ смутнымъ чувствомъ читаешь этотъ странный романъ.

И однако, невольно и незамѣтно вовлекаешься въ безпокойную и острую атмосферу мыслей и чувствъ, составляющихъ содержаніе кратковременной жизни жалкой Вай (уменьшительное отъ Варвары), описанной въ этой книгѣ. Она несвоевременно вышла. Если хотите—и очень своевременно, въ томъ смыслѣ, что въ ней освѣщенъ моментъ, близкій къ намъ и, несомнѣнно, отъ насъ отодвинувшійся, т.-е. моментъ, наиболѣе благопріятный для художественнаго воспроизведенія. Но надобно вспомнить, чѣмъ именно онъ отъ насъ отодвинутъ, какой моментъ пришелъ ему на смѣну, чтобы понять, въ какомъ смыслѣ «Вай» несвоевременна. Только вчера еще она жила среди насъ, дѣйствовала на насъ, и мы дѣйствовали на нее, убивала насъ сладкимъ ядомъ своей души и сама отравлялась тѣмъ воздухомъ, какимъ мы дышали,—и развѣ не важно все это познать?

«Вай»—это отъединенная, въ полномъ смыслѣ слова одинокая жизнь въ изолированномъ уголочкѣ. Острая наблюдательность дана ей незаурядный умъ, богатое воображеніе. Это дѣвушка — несомнѣнно богато одаренная, съ большой жадностью къ жизни и... убивающая себя на 21 году. Изъ-за чего?

Ее можно сравнить съ чудесной паровой машиной, легко и стройно работающей, но—лишенной привода. Она работаетъ впустую, работаетъ исключительно на изнашиваніе, на безплодное растрачиваніе энергіи. Вай погрузилась въ игру тщеславія, растрачивая на это всю свою энергію. «Жажда бытія», творчества и авантюръ,—такова формула ея душевнаго состоянія. Но ее можно еще болѣе сократить, ибо жажда бытія—сводится къ жаждѣ удовлетворить гипертрофически разросшееся самолюбіе, для чего и «творчество» и авантюры въ свою очередь являются только матеріаломъ. «Она любила: жизнь, авантюры, красоту, самобытность, цѣломудріе, свободу, вѣру, одиночество и гастрономію. Но больше всего она любила Творчество. Она ненавидѣла: бездарность, глупость, необходимость, покорность судьбѣ, безвѣріе и любовь». Любовь плотскую. Въ этомъ же стилѣ и конкретные образы ея порывовъ: «она хотѣла жить; тонуть въ волнахъ и счастьи; быть блѣдной дѣвушкой, сектанткой-скопчихой; бѣгать мальчикомъ-носильщикомъ по набережной Калькуты; ѣхать въ быстрыхъ санкахъ

по Сибири; предаваться мужскимъ авантюрамъ; флиртовать въ поѣздахъ; быть плѣнницей и бѣжать; жить сто лѣтъ спустя и сто лѣтъ назадъ; быть горничной, колдуньей, монашенкой, ребенкомъ, воиномъ и, прежде всего, авантюристкой». Но ошибется тотъ, кто хотя бы за однимъ изъ этихъ порывовъ признаетъ значеніе самодовлѣющее. Нѣтъ, все это привлекаетъ Вай только въ тайной, тайной порою для нея самой, надеждѣ, что оно послужитъ пьедесталомъ для ея личности, что при жизни или послѣ ея смерти ее будутъ знать, о ней будутъ говорить, ее будутъ помнить. Только подъ этимъ угломъ зрѣнія она и воспринимаетъ всѣ впечатлѣнія бытія, отвергаетъ или пріемлетъ факты жизни, груститъ или радуется. Музыка приводитъ ее въ какое-то блаженно-восторженное состояніе, но послѣднимъ стремленіемъ все-таки остается желаніе сказать или сдѣлать что-либо такое, что́ оказалось бы для всѣхъ сильнѣе впечатлѣнія, сдѣланнаго музыкой. Заболѣвъ ангиной, она сокрушается, что не сможетъ уже похвалиться передъ подругами тѣмъ, что никогда не хворала горломъ. Неуспѣхъ на экзаменѣ—для нея страшное бѣдствіе, ибо онъ—ударъ по ея честолюбію, и т. д. и т. д.

Всѣ свои помыслы и упованія Вай въ концѣ концовъ сосредоточиваетъ на жаждѣ творчества, формой котораго ей рисуется эпосъ. И читатель чувствуетъ (да Вай и не скрываетъ этого, какъ не скрываетъ она и ничего другого), что и тутъ ею руководитъ ужасающее, гложущее тщеславіе. Ни разу у нея въ мечтахъ не прорывается мысли о томъ, что творчество, *какъ таковое*, могло бы ее удовлетворить; всегда позади него чувствуется хозяинъ—тщеславіе. «Все зло міра и творчество—жизнь. Всѣ жизненныя блага и отсутствіе творчества—смерть»,—такъ формулируетъ Вай свое отношеніе къ жизни, но формулируетъ ошибочно. Никогда не удовлетворило бы ее творчество безвѣстное, и всегда удовлетворила бы ее извѣстность, добытая иными путями, безъ творчества. Послѣднее—то орудіе, которое Вай кажется наиболѣе свойственнымъ ей и доступнымъ,—отсюда и это сосредоточеніе на мечтахъ о творчествѣ всѣхъ душевныхъ силъ. Отсюда и гибель Вай,—ей не далось творчество въ той формѣ, какая казалась долго единственно доступной, она не написала своего эпоса, и Вай покончила съ собою.

Боюсь, что въ этомъ пересказѣ трагедія Вай утеряла то, что́ глубоко трогаетъ читателя, и пріобрѣла то, что́ его отталкиваетъ. Дѣло въ томъ, что въ пересказѣ невозможно передать философіи тщеславія Вай, показать, что́ и при какихъ условіяхъ выродилось въ этой богато одаренной душѣ въ бездушное тщеславіе. А между тѣмъ въ этомъ перерожденіи чего-то цѣннаго во что-то отталкивающее—крупное общественное и психологическое значеніе

романа. Вѣдь несомнѣнно, что судьба одарила Вай какою-то силой,— и вотъ сила эта цѣликомъ ушла на работу разрушенія.

Что это за сила? Не была ли она какимъ-то безплоднымъ вихремъ разрушительной энергіи по самой сущности и природѣ своей?

Если внимательно вдуматься въ психологію Вай, то отвѣтъ на послѣдній вопросъ будетъ данъ отрицательный. Сила личности, заложенная въ ней, ея яркій индивидуализмъ творческой натуры бурно искали формъ для своего воплощенія. Стремиться «означить» свой образъ во-внѣ—это еще не равносильно мукамъ тщеславія, это порой является могучимъ стимуломъ здоровой, творческой работы, въ которой личность одновременно находитъ и изживаетъ себя.

Чего же не доставало Вай, что обусловило это вырожденіе ея души, гибельный переходъ энергіи творческой въ разрушительную?

Не доставало ей объединяющаго центра. Выше я цитировалъ ея стремленія, въ ряду которыхъ стоятъ рядомъ монашенка, воинъ, колдунья и т. д. Въ этомъ разнообразіи стремленій чувствуется не богатство, а какой-то дефектъ души, точнѣе—богатство, извращенное дефектомъ. «Все больше и больше впечатлѣній,—замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Вай,—и Nebensachen, и Hauptsachen, и новыхъ встрѣчъ, и новыхъ чувствъ, и радости, радости безъ конца». Но это—самообманъ. Это обиліе впечатлѣній, лишь тѣшащихъ острую наблюдательность Вай, не только не удовлетворяетъ, но даже утомляетъ ее, потому что нѣтъ той центральной точки зрѣнія, съ которой открывалась бы ей стройная перспектива жизни; явленія послѣдней—не болѣе, какъ потокъ разрозненныхъ случайностей, Nebensachen и Hauptsachen, да и въ этой послѣдней классификаціи расположенныхъ болѣе или менѣе случайно, не по какимъ либо основнымъ принципамъ, а по настроенію. И недаромъ черезъ двѣ страницы послѣ этого гимна жизни съ тою же искренностью мимолетнаго импрессіонизма Вай со скорбью отмѣчаетъ: «ничего не успѣть прочувствовать, пережить; я не помню ни одного момента, ради котораго стоило жить». Конечно, здѣсь, какъ и въ противоположномъ настроеніи, та же преувеличенность выраженія, въ корнѣ котораго не трудно подмѣтить ту же причину: отсутствіе прочнаго центра, открывающаго перспективу жизни, съ ея относительностью, какъ и безусловностью. Потому-то у Вай относительное на моментъ становится безусловнымъ, а безусловное—относительнымъ, малозамѣтнымъ... «Какъ мнѣ надоѣла эта подлая биржевая игра на повышеніе и пониженіе настроенія, эти приливы и отливы надеждъ!»—восклицаетъ Вай не задолго до своего конца.

Что же это за дефектъ, погубившій Вай? Это—отсутствіе сильнаго чувства чужой души, чужой личности, иными словами—чувства

и способности любви. Люди нужны Вай только для того, чтобы восхищались ею, какъ субъекты славы, которой сама она—объектъ. Къ любви плотской она испытываетъ глубокое отвращеніе, презираетъ ее, говоритъ о ней порою цинично, но именно въ силу полнаго отсутствія чувственности,—она цинична потому, что это для нея—нѣчто бездушное, низменно-матеріальное—и только, и она можетъ говорить объ этой сторонѣ жизни не иначе, какъ бездушно, т.-е. цинично.

Но и на иную любовь она неспособна: «Будь я чувственна, я утѣшилась бы развратомъ; съ душою—любовью; но я—женщина цѣломудренная, безсердечная и бездушная, и жить мнѣ нечѣмъ»—подводитъ итогъ Вай. И это правда. Все изслѣдуя, разлагая, анализируя, Вай ничѣмъ не бываетъ захвачена цѣликомъ, чтобы хоть на моментъ забыть себя, свою позу посторонняго наблюдателя жизни.

И чувствуется, что спасти Вай, дать выходъ ея душѣ и оплодотворить ее любовью къ жизни и людямъ—могла бы та общественная атмосфера, въ которой нашелся бы какой-то могучій, объединяющій центръ, какая-то ось вращенія общества. Не къ чему было прикрѣпиться бѣдной Вай своею незаурядной личностью, не было того яркаго и сильнаго, что оказалось бы сродни яркости и силѣ ея души. На работу тихую, планомѣрную, хотя бы и въ высшей степени творческую—она не была пригодна. Ей надо было горѣть. Но и горѣть можно плодотворно. Вай сгорѣла безплодно, какъ жертва такъ или иначе отошедшаго момента, съ его эстетическими самоубійствами подъ звуки Шопена, съ его хаосомъ мелкихъ, разрозненныхъ интересовъ, съ торжествомъ злой тупости, съ его отравой отчаянія, обманутыхъ надеждъ и подавленныхъ порывовъ, съ его затхлостью и топтаніемъ на мѣстѣ,—со всѣмъ тѣмъ, тяжелое наслѣдство чего мы теперь съ напряженіемъ и усиліями ликвидируемъ.

А. Дерманъ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

С. Левитанъ. Педагогика и милитаризмъ въ Германіи. Петроградъ. 1915.

Матеріалами для книжки С. Левитана служили наблюденія автора въ Германіи передъ самымъ началомъ войны и впечатлѣнія его, какъ временнаго плѣнника Германскаго правительства. Половина книжки занята интереснымъ описаніемъ злоключеній автора,—арестованнаго вмѣстѣ съ другими русскими послѣ объявленія войны и подозрѣвавшагося, безъ всякаго, конечно, основанія, въ шпіонствѣ. Но наиболѣе поучительной является статья объ учительскомъ съѣздѣ въ Килѣ за два мѣсяца до войны, съѣзда, на которомъ ожидалось рѣшительное сраженіе между защитниками радикальной школьной реформы и представителями реакціонной школьной политики, но который, благодаря умѣлымъ пріемамъ правительства и на фонѣ очередного флотскаго парада оказался демонстраціей патріотическихъ и вѣрноподданническихъ чувствъ нѣмецкихъ учителей и ихъ единенія съ правительствомъ. Такъ заботливо создавало германское правительство психологическое настроеніе, благопріятное для затѣваемаго имъ вооруженнаго столкновенія народовъ.

Н. Н. Покровскій. О подоходномъ налогѣ. Петроградъ. 1915.

Хотя трудъ Н. Н. Покровскаго о подоходномъ налогѣ явился, пожалуй, слишкомъ поздно для того, чтобы служить, какъ замышлялъ авторъ, для справокъ при разсмотрѣніи законопроекта о такомъ налогѣ въ Россіи, но это не аннулируетъ его значенія, потому что онъ можетъ служить пособіемъ при первоначальномъ ознакомленіи съ практическимъ осуществленіемъ этой формы обложенія. Авторъ излагаетъ въ немъ исторію и современную организацію подоходнаго налога въ Англіи, Пруссіи, Баваріи, Франціи, въ Германской Имперіи и въ Сѣв.-Амер. Соединенныхъ Штатахъ; разбираетъ возраженія противъ подоходнаго налога, повторяющіяся неизмѣнно въ теченіе цѣлаго столѣтія, и разсматриваетъ условія введенія подоходнаго обложенія въ Россіи. Вторая часть книги посвящена развитію формъ прямого обложенія въ нашемъ отечествѣ. Книга заключаетъ не мало статистическихъ данныхъ о различныхъ сторонахъ вопроса о подоходномъ налогѣ.

Н. Каблуковъ. О повышеніи производительности труда въ русской промышленности. Москва. 1915.

Подъ этимъ заголовкомъ издана лекція-статья, составленная еще въ 1888 г.; и хотя такое происхожденіе брошюры отразилось на изложеніи, статистическихъ иллюстраціяхъ и литературныхъ ссылкахъ, но существо ея содержанія не пострадало, потому что трактуемые въ ней вопросы—о значеніи того или другого состоянія производительности труда для всего общества, для трудящейся его части и для болѣе или менѣе благопріятнаго положенія страны въ сферѣ международнаго обмѣна, равно какъ и о средствахъ поднятія производительности труда—достаточно были выяснены и тридцать лѣтъ тому назадъ. Особенное значеніе въ качествѣ средства возвышенія производительности труда ав-

лоръ придаетъ профессіональному образованію, которое вмѣстѣ съ тѣмъ вооружаетъ рабочаго человѣка въ борьбѣ за существованіе и значеніе котораго спеціально для Россіи обусловливается тѣмъ, что значительная часть ея трудящагося населенія еще не утратила вполнѣ хозяйственной самостоятельности.

В. М. Зензиновъ. Очерки торговли на сѣверѣ Якутской области. Москва. 1915.

Политическая ссылка, какъ извѣстно, была немаловажнымъ факторомъ культурнаго развитія Сибири и источникомъ свѣдѣній объ этой окраинѣ; и еще недавно наша Академія Наукъ рекомендовала Сѣв.-Амер. Соединеннымъ Штатамъ, въ качествѣ спеціалистовъ по изученію сибирскихъ инородцевъ, трехъ бывшихъ невольныхъ обитателей Сибири. Политической ссылкѣ обязана своимъ появленіемъ и названная выше работа В. М. Зензинова. Въ живомъ разсказѣ авторъ рисуетъ организацію и пріемы мѣновой торговли (граничащей съ грабежемъ инородцевъ) продуктами мѣстныхъ промысловъ (охоты и скотоводства) съ одной стороны, и предметами потребленія кочевниковъ сѣвера Якутской области, доставляемыми въ этотъ безлюдный и бездорожный край одинъ разъ въ годъ — съ другой. Пріемы эти авторъ связываетъ съ нравами и психологіей якутовъ.

В. В.

Въ теченіе ноября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Алтаевъ, А. Л. Поэты юности. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 р. 75 к.

— Пѣвецъ страданья и свободы. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 р.

— Юноша - поэтъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

А. О. К. Дороговизна, ея источники и предѣлы. Кіевъ, 1915 г. Цѣна 2 р.

Бойеръ, Іоганъ. Это было въ бѣлыя ночи. Романъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Брусянинъ, В. В. Трагедія Михайловскаго замка. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 р.

— Въ рабочихъ кварталахъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 р.

Будрикъ, В. Отзвуки войны. Вып. 2-ой. Пятигорскъ, 1915 г. Цѣна 15 к.

Вагнеръ, Германъ. Разсказы о разныхъ замѣчательныхъ растеніяхъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 65 к.

Войтинскій, Вл. С. и Горнштейнъ, А. Я. Евреи въ Иркутскѣ. Иркутскъ, 1915 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Волжскій, А. С. Святая Русь и русское призваніе. Москва, 1915 г. Ц. 95 к.

В. С. Ф. Озанамъ, Жизнь и дѣятельность. Москва, 1915 г. Цѣна 50 к.

Гаазе, Е. Земная кора. Москва, 1915 г. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Гавриловъ, А. М. Антихристъ. (Въ 4-хъ дѣйствіяхъ). Ташкентъ, 1915 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Гольденбергъ, І. Бельгія. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 10 коп.

Горькій, М. Дѣтство. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 к.

— Хозяинъ. Три дня. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Горянскій, Валентинъ. Крыломъ по землѣ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гофманъ, Т. А. Принцесса Брамбилла. Москва, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Григорьевъ, С. Г. Вокругъ южнаго полюса. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гусевъ-Оренбургскій, С. И. Люди. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Гусевъ-Оренбургскій, С. И. Страна отцовъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 р.

Дворяшинъ, Викторъ. Жаворонокъ надъ озимью. Стихи. Кашинъ, 1915 г. Цѣна 20 коп.

— Копьемъ въ Германію. Стихи. Кашинъ, 1915 г. Цѣна 10 коп.

Евдокимовъ, А. и Петровъ, А. На пути къ высшей крестьянской школѣ. Москва, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Евреиновъ. Театръ для себя. Ч. I. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 75 к.

Жариновъ, Д. А., Никольскій, Н. М., Радцигъ, С. И. и Стерлиговъ, В. Н. Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Ч. I. Востокъ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 р. 30 к.

Имшенецкій, А. Горныя вершины. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 р.

Кагаровъ, Е. Прошлое и настоящее египтологіи. Сергіевъ-Посадъ, 1915 г. Цѣна 80 коп.

Карпентеръ, Эдуардъ. Любовь и смерть. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Кащенко, П. П. Судъ въ Московскомъ государствѣ. Москва, 1915 г. Ц. 30 к.

Коваленскій, Михаилъ. Хрестоматія по русской исторіи. Москва, 1915 г. Цѣна 2 руб. 70 коп.

Колетти, Ф. Дороговизна, ея причины и мѣры борьбы съ нею. Москва, 1915 г. Цѣна 30 коп.

Котляревскій, Н. Канунъ освобожденія. Петроградъ, 1915 г. Ц. 2 р. 75 к.

Котляревскій, С. А. Власть и право Москва, 1915 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Кречетовъ, Сергѣй. Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Кузнецовъ, Е. А. Англійская палата общинъ при Тюдорахъ и Стюартахъ. Одесса, 1915 г. Цѣна 2 р. 35 к.

Лермонтовъ, М. Ю. I. Вѣтка Палестины и др. стихотворенія. Цѣна 6 к. II. Мцири. Цѣна 4 к. III. Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого

опричника и удалого купца Калашникова. Цѣна 3 к. IV. Узникъ и др. разсказы. Цѣна 4 коп. Петроградъ, 1915 г. Изд. „Жизнь и Знаніе".

Либерманъ, А. А. Средняя школа и проектъ устройства въ Россіи низшихъ общеобразовательныхъ загородныхъ школъ. Москва, 1915 г. Цѣна 70 коп.

Лидинъ, Вл. Трынъ-трава. Москва, 1915 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Лобанова, Ольга. Дышите правильно! Петроградъ, 1915 г. Цѣна 50 к.

Локкъ, Уильямъ Дж. Любимый бродяга. Романъ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ломшаковъ, М. С. Сборникъ стихотвореній и отрывковъ прозы изъ всемірной литературы. Ч. I. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 р. 30 коп.

Лутохинъ, Д. А. Графъ С. Ю. Витте, какъ министръ финансовъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 50 коп.

Лѣсная, Лидія. Аллеи причудъ. Стихотворенія. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Маковельскій, Александръ. Досократики. Часть II. Казань, 1915 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Макъ-Дауголлъ, У. Основныя проблемы соціальной политики. Москва, 1915 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Мандельштамъ, А. Н. Младотурецкая держава. Москва, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Новиковъ, Иванъ. Между двухъ горъ. Москва, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Новичъ, Н. Сказаніе о градѣ Леденцѣ. Лирич. драма въ 2 карт. съ апоѳеозомъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Павлова, Каролина. Собраніе сочиненій. Т. I и II. Москва, 1915 г.

Плестедъ, Л. Ручной трудъ и его мѣсто въ воспитаніи ранняго дѣтства. Москва, 1915 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Русовъ, Н. Н. Золотое счастье. Романъ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Рыссъ, Петръ. Италія. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Саликовскій, А. Ф. Памяти Ѳ. Е. Корша. Ростовъ-на-Дону, 1915 г.

Свирскій, А. И. На кострѣ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Семенниковъ, В. П. Матеріалы для исторіи русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. Петроградъ, 1915 г.

Сенкевичъ, Г. Избранные разсказы для дѣтей школьнаго возраста. Москва, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Сентъ-Ивъ д'Альвейдръ, А. Миссія Индіи въ Европѣ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Серментъ, Августъ. Вай. Изд. 2-ое. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Сингалевичъ, С. П. 95 тезисовъ Мартина Лютера. Казань, 1915 г.

Скабалланович, Е. И. Къ біографіи М. Е. Салтыкова-Щедрина. Тула, 1915 г.

Соболь, Андрей. Разсказы. Москва, 1915 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Пыль. Романъ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Трошинъ, Ір. Сравнительная психологія нормальныхъ и ненормальныхъ дѣтей. Т. II. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 3 руб.

Успенскій, П. Д. Tertium organum. Ключъ къ загадкамъ міра. Изд. 2-е. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 р. 40 к.

Фишеръ, Влад. Русская литература. Учебникъ. Москва, 1915 г. Цѣна 90 коп.

Хинтонъ, Ч. Х. Воспитаніе воображенія и четвертое измѣреніе. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 60 к.

Чулковъ, Георгій. Вчера и сегодня. Очерки. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

— Люди въ туманѣ. Книга разсказовъ. Москва, 1915 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Шаховская, Н. Д. Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вѣка. Москва, 1915 г. Цѣна 40 к.

Эйнгорнъ, С. Я. Массажъ и врачебная гимнастика. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб.

Юшкевичъ, Семенъ. Очерки дѣтства. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 р.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. VII. Подъ ред. Б. А. Лезина. Харьковъ, 1915 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Годовой отчетъ Комитета помощи русскимъ въ Бернѣ. Sumpliz-Berne, 1915 г.

Журналы секретнаго и главнаго комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Т. I и II. Петроградъ, 1915 г.

Журналы и меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта по крестьянскому дѣлу. Петроградъ, 1915 г.

Землеустроенныя хозяйства. Изданіе комитета по землеустроительнымъ дѣламъ. Петроградъ, 1915 г.

Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. XXIV. Петроградъ, 1915 г.

Приложенія къ журналу главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Петроградъ, 1915 г.

Обслѣдованіе землеустроенныхъ хозяйствъ, произведенное въ 1913 г. въ 12 уѣздахъ Европейской Россіи. Петроградъ, 1915 г.

Опись дѣлъ архива Государственнаго Совѣта. Т. 11, 12 и 21. Петроградъ, 1915 г.

Отчетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературный фондъ) за 1914 годъ. Петроградъ, 1915 г.

Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1913 г. Петроградъ, 1915 г.

Очарованный Странникъ. Альманахъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 25 коп.

Пегасъ. Журналъ искусствъ. № 1. Москва, 1915 г.

Сборникъ Нижегородской губ. учархивной комиссіи. Т. XV. Вып. VIII. Въ память 300-лѣтія Царствованія дома Романовыхъ. Нижній - Новгородъ, 1915 г.

Слово. Сборникъ пятый. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Справочная книжка Тенишевскаго училища. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Степь. Оренбургскій литературный сборникъ. Кн. 3. Оренбургъ, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Труды комиссіи при обществѣ им. А. И. Чупрова по изученію современной дороговизны. Вып. I. Москва, 1915 г. Цѣна 3 руб.

Труды съѣзда по вопросамъ организаціи разумныхъ развлеченій для населенія Харьковской губ. Т. 1 и 2-й. Харьковъ, 1915 г.

Vivat Academia. Сборникъ студентовъ Восточнаго Института. Владивостокъ, 1915 г.

Пахаревський. Оповідання. Книжка третя. Київ, 1915 г. Цѣна 50 к.

The Tale of the Armament of Igor. A. D. 1185. A Russian historical epic. Edited and translated by Leonard A. Magnus, L. L. B. London, 1915 Price 6.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1915 году.

Приложеніе: Портреты М. М. Стасюлевича въ 1866 и въ 1908 году.

Адріановъ, С.—Критическіе наброски (апр., 328).

Айзманъ, Д.—Цѣлитель (янв., 133).

Альперовичъ, А.—Въ рядахъ. Эскизъ (авг., 93).

Андреевскій, С.—Изъ В. Гюго. Спящій Воозъ (дек., 53).

Андрусонъ, Л.—Ливъ. Пер. съ норвежскаго (іюль, 226).

Аникинъ, В.—Сибирское (авг., 159; ноябрь, 109). Домой черезъ Балканы (дек., 99).

Арнольди, Игорь.—На закатѣ (іюнь, 5). Разсказъ тихаго человѣка (сент., 67).

Арсеньевъ, К.—Пятидесятилѣтіе судебной реформы въ современной литературѣ (февр., 302). Пятидесятилѣтіе „Вѣстника Европы" 1866—1915) (дек., I).

Астори, Е.—Ему. Стих. (мартъ, 258).

Астровъ, Сем.—Ночь. Стих. (май, 30). На гору. Стих. (окт., 164).

Батюшковъ, Ѳ.—Лермонтовъ „нашего времени" (іюнь, 233). Памяти отошедшихъ артистовъ (ноябрь, 385).

Бахчисарайцевъ, Христофоръ. Ночь (іюль, 43).

Бланкъ, Р.—Заграничныя настроенія (май, 296).

Боборыкинъ, П. Д.—Повелительница. Повѣсть (окт., 5).

Богдановъ, А.—Сурманъ Калліо. Разсказъ (сент., 5).

Боголѣповъ, М.—Проектъ выпуска мелкихъ билетовъ казначейства (май, 359).

Бончъ-Бруевичъ, Владиміръ. — Вопросъ свободы совѣсти въ оффиціальномъ освѣщеніи (іюль, 325).

Бородинъ, Н.—Американцы и американская культура (окт., 263).

Босковичъ, Елена.—Слѣпая. Разсказъ (іюль, 77).

Боткинъ, Сергѣй.—Святая Тереса (авг., 102).

Бунге, Екатерина.—Стихотвореніе (іюль, 143). Стихотвореніе (сент., 32). Сонетъ (окт., 262). Стихотворенія (ноябрь, 84, 132).

Бунинъ, И. А.—Стихотворенія (дек., 97).

Бѣлоконскій, И. П.—Памяти А. А. Русова (ноябрь, 395).

Вальтеръ, Викторъ.—А. Н. Скрябинъ (май, 416). С. И. Танѣевъ (іюнь, 366).

Ватманъ, Е.—Въ тиши (дек., 72).

Ватсонъ, М.—Война (май, 67).

Верховскій, Юрій. — Стихотвореніе (дек., 71).

Вершинина, З.—Стихотворенія (дек., 60, 78).

Винаверъ, М.—А. М. Колюбакинъ (апр., 367).

Воейковъ, А. — Туркестанъ, его воды и орошеніе (мартъ, 259).

Войтинскій, Вл.—На мерзлой землѣ (іюнь, 75).

Вѣтвицкій, Вл.—Стихотв. (іюль, 192).

Вѣтринскій, Ч.—Памяти П. А. Голубева (май, 423). Памяти М. Л. Михайлова (іюль, 331).

Вяткинъ, Г. — Снѣгурочка. Этюдъ (авг., 49). Элегія. Стих. (сент., 93).

Галабутская, Л. — Стихотв. (іюнь, 232). Тоска. Стих. (авг., 63).

Ганейзеръ, Е.—Марія (февр., 65). Право слезъ (іюль, 45).

Годинъ, Я.—Успокоеніе. Стих. (дек., 162).

Горькій, М.—Пожаръ. Очеркъ (май, 5).

Грушевскій, М. — Предокъ (іюль, 219).

Герта, С.—Приключенія четвертьфунта Фредерика Буше (дек., 216).

Деренталь, А.—Отъ Копенгагена до Парижа (янв., 261).

Дивильковскій, А. — Въ дальнемъ углу Франціи (іюнь, 291). На рѣкахъ Вавилонскихъ (іюль, 5).

Дмитріева, В. — Передъ лицомъ смерти. Разсказъ (нояб., 5; дек., 5).

Доброхотовъ, Анатолій.—Два брата. Стих. (февр., 31). Два кладбища. Стих. (мартъ, 141).

Діонео.—Въ сторонѣ отъ войны (дек., 265).

Евгеньевъ, В.—„Практичность" Н. А. Некрасова въ освѣщеніи цифровыхъ и документальныхъ данныхъ (апр., 125).

Жилкинъ, И.— Великое кладбище (янв., 318). Московскій погромъ (сент., 299).

Журавская, З.—Мѣщанская трагедія. Ром. Лучіано Цукколи. Пер. съ итал. (янв., 190; февр., 200; мартъ, 163; апр., 221; май, 213). Случайность. Ром. Уильяма Локка. Пер. съ англ. (іюль, 145; авг., 192; сент., 155; окт., 165). Изъ разсказовъ Лючіано Цукколи (дек., 245).

Загорскій, С.—Происхожденіе идеи объединенія Европы подъ гегемоніей Германіи (февр., 130).

Зайцевъ, Бор.—Кассандра (мартъ, 113). Земная печаль (дек., 57).

Залевскій, К.—Къ польскому вопросу (янв., 293). Къ вопросу о польско-еврейскихъ отношеніяхъ (іюль, 278).

Заленскій, В. — И. И. Мечниковъ (май, 151).

Зиловъ, Левъ.—Жалейка. Стихотв. (окт. 71). Чернильные орѣшки. Стих. (сент., 232). Имя Господне. Стихотв. (нояб., 41).

Зоревъ, Павелъ.—Вечерняя рондель. Стих. (мартъ, 42). Пасмурный день. Стих. (авг., 92).

Зубовскій, Юрій.—Стих. (іюнь, 60). Стих. (авг., 48). На родной рѣкѣ. Стих. (нояб., 108).

Зѣлинскій, Ѳ.—Легенда „Кургана псицы" (апр., 85).

Ignolus.—Ближній востокъ и война (март., 277).

Ирецкій, В.—Земля. Разсказъ (авг., 81).

Карѣевъ, Н.—Жоржъ-Жакъ Дантонъ (сент., 116).

Керженцевъ, В. — Земельный вопросъ и политическія партіи Англіи (февр., 103).

Кисинъ, М.—Рана (іюль, 5).

Ковалевскій, М.—Графъ С. Ю. Витте (апр., 362). Германцы противъ англичанъ (май, 265). Е. В. Де-Ро-

берти. (май, 421). Армянскій вопросъ (іюнь, 256). Масонство во времена Екатерины (сент., 95). Борьба нѣмецкаго вліянія съ французскимъ въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія (окт., 123). Шеллингіанство и гегельянцы въ Россіи (ноябрь, 133). Философское пониманіе судебъ русскаго прошлаго мыслителями и писателями 30-хъ и 40-хъ годовъ (дек. 163). Къ стопятидесятилѣтнему юбилею Вольнаго Экономическаго общества (дек. 389).

Ковальскіе, К. и О.—Только родина. Разсказъ (февр., 33).

Колтоновская, Е.—Поэтъ жизни (янв., 302). Спектакль въ память Лермонтова (февр., 325). Пути и грани молодой литературы (мартъ, 322). Театръ и литература (май, 344). Театральныя впечатлѣнія (іюнь, 884).

Коммиссаровъ, Сергѣй.—Лучи. Стих. (апр., 124).

Канакова, З.—Любовь и смерть Этюдъ (февр., 86).

Коральникъ, А.—Патеръ Луисъ Колома (сент., 291).

Кохановскій, Вл.—Лейтенантъ фонъ-Мюллеръ. Разсказъ (апр., 105).

Котляревская, З.—Пѣсня безъ словъ (апр., 29).

Котляревскій, Н.—Первая дружба съ писателемъ. (Страничка изъ воспоминаній) (дек., 150).

Кочевой, П.—Пережитое (сент., 225).

Кремяновскій, Михаилъ. — Государственный контроль въ Россіи за сто лѣтъ (іюль, 113; авг., 135).

Кузьминъ-Караваевъ, В. — Четверть вѣка политическаго учительства (ноябрь, 171).

Лазаревскій, Борисъ. — Послѣдніе (янв., 29). Мирные жители (ноябрь, 41).

Ланда, Б.—Предѣлы областной автономіи (янв., 151). Возникновеніе государствъ послѣ войны (іюнь, 113).

Лашковъ, Вас.—Зачѣмъ? (іюнь, 61).

Левинъ, И. И. — Промышленный кредитъ (май, 380).

Левинъ, И. О.—Румыны въ Венгріи (мартъ, 295).

Липецкій, Алексѣй.—Капели. Стих. (февр., 85). Въ дорогѣ. Стих. (авг., 80). Въ умирающемъ саду. Стих. (сент., 48).

Лурье, М.—Военный центръ германской индустріи (апр., 282). Будущее германскаго хозяйства (авг., 247). Организація земледѣлія въ Германіи (сент., 245). Бытовыя отраженія войны въ Германіи (нояб., 298). Соціальное законодательство военнаго времени въ Германіи (дек., 313).

Люблинскій, П. И.—Идея права и европейская война (ноябрь, 85).

Любомудровъ, С.—У пристани. Стих. (іюнь, 74).

Л. Д. — Большая Анна. Эдуарда Рода. Пер. съ франц. (янв., 167). Нищая милліардерша. Успѣхъ. Пер. съ франц. Отецъ. Осень. Пер. съ укр. (іюнь, 229). Жена Бускатея. Пер. съ франц. (іюль, 193).

Майскій, В.—Уравновѣшенная Англія (май, 313).

Мечниковъ, Ил. — Воспоминанія о Сѣченовѣ (май, 68).

Минскій, Н.—Лики войны (дек., 62).

Моравская, М.—Плакаты (май, 105).

Морозовъ, Николай. Стих. (май, 103).

Мѣшковъ, Н.—Ледоходъ. Стихотв. (мартъ, 113).

М—чъ, А.—Туруханскій край (іюль, 318).

Недолинъ, Сергѣй.—Юбилей журнала „Вѣстникъ воспитанія" (февр. 398).

Никольскій, В. — Константинъ Маковскій (ноябрь, 391).

Овсянико-Куликовскій, Д. П.—Замѣтки о Толстомъ (янв., 20; февр., 24; мартъ 32; апр., 22). Памяти Корша (мартъ, 384). Цѣнность жизни (май, 117). Изъ этюдовъ по психологіи оптимизма

и пессимизма. Жанъ-Жакъ Руссо. (дек., 126).

Огановскій, И.—Край большихъ возможностей (апр., 265).

Олигеръ, Николай.—Святыня. Разсказъ (мартъ, 43).

Окуловъ, А.—Возвращеніе (май, 31).

Оршанскій, И. Г.—Задача соціальной гигіены (окт., 73).

Орѣшинъ, П.—Въ лѣсу. Стих. (апр., 104).

Посниковъ, А. — Проектъ государственной росписи (янв., 372). Графъ С. Ю. Витте (апр., 357). Пятидесятилѣтіе нашихъ кооперативныхъ учрежденій (дек., 400).

П. Б.—Непосланныя записки сент. 49).

П. Р. — Современное положеніе русской золотопромышленности и всероссійскій съѣздъ золотопромышленниковъ (мартъ, 359).

Рихтеръ, Д.—В. Я. Яковлевъ-Богучарскій (іюль, 361).

Сакулинъ, П.—Историко-литературныя бесѣды (февр., 246; мартъ, 148; (іюнь, 95).

Салтыковъ, М.—Еще скрежетъ зубовный (сент., 33).

Скиталецъ (С. Петровъ).—Къ роднымъ берегамъ (дек., 78).

Славенсонъ, Вѣра.—Война и лубокъ (іюль, 91).

Славинская, М.—Ричардъ Ферлонгъ. Ром. Темпля Серстона. Пер. съ англ. февр., 151; мартъ, 205; апр., 162; май, 171). Изъ разсказовъ Шарль-Луи Филиппа. Пер. съ франц. (іюнь, 169). Разсказы Маріи Родзевичъ (ноябрь, 171). Изъ военныхъ разсказовъ Ренэ Базена (дек., 202).

Славинскій, М.—Украинцы въ Австро-Венгріи (янв., 836).

Слонимскій, Л.—Германія и культъ силы (янв., 286). Слѣдствіе о балканскихъ войнахъ (февр., 318). Воинственная Германія и возвратъ къ Канту (мартъ, 317). Новое язычество на почвѣ націонализма (май, 338). Памяти Г. К. Градовскаго (іюнь, 362). Критическій моментъ (іюль, 333). Международное право и милитаризмъ (авг., 325). Плоды реальной политики (ноябрь, 336). Споръ о причинахъ войны (дек., 339).

Смирновъ, Вас.—Флигелекъ. Стих (февр., 102). Каменный Амуръ. Стих. (апр., 28).

Тверской, П. А.—Америка и война (іюль, 309).

Тимковскій, Н. — Передъ жизнью. (янв., 83).

Тисленко, Я. Стих. (янв., 27).

Тюринъ, Н.—Жамалдатъ. Разсказъ (іюнь, 23).

Хвольсонъ, О. Д. — Памяти Н. А. Умова (февр., 366).

Цензоръ, Дмитрій.—Воспоминаніе. Стих. (янв., 82, 132). Вѣчность. Стих. (іюль, 58). Изъ книги отчаянья. Стих. (сент., 64).

Червинскій, А.—Подводная лодка въ ея прошломъ и настоящемъ (окт., 300).

Чириковъ, Евгеній. — Соловей-любовникъ (ноябрь, 69).

Чубинскій, М. П.—А. Ѳ. Кони (окт. 233).

Чумаченко, Ада.—Стих. (іюнь, 93).

Шапиръ, Ольга.—Тайны (авг., 5).

Шкапскій, О.—Прошлое и настоящее Туркестана (іюнь, 131).

Эрбергъ, Конст.—Сѣнокосъ. Стих. (іюль, 76).

Въ Государственной думѣ (февр., 401)

Изъ переписки Л. Н. Толстого. Письма къ кн. С. С. Урусову (янв., 5). Пись-

ма къ кн. Л. Д. Урусову (февр., 5), Письма къ Г. А. Русанову (мартъ, 5; апр., 5).

Письма изъ Америки. — А. І. Зака (февр., 28; мартъ, 339; іюнь, 309; іюль, 265; авг., 301, ноябрь, 278).

Письмо изъ Болгаріи. — М. Калины (февр., 293).

Письмо изъ Женевы.—А. Дивильковскаго (окт., 328).

Письма изъ Лондона.—Діонео (февр., 265; іюнь, 274; іюль, 293).

Письма изъ Лондона. — А. Чекина (янв., 237; іюль, 237; ноябрь. 249).

Письма изъ Рима.—М. А. Осоргина (янв., 274; апр., 303, дек., 292).

Письмо изъ Софіи.—А. Деренталя (авг., 311).

Хроника.

I. На темы дня. К. Арсеньева. Январь. — Національзмъ и либерализмъ. — Несвоевременные панегирики.—„Гипнозъ государства“ (стр. 36).—Февраль.—Засѣданія думской бюджетной комиссіи.—Выступленія крайнихъ правыхъ. — Общеземскій союзъ и курское земство.—Характерный финалъ.—А. М. Колюбакинъ † (стр. 340).—Мартъ.—Вопросы, возбуждаемые примѣненіемъ ст. 87 основныхъ законовъ. — Процессъ „Рѣчи“ (стр. 311).—Апрѣль.—Введеніе городского самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ. — Записка главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ.—Необходимость дополненія правилъ 2-го февраля о землевладѣніи иностранныхъ подданныхъ и выходцевъ. — В. И. Яковенко † (стр. 338).—Май.—Бесѣда генералъ-губернатора Галиціи съ представителями печати.—Традиціи прошлаго.—Академія наукъ и реакціонная печать.—В. О. Люстихъ и Г. К. Градовскій † (стр. 389). Іюнь—Политическія метаморфозы.—Просвѣты въ будущее.—Циркуляръ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ.—Проектъ университетскаго устава.—Бесѣда о печати.—Неожиданный голосъ правды.— . . . . . .—Post scriptum.—(стр. 334).—Іюль.—Высочайшій рескриптъ 14 го іюня.—Задачи предстоящей сессіи.—Государственная Дума и органы мѣстнаго самоуправленія.—Бесѣда управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ представителями печати.—Совѣщаніе по польскому вопросу.—Вопросъ о приходѣ.—„Рабочія руки“.—Кончина великаго князя Константина Константиновича (стр. 348). — Августъ.—Ушедшіе и пришедшіе министры.—Можетъ ли министерство считаться обновленнымъ? — „Правые“ въ Госуд. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ.—Вопросы національный и конституціонный въ формулѣ перехода, принятой Думою.—Значеніе рѣчей, произнесенныхъ въ засѣданіяхъ 19-го и 20-го іюля.—Выборы предсѣдателей думскихъ комиссій. — Необходимость длительной законодательной сессіи (стр. 344). — Сентябрь.—Существуетъ ли на самомъ дѣлѣ „пораженчество“?—Совершилось ли „обновленіе“ министерства? —Московскія резолюціи.—Что можетъ сдѣлать Государственная Дума? —Настроенія въ Государственномъ Совѣтѣ.—Ѳ. Ѳ. Арнольдъ, Л. И. Лутугинъ и П. С. Коссовичъ. — Программа прогрессивнаго блока (стр. 350).—Октябрь.—Переломъ въ общественномъ настроеніи.—Прогрессивный блокъ и его программа.—Выборы въ Государственный Совѣтъ.—Декларація правыхъ партій. —Условія довѣрія къ правительству.—П. Н. Дурново, В. И. Колюбакинъ и В. И. Покровскій † (стр. 361).—Ноябрь.—Десятая годовщина манифеста 17-го октября.—Крайніе правые, просто правые и министерство.—Крылатое слово о „внутреннихъ врагахъ“. — Замѣчательное воззваніе.—Административная ссылка.—Двѣ категоріи партій.—Субсидированная печать.—Письмо г. Струкова.—Дворянскіе выборы въ

Гос. Совѣтъ.—Недолговѣчные министры.—Послѣднія перемѣны въ составѣ кабинета (стр. 358).—Декабрь.—Общій характеръ преобразованнаго кабинета.—Съѣздъ „монархистовъ", его полемика съ прогрессивнымъ блокомъ, его общая картина.—Отсрочка законодательной сессіи.—Новые министры (стр. 346).

II. Вопросы внутренней жизни. В. Д. Кузьмина-Караваева.—Январь.—Двѣ половины минувшаго года.—Предположенія о реформѣ городского самоуправленія.—Разрядная система.—Проектируемое „разгруженіе" городскихъ думъ.—Общественное служеніе и стороннее управленіе.—Противозаконный арестъ губернаторомъ редактора газеты.—В. А. Племянниковъ, А. М. Рыкачевъ и П. А. Брюлловъ † (стр. 381).—Февраль.—Война и поступленія въ сберегательныя кассы.—Наслѣдство, принятое новымъ министромъ народнаго просвѣщенія.—„Холодное" отношеніе къ интересамъ провинціи.—За кулисами вѣдомства.—Вопросы адвокатуры.—Помощники присяжныхъ повѣренныхъ.—Не лишенные правъ безправные граждане.—Освобожденіе Петрограда отъ освѣтителей - концессіонеровъ.—Усердіе сверхъ разума и мѣры (стр. 350).—Мартъ.—Дѣло пяти соціалъ-демократовъ четвертой Думы.—Лишеніе непріятельскихъ подданныхъ права судебной защиты.—Право незаконнаго обогащенія.—Смыслъ дѣлъ о клеветѣ.—Объективная лживость и субъективная виновность.—Три рѣшенія одного судебнаго мѣста по одному и тому же дѣлу.—Еще о нелишенныхъ правахъ безправныхъ.—Князь В. Л. Геловани † (стр. 369).—Апрѣль.—Кончина гр. С. Ю. Витте.—Два съѣзда.—Семь мѣсяцевъ работы всероссійскаго земскаго союза.—Дороговизна предметовъ первой необходимости.—Упреки по адресу городского самоуправленія.—Дѣло В. А. Маклакова, Н. С. Егорова и П. Б. Струве.—Сообщеніе о раскрытомъ шпіонствѣ (стр. 375).—Май.—Смѣна въ теченіе шестнадцати лѣтъ девяти министровъ народнаго просвѣщенія.—Циркуляръ и законъ въ школьномъ дѣлѣ.—Циркуляръ Л. А. Кассо о жеребьевкѣ евреевъ.—Совѣщаніе о реформѣ средней школы.—Совмѣстительство званія члена Госуд. Совѣта по выборамъ съ должностью на государственной службѣ.—Изъ кассаціонной практики сената,—А. А. Стаховичъ † (стр. 403).—Іюнь.—Долго ли должна и можетъ продолжаться война?—Война и система льготъ по воинской повинности.—Изъ дѣятельности земскаго союза въ Галиціи.—Новые листья въ вѣнкѣ русской женщины.—Очередная клевета на Финляндію (стр. 350).—Іюль.—Объединенное министерство и министры.—Увольненіе Н. А. Маклакова.—Князь Н. Б. Щербатовъ о своемъ земско-общественномъ прошломъ.—Мобилизація промышленности и общественныхъ силъ.—Погромъ въ Москвѣ.—А. Н. Жданъ-Пушкинъ † (стр. 375).—Августъ.—Первый день сессіи Госуд. Думы.—Различные отвѣты на общій всѣмъ вопросъ: какъ организовать побѣду?—Законопроектъ о призывѣ ратниковъ второго разряда.—Итоги девяти лѣтъ управленія вѣдомствомъ суда И. Г. Щегловитовымъ.—„Мастеръ и артистъ своей служебной техники".—Отмѣна циркуляра и жеребьевки евреевъ (стр. 364).—Сентябрь.—Вопросы: нѣмецкій, еврейскій и русскій.—Рѣчи г.г. Хвостова, Дзюбинскаго и кн. Щербатова.—Факты и справки изъ прошлаго.—Положеніе въ Думѣ прибалтійскихъ бароновъ.—Отвѣтственность по проекту закона о военной цензурѣ.—Легче ли станетъ положеніе печати?—Невѣрное извѣщеніе о смерти А. Н. Жданъ-Пушкина (стр. 370).—Октябрь.—Земскій и городской съѣзды 7—9 сентября.—Законъ объ обезпеченіи участи бѣженцевъ.—Новое „высшее государственное установленіе".—Помощь бѣженцамъ и земскій и городской союзы.—Отсрочки для окончанія образованія въ мирное время и во время войны.—„Люди иныхъ принциповъ".—К. Г. Маковскій † (стр. 372).—Ноябрь.—Десятилѣтіе манифеста 17 октября.—Власть сильная и власть „виноватая".—Слова и первые шаги новаго управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Упреки по адресу земскаго и городского союзовъ.—Экономныя и неэкономныя траты на войнѣ.—Борьба съ дороговизной.—Въ чемъ коренятся ея непосредственныя и внутреннія причины? (стр. 371).—Декабрь.—Лозунгъ и все для войны и внутреннія реформы.—Необходимые предѣлы расширенія земскаго и городского избирательнаго пра-

ва. — Самостоятельность органовъ самоуправленія.—Завершеніе организаціи мѣстнаго самоуправленія сверху и снизу.—Земскій и городской союзъ и дѣло помощи бѣженцамъ.—Ф. Ф. Эрисманъ, Б. Б. Ломтатидзе, Л. К. Дымша и С. Г. Бередниковъ † (стр. 373).

III. Иностранное обозрѣніе. Январь.—Событія истекшаго года.—Дипломатическая переписка и война.—Австро-германская политика и ея результаты.—Положеніе нейтральныхъ государствъ и перспективы ближайшаго будущаго (стр. 351).—Февраль.—Австрійская дипломатія и графъ Берхтольдъ.—Политика нейтралитета въ Италіи и Румыніи.—Отношеніе Болгаріи къ Россіи.—Англо-американскіе споры. — Германскіе способы борьбы противъ Англіи (стр. 328).—Мартъ.—Вопросъ о вѣроятной судьбѣ Константинополя.—Газетныя разсужденія и парламентскій отвѣтъ сэра Эдуарда Грея. — Возможны ли разногласія между союзниками изъ-за Константинополя?—Оффиціальная полемика по вопросамъ морской войны и морского разбоя.—Политика нейтралитета Италіи и Греціи (стр. 346).—Апрѣль.—Общее политическое положеніе въ Европѣ.—Рѣчи министровъ.—Пренія въ германскомъ парламентѣ.—Патріотическія похвальбы и лживыя оффиціальныя увѣренія.—Стоимость войны.—Звѣрства на морѣ и Соединенные Штаты (стр. 347).—Май.—Политика нейтральныхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ.—Вопросъ о вмѣшательствѣ Италіи въ войну. — Дипломатическіе споры между Германіею и Соединенными Штатами.—Политическія перспективы въ Европѣ (стр. 367).—Іюнь. — Разрывъ Италіи съ Германіею и Австро-Венгріею.—Послѣднія австро-германскія предложенія.—Парламентскія рѣчи и воинственныя демонстраціи въ Италіи.—Новое коалиціонное министерство въ Англіи.—Германія и ея правительственный аппаратъ (стр. 323).—Іюль.—Политическія колебанія, въ зависимости отъ хода событій.—Ошибки нейтральныхъ государствъ.—Политика Румыніи, Греціи и Болгаріи.—Отношенія съ Швеціей.—Сдержанные дипломатическіе протесты Соединенныхъ Штатовъ.—Настроеніе въ Англіи и Франціи.—Общія перспективы (стр. 337).—Августъ. — Годовщина объявленія войны.—Общее международное положеніе.—Рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ въ Государственной Думѣ.—Объединеніе партій въ воюющихъ странахъ и соціалъ-демократія. — Продолженіе полемики между Германіей и Соед. Штатами (стр. 336).—Ноябрь.—Неопредѣленныя ожиданія и противорѣчія въ общемъ ходѣ событій.—Дипломатія на Балканахъ.—Выступленіе Болгаріи и политика державъ „согласія".—Колебанія Греціи и Румыніи.—Военныя приготовленія и парламентскія рѣчи въ Англіи и Франціи (стр. 346).—Декабрь.—Министерскія программы во Франціи и Англіи.—Британскій оптимизма и реальный ходъ событій.—Италія и нейтральныя страны.—Событія въ Персіи и въ Месопотаміи.—Нѣмецкія мечты о мирѣ.—Рѣчь германскаго канцлера (стр. 358).

IV. Литературное обозрѣніе. Январь.—Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ XI. Исторія Пугачевскаго бунта.—Ч. В—скаго.—Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова.—Ч. В—скаго.—„Педагогическій сборникъ за пятьдесятъ лѣтъ". 1864 — 1914. Краткій историческій очеркъ. Составилъ И. С. Симоновъ.—К. К.—Атласъ Азіатской Россіи.—(Азіатская Россія. Т. I. Люди и порядки за Ураломъ) (Земля и хозяйство). Изданіе переселенческаго управленія главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. — К.—Старинные люди у холоднаго океана.—В. М. Зензиновъ.—А. Т.—Евгеній Ефимовъ. Природа преступленія. Естественно-научная теорія преступленія. Методологическое изслѣдованіе.—Ал. Маклецова.—Д-ръ Otto Rank и д-ръ Hanns Sachs. Значеніе психоанализа въ наукахъ о духѣ. Авторизованный переводъ д-ра М. Кобылинской.—L. Heroch. Le juif errant d'aujourd'hui: étude sur l'émigration de l'Europe orientale aux Etats-Unis de l'Amérique du Nord.—Б.—Л. П. Кочеткова, Вымираніе мужского пола въ мірѣ растеній, животныхъ и людей.—В. Б.—Д-ръ И. В. Сажинъ. Алкоголизмъ въ арміи и мѣры борьбы съ нимъ. Его же. Вліяніе спиртныхъ напитковъ на нервную систему. Его же изданія И. Горбунова-Посадова „Борьба съ пьянствомъ"; умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ или полное воздержаніе

отъ нихъ. Наиболѣе распространенныя причины алкоголизма и необходимость борьбы съ ними. О вліяніи спиртныхъ напитковъ на растущій организмъ. — Правда о пивѣ и виноградныхъ винахъ.—В. Б—ъ.—Джорджъ Холіокъ. Исторія рочдэльскихъ піонеровъ. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія С. Цедербаума, подъ редакціей В. Ѳ. Тотоміанца.—Обзоръ кустарныхъ промысловъ Московской губерніи за 1912—13 гг. (стр. 409).—Февраль.—„Вѣнокъ М. Ю. Лермонтову", Юбилейный сборникъ.—Александръ Закржевскій. Лермонтовъ и современность.—Ч. В—скаго.—Алкей и Сафо. (Собраніе пѣсенъ и лирическихъ отрывковъ въ переводѣ Вячеслава Иванова).—В. Вересаева.—В. Евгеньевъ. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Сборникъ статей и матеріаловъ.—Ч. В—скаго.—Земля. Сборникъ пятнадцатый.—Е. Колтоновской (стр. 387). Мартъ.—В. Г. Короленко. Полное собраніе сочиненій. Приложеніе къ „Нивѣ" за 1914 г.—Ч. В—скаго.—Проф. Е. Пѣтуховъ. М. Ю. Лермонтовъ. Очеркъ его жизни и поэтической дѣятельности.—Н. Кашина. — Записки жены декабриста И. Е. Анненковой (Pauline Gueble).—Ч. В—скаго.—Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ общей редакціей проф. Б. А. Тураева. Выпускъ I. И. М. Волковъ. Законы вавилонскаго царя Хаммураби.—Б. П. Иванова.— Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Т. I. Созданіе имперіи. Пер. А. Захарова.—Ч. В — скаго. — 1873 — 1913. Николаю Ивановичу Карѣеву ученики и товарищи по научной работѣ.—V.—Русскій бытъ по воспоминаніямъ современниковъ XVIII вѣка. Сборникъ записокъ, воспоминаній и писемъ, составленный П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ.—А. Т.—Ванъ-Канъ. Экономическіе факторы преступности. Перев. подъ ред. проф. С. Познышева. Изд. Лемана.—Питирима Сорокина.—Проф. Л. I. Петражицкій. „О женскомъ равноправіи".— Е. Яновскаго.—С. О. Загорскій. Синдикаты и тресты.—П. Кованько. Реформа 19 февраля 1861 года и ея послѣдствія съ финансовой точки зрѣнія.—Б. В.—В. Пятницкій. Тематическій разборъ оперы „Сказаніе о невидимомъ градѣ Китежѣ и дѣвѣ Февроніи" Н. А. Римскаго-Корсакова съ 96 нотными примѣрами.—Виктора Вальтера. — Юлій Гессенъ. Исторія евреевъ въ Россіи.—В. В. (стр. 406). Апрѣль.—Исторія русскаго театра. Подъ редакціей В. В. Калаша и Н. Е. Эфроса. К-во „Объединеніе". Томъ I.—Собраніе сочиненій Аполлона Григорьева, подъ редакціей В. Ф. Саводника. Выпускъ I. Автобіографія. Изд. бр. Башмаковыхъ.—Письма И. С. Тургенева къ графинѣ Е. Е. Ламбертъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями.—Ч. В—скаго.—Письма А. П. Чехова. Томъ V. К-во писателей.—Е. Колтоновской.—А. Н. Иванчинъ-Писаревъ. Изъ воспоминаній о хожденіи въ народъ.—М. М. Винаверъ. Іосифъ Ивановичъ Карницкій.—А. К.—М. Богдановичъ. Червонная Русь. Н. М. Лаговъ. Галичина. Проф. Н. В. Ястребовъ. Галиція наканунѣ великой войны 1914 г. Галичина, Буковина, Угорская Русь. Составлено сотрудниками журнала „Украинская Жизнь".—М. Славинскаго.—I. Зонтагъ. Германія передъ катастрофой. Перев. съ нѣмецкаго Е. Пашуканиса.—Князь фонъ Бюловъ. Внѣшняя политика Германіи. Переводъ подъ ред. и съ пред. прив.-доц. П. Бицилли.—Воюющая Германія.—Р. Стрѣльцова.—Проф. Д. М. Петрушевскій. „Великая Хартія Вольностей и конституціонная борьба въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ XIII в.". Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.—Ю. Иванова.—Н. С. Тимашевъ. Условное осужденіе.—Питирима Сорокина.—Д-ръ Н. А. Вигдорчикъ. Жертвы „мирнаго труда", (О несчастныхъ случаяхъ при фабричной работѣ).—Н. Сума.—Проф. Людвигъ Гурлиттъ. Проблемы единой школы. Переводъ съ нѣмецкаго М. И. Литвиной, подъ ред. С. А. Левитана (стр. 406). Май.—День печати. Кличъ. Сборникъ на помощь жертвамъ войны. Подъ редакціей И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова. Художественный отдѣлъ подъ наблюденіемъ А. М. Васнецова и В. В. Переплетчикова.—Н. Кашина.—Русскіе пропилеи. Томъ I. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Москва, изд. М. и С. Сабашниковыхъ.—Ч. Вѣтринскаго. — Французскіе лирики XVIII вѣка. Сборникъ переводовъ, составленный I. М. Брюсовой, подъ редакціей и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. Москва. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова.—Паула Зорева.—Stephen Graham. Russia and the

World (Россія и міръ).—Р. (стр. 435). Іюнь.—Тургеневскій кружокъ, подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова. Тургеневскій сборникъ. Кн-во „Огни".—Ч. В—скаго—Мемуары графини Потоцкой. (1794—1820). Перев. съ франц. А. Н. Кудрявцевой. К во „Прометей".—Р. Стрѣльцова.—Сочиненія Константина Сергѣевича Аксакова. Ред. и примѣчанія К. А. Ляцкаго. Томъ I.—Н. Кашина.—А. А. Корниловъ. Молодые годы Михаила Бакунина. Изъ исторіи русскаго романтизма.—А. Т.—А. Л. Лоуэлль. „Государственный строй Англіи", т. I, переводъ, ред. Ѳ. Кокошкина.—Б. Шацкаго.—Баронъ Б. Э. Нольде. Внѣшняя политика. Историческіе очерки 1915 г.—Максима Ковалевскаго.—Проф. А. А. Жижиленко. Наказаніе. Его понятіе и отличіе отъ другихъ правоохранительныхъ средствъ.—Питирима Сорокина.—П. Ѳ. Каптеревъ. — Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели. Изданіе второе дополненное.—В. В. - С. П. Покровскій. Всеобщая исторія права и ея значеніе въ системѣ юридическаго образованія. — Б. П. Иванова.—Сборникъ статей въ честь В. П. Бузескула. XXI томъ. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.—Восточный сборникъ въ честь А. Н. Веселовскаго. Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ институтъ вост. языковъ. Выпускъ XIII—Ч. В-скаго.—С. А. Павловичъ. Простѣйшія работы по изготовленію зоологичеекихъ и ботаническихъ коллекцій въ школѣ и дома.—Краткое практическое руководство для начинающихъ натуралистовъ и пособіе для руководителей занятіями по естествознанію и ручному труду. Изд. „Жизнь и Знаніе".—Н. Сума.—В. Мольденгауеръ Въ хвойномъ лѣсу. Разсказы молодого натуралиста. Съ 37 рис. худ. О. Клевера.—Онъ же. Въ лиственномъ лѣсу.—Н. С.—М. Г. Диканскій. Постройка городовъ, ихъ планъ и красота.—Подворная перепись крестьянскихъ хозяйствъ Самарской губ. Ставропольскій уѣздъ. Выпускъ I.—В. В.—Norman Anheli. Prussianism and its Destruction. London.—Р. Б. (стр. 339). Іюль.—Баронъ Д. Г. Гинцбургъ. О русскомъ стихосложеніи. Опытъ изслѣдованія ритмическаго строя стихотвореній Лермонтова. Посмертное изданіе, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. М. Князева. — Ѳ. Батюшкова. — Невскій Альманахъ. Жертвамъ войны.—Писатели и художники.—Н. Кашина.—М. Моравская.—Стихи о войнѣ. II. Изд. М. И. Семенова.—Е. Колтоновской.—О. А. Добіашъ-Рождественская. Церковное общество Франціи въ XIII-мъ вѣкѣ. Часть I. Приходъ.—Н. Карѣева.—Я. Л. Барсковъ. Переписка московскихъ масоновъ XVIII-го вѣка 1780—1792. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.—Н. Пиксанова. — М. Гершензонъ. Декабристъ Кривцовъ и его братья. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ.—Н. Лернера.—В. Вагнеръ. Біопсихологія. Нивыя идеи въ біологіи. Сборн. № 6. Изд. Образованіе.—Питирима Сорокина.—Р. Штейнметцъ. Философія войны. Изд. Образованія. -Питирима Сорокина.—С. Т. Семеновъ. Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ.—А. Т.—И. Мечниковъ. Основатели современной медицины. Пастеръ—Листеръ—Кохъ.—В. Б—ъ.—Проф. Л. А. Тарасевичъ. Медико-санитарные очерки. Заразныя болѣзни. Сыпной и возвратный тифы, оспа, желудочно-кишечныя инфекціи.—В. Б—ъ.—Статистическій Ежегодникъ на 1914 г. Подъ ред. В. И. Шараго.—В. В. (стр. 400). Августъ.—Статьи по новой русской литературѣ академика Н. П. Дашкевича. Сборникъ отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Ак. наукъ. Томъ 92-й.—Ч В—скаго.—Проф. В. Бузескулъ. Современная Германія и нѣмецкая историческая наука XIX-го столѣтія.—В. Б.—А. К. Дживелеговъ. Александръ I и Наполеонъ. Историческіе очерки. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ.—Ч. В—скаго.—Аполлонъ Григорьевъ. Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Съ послѣсловіемъ и примѣчаніями Павла Сухотина. Кн—во К. Ф. Некрасова.—Ч. В—скаго.—Инженеръ И. М. Козьминыхъ-Ланинъ. Нѣсколько сравнительныхъ таблицъ къ моимъ изслѣдованіямъ объ артельномъ харчеваніи фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губ. —Его же: Артельное харчеваніе фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губ. Съ предисловіемъ П. А. Вихляева.—В. В.—Н. и Е. Ельмановы. У насъ свой садикъ. Разсказы для младшаго возраста. Съ 48 рис.—О. Шмейль. Животныя. Основы ученія о жизни и строеніи животныхъ.—Н. Сума.—А. А. Кроликъ. „Идеи законодательнаго творчества и закономѣрнаго развитія права въ новѣй

шей юриспруденціи".—Е. Яновскаго—Н. А. Рубакинъ. Практика самообразованія среди книгъ и читателей.—А. Т.—La population de la Turquie et de la Bulgarie au XVIII-e et XIX-e s. Recherches bibliographico-statistiques par le D-r Nicolas V. Michoff avec une préface en français. Изданіе Болгарской Академіи наукъ („Сборникъ на Бѣлгарската Академия на науки-тѣ", книга IV. Клонъ историко-филологиченъ и философско-общественъ, 3).—Влад. Викторова-Топорова (стр. 407). Сентябрь.—Записки Сергѣя Михайловича Соловьева. Мои записки для дѣтей моихъ, а если можно, и для другихъ. К-во „Прометей" Н. Н. Михайлова.—Ч. В—скаго.—В. И. Масловъ.—Начальный періодъ байронизма въ Россіи. Критико-біографическій очеркъ.—П Филипповича.—Ромэнъ Роланъ. Жизнь Толстого. Переводъ съ французскаго І. Гольденберга. Изданіе М. И. Семенова.—К. Дубровскій. Рожденные въ странѣ изгнанія.—Ч. В—скаго.—К. П. Ягодовскій. Въ странѣ полуночнаго солнца. Воспоминанія о Мурманской экспедиціи.—Н. Сума.—А. М. Кулишеръ. „Автономія Ирландіи".—Бориса Ш. Пинкевичъ-Аржановъ—Ягодовскій. Учебникъ естествовѣдѣнія для учительскихъ институтовъ и семинарій. Часть вторая. Ботаника. Составилъ С. П. Аржановъ.—Н. Сума. (стр. 388). Октябрь.—Владиміръ Соловьевъ. Стихотворенія. Изданіе 6-е, Сергѣя Соловьева.—Воспоминанія Александры Владиміровны Щепкиной.—Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ общей редакціей проф. Б. А. Тураева. Вып. 2. И. М. Волковъ. Арамейскіе документы іудейской колоніи на Элефантинѣ V вѣка до Р. Х..—Поль Лакомбъ. Присвоеніе земли. Къ вопросу о переходѣ коллективной собственности въ частную собственность. Авторизованный переводъ съ французскаго А. Баулеръ.—Б. П. Иванова.—В. В. Лесевичъ. Собраніе сочиненій. Т. І. Статьи по философіи. Т. II. Статьи по философіи.—П. Юшкевича.—Вопросы теоріи и психологіи творчества, т. VI, вып. І. Исторія и теорія эстетики.—Питирима Сорокина.—Новое строительство мелкой промышленности и всемірная война. Очеркъ М. Слобожанина.—В. В. (стр. 389). Ноябрь.—Сборникъ памяти Анны Павловны Философовой. Томъ первый. А. В. Тыркова. Анна Павловна Философова и ея время. Томъ второй. Статьи и матеріалы.—Ч. Вѣтринскаго.—David Lloyd George. Through Terror to Triumph.—Р. Б.—Н. В. Петрова. І. Изъ дневника народной учительницы. II. Дѣти-сироты.—В. В.—Б. С. Грейденбергъ. Судебно-психіатрическая экспертиза въ уголовномъ процессѣ. — Ал. Маклецова. — Проф. М. Хвостовъ. Развитіе формъ промышленности въ древнемъ мірѣ.—Б. П. Иванова.—С. П. Аржановъ. Методика начальнаго курса географіи. Для народныхъ учителей, учительскихъ курсовъ, институтовъ и семинарій, и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и епархіальныхъ училищъ.—Н. Сума.—Семенъ Масловъ. Крестьянское хозяйство. Очерки экономіи мелкаго земледѣлія. Второе переработанное и дополненное изданіе.—В. В. Новожиловъ. Значеніе внѣшняго рынка для Германіи.—В. В. (стр. 415). Декабрь. — В. Саводникъ. Забытыя страницы И. С. Тургенева.—Старина и новизна.—Историческій сборникъ о-ва ревнителей русской исторіи просвѣщенія въ память Александра III. Книга XIX.—Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ ред. С. Мельгунова и П. Сидорова. Т. II.—Ч. В—аго. — Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1913 годъ.—В. Б—а.—Августъ Серментъ. „Вай".—А. Дермана (стр. 406).

V. Обзоръ военныхъ дѣйствій. А. Оглина (янв., 395; февр., 373; мартъ, 386; апр., 390; май, 425; іюнь, 365; іюль, 387; авг., 376; ноябрь, 398).

VI. Библіографическій листокъ (янв., 436; февр., 438; мартъ, 428; апр., 431; май, 444; іюнь, 426; іюль, 423; авг., 421; сент., 406; окт., 408: нояб., 433; дек., 417).

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

Открыта подписка на 1916 г.

НА НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛѢТОПИСЬ“

издаваемый при ближайшемъ участіи

М. ГОРЬКАГО.

Первая книга выйдетъ въ началѣ декабря 1915 года.

Журналъ будетъ выходить въ Петроградѣ, въ размѣрѣ 20—25 печ. листовъ.

Въ теченіе 1916 г. въ журналѣ будутъ напечатаны впервые:

Л. Н. ТОЛСТОЙ—Дневники (въ извлеченіяхъ). *Дневники* печатаются съ согласія В. Г. Черткова, подъ редакціей А. М. Хирьякова.

М. ГОРЬКІЙ—„Въ Людяхъ“ полностью (продолженіе *„Дѣтства“*).

СОДЕРЖАНІЕ ДЕКАБРЬСКОЙ КНИЖКИ:

Бунинъ, Ив. Стихотворенія: Слово. Поэту. Шестикрылый. **Горькій, М.** Воспоминанія. Очерки. **Вольновъ, Ив.** Круги жизни. **Замираловъ, А.** Кира. Разсказъ. **Герасимовъ, М.** Стихотворенія: Ночной бой. Аргона. Шампань. Весна. **Мартинесъ Сьерра.** Приключеніе. **Пьеръ Милль.** Въ одинъ прекрасный вечеръ. Воръ. Обыкновенная исторія. Ежегодникъ. **Генрихъ Гейне.** Послѣсловіе къ „Романцеро“. **Іоганнесъ Линнанкоски.** Человѣкъ древняго Рима. **Эйно Лейно.** Илерми. **Горькій, М.** Двѣ души. **Базаровъ, В.** Единство культуры и націонализмъ. **Пинкевичъ, А.** Писаревъ и естествознаніе. **Зеземанъ, Г.** Война и наша валюта. **Плуталовъ, В.** Дорожные разговоры. **Иностранная жизнь. Волгинъ, В.**—Подъ знакомъ „балканскаго вопроса“. **А. Лозовскій.**—Литература о будущемъ мирѣ. **Мих. Павловичъ.**—Румынія въ международномъ конфликтѣ. **В. Керженцевъ.**—Англійскія настроенія. **Хайдманъ, Г.**—Кромвелизмъ безъ Кромвеля. **Сухановъ, Ник.** Наши настроенія. **Литература** и **Искусство. Хирьяковъ, А.** Въ лабораторіи творчества **Л. Н. Толстого. Авраамовъ, Арс.**—Скрябинъ. **Левинсонъ, А.** Судьба картины. Внутреннее обозрѣніе. **Несторъ.**—Прогрессивный блокъ и бюрократія. **Никитскій, А.**—Бюджетъ 1916 года и наши финансы. **Шаскольскій, П.**—Евреи въ высшей школѣ. **Петровъ, М.**—Дѣла муниципальныя. **Сергіевъ, Н.**—Дѣла церковныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (съ 1 января 1916 г.)—**12** руб.; на полгода—**6** руб., на 3 мѣс.—**3** руб.; на 1 мѣс.—1 р.

Кооперативамъ, профессіональнымъ союзамъ, больничнымъ кассамъ, народнымъ библіотекамъ и др. культурнымъ и просвѣтительнымъ обществамъ допускается скидка:

на годъ вмѣсто **12** руб.—**10** руб., на полгода—**5** руб.

Допускается разсрочка платежа, при условіи подписки черезъ контору **„Лѣтописи“**: при подпискѣ **4** руб., къ 1-му апрѣля **3** руб. и къ 1 му іюля **3** руб.

Годовымъ подписчикамъ декабрьская книга высылается безплатно. Всѣмъ остальнымъ лицамъ—за одинъ рубль.

Цѣна книги въ розничной продажѣ 1 руб. 25 коп.

Подписка принимается: въ **главной конторѣ журнала** и кромѣ того

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ: въ кн. маг. Яснаго (Невскій, 66) Сытина, (Невскій, 68), Вольфа (Гостиный Дворъ, 18) и Карбасникова (Гост. Дворъ, 19).

ВЪ МОСКВѢ: въ кн. маг. „Наука“ (Б. Никитская, 10) и въ конт. Печковской, въ кн. магаз. „Русское Слово“ (Тверская, 48). Въ большихъ провинціальныхъ городахъ въ кн. маг. Сытина и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦІИ:

Петроградъ, Б. Монетная ул., 18, тел. 108-91.

Издатель *А. Н. Тихоновъ.* Редакторъ *А. Ѳ. Радзишевскій.*